P. o. russ. 81 q / 1891

120
P. o. russ. 817 (1891

СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

на 1891 годъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К⁰**,
Пименовская улица, собственный домъ.
1891.

101 H

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgl/80/6453

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Законы Дружескаго литературнаго общества 1
Восемь писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю. Сообщ. **Я. К. Гротъ** . . . 15
Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный Н. В. Гоголемъ 24
Коляска, повѣсть Н. В. Гоголя (въ первоначальномъ видѣ) 55
Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. П. Толстому. Сообщ. **Я. К. Гротъ** . . 67
Изъ писемъ И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу (по поводу печатанія „Нови" въ 1876 году). Сообщ. **М. М. Стасюлевичъ** 69
Двѣ сцены изъ трагедіи Шекспира: „Антоній и Клеопатра", въ переводѣ **А. Н. Островскаго** 77
Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ г. Е... 83
Письмо Попечителя Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьева къ студенту Р. Ѳ. Тимковскому 85
Отзывъ профессора **Ѳ. И. Буслаева** о программѣ русскаго языка и словесности, составленной учителями гимназій Московскаго учебнаго округа на съѣздѣ 1866 г. въ Москвѣ 87
Монологъ Гамлета. Пер. **С. А. Юрьева** 97
Мысли священника при возношеніи Святаго Агнца (изъ Лопе де Веги). Пер. **С. А. Юрьева** 99
Замѣтка о Словарѣ, составленномъ Н. В. Гоголемъ. **Н. С. Тихонравова** . . . 101
Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго 109
Возрожденіе Общества Любителей Россійской Словесности въ 1858 году. Рѣчь **Н. П. Гилярова-Платонова** 139
Стенька Разинъ. Двѣ картины изъ неоконченной піесы. **Н. А. Чаева** 153
Баймаганъ, киргизская сказка. **Д. А. Мамина** 182
Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и проч., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. **А. Н. Пыпина** 194
О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ Бакунинымъ. **В. А. Гольцева** 277
Послѣдняя депеша. **П. Д. Боборыкина** 283
Лихоимецъ. Разсказъ. **К. Розиной** 293
Аѳанасій. Разсказъ. **Л. Н.** 304
Царь Іоаннъ четвертый. Хроника въ пяти дѣйствіяхъ. **Кн. А. И. Сумбагова**. 315
Дмитрій Калининъ. Драматическая повѣсть въ пяти картинахъ. **В. Г. Бѣлинскаго**. 437
Письма А. С. Грибоѣдова къ Н. А. Каховскому 534
Дополненія къ „Библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка. **А. Н. Пыпина** 541
Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ въ XVIII столѣтіи. **И. Е. Забѣлина**. 557

Законы дружескаго литературнаго общества *).

Цѣль.

I.

Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ трогать и убѣждать другихъ словестностію, мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ Добродѣтели и Истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша должность; мы всѣ льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнной талантъ.— Да будетъ же сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій.

Предметъ.

II.

Очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно:—вотъ достойный предметъ нашихъ упражненій!

Средства.

III.

Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно:

1-е. Особенно заняться Теоріею изящныхъ наукъ.—Она покажетъ

*) Общество, уставъ котораго появляется теперь въ печати, основано было В. А. Жуковскимъ. *Ср. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета*, II, стр. 57 и слѣд. *Шевырева, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи*, стр. 71. *М. А. Дмитріева, Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 180. Уставъ печатается съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

намъ мачтабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниной нитью въ Лаберинтѣ юродствующаго воображенія.

2-е. Разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ.

3-е. Можно иногда прочитывать какіе нибудь полезные книги и объ нихъ давать свой судъ.

4-е. Наконецъ трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ.

Всѣ сіи упражненія при взаимныхъ пособіяхъ будутъ имѣть сугубую пользу.

Порядокъ.

IV.

Общество будетъ состоять изъ малаго числа членовъ, дружествомъ соединенныхъ.

V.

Для принятія въ наше Общество непремѣнно должно, чтобъ которой нибудь изъ членовъ коротко зналъ пріемлемаго.—Въ выборѣ членовъ должно смотрѣть не только на то, готовъ ли онъ содѣйствовать къ предложенной цѣли, но особенно на его нравственной характеръ.

VI.

Вновь входящій членъ долженъ прежде написать просительное письмо; но это не касается до почетныхъ.

VII.

Засѣданіямъ быть однажды въ недѣлю по субботамъ въ пять часовъ.

VIII.

Всякой разъ долженъ чередной ораторъ читать рѣчь: выборъ матерій предоставляется дѣлать всякому члену для себя.

IX.

Члены обязаны всякой мѣсяцъ къ первому числу, особенно отъ рѣчей, приносить по піэсѣ.

X.

Сочинитель или переводчикъ при чтеніи своей піэсы лишается голоса, и отвѣчаетъ только тогда, когда требуютъ отъ него объясненія.—Онъ долженъ положиться на безпристрастіе своихъ товарищей.

XI.

По прочтеніи піэсы которой нибудь изъ членовъ можетъ взять ее на критику или на опроверженіе; иногда и двое или нѣсколько изъ членовъ могутъ критиковать или опровергать туже піэсу.

XII.

Критика касается до плана піэсы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ до гладкости, ясности и пріятности стиля, въ стихахъ до мѣры стиховъ, риѳмъ, гармоніи. Опроверженіе же касается до мыслей автора.

XIII.

Критики и опроверженія должно приносить въ слѣдующее засѣданіе, а опроверженіе философическихъ піэсъ черезъ двѣ недѣли непремѣнно и безъ всякихъ отговорокъ. По прочтеніи критики піэса отдается на поправленіе Автору или можно поправить ее и въ засѣданіи, естьли время позволитъ. Естьли же возвратится она автору на поправленіе, то онъ непремѣнно долженъ принесть ее въ слѣдующій разъ исправленную и тогда, естьли кто найдетъ въ ней еще недостатки, то можетъ опять ее взять на критику, слѣдуя показанному порядку.

XIV.

На опроверженіе авторъ можетъ дѣлать отвѣтъ, на отвѣтъ антагонистъ его можетъ опять писать опроверженіе и такъ далѣе. Но естьли президентъ замѣтитъ, что которой нибудь изъ противниковъ, или оба они, не приводя доказательствъ, будутъ только стараться поддерживать свои парадоксы и явно впадать въ противорѣчіе, то онъ съ согласія всѣхъ членовъ долженъ прекратить эти споры, которые не только безполезны, но даже могутъ быть вредны; они могутъ приучить насъ ложно умствовать.

XV.

Естьли критика будетъ недостаточна, то президентъ долженъ дать это на замѣчаніе члену, которой ее дѣлалъ, ибо это означаетъ нерадѣніе.

XVI.

Въ критикахъ и опроверженіяхъ можно позволить остроты, которыя, не будучи вредны, могутъ быть пріятны; но напротивъ должно изъ нихъ изгнать все грубое и обидное.

XVII.

Критики и опроверженія оставлять при дѣлахъ общества, потому что все то, что читано въ собраніи, должно ему принадлежать.

XVIII.

Каждый изъ членовъ можетъ предлагать задачи, или свои сомнѣнія о всякой вещи. На нихъ отвѣчаетъ одинъ членъ, или больше, смотря по важности вопроса.

О порядкѣ упражненій въ собраніяхъ.

XIX.

1-е. Какъ скоро соберутся члены въ назначенный часъ, то секретарь долженъ спросить у всякаго изъ нихъ, какую піэсу будетъ читать, и расположитъ ихъ чтеніе по нижеписанному порядку.

2-е. Секретарь прочтетъ протоколъ и члены подпишутъ его.

3-е. Чередной ораторъ прочтетъ рѣчь.

4-е. Философическія и политическія сочиненія.

5-е. Философическіе и политическіе переводы.

6-е. Беллетрическія сочиненія.

7-е. Беллетрическіе переводы.

8-е. Критика и опроверженіе философическихъ піэсъ.

9-е. Критика и опроверженіе беллетрическихъ піэсъ.

10-е. Предложенія.

11-е. Чтеніе лучшихъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ.

12-е. Президентъ назначаетъ мѣсто, куда собираться для будущаго засѣданія.

XX.

Естьли кто изъ членовъ не приѣдетъ къ началу собранія въ назначенное мѣсто, такого дожидаться не должно. Собраніе должно кончиться въ девять часовъ; но естьли оно не успѣетъ еще окончить своихъ упражненій, то не должно ихъ прерывать. Естьли же напротивъ нечѣмъ будетъ заняться до девяти часовъ, то не оканчивая засѣданія, можно заняться трактованіемъ какой нибудь философической матеріи.

XXI.

Собранія ни для какой причины не откладывать до другаго дня, потому что изъ того можетъ вытти замѣшательство.

XXII.

Естьли кто изъ членовъ не можетъ быть въ собраніи, то долженъ по утру въ субботу написать о томъ секретарю съ объявленіемъ причины, а секретарь долженъ прочесть это письмо въ собраніи. Естьли же членъ, которой не можетъ быть въ собраніи, назначенъ былъ череднымъ ораторомъ, то рѣчь свою долженъ прислать для прочтенія.

XXIII.

Невозможно ограничить причинъ, которыя могутъ побудить членовъ не быть въ собраніи; но предполагается, что никто не пожелаетъ воспользоваться симъ неограниченіемъ, и не употребитъ его во зло.

XXIV.

Естьли которой нибудь членъ опоздаетъ приѣхать въ собраніе, и естьли онъ имѣетъ что нибудь читать, то въ наказаніе долженъ читать свою піэсу послѣ всѣхъ упражненій.

XXV.

Въ засѣданіи должно наблюдать возможную благопристойность,— какъ въ такомъ мѣстѣ, которое посвящено музамъ и дружеству.

Должность президента.

XXVI.

Въ обществѣ долженъ быть президентъ, которой избирается по большинству голосовъ. Онъ имѣетъ законы собранія у себя и привозитъ ихъ всякой разъ въ засѣданіе.

XXVII.

Президентъ долженъ смотрѣть за наблюденіемъ законовъ и исполненіемъ ихъ.

XXVIII.

Онъ долженъ смотрѣть, чтобы при чтеніи піэсъ, предложеній и проч. сохраняемо было молчаніе.

XXIX.

Онъ долженъ собирать голоса въ разсужденіи предложеній; самъ онъ имѣетъ два голоса; но какъ скоро онъ дѣлаетъ предложеніе, то не имѣетъ ни одного. При собираніи голосовъ долженъ онъ спрашивать всякаго члена о причинахъ, которыя заставляютъ его соглашаться на предложеніе или отвергать его, и естьли эти причины покажутся ему несправедливыми, то онъ долженъ показать, что членъ ошибается. Членъ, дѣлающій предложеніе, не имѣетъ голоса.

XXX.

Естьли случатся какія нибудь споры вразсужденіи философическихъ матерій или предложеній, то президентъ долженъ наблюдать, чтобъ не болѣе, какъ двое изъ членовъ говорили вдругъ, ибо въ противномъ случаѣ порядокъ можетъ быть нарушенъ, и самыя эти пренія будутъ безполезны, потому что посреди всеобщаго крика члены не могутъ другъ друга понимать.

XXXI.

Естьли президентъ замѣтитъ, что которой нибудь изъ членовъ нарушаетъ порядокъ, то долженъ ему о томъ напоминать; естьли членъ не услышитъ его напоминанія, или не захочетъ его слышать, то президентъ можетъ повторить его два три раза; естьли и

то будетъ тщетно, то въ наказаніе лишаетъ его голоса въ предложеніяхъ, которыя будутъ дѣланы въ томъ засѣданіи, или, смотря по поступкамъ члена, можетъ распространять это наказаніе на два, на три засѣданія или болѣе. Естьли же которой нибудь изъ членовъ поступками своими или словами будетъ явно стараться нарушать порядокъ, то президентъ, по разсмотрѣніи, съ согласія всѣхъ членовъ, можетъ такого члена лишить навсегда голоса; и какъ такой членъ почти не нуженъ нашему обществу, то президентъ можетъ со временемъ попросить его оставить насъ въ покоѣ.

XXXII.

Президентъ долженъ наблюдать, чтобъ въ собраніяхъ члены не говорили ничего, что не касается до общества.

XXXIII.

Президентъ долженъ предъ всякимъ засѣданіемъ разсматривать протоколъ и естьли найдетъ, что въ немъ что нибудь упущено или не такъ написано, до долженъ сказать о томъ секретарю, которой обязанъ прибавить или перемѣнить.

XXXIV.

Президентъ избирается на три мѣсяцà; но естьли онъ самъ пожелаетъ оставить свою должность или естьли его слабость побудитъ членовъ его смѣнить, то должно избрать другаго.

Должность секретаря.

XXXV.

Секретарь избирается по большинству голосовъ и долженъ быть непремѣннымъ, естьли только онъ самъ не пожелаетъ сложить съ себя свое званіе.

XXXVI.

Секретарь долженъ изготовить ко всякому собранію протоколъ. Въ немъ записываетъ онъ все, что происходило въ собраніи, напр., кто открылъ его рѣчью, кто читалъ переводъ или сочиненіе; объ чемъ?—Содержаніе каждой піэсы получаетъ онъ отъ трудившагося и помѣщаетъ его также въ протоколѣ. Въ немъ записываетъ онъ

также предложенія членовъ и приняты или отвергнуты они. Протоколъ подписываютъ всѣ члены.

XXXVII.

Секретарь имѣетъ на своихъ рукахъ общественную библіотеку и всѣ бумаги общества. Онъ ведетъ переписку съ отсудствующими членами и вообще обо всемъ ихъ увѣдомляетъ.

XXXVIII.

Изъ всѣхъ сочиненій и переводовъ философическихъ, политическихъ и моральныхъ, особенно отъ протокола, долженъ онъ дѣлать экстрактъ. Экстрактъ изъ піэсъ, читанныхъ въ одномъ собраніи, долженъ онъ приносить въ слѣдующее; онъ долженъ прибавлять къ экстракту собственныя свои мысли. Всѣ эти экстракты должно вписывать въ особую книгу подъ именемъ *Записокъ*.

XXXIX.

Секретарь долженъ собирать протоколы и всякой годъ переплетать въ особую книгу.

Должность казначея.

XL.

Казначей избирается по большинству голосовъ и также долженъ быть непремѣннымъ.

XLI.

Всякіе три мѣсяца члены должны вносить въ общество положенное число денегъ. Эти деньги должны храниться у казначея, которой, употребляя ихъ на нужды общества, обязанъ держать имъ расходъ, представляя его на разсмотрѣніе членамъ черезъ три мѣсяца.

XLII.

Естьли какой нибудь членъ имѣетъ внезапную временную въ деньгахъ нужду, то онъ имѣетъ право просить ихъ у казначея, которой, по разсмотрѣніи назначивъ срокъ для заплаты оныхъ денегъ, долженъ ихъ ему дать.

XLIII.

Естьли секретарь имѣетъ нужду въ деньгахъ для покупки книгъ, бумаги и прочихъ надобностей общества, то онъ долженъ требовать деньги у казначея. Но казначей долженъ наблюдать, чтобъ всегда оставалось довольное количество денегъ въ запасѣ для непредвидѣнныхъ надобностей. Онъ долженъ требовать у секретаря отчетъ въ употребленіи данныхъ ему денегъ.

XLIV.

Деньги, которыя члены или кто нибудь посторонній будутъ вносить въ общество для бѣдныхъ, должны храниться у казначея особо отъ первой суммы, и онъ долженъ представлять членамъ всякіе три мѣсяца приходъ и расходъ этой суммы.

XLV.

Казначей можетъ по своему благоразсмотрѣнію подавать изъ этой суммы помощь бѣднымъ, наблюдая притомъ, чтобъ всегда оставались у него въ запасѣ деньги для другихъ нещастныхъ.

XLVI.

Естьли которой нибудь изъ членовъ потребуетъ у казначея денегъ для вспоможенія нещастнымъ, то казначей обязанъ ему дать ихъ, наблюдая вышеписанную осторожность.

XLVII.

Казначей и члены должны подавать помощь бѣднымъ съ разсмотрѣніемъ и остерегаться, чтобъ не подавать ее тѣмъ, которые ея недостойны, или которымъ деньги могутъ служить не къ пользѣ, а ко вреду. Сколько можно найти истинно нещастныхъ, естьли только мы будемъ умѣть ихъ находить.

О почетныхъ членахъ.

XLVIII.

Въ общество могутъ быть принимаемы почетными членами люди, которые были бы извѣстны всѣмъ членамъ и на скромность которыхъ можно бы было положиться.

XLIX.

Почетные члены могутъ не всякой разъ пріѣзжать въ собраніе, но когда пріѣзжаютъ, то имѣютъ особенныя отъ прочихъ членовъ мѣста. Они могутъ подавать въ собраніе переводы или сочиненія свои, и члены должны разсматривать піэсы ихъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и собственныя свои.

L.

Естьли какія нибудь обстоятельства побудятъ кого изъ членовъ вытти изъ общества, то онъ все остается его членомъ, но не дѣйствительнымъ, а почетнымъ.

LI.

Отъ почетныхъ членовъ можно также принимать деньги для нуждъ общества и для бѣдныхъ.

LII.

Почетные члены имѣютъ такія же права, какъ и дѣйствительные въ голосахъ и выборѣ.

О экстраординарныхъ собраніяхъ, или торжествахъ.

LIII.

Всякіе три мѣсяца должны быть экстраординарныя собранія, или торжества. Каждой изъ сихъ праздниковъ можетъ носить на себѣ особенное имя.—Иной посвящается отечеству, другой которой нибудь изъ добродѣтелей, третій наприм. поэзіи, четвертой благотворительности и пр. Они вселятъ въ насъ энтузіазмъ ко всему любезнѣйшему для сердецъ нашихъ.

LIV.

Отдается на волю членамъ написать къ торжеству что нибудь въ стихахъ или въ прозѣ, приличное къ той добродѣтели, которой оно посвящено. Одинъ изъ нихъ долженъ написать рѣчь вступительную, а другой заключительную.

LV.

Піэсы, читанныя въ торжествахъ, должны вписываться въ особую книгу.

LVI.

Стихи и прочія піэсы, читанныя въ торжествахъ, могутъ быть помѣщаемы въ изданіи, естьли окажутся къ тому годными.

LVII.

Ко всякому торжеству должно имѣть одну уже напечатанную часть изданія нашего, и одну вновь заготовленную и переписанную на бѣло.

LVIII.

Въ торжествахъ кромѣ чтенія сочиненій должно происходить избраніе президента, члены должны разсматривать приходы и расходы казначейскія, должны вносить деньги, назначенныя на нужды общества.

LIX.

Сіи торжества послужатъ дружескимъ эксаменомъ для всѣхъ насъ и для каждаго. Они будутъ возбуждать въ сердцахъ нашихъ новое поревнованіе, новый жаръ къ трудамъ!

LX.

Естьли обстоятельства потребуютъ, чтобъ сдѣлать кромѣ этихъ трехмѣсячныхъ другое экстраординарное собраніе, то президентъ долженъ о томъ дать знать всѣмъ членамъ за два дни. Эти собранія могутъ имѣть поводомъ выходъ какого нибудь члена изъ общества или принятіе новаго, нужныя предложенія и другія не предвиденныя случаи.

Какимъ образомъ въ отсутствіи всѣхъ членовъ продолжить наше заведѣніе.

LXI.

Естьли бы случилось, что по какимъ нибудь обстоятельствамъ всѣмъ или большой части членовъ должно было разстаться, въ

такомъ случаѣ общество наше не должно рушиться, но для сего должно:

LXII.

Выбрать по большинству голосовъ секретаря, которой долженъ хранить дѣла общества, вести переписку со всѣми членами и отвѣчать на всѣ ихъ письма.

LXIII.

Въ письмахъ должны какъ всѣ члены равно и секретарь наблюдать возможную скромность, въ осторожность отъ почты.

LXIV.

Секретарь долженъ имѣть у себя адресъ всѣхъ членовъ, также и всѣ члены должны имѣть адресъ секретаря и всякаго изъ нихъ.

LXV.

Члены обязаны всякіе три мѣсяца по одной піэсѣ присылать къ секретарю.

LXVI.

Секретарь долженъ ко всякому члену посылать по экземпляру піэсъ, имъ полученныхъ, требовать отъ всякаго изъ нихъ объ оныхъ мнѣнія или критики и могутъ ли онѣ быть помѣщены въ изданіи; собравъ всѣ эти мнѣнія, послать съ піэсою для поправленія къ автору; но получа исправленную піэсу, вписывать въ книгу.

LXVII.

Секретарь долженъ вести реэстръ входящихъ и выходящихъ бумагъ, какъ піэсъ, къ нему присланныхъ, равно и писемъ, имъ полученныхъ; имѣть книгу для вписыванія піэсъ, сохранять всѣ письма и дѣлать записки изъ сочиненій или переводовъ, которые для того покажутся ему способными, какъ и прежде было постановлено.

LXVIII.

Когда наберется для одной книжки изданія довольное число піэсъ, которыя по большинству голосовъ всѣхъ членовъ могутъ

быть въ него помѣщены, то секретарь долженъ прислать ихъ къ члену, который имѣетъ жительство въ Москвѣ или къ скромному и надежному корреспонденту, который будетъ стараться о напечатаніи.

LXIX.

Всякой годъ каждый изъ членовъ долженъ присылать къ секретарю по двадцати рублей на переписываніе піэсъ, на бумагу и на прочія надобности общества. По истеченіи года секретарь долженъ сообщать каждому члену расходъ изъ этой суммы.

LXX.

Деньги для бѣдныхъ, которыя кто нибудь будетъ вносить въ общество, должны также храниться у секретаря, который долженъ вести имъ особливой расходъ и также присылать его для свѣденія каждому изъ членовъ.

Вотъ главные законы, которые должны мы сохранять для общей нашей пользы!—Они важны и полезны;—но для такого уже общества, которое оживлено собственнымъ своимъ духомъ!—Какой это духъ?—Это тоже, что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно;—это тоже, что до сихъ поръ составляло радость и щастіе нашей молодости;—это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату; нѣжное доброжелательство къ пользамъ другаго!

Такъ!—Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ.—Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали;—пламя патріотизма потухнетъ въ уединенномъ сердцѣ земнаго страдальца,—и міръ не увидитъ восходящей зари великаго.—Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе—*великихъ*?—Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалою въ рукѣ низлетающее божество, единымъ взглядомъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія:—это дружество!

Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга; сладостные узы связали насъ почти всѣхъ

издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга:— гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Естьли не всякой изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, естьли не всякой можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи; то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго наши погрѣшности; его любовь говоритъ намъ: правда ли то или нѣтъ,—онъ желалъ намъ добра.

Такой духъ долженъ оживлять каждаго изъ членовъ. Въ противномъ случаѣ общество наше подобно будетъ мертвому растерзанному тѣлу. Этотъ духъ есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ законовъ! Онъ долженъ руководствовать насъ каждую минуту.— Общество наше—младенецъ въ колыбели.—Пусть же мирты и лавры обовьются вокругъ его колыбели! Пусть сей образующійся Геркулесъ младенческими руками разорветъ змѣй несогласія и раздора!

Не станемъ надѣяться на эти законы! Не будемъ думать, чтобъ довольно было ревностнаго ихъ исполненія! — Нѣтъ! Одинъ энтузіазмъ къ доброму, одна истинная любовь къ своимъ сочленамъ— вотъ все, что можетъ вдохнуть душу въ наши законы и заставить ихъ говорить не въ журналахъ, а въ нашей совѣсти!!—

1801, генваря 12. *М. Кайсаровъ.—В. Жуковскій.—Андрей Тургеневъ.—Александръ Воейковъ.—Александръ Тургеневъ.—Семенъ Родзянка.—А. Мерзляковъ.—А. Кайсаровъ.—А. Офросимовъ.*

Сообщилъ **Н. С. Тихонравовъ.**

Восемь писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю.

I.

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ. Не сердитесь на мое молчаніе; не толкуйте его криво и вѣрьте моей искренной къ вамъ дружбѣ съ письмами отъ меня и безъ писемъ. Еще я не послалъ къ вамъ критики на ваши „Души", потому что это работа большая, а я не скоро могу рѣшиться на длинное письмо. Вамъ же моя критика не такъ теперь необходимо нужна—книга уже напечатана. Вообще же мое мнѣніе о знакомыхъ мнѣ отрывкахъ вы знаете.

Но теперь не мѣсто говорить о мертвыхъ душахъ. Я взялъ перо, чтобы сказать вамъ о живой душѣ; порадуйтесь со мною: у меня за четыре дня предъ симъ родилась дочька. Рекомендую вамъ ее и прошу васъ ее полюбить заочно. Пусть будетъ пока для васъ довольно этаго извѣстія; оно стоитъ критики и вѣрно вамъ будетъ пріятно. Дружески васъ обнимаю.

Вашъ Жуковскій.

$^{2}/_{14}$ ноября 1842 г.
Дюссельдорфъ.

II.

Ну, Гоголекъ, хорошо, что вы, наконецъ, откликнулись; вѣдь ужь мнѣ начинало казаться, что вы обнаружили передо мною бытіе свое на минуту какимъ то безтѣлеснымъ фантомомъ, или призракомъ и что я вмѣсто васъ видѣлъ передъ собою нѣкоего, такъ сказать, изшедшаго изъ-за предѣловъ онаго міра духовнаго прихлебателя земныхъ отношеній. Слава Богу, что это не такъ, и что вы, искренно сказать, истинный Гоголь, то есть такой же человѣкъ, осязаемый руками и видимый глазами, какъ всѣ прочіе люди, обитающіе на землѣ, производящей множество злаковъ и добрыхъ цѣлебныхъ, и злыхъ ядовитыхъ. Я во Франкфуртѣ; главное дѣло сдѣ-

лано; то есть вся пакость, принадлежащая къ жизни человѣка безсмертнаго, созданнаго по образу и подобію Божію, столы, стулья, шкапы, перины, горшки, стаканы, стаканчики, ложки, плошки, шляпки и тряпки, все пріѣхало въ добромъ здоровьи и все лежитъ передо мною въ томъ видѣ, въ какомъ пребывалъ міръ до великаго слова: да будетъ свѣтъ! Поелику я не могу сказать такого слова, то и окружающій меня хаосъ можетъ продолжаться не день и не два, а, можетъ быть, и четырнадцать дней, или двѣ недѣли. И въ эти четырнадцать дней (въ которыя, по вашему мнѣнію, я долженъ быть въ нѣкоторомъ экзальтированномъ расположеніи духа) легко случится, что и пророкъ Даніилъ можетъ подъ часъ пріобрести или толчокъ въ заднія регіоны бытія своего или соотвѣтствующее сему толчку русское привѣтственное и поощрительное слово. Черезъ двѣ недѣли все вокругъ меня придетъ въ устройство и свѣтлый порядокъ, и самъ я просвѣтлѣю; но вотъ оказія: тѣмъ временемъ Императрица прибудетъ въ Берлинъ, и я долженъ буду поѣхать туда. Еще не знаю сроку ея прибытія, потому не могу опредѣлить ни сроку моего отбытія, ни продолженія моего Берлинобытія, ни вожделеннаго дня моего возврата. Все это послѣ уладимъ на письмѣ; вы же пока живите въ Баденѣ; тамъ хорошо: сторона Божія, народу для наблюденія довольно, уединеніе для работы есть, съ нимъ и свобода; а въ переди Франкфуртъ и работа наша совокупная. Это все хорошо. Я же теперь знаю, гдѣ васъ отыскать. Только не трогайтесь съ мѣста, а если тронетесь, дайте знать. Между тѣмъ вотъ вамъ извѣстіе о нѣкоемъ дѣлѣ, которое для васъ, конечно, не будетъ непріятно. Я былъ долженъ великому князю наслѣднику 4000 рублей. При отъѣздѣ его изъ Дармштата я сдѣлалъ ему предложеніе: „не благоугодно ли будетъ Вашему Высочеству, чтобъ я заплатилъ эти деньги не вамъ, а извѣстному вамъ русскому, весьма затѣйливому писателю господину Гоголю; такъ, чтобы бы (sic!) я ему сіи деньги платилъ въ годъ по тысячи рублей, начавъ съ будущаго генваря (понеже *вдругъ* сего сдѣлать не могу вслѣдствіе чахоточнаго состоянія мошны моей)?“—И Его Высочество на сей вопросъ мой изрекъ и словесное, и письменное *быть по сему*. Такимъ образомъ я состою вамъ долженъ четыре тысячи рублей, съ коими и пребываю

вашъ богомолецъ Жуковскій.

Жена и моя дочка также
вамъ кланяются.

(Адресъ письма: „A Monsieur Gogol à Baden-Baden Hôtel de Hollande“. Почтовый штемпель: „Frankfurt 25 Mai 1844“.)

III.

Милый Гоголекъ, вы безбожно и безчеловѣчно поступаете съ нами. Для чего не увѣдомляете вы насъ о себѣ? Что съ вами дѣлается? Какъ вы? Гдѣ вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова написать необходимо; и не написать ихъ грѣхъ. Мы объ васъ въ тревогѣ; и жена только о томъ и думаетъ, что съ вами дѣлается съ тѣхъ поръ, какъ проѣхалъ здѣсь Плещеевъ и сказалъ ей (я былъ въ Швальбахѣ въ это время), что вы бросили Карлсбадъ и отправились въ Гренфенбергъ. Но Богъ знаетъ, въ Гренфенбергѣ ли вы теперь или еще куда нибудь уѣхали. Какъ же не написать? Куда же я буду пересылать вамъ и письма и деньги?—На всякой случай, пишу теперь въ Гренфенбергъ. А васъ прошу отвѣчать немедленно. Да напишите два письма, то есть двѣ коротенькія записки, одну во Франкфуртъ, а другую въ Ниренбергъ poste restante. Я туда послѣ завтра ѣду на встрѣчу Императрицѣ. А отъ насъ вотъ какое предложеніе: возвращайтесь прямо къ намъ и поселитесь опять у насъ въ домѣ; вамъ съ вашею теперешнею слабостію разъѣзжать по свѣту не можно. Подлѣ насъ Коппъ (жаль, что вы его не послушались и въ Гастейнъ не поѣхали); да и въ моемъ домѣ, хотя вамъ часто бываетъ и пусто, вы будете посреди своихъ; о васъ будетъ дружеское сердечное попеченіе. Жена этого требуетъ отъ васъ съ величайшею о васъ заботою и вы не должны отказать ей въ ея просьбѣ. Прошу васъ скорѣе рѣшиться и къ намъ пріѣхать на житье. Не хотители, чтобы я къ вамъ прислалъ Даніила, чтобы онъ васъ проводилъ изъ Гренфенберга во Франкфуртъ? Однимъ словомъ, пріѣзжайте непремѣнно; у насъ ждетъ васъ пріютъ родной и вамъ у насъ будетъ спокойно и беззаботно. Отвѣчайте немедленно (въ двухъ экземплярахъ)

Жуковскій.

4 сентября.

(Это письмо относится къ 1845 году. Отвѣты на него см. въ *Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя*, изд. Кулиша, томъ VI, стр. 212. *Н. Т.*).

IV.

Любезнѣйшій Гоголекъ, наконецъ есть отъ васъ извѣстіе и довольно удовлетворительное. Слава Богу и благодарствуйте. Мы всею семьею радуемся тому, что вы наконецъ на мѣстѣ. Авось Римъ угомонитъ ваши нервы. Ему ли бы, кажется, съ нами не сладить,

ему, побѣдителю стольких народовъ? Помоги ему Богъ. У насъ все идетъ довольно порядочно; въ мысляхъ готовимся мы къ переѣзду въ Россію на будущій годъ, а желаніе удерживаетъ здѣсь.— Нескоро найдется въ Россіи для меня такой покойной уголокъ, какой я здѣсь себѣ устроилъ; нигдѣ не допишется Одиссея на просторѣ такъ, какъ здѣсь; нигдѣ и первые годы дѣтей такъ беззаботно не разовьются, какъ въ тишинѣ и безпрепятственности здѣшняго уединенія. Но живи, какъ велятъ, а не такъ какъ хочешь— это русская пословица. Впрочемъ скажу вамъ, что я все еще не принимался снова за Одиссею, и ничего новаго не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались: какой-то вредоносный Самумъ на насъ обоихъ повѣялъ. Но теперь снова берусь за перо. Можетъ быть, и вы начинаете острить свое. Въ часъ добрый. А хотѣлось бы, очень бы хотѣлось привезти на родину конченную Одиссею. Она будетъ моимъ гробовымъ монументомъ.

Получили ли вы вексель, отправленный мною въ Римъ на имя Бутенева. Его доставила мнѣ Смирнова, которая теперь губернаторствуетъ въ Калугѣ, что конечно не разсѣитъ ея хандры, которая, кажется, совсемъ ее лишила всякой бодрости. Ея положеніе тягостно. Свѣтъ ей надоѣлъ и не имѣетъ болѣе для нея прелести. Домашней жизни у нея нѣтъ; дѣти еще для нея слишкомъ малолѣтны. Внутренняя жизнь ея еще не образовалась: это переходное состояніе души мучительно; оно часто бываетъ и гибельнымъ. Напишите къ ней.—А меня увѣдомьте, полученъ ли вами вексель.— Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходятъ, что будто нашъ Императоръ будетъ въ Римѣ. Если это совершится на дѣлѣ, то опишите мнѣ его тамъ пребываніе.

Прощайте. Жена вамъ дружески кланяется. Сашка не въ порядкѣ: занимается п.....мъ. Павелъ Васильевичъ толстѣетъ и уже подалъ просьбу о произведеніи его въ быки. Вчера соблаговолилъ онъ, смотря на портретъ отца и матери, впервые произнести: Papa, Mama. Это подаетъ надежду, что онъ современемъ будетъ владѣть русскимъ языкомъ лучше, нежели его родитель.—У Авдотьи Петровны Елагиной въ домѣ свадьба: сынъ ея Василій Елагинъ женится на Катѣ Мойеръ. Это и васъ порадуетъ.

Вашъ Жуковскій.

5/17 ноября 1845 г.

V.

Любезный Гоголекъ, вы не измѣняете своему характеру и рѣшительно отказались отъ всякой точности. Доказательствомъ сему служитъ прилагаемое письмо отъ Плетнева, которому напрасные дѣлаете вы хлопоты, высылая ему свидѣтельство о жизни по новому, а не по старому стилю, непремѣнно надобно, чтобы эти свидѣтельства были выдаваемы $^1/_{13}$ января, $^1/_{13}$ мая и $^1/_{13}$ сентября, иначе происходятъ изъ этого затруднительные разсчеты, суммъ вполнѣ не выдаютъ, и тѣ, которые хлопочутъ о ихъ полученіи, теряютъ время на ненужные хлопоты: если вы безпечны на счетъ себя, то не будьте безпечны на счетъ другихъ; вотъ вамъ урокъ матеріальный въ воздаяніе за ваши моральные уроки. Письмо Плетнева было ко мнѣ прислано не запечатанное. Я его и прочиталъ.— О себѣ скажу, что мое здоровье весьма поправилось: біеніе сердца, одышка и кровотеченіе миновались. Но вотъ что дурно: глаза слабѣютъ и даже и съ очками трудно становится читать. Я уже начинаю обдумывать средства, какъ облегчить бы себѣ занятія въ такомъ случаѣ, когда, если на то воля Божія, совсемъ ослѣпну. Состояніе слѣпоты имѣетъ и свои хорошія стороны: но сколько лишеній!—

Надѣюсь, что чаша пройдетъ мимо; но если надобно будетъ ее выпить, то я знаю, что въ ней подано будетъ мнѣ лекарство. Лекарь знаетъ свое дѣло; надобно только выпить не морщась. При семъ прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь двѣ тысячи вамъ заплачены. Еще остается на мнѣ двѣ тысячи, которыя въ свое время вы получите. Прошу немедленно увѣдомить о полученіи векселя.—Я долженъ себя осудить теперь на двѣ недѣли совершеннаго бездѣйствія. Надлежитъ только еще написать нѣсколько писемъ; потомъ дамъ отдохнуть *) глазамъ моимъ: надѣюсь, что это поправитъ ихъ обстоятельства.

Обнимаю васъ.

Жуковскій.

9|21 февраля 1846 г.

VI.

Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружескій отвѣтъ на мое письмо изъ Варшавы. Онъ очень, очень бы одолжилъ

*) Въ подлинникѣ: „отнуть“.

меня, доставивъ мнѣ черезъ Булгакова свои статьи объ Одиссеи (если можно и первую и вторую), если эта написана.

(Это письмецо вложено было Жуковскимъ въ письмо его къ Булгакову отъ 31 октября—(12 ноября) 1849 г. См. „Сочиненія Жуковскаго“ изд. седьмое, VI, 585. Письмецо не имѣетъ адреса, писано на полулистѣ почтовой бумаги малаго формата, сложенномъ пополамъ. На послѣдней страницѣ письмеца надпись рукою Гоголя: „Бѣляеву“. *Н. Т.*).

VII.

20 генваря—(1 февраля) 1850 г.
Баденъ-Баденъ.

Наконецъ, мой милой Гоголекъ, я получилъ отъ тебя что-то похожее на письмо, послѣ двухъ лѣтъ разлуки, и какой разлуки? Во время это случилось столько съ тобою, что было бы довольно матеріаловъ для продолжительной переписки. Впрочемъ я не слишкомъ тебя обвиняю—всѣ возможныя загадки лѣни мнѣ понятны, ибо всѣ мною самимъ были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: всѣ мои друзья молчатъ, какъ мертвые. Ни одинъ даже изъ учтивости не поблагодарилъ меня за присылку Одиссеи Весьма сожалѣю, что истратилъ деньги на напечатаніе ста экземпляровъ in 8° *Полныхъ моихъ сочиненій*, для раздачи моимъ друзьямъ и пріятелямъ; изъ лавки Смирдина каждый получилъ бы свой экземпляръ безъ хлопотъ; а я не остался бы въ убыткѣ. Но оставимъ это. Благодарю тебя за письмецо. Что скажу о себѣ? Я не на розахъ, по прежнему, какъ то было при тебѣ. Жена продолжаетъ страдать, и тебѣ понятнѣе, нежели другимъ, каково ей—ты самъ испыталъ всѣ эти муки, которыя не потому такъ тягостны, что сокрушаютъ счастіе жизни, но болѣе потому, что отымаютъ у души всякую способность переносить ихъ съ покорнымъ терпѣніемъ. Убѣжденіе говоритъ: „здѣсь все добро, и все къ добру, потому что Богъ хозяинъ въ домѣ своемъ и самъ обо всемъ заботится лично, слѣдственно все должно быть въ совершенномъ порядкѣ. Да не смущается сердце твое!“ Такъ думается всегда, но не такъ чувствуется въ нѣкоторыя минуты, которыя своею тревогою сокрушаютъ *) душу, какъ нечаянное **) наводненіе, которое вдругъ уноситъ хижину со всѣми въ ней живущими.

Но объ этомъ предметѣ будемъ говорить послѣ. Обращаюсь къ

---

*) Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: „возмущаютъ“.

**) Въ подлинникѣ: „нечаянное“.

историческому. Изъ Швейцаріи, куда мы спасались отъ нѣмецкаго колбаснаго бунта, мы переселились снова въ Баденъ-Баденъ. Зима у насъ жестокая, какой никогда здѣсь не бывало; она мѣшаетъ Гугерту приняться за леченіе жены; по его плану, мы должны остаться въ Баденѣ до конца іюня, провести іюль въ Остендѣ, потомъ возвратиться въ Россію и провести зиму въ Ревелѣ. Исполнится ли этотъ планъ—это знаетъ одинъ всевышній Хозяинъ. Межь тѣмъ я, побывавъ въ Варшавѣ, хворалъ и хотя не было у меня лежачей болѣзни, но чуть не появилась смертельная—темъ все поправилось. Но кончивъ свой большой трудъ, я вдругъ остался безъ дѣла, какъ корабль, который плылъ съ попутнымъ вѣтромъ на всѣхъ парусахъ и вдругъ, обхваченный штилемъ, остановился посреди неподвижнаго моря и лѣниво покачивается на одномъ мѣстѣ, производя въ пассажирахъ тошноту и рвоту. Изъ этой неподвижности я вышелъ однако, принявшись послѣ эпической поэмы за азбуку, то-есть принявшись за обученіе грамотѣ моей Сашки. И такъ какъ это дѣло должно совершаться по моей *собственной*, мною самимъ изобрѣтенной методѣ, то оно имѣетъ характеръ поэтическаго созданія и весьма увлекательно, хотя начинается чисто съ азбуки и простаго счета. Что моя метода хороша, то кажется мнѣ доказаннымъ на опытѣ, ибо вотъ уже цѣлой мѣсяцъ, какъ ежедневно (правда не болѣе получаса въ дни) я занимаюсь съ Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки, именно потому, что я заставляю ее своею головкою работать, а не принуждаю сидѣть передо мною съ открытытъ ртомъ, чтобы принимать отъ меня жеваные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравненіе немного нечисто, но оно вѣрное. Изъ этихъ уроковъ можетъ составиться полный систематическій курсъ приготовительнаго, домашняго ученія, который современемъ можетъ принести и общую пользу. Между тѣмъ беретъ меня подъ часъ и охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего Странствующаго жида; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго жида тебѣ извѣстенъ: я тебѣ его разсказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, и видѣлъ глазами христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ

просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ разсказывающій, что гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть передъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Виѳлеема, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Ѳавора, Кармила, Степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской—все это, вѣроятно, ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется, мнѣ это будетъ несказанно полезно *) и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ **) мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою. Не полѣнись же, напиши, сдѣлаешь мнѣ дорогой подарокъ, да и самому тебѣ будетъ пріятно мнѣ его сдѣлать: поневолѣ воротишься въ Палестину. А я буду ждать твоего отвѣта—утвердительнаго или отрицательнаго, и до тѣхъ поръ не примусь за свое лебединое пѣніе.

Прости. Пришли свой адресъ. Ты такъ облѣнился, что и объ второй части Одиссеи не сказалъ мнѣ ни слова, а я ею болѣе доволенъ, нежели первою. Какъ ты?

VIII.

Милый Гоголекъ. Вотъ ужь моя очередь передъ тобою виниться: на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо о Палестинѣ совсемъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно, такъ сказать, негативное изображеніе того, что ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То, что не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею даться въ *прошедшемъ*. И современемъ твои воспоминанія о Святой Землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія.—Скажу тебѣ теперь нѣсколько словъ о себѣ. Но нѣтъ, еще нѣсколько словъ о тебѣ. Здѣсь въ Баденѣ Кошелевъ (который однако нынче отъѣзжаетъ); онъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что Мертвыя души идутъ шибко впередъ. Онъ знаетъ, что ты читалъ многое Хомякову; но Хомяковъ не сказалъ, что, какъ и каково, сохраняя данное тебѣ обѣщаніе не произносить никакого сужденія. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется—дѣло будетъ вѣрно хорошо кончено.

*) Въ подлинникѣ: „полено“.

**) Въ подлинникѣ не дописано: „мои“.

Теперь обо мнѣ. Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною или въ началѣ лѣта въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ Августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отпраздную коронацію и царскіе юбилеи; туда, надеюсь, на это время съѣдутся всѣ мои родные; туда, равно надѣюсь, пріѣдешь и ты и, по образу и подобію Хомякова, дашь мнѣ хлѣбнуть твоихъ Мертвыхъ душъ.—Я же теперь работаю много, но мои теперешнія работы всѣ ограничиваются педагогикою, то есть приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ. Эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое приняться. Если бы ее не было, то я бы перевелъ всю Иліаду; полторы пѣсни переведены (каталогъ кораблей сбросилъ съ плечъ: это самое трудное), все пошло бы по маслу; но трудъ по службѣ, то есть по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надеюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое было бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ однако прошу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жида успокоить; это(тъ) трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ. Моли Бога, чтобы даровалъ мнѣ еще десятокъ лѣтъ здоровой жизни; я буду стараться употребить ихъ съ пользою, покорствуя святой Его волѣ; тогда послѣ меня что нибудь дѣльное останется на добро дѣтямъ моимъ и отечеству.

Прости, Гоголекъ. Я напишу къ тебѣ, когда поѣду отъ сюда или когда пріѣду въ Россію. Жена дружески тебѣ кланяется.

Твой вѣрный Жуковскій.

1/13 февраля 1851 г.
Баденъ.

Сообщилъ почетный членъ Общества **Я. К. Гротъ**.

СБОРНИКЪ

словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ,

составленный

Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

Водникъ, водоемъ, водовмѣстилище, водобой.
Водовикъ, родъ барки небольшой.
Водоводъ, каналъ; **водоводство**, строеніе каналовъ.
Вожакъ, водокъ, водитель, вожатай.
Возвожденіе.
Возграждать: возградилъ небесамъ памятникъ.
Возило, маленькая телѣжка.
Возовикъ, телѣжная лошадь.
Волдырникъ.
Воркотня кошья.
Воушеща, серги.
Впятилъ: его въ самой нужникъ всадилъ.
Вракать отъ враки.
Всецарь, царь вселенной.
Вспухлина.
Всевиновный, первая причина.
Всполохъ, тревога, испугъ.
Выведенецъ, колонистъ.
Выверстывать,—стать, вознаградить, уравнить.
Вывихъ на ногѣ.
Вывѣвки, мякина.
Выгибъ.
Выдвойка, выдвоить, дистилировать.
Выдрыхнуться, выспаться.
Вызвонить, вызванивать.
Выкнуть: и выкнетъ къ своему горю.
Выколоситься—о хлѣбѣ.
Выкружить его точиломъ.
Выломъ.
Вынянчить.
Выпашъ, земля изнуренная и черноземная.
Выпоротокъ, животное, извлеченное изъ брюха самки.
Выпуклина, выпуклость.
Выпѣть: такую выпѣлъ пѣсню.
Высворить собаку.
Выславливать, выславить, выработать пѣньемъ въ день Рождества.
Вытормошить у кого что-нибудь.
Вышутить.
Вѣдунъ, вѣдунья.
Вѣжество, вѣжство, знакомство, учтивость.
Вѣримость, свойство вѣрить.
Вѣроотмѣтникъ, безбожникъ, отступникъ.
Вѣропроповѣдать.
Вѣсило, вѣсы; **вѣсовщикъ**, отвѣшивающій.
Вѣскій, тяжелый; **взвѣсъ**, во сколько вѣситъ.
Вѣсовое, что продается на вѣсъ.
Вѣтрельникъ, флюгеръ, вѣтрогонъ.
Вѣтренѣть, вѣтренѣетъ.
Вѣялица, круженіе снѣга.
Вѣяло, опахало.
Вязея, женщина, которая вяжетъ.
Вяха, крѣпкій ударъ.
Вяхиръ, ветютинъ.
Гайтанъ, веревка.
Гбеніе—гнуть.
Гжиголка, трясогузка.
Гладышъ, здоровый человѣкъ, крѣпкій.
Глазунъ, ротозѣй.
Глиновалъ, валяющій ногами глину.
Глубникъ, сѣверо-западный вѣтеръ.
Глумъ, насмѣшка; **глумный**, насмѣшникъ.
Глумилище, комедія, спектакль.
Глупышъ, бурная птица.
Глушнякъ, густой, заросшій лѣсъ.
Гнидникъ, вшивая трава.
Гнусарь, въ носъ говорящій.
Гоготать, гоготунья.
Головачь, человѣкъ съ большой головой.
Головашки, передняя часть саней.
Головчатый, узловатый—о растеніи.
Головщикъ, первый пѣвецъ церковный.
Гомзуля, большой кусокъ хлѣба.

Гомозá, безпокойный, вертлявый.
Гомóла, куча.
Гонзать, гонзнуть, убѣжать.
Гóны, разстоянія, которыя пробѣгаютъ.
Гордынный, гордословіе.
Горлопятина, всѣ горькіе фрукты.
Горстáть, забирать обѣими руками.
Горчанка, трава.
Горчать, горькнуть, сдѣлаться горькимъ.
Господница, воскресеніе.
Граканье, гракать, каркать.
Гроженіе, угроза, человѣкъ-гроза, грозность.
Громоздъ, высоко вознесенный, куча.
Грудастый, широкогрудый.
Груденъ, декабрь.
Губачь, губастый, губанъ.
Гудитъ гудецъ, играющій на арфѣ.
Гукъ, гуканье, глухой шумъ; **гукать, гукнуть.**
Гуртикъ, край монеты.
Гýжъ, гужище, веревка.
Дергóта, спазмы.
Держидерево, родъ терна.
Дермó, калъ, пометъ.
Добá, годъ, возрастъ, время.
Добледушіе, сила души.
Доброгласіе, гармонія.
Доволить, довольствовать.
Догружать, оканчивать нагрузкой.
Долбёшъ.
Допрянуть, доскочить до чего.
Доршъ, рыба.
Драгетъ, матерія.
Дряблый, поблеклый; **дрябнуть.**
Дрягáть, дря́гнуть, дряганіе ногою.
Дря́гиль, носильщикъ.
Дряселовать, сдѣлаться мрачнымъ.
Дуванить, дѣлить дуванъ.
Дубнякъ, дубовый лѣсъ.
Дуплить, сдѣлать внутри дупло.
Дутикъ, пустой внутри изъ метала или стекла.
Дýтышъ, опухлый лицомъ.
Душистникъ, растеніе.
Ды́мволокъ, окошко позади печи у мужиковъ.
Ды́мникъ, дыра, въ которую проходитъ дымъ
Дымовни́къ, труба въ каминѣ.
Дѣдина, земля, наслѣдст. отъ дѣда.
Дѣдичь, наслѣдникъ дѣда.
Дѣи, дѣла, произшествія.
Дя́гиль, дяглица, анжелика.
Жабникъ, пятилистникъ.
Жáгра, трутъ.
Жаровáя туша, передъ печки.
Жгутить, бить жгутомъ.
Жегавица, горячка.
Желкнуть, пожелкнуть, желтѣть.
Жемокъ, жемулька, кусокъ чего-нибудь мягкаго, скатаннаго и смятаго руками.
Жёмъ, гнетъ, прессъ, давило, зáворотень.
Жератокъ, зола.
Жеровина, клюква.
Жестить, дѣлать твердымъ.
Жигалка, колючая муха.
Жилобой, пульсъ.
Жирникъ, ночникъ.
Житáрь, надсмотрщикъ надъ хлѣбн. магазиномъ.
Жниво.
Жóра, прожора.
Жуланъ, лучшій сортъ зеленаго чаю.
Забóйка, огороженное мѣсто въ рѣкѣ, откуда берутъ рыбу.
Завозжать, завозживать, дать въ ротъ узду.
Зáваль, завалявшее что-нибудь.
Завѣтренѣлый, испорченный вѣтромъ.
Завя́кать, заболтать вздоръ.
Загóрбокъ, загривокъ, затылокъ, зашеекъ.
Задворье, мѣсто позади двора.
Зажи́тникъ, поставщикъ припасовъ.
Зажора, зажорина, вода, собравшаяся подъ снѣгомъ.
Зазвонный колоколъ—маленькій, которымъ начинаютъ.
Зазвонный, вѣчный говорунъ.
Зазвонный звонъ, начало колокольн. звона.
Зази́мье, первый морозъ.
Зазорный, безстыдный; **зазоръ.**
Зазя́блина, вредъ отъ стужи деревьямъ.
Зазяблый, треснувшій отъ стужи.
Зáйцы, запѣнившіяся волны.
Закаблучье, каблукъ.
Закорючистый, закорюка, крючковатый; **закорючивать.**
Закрóина, корка хлѣба, ледъ у берега.
Замоты́га, развратный.
Заногтица, ногтоѣда.
Заозéрье, по ту сторону озера.
Запи́рка, родъ замка, затворка.
Заплéски, берегъ.
Заплечье, мѣсто позади плечъ.
Запли́са, дорожка, проспектъ между нивъ.
Заполье, земля позади полей.
Запрýда, плотина.
Зáри, гнѣвъ; **зарить, зариться.**
Зарыскаться, бѣжать туда и сюда, вдаться въ развратъ.
Заскверпитъ.
Застѣнокъ, отвѣтная комната.
Затрапéцъ, бумажная матерія, тикъ.
Заулокъ, пѣшеходная дорожка въ сторонѣ.
Захватъ, ручка.
Захлáмостить, загромоздить мусоромъ.
Захлюстать, замучать водой.
Заходникъ,—чи́къ, вывозитель мусора и говна.
Зацыгáнить, засмѣять.

Зачаливать, тянуть веревку прямой линіей.
Зачастить, часто куда-нибудь ходить.
Зачёсъ, головная уборка, бахрома у края чулокъ и перчатокъ русскихъ.
За́чисто, безъ сомнѣнія.
Зашеецъ, маленькой заливъ.
Зашейну, ударъ въ затылокъ.
Заѣдки, десертъ.
Заяловѣть, перестать тѣлиться.
Зватай, который зоветъ.
Звонки, растеніе.
Звонница, колокольня.
Звѣздонаблюдалище, обсерваторія.
Звѣздословіе, астрономія.
Звякать, побренькивать.
Звяки, глупости, побрякушки.
Здо́, кровля.
Землезнаніе, геогнозія.
Землесловіе, геологія.
Зе́пь, карманъ.
Зломудріе, злоуміе.
Злорадливый, злорадствовать, радоваться несчастію другаго.
Зобастый, съ зобомъ.
Зобать, ѣсть, клевать носомъ.
Зубарь, стругъ, скобель.
Зуби́ло, ножницы, которыми дѣлаютъ зубцы.
Зуе́къ, птица.
Зуй, родъ морскаго павлина.
Зы́бать, колебаться.
Зы́бка, люлька, повѣшен. на веревкѣ.
Ибу́нка, вероника, водян. растеніе.
Иверень, отколокъ.
Игралище, театръ; **игрище,** танецъ.
Игреніи, рыжій, съ бѣловатой гривой и хвостомъ.
Избоина, ecosses.
Избочениваться,—иться, на сторону наклониться.
Извадка, вкоренившаяся привычка.
Извинь, алкоголь.
Извертка, увертка.
Извольничаться, распуститься, исповѣсничать.
Изворо́тъ, способъ тонкій получить деньги.
Извороть, около.
Извѣство, знаніе всякое: извѣство ему извѣстно.
Извѣтоватъ, объявить, донести; **извѣтникъ, извѣтчикъ,** доносчикъ; **извѣтомъ,** подъ предлогомъ.
Извѣять.
Изгага, cardiogme, изжога; желѣзо горячее.
Изгулъ, излишество разврата.
Издичать.
Издой, время, когда корова меньше даетъ молока; **издойка,** молоко въ такое время; **издойная** корова, которая начала давать мало молока.
Изождать, изжидать, терять время въ ожиданіи.
Излётъ изъ чего-нибудь стремительный.
Излиха, еще крѣпче.
Излукавствовать.
Излытаться, сдѣлаться лѣнивымъ.
Изметъ, бракъ, выкидышъ.
Изникать,—кнуть, изницаніе.
Износокъ, изношенное.
Израстать, изрости.
Иноцвѣтный.
Иноколѣнный.
Инообразный.
Инородецъ, иноплеменникъ, иноязычникъ.
Ирха, кожа телячья или баранья, отдѣленная отъ шерсти, равдуга.
Иршеникъ, приготовляющій такія кожи; **иршить.**
Исамакъ, гумирабикъ.
Ископы́тить, вывигнуть.
Искривина.
Искрякъ, сортъ камня.
Исповѣдуемо, очевидно.
Исправа.
Испроториться, издержать.
Источина, рытвина.
Кабу́шки, шарики сыра.
Кабарга́, мускусное животное; **-ргинская** струя.
Ка́верзникъ, интриганъ.
Кавсякъ, многоножка, коржа́къ.
Кады́къ, горловой узелъ.
Ка́женикъ, евнухъ.
Како́рва, родъ ромашки.
Калами́нокъ, шерстяная матерія.
Канде́я, кандейка, кружка.
Каплоухій, съ малыми ушами.
Каплюжникъ, пьяница; **каплюжничать.**
Карагази́нъ, сода.
Карага́нъ, степовая лисица.
Карага́тка, земляная утка.
Карагачь, маленькій сибирскій вязъ.
Карагушь, большой орелъ, морской.
Каразея, матерія.
Карба́съ, родъ маленькаго судна.
Карбышъ, хомякъ.
Кашлюнъ, который кашляетъ.
Кваква, выпъ, птица.
Керкать, кричать—о бекасахъ и курицахъ.
Кинамонъ, корица.
Кипень, кипятокъ, источн. минер. водъ.
Кипѣлка, живня.
Клева́ка, сварливая птица.
Клегтать, крикъ орловъ.
Клёкъ, метанье икры у лягушекъ.
Клеща́къ, насѣкомое.
Клещине́цъ, телячья нога.
Клокастый, клокать.
Клопо́вникъ, дикій розмаринъ.
Книгоизданіе.
Ко́бузъ, птица.
Ко́вань, всякое издѣліе кузницы.
Ко́вка, самая работа, дѣйствіе.
Кожеѣдъ, насѣкомое.

Кожу́ра, кожурина, кожа фрукта.
Козлогла́сіе, пѣнье на козлиный ладъ.
Ко́кать,—кнуть, тихонько стучать.
Ко́каться, пятиться назадъ, топорщиться.
Коко́ра, гнилое дерево.
Кокотки́, составы пальцевъ.
Коксунъ, сортъ утки.
Ко́лба, рыба, головка на палкѣ, кубъ перегонный.
Колеи́стый, отъ колей, полонъ колей.
[**Колодка**] **ко́лка**, колотье дерева.
Колово́й отъ колъ.
Коловращать.
Колокольчатый, колоколообразный.
Колосенни́ца, мѣсто, гдѣ держатъ вымолоченный стебель, колосъ.
Колоты́рникъ,—ница, скупой; **колотырничать, колотырить**, продавать по мелочамъ.
Ко́лча, хромоногій; **колченогій, колчить, колченожить**.
Колѣть, чувствовать холодъ.
Комель, комликъ, комлище, верхушка бревна, чуба, пучка.
Комо́лый, безъ роговъ.
Комы́га, комяга, родъ барки.
Кондырь, кондырёкъ, отворотъ, обшлагъ у руск. кафтана.
Конать, до крайности доводить или догонять.
Консгонитель.
Ко́нобъ, большой горшокъ.
Концевой, продаваемый кусками и кусочками.
Копе́ръ, финоки *).
Ко́пка, производство копанія; **копкій**.
Копору́ля, заступъ.
Копы́тникъ, дикій нардъ.
Кораблехозяинъ.
Коренни́къ, корзинка.
Коржавѣть, дѣлаться жесткимъ; **коржавина**, жесткое мѣсто на кожѣ.
Кори́стый, твердокожій.
Корконосый, коротконосый.
Коркота́, спазмы.
Корнать, окорнать, укоротить.
Корневатка,—ватикъ, корзинка изъ корней.
Корневатый, корнистый, много корней.
Корнеухій, съ отрѣзанными ушами.
Короты́шка, коротенькой.
Корытышки, ремни у гусарской шапки.
Корсакъ, степовая лисица.
Косный, медленный, нѣмой, косноязычный.
Костре́цъ, бычачья нога.
Костя́къ, скелетъ.
Кочедыкъ, шило, которымъ плетутъ лапти.
Кошеніе, кошенный.
Кошла́къ, молодой камчатскій боберъ.
Краеградіе, предмѣстіе.

*) Т. е. phoenicilum, der Fenchel. *Н. Т.*

Кра́пчатый, пятноватый.
Краткословіе, краткословно.
Кремнякъ, кремень.
Кресиво, огниво; **кресить**—выбивать огонь.
Крестовая, комната, въ которой крестятъ дѣтей.
Кривда, неправда, кривосудіе.
Кривовѣръ.
Кривушина, корчатая сторона дерева.
Кро́шево, блюдо изъ рубленой капусты.
Кру́тило, колесо у плетущаго веревки.
Крутояръ, крутой берегъ.
Круше́цъ, руда, копь.
Крупнякъ.
Крылатѣть, окрылатѣть.
Ктырь, насѣкомое.
Кряква, палка позади кибитки.
Ку́кать, ку́кнуть, заговорить.
Куклева́нецъ, приманка на удѣ.
Кулганъ, металлическая кружка.
Ку́поръ, затыкающій бочку пробкою.
Курлукъ дикій, сибирская гречиха.
Курогглашеніе, пѣнье пѣтуха.
Кутный чубъ.
Кучеляба, цѣлибуха.
Ку́шуръ, ситникъ.
Ку́читься умолять.
Ла́бзиться, ласкаться, льстить.
Лазня́, родъ лѣстницы.
Ла́йно, грязь
Лалъ, рубинъ.
Ласкосердіе, мягкосердіе, слабость.
Лбина, лобовина, лбище.
Левка́сить, набросать въ живописи эскизъ, первые роды.
Легкота́, легкость, глупость.
Лобацъ, лобастый.
Лову́шка, приманка.
Ложни́на, долина.
Ло́кать, локнуть (языкомъ).
Ло́панецъ, горшокъ, который трескается въ огнѣ.
Лопотня, шумъ.
Луговина; часть **луговины**.
Лоще́нка, клеенка.
Лузгъ, уголъ глаза.
Лука́, излучина, кривизна рѣки.
Лупе́жникъ, бревна безъ коры.
Луска́, луща́, лущина, тонкая кожица на щелухѣ.
Лучи́ть, попадать въ цѣль.
Лы́ва, густой лѣсъ на болотѣ.
Лызо́къ, дать лызка, убѣжать.
Лылы́, мошенничество.
Льготить отъ **льготы**.
Лья́ло, трюмъ.
Лютозра́чный, свирѣпаго вида.
Ляда́, поле, покрытое молод. деревами.
Ля́стовина, (**sic! лясговина**) орѣховое дерево.
Мака́ть, макнуть, маканный, маканіе.
Мализна́, мелузга.
Малить, уменьшаться, малѣть.

Мáлка, угломѣръ, наугольникъ.
Мальгá, маленькое дитя.
Мальхáнщикъ,—**ханъ**, шарлатанъ.
Маля́вка, всякій сортъ мелкой рыбы.
Мамичъ, молочный братъ.
Мамонъ, желудокъ; **мамона**, богатство.
Маму́ль, дикая кошка.
Махъ, движеніе въ воздухѣ.
Мéжень, середина лѣта.
Мезга, **мзга**, **мязга**, тонкая кожа подъ древесною корою.
Мекáть, имѣть что въ мысляхъ.
Меньшакъ, меньшой сынъ.
Мжить, щурить глаза.
Мздить, благодарствовать, награждать.
Меледá, запозданіе; работа, требующая времени; **меледенный**, медленный.
Мизги́рь, родъ тарантула.
Мишулиться, нацѣлившись не попасть.
Міробы́тіе, продолженіе, стояніе міра.
Мкнуть, запирать.
Многолиственный.
Многописатель, полиграфъ.
Могу́та, **могутство**, сила, крѣпость; **могутникъ**, **могутный**.
Мозглякъ, человѣкъ необыкновенно худой.
Мозголомный: водка—**мозголомъ**.
Моклокъ, затвердѣвшая земля.
Мокрéть, сырость; **мокредина**, болот. мѣсто.
Молетóчина, дыра, молью сдѣланная; **молица**.
Молкомъ, тихомолкомъ.
Молодь, **молодизнá**, пѣна на молодомъ пивѣ.
Москóть, москотил. товаръ.
Мотыга.
Моты́ло,—**лъ**, навозъ; **мотыльной** полонъ дряни.
Моты́ка, заступъ.
Обмохнатѣть.
Мочáлить, раздирать; **мочалка**.
Мочевина, стоячая вода.
Му́рчать, о медвѣдяхъ; **мурчанье**.
Мусáтить, острить; **мусатъ**, сталь.
Мухогонка, отгонялка мухъ.
Мухоя́ръ, волнистая бухарская матерія.
Мчаніе.
Мшáрина, мшистое мѣсто, мши́на; **мшарить**, сдѣлать шершавымъ, неровнымъ.
Мшель, лихоимство.
Мшеникъ, зимній хлѣвъ.
Мшить, убирать мохомъ; **мшеніе**, **мшенный**.
Мшица, гусеница.
Мща, молодая лошадь.
Мыкъ, мычаніе.
Мяло, мялка.
Набедéрникъ, чепракъ у козака на лошади.
Наблошнять, **наблошнить**, наполнить блохами.
Наблошняться, (?)* формироваться.
Наболóтный, находящійся на болотѣ.
Набухнуть, вспухнуть; **набухивать**, наливать полно.
Навадникъ, клеветникъ; **наваждáть**, **навадить** на кого, наущать.
Навáра, жиръ, который плаваетъ сверху; **наварка**, **наварить**, прибавка новаго желѣза въ ковкѣ.
Навечеріе, канунъ праздника, вечеръ.
Наврѣзъ, совершенно полно.
Наврячь, на первый глазъ.
Навѣтки, посылаемыя извѣстія о себѣ.
Нагáръ.
Нáволокъ, лугъ возлѣ рѣки, сторона возвышенная морскаго берега.
Нагоріе, мѣсто на горѣ.
Надъизбица, чердакъ.
Налóбникъ, повязка на лбу.
Намóй, мель песчаная.
Намордникъ, нарыльникъ.
Наму́тки, сплетни злословныя.
Нанѣдренникъ, панагія.
Наоткось.
Наотмашь, отрицаніе.
Напалóкъ, палецъ перчатки, рукавицы.
Напáрье, сверло, буравъ.
Наплáвъ, продолженное движеніе судна весельнаго.
Напойка, понюшка (табака).
Наполье, многія поля одно возлѣ другаго.
Напругій, крѣпкій.
Нáпрыскъ, накрапъ.
Напрягай, строгій выговоръ.
Нарóкъ, [значокъ] предѣлъ.
Нáручи (въ латахъ).
Нáсбалмашъ, безразсудно.
Наскверни́ть.
Наскокъ.
Наступъ, атака.
Насѣдъ, зародышъ въ яйцѣ.
Натéчка, преслѣдованіе звѣря на охотѣ.
Наторѣлый.
Нахалиться, быть нахаломъ.
Нахитить, **нахищенный**.
Нахрáпомъ, живою силою.
Началородный, первоначальный.
Началосчисленіе, начало эры.
Началобытный, вѣчный.
Начёлокъ, **начельникъ**, лента вокругъ головы молодыхъ крестьянокъ.
Наши́льникъ, нагрудникъ.
Ная́ниться, быть дерзку.
Неблазный, совершенный, добродѣтельный.
Небопарный, парящій въ воздухѣ.
Нéвороть, платье, которое еще не было выворочено.

* Вопросительный знакъ въ рукописи.

Невсту́пно, несовсѣмъ.
Невѣйка, еще невѣянный хлѣбъ.
Не́гли, можетъ быть.
Недовѣсъ.
Недодѣлка, кусокъ, который остается кончить.
Недомѣръ, кусокъ, который остается измѣрить.
Недомѣсъ, недомѣшенный хлѣбъ.
Недопека, недопеченный хлѣбъ.
Недопёсъ, молодая лисица, коротко-шерстая.
Недопечатка.
Недоплата.
Недопродать, не все продать.
Недордѣлый, незрѣлый.
Недородъ, малоурожайный годъ.
Недоу́здокъ.
Не́кленъ, дерево.
Неключимость, безполезность.
Не́льма, сортъ рыбы.
Немрачный, необлачный.
Ненаѣда, обжора.
Необиновéнный, искренній.
Неодержимо, безъ основанья.
Неодождимый, неорошенный.
Неосужденно, безъукоризненно, безъ предубѣжденія.
Неотложно.
Неподобный, своеобразный.
Непосѣдъ, непостоянникъ.
Непщева́ніе, подозрѣніе, воображеніе.
Свойственность.
Несвязица, нескладица.
Несоюзный.
Несу́шка курица.
Несѣда́ленъ, акаѳистъ.
Не́тель, телица, тёлка.
Нетій, племянникъ, сестринъ сынъ
Неудо́бь, совершенная **неудобь**.
Неумойка, **неумывка**.
Неумытный, неподвержен. развращенію.
Неурѣживать, учащать.
Неурядица, безпорядокъ.
Неутрудимый, неутомимый.
Нечадство, безчадіе.
Нея́сыть, сова.
Ниченки, у ткачей цѣпь.
Нищебродъ.
Нови́ца, novice.
Новозданный.
Нововѣрсцъ, неофитъ, новообращенный.
Ноголомъ, подагра.
Нутро, **нутръ**.
Нѣщечко, рѣдкая вещь.
Нятіе, рабство.
Обвя́сло, передняя часть саней.
Обда́ла, плутъ.
Обезденежать.
Обезживотить, исчерпать силы и бить.
Обезнародѣть,—ить.
Обе́лъ, рабъ.
Обечайка, ободъ вокругъ рѣшета.
Обироха, плутъ и мошенникъ, облупала.
Обла́ва, родъ охоты въ степяхъ.
Облазнить,—ять, обольщать.
Облецъ, обрубокъ, чурбанъ.
Обликъ, фигура, обличіе.
Обло́й, скля, мелкій дождь, гололедица.
Облый, толстый.
Обметъ, сѣть для ловли соболей, *куча*.
Обмога́ніе, выздоровленіе; **обмогаться**, **обмочься**.
Обмы́локъ, остатокъ мыла.
Ободво́ръ, возлѣ, тутъ же.
Обоедесный, обоеручный, обоюдный.
Обо́й, фрукты, сбитые вѣтромъ.
Обойма, шина вокругъ колеса.
Обоиница, обжинальница, механизмъ блока.
Обонполъ, по ту сторону.
О́бнизь, ожерелье.
Оборь, ремень, которымъ крестьяне привязываютъ обувь.
Оборы.
Оборышъ, послѣдній оборъ.
О́боръ, мелкая рыба; бичевка.
Оброть, недоуздокъ.
Обу́шіе, хрящъ въ ухѣ.
Обу́ща, подарокъ.
Обшивни, широкія сани и плутни.
Ове́ршье, верхушка скирда.
Огнепоклонникъ.
Огница, огневица, горячка.
Огнуша́ть, **огнуси́ть**.
Огня́нка, красная лисица.
Огорькнуть; **огорьклый**.
Огорѣлышъ, загорѣвшій человѣкъ отъ солнца.
Огрызливый; **огрыза**.
Огрызокъ, объѣдокъ.
Огу́зокъ, часть кожи возлѣ хвоста.
Огу́зье, крестецъ.
Огу́рливость, **огурство**, упорство; **огурливый**, **огурникъ**, **о́гурь**,—упорный.
Одёръ, старая скотина, не могущая работать.
Одина́чка, безъ пары.
Однородецъ, отъ одной фамиліи.
Одоле́нь, кувшинчики.
Одо́нье, остатокъ, куча колосьевъ.
О́драпь, одёръ.
Одуванчики, львиный зубъ.
Одутливой.
Ожи́на, ситникъ.
Ожи́нъ, жатва.
Оза́дь, позади.
Оземствовать.
Озимѣть отъ зимы.
Озо́ръ, дерзкій человѣкъ.
Окалина, шлакъ.
Окатъ, косая выпуклость.
О́ко, тяжесть въ 3 фунта.

Околóтень, лѣнивый неисправимо.
Окольность, окрестность.
Окомéлокъ, старый вѣникъ или метла.
Окреснять, **окреснить,** разсмотрѣть поближе.
Оловúна, всякое пьяное питье не вино.
Ольховúна, ольховникъ, лѣсъ ольхъ.
Ольшанка, зимній травникъ—птица.
О́мегъ, цикута.
Омела, амела, растеніе.
Омеркнуть, потемнѣть; **омерцать.**
О́муль, сортъ рыбы форелей.
Омётъ, край платья.
Опакій, отвергаемый,—нутый.
Опáра, мука разжиженная пивными дрожжами для пирожковъ.
О́пашъ, хвостъ у лисицъ и проч.
Опéчекъ, фундаментъ печки.
Опúвки, остатки питья.
Оплёта, плутъ; **оплесть,** обмануть.
Оплéчье, украшеніе на поповской ризѣ отъ воротника до плечъ.
Опóка, камень отъ скалы.
Опояска, **опоясь.**
Опрóсъ, экзаменъ.
Опрѣлина, порча, произведенная сыростью.
Орáло, плугъ.
Орáрій, діаконскій эпитрахиль.
Орью орать, кричать.
О́рань, **орáнина,** обработаная земля.
О́рлить, **орленіе,** отпечатывать орла.
Орѣшина, орѣшникъ.
Оружеборецъ, **оружеборство,** **оружеборствовать,** сраженье съ оружьемъ въ рукахъ.
Осерчáть,—чалый, раздражить.
Осúль, силокъ, петля.
Осинникъ, осиновый лѣсъ.
Осúстый, длинношерстый (о мѣхахъ).
О́скользень, промахъ на биліардѣ.
Оскóрдъ, молотокъ.
Оскрыльцы, родъ колпака.
Ослúзлой, слизкой.
Ослопúна, дуракъ; **ослóпіе;** **остолопъ.**
Осмётокъ, старый, изношенный сáпогъ.
Осьмигранникъ, осмиплощадникъ.
Осьмичіе, восьмая часть.
Осóбиться, удалять(ся), жить особнякомъ.
Осóсокъ, поросенокъ корм. молокомъ.
Осéтъ, волчецъ.
Остойчивость, неподвижность, установленіе.
Остродóнный.
Остроокой, проницательный.
Острословъ.
Острýжины, стружки.
Остуда, охлажденіе.
О́ступь, **оступиться.**
Ость, борода у колоса; **остистый.**
Осыпь, осыпавшаяся земля отъ берега или песокъ.
Осьмища, число осьми.

Осѣтовать, оплакать.
Отáва, вторая трава.
Отвáльное, якорное мѣсто.
Отволглый, отсырѣвшій; **отволажнвать.**
Отёкъ.
Отздѣ, отъ сегоднишняго дня.
Отзиміе, вторая зима.
Отишіе, портъ.
Отлетъ, отлетныя птицы.
Отолгать,—ся, выйти изъ затрудненія посредствомъ лжи.
Отмашь, **на отмашь** ударъ.
Отмоина, кусокъ земли, отторгн. водою.
Отмычка, поддѣльный ключъ.
Отмѣнность, отличіе.
Отнéлѣже, съ тѣхъ поръ, какъ.
Отнюдуже, откудова; **отонудуже.**
Отóкъ, островъ и еще что-то.
Отопокъ, истоптанный башмакъ.
Отпись, **отписка,** отвѣтъ на записку.
Отпугнуть.
Отполонить, отнять плѣнниковъ.
Отрéпки, пакля.
Отреблять,—ить, обезвѣтвить, обчистить.
Отрóгъ, цѣпь горъ идущихъ въ сторону отъ главныхъ горъ.
Отродокъ, отпрыскъ, отрасль, отростокъ.
Отрýбъ, діаметръ отрублен. дерева.
Отсверкивать,—кнуть, отражать лучи.
Отслýга, служба за службу
Отселиться, удалиться изъ отечества.
Отсталый вѣкъ.
Отстой, **отстоялый.**
Отсупротиву, съ противуположной стороны.
Отталина, мѣсто гдѣ растаялъ снѣгъ.
Оттóйно, отъ того мѣста.
Оттýги, связь у конька для катанья.
Отхлопнуть, открыть съ шумомъ.
Отщепéнецъ, раскольникъ.
Отъемъ, отнятіе, лучшая водка.
Отымалка, тряпка для вытиранья.
О́хабенъ, предмѣстье.
Охабень, родъ балахона.
Охлада, прохлажденіе.
О́ходъ, желудокъ.
Охрáкъ, выплюнутая мокрота.
Оцáпка, зацѣпленіе съ раздёркой.
Оцѣпъ, рычагъ, коромысло.
О́чепъ палка, на котор. вѣшаютъ колыбель.
Очереть, тростникъ, женск. р.
Очеретянка, овсянка въ тростникахъ.
Очертаніе, очеркъ.
Очéстливый, учтивый.
Очéчникъ, футляръ для очковъ.
Ошúбъ, хвостъ у скотины.
Ощáдливость, экономія.
Павилица, растеніе.
Пáголенокъ, **паголенки,** чулки безъ пятъ.
Пáдубъ, каменный дубъ.

Паду́нъ, водопадъ.
Падъ, падь, глубокая долина.
Па́занки, слѣды зайца.
Па́здеръ, стебелекъ.
Па́здерникъ, октябрь.
Па́зить, жолобить.
Пазило, пазникъ.
Пазногти, роги и ногти у скотины.
Па́зушина, излучина язвы.
Пазъ, вставленіе; **пасъ,** ремень ресорный.
Па́ива, маленькая корзинка изъ дерева.
Палтусъ, рыба turbot.
Пальникъ, фитиль, трутъ.
Панагія, изображенье Христа или Богородицы, носимое на шеѣ епископами.
Пане́ль, обшивка.
Пара, обработ. поле.
Па́рва, родъ бекаса.
Па́ркая баня, которая долго держитъ паръ.
Па́рный, до пары. **Па́рникъ,** пандатъ къ картинѣ.
Па́родокъ, горькій и терпкій фруктъ.
Патери́ца, пастырская палка.
Па́ужинокъ,—жина, полдникъ.
Па́узокъ, родъ барки.
Пахота́, сильный запахъ.
Па́хота, паханье.
Пахтать, пахтанье, сколачиванье масла.
Па́чеси, очески льна.
Па́щеки, [ротъ], зѣвъ, пасть, глотка.
Пеклеванный, изо ржи.
Пе́ленгъ, компасъ.
Пе́лесина, пятно другаго цвѣта на шубѣ; **пеле́сый.**
Пе́рвина, новость, первая вещь.
Первоучка, первый опытъ.
Перебойникъ, крѣпкое яйцо, перебившее другія.
Перебой, смѣшавшій(ся) бой часовъ, рядъ свай.
Переведенецъ, переселенецъ.
Перево́дина, архитравъ, сволочный брусъ.
Перевѣ́тникъ, измѣнникъ.
Перевя́сло, куча дрязгу.
Перегибъ, складка.
Перегной, испорченный навозъ.
Перегузно́, родъ куницы.
Пе́рекись, пероксидъ хим.
Перекокать, разбить въ большомъ количествѣ.
Перекрой мѣсяца, лунная четверть.
Перели́фть, халцедонъ.
Перелой, honorrhée.
Перемётъ, веревка, которая въ поперегъ рѣки, родъ сѣти.
Перемиги, дѣвическія **перемиги.**
Перемо́га, пересиліе, преимущество.
Перемы́чка, родъ плотины, сводъ въ церкви.
Перенюхиваться, соглашаться. „Ну, что жъ? они ужъ перенюхались!“
Перепелёсый, перепелястый, покрытый красными пятнами, пестрый.
Перепелятникъ, дербничокъ, родъ сокола.
Перепе́ча, перепечка, родъ толстой яичницы.
Перепру́да, плотина.
Переслащиванье, переслащивать.
Пересмягнуть, перетрескать отъ вѣтру (о губахъ).
Пе́реступень, растеніе.
Перетя́га, поддержка стѣны съ верху.
Перехва́ты, боли въ родахъ.
Перечнево́й, сокращенный.
Перистиль, галерея.
Перна́та, палка командующаго.
Перна́тка, животное.
Песи́ка, короткая и жосткая шерсть въ шубѣ.
Песикова́тый, въ шерсти короткій и жесткій волосъ.
Пестеря́, корзинка изъ березов. сучковъ.
Пеструшка, рыба.
Пестреди́на, пе́стредь, пестрединный.
Песчанка, песчаная земля, птичка въ родѣ овсянки.
Печеночникъ, растен.
Печея́, [гдѣ пекутъ хлѣбъ] булочница.
Печи́во, все печеное: пироги и проч.
Печина, глина, жженая въ печкѣ.
Печи́ще, остатокъ разломанной печки.
Пешня́, ущипокъ.
Пига́нъ, рута, раст.
Пи́гва, яйва, квитъ.
Пи́гусъ, карты того же цвѣта въ игрѣ.
Пи́жи, кожи молод. якутск. оленей.
Пи́жма, тысящелистникъ.
Пиликать, рѣзать чѣмъ-нибудь тупымъ (на скрыпкѣ).
Пилю́къ, коршунъ курятникъ.
Пи́ра, сума.
Пиро́жня, гдѣ пекутъ пироги.
Писангъ, банановое дерево.
Писа́ло, стиль древнихъ.
Пито́къ, питухъ.
Пи́шка, трясогузка.
Пищу́ха, родъ зайца въ горахъ.
Плавикъ, минерал.
Плаву́нъ, плавающій лѣсъ.
Планка, планочка.
Пластать, пластъ, тонкій кусокъ чего.
Пласти́нникъ, бревно вдоль.
Плау́нъ, растен. волчья нога.
Плаче́вница, плакальщица при погребеніи.
Пла́хта, власяница.
Пле́вникъ, плевница, житница для мякины.
Племонаначальникъ.
Плени́ца, ожерелье.
Пле́со, пространство поля или воды.
Плетешо́къ, шнурочекъ, вплетаемый въ волосы.

Плúстовка, реполòвъ.
Плитнякъ, четвероугольникъ.
Плица, черпакъ для выкачиванія воды изъ лодокъ.
Плищь, крикъ; **плищеватъ,** производить шумъ.
Плодствовать, плодить.
Плоить, складывать.
Плотолюбецъ, сладострастный.
Плутáть, блуждать.
Плутоносъ, коксунъ (утка).
Плѣжúна, изъянъ, пятна.
Плѣжить, ползать грудью.
Плеснѣвѣть, плеснѣть.
Плѣшанка, горная трясогузка.
Плюскá, зеленая шелуха орѣха.
Плюснá, запятокъ у ноги.
Плюсникъ, сортъ мха.
Побурѣлый, рыжеватый.
Побѣ́дище, поле битвы; **побúтецъ,** побѣдитель.
Повапленный, выбѣленный; **повапить.**
Повитýха, повивальная бабка.
Producer
Поводлúвый, прилежный, воспріимчивый.
Пóвѣтерь, благопріятный вѣтръ.
Погáнь, дрянь, нечистота.
Погнѣздно, попарно.
Погромъ, разрушеніе.
Погрузлый.
Погрядно, отъ грядá.
Погудáло, скрыпачъ, разкащикъ.
Подбóра, веревка у конца сѣти.
Подбрежіе, мѣсто внизу около берега.
Подбрюшина, нижній желудокъ.
Подбѣлъ, мать и мачиха.
Подвёртка
Подвздохи, то же, что подбрюшина; —**здошный.**
Подвóй, столпъ деревянный, косякъ.
Подволока, чердакъ.
Подвохъ, зáговоръ.
Пóдвязи, подмостки, лѣса при стройкѣ.
Подгóнъ, гоньба скота на продажу; **подгонный.**
Подградіе, подгоріе.
Подгрудокъ у быка.
Пóддатель, подчиненный.
Поддергáй, который носитъ очень короткое платье.
Подъдонъ, поддонокъ, что подставляется подъ сосудокъ или тарелку.
Поддымье, поддымка, время, когда мужики топятъ печь.
Подживóтникъ, ударъ подъ животъ.
Подгнѣта, — гнѣтъ, поджогъ дровъ и хвороста, подклад. въ печь для зажиганья подтопка.
Подзаводскій, принадл. фабрикѣ.
Подзолки, подзолъ.
Подкáпокъ, бабій колпакъ.
Подкладень, подкладъ, подкладышъ, яйцо, подклад. подъ курицу.
Подклéтъ, нижній этажъ деревяннаго дома.
Подколодникъ, ольшанка птица.
Подкрыльный, что подъ крыломъ.
Подъкрѣпа, подпора.
Подлаза, хитрой человѣкъ.
Подлѣсникъ, дикой народъ.
Подмáренникъ, растен.
Подмóжный, посланный на помощь.
Пóдмѣсъ, подмѣсь.
Поднáрье, низъ кровати.
Поднарядье, поднарядъ.
Подóба, обычай.
Подóнки, отстой, дрожжи.
Подпалка, мука разведен. на маслѣ.
Подпахивать, подпахнуть.
Подпёка, припеченная до красна сторона хлѣба.
Подпечье, подпечекъ, подпечникъ [мѣсто подъ печью], пустое мѣсто подъ печью.
Подплёта, подплетало, плутъ.
Подполье.
Подпупье, подбрюшина.
Пóдрѣзъ, подошва.
Подслýга.
Подстолпіе, піедесталъ.
Подсýмокъ, отъ сумки.
Подсупóнить, — пóнивать, опоясать.
Пóдсѣдъ, бѣлые волосы на мѣхахъ.
Подтéлокъ, теленокъ годовой и дальше.
Подтяпать, стянуть въ карманъ.
Подýстъ, рыба налимъ.
Подъемная лошадь—тянущая тяжести.
Подъизбица, кладовая у мужика, полагалище.
Подъимя́нщикъ, владѣющій подъ именемъ другого.
Подъигривать, акомпанировать.
Подымная, подать отъ дыма.
Подюжѣть.
Пожóга, земля оплодороденная чрезъ выжегу лѣса.
Пожелѣзное, тюремныя деньги.
Пожилóе, наемъ, плата за труды; **пожилыя** деньги.
Позáриваться, позариться, прельститься на что или чѣмъ-нибудь.
Пóздность, замедленіе.
Поземéльное, подать отъ земли.
Покатная рыба, — которая изъ Волги возвращается въ Каспійское море.
Покатýнъ, перекати-поле.
Поконъ, обычай.
Покормёжная, пашпортъ на право заработывать хлѣбъ.
Покромь[ъ], покромка,—мочка, край сукна.
Покрýченникъ, охотникъ, нанятый [для ловли] въ собольей охотѣ.
Полúчное, преступленіе.
Полмá, двѣ половины.
Полновластіе, верховное, совершенное владычество; **полновластный.**
Полó, открыто, на открышку дѣйствовать.

Полобокій, изнуренный, измученный, о лошадяхъ.
Полови́къ, половина кирпича.
Полови́нить, раздѣлить надвое.
Половѣть, блѣднѣть; **половѣлый, поло́вый,** желтый блѣдно.
По́лость, пустота, впадина.
По́лоть, кусокъ отрѣз. сала, пластъ.
Поло́хъ, испугъ.
Полуба́рокъ, суденышко, полъ барки.
Полугаръ, водка низшаго сорта.
Полуду́рье.
Полуночникъ, козодой, птица.
Полу́торникъ, тѣсный экипажъ на двѣ персоны.
Получай, судьба, участь.
Полуфунтови́къ, мѣра тяжести въ полфунта.
Полчетверта́, три съ половиною.
Полѣтная, пашпортъ; **полѣтный,** годичный.
Пони́токъ, матерія полушерст. и полунитяная.
Понorовникъ, — вщикъ, угодникъ, услужливый; **понoровка,** потворство.
Пону́ра, человѣкъ съ сентябрской рожей; **понурый** конь, держащій голову внизъ; **понурно,** къ землѣ; **понурность,** наклонность внизъ.
Поня́ва, по́нька, юпка у крестьянокъ, рубашка.
Попа́смо, (sic!) пасмами нитокъ.
По́персь, бюстъ.
По́ползень, дитя, не умѣющее ходить; птица.
Пополосно: краснѣла пополосно.
Попрыгунъ, поплясунъ.
Попутникъ, трава.
Попыривать, посылать кого всякую минуту.
Попырка, выговоръ.
Поро́жистый, много пороговъ.
По́розъ, некладеный боровъ.
По́рскать, по́рскнуть, уськнуть собакамъ по звѣрю.
По́рубень, бортъ у барки.
По́ручь, манжеты у рукавовъ.
По́ршень, обувь крестьянъ изъ кожи.
Поря́дъ, отъ порядить,—условіе, согласіе.
Поски́рдно, кучами, скирдами.
Поседмично, понедѣльно.
Поскрёбышъ, поскрёбокъ, остатокъ отъ поскребыванья.
По́слень, трава, пясликъ.
Послухъ, свидѣтель, слышавшій ушами.
Послѣдышъ, меньшой сынъ или дочь.
Постатейно, par article (sic!).
По́сторонъ, возлѣ.
Посы́каться, — сы́кнуться, испытывать.
Пота́ль, мишура.
Потатуйка, ударъ.
По́тесь, бревно вмѣсто руля у барки.
Поти́ръ, чаша для Св. причастія.
Потретно, по третямъ.
Потща́нно, поспѣшно.
Потя́гъ, шпанды́рь, ремень у сапожниковъ.
Похлѣбство, ласкательство.
Почерпа́ло, слѣпокъ.
Почече́ниться, жеманиться.
Почечуйникъ, растен.
Почина́льникъ, зажигатель.
Почи́нокъ, земля близь деревни.
Пошаечно, шайками, обществами.
Пошере́ножно, рядами.
Поѣзжанинъ, поѣзжатой, принадлежащій къ поѣзду.
Прави́ло, руль, кормило.
Пра́вица, правая рука: **правина́.**
Пра́зелень.
Прапоръ, прапорецъ, знамя, ватага солдатъ.
Пра́солъ, перепродавецъ.
Прево́й, колпакъ, чалма.
Предви́децъ.
Предвозгласный, предвозгласникъ.
Предвратіе.
Предзрѣніе.
Предуставленіе, распоряженіе, заранѣ сдѣланное.
Предхраміе.
Преимѣть, имѣть предпочтеніе.
Преклѣть, комната, сдѣл. перегородкой.
Прекословникъ, спорщикъ.
Прелага́тай, лазутчикъ.
Преполовеніе, средина; день, въ который празднуется средина великаго поста.
Препро́стіе, величайшая простота.
Преристаніе, призъ на бѣгахъ, награда.
Пре́(ѣ)тельный, ссорящійся.
Прибойникъ, фитильникъ (артилер.)
Привада, приманка.
Приверженникъ, послѣдователь, партизанъ.
Приволо́ка, плащъ, пивная пѣна.
При́гарь, запахъ пригорѣлаго.
Пригля́дка, призо́ръ.
Пригнушивать, немного гнусить.
Приголо́вокъ, первое спиртовое испареніе при перегонкѣ.
Пригро́бный, который при погребеніи.
Придуривать, дѣлать глупости.
Прижи́нъ, нажатое, жатва.
Прико́лка, приколотая вещь: приколка съ боку.
Прикопъ, приступъ въ осадѣ.
При́кось, косость, косоватость глаза.
Прикрой, кусокъ отрѣзаннаго сукна.
Прили́ка, доказательство; то, что служитъ къ тому, чтобы убѣдить; **прилпчать, —чить.**
Прилогъ, хитрость.
Примо́ина, наносъ земли водою.
При́маракъ, привидѣніе; **примрачаться, примрачный,** потемнѣвшій.

Примѣръ, излишнее въ тяжести, привѣсъ.
Припой.
Припы́живать, засунуть зарядъ въ пушки.
При́пьянъ, пьяноватъ.
Присе́локъ, деревушка маленькая.
Присельникъ, сосѣдъ по деревнѣ.
Присносущный, вѣчно пребывающій.
При́снѣе, чистосердечнѣй.
Приспѣшная, комната, гдѣ пекутся пироги; **приспѣшникъ.**
Пристанодержатель, принимающій подозрит. людей.
Присѣдливость, свойство и охота сидѣть; **присѣдникъ.**
Присѣнный, дающій тѣнь.
Присѣстъ [сломанная жердь].
Приталина, открытое мѣсто на льду.
При́толока, брусъ надъ дверью.
Прису́дъ.
При́точникъ, говорящій притчами.
Притрава, приманка.
Притрапе́зникъ, иногда застольный товарищъ, а иногда и просто прихлѣбатель и блюдолизъ.
Приту́лье, мѣсто, гдѣ можно спрятаться.
При́хвостень, надоѣдала, всюду слѣдующій.
Прихичивать,—хитить, поправить.
Прихлёбка, все, что пьется во время ѣды.
Пришельствіе, обиталище въ чужой землѣ.
Пріятелище, сосудъ.
Проби́рщикъ, испытывающій.
Пробой, желѣзная скоба; **пробо́йна**, дыра.
Пробо́ръ, раздѣлъ въ головной прическѣ (raie).
Пробрызнуть: все поле пробрызнуто цвѣтами.
Пробу́дъ, пробужденіе; **пробудокъ.**
Прова́льщина, поперечное время, невзгода.
Провѣшивать, провѣсъ, слишкомъ **провѣситься**, обчесться въ вѣсѣ въ уронъ себѣ.
Провѣсный, высушенный на воздухѣ.
Прогаливаться, проясниться; **прогалина** на небѣ, по льду, въ лѣсу—очищенное мѣсто.
Прогарина, мѣсто, прожженное огнемъ.
Проду́шина, отверстіе, трещина во льду.
Прое́мъ, поперечная дыра (въ поперегъ).
Про́желть, желтый съ перемѣшаннымъ цвѣтъ.
Прокладка, вещь, положен. между двумя.
Прокозырялся, гуляя, все спустилъ.
Проку́да, шалунъ.
Проку́ра, полная власть.
Промигивать,—гнуть, потерять отъ нерадѣнія, простеречь.
Про́мытъ, контрабанда.
Проповѣдалище, кафедра.
Пропо́й, на водку деньги.
Про́рость, говядина, проросшая жиромъ.
Прорѣзной, просквоженный.
Прорѣзъ, судно съ дырами для сбереженія живой рыбы.
Просверкивать,—кнуть.
Просви́рки, проскурнякъ, растен.
Про́синь, голубоватый цвѣтъ.
Прослу́га, неисправность въ службѣ.
Прострѣлъ, сонъ-трава.
Прота́занъ, эспонтонъ.
Протамжи́ть, обмануть таможню; **протаможье**, штрафъ за это.
Противостояніе, опозиція.
Проторжка, банкрутство; **проторговаться**, обанкрутиться.
Прошле́цъ сквозь огонь и воду.
Проѣсти, издержки.
Пру́ги, пружіе, саранча.
Пругло, шнурокъ, сѣть.
Прудный, полный подводныхъ камней.
Пруженіе, вздутость; **пружить**, вздуваться, оттуда пружина.
Прутковая икра, невычищенная; **прутковая** рыба, разрѣзан. пополамъ и высушенная; **прутковая** сталь — въ прутахъ.
Прутня́къ, хворостникъ.
Прыгъ, прыжокъ.
Прыгунчикъ, травяная кобылка.
Прыще́нецъ, лютикъ.
Пряженье, friture.
Пряжмо, всякое тѣсто въ маслѣ.
Отвѣсъ, прямина́.
Прямный, находящій(ся) насупротивъ.
Прямь, прямая линія.
Пря́сло, часть забора.
Прячь, соединять.
Пси́нки, растен. съ черными ягодами.
Пу́га, толстый конецъ яйца.
Пуда́рь, носильщикъ.
Пу́мпа, подошвеная кожа.
Пу́ночка, снѣговая овсянка, птица.
Пу́ня, овинъ, или житница для соломы.
Пустельга́, птица.
Пустосвятъ, тартюфъ, святоша.
Пусто́шка, удодъ.
Пу́тлище, стремянной ремень.
Пу́тло, узкій и долгій ремень.
Путля́нка, лабиринфъ.
Пу́чеглазый, съ большими глазами.
Пу́шь, мягкая рухлядь; **пушняръ**, продавецъ мягкой рухляди.
Пхиновникъ, трава.
Пшонникъ, пшонный пирогъ.
Пыре́й, спорышъ, птичій горецъ.
Пы́ро, горохъ.
Пы́ха, гордость.
Пыщи́ть, надувать; **пыщиться**, гордиться.

Пѣга́нка, ата́йка, карка́нь (утка).
Пѣжи́на, пятно круглое на шерсти.
Пѣняжникъ, банкиръ.
Пѣшехо́дка, ходьба, бочка; **пѣшешествіе.**
Пя́ло, инструментъ сыромятника.
Пя́стать, давать удары кулаками; **пясть,** кулакъ.
Пятилистникъ, пятипялечникъ, трава.
Пятинка, мотокъ, пасма нитокъ.
Развилина, двѣ вѣтви одного стебля.
Разво́питься, громко расплакаться.
Развѣтъ, возстаніе, возмущеніе.
Разгоститься, долго зажиться въ гостяхъ.
Разгрязать, разгрязнуть, начать замѣшиваться въ грязь.
Разгу́лка, сильнѣй прогулки.
Раздо́бриться, вдругъ сдѣлаться великодушнымъ.
Разлогій, наклонный на обѣ стороны; **разложистый, разлогость.**
Расмасливать,—слить, передать много масла и пріятно говорить.
Размашистый: природа распорядилась размашисто.
Размиріе, несогласіе; **размириться.**
Разобщать, раздѣлять на особенные міры.
Разратье, разъединеніе.
Разсеребрить, разсеребриться.
Разсоха у плуга.
Разстро́й, разстройка, dissonance.
Разъемный, раздѣляющійся; **разъемъ,** складной.
Рай-дерево, италіанскій проскурнякъ.
Раку́шка.
Раме́нь, лѣсъ на постройку.
Разсклепать, выдернуть гвозди.
Разсклинивать,—нить, и вынуть клинъ, и вставить клинъ.
Раскоробить.
Расль, вѣтвь.
Распопъ, разстриженный попъ.
Распырять, разсѣять.
Раста́гъ, день отдохновенія для стадъ.
Расто́къ, рукавъ рѣки.
Растру́бы, уши за которыя тянутъ сапоги.
Растъ, время, въ котор. созрѣваетъ фруктъ.
Расчечениться, возгордиться.
Расщечить, раскрадывать.
Ратай, воинъ.
Ра́товище, древко алебарды.
Ра́шпля, рыба морская ангель.
Рвань, желѣзн. кольцо.
Райна, рей.
Ре́кло, порекло, прозвище.
Репя́шки, растен.
Ржа́вецъ, болота.
Ристать, скоро бѣжать; **ристательный; ристалище,** циркъ; **ристатель.**
Рове́нникъ, прудъ, колодецъ.
Ровистый, наполненный рвами.
Рогови́къ, роговой гребешокъ.
Рого́зъ, растен. massette.
Рогуля, рогулька, крючковатое дерево.
Розвальни, низкіе сани съ загнут. боками.
Розыскна́я, уголовный судъ. **Розыскъ.**
Ро́кошъ, возмущеніе.
Ро́пать, капище языческое.
Росни́ца, растен. львиная нога.
Росторо́нша, растен. родъ волчца.
Ростро́гъ, дикая мята.
Ртачиться, упорствовать; **ртачливый.**
Руба́нъ, столярный стругъ.
Рудословіе, минералогія; **рудословъ,—вный.**
Рукопуты, цѣпи на рукахъ.
Румянка, (sic!) растен.
Ру́хлякъ, мергель.
Ручевина, болотное мѣсто.
Рыкъ, рычаніе.
Рылястый, долгорылый.
Рѣднина, рѣдь, рѣдно.
Рѣха, (sic!) сито съ широкими петлями.
Рѣжи, бревна въ видѣ клѣтокъ надъ большими мостами.
Рѣжу́га, (sic!) растен.
Рѣзань, древняя мелкая монета.
Рѣзка, мелкоизрубл. солома.
Рѣзоимство, лихоимство.
Рѣпица, хвостъ лошадиный куцый.
Рѣпище, рѣпное поле, рѣпникъ.
Рѣпникъ, супъ изъ рѣпы и крупы овсян.
Рѣснота́, приличіе.
Рѣшетина, решетчатая работа.
Рѣшма, серебренное украшеніе узды.
Рябикъ, остроконечное судно съ веслами.
Ря́бка, куропатка.
Рявца, рыба.
Ряда́, согласіе; **ря́децъ, ря́дчикъ, рядная** запись; **рядный,** соглашенный; **рядъ,** строй.
Саба́нъ, плугъ двуколесный.
Сабельникъ, шпажникъ; ирь синяя, растен.
Сабуръ, алое.
Са́вка, сау́тка, утка съ Новой Земли съ длин. хвостомъ.
Садни́ть, содрать, сцарапать; **садно́,** исцарапина.
Саженецъ, лукъ [пересаженны] посаженный.
Са́жалка, садокъ.
Саза́нъ, родъ карпа.
Самоборство, дуель: **самоборецъ,** дуелистъ.
Самобратъ, двоюрод. братъ.
Самогласная, буква гласная.
Самозаконно, верховластно.
Самоистина, аксіома.
Самомнѣніе, самочванство, самодовольство, увѣренность въ себѣ.
Самонравіе, особенность характера.
Самоугодникъ, который удовлетворя-

етъ себя въ желаньяхъ, родъ эгоиста

Самшитъ, геванъ.

Са́нничій, смотрящій за санями (чинъ древн.).

Санолю́бецъ, человѣкъ любящ. почести.

Саребара́къ, родъ соды.

Сбиралище, водоемъ.

Сбо́й, хитрость; **сбойничать,—чанье.**

Сбойливость, хитрой характеръ; **сбойникъ, сбойчакъ**, хитрецъ.

Сботать, построить безъ всякаго размѣра и толку, какъ попало.

Сбруеполо́жница, комната для храненія оружія. **Сбруехранилище**, арсеналъ.

Сбруйный.

Сбѣгъ и **сбѣги**.

Сва́да, интрига, ссора.

Свайный, отъ свая.

Сва́рка, мѣсто, гдѣ два желѣза соединены спайкой.

Сведенники и **сведенницы** братья и сестры отъ разныхъ постелей.

Свербú́чка, растен.

Сверли́ло, сверло́, сверлить.

Сверщъ, сверчокъ.

Свúдини, [1]) деренъ.

Свиль, кривизна дерева, отъ вилять; **свилянный**, moiré, слоями.

Свúнуха, вонючій грибъ.

Свинча́тка, сѣть для рыбы; бабка, набитая свинцомъ.

Свирúстель, птица.

Свúрять, отъ свирѣли—играть.

Свѣте́цъ, желѣзо съ тремя концами, куда всажив. лучина для освѣщенія.

Свѣтлякъ, свѣт. червь.

Свѣтоначальникъ, источникъ свѣта.

Свѣтоносецъ, утрен. звѣзда.

Свя́тецъ, святой, святолѣпный.

Священнострадалецъ, мученикъ.

Сгибной, складывающійся.

Сго́номъ, всѣхъ вмѣстѣ; **сгонный**, собранный.

Сгромозженіе.

Сдвоить, ссучить (о канатѣ), повторить; **сдвоенный**, ссученный; **сдвойка**, двойн. слѣдъ звѣря.

Седмизвѣздіе, плеады.

Села́ва, плотва (рыба).

Селú́кій, толикій, этакой.

Селú́тва, обиталище.

Семида́лъ, цвѣтъ лица.

Сербаринникъ, дикой шиповникъ.

Серде́чникъ, растен.; шкворень.

Сердечной корень, растен.

Сердú́тка, сердящійся человѣкъ или женщина.

Сивоворонка, птица.

Сивожелѣзный, цвѣтъ иныхъ лошадей.

Сивизна́.

Сú́дьма, то есть сидя.

Сизя́къ, голубь свинцов. цвѣта.

Сú́льникъ, богатырь.

Сима, бичевка, веревочка.

Сине́ль, сири́нга, синія сиренги.

Синешейка, варакушка, птица.

Синтепа́, рыба.

Синюха, василекъ.

Сипль, долгоноска, насѣком.

Сиповка, свирѣль. **Сиповщикъ.**

Сипъ, Альпійскій коршунъ.

Сире́на, большой котелъ.

С'ринъ, сова.

Ска́лка, roulet.

Скань, сученая нитка.

Сквара, нечистота, жаръ.

Скитникъ, скитнякъ, пустынникъ — отъ скитаться.

Скла́день, ожерелье.

Скла́дни, досточки съ образами, которыя вмѣстѣ складываются.

Скнипы, мошки, блохи.

Скомлѣть, двигать языкомъ (Славянск.).

Ско́па, рыболовный коршунъ.

Ско́ра, кожа, мягкая рухлядь. **Скорнякъ**, выдѣлывающій кожу и мѣха; **скорнячить,—чество.**

Скорогибельный, ломкій.

Скороспѣшный, скоротечецъ.

Скоро́сый, живой, прыткой.

Скотоподо́бникъ, живущій подобно звѣрямъ.

Скрыпу́нъ (насѣком.); **скрыпунъ**-трава (раст.).

Скровъ, скрытое мѣсто.

Скро́пки, штопанье; чортъ знаетъ, какая работа.

Скропать, кое-какъ сдѣлать; **скро́пышь**, чортъ знаетъ, какъ сдѣланное платье.

Скудель, глина; **скудельникъ**, горшешникъ; **скудельница**, глиняная ваза.

Скудня́къ, бѣднякъ.

Скудобо́ро́дый, съ малой жидкой бородкой.

Скудогласный, слабаго голоса; **скудогласіе.**

Скудобрюхій, поджарой, тонкой.

Слабодушіе, безхарактерность, безсиліе души

Слабомысліе, слабость ума, лишеннаго напряженія.

Сладкоуханный.

Сланецъ, захирѣвше дерево, аспидный камень.

Сла́на, изморозь.

Слега́, слежка, длинное бревно средней толщины.

Слезахранилище[1]), плакальный сосудъ.

Сливнякъ, сливной садъ.

Слинтяй, слиняй.

---

[1]) Слѣдуетъ читать: **свидина.**

[1]) Слѣдуетъ „слезохранилище“.

Слобода, больш. деревня изъ одной улицы; **слобожанинъ,** обитатель такой деревни.
Слота́, дождливое время.
Слушалище, аудиторія.
Слякій, кривой, согнутый.
Слякать, слячи́ть, согнуть; **слячность,** кривизна.
Сма́зень (о кристал.).
Смарагдъ, изумрудъ.
Смерчіе, мозжевельникъ.
Смерчь, смерщь (trombe).
Смокъ, рыба, морской драконъ.
Смольчугъ, дерево (passe).
Смолярь, который смолитъ или выдѣл. смолу.
Смолебникъ, съ которымъ вмѣстѣ молишься.
Скородинникъ, земля, засажен. смородиной.
Смо́родь, запахъ чего-нибудь сожженаго.
Смотрѣливой, проницательный.
Смрадить, насмрадить.
Смутничать, производ. смутни; **смутникъ.**
Снарядохранилище, арсеналъ.
Снаслаждаться, вмѣстѣ съ другомъ наслажд.
Снаслѣдникъ.
Снимокъ, копія.
Снить, дягиль, дикая анжелика.
Снобродъ, лунатикъ.
Снычъ, замочный языкъ.
Со́бина, добро, пріобрѣт. бережливостью; **со́бить,** накоплять.
Совоздвигнуть, соорудить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо.
Совоздыхать.
Сово́инственникъ, сотоварищъ въ битвахъ.
Сове́къ, чаша, лопата.
Совопрошаться, совопроситься, диспутовать.
Совопросникъ, диспутующій.
Совоспитаніе, публичное воспитаніе.
Совсельникъ,—льница, живущій съ другимъ.
Содо́мить, подымать шумъ.
Со́другъ, содруженный, сдѣлавшійся другомъ.
Содѣйственникъ.
Соизгна́нникъ, человѣкъ, изгнанный вмѣстѣ съ другимъ.
Со́има, родъ барки.
Со́кальница, кухня.
Соколій перелетъ, горчанка, трава.
Соксу́нъ, изъ породы утокъ.
Со́ніе, бредъ.
Сонная одурь, бѣшеная вишня (трава).
Сонъ-трава, весенній прострѣлъ (трава).
Сонливая бѣлка, **Со́ня.**
Сообитать, жить вмѣстѣ.
Сооживля́ться, сооживиться со всѣми.
Сопе́ль, сопе́лька, свирѣль; **сопе́цъ,** игрокъ на свирѣли.
Сопрестольникъ.
Сопричастникъ.
Со́рма, гладкое и неглубокое дно въ рѣкѣ.
Со́рный, полонъ пыли и всякаго сору.
Сорубежный, сопредѣльный.
Сосвидѣтель: былъ ему сосвидѣтель.
Со́ска, иногда пьяница.
Сосло́въ, синонимъ.
Сосу́нъ, животное, которое еще сосетъ.
Со́чиво, кушанье изъ чечевицы.
Сосѣдиться, помѣститься вмѣстѣ; **сосѣдатель.**
Сотово́й, отъ сота медоваго.
Со́чень, блинъ въ соименномъ соусѣ.
Сочи́ть, схватить.
Спакостить.
Спа́лый, упавшій внизъ.
Спесько́, спѣсивецъ.
Спо́лье, края поля.
Спо́на, препятствіе.
Споро́, выгодно; **спорный,** выгодный.
Спо́рокъ, распоротый кусокъ.
Спобо́рство, помощь.
Сподвалъ, все, безъ исключенія.
Справщикъ, факторъ въ типографіи.
Спячка, летаргія.
Средиградіе, центръ города.
Средостѣніе, простѣнокъ.
Сро́слень, вѣтви, сросшіяся вмѣстѣ.
Срывъ, незаконный барышъ.
Срѣзень, отрѣзанная корка; **срѣзокъ,** отрѣз. кусокъ; **срѣзъ,** мѣсто, гдѣ отрѣзано.
Ссѣкъ, филейный кусокъ.
Стави́ло, пьедесталъ.
Ста́вленикъ, кандидатъ въ священство.
Стадиться, стаиться, собираться въ кучи, оттуда **стайный.**
Ста́мна, ведро, кружка.
Старательство, покровительство.
Старбордъ, правая сторона корабля.
Стародубка, чемерица.
Старопомѣстный, владѣющій съ давнего времени землею.
Стихира, пѣснь, поемая въ заутрен. и вечерню.
Створчатый, съ двумя половинками; **створъ,** половинка двери.
Стеблище, стебель, стеблистый.
Степе́нникъ, солидный.
Сти́чь, стигнуть, гнаться.
Стихо́вна, послѣдній стихъ, поемый въ вечерню.
Стоголовникъ, родъ волчца.
Стойковые каблуки, изъ дерева подъ башмаками женскими.
Стойкій, упорный.
Столе́чникъ, скатерть.
Сторожо́къ, вѣсовая игла въ вѣсахъ, стрѣлка въ западнѣ.

Страда, трудная работа, время жатвы и работъ.
Стрека́ло, палка, рогатина, жало; **стрекать**, **стрекнуть**, поощрить, кольнуть.
Стремить свои желанья.
Стрекотать—о стрекозѣ.
Стреножить, спутать путами, (о лошадяхъ).
Дать **стречка́** навострить лыжи.
Стригунъ, молодой жеребецъ однолѣтній съ обстриженной гривой.
Стропъ, крыша, хоры.
Струганецъ, каменный хрусталь.
Струйный, тихо—, свѣтло-струйный.
Стрый, дядя (братъ отцевъ); **стры́я** тетка, сестра отца.
Стрѣлія, тулъ, колчанъ, славянск.
Стрѣчная жалоба, перебранка.
Стужа́ть, **стужить**, беспокоить; **стуженіе**, угнѣтеніе, преслѣдованіе.
Стукальце у воротной скобы.
Ступь, походка, иноходь.
Стыженіе, униженіе; **стыдный**, бесчестный.
Стѣнобой, **стѣноломъ**, баранъ, таранъ.
Стяго́вникъ, знаменноносецъ, прапорщикъ.
Сугонять, **сугнать**, достигнуть въ бѣгѣ; **суго́нь**, **сугонка**.
Сугубить.
Суда́рь, саванъ.
Суда́чить, поносить.
Суевѣрить, невѣрить и суевѣрить.
Суесловецъ, суесловный.
Су́лица, дротикъ.
Су́лой, разведенная мука для каши.
Суме́тъ, громада снѣга.
Супо́нь, ремень съ двумя крючками у лошадинаго ошейника; **супонить**, связать ихъ вмѣстѣ.
Сурма, антимонія; **сурьма́**.
Суса́къ, человѣкъ или животное жирное и толстой.
Сусляни́къ, хлѣбъ съ пряностями; **сусло**.
Сусѣкъ, мучница, водоемъ.
Суту́га, проволока.
Суту́жникъ, калиберъ.
Сухове́ршки, сальный корень.
Суходо́лъ, высушенный ручей, балка, оврагъ.
Сухоно́съ, острія башмаковъ для снѣгу у сибиряковъ, дикій гусь.
Суче́цъ, стебелекъ, соломинка.
Сушня́къ, сухіе дрова.
Сушани́ца, сушеная говядина или рыба.
Суя́гная, брюхатая овца.
Схо́дникъ, шпіонъ.
Схо́дня, лѣсница просто изъ гладкой доски, на которой прибиты деревянныя досточки вмѣсто ступеней.
Сцѣпъ, связь, соединяющая многія вещи вмѣстѣ.
Счалить, связать два судна вмѣстѣ; **счалка**.
Счунать, выговаривать, упрекать.
Съѣду́га, большой ябедникъ.
Сыкнуть, заставить молчать (о собакѣ).
Сыпе́цъ, маленькая лопата.
Сыновецъ, сынъ брата, племянникъ.
Сыроѣжки, родъ грибовъ.
Сычухъ, свиной желудокъ съ фаршемъ.
Сѣда́ленъ, стихъ, при пѣніи котораго можно сидѣть въ церкви.
Сѣдлистый, (о конѣ) съ углубленной спиной.
Сѣноставецъ, горный заяцъ.
Сѣрь, сѣрой, сѣризна.
Сѣянецъ, сѣянный чеснокъ.
Ся́кнуть, высыхать, сохнуть.
Таванить, назадъ гребсти.
Тавле́й, (токкадиль), игра.
Тага́нъ, треножникъ.
Тагасы, большіе сѣти для рыбной ловли зимою.
Тае́жные, данники сибирскіе въ лѣсахъ и горахъ.
Таза́ть, бранить.
Тайми́чищъ, незаконнорожденный сынъ.
Таль, все замороженное.
Тальникъ, дерево.
Тамга, клеймо, налогъ.
Тара́нушка, родъ смородины въ Сибири.
Таре́ль, винтъ у пушки.
Тарпа́нъ, дикая лошадь.
Тарчь, круглый щитъ.
Татбина, краденая вещь; **татебный**, **татственный**, **татство**.
Та́я, коробка или обвертка для пересылки товаровъ.
Творожи́ться, ссѣдаться; отъ „творогъ“.
Творо́жникъ, сырникъ.
Твердодушіе, **твердодушный**.
Твори́ло NB.
Те́за, имя; оттуда—**тезка**, соименный.
Тепломѣръ, термометръ.
Тередорить, печатать; **тередорщикъ**, печатальщикъ.
Тече́цъ, курьеръ.
Тимѣніе, болото.
Тисъ, дерево.
Тморичный, бесчисленный; **тморично**, **тморицею**.
Тобо́лецъ, сумка охотничья.
Тождесловіе.
Токмарь, **токмачъ**, колотушка.
Тончавый, худой.
Тончи́ца, тонкая матерія.
Топотня́, произведенная множествомъ людей.
То́рбасы, сапоги.
Торжникъ, торговецъ, купецъ.
Тори́ть, выучить.
Тори́ца, растеніе.
То́рный, ровный, гладкій (о дорогѣ).

Торочи́ть, убирать лентами.
Торчкомъ, торчмя, прямо, стоймя.
Торчо́къ, верхушка кирпича въ поперегъ стѣны.
То́чію, только.
То́щно, со стараніемъ.
Травникъ, ботан. садъ, птица.
Тре́ба, жертва, исполненіе дѣйствій церковныхъ.
Тре́бище, капище; **тре́бникъ,** жертвенникъ, церковный уставъ.
Требуха́, трсбушина, кишки.
Трегу́бо, втрое, третично.
Трезвонить, ударить по три раза во всѣ колокола церкви.
Тре́кровный, въ три этажа; **тре́кровникъ,** трехъэтажный домъ.
Трелю́дъ, насмѣшникъ; **трелюдиться,** посмѣиваться надъ кѣмъ.
Тремѣрный, трехътактный, трехъразмѣрный.
Тре́нзель, уздечка.
Трепа́ло, трепа́лка, мялица, мялө, мялка.
Тре́пелъ, трипелъ, родъ земли.
Тре́сна, цѣпочка золотая или серебреная.
Трети́на, третія часть.
Третины, службы, отправляемыя въ третій день по смерти кого-либо.
Треу́хъ, колпакъ треугольный у крестьянокъ.
Триста́тъ, начальникъ.
Тричисленный, составленный изъ трехъ.
Тройни, три близнецы.
Тропарь, пѣснь, изображающая дѣянія святыхъ или божіи.
Троскотъ, хворостникъ; слав.
Троса́къ.
Трошёлка, (?) трощеніе шелка.
Трупорѣховатый, трухлый; **трупөрѣшина, трупорѣховатость.**
Трусея, трусъ.
Труха, мелкое сѣно, сѣмя сѣнное.
Трясáвица, лихорадка съ трясеньемъ.
Туга́, тужить, туженіе.
Тузлукъ, разсолъ.
Турпанъ, родъ утки.
Ту́холь, тухлость, испорченность.
Ту́язъ, коробочка изъ березовой коры; **туязокъ.**
Тщегласіе, суегласіе, тщеславіе.
Тщедушный, плохаго здоровья.
Тщій, бесплодный, тщетный.
Ты́лье, обухъ.
Тыни́ть, окружать тыномъ.
Тысячелистникъ.
Тысящелѣтіе.
Тѣльное, рыбное блюдо безъ костей.
Тѣнникъ, тѣнистое мѣсто, экранъ.
Тѣснина, узкое мѣсто, ущелье.
Тюрю́къ, мѣшокъ, который надѣваютъ на голову преступнику при казненьи.
Тюря, куски разрѣзаннаго хлѣба, омокнутые въ квасъ.
Тягле́цъ, мужикъ, подверженный господской работѣ; **тягло́,** по́дать, бирка, число работящихъ крестьянъ.
Тюкъ, кипа.
Тюнь, тюкъ (нанкина), китайки изъ 10 штукъ, щитая по 8 и 9 арш. въ штукѣ.
Тяжаніе, работа; **тяжатель,** рабочій.
Тяжелина́, тяжелость, грубая тяжесть.
Тяжкосердіе, тяжкосердный.
Тяжъ, веревка, привязанная къ концу дышла и съ другой стороны къ концу веретена.
Тяпка, поваренный ножъ.
Убивалка, для убиванья земли.
Убо́жить, довести до бѣдности; **убожница,** домъ бѣдныхъ; **убожѣть,** обѣднѣть.
Убойный скотъ для мяса.
Уборчивость, полнота въ платьѣ; **уборство**—роскошь.
Уборщикъ, волосочесатель.
Убру́съ, платокъ, покрывало; діадема, украшен. перлами на образахъ; **убрусованіе,** уменьшеніе.
Увалъ, маленькой холмъ, ступень; **ува́листый,** наполненный пригорками.
Ува́льчивый, лѣнивый; **увалень.**
Уваръ, отваръ, декоктъ.
Уверстывать, уравнивать.
Увѣтливость, снисхожденіе.
Увѣтъ, увѣщаніе.
Увязло, діадема.
Уго́жій, способный на что; **угождать.**
Угонзать, исчезнуть.
Угрюмѣть, сдѣлаться угрюмымъ.
Удобовращательный, легко поворачиваемый.
Удобопреклонный.
Удоліе, удолъ, долина.
Уду́мать, рѣшиться, остановиться на чемъ.
Уёмъ, уменьшеніе; **уёмный,** служащій къ уменьшенію.
У́цъ, племянникъ, сынъ сестры.
Ужа́лъ, уколотье, ужаленье.
У́жика, родственникъ, близкій.
У́жина, часть добычи.
Ужина́ть, урѣзывать хлѣбъ; **ужи́нъ,** срѣзъ хлѣба.
Ужничество, родство; **ужничествовать,** наслѣдовать.
Ужо́вка, раковина.
Узи́лище, тюрьма.
Узи́на, тѣсное мѣсто.
Узлы, родъ пышекъ.
Узоро́чье, драгоцѣнности, украшенія.
Уй, дядя, братъ матери.
Ука́нуть, упасть внизъ.
Укладистый.
Укладъ, закаленое желѣзо.
Уклея, уклейка, плотва, рыба.
Укло́нка, уклонность.

Уклонъ, спускъ, покатость.
Уклюжій, ловкій, искусный.
Уключина.
Уко́лъ.
Укоснить, укоснѣтъ, замедлить; **укосненіе.**
Укорный, укоризненный.
Укосъ сѣна.
Укро́й, сукно, покрывающее гробъ.
Укромность, удобство.
Укропа́ть, штопать въ разныхъ мѣстахъ.
Укругъ, срѣзанный кусокъ хлѣба.
Укрѣпа прибиваетъ желѣзную скобу.
Улещать, улестить, льстить, получать что лестью.
Уло́въ, призъ рыбы.
Уло́мокъ, отломокъ.
Уме́тъ, навозъ, нещистота (sic!).
Умодѣльникъ, искусный человѣкъ.
У́молотъ, молодьба хлѣба.
Умолъ, что̀ съ мельницы.
Умоначертаніе, идея, планъ.
Умздить, пріобрѣсти подарками.
Умо́чка, потеря отъ смачиванія.
Умы́кать, вычесать хорошенько ленъ.
Умышленникъ, заговорщикъ.
У́не, унее, хорошо; **унші́й**, лучшій.
У́нзать, унзить, погрузиться, войти, Слав.
Унима́льщикъ, надсмотрщикъ надъ дѣтьми.
Унаравливать, уноровить, сдѣлать что кстати.
Уносъ, похищеніе; **уносный**, краденый.
Упадъ, паденіе.
Уписистый, вмѣстительный, тѣснымъ почеркомъ.
Уполо́вникъ, чумичка.
Упрыснуться, убѣжать.
Ура́зина, дубина, толстая палка.
Ура́зъ, ударъ, рана.
У́ровень, ватерпасъ.
Уро́ки, болѣзнь, произведенная дурнымъ глазомъ.
Урядливый, сохраняющій порядокъ; **урядникъ.**
Урядство, порядокъ; **урядить**, приноровить, примирить.
Усадьба, господскій дворъ въ деревнѣ.
Усеря́зь, серги.
Уси́локъ, крѣпкій человѣкъ.
У́сма, кожа; **у́сменный, усмарство; усмарь**, кожевникъ; **усмошвецъ**, сапожникъ.
Усо́бица, взаимная вражда.
Усовершитель.
Усыпальня, кладбище, гробъ.
Усыпка.
Усѣкальницы, щипцы.
Усѣчекъ, отрубленный кусокъ.
Уте́нокъ, утя,
Ути́нъ, падучая болѣзнь, черная немочь.
У́тлый.
Уто́рить.
Утре́нница, раннее утро. Слав.
Утріе, послѣзавтре.
Уты́лый, разжирѣвшій.
Ухи́чивать, ухи́тить, старательно исправить.
Ухлѣбить, питать, насытить пищею.
Ухоботье, рублен. солома мѣлкая.
Учти́вецъ, обходительный человѣкъ.
Учугъ, перегородка для лова рыбы.
Ушествіе, уходъ.
Ушкуй, родъ судна.
Ушле́цъ, бѣглый, побѣгшій.
Ущельникъ, обитатель ущелья.
Ущищать, ущити́ть, защищать.
Ую́тъ, удобное мѣсто.
Уять, уменьшить.
Фертикъ, почти то же, что фурсикъ, петиметръ.
Фря, жеманная женщина.
Фуговать, вставлять.
Хабарный, прибыльный, хлѣбный.
Хазъ, конецъ куска матеріи; дерской человѣкъ.
Хайлить, кричать, шумѣть; оттуда: хайло.
Халванъ, гальбанъ, родъ камеди.
Ха́луга, ограда. Слав.
Ха́ріусъ, рыба (Thym).
Харко́тина, плеваки; **харкунъ**, плевало.
Хаси́мъ, растеніе, львиной зубъ.
Хахалча́, рыба.
Хвальный, достойный похвалы.
Хва́тка, скорая распродажа.
Хватски[1]), очень скоро.
Хвостить, хвощу, бить вѣникомъ.
Хвощь, растеніе лошад. хвостъ.
Хвосте́цъ, кость въ хвостѣ.
Хво́я, иглы древесныя; колючія листья сосны или ели; **хвойный.**
Хи́кать, смѣяться.
Хирото́нія, рукоположеніе.
Хитрокъ, артистъ.
Хламостить, наваливать въ кучу.
Хли́пкій, дрянной, слабой; **хлипкость;** оттуда **хлипать.**
Хлопо́тникъ, хлопотунъ.
Хлѣбоѣдъ, блюдолизъ.
Хлѣбода́рь, ключникъ въ монастырѣ.
Хлѣви́ца, хлѣвъ; **хлѣвина**, скверная изба.
Хлюстать, мочить; **хлю́стъ**, игра въ карты.
Хля́бать, колебать; **хлябь**, шлюзъ.
Хмы́лить, рѣзать кирпичъ.
Ходе́цъ, ходокъ.
Хо́дкій, легкаго шагу, легкой поступки.
Ходунъ, верхній жерновъ.

---

[1]) Въ рукописи описка: „хвастки“.

Ходу́ля, ходу́лька, стулъ съ поворотомъ.
Хо́женное, плата [ходоку] ходящему.
Холо́дникъ, холодный погребъ.
Холстомѣ́ръ, мѣрящ. холстъ: **холщевникъ,** продавецъ холста.
Хольный, чисто содержанный.
Хохлу́ша, хохлатая курица.
Хохотунъ, хохотунья.
Храни́ло, хранильница, хранилище.
Храни́льникъ, казначей или економъ въ монастырѣ.
Храпунъ, храпёжъ.
Хребетный, хребтовый мѣхъ.
Хрепетать, ржать, прыскать.
Хромота, хроманіе.
Худогласый, слабаго голоса.
Цаты, золотой полумѣсяцъ надъ головою святыхъ.
Цвиль, хмѣльное сѣмя.
Цвѣтеніе; цвѣтоносный, несущій цвѣты.
Цвѣтоно́сная недѣля.
Цѣни́на, фаянсъ цѣнинный.
Цы́ба, коза.
Цыкъ, куриной крикъ; **цыкать.**
Цѣлибу́ха, кучеляба, водяной орѣхъ.
Цѣленіе, цѣльба, лѣченіе.
Цѣнка, крѣпкій выговоръ
Чабёръ.
Ча́вкать во время ѣды.
Чадный, дымный съ вонью.
Ча́лка, лошадь смѣшаннаго цвѣта.
Ча́лбышъ, малый осетръ.
Ча́лить; ча́лъ, канатъ, прикрѣпляющій лодку къ берегу.
Чапу́ра, цапля.
Часова́ть, остановиться на нѣсколько времени.
Частѣть, густѣть.
Чванъ, фанфаронъ.
Чва́рка, чорная (музыкал. нота).
Чеба́къ, рыба.
Чеботарить, дѣлать сапоги.
Че́знуть, сдѣлать худымъ, исчерпаться.
Чекалка, чекушка, маленькой заяцъ.
Чекма́ръ, долбня, валёкъ.
Человѣкоугодникъ, въ родѣ подлеца.
Че́лядня, комната для челяди.
Чемеза́, чемезина, деньги; **чемезинникъ,** скряга.
Че́меръ, крестецъ, хребетъ.
Череми́ца, дикій чеснокъ.
Черёмушникъ, лѣсъ изъ черёмухъ.
Че́рнедь, черноработа, черная эмаль(ъ).
Чернѣ́ль, родъ красной вохры.
Черни́чникъ, кустарникъ черники.
Чернобыльникъ.
Че́ртогрызъ, чертово удило, одышникъ, грудная трава.
Чертополо́хъ, волчецъ стоголовый.
Че́тверни, четыре близнеца.
Честивый, благочестивый.
Чехо́ня, рыба.
Чече́ниться, дѣлать тоненькія губки; **чече́ня,** женщина жеманная.
Че́четь, чечо́тка, птица.
Чечи́на, лютикъ.
Чеще́ніе, почтить подаркомъ.
Чили́мъ, родъ каштана.
Чиро́къ, родъ утки.
Чи́стикъ, изъ породы птицъ.
Чистодушіе.
Чихо́тка, чемерица.
Чти́лище, капище.
Чугу́нникъ, комликъ.
Чу́ръ, граница.
Чу́шки, ножны на пистолеты.
Шабашить, перестать работать.
Шагла́, рыбья щека.
Шадра́, серцевина моржеваго зуба, человѣкъ съ рябинками отъ оспы.
Шадри́на, самая рябинка.
Шадрови́тый, весь покрытый рябинами.
Шайка, шаечка, черпачка.
Ша́кать, (объ уткѣ) крякать.
Шаламайникъ.
Шалберить, шалберничать, лѣниться, нести вздоръ по глупости; **шалбёръ,** лѣнивецъ и болтунъ.
Ша́мшить, говорить не связно, такъ что нельзя разобрать словъ.
Шасти́ть, слышать шумъ; **ша́стать,** производить шумъ.
Шату́нъ, потаскунъ, дармоѣдъ.
Шашень, древесный червъ.
Швыро́къ, бросанье, ударъ.
Шевелять, говорить съ присвистомъ.
Щевелунъ, говоря свищущій.
Шелушить, чистить.
Шелы́га, металическій прутъ.
Шепетать, говорить свистя, **шепетунъ. шепелющій, шепотня, шопотъ, шепотникъ,** раскащикъ.
Шептала, персикъ.
Ше́рехъ, шерешпёръ, рыба.
Шеро́шина, неровность; **шерош(щ)ить,** сдѣлать неровнымъ.
Шефе́ль, родъ хлѣбной мѣры.
Ши́кша, фруктъ.
Шилохвостъ, утка съ длиннымъ хвостомъ.
Шипу́нъ, сортъ утки.
Широконько, широко; **широковатый.**
Ширя́й, человѣкъ широкой въ плечахъ.
Ши́тикъ, судно съ палубой 5 саж. длины и 2-хъ ширины.
Шиши́мора, шутъ; **шишиморить.**
Ши́шкать, шишлять, медлить, водить за носъ.
Шишимола.
Шква́ра, окалина, шлакъ.
Шлея, дольникъ у шоръ.
Шлифы, подвязки.
Шмякать, шмякнуть, бросить что-нибудь съ шумомъ на полъ (говорится о мокр. бѣльѣ).

Шо́ры, конская збруя.
Шпынь, насмѣшникъ; **шпы́нство,** насмѣшничество; **шпынять,** насмѣхаться надъ кѣмъ.
Шугай, шугаецъ, шугайникъ, родъ корсета обыкнов. женщинъ.
Шумиголова, сортъ раковины.
Шумливой, говорится о человѣкѣ.
Шулята, растеніе.
Шуфла, зарядница у артилер.
Щаный, отъ щей.
Щапле́ніе, ща́пство, ща́пливый, великолѣпный, гордый; **щапственникъ,** роскошно похотливой человѣкъ; **щапствовать,** весть роскошную жизнь.
Щебени́ть, наполнить щебнемъ.
Щевро́нокъ, птица, родъ травника.
Щеколда́, защо́лка, замычка.
Щелкуха, собачій языкъ, растеніе.
Щелочь, алкали.
Щелять, дѣлать щели; **щеляться,** трескаться.
Щемло́, гнётъ, пресъ.
Щепа́нь, щепки; **щепа́ть.**
Щепетильникъ, лавочникъ; **щепетильной,** ничтожный.
Щепе́ткій, щепе́тный, тѣсный (о платьяхъ); **щепетливый,** который любитъ носить тѣсное платье или сапоги.
Щерба́, вода, въ которой была варена рыба.
Щетиноватый, упорный; **щетиниться,** топыриться и сердиться.
Щечи́ло, плутъ, воръ, крючокъ.
Щечить, красть, потихоньку что подтибрить.
Щика́ть, щикну́ть, щипцами снять со свѣчки.
Щи́рость, чистота, справедливость.
Щуня́ть, выговаривать.
Щу́пальце у насѣкомыхъ.
Щупъ, лотъ, глубомѣръ; **щупальце.**
Щу́ра, человѣкъ, щурящій глаза.
Щурка, птица.
Щурупить, завинчивать щурупъ.
Ѣдальцы, челюсти у насѣкомыхъ.
Юдоліе, юдоль, долина.

Бабничать, бабничанье, повивальничать, повивальное искуство, повой.
Баба́шка, крючекъ, привязанный къ сѣти.
Подбабо́къ, подпорка, потдерживающ. подкосъ или планку.
Багрильщикъ, багрячій, рыболовъ багромъ.
Подбаго́рщикъ, помощникъ багрячаго; **подбагре́никъ,** малый багоръ.
Багрянка, краска пурпурная изъ раковинъ.
Бадря́нка, родъ персидскаго лимона.
База́рить, быть расточительнымъ, разсорить деньги.
Бакаутъ, дерево.
Бавиться въ чемъ-либо.
Багульникъ, дикой розмаринъ.
Бада́нъ, каменоломная трава.
Бадья, бадѣйка,—ечка, сосудъ изъ дерева, плоскодонный.
Базанить, лавировать, быть осторожно (sic!), болтать.
Байдакъ, родъ барки.
Бака́нить, красить бакановою краской.
Бакланъ, морской воронъ.
Балобанъ, родъ сокола.
Балаба́нъ, дуракъ отъ рожденія.
Балабо́лка, побрякушки, которыми украшаются татарскія женщины, убирая ими платье.
Балабо́йщикъ, болтунъ; **балабо́й.**
Бала́стить, нагружать баластомъ судно.
Бала́съ, родъ яхонта цвѣту темнокраснаго вина.
Балда, (татарское) набалдашникъ.
Балдырьянъ, растеніе valeriana.
Передбанникъ, комната передъ баней.
Барабо́шить, производить шумъ.
Барденикъ, скотъ, утучненный отъ барды.
Батырщикъ, набойщикъ; также намазывающ. въ типографіи на буквы чернило.
Бахарь, болтунъ.
Бахвалъ, фонфаронъ.
Бахи́лы, обувь крестьянская, привязывается къ ногамъ ремнями; **бахи́льщикъ,** дѣлатель такой обуви.
Бахма́тъ, большая татарская лошадь.
Бахро́мить, обкладывать бахрамой.
Бахвалъ, фонфаронъ.
Ба́яльникъ, ба́льникъ, колдунъ, шарлать[1]); **бальство, баяльство,** околдовство, обманъ; **бальствовать,** околдовывать; корень—баять.
Обаку́ла, обманщикъ; **обакуливать.**
Перебасенникъ, перескащикъ.
Ободрительно, разбодря́ться,—и́ться.
Безблагодатный, неблагодарный, бесплодный.
Безбранный, мирный.
Безболіе.
Безвкусица.
Безвластіе, анархія.
Безвыводно.
Безгодица, нещастія.
Бездорожица.
Безвѣздный (sic!) и **безлунный** сводъ неба.
Безквасіе.
Безкручинный.
Безладица.
Безоброчный.
Безрадостный.
Безсердный.
Береговище, крутой берегъ.
Би́ло, чугунная доска, клепало.

---

[1]) Читай: „шарлатанъ."

Би́чникъ, возница, помахивающій бичемъ.
Бойка, вбиваніе свай и всякое вбиваніе.
Забіячливость, забіячество, забіячить.
Вразбивку, разбивочно, по мелочамъ.
Субо́й, громада снѣгу.
Убойчивый, вѣрно нацѣливающій.
Бла́жливо, дерзко, капризно.
Поблажка, излишнее снисхожденіе, попущеніе.
Плева́ка, человѣкъ, который много плюетъ.
Бло́шникъ, растеніе.
Наблошнять, наблошнить, наполнить блохами.
Блудно, развратно; **блудодѣй, блудникъ.**
Блудяга, бродяга.
Бляхарь, дѣлатель бляхъ; **бляшечный.**
Боговидецъ.
Богоблагодатный.
Бого́глагольникъ, боговѣщатель, богопровидецъ, пророкъ.
Богомудріе, богому́дренный.
Богомысліе.
Божи́ть; боженье; божба́; отбо́житься.
Благовоздушіе, здоровый воздухъ.
Благогласіе, пріятный голосъ.
Благодвижный, подвижный на доброе дѣло.
Благодушіе, величіе души
Благодерзостный, храбрый.
Благозрачіе лица.
Благоизбранный.
Благознаменитый, славный.
Благоумный, разумный; **благоуміе.**
Благоподвижникъ.
Благозданный.
Боду́нъ, скотина, бодающая рогами. **Бо́день,** въ ярости скотина.
Боде́цъ, шпора; **боди́ло,** всякій прокалывающій инструментъ.
Боковня́, куча, изъ 500 рыбъ, выстав. на сушку.
Оболва́нить, дать первую грубую форму; **оболваниванье.**
Большакъ, старѣйшій въ деревнѣ, старшій сынъ; **большу́ха,** старшая дочь.
Бо́лтень, личинка, закрывающая замокъ.
Бореальный, бореальные вѣтры, отъ борея.
Борзи́ться, бо́рзо, вбо́рзѣ, скоро, вмигъ.
Борщевникъ, родъ аканта.
Брюханъ, толстякъ.
Ботѣлость, разботѣлый, разжирѣвшій; **ботѣть,** добрѣть.
Оборода́тѣть, отрости (sic!) бороду; **скудобородый,** жидкобородый.
Братствовать, жить братьей.

Разбрататься, перестать жить побратски.
Бори́стый, со многими складками.
Добо́ръ, недобо́ръ, отъ недобрать.
Набирка, маленькая корзинка.
Побирчій, мытарь.
Собо́рно, вмѣстѣ.
Спо́борникъ, помощникъ въ битвѣ.
Бра́нникъ, воинъ.
Бранко́, охотникъ браниться и ссориться.
Боро́нь, препятствіе, отпоръ; **бро́нникъ,** латникъ.
Збруехранилище, збруеположница.
Бревенча́къ, лѣсъ для бревенъ
Бережатый, хранитель; **бережь,** экономія.
Бу́бре́гъ, сл. почка у живот.; **бубрежный, бубрежникъ,** болѣзнь въ почкахъ.
Бродня́, шатаніе взадъ и впередъ.
Броди́льщикъ, пролагающій дорогу соболинымъ охотникамъ.
Набродъ всякаго народу.
Брови́стый, имѣющій густыя брови, междубровіе.
Броса́льница, мыканица.
Пробросчивый, непопадающій; **пробрасывать:** собака пробросилась мимо звѣря.
Пры́тникъ, растеніе.
Брыку́нъ, брыкающій.
Брюзгу́нъ, брюзжать, набрюзжать.
Безбрюхій.
Подбрюшникъ, ремень сбруи, проходящій подъ брюхомъ у лошади.
Бозня́къ, мѣсто, засаженное бузиной,
Бу́йны, холстяной зонтикъ, отъ дождя на небольшихъ суднахъ. Слав.
Буя́вый, пьяный; **набуянить.**
Буесло́віе, вздорные, нелѣпые разсказы; **буесловъ.**
Бучи́льня, щелочня; **бученье, бучить, выбучить.**
Булава́стикъ, родъ грибовъ.
Бубенить, пробубенить, разнести, разболтать.
Булдырь, домъ особнякомъ, дурно выстроенный.
Бухать, стрѣлять изъ ружья; **сбуха,** внезапно.
Бурча́стый, бурый.
Бѣга́лище, циркъ, ристалище.
Бу́лькать, булькнуть, налить съ шумомъ.
Набуровить, насцать полный урыльникъ; **наплаудить,** насцать на полъ цѣлую лужу.
Бу́ркало, родъ праща; **буркальщикъ,** бросающій его.
Бурунду́къ, бичевая веревка, сибирская полосатая бѣлка.
Бу́рно, бурность, бурливо, буранъ.
Бурли́ло, неугомонный человѣкъ, ворчунъ.

Бычи́ться, упорствовать, смотрѣть по сторонамъ.

Быстря́къ, живой, ловкій, смѣлый; **быстроуміе**, скоропроницающее свойство ума.

Убыстря́ть, ускорить.

Обезубыточить, вознаградить за убытки.

Бѣгомѣръ, инструментъ для измѣренія скорости бѣга.

Бѣгуне́цъ, рысакъ.

Бѣгу́нка, болѣзнь, заставляющая бѣгать.

Бѣгучій, скоропреходящій: **бѣгучій** цвѣтъ, линяющій, непрочный; **бѣгучій** металлъ, чернѣющій.

Навыбѣгъ, наперегонку.

Убѣжникъ, бѣглецъ.

Набѣдокурить, надѣлать бѣдъ.

Многобѣдственный.

Бѣлогузка, птица.

Бѣлокопытникъ, растеніе.

Бѣломойка, прачка.

Впробѣль, мѣстами съ бѣлизной.

Бѣсникъ, ночной повѣса.

Ва́жня, публичные вѣсы. **Важникъ**, тяжесть.

Ввадка, обычай, понемногу вкоренившійся; **отва́дка.**

Пова́дно, пріятно.

Ва́нда, родъ верши. **Вандовщикъ**, рыбакъ съ такою вершей.

До́ведь, дамка въ шашкахъ.

Самовольникъ, своевольникъ, своевольщина.

Овражистый, съ оврагами; **овражникъ**, растеніе.

Возвергать упованіе на Бога.

Опровергать.

Вро́звесель, вполпьяна, подгулявши.

Весну́ха, весенняя лихорадка.

Увесели́тель, слово купеческое, шутникъ.

Весня́къ, родившійся въ деревнѣ.

Завечерѣть: вдругъ завечерѣло среди поля.

Видо́къ, очевидный свидѣтель; **самовидецъ.**

Взвидѣть, прозрѣть послѣ ослѣпленія.

Беззавистіе, равнодушіе, неимѣніе зависти.

Визготня́, безпрерывный крикъ.

Винарь, виноградарь.

И́звинь, алкоголь, чистѣйшій спиртъ, извлеч. изъ вина.

Извинти́ть, испортить винтъ отъ завертыванья.

Висля́й, дубина.

Вислокрылка, насѣкомое.

Перевислый, перевиснуть на одну сторону, болѣе чѣмъ на другую, о палкѣ, утвержден. баткомъ.

Самовѣсъ, безмѣнъ; **довѣсокъ**, **недовѣсъ.**

Отвѣсъ, ватерпасъ, уровень, стѣна по отвѣсу.

Свѣсъ, сводъ, столярной обшивки.

Развѣсъ, распредѣленіе тяжестей.

Вило́й, завернувшійся; **вила́я** капуста; **вило́къ**, голова капусты.

Вихре́цъ, хохолъ.

Вьюрокъ, мотовило, сортъ птицы.

Заво́екъ, затылокъ.

Повитуха, повивальная бабка.

Виля́льщикъ, увертщикъ; **извиливать**, **отвильнуть.**

Обладательство. Властолюбствовать.

Единовластникъ.

Волосоче́съ, парикмахеръ, **волосоплётка**, то, что вплетается въ волоса.

Влаяніе, движеніе безпокойное; **вла́ять** (течь), **развла́ять**, разсѣять; **влага, волгнуть, отволаживать, отволгнуть; отволглый**, влажный.

Валу́нъ, круглый камень, голышъ.

Валю́га, лежебокъ, лѣнивецъ; **заваленъ.**

Волоку́ша, сѣти, употребляемыя на отмеляхъ.

Безволокѣтно, неоткладывая, вдругъ.

Волочайка, женщина потаскушка; **волочмя**, волоча.

Водобо́й, водомстъ; **водоливныя** трубы; **водополье**, понятіе луговъ.

Водоро́й, рытвина, произведенная водою.

Водосточный: водосточныя трубы.

Водоходство, навигація; **водоходъ**, морякъ.

Надводникъ, растеніе.

Волоклюй, птица.

Во́рвань, рыбій жиръ.

Во́ронь, воронить, воронило, воронильщикъ.

Заиро́ха, завирающійся.

Вредословъ, вредословить.

Временомѣръ, хронометръ; **временни́къ**, хроника; **ежевременно, извременя́ть,—нть**, дождаться поры.

Варови́къ, (рукавъ) сапожника нарукавникъ.

Вѣдецъ, знатокъ; **вѣгласъ**, опытный человѣкъ; **невѣгласъ**, **невѣжа**; **невѣгласіе.**

Изневѣсть, противу всякаго ожиданія.

Благовѣстникъ.

Возвѣстіе, новость; **возвѣщеніе**, обнародованіе; **обвѣщеніе, обвѣщать**, весь кругъ увѣдомить.

Сопредвѣчный.

Вѣроломецъ, предатель.

Вѣроимецъ, легковѣрный; **вѣроимство, вѣроимно.**

Обѣтникъ, давшій обѣтъ.

Совѣтно, согласно умомъ, больше чѣмъ другимъ; **единосовѣтіе; безсовѣтіе**, несогласіе.

Усовѣтовать, рѣшить съ совѣта об-

щаго.
Вещественникъ, матеріалистъ; **невещественникъ, невещественно**.
Валомъ валитъ.
Валюга, валявка, лѣнтяй.
Вариво, супъ и всякое кипяченое.
Варъ (о солнечномъ жарѣ).
Ватажёнъ, многонародный, многочисленный.
Вахлянье, пачканье; **свахлялъ**, коекакъ сдѣлалъ.
Вахлакъ, неучъ, грубіанъ.
Ввислый, во внутрь наклоненъ: весь ввиснулъ въ пропасть.
Вогнуть во внутрь: **вгибъ, вгибать**.
Вогнать, вгонъ.
Вгружатъ: вгрузился въ судно.
Вязожелдъ, растеніе.
Вѣтвіе, толстая вѣтвь; **вѣіе, вѣія**, вѣтвь.
Вѣтроносецъ.
Вя́зель, растеніе.
Вя́зень, плѣнникъ.
Вы́тикъ, крикунъ.
Вы́тный, изобрѣтенный по случаю, данный, полезный.
Вы́травный, ѣдкій.
Вытщикъ, пайщикъ; **вытъ**, пай.
Вьюшка, рыба.
Вдвижной, вдвигнуть.
Ведрить.
Верзи́ло, великанъ, длинный.
Вертошейка, вертоголовка.
Верхотворецъ, творецъ.
Верховникъ, начальникъ.
Вечея, вечейка, дыра въ мельничномъ жерновѣ.
Вешнякъ, весенняя дорога, отверстіе надъ плотиной съ шлюзнымъ затворомъ.
Взгаркнуть, вскрикнуть во всю мочь.
Взгонять (на гору), **взгонъ**.
Взодрать,-разодр. снизу вверхъ.
Взломка, взломъ, взломленный.
Взрыхлить, облегчить, сдѣлать дыру.
Взы́сканецъ, любимецъ.
Вида́льщина, извѣстная вещь.
Вису́лька, что виситъ.
Ви́тѣнь, длинная розга.
Вихлять, нерасторопно ковылять, волочить ноги, оттуда **вихляй**, нерасторопный.
Вихорный, отъ вихря.
Вы́блинки (растеніе) enflechures.
Выбивальникъ.
Вы́брозки, (sic!) безполезныя вещи.
Ви́шенникъ, вишневой садъ.
Вкомкать что въ середину, во внутрь.
Властодержецъ, повелитель.
Вманивать: вманилъ его въ самый кругъ.
Вминать, вмять.
Выбоисто.
Вы́веденышъ, цыпленокъ, только что изъ яйца.
Вывалка, выческа.
Вывалокъ, него́дный подкладень подъ курицу, провонявшій.
Выворотные башмаки—въ одну подошву.
Вы́гарь, вы́гарки, окалина, шлакъ.
Вы́жижникъ, который отдѣляетъ золото огнемъ.
Вы́зольникъ, растеніе, жавороночья нога, живокость.
Выка гусья, журавлиной горохъ.
Выклепать, посредствомъ біенія утончить металлъ.
Вымолотъ, вымолъ, количество муки, полученной съ мельницы отъ умолоту.
Вы́моръ, погашеніе, уплата; **вымороч-ный**, вакантный.
Вы́мпелъ, флюгеръ.
Выплавка.
Выпоръ.
Выпятка.
Выпѣствовать, (sic!) вылелѣять.
Вырдѣть, вызрѣть.
Вы́селокъ, хуторъ, мыза.
Высидка, количество выдвоеннаго ликера.
Высоковѣйный [1]), гордый.
Высокомудріе, высокодержавный,
Высокосердый, гордый.
Вы́стой.
Вы́сѣчка, рѣзьба, скульптура.
Вы́торжка, спускъ цѣны.
Вытяжно́й, вытянутый, тонкій; **вытяжка**.
Вы́хлебать, вы́хлебанье.
Выщечить, выплутовать или посредствомъ ласкательст.
Ваби́ло, приманка; **вабить, вабитель**.
Вабій, зять.
Вавилоны, дорожки.
Вайда, трава.
Ваія, пальма.
Ва́ленецъ, родъ бѣлаго хлѣба.
Ва́ленки, ва́ленцы, шерстяные валеные сапоги.
Ва́лка, срубъ лѣса, починка корабля.
Валкость, шатаніе; **валкій**.
Валото́ргъ, торговля гуртовая, оптомъ.
Валя́льщикъ, сукновалъ; **валяльня**.
Ва́ндышъ, морская корюха, рыба.
Ва́пленье, бѣленіе; **ва́пить**.
Вапъ, красный мѣлъ, карандашъ, красн. земля.
Варакушка, синешейка, птичка.
Варво́рка, маленькая ленточка.
Варови́на, сапожничья дратва, смоляная нитка.
Ва́ря, (варка), пивоварный чанъ.
Варя́ть, итти впередъ, предупредить (слав.); **варяніе**.

---

[1]) Слѣдуетъ читать: „высоковыйный."

Василистникъ, родъ руты, раст.
Ваяло, скульптурный рѣзецъ.
Ввыканіе, привычка.
Вгнетаніе, вгнетать, вгнесть.
Вдавнѣ, въ прошлое время; **вдалеко**, слишкомъ давно.
Вдругорядъ, въ другой разъ.
Веверица, горностай.
Вежа, ставка, шатеръ.
Велѣнь, (sic!) телячій пергаментъ, веленевая бумага
Великородный, знаменитаго происхожденія.
Веліалъ, дьяволъ.
Вербейникъ, растеніе.
Вербница, вербная недѣля.
Вербовникъ, трава.
Верва.
Вервица, четки у бѣдныхъ.
Верводѣля, дѣлатель веревокъ.
Вередовецъ, тоже родъ руты.
Верезга, крикунъ; **верезгливый, верезжать.**
Верейка, маленькая барка.
Верескледъ, растен.
Верея, столбъ, деревян. косякъ.
Верповать, буксировать.
Вертепистый, пещерный; **вертепный, вертепникъ.**
Вертлюгъ, мыщелокъ, вертлюгъ у пушки; **вертлюжекъ**, деревяный маленькій замочекъ.
Вертляность.
Вертъ, садъ, огородъ, славянск.
Верченный.
Верховица, верхушка горы.
Верхоглядничанье, верхоглядство.
Вершіе, вершичіе кончики растеній, отпрыски.
Весельщикъ, гребецъ.
Весларь.
Перевесновать, завесновать, весновать.
Ветла, бѣлая верба; **ветловый.**
Ветошить, подкладывать старье и ветошки подъ мѣхъ; **ветошенный, ветошеніе.**
Вечерница, вечерняя звѣзда.
Вечь, башня.
Вещелюбецъ, жадный человѣкъ.
Взбрызгивать, взбрызнуть.
Взбранный, храбрый.
Взвѣвать, взвѣять.
Взгорокъ, холмъ.
Вздѣжка, толстая игла.
Взлётъ, взлетать.
Взметчивость, взметчивый.
Взметчикъ, потѣшатель на пиру.
Взмѣрчивость, высокомѣріе.
Взнакъ, взничь.
Взъемъ.
Взъѣздъ.
Винoягодникъ, птица.
Виноставъ, винной торговецъ.
Вица, вичка, (**вичь, вичикъ**), вѣтвь для связыванія судовъ, розга; **витень**, длинная розга.
Витвина, вѣтвь.
Вкрутѣ, крѣпко, на живую нитку.
Вкрѣплять,
Влагомѣръ, гигрометръ.
Влазное, тюремныя деньги.
Властель, начальникъ.
Водоперица, тысящелистникъ.
Возскорбѣть.
Возсіяніе.
Война, дрема, анемонъ, Passe-fleur.
Вѣтромѣръ, анемометръ.
Волжанка, волнуха, сортъ грибовъ.
Волитель, человѣкъ предавшійся чему-либо; **волить**, хотѣть.
Волковня.
Воловина, кожа воловья.
Вологлодка, вологлодникъ, растеніе.
Волосоплетина, затылокъ.
Женскій волосъ, растѣніе.
Волосникъ, волосная повязка.
Волосатка, каракатица.
Волочайка, потаскушка.
Волочмя, тащa, влеченьемъ.
Волчанъ, трава.
Волчиться.
Волчки, родъ саней.
Волчникъ, растен.
Волшба, волхованіе.
Вонный, издающій запахъ.
Воочить, возвратить зрѣніе.
Вопливый, крикливый.
Вороба.
Воробы, сучильня; мотальныя вороˉбы.
Воробейникъ, растеніе—воробьиное сѣмя.
Воровочникъ, дягильникъ, анжелика.
Воронецъ, трава св. Христофора.
Воронокъ, медъ, извлеченный изъ остатковъ очищеннаго воска.
Воротило, хвостъ вѣтренной мельницы.
Вороть, вороченная на изнанку матерія, выворотъ.
Ворсистый, длиношерстный.
Воспятословіе, пауза, остановка, отдыхъ словъ.
Воскрилять, воскриленіе, восторгъ, **воскрилиться**, возвыситься, возлетѣть духомъ.
Восперять, возвыситься; **восперенный.**
Вотола, рубашка у дитяти.
Воцерковлять, воцерковленіе, воцерковленный.
Впробѣль, впросинь, впрожелть, впрозелень, впрочернь.
Впуклость, вогнутость.
Враска, морщина, складка,
Вратникъ.
Вратило, навой.
Вресень, древнее имя сентября.
Врѣснотý, воистинну, поистиннѣ.

Врю́чивать, врюти́ть, впрятать, всунуть куда.
Временомѣ́ръ, хроноскопъ, хронометръ.
Врухъ, родъ кузнечика, восточная саранча.
Вседушно, охотно, отъ всего сердца.
Всекоре́ннѣ, совершенно.
Всельникъ, поселившійся, колонистъ.
Вскормленикъ, питомецъ.
Вскрамо́литься, возмутиться, взбунтоваться.
Вскро́й, вскрытіе рѣки.
Встань, возмущеніе: поднялась встань.
Втора́чивать, второчи́ть, привязать къ сѣдлу; **второчиванье, второченіе.**
Втулка, затычка.
Вторствовать, имѣть второе мѣсто, быть вторымъ (славянское).
Втемя́шить, вбить въ голову, заставить войти въ голову.
Вцѣлѣ, цѣликомъ.
Гагатъ.
Гайка, шурупъ.
Гайно, постилка у свиней.
Гако́вница, пищаль съ крючкомъ.
Галба́нъ, гумми.
Гале́га, козья рута, растен.
Галмей, каламинъ; **галамейный.**
Гананіе, проблемма, загадка.
Гарпіусъ, бѣлая резина.
Гарпу́нъ, копьецо.
Гарь, сожженое, сгорѣвшее.
Га́сло, крикъ, порядокъ, слово.
Гаса́ры, бойница, амбразуры.
Га́спель, родъ рогатки на подобіе вертящагося креста у рудокоповъ.
Гать.
Гауби́ца, граната.
Га́баница, родъ кренделя.
Гиль, птица, горихвостка; **гѣль.**
Ги́рло, устье рѣки.
Главотяжъ, покрывало, которое надѣваютъ жиды во время молитвы.
Гла́шникъ, дерево.
Гле́тъ, окись серебра.
Гли́меръ, слюда.
Гли́нница, мергельная ломка.
Глиновалъ.
Глохъ, глогъ, деренъ.
Глотъ, ябеда, сутяга.
Глузгъ, уголъ глаза, **лузга́.**
Глупендя́й.
Глумникъ, насмѣшникъ.
Глѣнь, сокъ.
Го́лка, шумъ.
Головизна, голова рыбья или свиная.
Голо́вль, шумъ моря.
Голоколѣнецъ, нищій, славянск.
Голомя́нный, отдаленный отъ берега.
Головѣтеръ, морской вѣтеръ.
Голѣемый, голѣмый, большой, предпочтительный.
Горбы́ль, горбъ и горбатый, криво ходящій.
Горо́шить, расказывать кому свои кривды.
Горстать, собирать обѣими руками.
Грабаздать, сграбаздать, схватить, подцѣпить что наскоро; **дограбаздаться,** наконецъ дойти докрута.
Гравила́ть, (sic!) растен.
Гра́ять, каркать.
Гребо́къ, гребло́, весло.
Греза́, сонъ, болтунъ, раскащикъ.
Гремѣніе, громленіе, громоглаеіе.
Громдо́ла, родъ дикаго бадьяка, растен.
Груже́ніе, грузильщикъ.
Грузи́ло, свинецъ на удочкѣ.
Гру́на, лошадиной бѣгъ; **грунь,** маленькая рысца.
Грѣлка, жаровня для согрѣванія.
Грѣховодство, грѣхотворникъ.
Гуди́ло, гуди́льщикъ, плохой скрыпачъ.
Гу́за, лѣнтяй; **гу́зать, гузанье.**
Гули́, удовольствіе, публичное гулянье.
Гу́ль, крикъ для призыва голубей.
Гулю́чки, жмурки; **гулю́кать,** играть въ жмурки.
Гу́нь, гу́ны, гутей, квитъ, пигва, айва.
Гуньба́, до́нникъ, растеніе.
Гу́ня, ветошь, рубище.
Гуня́вый, плѣшивый, послѣ болѣзни; **гунявѣть.**
Гусарь, гусарникъ, гусиной пастухъ
Двойни́чникъ, близнецъ.
Дворобродъ, праздношатайка.
Двуверхій, двувершинный.
Двусвѣщіе, трисвѣщіе, подсвѣшники.
Девесилъ, девятисилъ, растен.
Девяти́льникъ, растен.
Девяти́ны, молитвы по мертвыхъ.
Де́лва, бочка; **делводѣля,** бочаръ.
Демьянка, бадиджанъ растен.
Дерба́, земля заново удобренная; **дербина́, дербовать,** (écobuer).
Дереза́, родъ акаціи.
Державецъ, монархъ; **державица.**
Держалка, ручка.
Де́ржка, голубятня.
Десятирикъ, мѣшокъ въ которомъ 10 четвериковъ.
Десятитычковый, decandre.
Дикуша, греча.
Дитячиться, ребячиться.
Дивій, дикій, славян.
Дменіе, дмиться.
Доброзвучный.
Добролюбецъ.
Добытокъ.
Дово́лить, довлить, довлетворить, довлетвореніе, **довлѣетъ** кому.
Догадъ, смекающій человѣкъ.
Додо́ръ, растолканіе толпы народа.
Дождевикъ, сортъ гриба.

Дозѣла́, сильно, совершенно.
Докись.
До́красна, до́бѣла, до́черна, до́синя.
Долгоденствовать.
Долотить, работать съ долотомъ.
Дольникъ.
Домо́вничать, домосѣдничать.
Домоздатель, архитекторъ.
До́мыслъ, проникновеніе, открытіе.
(**Доршъ**, рыба).
Дото́нка, совершенно, цѣликомъ, до глубины.
Дохле́цъ, яйцо безъ зародыша.
До́шлый, искусный, опытный.
Драни́на, оторванный кусокъ.
Драчіе, иглы, шипы.
Древодѣля, древодѣлъ,—датель, древодѣланіе,—дѣльство.
Древяни́ца, деревяная нога.
Дремли́къ, чемерица.
Дрему́честь.
Дресва́, хрящъ.
Дресвякъ, дресвянникъ, родъ гранита.
Дробя́зникъ, мелочные товары.
Дрогливый, трусливый.
Дро́чень, жирное и толстое дитя; **дрочить**, баловать.
Друга́къ, второе пиво изъ ячменя того же.
Друзи́ть, углублять.
Дру́скъ, хворостникъ.
Дручи́ть, притѣснять, мучить.
Дряхле́цъ, подержавый человѣкъ.
Дуба́съ, платье у женщинъ, выкрашенное листьями дуба; ящикъ или корыто изъ дуба.
Дубо́вка, родъ маленькой дикой мяты.
Дубоно́ска, птица, желтогрудый подорожникъ, лѣсничій.
Дубянка, чернильный орѣшекъ.
Дуда́къ, драхва.
Дудчатый.
Ду́мецъ, партизанъ, соумышленникъ.
Дуплить, дупля, большая дыра.
Дурнопахучникъ, растеніе.
Духова́льня, для духовъ сосудъ.
Духословіе; духовность.
Души́ца, растен.
Дыха́ло, дыхательное горло.
Дѣву́ля, женоподобный, обабившійся.
Дѣйственный, сильный.
Евра́шка, заецъ изъ Дауріи.
Единосовѣтіе, согласіе чувствъ и мыслей.
Единощи, одинъ разъ, однажды, слав.
Ёжа, растеніе.
Еже, на тотъ конецъ, чтобы; слав.
Ежева́тый, упорный; **е́житься.**
Ежо́вка, земленичное дерево.
Езъ, gord.
Еленецъ, летающій олень.
Еме́цъ, продажный человѣкъ.
Ерга́къ, шуба на сани.
Ёрикъ, маленькой ручеекъ.
Ёрзать, заёрзать, царапать, прост.
Ёрникъ, дробный лѣсъ.
Еруно́къ.
Еѳимоны, вечерни въ теченіе первыхъ четырехъ недель великаго поста.
Жара́токъ, дыра въ печи, гдѣ жаръ загребается.
Жатель, жнецъ,
Жгучка, крапива.
Жега́ло, у кузнецовъ раскаленный свердль.
Жестость, дурное время.
Живокость, растен. жавор. нога.
Жиде́ль, всякій сортъ жидкости.
Жиры́, водное мѣсто, гдѣ рыбы любятъ плавать.
Жога́рка, птица—желтогрудый подорожникъ.
Жирникъ, ночникъ.
Жужелица, жу́желка, окалина, шлакъ, садовый жукъ.
Жу́кать, говорить тихо.
Жура́въ, блокъ; **журавить**, подымать вверхъ.
Жу́ранъ, луговая царица; растен.
Журкну́ть, зажурчать.
Жу́чина, въ деревѣ, дупло.
Заботникъ.
Завида, слав., ревность.
Завиру́шка, птица—назаборный травникъ.
Заво́екъ, затылокъ у животныхъ.
Заво́й, инструментъ для стягиванія.
Воло́къ, пространство между двумя, рѣками судоходными; гористый и покрытый лѣсомъ участокъ земли; медвѣдки, на которыхъ перевозятъ пушки; доски, для закрытія оконъ у крестьянъ.
За́волочье, мѣсто по ту сторону волока.
Заво́ра, слав. засовъ.
Загвоздить.
За́головокъ, украшеніе нозади саней, спинка у кровати.
Загра́да, защита.
Загу́лъ, большое пьянство и роспускъ.
Зако́съ, (сѣнокосъ) начало сѣнокоса.
Закру́тъ, колика.
За́лежь, старый товаръ.
Заку́та, скрытое мѣсто.
Зала́вокъ, длинный ящикъ.
Залишекъ, что сверхъ.
Замчать, увлечь далеко.
Замя́тня, возмущеніе.
Запахнуться, закрыться полою платья.
Запо́йчивой, человѣкъ, наклонный къ пьянству.
За́рубень, зарубка.
Зарукавье, браслетъ у кисти руки; **запястье**, браслетъ у пясти руки.

Заско́рбнуть, съузиться; **заскорблый.**
За́спа, ячменная каша или овсяная.
Заслонъ, экранъ; застavъ.
Засрочный, перешедшій срокъ; засрочные дни—дни благосклонности.
Заста́вица, виньетка.
Засто́лица, бесѣда за столомъ.
Застѣнять, застѣнить, покрыть тѣнью; заключить въ четыре стѣны монаха.
Зати́нъ, бастіонъ.
Зато́къ, уто́къ, поперечное тканье.
Заты́нье, мѣсто за тыномъ; **застѣнье**, мѣсто за стѣной.
Зауто́рникъ, у бочарей.
За́холодъ, темное мѣсто.
Защёмъ, ущемленное мѣсто.
Защебе́нивать, наполнить простѣнки въ стѣнѣ мусоромъ и щебнемъ.
Звизда́ть, слав. посмѣиваться и свистѣть; **звиздъ**, посвистъ; **звѣздить**, посмѣять(ся) кому, прост.
Звѣздообра́зный.
Зрячка у ружья, цѣль.
Ивнякъ, лѣсъ ивы.
Иви́шенье, сортъ грибовъ.
Изврачевать, излѣчить.
Извѣря́ться, извѣриться, потерять весь кредитъ
Изго́нъ, изгнанье.
Издроби́ть.
Изслиха (sic!) слишкомъ сильно, еще сильнѣе.
Изневѣсть, вдругъ.
Изрѣши́ть, предохранять.
Изубы́тчивать, изубы́тчить, ввести въ издержки
Изува́ть, изуть, **раззуть** сл.
Изъя́нить, изъянный.
Ина́кій, другой.
Иння́ха, корюха, рыба.
Иновидный, инако сформованный.
Инорѣ́чіе, другое значеніе рѣчи.
И́ноходь.
Ино́чимъ, сынъ, дочерній мужъ.
Ину́да, ину́дѣ, въ другомъ мѣстѣ.
Ипа́тка, птица.
Ирга́, кизильникъ, деренъ.
Иръ, ирно́й.
Ирь, лилія; синяя **ирь, ирисъ** цвѣт.
Исама́къ, гумми арабикумъ.
Иса́пки, бархатецъ, амарантъ.
Испе́рва, искони.
Истома, изнуреніе; **истомѣть, истомѣлый.**
Исто(с)ть, точность.
Истрата, истраченный.
Исхо́дище, источникъ.
Исшествіе, исходъ.
Иша́къ, мулъ.
Кади́ло, трилистный плаку́нъ.
Казачить, работать поденно, прост.
Каза́чка, ручка у плуга.
Казе́нка, скамья у печки; каюта начальника на баркахъ; подкровельная свѣтелка.
Кайманъ, алигаторъ, крокодилъ.
Кала́нки, колоно́къ, сибирскія куницы.
Калачникъ, булочникъ, пекущій калачи.
Калку́нъ, индюкъ; **калку́нка**, индѣйка
Ка́мбала, соль, рыба.
Камчюга, подагра.
Камыкъ, драгоц. камень.
Кандыкъ, собачій зубъ, трава.
Канюкъ, родъ совы, голосъ завывающій.
Карга́ль, атайка, каркавъ (утка).
Карлукъ, рыбій клей.
Картау́на, большая пушка.
Карша, дерево, исторгнутое и унесенное водою; **карше́вникъ**, количество такихъ деревъ.
Кастёха, неопрятная женщина.
Ка́танцы, обувь, то же, что ва́лянцы.
Кау́рка, лошадь сѣрая въ яблокахъ.
Кача́рка, морская ласточка.
Келарь, монастырскій казначей.
Кликуша, женщина одержимая.
Книго́чій, комисаръ, слав.
Кова́ло, ручной молотъ у кузнеца.
Ко́вникъ, дурной человѣкъ.
Козли́ть, невѣрно пѣть.
Козля́къ, сортъ шампиньона.
Козодой, птица.
Колотыство, сплетни.
Ко́лты, препятствія.
Колчено́жить, хромать; **колченожка**, хромая женщина.
Колы́шка, кстати сказанная пословица простон.
Ко́мшить, тузить.
Кондакъ, малый гимнъ въ честь святаго.
Коноватъ, шелковая волнистая матерія.
Коневодецъ, который держитъ конные заводы.
Конопа́тка, молотокъ для уковои.
Ко́па, лѣнивый.
Кораблеополченіе, оснастка кораблей.
Кортышки, плечи, простонарод.
Корчагъ, большой сосудъ, чашка, кружка; **корчага**, глиняный горшокъ.
Корытничій, сворный прислужникъ, приставленный кормить собакъ.
Коса́тникъ, шпатникъ, ирисъ, цвѣт.
Коса́чь, тетеревъ.
Косни́къ, лента, вплетаемая въ косу.
Ко́сность, медленность; **коснѣніе.**
Крагу́й, кречетъ.
Краснозо́бка, птичка—зимній травникъ.
Краснопёрка, рыба.
Красовитый.
Крестопоклонная недѣля, четвертая недѣля великаго поста.

Кре́челъ, носилки.
Кри́мза, бѣлый купоросъ.
Крутѣть: гора крутѣетъ, чѣмъ далѣе.
Крухъ масла.
Круши́нникъ, **круши́на**, черемха.
Кру́тикъ, обыкновен. индиго.
Кры́шечный, отъ крыши.
Крѣпкоу́здый, крѣпкій устами.
Крѣпти́на, пеньковая веревка.
Крѣпь, сила.
Крючить, согнуть въ крюкъ.
Кря́жъ, коренастый человѣкъ, народ.
Кряжеви́на, дерево вязкое, которое трудно колется.
Кузовъ, въ смыслѣ остова.
Ука́нъ, веревка, которою нанизываютъ рыбу, много рыбъ на связкѣ.
Кула́га, ржаное тѣсто.
Кула́къ, скупщикъ.
Кулёма, капканъ для медвѣдей.
Кули́га, красный барашекъ, сортъ кулика; новина, вновь распаханная земля.
Кулоно́къ, сибирская куница.
Култу́къ, рѣчной рукавъ, морская губа.
Кулбаба, одуванчики.
Культя́вый, искалеченный.
Кумани́ка, сѣверная земляника.
Курега́, абрикосовое дерево.
Ку́нжа, лаксфорель, рыба.
Купина́, растеніе болотное.
Куролёсъ, шалунъ.
Курослѣпъ, мокрица, трава.
Курослѣпникъ, бѣлый деренъ.
Кута́съ, **кута́сикъ**, пучокъ.
Кухля́нка, шуба у якутцевъ.
Ку́щникъ, обитатель хижины.
Куя́ки, древняя кольчуга.
Курень, общество съѣстныхъ продавцовъ.
Лаванда, или **лавенда**, растен.
Лагунъ, **лагу́шка**, **лагу́нка**.
Лазъ, походка дикаго звѣря.
Ларь, **ларикъ**, **ларище**, мукохранилище.
Ласа, **ласочка**, продолговатое пятно; **ласить**, пятнать, пестрить.
Лакри́ца, солодковый корень.
Лату́нь, мѣдь желтая.
Легчать, сдѣлаться легче; **легчить**, ослабить умягчить, холостить.
Ледве́цъ, журавлиный горохъ.
Ле́жень, архитравъ, перекладина.
Лёжка, отдохновеніе послѣ работы.
Лежмя лежать.
Ле́лекъ, козодой, птица.
Летча́тка, оперментъ, жолтый арсеникъ.
Летя́га, летающая бѣлка.
Лжесловесникъ, **лжесловіе**, ложный учитель и ложное (условіе) ученіе.
Леща́дникъ, аспидный камень для кровель; **леща́дка**, тонкая плитка для покрышки пола.
Ливеръ, насосъ.
Лизу́нчикъ, молодая собачка.
Лили́къ, гагара, птица, слав.
Липня́къ, липовая роща, лѣсъ.
Липовка, бочка изъ липы.
Лиственѣть, слав., пускать деревья.
Листобо́йня, плющильня.
Лиховать, ложно свидѣтельствовать.
Ло́бковый мѣхъ, личной отъ лба.
Ло́гово, **логовище**.
Логови́на, резервоаръ, бассейнъ.
Ложевье мѣсто въ Волгѣ.
Лія́ло.
Ложби́на, дыра.
Ложжи́ть, рыть дыру или погребъ.
Ложкомо́й, **ложкомойка**.
Ломови́къ, тяглая, ломовая лошадь.
Лопо́тье, **ло́поть**, изношенное платье.
Ло́пасть, половина, плоскость чего-нибудь.
Лохъ, дикое оливное дерево.
Лу́говица, пиголица; **лу́говка**.
Лу́да, платье на шутѣ.
Луда́, подводный камень.
Луто́шка, молодая липа.
Лучи́ть, ловить рыбу при факелахъ.
Лучи́ца, слав. родъ тросника, трава.
Льщеніе, отъ льстить.
Лѣпо́тный, красивый; **лѣпотствовать**.
Лѣтникъ, лѣтнее платье.
Любодѣйчищъ, незаконный сынъ.
Любословіе, филологія.
Лютикъ, маленькая лягушка съ хвостомъ.
Ля́гомъ, на вечерѣ.
Ляденѣть, покрываться молодыми деревами.
Ля́дъ, нещастіе, бѣда, оттуда **лядащій**.
Ля́ка, собака съ горбатою спиной; **лякій**, горбатый.
Маера́нъ, растен.
Мали́къ, заячій слѣдъ.
Маломощіе, слабость.
Малорѣчивый, **малорѣчіе**.
Малоуміе.
Ма́на, приманка.
Мани́ста, нижняя челюсть осетра.
Ма́нщикъ, приманная птица.
Мани́ха, маленькій приливъ, предшествующій большому.
Марена, крапъ; марена, красная краска.
Марь, лебеда, или гусья нога (фр.).
Мастакъ, мастеръ, искусный человѣкъ; **мастачить**, критиковать.
Маховыя перья, большія правильныя перья у хищныхъ птицъ.
Маховое движеніе.
Ма́шистый, невоздержный, сладострастный.
Ма́ять, **омаять**, **умаять**, истомить; **маянье**, истощеніе силъ.

Мгля́ный, мгли́стый, туманный.
Медвя́ный, отъ меда, медо́вый.
Медовина, напитокъ изъ меда и пива.
Медунка, растеніе.
Межгорье, междугорье.
Межени́на, засуха.
Ме́жникъ, граница между двумя полями.
Ме́здникъ, слав., поденщикъ.
Мездра́, мяздра́.
Мека́ть, имѣть что въ мысли.
Ме́ливо, молотье; смѣсь ржи, пшеницы и ячменя.
Мень, налимъ, рыба.
Метлови́ще, палка метлы.
Мзгнуть (о пивѣ), сдѣлаться кислымъ.
Мигунъ, мигачь.
Милота́рь, баранья шуба; **ми́лоть,** овечья шкура.
Милѣть, быть милымъ кому-либо.
Ми́рникъ, любитель мира, другъ мира; **миролюбіе.**
Многогласный, въ нѣсколько голосовъ.
Многописатель, полиграфъ.
Можжуха, можжушникъ, зерна можжевельника.
Молоде́жникъ, молодой лѣсъ.
Молодечествовать.
Молодило, дикой чеснокъ; **свѣтящій молодилъ.**
Единокупство, монополія.
Молотова́я, кузница.
Молочайникъ, молочай.
Моро́къ, ловкое плутовство; **моро́чить.**
Мо́рхъ, флоконъ, бархатъ, старин.
Моря́на, морской вѣтеръ.
Моря́нинъ, обитатель приморс. стороны.
Моря́нка, морская соль.
Мосо́хъ, большая бычачья кость.
Мота́льница, мотовило.
Мотовязъ, мотовязг(к)а, веревочка.
Мото́ря, мотушка, малое мотовило.
Мотчать, медлить.
Мохо́ръ, мо́хры, мохры́, бахрома.
Мраволе́въ, муравьиный левъ.
Мужа́тая, мужатица, замуж. женщина.
Муто́вка, мельница малая, болтунья.
Мы́тня, таможня; **мытоимецъ, мытовчикъ, мытникъ.**
Мышчица, ручка у креселъ, слав.
Мѣдничество, мастерство мѣдника.
Мѣдяница, сортъ змѣи.
Мѣси́во, масса, тѣсто.
Мѣша́лка, хвостъ осетра, лопатка.
Мѣшанина, смѣсь.
Мяхконравіе.
Мякнуть, сдѣлаться мягкимъ; **мяку́шка,** гнилой фруктъ.
Мятежникъ.
Мятликъ, дневная бабочка.
Мяхунка, жидовскія вишни.
Наблюда́лище, обсерваторія.
Набористой, полный складокъ.
Набродъ, чернь, стеченіе.
Наглазникъ у лошадей.
Нагости́ться, долго прожить въ гостяхъ.
На́гость, нагота.
Надворье, дворъ.
Надвысить, сдѣлать повыше.
Надкрыліе.
Надесно, направо, сл.
Надломъ, мѣсто отбитое, изломлен.
Надлопатникъ.
Надмѣрно, безмѣрно.
На́долба, родъ деревяннаго забора.
Надстройка.
Нажда́къ, желѣзная руда, оловянный пепелъ.
Назо́ромъ, не теряя изъ виду.
Назы́вчивый, который самъ себя приглашаетъ.
На́кра, родъ барабана.
Нака́тка, деревяшка для накатыванія бѣлья.
Наколѣнникъ, на колѣняхъ въ сапогахъ или кирасѣ.
Нали́плый, приставшій въ большомъ количествѣ.
Налытаться, вести потаскливую жизнь.
Намня́сь, въ послѣдній разъ.
Напастный, нещастный.
Напу́тное, что дается на дорогу и проѣздъ.
Напятить, напяченный, натянутый.
Наразумленіе, наразумленный, наразумить.
Народовѣщатель, проповѣдникъ.
Наро́доправленіе, народодержавіе, демократія.
Нарыльникъ.
Нарыскъ, лисичій слѣдъ.
Наря́дчикъ, смотритель надъ работниками.
Насвѣщникъ, подсвѣщникъ предъ образами.
Насе́льникъ, сл. туземецъ.
Наси́льникъ, получающій силою.
Настъ, кора на снѣгу послѣ мороза.
Ната́ривать, нато́рить, выгладить.
Натопы́рить, напялить крылья; щетиниться, **натопыриться.**
Нату́га, чрезмѣрная работа.
Неболѣзнованіе, слав. безпечность.
Невозбранный, позволенный.
Невѣрствовать.
Него́дъ, дурной годъ, нещастье.
Не́долись, молодая лисица, коротко-шерстая.
Не́дособоль, недоросшій соболь, короткошерстый.
Недосо́ль(ъ), малосольность блюдъ.
Незазорный, безпорочный.
Некошно́й, дьяволъ, простон.
Неко́щный, слабый [о человѣкѣ], безполезный [о вещахъ].

Непостоянникъ, непостоянствовать.
Непрозрачный, непрозрачность.
Несмутный, спокойный, мирный.
Нестроеніе, безпорядокъ.
Неуклонный, твердый.
Нéфорощь, сортъ полыни.
Нечествовать, безпутничать: **нечествуетъ.**
Нивáрь, нивовоздѣлатель, земледѣлецъ.
Низинá, низкое мѣсто.
Нищаетъ духомъ: нищать.
Новословіе, новословъ.
Новѣть, новѣетъ противополож. ветшать.
Нори́ца, язва на загривкѣ у лошадей.
Нóрникъ, молодая бѣлая лисица.
Нóская, курица; **нóскость**, крѣпость матеріи; **ноский.**
Ночесь, прошлая ночь, простон; **ночешный**, случившійся въ прошлую ночь.
Новодѣйство, возрожденіе.
Нововѣрецъ, новокрещенецъ.
Ношакъ, помощникъ каменьщика.
Оболтáть, наклеветать.
Обезопасить, обезопашенный.
Обиновеніе, боязнь, недовѣренность.
Óблецъ, чурбанъ.
Обливанецъ, крещенный окропленіемъ воды.
Обливка, маринада.
Облупáла, обманщикъ, крючекъ.
Облѣзлый, лысый.
Обмыкать, обомкнуть, оградить вокругъ; **обомкнутый.**
Обмѣръ, ложное измѣреніе.
Обмышлять, обмыслить, обмышленіе, обмысленный.
Обнизывать, обнизать, убрать вокругъ; **обни́зка, обнизываніе, обнизанный.**
Óбнизь, ожерелье.
Обнищалый.
Обнóсъ, сплетни, наговоры; **обносокъ,** старый башмакъ.
Обнощь, въ продолженіи ночи; **обноществовать, обнощевать,** слав., провести ночь.
Обойденіе, несправедливость.
Оболонка, кожица, плева; **оболоночный.**
Обрáза, стыдъ, безчестіе.
Обрисъ, обрисовать, набросать, начертывать.
Обротáть, оброти́ть, надѣть оброть, недоуздокъ.
Оброчка, господская тяжелая работа; **оброчникъ.**
Обрубка, обтеска.
Óбручи, болѣзнь у лошадей.
Обрѣзокъ.
Обрядливый, церемонный.
[illegible]

Обселять, обселить, наполнить народомъ, населить.
Обстáть, помѣститься вокругъ чего; **обстаніе.**
Обсѣвка, обсѣвки.
Обхлóпывать, охлóпывать, —пать, оббивая вычистить.
Обшивнóй, обшитый каемкой.
Общáться, сл. óбще — вмѣстѣ, купонью; **óбщина**, общее добро.
Общникъ, соучаствующій.
Объѣздникъ, патруль, развозящій.
Объѣхать, провести, обмануть.
Объѣзжій, инспекторъ.
Обьярь, шелковая матерія: **обьяринный**, шолковый волнистый.
Объясачивать, — сáчить, наложить мѣховую подать.
Обыскнóй, свидѣтель (изслѣдывающій) въ сомнительномъ дѣлѣ.
Обычный, употребительный, упорный.
Обы́щикъ.
Обѣдня́лый.
Обѣлéніе, обѣлка, обѣлить, выбѣлить вокругъ.
Обѣтникъ, обѣтница, давшій обѣтъ, **обѣтовать, обѣтованіе.**
Обѣручъ(ь), обоими руками, нарѣчіе.
Овощникъ, огородникъ.
Овра́жистый.
Овчаръ, овечій пастухъ; **овчарка,** овечья собака; **овчарникъ,** овечій загонъ; **овчарня.**
Óвый, тотъ; **ово**, частію; **óвогда,** нѣкогда, иной разъ.
Овся́никъ, хлѣбъ изъ овсяной муки.
Огáрь(ъ), смуглый цвѣтъ.
Оглавлять, надписать сверху, дать заглавіе; **оглавленный.**
Оглагольникъ, обвинитель, оговорщикъ.
Огнезрачный, огневидный, огнедыхательный.
Огнемѣръ, пирометръ.
Огнищанинъ, свободный человѣкъ.
Огонóкъ, соболій или куній хвостъ; **огóнки**, хвосты собольи носимые на шеѣ, палатинъ.
Огрузáть, огру́знуть, тихо, временемъ, вѣками погружаться; **огрузный.**
Одернѣлый, покрытый дерномъ.
Однорядка, праздничное платье.
Одолжитель, обязавшій насъ.
Окáтка, свинная щетина со спины.
Óкликъ, крикъ стражи; **óкрикъ.**
Окóлица, лугъ, обнесенный заборомъ.
Околи́чно
Окóлъ, окóлышъ.
Оконничникъ, стекольщикъ.
Окоренѣлый, крѣпко утвердившійся.
Óкрестъ, вокругъ.
Омáнъ, девесилъ.
Онáгръ, дикій оселъ.
Онáмо, тамъ, славяне.

Ондѣ, въ другомъ, въ нѣкоторомъ мѣстѣ.
Оногда́сь, недавно, въ послѣднiй разъ.
Ономна́сь, **ономедни**, **ономеднись**, только-что, чуть не сегодня; **ономеднишный**.
О́паль, листья и фрукты падающiе.
Опальчивый, горячiй, вспыльчивый.
Опаса́ть, **опасти**, оберегать кого.
О́пашень, женскiй плащъ.
Опашка: падѣть платья на опашку, то есть на плечо; **опашной**, не застегивающiйся, безъ пояса и перехвата.
Опива́ло, **опиво́ха**, **опивальщикъ** — пiющiй на счетъ другого.
Оплазивый, слишкомъ любопытный.
Опльíванiе, плаванье вокругъ чего, вокругъ свѣта.
Опрометываться, **опрометнуться**.
Опруженный, опрокинутый; **опружить**, **опруживать**, опрокидывать.
Опрѣлина, мѣсто, поврежденное сыростью.
О́пушь, опу́шка.
Орли́чищъ, орленокъ.
Ослухъ, ослушникъ.
Осмы́кивать, **осмы́кать**, выгладить, выровнять веревку.
Остегнъ, **остегны**, портки, слав.
Остёжка, рубецъ на рукавахъ рубашки.
Ости́стый, **остiе**, иглы растенiя.
Оснастщикъ.
Осу́жденникъ, преступникъ.
Остѣнять, окружать стѣною.
Отъдѣтска, славян., съ малыхъ лѣтъ.
Отемнѣть, **отемнѣвать**, **отемнѣлъ**, сдѣлаться темнымъ, помрачиться.
Отемнять, **отемнить**, помрачить.
Отерębливать, **отеребить**, содрать, оторвать все вокругъ.
Оте́чникъ, слав., бiографiя святыхъ отцевъ.
Отжидѣть, превратиться въ жидкость.
Отливно́й, **отли́вистый**.
Отлогъ, покатость; **отлогiй**.
Отломъ, отломленная сторона, откуда отломленъ отломокъ.
Отметъ, оттолкновенiе; **отметникъ**, возмутительный, опровергающiй, непризнающiй; **отметный**, **отметанiе**, **отметать**.
Отмывка.
Отмякнуть, отойти, смягчиться.
Отпорный.
Отпугнуть.
Отстройка.
Отсѣвъ, окончательно произведенный посѣвъ.
Отсѣдъ, отстой, подонки.
Отсѣлый, пошедшiй на дно.
Отходъ, удаленiе, нужникъ.
Отъемомъ взять, силою.
Отпячивать, **отпятить**.
Охрабрять, **охрабри́ть**, прiободрить.
Оша́яваться, **ошаяться**, избѣгать, воздерживаться.
Ощá́дливый, воздержливый, экономный.
Па́лья, родъ форелей.
Памятописецъ, хронографъ; **памятописная** книга.
Панцырникъ, латникъ.
Па́ренина.
Па́русить, дуть въ вѣтрила.
Паше́нникъ, земледѣлецъ.
Пая́ло, **паяльникъ**, чѣмъ паяютъ.
Первобы́тiе, первоначальное происхожденiе.
Первозданный, прежде всѣхъ созданный, протопластъ.
Первоверховный, первый надъ первыми.
Первоу́чка, **первоучина**, первый опытъ.
Перегулъ, пiанство, перепойка.
Передрябнуть, совершенно увять.
Перезвонъ, колокольный звонъ погребальный.
Перекоробить: перекоробило его — спазмы.
Перелетъ птичiй.
Перелогъ, свѣжее поле, недавно обработанное.
Перемочься, укрѣпиться.
Перемолъ, мелко измолоченное.
Перенюха́ться: перенюхались вмѣстѣ.
Перепа́дки, барышъ, провитъ (sic!).
Перепадчивый, слабаго здоровья.
Пери́стый, покрытый перьями.
Пересудчикъ.
Пеструха, степная курица.
Пискатель, игрокъ на свирѣли.
Писчо́къ, приманная дудка.
Письмосецъ, [1]) письморазнощикъ.
Племенитость, плодородiе фамилiи; **племенитый**, многочисленный.
Плесна́, подошва ноги.
Плу́жникъ, сошникъ у плуга.
Плясальный, принадлежащiй къ танцамъ.
Плясавица, плясальщица.
Побитецъ, одолѣвшiй.
Поборствованiе, помощь, защита; **поборствовать**.
Побѣжникъ, вмѣсто дышла изъ ремня для запряжки собакъ у камчадаловъ.
Пова́лка, эпидемическая болѣзнь.
По́варъ, лошадиный жукъ.
Поверстанный, уравненный.
Повихнуть, наклониться слегка.
Повсюдный, повсемѣстный.
Повытно, частями; **повытокъ**, отдѣлъ, часть.
Повы́чка, привычка.

---

[1]) „Письмоносецъ"

Пóвязь, повязка у молодыхъ крестьянокъ на головѣ.

Погадка, кракъ, болѣзнь у соколовъ.

Погóнъ, выжимки, итогъ водки.

Погонялка, кнутъ.

Погостъ, приходъ, община, кладбище около церкви.

Подгвоздить, раздражить еще болѣе.

Подглядчикъ, шпіонъ; **подзиратай**, **подзорщикъ**, подсмотрщикъ.

Подгнѣта, **подгнѣтъ**, щепки колотыхъ дровъ, подкладываемыя подъ дрова въ печахъ; **подгнѣщáть**, **подгнѣтить**.

Подманка, **подманъ**.

Подметы́шъ, подкидышъ.

Подмостье, мѣсто подъ мостомъ.

Подначальный, подчиненный.

Подовúкъ, кирпичъ для очага въ печкѣ.

Подпорожье, мѣсто позади порога, или каскада.

Подспорье, помощь.

Подсылъ, вещь тайно подосланная.

Подуститель, подстрекатель.

КОЛЯСКА

повѣсть

Н. В. Гоголя [1]).

(Въ первоначальномъ видѣ).

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ, а (до) [2]) того времени бывало въ немъ страхъ скучно. Бывало проѣзжаешь, невольно чувствуешь на сердцѣ какую-то тоску. Домики—низенькія мазанки; (иной) глядитъ на улицу такъ кисло; глина на нихъ обвалилась отъ дождя и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, кажутся пѣгими; крыши большею частію очеретяны, какъ въ южныхъ городахъ нашихъ; садики для лучшаго вида городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь развѣ только пѣтухъ перейдетъ черезъ мостовую, мягкую какъ пуховикъ отъ лежащей въ четверть аршина пыли, которая при маленькомъ дождѣ, какъ посредствомъ волшебнаго прутика, въ одну минуту превратится въ грязь, и тогда улицы города Б. наполнятся въ одну минуту тѣми животными, доставляющими намъ превосходные окорока, и прохожій слышитъ такое страшное хрюканье, съ которымъ никогда не сравнится звукъ, издаваемый городничимъ во время сна послѣобѣденнаго. Самая рыночная площадь имѣетъ не-

---

1) „Коляска" напечатана была въ первый разъ въ первомъ томѣ „Современника" Пушкина, появившемся „въ первыхъ числахъ апрѣля" 1836 года. Пушкинъ получилъ эту повѣсть еще въ 1835 году для „Альманаха", который онъ предполагалъ издать и который былъ замѣненъ журналомъ „Современникъ". 11 октября этого года поэтъ писалъ Плетневу: „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его „Коляску", въ ней Альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ „Коляски" не брать, а установить ей цѣну". Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Грота III, 380. Печатаемая нынѣ редакція этой повѣсти предшествовала той, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Пушкина къ Плетневу и которая появилась въ „Современникѣ". Эта первоначальная редакція сохранилась въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя, подробно описанной П. А. Кулишомъ въ его „Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя" I, 165—167.

2) Пропущено.

много печальный видъ. Домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не фасадомъ, а угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ безъ всего модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краской, который на образецъ другимъ строеніямъ выстроилъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ обыкновенія играть въ бостонъ и отдыхать послѣ обѣда. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. По срединѣ площади небольшія лавочки, и глазъ прохожаго можетъ только увидѣть связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю, дробь для стрѣлянія, домикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, играющихъ въ свайку. Но, какъ сталъ въ уѣздномъ городкѣ кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось; запестрѣли улицы, оживились,—однимъ словомъ, все приняло другой видъ. Черезъ улицу уже не пѣтухъ, но офицеръ въ трехъугольной шляпѣ съ перьями шелъ на квартиру къ другому поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя назывались полковыми, потому что успѣли, не выходя изъ полку, обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра—глядь—они очутились въ поручичьей конюшнѣ, а черезъ недѣлю снова маіорскій денщикъ подмазывалъ ихъ масломъ. Деревянный плетень былъ весь убранъ солдатскими фуражками; въ городскихъ закоулкахъ иногда попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечъ ихъ глядятъ усы. На ...... [1]) мѣстѣ ужъ вѣрно солдатъ усатый мылилъ бороду мужика, который, сидя молчаливо, разсуждалъ объ остротѣ бритвы служиваго. Посмотришь въ ворота какого-нибудь дома: на дворѣ усы лежатъ противъ самаго солнца и грѣются. Словомъ, городокъ Б. сдѣлался усатымъ городомъ. Офицеры составили довольно пріятное общество, особливо послѣ судьи, жившаго съ какою-то діаконшею въ одномъ домѣ, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день, начиная отъ обѣда, который былъ въ одиннадцать часовъ утра. Общество еще болѣе сдѣлалось занимательнымъ, когда переѣхалъ въ городокъ Б. бригадный генералъ. Окружные помѣщики, о которыхъ существованіи никто бы (до) [2]) того не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городъ, чтобы видѣться съ г-ми офицерами, а иногда поиграть

---

1) Одно слово не разобрано.

2) Пропущено.

въ банчикъ, который чрезвычайно уже темно рисовался въ ихъ умѣ, закиданномъ (занятомъ) посѣвами и [бѣгнею] за зайцами. Одинъ разъ случился у генерала обѣдъ: большой обѣдъ—событіе для уѣзднаго города чрезвычайно важное, потому что весь рынокъ былъ забратъ на генеральскую кухню и два солдата съ страшными усами гонялись цѣлое утро за двумя избѣжавшими цыпленками. Поваръ бѣгалъ взадъ и впередъ по небольшому двору, въ которомъ была помѣщена квартира генерала. На дворѣ стояло нѣсколько дрожекъ и коляска. Общество было большею частію изъ офицеровъ; были однакожъ и нѣкоторые помѣщики. Изъ помѣщиковъ былъ особенно замѣчательный человѣкъ Кропотовъ [1]), лицо немаловажное въ уѣздѣ, одинъ изъ числа аристократовъ, болѣе всего шумѣвшій на дворянскихъ выборахъ, куда пріѣзжалъ онъ всегда въ хорошемъ экипажѣ. Онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, былъ одинъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ,—по крайней мѣрѣ, его видали во многихъ собраніяхъ, раскиданныхъ по всей безконечной Руси, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ. Впрочемъ, объ этомъ можно спросить у женъ и дѣвицъ саратовской губерніи, пензенской, тамбовской, вологодской, симбирской, подольской, херсонской и другихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и болѣе еще былъ извѣстенъ, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называютъ „непріятною исторіей". Онъ ли далъ кому-то оплеуху или ему дали оплеуху [2]), этого совершенно не помню; дѣло только въ томъ, что его попросили [3]) выдти въ отставку. Впрочемъ [все-таки], онъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ пѣхонтеріей. Онъ ѣздилъ по многолюднѣйшимъ ярманкамъ, куда внутренность губерній, состоящая изъ роевъ тетокъ, дочекъ, матушекъ, нянекъ и добрыхъ толстяковъ, называемыхъ помѣщиками, наѣзжала веселиться линейками, рыдванами, таратайками, тарантасами и возками. Словомъ, онъ испытывалъ во всей силѣ непостоянство колеса фортуны. Узнавши, гдѣ стоитъ кавалерійскій полкъ, онъ всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легкой колясочки и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы онъ

---

[1]) Ниже это лицо именуется „Крапушкинымъ".

[2]) Написано сверху.

[3]) Прежде было написано: „ему приказали".

(хотѣлъ быть маршаломъ) и далъ дворянству прекрасный обѣдъ. Вообще велъ себя довольно солидно. Женился на очень хорошенькой, взялъ за нею 200 душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку лихихъ вороныхъ и хомуты, ... [1]) изъ Петербурга, на коляску, карету, пару чрезвычайно рѣдкихъ собакъ, вызолоченныя ручки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго. 200 душъ были, въ придачу къ его собственнымъ, заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ мелкопомѣстные подступаютъ робко и всегда почти кланяются, а имѣющіе большія помѣстья и служившіе за Екатерину поглядываютъ отчасти сардонически.

Два помѣщика, бывшіе у генерала на обѣдѣ, были люди тоже въ своемъ родѣ замѣчательные; но они не являются дѣйствователями нашей исторіи и потому ихъ можно оставить въ тѣни. Прочіе были все военные. Вездѣ были видны лопаткообразные оберъ-офицерскіе эполеты, висячіе принадлежали только двумъ: полковнику и довольно плотному маіору. Генералъ былъ нѣсколько дюжій, тучный, какъ всегда бываютъ генералы, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ сами офицеры. Говорилъ онъ, какъ говорятъ всѣ генералы—довольно густымъ басомъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный; изъ рыбъ: осетрина, бѣлуга; изъ мясныхъ: дрофа, перепелки, куропатки, дупельшнеппы; грибы, спаржа. Однимъ словомъ, все доказывало, что поваръ еще со вчерашняго вечера не бралъ и въ ротъ хмельнаго, и четыре солдата съ ножами работали на помощь ему фрикасе и желе. Вина было тоже вдоволь: на столѣ стояла такая бездна бутылокъ, что врядъ ли бы отыскалъ солонку: ножъ его непремѣнно тыкался въ коротко-шейку мадеру или долгошейный лафитъ. Прекрасный лѣтній день, окна, открытыя на пролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, отстегнутая послѣдняя пуговица у господъ офицеровъ и растрепанная манишка у владѣльцевъ уютнаго широкаго фрака,—все споспѣшествовало и отвѣчало одно другому и не мѣшало всеобщему разговору, который былъ довольно шуменъ и шелъ объ разныхъ исторіяхъ, о которыхъ, право, никакъ нельзя вспомнить послѣ обѣда. Всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривши трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофію въ рукахъ

[1]) Не разобрано.

на крыльцо. У генерала, полковника и даже маіора мундиры были вовсе растегнуты, такъ что видны были слегка благородныя подтяжки изъ шелковой матеріи; но господа офицеры, сохраняя должное уваженіе, пребыли съ застегнутыми, выключая трехъ послѣднихъ пуговицъ.

„Вотъ ее можно теперь посмотрѣть“, сказалъ генералъ. „Подика, любезнѣйшій“, примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: „скажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами: она еще не слишкомъ въ холѣ. Проклятый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь... пуфъ, пуфъ... очень порядочная“.

„И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?“ сказалъ Храпушкинъ.

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пууффъ... не такъ давно; она взята мною съ завода два года назадъ“.

„А получить ее изволили объѣзженную или уже здѣсь ее объѣжжали?“

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пуууфъ... здѣсь“.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ и послышался стукъ копытъ; наконецъ показался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черными окунутыми въ ваксу усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, поднявъ вдругъ голову вверхъ, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата съ его усами.

„Ну жъ, ну, ну, Марья Ивановна!“ говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо. Лошадь называлась Марьей Ивановною. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась. Генералъ оставилъ трубку и началъ смотрѣть (съ) [1]) довольнымъ видомъ на Марью Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Марью Ивановну за морду; самъ маіоръ потрепалъ по задней ляшкѣ и пощупалъ хвостъ, нѣсколько офицеровъ пощелкали языкомъ.

Храпушкинъ сошелъ съ крыльца и зашелъ ей въ задъ. Солдатъ, вытянувшись, глядѣлъ, держа узду, прямо въ глаза посѣтителямъ, какъ будто бы хотѣлъ вскочить туда.

„Очень, очень хорошая“, сказалъ Кракушкинъ (sic!). Манера превосходная. А позвольте узнать, ваше превосходительство, сколько ей лѣтъ?“

---

[1]) Пропущено.

„Не умѣю вамъ сказать“.

„А въ зубы, ваше превосходительство, не смотрѣли?“

„Въ зубы не смотрѣлъ, потому что... чортъ его знаетъ этотъ дуракъ фершелъ далъ ей какихъ-то пилюлей и вотъ ужъ два дни все чихаетъ“.

„Очень, очень хороша. А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?“

„Экипажъ? Да вѣдь это верховая лошадь“.

„Я это знаю; но я такъ спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ“.

„Экипажей у меня достаточно, коляски только нѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы достать новую. Я впрочемъ объ этомъ писалъ къ брату моему и онъ, вѣрно, мнѣ вышлетъ въ будущемъ мѣсяцѣ.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство“, замѣтилъ полковникъ: „нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская“.

„Вы справедливо замѣтили... пуфъ, пуфъ, пуфъ“.

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска“, прибавилъ Крапунъ (sic!): „настоящей вѣнской работы“.

„Какая? Эта самая, въ которой вы пріѣхали?“

„О, нѣтъ! Это такъ—разъѣздная, собственно для поѣздокъ. Но та, ваше превосходительство... это просто удивительно: легка, какъ перышко. А когда вы сядите въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала“.

„Стало быть, покойна?“

„Очень, очень покойна“.

„Подушки, ресоры, все это какъ будто (на) [1]) картинкѣ нарисовано“.

„Это хорошо“.

„Сундукъ [кожаный сзади] [2]), ваше превосходительство, кажется величиною вотъ въ эту трубку, а я служилъ, такъ у меня шесть мундировъ и столько же исподняго укладывалось. Чрезвычайно помѣстительна. Въ боковой карманъ можете положить человѣка и незамѣтно пятнадцать штофовъ коньяку всегда помѣстится“.

„Это хорошо“.

„Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее восемь тысячъ“.

„Да, по цѣнѣ должна быть хороша. Вы купили ее сами?“

---

[1]) Пропущено.

[2]) Два слова послѣ „сундукъ“ сверху строки написаны неразборчиво. Кажется: „кожаный сзади“.

Мой одинъ товарищъ и старый другъ заказывалъ ее нарочно въ Вѣнѣ для себя. Я (у) [1]) него ее перекупилъ. Не угодно ли вашему превосходительству сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, вмѣстѣ и коляску посмотрите“.

Генералъ сжалъ нижнюю губу и немного надулся. „Съ большимъ удовольствіемъ и почту себѣ за честь, но, вы извините меня... я такъ не могу... а развѣ съ господами офицерами?“...

„И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше сдѣлать мнѣ честь. Сдѣлайте милость, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ“.

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

„Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, чтобы, если покупать вещь, то непремѣнно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня тоже, когда сдѣлаете завтра мнѣ честь пожаловать, я покажу кое-какія заведенія“.

Генералъ посмотрѣлъ и пустилъ длинный „пуфъ“ изъ своей трубки.

Крапушкинъ былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ. Онъ уже заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на офицеровъ, которые съ своей стороны тоже какъ-то удвоили расположеніе къ нему, что̀ замѣтно было изъ глазъ и изъ небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Крапушкинъ выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

„Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома“.

„Мнѣ очень пріятно“, отвѣчалъ генералъ, поглаживая...

„Однакожъ, подумалъ про себя Крапушкинъ, мнѣ нечего здѣсь сидѣть. Я немножко посидѣть (sic!) да и домой поскорѣй—приказать заранѣе, чтобы все приготовить съ вечера“.

Между тѣмъ солнце незамѣтно начало садиться ниже. Генералъ и гости возвратились въ комнаты, гдѣ разставлены были карточные столы. „Ну что жъ“, подумалъ онъ, „въ вистунъ можно съиграть робертика два, такъ только для виду, да сію минуту и домой“. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи, поразсѣлись [2])

---

1) Пропущено.

2) Въ рукописи: „поразсѣли“.

по всей комнатѣ; прочіе съ трубками въ зубахъ присосѣдились къ игравшимъ, съ значительнымъ безмолвіемъ, игру. Два роберта, на которые сѣлъ Крапушкинъ, кончились въ одну минуту. „Ну что-жъ, за эти нечего и садиться; еще четыре можно сыграть“. Между тѣмъ подали свѣчи. На особомъ зеленомъ столѣ развернулся банчикъ, и маіоръ, потасовывая карты, поглядывалъ на желающихъ. Передъ каждымъ гостемъ нечувствительно очутился довольно увѣсистый стаканъ. Пуншъ былъ превосходенъ. Генералу былъ присланъ изъ Риги какой-то необыкновенный ромъ и удивительный шнапсъ, который тутъ же подавался въ большихъ стаканахъ. Ромъ и шнапсъ были дѣйствительно превосходны. По крайней мѣрѣ генералъ послѣ четырехъ стакановъ закричалъ громко одному изъ лакеевъ въ узенькомъ мундирѣ: „Подай, дуракъ, свѣчу: я не могу видѣть, что́ у меня на рукѣ, король или дама“. Между тѣмъ около его превосходительства стояло по двѣ свѣчи съ каждой стороны. Превосходство рома было признано и почувствуемо всѣми. Такъ, маіоръ, страшный шулеръ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію передернуть карту, взялъ и смѣшалъ всю колоду по серединѣ таліи и (на) [1]) вопросъ оскорбленнаго понтера: „что это значитъ?“ посмотрѣлъ ему пристально (въ глаза) и велѣлъ подать себѣ рюмку мадеры. Самъ Крапушкинъ замѣтилъ, что онъ что-то выигралъ, но что̀ именно выигралъ никакъ не могъ вспомнить, а тѣмъ болѣе не могъ найтиться, какъ нужно потребовать выигранное. Ужинъ былъ въ 2 часа ночи, — ужинъ превосходный; но уже врядъ ли кто изъ гостей могъ припомнить, какія онъ ѣлъ блюда.

Словомъ (пиръ) былъ на чудо и когда начали разъѣзжаться, то кучера брали просто своихъ господъ въ охапку, такъ какъ бы узелки съ покупкою. И Крапушкинъ, не смотря на свой аристократизмъ, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ большимъ раскачиваніемъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ своихъ (усахъ) [2]) два [3]) репейника.

Въ домѣ все спало совершенно. Кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который отеръ, какъ попало, глаза свои, втащилъ, подпирая на плечо, своего господина въ гостиную. Вошедши въ гостиную, Крапушкинъ спросилъ только: „отъ чего криво выстроена комната?“ и, не говоря ни слова, отправился въ слѣдъ за дѣвушкой въ спальню жены своей. Молодая хорошенькая жена, которая

[1]) Пропущено.

[2]) Пропущено.

[3]) Переправлено изъ „*три*“.

спала, свернувшись въ прозрачной, бѣлой, какъ снѣгъ, рубашечкѣ, поднявши рѣсницы и раза [1]) три зажмуривши быстро глаза свои, открыла ихъ съ полусердитою улыбкою и, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ на этотъ разъ оказать никакой супружеской нѣжности, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, заснула спустя нѣсколько времени подлѣ него.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго Крапушкина. Вспомнивши, что онъ вчера возвратился домой въ три часа ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ выписывалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и приблизилась къ своему туалету. Взглянувши раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда красное, какимъ можетъ только похвалитсья южный лѣтній день. Солнце, ступавшее на полдень, жарило всею силою лучей своихъ, но подъ темными густыми алеями было гулять прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утрояли свой запахъ. Хорошенькая жена Крапушкина вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ и супругъ ея спитъ. Уже толстый дворецкій французъ объѣлся, какъ порядочная бочка, и шелъ, покачиваясь, черезъ дворъ съ ключами (въ рукахъ). А до слуха хозяйки доходило храпѣніе послѣобѣденное 6 кучеровъ и одного форейтора.

Она сидѣла въ густой алеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность; какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей: впереди ѣхала открытая, двумѣстная легинькая колясочка, въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестѣвшими на солнцѣ, эполетами и рядомъ съ нимъ полковникъ; за этой слѣдовала другая четвероместная: въ ней сидѣлъ маіоръ съ адъютантомъ генеральскимъ и насупротивъ ихъ два какіе-(то) [2]) офицера. За коляскою были из-

---

[1]) Въ рукописи *иза*.

[2]) Не дописано.

вѣстные полковые дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный маіоръ. За дрожками слѣдовалъ бонвояжъ четверомѣстный, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ. За бонвояжемъ рисовались верхомъ на прекрасныхъ, темныхъ въ яблокахъ, лошадяхъ три офицера.

„Неужли это къ намъ?“ подумала хозяйка. „Ахъ, Боже! Въ самомъ дѣлѣ къ намъ! Они поворотили на мостъ!“ вскрикнула она, всплеснувши руками, и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

„Душинька, вставай“! сказала она ему, торопливо дергая его за руку. Въ отвѣтъ на это Крапушкинъ, не открывая глазъ, пробормоталъ какую-то безсмыслицу несвязную.

„Вставай, пульпультикъ! . . . . . . [1]). Вставай, душинька! слышишь: [2]) гости“.

„Гости? Какіе гости? М... м...“ При этомъ онъ потянулся и поднялъ (руки).

„Ну, поцѣлуй же меня, моя Пуньпуня: протяни свою шейку, я тебя поцѣлую“.

„Ахъ, Боже мой! Вставай скорѣе. Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой! У тебя въ усахъ репейникъ!“

„Генералъ? А да, такъ онъ ужъ ѣдетъ? Да что жъ это, чортъ побери, меня никто не разбудилъ! А обѣдъ? Что жъ обѣдъ? Все ли тамъ исправно (ты сдѣлала, душинь)“.

„Какой обѣдъ? Для насъ готовлено, а больше (ни для кого)“.

„А я развѣ не заказывалъ?“

„Ты? Ты пріѣхалъ въ три часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ничего мнѣ не сказалъ и заснулъ. Я тебя, пульпультикъ, не будила, потому мнѣ тебя жаль стало: ты ничего не спалъ“. Это сказала съ чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ видомъ.

Крапушкинъ минуту лежалъ на постелѣ, какъ громомъ пораженный. Наконецъ онъ вскочилъ безо всего, въ одной рубашкѣ съ кровати, позабывши, что вовсе неприлично показывать свои ноги, которыя были всѣ въ волосахъ, какъ въ лѣсу.

„Ахъ я лошадь!“ сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. „Я звалъ ихъ обѣдать. Что тутъ дѣлать? Гдѣ они? Далеко?“

„Теперь, я думаю, подъѣзжаютъ къ мельницамъ“.

„Душенька... спрячься!... Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка, ступай сю-

---

[1]) Нѣсколько словъ не разобрано.

[2]) Слово въ концѣ строки не дописано.

да. Дура! чего боишься? Пріѣдутъ офицеры сію минуту, ты скажи имъ, что дома нѣтъ барина... Скажи, что и не будетъ весь день, что еще съ утра выѣхалъ. Слышишь? И дворовымъ всѣмъ скажи чтобы такъ сказали. Ступай скорѣй".

Сказавши это, схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, почитая тамъ гораздо безопаснѣе. „Нѣтъ, шельмовство [1]), [сыскать] [2]) и здѣсь могутъ, а вотъ лучше всего въ эту коляску". Сказавши это, онъ отперъ дверцы, сѣлъ въ коляску и закрылся кожею.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу. Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ, потомъ офицеры, потомъ слѣзъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подъ мышкою саблю [3]), (выскочилъ) изъ бонвояжа сидѣвшій на рукахъ офицеръ, наконецъ сошли съ сѣделъ, рисовавшіеся [4]) на лошадяхъ.

„Барина нѣтъ дома", сказалъ вышедшій на крыльцо французъ дворецкій.

„Какъ нѣтъ? Стало быть, онъ однакожъ будетъ къ обѣду?"

„Нѣтъ, генералъ: они уѣхали на весь день; развѣ завтра поутру будетъ".

„Вотъ тебѣ на", сказалъ генералъ: „какъ же это?"

„Признаюсь, это штука", сказалъ полковникъ, смѣясь.

„Какъ же этакъ дѣлать?" продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. „Ну, не можешь принять, такъ не проси. Зачѣмъ же просить?"

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно этакъ сдѣлать." замѣтилъ одинъ молодой офицеръ.

„Что?"

„Я говорю, ваше превосходительство: какъ можно поступить такимъ образомъ?"

„Конечно, какъ же... Ну, нельзя, не случилось что ли, такъ зачѣмъ же просить? или дай знать въ такомъ случаѣ".

„Что-жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать—поѣдемъ назадъ", сказалъ полковникъ.

„Да, конечно, коли нѣтъ другаго средства. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него; онъ вѣрно ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда".

---

1) Въ рукописи: „шемоволство".

2) Слово не дописано.

3) Въ рукописи: „подъ саблей".

4) Въ рук.: „*рисовавшія ихъ*".

„Чего изволите?“

„Ты конюхъ?“

„Конюхъ, ваше превосходительство“.

„Покажи намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ“.

„А вотъ пожалуйте въ сарай“.

Генералъ вмѣстѣ съ офицерами отправился въ сарай.

„Вотъ я вамъ немножко выкачу, здѣсь темно“.

„Ничего, видно и такъ; развѣ немножко подкати. Вотъ такъ, довольно“.

Генералъ и господа офицеры обошли вокругъ коляск(у) [1]) и тщательно разсмотрѣли колеса и ресоры.

„Ну, ничего нѣтъ особеннаго“, сказалъ генералъ: „коляска самая обыкновенная“.

„Никакого совершенно нѣтъ дива“, сказалъ полковникъ: „коляска самая простая“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ восьми тысячъ“, прибавилъ одинъ офицеръ.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она вовсе не стоитъ восьми тысячъ“.

„Какое осьми тысячъ! Она и трехъ тысячъ не стоитъ. Ничего совершенно не нахожу въ ней хорошаго. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное. Пожалуйста, любезный, отстегни кожу“.

И глазамъ господъ представился Крапушкинъ, сидящій въ халатѣ.

„А вы здѣсь? Какъ ваше здоровье?... Ну, прощайте“.

Сказавши это, генералъ застегнулъ опять дверцы и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

---

[1]) Не дописано.

Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. П. Толстому*).

Милостивый Государь

Графъ Александръ Петровичъ!

Гоголя нѣтъ на свѣтѣ; вчера я получилъ это печальное извѣстіе изъ Петербурга отъ Петра Александровича Плетнева. Онъ между прочимъ извѣщаетъ меня, что Гоголь жилъ послѣднее время у Вашего Сіятельства въ домѣ. Это меня порадовало: онъ Васъ любилъ; въ его смерти не могло быть одиночества. Обращаюсь къ Вамъ съ покорною просьбою: благоволите сообщить мнѣ подробности о причинѣ его смерти и о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ почитаю обязанностію обратить Ваше вниманіе на слѣдующее: послѣ Гоголя остались мать и двѣ сестры; я не знаю, какое ихъ положеніе; друзьямъ Гоголя надлежитъ позаботиться о двухъ предметахъ: о благосостояніи оставшагося послѣ его семейства и о полномъ изданіи его сочиненій, подпискою на которое могло бъ быть устроено это благосостояніе. Я увѣренъ, что Вы не откажетесь дать ходъ этому дѣлу: во первыхъ, надобно снестись съ семействомъ, оставшимся послѣ Гоголя, которому принадлежитъ право изданія его сочиненій; потомъ составить комитетъ изъ нѣсколькихъ литераторовъ, дабы привести въ порядокъ сочиненія, уже напечатанныя и неизданные манускрипты; въ Москвѣ для этого рекомендую Вамъ профессора Шевырева, а въ Петербургѣ Ректора Университета Петра Александровича Плетнева, который завѣдывалъ всегда дѣлами литературными Гоголя. Если бъ я былъ въ

---

*) Это письмо—одно изъ послѣднихъ, написанныхъ Жуковскимъ: оно подписано имъ 4-го марта 1852 года, а 12 апрѣля того-же года онъ скончался. Только фамилію свою, время и мѣсто написанія Жуковскій написалъ собственною рукою (отмѣчено здѣсь курсивомъ), весь остальной текстъ письма писанъ другою рукою. *Н. Тихонравовъ.*

Россіи, я бы предложилъ Вамъ охотно свои услуги. Простите, что безъ всякаго съ Вашей стороны вызова я предлагаю Вамъ свои совѣты: это служитъ доказательствомъ моего уваженія къ Вашему благородному характеру.

Съ неизмѣннымъ чувствомъ этого уваженія честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
покорнымъ слугою
Жуковскій.

Bade-Bade
Maison Kleinmann
1852 $^4/_{16}$ марта.

Сообщилъ почетный членъ Общества **Я. К. Гротъ.**

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу

(по поводу печатанія „Нови“ въ 1876 г. [1]).

I.

Буживаль [2]), les Frènes, Chalet (Seine-et-Oise). Воскресеніе $\frac{7 \text{ окт.}}{25 \text{ сент.}}$ 1876 г. — Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я третьяго дня кончилъ переписку „Нови“ (вышло 298 листовъ, по 37 строкъ въ каждомъ листѣ), а сегодня перечелъ всю эту махину [3]). Сегодня же я напишу П. В. Анненкову и попрошу его прибыть сюда для произнесенія суда; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что черезъ двѣ недѣли или три (крайній срокъ) рукопись отправится къ вамъ, и вы будете ее имѣть задолго до 1 ноября ст. стиля. Я видѣлъ третьяго дня вашу супругу и уговорился съ нею: рукопись возьметъ она, или г. Д. Такимъ образомъ, все будетъ въ исправности.—То, что вы говорили мнѣ объ ожиданіяхъ, возбужденныхъ „Новью“, пугаетъ меня значительно.—Какъ оправдать ихъ?!! Но, какъ говорятъ французы, le vin est tiré, il faut le boire; а по-русски: „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ...“ Поклонитесь всѣмъ пріятелямъ (не забывая Кавелиныхъ [4]) и примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

---

[1]) Переписка И. С. съ редакторомъ „Вѣстника Европы“ отъ сентября до конца декабря 1876 г., пока печаталась первая часть и набиралась вторая часть „Нови“, составляетъ 25 писемъ; изъ нихъ помѣщаются въ настоящемъ собраніи 9.—Оригиналы писемъ хранятся въ редакціи журнала.

[2]) Близъ Парижа, на р. Сенѣ; les Frènes — такъ называлась вилла Віардо, возлѣ которой стояла дача (Chalet) Тургенева.

[3]) По смерти И. С., упоминаемая имъ собственноручная рукопись „Нови“, вмѣстѣ съ корректурными листами и телеграммами автора, была предоставлена редакціею „Вѣстника Европы“ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[4]) Т.-е. отца — Константина Дмитріевича и бывшую въ живыхъ тогда его дочь С. К. Брюллову.

II.

Буживаль. $^3/_{15}$ октября 1876 г.—Любезнѣйшій М. М., вотъ вамъ дѣловое письмо.

Во 1-хъ, я получилъ отъ П. В. Анненкова увѣдомленіе, что онъ переѣзжаетъ въ Баденъ къ 1-му ноября *нов. ст.*—и тотчасъ потомъ пріѣдетъ сюда для чтенія моей вещи, такъ что рукопись отправится 8-го въ Петербургъ и во всякомъ случаѣ будетъ въ вашемъ распоряженіи *до* 1-го ноября стар. стиля.

Во 2-хъ, ко мнѣ приходилъ Чуриловъ (авторъ экономо-политическихъ статей) и показывалъ ваше письмо къ нему, а также возвращенную ему рукопись.—Но тутъ вышло недоразумѣніе. Онъ посылалъ вамъ *двѣ* статьи: одну, лѣтомъ 1874 года, подъ заглавіемъ: „Прогрессъ съ физіологической точки зрѣнія"; другую, нынѣшней зимой, черезъ меня: „О возрастѣ вступленія въ бракъ". Вы возвратили ему первую статью, а о второй (про которую вы мнѣ сказали, что готовы ее помѣстить) не сказали ни слова. Пожалуйста, будьте добры, увѣдомьте его окончательно: принимаете ли вы эту *вторую* статью; если же нѣтъ, то пришлите ее ему обратно. Онъ человѣкъ работящій и заслуживаетъ поощренія.

Въ 3-хъ, я надѣюсь завтра быть въ Парижѣ и посѣщу вашу супругу; я узнаю отъ нея, будетъ ли она еще здѣсь около 8 ноября нов. ст., а если нѣтъ, то когда уѣзжаетъ г. Д.

Здѣсь всѣ со дня на день ожидаютъ войны между Россіей и Турціей, и русскія бумаги падаютъ, падаютъ...

Я остаюсь въ Буживалѣ до 10 ноября, а тамъ—въ Парижъ. Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ.

III.

Буживаль, четвергъ, $\frac{\text{2 нояб.}}{\text{21 окт.}}$ 1876 г. — Любезнѣйшій М. М., вотъ — l'état des choses: завтра мой человѣкъ отправляется вмѣстѣ съ рукописью къ Анненкову въ Баденъ, остается тамъ три дня и возвращается съ рукописью же сюда; а съ 9-го до 12-го числа я отыскиваю въ Парижѣ случая отправить ее вамъ либо съ г. Д., либо съ курьеромъ отъ Орлова; если уже ничего не найду, то—нечего дѣлать—отправлю страховымъ по почтѣ. Я вамъ во всякомъ случаѣ пошлю телеграмму объ ея отправленіи, а вы, пожалуйста, извѣстите меня тѣмъ же путемъ объ ея прибытіи.

Я вамъ отправилъ вчера небольшой разсказъ, подписанный буквами Л. А. Авторъ его—нѣкто д-ца Елена Блорамбергъ. Я нахожу, что эта небольшая вещь не лишена таланта и могла бы быть помѣщена въ декабрьской книжкѣ „В. Е.“. Если вы того же мнѣнія, будьте такъ любезны—извѣстите меня. Этотъ разсказъ—первый опытъ молодаго пера.

Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Парижъ, 50, rue de Douai, и конечно увижу Зола̀. Я ему тогда сообщу ваше замѣчаніе на счетъ его послѣднихъ фельетоновъ, которое я, впрочемъ, слышалъ не отъ однихъ васъ.

Очень безпокоятъ насъ здѣсь послѣднія извѣстія съ Востока. Что Сербія не могла не быть раздавлена въ концѣ концовъ, Tchernajevo regnante, не составляло сомнѣнія; но Россія теперь не можетъ отступить—столько ея крови пролилось, и мы, кажется, не избѣгнемъ войны.

Страховое письмо, пересланное чрезъ ваши руки, я получилъ. Переводъ разсказа Флобера вы получите скоро; но помѣстить его, я полагаю, раньше марта нельзя.—Поклонитесь отъ меня вашей супругѣ; дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

IV.

Парижъ, 50, rue de Douai. Вторникъ, $^{9}/_{21}$ ноября 76.—Любезнѣйшій М. М., сегодня утромъ я вручилъ мою рукопись („Нови“) Г. Г., а сегодня вечеромъ, по его словамъ, братъ его отправляется въ Петербургъ, не останавливаясь, такъ что вы, можетъ быть, настоящее письмо получите уже послѣ рукописи. Въ пакетѣ вы найдете (или уже нашли) письмецо на ваше имя, въ которомъ я излагалъ вамъ свои желанія, или, говоря правильнѣе, свое желаніе, а именно: чтобы „Новь“ была напечатана въ одномъ №. Надѣюсь, что, прочтя романъ, вы убѣдитесь, что это необходимо, хотя я и не скрываю отъ себя, что это довольно отяготительно для журнала [1]). Но было бы хуже, еслибы по поводу разсѣченія романа на двѣ части вышли бы недоразумѣнія или затрудненія. Впрочемъ, мы еще спишемся. Такъ какъ рукопись будетъ у васъ въ рукахъ въ пятницу вечеромъ,—если ничего съ ней не случится на дорогѣ,—то, вѣроятно, вы начнете печатаніе съ субботы, и потому, я надѣюсь, времени будетъ достаточно для отправленія ко мнѣ корректурныхъ листовъ, которые не будутъ задерживаться ни одной лиш-

---

1) Въ „Нови“ заключалось около 15 печатныхъ листовъ, т.-е. полкниги журнала.

ней секунды.—Вы мнѣ не отвѣтили на мой запросъ о разрѣшеніи „Орловскому Вѣстнику“ напечатать маленькій отрывокъ (изъ „Нови“).

Третьяго дня Зола̀ пришелъ ко мнѣ весьма растревоженный: принесъ свою рукопись и просилъ сравнить ее съ переводомъ, появившимся въ ноябрьскомъ нумерѣ „В. Е.“ [1]). Оказалось, что вы не одни цитаты повыкинули, но и захватили порядочную частицу его текста. Съ первымъ фактомъ онъ бы могъ помириться (такъ какъ онъ сознавалъ, что пустилъ уже слишкомъ много цитатовъ), но второй фактъ былъ ему весьма чувствителенъ. Изъ его словъ, а также и изъ статьи, написанной имъ для „Bien Public“—въ качествѣ театральнаго рецензента—нельзя было замѣтить, чтобы онъ отрицательно отнесся къ „Rome vaincue“,— напротивъ, онъ остался ею въ общности доволенъ и во всякомъ случаѣ не для того только привелъ эти цитаты, чтобы его текстъ разбухъ. Впередъ этого конечно не повторится; ваше письмо къ нему его также немножечко поцарапало — и вы останетесь друзьями попрежнему.

Если это окажется нужнымъ, я вамъ напишу маленькое объяснительное предисловіе къ „Нови“ (не для печати), которое вы будете въ состояніи показать предержащимъ властямъ [2]).

За симъ жду отъ васъ сперва увѣдомленія о прибытіи рукописи, а тамъ—и первыхъ корректуръ. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

V.

Парижъ, rue de Douai, 50. Понедѣльникъ, $\frac{23 \text{ нояб.}}{4 \text{ дек.}}$ 76. — Любезнѣйшій М. М., сегодня въ 2 ч. пополудни явился второй пакетъ корректуръ—и вотъ въ 4 часа онъ отправляется обратно. (Прочелъ я его, какъ и прежній, съ великимъ вниманіемъ; только за знаки препинанія, особенно за тире́—не отвѣчаю; ну, ужъ это ваше дѣло.) Радуюсь вашему одобренію, а также и похваламъ Кавелина и его дочери: это—большое ручательство. Радуюсь также тому, что вы не предвидите никакихъ затрудненій. Съ просьбой о дозволеніи чтенія (публичнаго) до сихъ поръ никто ко мнѣ не обращался; но вы можете отвѣчать всѣмъ отъ моего имени, что я рѣшительно противлюсь *всякому* чтенію отрывковъ, *до* появленія книги, для

---

[1]) Дѣло идетъ объ одной изъ корреспонденцій Зола̀.

[2]) На это предложеніе Тургеневъ получилъ отрицательный отвѣтъ, и потому упоминаемое „предисловіе“ осталось не написаннымъ.—*М. С.*

какой бы то ни было цѣли. Такимъ образомъ, мы оба будемъ покойны.

„Орловскій Вѣстникъ“ обращается ко мнѣ съ напоминовеніемъ моего обѣщанія дать ему отрывочекъ *до* новаго года; я ему напишу, что вы это исполните, а васъ прошу—выслать ему (вотъ его адрессъ: Орёлъ, въ редакцію „Орловскаго Вѣстника“, г. А. Чудинову) по вашему благоусмотрѣнію какой-нибудь отрывокъ, чтобы хватило на фельетонъ, изъ текста, *уже провѣреннаго* мною; можете въ случаѣ нужды велѣть переписать—и доставьте ему не позже 10 декабря. Полагаю, что вы въ этомъ ничего не увидите затруднительнаго или неудобнаго.—Засимъ, до послѣ-завтра. Дружески жму вамъ руку. Преданный Вамъ.

VI.

Парижъ, 50, rue de Douai. Середа, $\frac{25 \text{ нояб.}}{6 \text{ дек.}}$ 76.—Любезнѣйшій М. М Сейчасъ пришла *третья* корректура;но такъ какъ теперь *четверть четвертаго*, то я никакъ не успѣю ее хорошенько просмотрѣть до 4-хъ часовъ, и потому она поѣдетъ обратно завтра, а не въ тотъ же день, какъ первыя двѣ.—Сегодня я только хочу написать вамъ, что въ *послѣднемъ листѣ 2-ой* присылки у меня въ двухъ или трехъ мѣстахъ Калломѣйцевъ названъ *Степаномъ* Петровичемъ, а онъ—*Семёнъ*; я это просмотрѣлъ, и если вы этого не поправили, то поправьте. Вѣроятно, еще успѣете. Также, я полагаю, „Орловскому Вѣстнику“ можно выслать первую главу или, еще лучше, третью, гдѣ описанъ визитъ Сипягина у Нежданова.

Очень вы меня порадовали тѣмъ, что́ сказали о Соломинѣ. Значитъ, я попалъ въ точку. Я вамъ когда-нибудь покажу формулярный списокъ этого Соломина (у меня, прежде чѣмъ я примусь писать самую вещь, всегда составляются формулярные списки всѣхъ дѣйствующихъ лицъ)—и главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ Соломина, выставлено на верху большими буквами слово: *трезвый*.—Вотъ какъ вы угадали!

Крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ.

VII.

Парижъ. Четвергъ $\frac{26 \text{ нояб.}}{7 \text{ дек.}}$ 76.—Вотъ, любезнѣйшій М. М., вчерашнія двѣ формы. У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ, проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ *первой* главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „*широкой* темной блу-

зѣ“, да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* рукѣ; а въ концѣ *пятой* главы у меня опять является „*широкая темная блуза*“—на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной—нѣтъ.—Такъ какъ *эта* форма, вѣроятно, уже окончательно набрана и отпечатана, то помочь этому нельзя; но для очистки совѣсти прошу помѣстить въ январьской книжкѣ на концѣ, въ видѣ опечатки: на такой-то страницѣ и строкѣ, вмѣсто: „*въ темной широкой блузѣ*“, читай: „*въ черномъ шерстяномъ платьѣ*“. Надѣюсь, что другой опечатки не будетъ да—и эта по моей винѣ.

Я думаю еще вотъ что: не лучше ли послать „Орловскому Вѣстнику“ если не всю, то *часть* VII-й главы, съ описаніемъ сада и т. д. Это будетъ болѣе подходящее дѣло.

Кстати: намѣрены ли вы напечатать въ „В. Е.“ ту драму изъ крестьянскаго быта нѣкоего Брянчанинова (орловскаго чиновника), которую я вамъ передалъ? . . . .

VIII.

Парижъ. Середа, $^{15}/_{27}$ дек. 76; 11 часовъ вечера. — Вотъ, любезнѣйшій М. М., вы хвалили, хвалили мою „Соломинскую“ аккуратность, а я на радости взялъ да цѣлыхъ пять дней не писалъ. Ну, теперь разомъ все наверстаю.

1) Деньги 500 руб. (1495 фр.) я получилъ, и также получилъ телеграмму съ обѣщаніемъ высылки другихъ 500—за что благодарю искренне.

2) Получилъ также два письма отъ васъ, въ которыхъ вы сообщаете о вашихъ распоряженіяхъ на счётъ довѣренности—за что опять благодарю искренне,—а также и о безобразіи, совершенномъ передъ Казанскимъ соборомъ. Вотъ ужъ точно можно сказать: всему можно назначить предѣлъ, за исключеніемъ глупости нѣкоторыхъ россіянъ: она безпредѣльна! Хотя вы и прибавляете, что въ высшихъ сферахъ не придаютъ этой чепухѣ слишкомъ важнаго значенія, однако объяснительное (для моего романа) письмо къ Вамъ напишу—завтра же или послѣ-завтра, которое, въ случаѣ нужды, вы можете показать, гдѣ и кому слѣдуетъ.

3) Получилъ я также чистые листы „Нови“ до 128 страницы, то-есть почти всю первую часть. Отсутствіе опечатокъ поистиннѣ изумительное—и за которое опять-таки благодарю отъ избытка авторскаго сердца! Всѣхъ я выудилъ три, изъ коихъ только одна

немаловажна. Вотъ онѣ (не считая, разумѣется, платья Машуриной):

Стран.	строка:	Напечатано:	Читай.
46	8 сн.	отъ 9 до 5	отъ 2 до 5
52	15 св.	засѣялъ	засѣлъ
122	22 сн.	молчаливый	молчавшій.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ недостающихъ пока 8 страницахъ ничего не будетъ. Я бы васъ попросилъ, помѣщая эти опечатки, оговорить, что онѣ—въ романѣ „Новь", а то, называя однѣ страницы и строки, читатель проскочитъ мимо, что́ впрочемъ въ данномъ случаѣ совершенно индифферентно.

4)—и главное. Я такое получилъ письмо отъ Кавелина..., что, не обинуясь, скажу: во всей моей литературной карьерѣ я не испыталъ ничего, что̀ бы доставило мнѣ бо́льшее удовольствіе! Я ему отвѣчу подробно; пока, попросите его принять отъ меня самое душевное спасибо! По неволѣ приходятъ въ голову эти стихи.

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten!

Еще два пункта—и „лѣтопись окончена моя":

5) Не можете ли вы прислать мнѣ теперь же sous bande—одинъ или даже два экземпляра чистыхъ первой части „Нови"?

6) Такъ какъ война, кажется, опять становится неизбѣжной, то не слѣдуетъ ли теперь же прислать хотя тѣ деньги, которыя придутся за первую часть „Нови"? Курсъ, правда, теперь, какъ вы говорите, паршивый, но тогда онъ можетъ стать паршивѣйшимъ! Изъ двухъ банкировъ, съ которыми я совѣтовался здѣсь, одинъ мнѣ сказалъ: „Ждите! хуже не можетъ сдѣлаться!" Другой, напротивъ, увѣрялъ, что деньги надо сейчасъ выписать, пока все еще не провалилось. Оба—люди авторитетные; кого послушаться?! Посовѣтуйтесь-ка вы съ компетентными людьми въ Петербургѣ—и какъ вы рѣшите, такъ и поступите.

Извините, пожалуйста, что я на васъ наваливаю всяческія обузы; но вотъ что значитъ избаловать человѣка — сирѣчь меня. За симъ кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

IX.

Парижъ. Суббота, 1/13 января 1877.—Съ новымъ годомъ, любезнѣйшій М. М. Вчера вечеромъ поздно, возвращаясь отъ нашего

патріарха-художника Боголюбова, гдѣ встрѣчалъ новый годъ, я нашелъ вашу успокоительную телеграмму, а сегодня въ 11 часовъ утра явилась и сама январьская книжка. Остается мнѣ благодарить васъ искренне и надѣяться, что ваши ожиданія на счётъ „Нови“ оправдаются...

Послѣ-завтра вы должны получить послѣднюю корректуру второй части, а тамъ я буду ждать бѣлаго экземпляра, чтобы, въ случаѣ если она встрѣтится, поймать какую-нибудь блоху-опечатку.

Еще разъ кланяюсь Вамъ и всѣмъ вашимъ и остаюсь душевно вамъ преданный—*Ив. Тургеневъ*.

Сообщилъ дѣйствительный членъ Общества **М. М. Стасюлевичъ**.

Двѣ сцены изъ трагедіи Шекспира

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

ДѢЙСТВІЕ III.

Сцена IX. *)

Александрія. Во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ: Антоній и начальники отрядовъ.

Антоній.

Послушайте! Земля ужъ не желаетъ [1]),
Чтобъ я топталъ ее, она стыдится
Носить меня! Друзья, ко мнѣ [2]), поближе!
Меня ночь жизни захватила, мною
Потерянъ путь на вѣки. У меня
Есть съ золотомъ корабль; онъ вашъ, возьмите
И подѣлите межъ собой. Бѣгите,
Миритесь съ Цезаремъ.

Всѣ.

Бѣжать? О, нѣтъ!

Антоній.

Я самъ бѣжалъ; училъ я трусовъ спину
Показывать врагамъ. Друзья, уйдите!
Рѣшился я на дѣло, при которомъ
Вы будете не нужны. Удалитесь!
У пристани сокровища мои,
Возьмите ихъ. Я поспѣшилъ [3]) за той,
Которую теперь стыжуся видѣть.
Мои враждуютъ волосà: сѣдые
Упрекъ бросаютъ чернымъ за оплошность [4]),

---

*) Послѣ проиграннаго Антоніемъ морскаго сраженія при Акціумѣ. [1]) Сверху карандашомъ: „не хочетъ больше". [2]) Сверху карандашомъ: „сюда". [3]) Карандашомъ: „бросился". [4]) Карандашомъ: „промашку".

А черные сѣдымъ за страхъ и слабость.
Друзья, уйдите; я вамъ письма дамъ
Къ моимъ друзьямъ, чтобъ размести дорогу
Вамъ къ Цезарю. Прошу васъ, не горюйте,
И не выказывайте нежеланья
Меня покинуть; покидайте то,
Что кинуло само себя, намекомъ
Пусть служитъ вамъ отчаянье мое.
Идите къ берегу; въ владѣнье ваше
Корабль и всѣ сокровища на немъ
Вамъ отдаю. Оставьте же меня
Хоть на минуту! Ну, я васъ прошу!
Ну, исполняйте, я прошу; прошу же
Я потому, что потерялъ ужъ право
Приказывать. Увидите потомъ. (*Садится. Начальники отрядовъ уходятъ. Входятъ: Клеопатра, поддерживаемая Харміанъ и Ирой, и Эросъ.*)

Эросъ.

Подойди къ нему, царица, утѣшь его!

Ира.

Да, утѣшь его, милая царица.

Харміанъ.

Утѣшь! Что-жъ тебѣ больше дѣлать?

Клеопатра.

Дайте мнѣ сѣсть! О, Юнона!

Антоній.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Эросъ.

Взгляни сюда, повелитель.

Антоній.

О, фи, фи, фи!

Харміанъ.

Царица!

Ира.

Царица! о, добрая царица!

Эросъ.

Повелитель, повелитель!

Антоній.

О, да, да! Въ сраженьи при Филиппи
Онъ, какъ фигляръ, вертѣлъ своимъ мечемъ,
Пока я Кассія разбилъ, худаго,
Морщинистаго; я жъ добилъ и Брута,
Безумнаго; а за него воюютъ
Начальники его отрядовъ,—самъ-то
Неопытенъ совсѣмъ онъ; а теперь...
Ну, все равно...

Клеопатра.

Ахъ, подойдите!

Эросъ.

Царица, повелитель, царица!

Ира.

Поди къ нему и съ нимъ поговори,
Царица! Видишь, онъ убитъ стыдомъ.

Клеопатра.

Ну, хорошо, поддержи меня. О!

Эросъ.

Встань, благородный вождь; къ тебѣ царица,
Склонилась голова ея, и смерть
Готова поразить ее... Ты словомъ [1])
Ее утѣшить можешь.

Антоній.

Я подлѣйшимъ
Поступкомъ славу оскорбилъ свою.

Эросъ.

Царица, повелитель!

Антоній.

До чего же,
Египтянка, ты довела меня!

---

1) Карандашомъ: „лаской“.

Гляди [1]), отъ глазъ твоихъ я стыдъ скрываю,
Гляжу на то, что я оставилъ даже,—
Погромъ свой и безчестье.

Клеопатра.

Повелитель,
Прости моимъ трусливымъ парусамъ!
Не знала я, что ты пойдешь за мною.

Антоній.

Египтянка, ты знала, что я сердцемъ
Прикованъ къ твоему рулю, что ты
Меня потащишь слѣдомъ за собою;
Ты знала, что душой моей владѣешь
Ты безпредѣльно, что, кивни ты, я
Самихъ боговъ ослушаюсь.

Клеопатра.

Прости!

Антоній.

Теперь я къ молодому человѣку
Униженно съ переговоромъ долженъ
Пословъ послать, и прибѣгать къ уловкамъ, уверткамъ
Торгашескимъ; а я владѣлъ [2]) по волѣ
Полміромъ цѣлымъ, создавая людямъ
Несчастіе и счастіе. Ты знала,
Что мечъ мой въ подчиненіи у страсти,
Что онъ послушенъ ей всегда.

Клеопатра.

Прости!

Антоній.

О, ни одной слезы! Твоя слеза
Дороже мнѣ всего, что я доселѣ
И выигралъ, и проигралъ. Цѣлуй, —
И за все я награжденъ. Послалъ
Учителя; не воротился онъ?
Любовь моя лежитъ тяжелымъ камнемъ
На сердцѣ у меня. Вина мнѣ дайте
И ѣсть чего-нибудь! О, счастье знаетъ,

---

1) Карандашомъ: „Смотри“.
2) Карандашомъ: „игралъ“.

Что чѣмъ оно гнететъ меня сильнѣе,
Тѣмъ болѣе его я презираю. (*Уходитъ*).

Сцена X.

Лагерь Цезаря въ Египтѣ.

ЦЕЗАРЬ.

Пусть посланный Антонія войдетъ!
Вы знаете его?

ДОЛАБЕЛЛА.

Учитель, Цезарь!
Какъ доказательство, какъ онъ ощипанъ,
Антоній посылаетъ намъ перо
Изъ своего крыла, а то, бывало,
Не много мѣсяцевъ тому назадъ,
Онъ слалъ царей послами.

ЦЕЗАРЬ.

Подойди
И говори!

ЭЙФРОНІЙ.

Таковъ, какъ есть, Антоніемъ я посланъ.
До сей поры я такъ ничтоженъ былъ
Для дѣлъ его, какъ на листочкѣ мирты
Роса въ сравненьи съ океаномъ.

ЦЕЗАРЬ.

Такъ.
Докладывай, зачѣмъ пришелъ!

ЭЙФРОНІЙ.

Онъ шлетъ
Властителю судьбы своей привѣтъ
И проситъ позволенья жить въ Египтѣ;
А если нѣтъ, онъ просьбу умаляетъ:
Позволь лишь жить межъ небомъ и землею,
Въ Аѳинахъ частнымъ человѣкомъ. Вотъ
И все объ немъ. Признала Клеопатра
Величіе твое и подчинилась
Твоей могучей силѣ. Умоляетъ
Дѣтямъ ея корону Плотомеевъ,
Которая проиграна тебѣ,
Имъ возвратить.

Цезарь.

Ушей я не имѣю
Для просьбъ Антонія; царицы просьбамъ
Ни во вниманьи я не откажу,
Ни въ исполненьи, если изъ Египта
Прогонитъ опозореннаго друга,
Иль умертвитъ его. Когда исполнитъ,
Что̀ сказано, тогда и просьбы будутъ
Услышаны. Вотъ мой отвѣтъ обоимъ.

Эйфроній.

Да будетъ счастье спутникомъ твоимъ. (*Уходитъ.*)

Цезарь.

Провесть его за лагерь. (*Тирею*) Вотъ пора
Для краснорѣчья твоего. Спѣши
Антонія отвлечь отъ Клеопатры,
Во имя наше все ей обѣщай,
Чего она желаетъ, даже больше,
Что̀ самъ придумаешь. На высотѣ
Величія нѣтъ стойкости у женщинъ;
Въ несчастіи нарушитъ и весталка
Свои обѣты. Все свое умѣнье
Употреби, Тирей; потомъ назначь
Себѣ награду за труды; закономъ
Мы утвердимъ твой приговоръ.

Тирей.

Иду.

Цезарь.

Вглядись попристальнѣй, какъ переноситъ
Свое несчастіе Антоній, и старайся
По признакамъ наружнымъ угадать
О скрытомъ замыслѣ.

Тирей.

Исполню, Цезарь. (*Уходитъ.*)

Перевелъ **А. Н. Островскій**..

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ г. Е.... *).

Семипалатинскъ 8-го Февр. 1858.

Благодарю васъ за всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщили, и за старанія ваши обо мнѣ. Насчетъ моего романа вотъ что̀ я долженъ вамъ написать окончательно. Я его оставилъ (до времени). Значительная часть его уже была совсѣмъ готова. Но одна мысль, что прійдется кончать его за деньги, на почтовыхъ, какъ это случалось со мной прежде, до того убивала меня, что я сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я помню, какъ мнѣ случалось губить недурныя вещи, оттого что надобилось исполнить условья съ журналами, выдававшими деньги впередъ. Романъ же мой я полюбилъ и ожидаю отъ него чего-нибудь. Взамѣнъ того принялся за одну длинную повѣсть, листовъ въ 8 печатныхъ, которая легче и покамѣстъ идетъ хорошо. Работа меня обыкновенно очень волнуетъ, не могу писать хладнокровно, а слѣдов. и скоро. Во всякомъ случаѣ къ концу марта надѣюсь кончить, выслать вамъ и даже застать васъ письмомъ моимъ въ Москвѣ. Но прежде того скажу вамъ, что я самъ написалъ Каткову—письмо странное, но необходимое. Долговъ у меня здѣсь 600 р. сереб. (сдѣланныхъ при свадьбѣ). Срокъ имъ былъ 1-го января 58 г. Братъ Михайло (въ Петербургѣ) написалъ мнѣ, что проектируется на будущій годъ журналъ „Русское Слово". Денегъ на него далъ нѣкто графъ Кушелевъ, редакторы мнѣ неизвѣстны. Fac-totum Кушелева по дѣламъ нѣкто Моллеръ. Сей послѣдній явился къ брату и просилъ мой романъ, повѣсть и т. п. Братъ, зная, что мнѣ надо денегъ, и не имѣя средствъ мнѣ помочь самъ, вступилъ съ Моллеромъ въ конкратъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) я доставляю повѣсть къ концу 1858 года, 2) плата 100 р. сереб. съ листа,

---

*) Два письма Ѳ. М. Достоевскаго къ г. Е.... напечатаны были въ журналѣ „Русская Старина" 1883 г., августъ, стр. 645—648.

3) 500 рублей выдаются впередъ, сей же часъ. Такъ и вышло, и деньги (500 руб.) я уже получилъ. Для Моллера у меня уже есть повѣсть листовъ въ 5 печатныхъ. Слѣдовательно, насчетъ выполненія условій съ предполагаемымъ „Русскимъ Словомъ" я спокоенъ. Но мнѣ было мало 500 руб. Мнѣ надо было 1000, ибо, расплатившись со всѣми, надо было чѣмъ жить. Я и написалъ Каткову откровенное письмо (не думаю, чтобъ Катковъ могъ имъ обидѣться), въ которомъ предлагалъ ему мой романъ (на этотъ годъ), а его просилъ мнѣ выслать сейчасъ же 500 р. Пославъ письмо, я рѣшилъ не писать мой романъ (отложилъ на время), а писать небольшой романъ (листовъ въ 8), о которомъ я упоминалъ выше. Если Катковъ деньги пришлетъ, то надѣюсь, что онъ не раскается очень. Не говорю впрочемъ, что напишу что-нибудь очень хорошее. Но сносно, можетъ быть, будетъ. Не пришлетъ деньги, его воля. Но если пришлетъ, то я опять въ затрудненіи: 50 р. мнѣ мало съ листа. И потому я рѣшилъ такъ. Вы, добрѣйшій Е...., получивъ мой романъ, снесете его къ Каткову, и если понравится, то онъ мнѣ прибавитъ, если же нѣтъ, то я достану денегъ отдать. Вся бѣда оттого, что Плещеевъ увѣрилъ меня, что плата болѣе 50 р. Но все это ничего; какъ-нибудь обойдется. Что же касается до романа (большаго), то въ концѣ года я имъ крѣпко займусь. Лѣтомъ надѣюсь получить деньги и выѣхать отсюда. Я подалъ въ отставку и прошусь въ Москву: можетъ быть, пропустятъ. До свиданія, благороднѣйшій Е....; не взыщите, если въ письмѣ моемъ большая безурядица: третьяго дня со мной былъ припадокъ падучей, и теперь я буквально не въ своемъ умѣ. Не свѣжа голова, и всѣ члены разбиты.

До свиданія. Въ этомъ году надѣюсь съ вами увидѣться.

Вашъ Достоевскій.

NB. Впрочемъ нечего загадывать заранѣ. Съ Катковымъ я поступлю такъ, что онъ не будетъ раскаяваться,—по крайней мѣрѣ, какъ умѣю лучше.

Письмо Попечителя Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьева къ студенту Р. Ѳ. Тимковскому *).

Государь мой!

Отличные труды ваши и успѣхи въ руководствѣ г. Студентовъ-пенсіонеровъ къ изученію латинскаго языка, по свидѣтельству почтеннаго ректора вашего, Харитона Андреевича, заслуживаютъ съ моей стороны истинную признательность, которую съ удовольствіемъ чрезъ сіе вамъ изъявляю. Университетъ не преминетъ ободрить васъ въ поприщѣ учености воздаяніемъ трудолюбія вашего. Устремите всѣ ваши желанія къ достойному достиженію честей, предоставленныхъ ученому. Постарайтесь въ особенности часъ отъ часу болѣе успѣвать въ классической учености, въ изученіи духа и красотъ древнихъ. Сіе искреннее знакомство съ ними разсыплетъ цвѣты на поприще ваше, усладитъ, облегчитъ самой упрямой и неблагодарной трудъ. Внушите въ слушателей вашихъ тоже страстное удивленіе къ благородной простотѣ Корнелія и Теренція, къ величественному изобилію Цицерона и Тита Ливія, къ щастливой дерзости Горація, къ неподражаемой избранности Виргилія. Пусть будетъ имъ учиться—наслажденіе, для васъ учить—необходимость. Ваши слушатели, нѣкогда въ шумѣ и дѣятельности гражданской жизни, вспомнятъ, чѣмъ обязаны вамъ въ юности, и вы будете имѣть въ сердцѣ своемъ сознаніе, что и вы споспѣшествовали къ распространенію знаній и просвѣщенія. Я желаю Университету, чтобъ онъ нашелъ въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ ему честь Венсовичей, Щеголевыхъ, Тимковскихъ, Яценковыхъ, Мерзляковыхъ, и

*) Напечатано по автографу, хранящемуся въ библіотекѣ Общества Люб. Росс. Словесности. Р. Ѳ. Тимковскій, которому адресовано письмо, былъ впослѣдствіи профессоромъ греческой и римской словесности, памятенъ неоконченнымъ изданіемъ Лаврентьевскаго списка лѣтописи.

не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старшихъ и предать оный послѣдующимъ. Посѣщайте прилѣжно библіотеку. Vos exemplaria ista nocturna versate manu, versate diurna. Пишите много по латинѣ, учитесь древности, обрядамъ, нравамъ, исторіи, преданіямъ древнихъ грамматиковъ, безъ которыхъ невозможно войти въ сокровенной смыслъ языка. Я вамъ желаю успѣховъ и есмь вашъ охотной слуга

М. Муравьевъ.

1804 Генв. 5 дня.

Г. Студенту Тимковскому.

Отзывъ профессора Ѳ. И. Буслаева о программѣ русскаго языка и словесности, составленный учителями гимназій Московскаго учебнаго округа на съѣздѣ 1866 г., въ Москвѣ *).

Методъ *филологическій*, выработанный на изученіи языковъ классическихъ, разсматриваетъ языкъ какъ средство для уразумѣнія писателей, и предлагаетъ основательное знакомство съ грамматикой для правильнаго употребленія языка устно и письменно. Правильно говорить и писать полатыни и понимать латинскихъ и греческихъ писателей—вотъ задача филологическаго обученія, которое потому и называется *классическимъ*, что имѣетъ предметомъ изученіе классиковъ. Сколько грамматика древнихъ языковъ способствуетъ для умственной гимнастики, столько изученіе классиковъ, поэтовъ и прозаиковъ, обогащаетъ свѣдѣніями реальными, историческими и воспитываетъ нравственное чувство и эстетическій вкусъ. Это вмѣстѣ и матеріалъ для исторіи,—и преимущественно для исторіи литературы,—и практическая школа для реторики и эстетики. До какой степени доведено это реальное изученіе древнихъ классиковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, можно видѣть изъ того, что на педагогическомъ съѣздѣ филологовъ въ Гейдельбергѣ (29 и 30 сент. прошлаго 1865 г.) между прочимъ принято рекомендовать изученіе древнихъ поэтовъ (Гомера, Виргилія, трагиковъ) при пособіи памятниковъ античнаго искусства. „Здѣсь“,—сказано въ тезисахъ этого съѣзда,—„монументальное обученіе служитъ столько же для уразумѣнія писателей по взаимному

*) Отчетъ о Съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа былъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ № 8 Циркуляра по Московскому учебному округу на 1866 годъ. Отзывъ Ѳ. И. Буслаева о программѣ, составленной Съѣздомъ, до сихъ поръ оставался въ рукописи.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

отношенію литературы и искусства, сколько и для изученія древностей вообще, для которыхъ въ одинаковой мѣрѣ важны оба эти источника“ (Сборникъ на 1866 г., изд. Обществомъ древне-русскаго искусства, отд. II, стр. 144).

Итакъ, основательное грамматическое изученіе классическихъ языковъ, доведенное на практикѣ до правильнаго употребленія ихъ устно и письменно, и чтеніе прозаиковъ и поэтовъ Греціи и Рима въ связи съ древностями и исторіей литературы и искусства— вотъ та пріуготовительная основа, которая называется *гуманнымъ* образованіемъ, та *общая* пропедевтика, которая предшествуетъ въ гимназіяхъ университетскимъ спеціальностямъ. Молодой человѣкъ, такъ подготовленный, поступая въ университетъ, не только знаетъ древніе языки грамматически, но и владѣетъ элементами общечеловѣческаго образованія, завѣщанными Европѣ ея исторіей. На какой факультетъ онъ ни поступитъ, хотя бы на медицинскій, онъ уже вооруженъ элементами просвѣщенія, которые навсегда оставятъ въ немъ неизгладимые слѣды общаго, гуманнаго образованія. Такихъ результатовъ не можетъ дать преподаваніе ни одного изъ языковъ новыхъ народовъ. Потому-то въ *гимназіяхъ классическихъ* гуманное образованіе, воспитывающее умъ, нравственное чувство и эстетическій вкусъ, почерпается преимущественно изъ классическаго обученія. *Языкъ родной* служитъ только дополненіемъ къ этому источнику гуманности.

Школы *реальныя*, лишенныя этихъ преимуществъ классическаго образованія, тщетно стремятся восполнить этотъ недостатокъ исторіею литературы роднаго и новѣйшихъ языковъ.

Наши гимназіи, при незначительномъ обученіи латинскому языку и за отсутствіемъ въ нихъ языка греческаго, имѣли и доселѣ имѣютъ характеръ *реальныхъ школъ*. Образованія гуманнаго онѣ не давали и доселѣ не даютъ. Педагоги, слѣдуя реальному методу, стремились восполнить этотъ недостатокъ исторіею литературы и дошли до вреднаго энциклопедизма, какъ это основательно замѣчено на учительскомъ съѣздѣ. Послѣднюю попытку удержать въ нѣкоторыхъ границахъ произволъ энциклопедизма, господствующій въ классахъ русской словесности, предлагаетъ нынѣ принятая программа для поступающихъ въ университетъ. Но, исходя отъ односторонняго направленія реальнаго, въ виду преобразованія русскихъ гимназій въ классическія, эта попытка оказалась мѣрою отсталою.

Программа, выработанная учительскимъ съѣздомъ, беретъ въ

основу *предположеніе о существованіи* уже въ нашихъ гимназіяхъ гуманнаго образованія, и разсматриваетъ обученіе отечественному языку *только какъ дополненіе* къ этому классическому воспитанію, и сверхъ того — ограничиваетъ обученіе грамматикой и практическимъ употребленіемъ языка.

Очевидныя достоинства этой программы слѣдующія:

1) Приспособляя обученіе русскому языку къ преподаванію языковъ древнихъ, эта программа имѣетъ твердую основу классическаго направленія;

потому 2) предохраняетъ преподаваніе отечественнаго языка отъ вреднаго энциклопедизма;

3) сосредоточиваясь на языкѣ, она значительно очищаетъ классъ отечественной словесности отъ пустословія и произвола, и наконецъ—

4) практическимъ направленіемъ обезпечиваетъ наши гимназіи въ отношеніи правильнаго употребленія языка въ письменныхъ упражненіяхъ.

Что же касается недостатковъ программы, то, по моему крайнему разумѣнію, они состоятъ въ слѣдующемъ.

1) Уже въ самомъ принципѣ, принятомъ программою, заключается причина ея несостоятельности въ настоящее время. Будучи составлена по образцу программъ нѣмецкихъ классическихъ гимназій и въ предположеніи гуманнаго образованія, которое со временемъ можетъ быть дано нашимъ гимназіямъ обученіемъ классическимъ, программа учительскаго съѣзда, ограничивающая преподаваніе отечественнаго языка только стороною формальною и не дающая никакого историческаго содержанія, можетъ быть полезна только тогда, когда наши гимназисты, такъ же какъ и нѣмецкіе, будутъ свободно читать въ подлинникѣ Гомера, Виргилія, Софокла, и изучать ихъ въ отношеніи древностей и исторіи литературы и искусства. Нѣтъ надежды, чтобы этихъ результатовъ достигли наши гимназіи даже черезъ четверть столѣтія. Иное дѣло — желать водворенія въ нашихъ гимназіяхъ истиннаго и полнаго гуманнаго образованія, въ объемѣ нѣмецкихъ классическихъ гимназій, иное,— въ виду будущихъ надеждъ, болѣе или менѣе обманчивыхъ,—въ настоящемъ жертвовать для будущаго гуманизма въ нашихъ гимназіяхъ—всѣми средствами, какія для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго образованія можетъ дать преподаваніе отечественнаго языка и словесности. До тѣхъ поръ, пока у насъ еще не водворится истинно-гуманное, т.-е. классическое воспитаніе, наши

гимназіи еще не классическія, а реальныя, и когда будутъ настоящими классическими—неизвѣстно, потому что это зависитъ не отъ предписаній правительства, а отъ мѣстныхъ и временныхъ средствъ. Программа, составленная для гимназій классическихъ, какъ бы ни была она удовлетворительна, безъ существеннаго ущерба образованію, не можетъ быть введена въ гимназіяхъ реальныхъ; ибо, какъ сказано, тѣ и другія гимназіи не могутъ имѣть одну и ту же программу преподаванія отечественнаго языка и словесности. Программа учительскаго съѣзда можетъ годиться для нашихъ гимназій по малой мѣрѣ лѣтъ черезъ 25, и то въ томъ случаѣ, если счастливыя обстоятельства, теперь еще непредвидѣнныя, будутъ способствовать у насъ успѣшному развитію классическаго гуманизма.

2) Опасаясь энциклопедизма и произвола, господствующихъ у насъ въ гимназическомъ преподаваніи отечественнаго языка, программа учительскаго съѣзда вдалась въ крайность формализма и безжизненной схоластики. Грамматика и логическіе разборы разныхъ статей, составляющіе преподаваніе во всѣхъ семи классахъ гимназіи,—дѣло очень полезное, но оно далеко не объемлетъ всѣхъ задачъ преподаванія. Слово получаетъ свое значеніе отъ *мысли*, и логическое расположеніе сочиненія есть только абрисъ, внѣшнее очертаніе болѣе существенной части сочиненія, именно его *жизненнаго, бытоваго, историческаго содержанія*. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ читаются Нибелунги и другія произведенія древней нѣмецкой литературы, по хрестоматіи Вакернагеля, не для одного только языка и слога, но и для исторіи быта, миѳологіи и литературы, какъ это замѣчено и въ статьѣ преподавателя Поливанова, приложенной къ программѣ учительскаго съѣзда. На упомянутомъ мною прошлогоднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ въ Гейдельбергѣ предположено въ гимназіяхъ чтеніе Лессинга и Гёте въ связи съ исторіею развитія художественныхъ идей, при пособіи памятниковъ искусства. Напротивъ того, программа учительскаго съѣзда требуетъ только чисто внѣшняго, формальнаго,—грамматическаго, стилистическаго и логическаго,—разбора разныхъ статей и отрывковъ изъ писателей новой русской литературы, и немногихъ древней и народной; именно: изъ житія Ѳеодосія и изъ Лѣтописи Нестора, Слова о полку Игоревѣ и одной русской былины (о Садкѣ). „Объясненіе этой былины“,—говоритъ программа,—„должно быть направлено *исключительно* на особенности языка и стиля. Преподаватель не касается ни историко-литературнаго значенія, ни миѳологическихъ элементовъ былины“.—Это требованіе едва ли исполнимо на

практикѣ между знающимъ и даровитымъ учителемъ и способными учениками, которые непремѣнно пожелаютъ видѣть въ этой былинѣ какой-нибудь смыслъ: и тогда окажется необходимымъ объясненіе реальное, бытовое, историческое. То же должно сказать и о Житіи Ѳеодосія и о Лѣтописи, и о Словѣ о полку Игоревѣ—о произведеніяхъ, которыя программа предписываетъ изучать только для языка и стиля. Сверхъ того, едва ли можно основательно изучить *стиль* какого-нибудь произведенія, особенно древняго, независимо отъ исторіи языка, быта и литературы.—Точно также разборъ отрывковъ и небольшихъ сочиненій Ломоносова, Карамзина, Пушкина, ограничивается, какъ сказано, тѣмъ же внѣшнимъ, схоластическимъ разборомъ теченія мыслей, независимо отъ реальнаго содержанія, которое дается исторіею и личностью писателя, такъ что ученикъ гимназіи, по окончаніи курса, прочитавшій такимъ образомъ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе мелкихъ статей и отрывковъ, не обязанъ знать ни Ломоносова, ни Жуковскаго, ни Пушкина, хотя и прочелъ кое-какія выдержки изъ ихъ сочиненій. Поступивъ въ университетъ съ такими отрывочными и поверхностными свѣдѣніями, молодые люди только на историко-филологическомъ факультетѣ могутъ восполнить и расширить свои понятія о русскихъ образцовыхъ писателяхъ, на другихъ же факультетахъ навсегда останутся въ полномъ о нихъ невѣдѣніи, только съ знаніемъ ихъ именъ, почерпнутымъ изъ политической исторіи.—Это чисто-формальное обученіе отечественному языку, возможное при гуманномъ образованіи классическихъ гимназій, у насъ въ настоящее время можетъ принести существенный вредъ—именно въ томъ противодѣйствіи, какое не преминутъ оказать реализмъ и энциклопедизмъ схоластическому обученію отечественнаго языка, лишенному историческихъ основъ литературы и разборомъ однѣхъ внѣшнихъ формъ доведенному до пустоты излишнихъ логическихъ словоизвитій и тонкостей. Противъ удручающей массы матеріаловъ реальнаго направленія классическое образованіе дѣйствуетъ не одними склоненіями и спряженіями, а тоже *массою реальнаго содержанія*, которое почерпается изъ *непосредственнаго* знакомства *съ классиками*. Ученикъ классической гимназіи получаетъ гуманное образованіе не потому, что логически разбираетъ разные отрывки, а потому что изучаетъ *именно* Гомера или Виргилія. Въ тѣхъ же гимназіяхъ въ Германіи изучаются Лессингъ и Гёте: почему же мы опасаемся для своихъ гимназій предложить изученіе Ломоносова, Жуковскаго или Пушкина, и скрываемъ ихъ имена и ихъ

историческую дѣятельность подъ логомахіей такъ называемой *диспозиціи* разныхъ отрывковъ изъ ихъ сочиненій?—И такъ, программа учительскаго съѣзда хотя и составлена по методу, принятому въ классическихъ гимназіяхъ Германіи, но существенно уклоняется отъ своего образца. Она предоставляетъ отечественному языку и словесности несравненно меньшее значеніе въ *гуманномъ* и *реальномъ* образованіи, нежели сколько допускаютъ классическія гимназіи нѣмецкія въ преподаваніи языка и литературы нѣмецкой.

3) Не смотря на строгость въ выдержкѣ и въ систематическомъ проведеніи принятаго программою принципа, она не могла избѣжать самыхъ рѣзкихъ *противорѣчій* себѣ самой. Это произошло по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому что составители программы чувствовали, что они даютъ эту *классическую* программу отечественнаго языка гимназіямъ *еще реальнымъ*, а для того внесли въ нее, какъ вопіющее противорѣчіе, чтеніе одной пѣсни Иліады *по переводу Гнѣдича* (въ 6-мъ классѣ), съ объясненіями не только языка, стиля и диспозиціи, или расположенія, но и *реальныхъ свѣдѣній*, предлагаемыхъ ею (черты быта, миѳологію и проч.), и даже *отношенія автора къ своему произведенію*. При этомъ сдѣлано одно замѣчаніе, которое, по моему мнѣнію, подрываетъ всю систематическую выдержку программы, и которое ясно свидѣтельствуетъ, что учительскій съѣздъ былъ убѣжденъ въ возможности непремѣнно ввести эту *классическую* программу въ наши *еще реальныя* гимназіи. „Само собою разумѣется“,—сказано въ программѣ,—„что когда чтеніе Иліады въ предложенномъ видѣ будетъ возможно въ греческомъ классѣ,—чтеніе ея на урокахъ отечественнаго языка будетъ устранено“. Если здѣсь сдѣлана уступка для Гомера въ ожиданіи, когда упрочится въ нашихъ гимназіяхъ классическое обученіе, то, снисходя къ настоятельнымъ потребностямъ учащихся въ *гуманномъ образованіи*, для чего съѣздъ не далъ ему болѣе обширнаго развитія въ программѣ отечественной словесности—конечно, съ тою же оговоркою, что эта уступка допускается, покамѣстъ не водворится въ гимназіяхъ надлежащее изученіе древнихъ классиковъ? Съѣздъ это, очевидно, чувствовалъ, и сдѣлалъ другую уступку, уже въ пользу *Шекспира*, изъ котораго рекомендуетъ прочесть одну трагедію въ 7-мъ классѣ. Это—противорѣчіе, тѣмъ болѣе грубое, что оно въ конецъ подрываетъ кредитъ программы, принявшей въ основу классическій, и именно *филологическій* принципъ. Если допущенъ въ программу русскаго языка *Шекспиръ*, то не будетъ конца разнымъ уступкамъ и исключеньямъ. Самый пріемъ—

изучать писателя въ переводѣ, да еще не вполнѣ удовлетворительномъ, противенъ строгому классическому методу, основанному *на непосредственномъ знакомствѣ* съ оригиналомъ. Таже уступка и такая же ошибка программы—и относительно „Апологіи Сократа“ Платона, въ переводѣ Карпова (для 7-го класса). Вторая причина противорѣчій программы себѣ самой состоитъ въ рѣшительной невозможности упорно держаться только внѣшней стороны при объясненіи произведеній литературы. Программа учительскаго съѣзда не допускаетъ исторіи литературы (состоящей въ связи съ исторіей быта и культуры), и читаетъ съ гимназистами житіе Ѳеодосія, лѣтопись Нестора и Слово о полку Игоревѣ *только для языка и стиля*, а вмѣстѣ съ тѣмъ для ученическихъ сочиненій задаетъ темы по тѣмъ же произведеньямъ съ точки зрѣнія литературы и быта; а именно въ 6-мъ классѣ: „Составленіе на основаніи образца, *разобраннаго* въ классѣ, *характеристики быта и лицъ* (наприм. по житію Ѳеодосія, по лѣтописи Нестора“......); или въ 7-мъ классѣ: „Отношеніе древне-русскаго писателя къ книжной мудрости, по предисловію Нестора къ житію Ѳеодосія, по послѣсловію *мниха* Лаврентія“ и проч. И таже самая программа въ 6-мъ классѣ, какъ приведено выше, запрещаетъ учителю касаться историко-литературнаго значенія и миѳологическихъ элементовъ русской былины, т.-е., ея реальнаго, бытоваго содержанія, между тѣмъ, какъ въ томъ же классѣ по Иліадѣ въ переводѣ Гнѣдича изучается бытъ и миѳологія Грековъ. Отрывки изъ новыхъ писателей, отъ Ломоносова до Гоголя, изучаются только ради *диспозиціи*, а не содержанія, которое объясняется исторіей литературы, устраненною изъ программы. Наконецъ это противорѣчіе программы себѣ самой высказалось и въ результатѣ, въ требованіи на экзаменѣ 7-го класса „объясненія избранныхъ образцовъ (указанныхъ выше разсужденій, трагедіи Шекспира, одной пѣсни Иліады и т. д.) со стороны логическаго ихъ построенія и по отношенію къ ихъ *содержанію*“.

4) Противодѣйствуя пустословію и произволу, программа учительскаго съѣзда даетъ однако поводъ къ тому и другому, основывая все литературное образованіе гимназистовъ *на разборѣ* образцовъ. Разборъ—это пріемъ самый растяжимый. Всякій учитель будетъ разбирать и объяснять образецъ по своему: учителю даровитому это—широкое поле для полной свободы его мыслей и фантазіи; учителю недаровитому (какихъ больше) это—камень преткновенія, тяжелое бремя, которое наляжетъ невыносимою скукою на

способности учениковъ; наконецъ для учителя бойкаго, съ пикантными тенденціями—отличный конекъ, на которомъ тѣмъ ловчѣе ему красоваться, что изъ разбора устранена положительная, реальная, т.-е., историческая сторона. Чтобы рѣшительно и окончательно устранить произволъ, этотъ главнѣйшій порокъ въ преподаваніи отечественной словесности, необходимо ввести обязательное *руководство* для реторическаго или логическаго разбора, или *Руководство къ прикладной логикѣ*, или что-нибудь другое, что замѣнило бы въ гимназіяхъ и реторику съ піитикой, и исторію русской литературы, если ужь этотъ предметъ будетъ обреченъ на изгнаніе изъ гимназическаго курса. Пока не будетъ такой книги, введеніе программы учительскаго съѣзда въ гимназіяхъ невозможно.

5) Распространеніе грамматическаго обученія по всѣмъ семи классамъ гимназіи, какъ сказано, составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ программы; но не мнѣ быть судьею, до какой степени можетъ быть полезна, какъ гимназическое руководство, моя *Историческая* Грамматика, составленная, какъ я надѣялся, для публики болѣе развитой и болѣе знакомой съ исторіей русской литературы, нежели та недалекая публика гимназистовъ трехъ старшихъ классовъ, которую программа учительскаго съѣзда лишаетъ возможности узнать, кто такіе были Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ - Визинъ и Пушкинъ. — Сверхъ того, за отсутствіемъ въ гимназіи живаго, интереснаго преподаванія, основаннаго на исторіи литературы, надобно опасаться, чтобъ это непрестанное заучиванье параграфовъ грамматики не повело къ отупѣнію—учениковъ и къ апатіи—самихъ учителей, которые могутъ облегчить свою обязанность старинною рутиною — задавать ученикамъ затверживать наизусть §§ руководства, чему найдутъ они законное оправданіе въ самой программѣ, которая на экзаменѣ 7-го класса требуетъ именно „*теоретическихъ* отвѣтовъ по грамматикѣ русской и церковно - славянской“. Иное дѣло — твердо и основательно знать грамматику *практически* и давать изъ нея отвѣты на разборѣ текста, и иное дѣло отвѣчать изъ нея *теоретически*, т.-е. дѣлать перечни грамматическимъ правиламъ по §§-мъ и рубрикамъ, съ разными подраздѣленіями и исключеніями. Такіе отвѣты даже для самаго составителя грамматики, по его собственному руководству, были бы сущею пыткою.

6) Школа есть приуготовленіе къ общественной дѣятельности, потому вопросы педагогическіе, въ ихъ общемъ результатѣ для

цивилизаціи страны, не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ политическихъ и государственныхъ. Вотъ причина, почему публицисты такъ часто берутъ въ свое вѣдѣніе педагогію. Вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ тѣсно связанъ съ вопросами о русской національности, о централизаціи и сепаратизмѣ, которыми особенно заинтересована публицистика нашего времени. Имѣющіе причину игнорировать русскую національность въ литературѣ, какъ выраженіи жизни, охотно дали бы просторъ классическому образованію въ гимназіяхъ и поспѣшили бы изученіемъ Гомера и Виргилія удалить на задній планъ Ломоносова, Пушкина и другихъ представителей русской цивилизаціи и національности. Можетъ быть, нѣкоторое оправданіе этому предположенію видимъ въ Западномъ краѣ, гдѣ съ бóльшей энергіей, нежели у насъ, преобразуются гимназіи въ строго-классическія школы, и, вѣроятно, не по одному только тому, что тамошняя публика развитѣе нашей. Превосходство русской національности надъ малорусскою, въ отношеніи литературы, можетъ быть убѣдительно для учащихся поколѣній южной Руси только при возможно полномъ, для гимназій, обозрѣніи литературныхъ заслугъ лучшихъ нашихъ писателей, начиная съ Ломоносова до Гоголя, а не въ схоластическомъ наблюденіи надъ ходомъ мыслей въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ ихъ сочиненій. Господствующій правительственный языкъ законно и прочно преобладаетъ надъ мѣстными нарѣчіями провинцій не потому, что на немъ преподаются всѣ предметы гимназическаго ученія, а потому что самая литература его имѣетъ обязательную силу, заставляющую всякаго образованнаго человѣка эту литературу вѣдать.—Хотя программа учительскаго съѣзда составлена для гимназій только Московскаго Учебнаго Округа, но если она будетъ утверждена для экзамена поступающихъ въ Московскій университетъ, то получитъ значеніе всероссійское, потому что въ нашъ университетъ молодые люди стекаются отовсюду.—Въ программѣ русскаго языка, будетъ ли то для реальныхъ или классическихъ гимназій, должно быть заявлено полное уваженіе къ русской національности въ лицѣ ея лучшихъ писателей, изъ которыхъ главнѣйшіе должны быть коротко знакомы всякому поступающему въ Университетъ.

Въ заключеніе почитаю нелишнимъ сказать два слова о самомъ съѣздѣ. Съ ревніемъ, очень понятнымъ въ этомъ новомъ, для нашей педагогической публики, дѣлѣ, учительскій съѣздъ, кажется, слишкомъ много взялъ на свою отвѣтственность, поусерд-

ствовавъ въ какую-нибудь недѣлю выработать цѣлую гимназическую программу преподаванія отечественнаго языка и словесности; потому слѣдуетъ быть снисходительнымъ къ этому первому опыту. Многое сдѣлано на съѣздѣ удовлетворительно; много поднято дѣльныхъ вопросовъ; но главное и существенное еще ожидается впереди.

Монологъ Гамлета*).

Быть или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ.
Что доблестнѣй душѣ: сносить удары
И стрѣлы оскорбительной судьбы,
Или, возставъ противу моря бѣдствій,
Въ борьбѣ покончить съ ними? Умереть—
Уснуть, не болѣе,—и знать, что въ снѣ
Всѣмъ мукамъ сердца, тысячамъ страданій,
Съ природой жизни нашей неразлучныхъ,
Конецъ найдемъ мы,—кто-бъ не пожелалъ
Отъ всей души такого окончанья!
Но умереть—уснуть; уснуть! Быть можетъ,
И грезить... вотъ и камень преткновенья!
Какія грезы въ этомъ смертномъ снѣ
Насъ посѣтятъ, когда стряхнемъ съ себя
Всю смуту этой жизни на землѣ?—
Вотъ что впередъ стремиться намъ мѣшаетъ,
Вотъ отъ чего страданья нашей жизни
Такъ долго длятся! Кто бы перенесъ
Ругательства и бичеванья эти,
Какими современность насъ даритъ;
Кто-бъ перенесъ всю ложь деспотовъ наглыхъ,
Обидное презрѣнье гордеца,
Страданія отверженной любви,
Безсиліе закона и нахальство
Безстыдное служителей его,
Пинки ногой, которыми ничтожность

*) Печатаемый впервые отрывокъ изъ начатаго покойнымъ С. А. Юрьевымъ перевода шекспировской трагедіи и помѣщенное ниже переложеніе религіознаго стихотворенія Лопе де Веги, найдены были въ бумагахъ С. А. и сообщены его семьею.

Алексѣй Веселовскій.

Достойнаго съ презрѣньемъ награждаетъ, —
Когда избавить можетъ насъ
Одинъ ударъ кинжала?
Кто бъ сталъ влачить такое бремя жизни,
Кто бъ гнуться сталъ подъ тяжестью такой,
И вынесъ все, когда бъ не страхъ,
Что̀ будетъ тамъ, какъ пронесется жизнь,
Въ безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ
Для путниковъ уже возврата?
Трепещетъ воля, принуждаетъ насъ
Терпѣть все зло, но не спѣшить туда,
Гдѣ все безвѣстно! Страхъ въ насъ губитъ бодрость,
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ предъ напоромъ тусклой мысли,
И сила замысла великаго,
Впѣривши взоры вдаль, идетъ назадъ,
Лишаясь дѣла. Ахъ, Офелія!
О, нимфа, помяни грѣхи мои
Въ твоихъ святыхъ молитвахъ!

Перев. **С. А. Юрьевъ.**

Мысли священника при возношеніи Святаго Агнца.

(Изъ Лопе де Веги).

Когда преступными руками я подъемлю
Тебя, мой Царь, Владыка и Господь вселенной,
Когда я въ руки грѣшныя пріемлю
Пречистый Жертвы даръ, сей даръ любви безцѣнной,—
Дивлюсь преступной дерзости моей,
Дивлюсь смиренной кротости Твоей.

* * *

Надъ страшной пропастью, разверстой подо мною,
Я трепещу, и ужасъ душу леденитъ;
Страдая, каюся во прахѣ предъ Тобою.
Спаси! Душа къ Тебѣ любовію горитъ!
Вишу надъ бездной... Сердце замираетъ...
Мутится умъ и сила оставляетъ...

* * *

Изъ рукъ Твоихъ не выпусти меня... я погибаю...
Ты Самъ идешь ко мнѣ, Предвѣчная Любовь!
Тебя принять крестомъ я руки простираю.
Распну-ль Тебя, о Боже праведный, я вновь?!
Любовь! Готовлю новый крестъ Тебѣ!
Іуды казнь готовлю я себѣ.

* * *

Любовь! Сожги меня Твоимъ Святымъ огнемъ,
И зло погибели все дымомъ разнесется,
И пламенемъ любви къ Тебѣ, очистясь въ немъ,
Душа моя въ Твои селенья вознесется.

О, не суди меня Твоею кровью!
Суди Твоей безмѣрною любовью!

* * *

Несу Тебя, несущаго весь міръ любовью.
Дивятся ангелы, дивятся херувимы:
Проливштій кровь Твою—спасенъ святою кровью,
Позорный крестъ—престолъ любви непобѣдимой!
Дивлюсь спасенью моему!
Дивлюся чуду Твоему!

Перев. **С. А. Юрьевъ.**

Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ.

На школьной скамьѣ, въ Нѣжинѣ, Гоголь уже началъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря: указанія на это уцѣлѣли въ самой старой изъ сохранившихся записныхъ книгъ поэта, нынѣ принадлежащихъ его наслѣдникамъ. Эта объемистая книга, переплетенная въ кожу, съ напечатанными съ праваго боку буквами алфавита, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедія. Составл. Н. Г. Нѣжинъ. 1826“. Статьи, вносившіяся въ „Подручную Энциклопедію“, располагались въ алфавитномъ порядкѣ; слова, составлявшія „лексиконъ малороссійскій“, также вписывались въ эту книгу подъ отдѣльными буквами, а не выдѣлялись въ самостоятельное цѣлое. Такъ, на страницѣ 35-й, подъ рубрикою: „*Лекс. Малор.—Л. М.*“ записано: „*Вага*, тяжесть; *ваги*, вѣсы (*Терезы*, коромысло на большихъ вѣсахъ; *Шальки*, малые вѣсы).—*Вермьяный*, то же, что румяный.—*Вчинки*, проступки.—*Вњко*, крыша на дижѣ, или на скрынѣ.—*Вздобный*, борзый.—*Впень*, до основанія.—*Волкилакъ*, оборотень, превращающійся въ волка, чтобы пугать людей и душить овецъ по злобѣ на хозяевъ.—*Ваганы*, корытця, изъ которыхъ ѣдятъ козаки.—*Вадить*, тошнить.—*Ватажокъ*, приводецъ. — *Веремія*, колобродъ. — *Версти*, вздоръ говорить. — *Веселка*, или *оселка*, радуга. — *Вирва*, *въ три вирвы*, въ три шеи.— *Выкрутасомъ* танцовать—разными тѣлодвиженіями, выхилясомъ.— *Вырій*, мѣсто, куда улетаютъ птицы на зимовье.—*Вырлоокій*, пучеглазый. — *Выступцы*, туфли. — *Высивки*, отруби. — *Вечеря*, присядка.—*Верцадло* (sic!), зеркало.—*Высњкака*, дерзской“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются источники, которыми Гоголь пользовался при объясненіи отдѣльныхъ словъ: 1) небольшой словарь, приложенный къ *Опыту собранія старинныхъ малороссійскихъ пњсней Цертелева* (Спб. 1819), 2) болѣе подробный словарь, напечатанный при книжкѣ: *Малороссійскія пњсни, изданныя М. Максимовичемъ* (М. 1827 года) и 3) толкованія отдѣльныхъ словъ въ Энеидѣ Котляревскаго [1]). Малороссійскія пѣсни Максимовича вы-

---

[1]) Такъ подъ буквою *Б* записано: „*Байракъ*, буеракъ (по Макс.); оврагъ, пропасть, поросшая лѣсомъ“ (по Церт.). Подъ буквою *И*: „*Интиллигаторъ*, переплетчикъ (Котляр.)“. Подъ буквою *К*: „*Коржъ*, лепешка сухая (Изъясненіе Котляревского).“ Подъ буквою *Л*: „*Лунь вхопитъ*, погыбнеть кто“ (требуется поясненія). По Котляр.“

шли въ свѣтъ въ 1827 году: изъ этого видно, что Гоголь продолжалъ и впослѣдствіи собираніе малороссійскихъ словъ, начатое въ 1826 году. Въ ту же „Подручную Энциклопедію" внесенъ довольно длинный перечень „именъ, даемыхъ при крещеніи", съ указаніемъ ихъ книжныхъ и народныхъ формъ, въ такомъ, напр., видѣ: „Андрій, Андрійко, Андрусь—Андрей". На страницахъ 139-й и 140-й, подъ буквою *К*, помѣщенъ „Комерческій словарь". Нѣкоторыми объясненіями малорусскихъ словъ, внесенными въ эту записную книгу, Гоголь воспользовался при изданіи, отдѣльными книжками, „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки".

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Гоголь оставилъ мысль о составленіи малорусскаго словаря; въ записной его книгѣ, заведенной въ Петербургѣ и наполненной замѣтками и произведеніями 1832—1835 годовъ, не встрѣчается толкованій малороссійскихъ словъ. Поэту открывался для наблюденій, для изученія совершенно новый міръ; провинціальная жизнь стала тускнѣть въ его памяти [1]). Нужно было изучать языкъ этого новаго міра, мало того:—нужно было изучать разновидности этого языка по сословіямъ. Прислушиваясь къ живой рѣчи русскаго народа, Гоголь чувствовалъ въ то же время потребность знакомиться съ лексикологіею великорусскаго языка, чтобы правильно на немъ выражаться и писать, чтобы усвоить себѣ русскую литературную рѣчь. Письма Гоголя къ роднымъ и знакомымъ, относящіяся къ его школьному періоду, даютъ намъ возможность составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно состояли недостатки Гоголевскаго языка: письма богаты провинціализмами; слова употребляются въ нихъ нерѣдко совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое закрѣплено за ними въ русскомъ литературномъ языкѣ; не мало словъ, искусственно и неправильно образованныхъ; глаголы, оканчивающіеся на *ся*, употребляются почти постоянно безъ этого мѣстоименія [2]); правила орѳографіи какъ будто неизвѣстны Гоголю.

Гоголь поразилъ Пушкина неправильностью своего литературнаго языка. Въ замѣткахъ 1830—1831 г. Пушкинъ записываетъ: „Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ сти-

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша V, 261. [2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Уроченное время" (V, 59); „наименить" (V, 55, 56); „Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ" (V, 56); „жить въ разрозненіи" (V, 53); „не поразскажете ли чего-нибудь намъ животрепящаго" (V, 62); „цѣлую ихъ сотеро разъ" (V, 61); „узнай, что̀ стоитъ пошитье самое отличное фрака" (V, 60); „чѣмъ болѣе близится мѣта свиданья" (V, 53, 50); „вамъ много заботъ и до пропасти дѣлъ" (V, 49); прикубникъ (V, 61); „несбытодуміе" (V, 49); „я думаю, что къ празднику зима гораздо

хахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже, и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь" [1]). Погрѣшности противъ литературной рѣчи пестрятъ петербургскія письма Гоголя [2]) и его первыя литературныя произведенія; съ теченіемъ времени онѣ становятся рѣже, но поэтъ никогда не могъ очистить отъ нихъ свои сочиненія. Въ началѣ декабря 1846 года, когда уже окончены были Гоголемъ всѣ напечатанныя имъ при жизни произведенія, онъ писалъ Плетневу: „Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцемъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать" [3]).

Гоголь, дѣйствительно, долго „бился", чтобы обработать свой языкъ и слогъ. „Надобно сказать",—признается онъ,—„что я получилъ въ школѣ воспитанье довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія" [4]). Въ составъ этого самообученья Гоголя входило и грамматическое и лексикологическое изученіе русскаго языка. Памятникомъ этихъ занятій остался напечатанный выше (стр. 24—54) „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ". Рукописная тетрадка, въ которую тщательно переписанъ начисто Гоголемъ этотъ „Сборникъ", не имѣетъ заглавія. Поэтъ началъ выписывать матеріалы для этого „Словаря" не ранѣе 1835 года и окончилъ не ранѣе 1848 года.

увеличится" (V, 30); „объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія" (V, 57); „мы теперь живемъ въ совершенномъ забытьѣ: всѣ разъѣхались" (V, 31); „благодарю васъ за незабытіе" (V, 46); „теперь мнѣ нужно не болѣе 80 рублей для сдѣлки платья лѣтняго" (V, 33); „несостояніе имѣть ее" (V, 53); „онъ берется на себя доставить нѣкоторыя вещи; остальныя могу искупить здѣсь" (V, 28); „утѣшительная мысль, приближаемая праздникомъ Рождества" (V, 44); „не находя здѣсь ни одного, кому бы могъ ввѣрить мышленія свои" (V, 55). [1]) Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда, V, 135. [2]) Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 209, 216, 222, 232, 237, 238, 245, 250. [3]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV, 233. Ср. впрочемъ, тамъ же стр. 281—282. [4]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV,253.

Самая значительная часть словъ, вошедшихъ въ „Сборникъ“ Гоголя, заимствована составителемъ изъ книги, обратившей на себя, при появленіи въ свѣтъ, вниманіе русскихъ писателей и ученыхъ и удостоенной Академіею Наукъ полной преміи Демидова: „Русско-французскій словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію, или этимологической лексиконъ Русскаго языка, составленный Ф. Рейфомъ“ (С.-Петербургъ, 1835 г.). Самъ Рейфъ на заглавномъ листѣ „*Словаря*“ такъ излагаетъ содержаніе своей книги: „1) Сравненіе *Славянскихъ корней* съ корнями Санскритскими, Персидскими, Греческими, Латинскими, Германскими, Арабскими и Еврейскими; 2) *Этимологія* Русскихъ словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, Европейскихъ и Азіятскихъ;—3) Сверхъ словъ общеупотребительнаго языка *техническіе термины* математическіе, военные, морскіе и архитектурные и вообще употребляемые во всѣхъ Искусствахъ и Наукахъ, и великое число *выраженій* и *словъ* древнихъ и новѣйшихъ, простонародныхъ и мѣстныхъ, не помѣщенныхъ ни въ одномъ изъ Словарей, донынѣ изданныхъ; 4) *Опредѣленія* Русскихъ словъ и разныя ихъ *значенія*, въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, объясненныя на Французскомъ языкѣ *синонимами*, или однозначащими словами, съ *примѣрами* изъ лучшихъ Авторовъ и съ означеніемъ *грамматическаго согласованія* и *управленія* словъ;—5) Показаніе *ударенія* на всѣхъ словахъ; 6) Сокращеніе *Русской Грамматики*, съ синоптическими таблицами склоненій и спряженій;—7) *Русская Азбука*, сравненная съ Азбукою Санскритскою, Арабскою, Еврейскою и Греческою;—8) Синоптическая таблица *Россійскихъ чиновъ* и *степеней* военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ;—9) Таблица Россійскихъ *вѣсовъ*, *мѣръ* и *монетъ*, съ приведеніемъ ихъ во Французскія мѣры;—10) *Алфавитный списокъ* всѣмъ Русскимъ словамъ, помѣщеннымъ въ семъ Словарѣ, для удобнѣйшаго пріисканія“. По своему содержанію, Словарь Рейфа очень пригоденъ былъ для этимологическаго изученія Русскаго языка безъ пособія наставника. Пушкинъ обращался къ этому лексикону для уясненія производства словъ и высказывалъ мысль, что „не худо бы взяться за лексиконъ или хоть за критику лексиконовъ“ [1]). Можетъ быть, онъ и рекомендовалъ Рейфа Гоголю. Какъ бы то ни было, послѣдній запасся этимъ словаремъ до отъѣзда за границу и принялся старательно изучать его. За границею въ затруднительныхъ орѳографическихъ случаяхъ Гоголь прибѣгалъ къ „Этимологическому лексикону“ Рейфа [2]).

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 258. [2]) Анненковъ, переписывавшій въ Римѣ, подъ дик-

Составленный Гоголемъ „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ" (см. выше, стр. 24—54) свидѣтельствуетъ очень краснорѣчиво, что поэтъ старательно изучалъ книгу Рейфа: дѣлалъ изъ нея выписки, которыя или приводилъ потомъ въ алфавитный порядокъ, или оставлялъ иногда въ той послѣдовательности этимологической, въ какой слова расположены въ лексиконѣ Рейфа—по корнямъ. Опредѣленія значеній словъ, внесенныхъ въ „Сборникъ" Гоголя, переведены съ французскихъ опредѣленій Рейфа. Послѣдній, въ свою очередь, переводилъ эти опредѣленія на французскій языкъ изъ „Словаря Академіи Россійской", первое изданіе котораго (1789—1794 г.) расположено было въ этимологическомъ порядкѣ — по алфавиту корней. Переводя на русскій языкъ, изъ „Лексикона Рейфа", опредѣленія словъ, вписанныхъ въ „Сборникъ", Гоголь конечно не зналъ, что самъ Рейфъ переводилъ эти опредѣленія изъ „Словаря Академіи Россійской", иначе онъ замѣнилъ бы свои переводныя съ французскаго толкованія текстами Академическаго Словаря. Опредѣленія словъ въ „Сборникѣ" Гоголя ближе къ „Этимологическому Лексикону" Рейфа, нежели къ „Словарю Россійской Академіи" (по первому и второму изданію) и къ „Словарю церковно-славянскаго и русскаго языка", изданному Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ (1847 г.). Напр. слово *крестовая* опредѣляется у Гоголя: такъ: „комната, въ которой крестятъ дѣтей" (стр. 27). Это опредѣленіе сокращено изъ слѣдующаго текста Рейфа: chambre, où l'on inscrit et baptise les enfants déposés aux enfants trouvés (p. 458); въ Словаряхъ Россійской Академіи такого опредѣленія нѣтъ. У Гоголя: „*нарокъ*"—(значекъ), предѣлъ; у Рейфа: „terme, temps fixé; sort, maléfice, charme, sortilège"; въ Акад. Словарѣ нѣтъ слова „предѣлъ", есть: 1) имя, названіе и 2) „срокъ", „опредѣленное, уреченное, назначенное къ чему время". У Гоголя: „*оловина* — всякое пьяное питье, не вино" (стр. 30); у Рейфа: „toute boisson enivrante à l'exception du vin" (641); въ Акад. Словарѣ по первому и второму изданію: „Всякій хмѣль-

---

товку Гоголя, первую часть „Мертвыхъ Душъ", разсказываетъ: „Помню, напримѣръ, что, передавая ему написанную фразу, я вмѣсто продиктованнаго имъ слова „щекатурка"— употребилъ „штукатурка". Гоголь остановился и спросилъ: „отъ чего такъ?"—„Да правильнѣе, кажется". — Гоголь побѣжалъ къ книжнымъ шкафамъ своимъ, вынулъ оттуда какой-то лексиконъ, *пріискалъ нѣмецкій корень слова*, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и, поставивъ опять на мѣсто, сказалъ: „А за науку спасибо". Воспоминанія и критическіе очерки, I, 192. Этимъ лексикономъ могла быть только книга Рейфа. Ср. стр. 1087.

ный напитокъ, кромѣ виноградного вина“ [1]). У Гоголя: „*выворотные башмаки* — въ одну подошву“ (стр. 45); у Рейфа: „Souliers à simple semelle“; въ Словарѣ Росс. Академіи: „Реченіе сапожническое, означающее башмаки или сапоги, у коихъ подошва изъ нутри безъ каймы къ передамъ пришивается“. Во второмъ изданіи: „Обувь изнутри на выворотъ безъ каймы къ передамъ пришиваемая, или въ верхъ бахтармою шитая для смазыванія“. У Гоголя: „*стихира*— пѣснь, поемая въ заутрен. и вечерню“ (стр. 37); у Рейфа: „cantique de louanges qu'on chante aux matines et au vêpres“; въ Словарѣ Рос. Ак.: „тропарь похвальный, стихами сложенный, поемый на утрени и вечерни“. У Гоголя: „*харіусъ* — рыба (Thym); у Рейфа: „thym, ombre de rivière“; въ Акад. словаряхъ нѣтъ слова: Thym. У Гоголя: „*однорядка*—праздничное платье“; у Рейфа: „habit de fête“; въ Словарѣ Росс. Академіи (по 2-му изданію): „Уборное платье, общее многимъ, одинаковаго цвѣта, покроя и прочаго портнаго прибора“. У Гоголя: „*пеструха*—степная курица“ (стр. 53); у Рейфа: „une poule de bruyère“; въ Словаряхъ Росс. Академіи этого слова нѣтъ.

При слабомъ знаніи французскаго языка, Гоголь нерѣдко переводитъ опредѣленія Рейфа неточно или невѣрно. Напр. въ „Сборникѣ“ Гоголя „*застѣнокъ*—отвѣтная комната“ (стр. 25); опредѣленіе переведено изъ Рейфа: „chambre de la question“. Въ „Словарѣ Россійской Академіи“: „Такъ называлось прежде мѣсто, гдѣ допрашивали съ истязаніемъ обвиняемаго или обличаемаго въ чемъ-либо“. У Гоголя: „*парникъ*—панданъ къ картинѣ“ (стр. 31); у Рейфа: „pièce d'une paire; pendant, tableau en symétrie avec un autre“; въ Акад. Словарѣ (по 1-му изданію): „подходящій подъ пару“; по второму изданію: „дружка какой вещи“. У Гоголя: „нахрапомъ— живою силою“ (стр. 28); у Рейфа: „à force ouverte, de vive force, avec violence“; въ Словарѣ Рос. Ак.: „насильно, отъемомъ“. У Гоголя: „ночéсь—прошлая ночь“ (стр. 52); невѣрно переведено опредѣленіе Рейфа, отмѣтившаго это слово *нарѣчіемъ* (adv.): „la nuit passée“, т.-е. въ прошлую ночь. У Гоголя: „*община*—общее добро“; у Рейфа: „bien commun“. У Гоголя: „*мутовка*—мельница малая, болтунья“; у Рейфа: „moulinet, bâton pour remuer; femme babillarde“: Гоголь смѣшалъ moulinet съ moulin. Иногда опредѣленія Рейфа передаются Гоголемъ сокращенно, переводятся не вполнѣ и потому въ объясненіяхъ Гоголевскаго „Сборника“ замѣ-

[1]) Ср. также опредѣленія словъ: „глупышъ, головщикъ, горлопятина, громоздъ, изгага, кабаргинная, какорва, лястовина, покатный, тяжъ, узлы, халванъ, качарка, кулбаба, ледвецъ.

чается неточность, которую легко было устранить простою справкою съ „Словаремъ Россійской Академіи“ [1]). Нерѣдко французскія опредѣленія Рейфа оставляются Гоголемъ безъ перевода, или присоединяются къ переводному опредѣленію [2]). Внося изъ книги Рейфа слова въ свой „Сборникъ“, Гоголь часто искажалъ ихъ неправильнымъ правописаніемъ или описками [3]).

Слова, заимствованныя, вмѣстѣ съ опредѣленіями ихъ, изъ „Этимологическаго лексикона Рейфа, составили основный, первоначальный слой въ „Сборникѣ“ Гоголя. Впослѣдствіи поэтъ познакомился съ „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка, составленнымъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“ (1847 г.): книга эта доставила новый матеріалъ для „Сборника“ Гоголя.

Изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“ Гоголь 1) внесъ въ свой „Сборникъ“ (нерѣдко безъ опредѣленія значенія) значительное количество словъ, которыхъ не было въ лексиконѣ Рейфа [4]), и кромѣ того 2) заимствовалъ нѣсколько опредѣленій отдѣльныхъ словъ [5]). „Словаремъ Россійской Академіи“ Гоголь

---

[1]) Ср. слова: „Дымволокъ, жаровая туша, зватай, надолба“.

[2]) Ср. слова: „палтусъ (стр. 31), постатейно (33), проборъ (34), разстрой (35), скалка (36), смерчь (37), смольчугъ (37), выблинки (45), дербовать (47), перепадки (53).

[3]) Такъ въ „Сборникѣ“ Гоголя читаемъ: „жератокъ, жеровина, затрапецъ, каламинокъ, кривушина, обозъ, осиль, осмичіе, павилица, падъ, парва, подклетъ, понаровникъ, попасмо, посторонъ, потесъ, разсклепать, разсклинивать, распопъ, румянка, рѣха, рѣжуга, рѣшма, санничій, скрыпунъ, соима, сычухъ, ужничество, укругъ, хвостить, хоженное, хранильникъ, цѣнина, чернѣль, шишимола, безсердный, сбуха, вытщикъ, витѣнь, выпѣствовать, захолодъ, камчюга.

[4]) Таковы слова: возвожденіе, воушеца, *вспухлина*, всевиновный, вывѣски, выславить, жора, звѣздонаблюдалище, зломудріе, извертка, извольничаться, изгулъ, издой, излукавствовать, иноцвѣтный, иноколѣнный, инообразный, користый, кошеніе, лабзиться, *льяло, набедерникъ*, намой, напольe, насбалмашъ, неблазный, неодержимо, неподобный, неудобь (?), нечадство, новица, обелъ, обнполъ, осметокъ, осьмигранникъ, отмоина, отнелѣже, отнюдуже, перевясло, подбрежіе, подвохъ, *подымная* (—ое), *предуставленіе*, савка, самоборство, *самобратъ*, самогласная, сведенники, свѣтоначальникъ, сладкоуханный, смолебникъ, сосвидѣтель, средиградіе (средоградіе *Ак.*), сусакъ, теза, *треухъ*, тричисленный, угрюмѣть, утинъ, уять, шагла, балабойщикъ, бездорожица, *безоброчный*, благодвижный, благодерзостный, благоизбранный, благознаменитый, благоумный, *валявка*, вгрузить, *ведрить*, верхотворецъ, *верховникъ*, взрыхлить, выброски, властодержецъ, вманивать, валомъ валитъ, выклепать, высокодержавный, высокосердый, верейка, *верховица, вещелюбецъ*, взбранный, *взъемъ*, вкрѣплять, *влагомѣръ*, водоперица, волчанъ, вресень, заугорникъ, изврачевать, иновидный, инорѣчіе, инóчимъ, каурка, красовитый, мекать, милѣть, многогласный, народовѣщатель, несмутный, новодѣйство, обѣручь, *огнемѣръ*, опрѣлина, отсѣлый, первозданный, первоверховный, плясавица, кашлюнъ.

[5]) Ближе къ „Словарю церковно-слав. и рус. языка“, чѣмъ къ лексикону Рейфа, опредѣленія слѣдующихъ словъ: „тропарь, картауна, маховыя перья, побѣжникъ“ толкованія акад. Словаря и Рейфа слиты въ опредѣленіи словъ: „ирха, лыва“.

почти не пользовался, составляя свой „Сборникъ“: мы замѣтили только два простонародныя слова (*трелюдъ* и *колышка*), заимствованныя изъ этого „Словаря“ и не принятыя въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“; зато изъ послѣдняго въ „Сборникъ“ Гоголя внесено нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ „Словарѣ Россійской Академіи“ [1]).

Таковы главные источники, изъ которыхъ Гоголь черпалъ матеріалы для своего „Сборника словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“. На основаніи указанныхъ источниковъ можно приблизительно опредѣлить время составленія самаго „Сборника“: онъ начатъ не ранѣе 1835 года, когда вышелъ въ свѣтъ „Этимологическій лексиконъ“ Рейфа, и былъ продолжаемъ и послѣ 1847 года, когда Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданъ былъ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“. Гоголь не оставлялъ этого труда до конца своей жизни. Работа его надъ Лексикономъ Рейфа и Словаремъ Втораго Отдѣленія Академіи возобновлялась въ нѣсколько пріемовъ: на это указываетъ расположеніе словъ, вошедшихъ въ составъ уцѣлѣвшей части труда Гоголя, въ тетрадкѣ недописаннаго и не имѣющаго заглавія. „Сборникъ“ распадается на двѣ части, составленныя, очевидно, въ разное время; онѣ раздѣлены въ рукописи поперечною чертою (стр. 42). Въ первой части „Сборника“ (стр. 24—42) слова расположены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ; во второй части алфавитный порядокъ не выдержанъ: она, очевидно, не получила окончательной обработки. Въ началѣ второй части (отъ слова „бабничать“ до слова „выведенышъ“ включительно, стр. 42—45) слова расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ выписаны были изъ Лексикона Рейфа (стр. 15 — 81), гдѣ они расположены (подъ буквами *б* и *в*) въ алфавитномъ порядкѣ корней; потому въ „Сборникѣ“ Гоголя стоятъ рядомъ: „багрильщикъ“ и „подбагорщикъ“, „бойка“ и „забіячливость, вразбивку, субой, убойчивый“. Начиная съ слова „вывалка“ до конца „Сборника“, Гоголь снова располагаетъ слова по алфавитному порядку который, впрочемъ, нерѣдко нарушается вставками, повидимому, *позднѣйшаго* происхожденія. Этотъ послѣдній отдѣлъ „Сборника“ обнаруживаетъ другой ходъ работы надъ „Лексикономъ Рейфа“, несогласный съ тѣмъ, который соблюдался въ началѣ второй части „Сборника“: теперь Гоголь читаетъ Лексиконъ Рейфа *не подъ рядъ, страница за страницею*, а сначала выби-

[1]) Въ нашемъ перечнѣ они напечатаны курсивомъ.

раетъ нужныя ему слова изъ „Алфавитнаго списка русскимъ словамъ", приложеннаго къ Лексикону, а затѣмъ переводитъ объясненія этихъ словъ изъ текста книги; эта работа облегчалась тѣмъ, что въ „Алфавитномъ спискѣ словъ" указана была „страница, на которой каждое изъ нихъ было объяснено". Позднѣе въ составленный такимъ образомъ перечень вставляются, куда попадется, съ нарушеніемъ алфавитнаго порядка, слова, заимствованныя изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка" и изъ другихъ источниковъ, а затѣмъ сложившійся такимъ образомъ послѣдній отдѣлъ „Сборника" Гоголя, безъ поправокъ, т.-е. безъ приведенія въ алфавитный порядокъ, переписывается набѣло въ ту же тетрадку, которая послужила оригиналомъ при печатаніи этого труда. Само собою разумѣется, что во вторую часть „Сборника" вносились Гоголемъ изъ Лексикона Рейфа слова, не вошедшія въ первую: надобно полагать, что работа надъ книгою Рейфа совершалась не въ одинъ пріемъ, а въ нѣсколько, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками. Первая часть „Сборника" составляетъ результатъ первоначальныхъ занятій Гоголя русскимъ словаремъ; во второй части сохранилась работа позднѣйшаго періода по тому же предмету, не получившая окончательной отдѣлки и удержавшая мѣстами признаки черновой рукописи [1]).

Руководствуясь при составленіи своего „Сборника" Лексикономъ Рейфа и „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка", Гоголь нерѣдко отступаетъ отъ этихъ руководствъ, 1) присоединяя къ заимствованнымъ изъ нихъ опредѣленіямъ словъ свои примѣры [2]), или 2) давая нѣкоторымъ словамъ, внесеннымъ въ „Сборникъ", свои опредѣленія, несогласныя съ тѣми, которыя предложены Рейфомъ и Словаремъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ [3]). Изъ этихъ самостоятельныхъ опредѣленій отмѣтимъ одно: „*человѣкоугодникъ*—въ родѣ подлеца" (стр. 41). При словѣ „увеселитель" отмѣчается и среда, въ которой оно особенно употребляется: „купеческое слово"; такія указанія дороги были для поэта, который жаждалъ получить даже замѣчанія на свои „Мертвыя Души" „съ сохраненіемъ самой физіогноміи замѣчаній", находя, что „это ему

---

1) Поэтому нѣкоторыя слова вписаны по два раза (напр. бахвалъ, валюга); встрѣчается неодинаковое написаніе слова „жаратокъ" въ первой и второй части „Сборника".

2) Таковы примѣры при словахъ: „нищать" (стр. 52), возграждать (стр. 24), выкнуть, выкружить, выпѣть (стр. 24), перенюхиваться (стр. 31), пополосно (стр. 33).

3) Таковы опредѣленія словъ: наотмашь (стр. 28), недомѣръ (стр. 29), плавунъ (стр. 31), притрапезникъ (стр. 34), разгулка (стр. 35), соска (стр. 37), сонная одурь (ibid.), бухать (стр. 43), мяхунак (стр. 51), норникъ (стр. 52), прокозырялся (стр. 34).

очень нужно и полезно" [1]). Наконецъ, въ „Сборникѣ" Гогол есть нѣсколько словъ, не вошедшихъ ни въ „Этимологическій Лексиконъ" Рейфа, ни въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка". Вотъ эти слова: „душистникъ, жирникъ, закроина, землезнаніе, книгоизданіе, немрачный, обвясло, отсверкивать, орью орать, оцапка, ощадливость, пижи, подбалка, пробрызнуть, сима, скудобрюхій, тысящелѣтіе, убрусованіе, удобовращательный, шадрина и шадровитый, благоподвижникъ, благозданный, набуровить, напладить, валоторгъ, вдалеко (?), винояго дникъ, войдъ, воспятословіе, кайманъ, кастѣха, кухлянка, малорѣчіе, малорѣчивый, неболѣзнованіе, некошной, ощадливый, погадка". Изъ предложеннаго перечня видно, что нѣкоторыя слова заимствованы Гоголемъ изъ произведеній духовной литературы, которою онъ сталъ интересоваться съ 1845 года, другія—изъ живаго народнаго говора. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпалъ Гоголь и свои примѣры къ опредѣленіямъ словъ, заимствованнымъ изъ лексикона Рейфа и Словаря Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Сравнительно съ объемомъ Гоголевскаго „Сборника", сумма словъ, внесенныхъ въ него изъ живаго говора, очень невелика. Между тѣмъ Гоголь прилежно изучалъ живую русскую рѣчь, слѣдя упорно за ея разновидностями по сословіямъ. Записныя книжки, веденныя поэтомъ во время пребыванія въ Россіи, наполнены подслушанными имъ разговорами крестьянъ, народными пословицами, словами народнаго говора, терминами разныхъ спеціальностей. Гоголь тщательно собиралъ тѣ „положительныя и практическія свѣдѣнія", которыя такъ были ему „нужны" для созданія „Мертвыхъ Душъ" [2]). Приступая къ этому труду, Гоголь искалъ „хорошаго ябедника" [3]), который могъ бы дать „тѣло" для будущаго Чичикова; для характеристики мелкихъ подробностей русскаго быта поэту также нужно было предварительно запасаться „положительными и практическими свѣдѣніями", дабы его произведеніе „предстало предъ читателемъ въ полной ясности и порядкѣ" [4]). „Вещественная" статистика Россіи была для него такъ же необходима, какъ и „духовная" [5]). Онъ сгараетъ желаніемъ знать ее и, поэтъ-затворникъ на чужбинѣ, падаетъ, можетъ быть, жертвою ея невѣдѣнія. П. В. Анненковъ очень вѣрно замѣтилъ о Гоголѣ: „Поэзія, которая получается въ созерцаніи живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко пони-

---

[1]) Русское Слово 1859 г., № 1, стр. 116. [2]) Сочиненія и письма Гоголя, VI, 338. [3]) Русскій Архивъ, 1880 г., II, 514. [4]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 383. [5]) Ср. Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, томъ IV, стр. 472.

малась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удаляясь отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости игры въ бабки, *со всякимъ спеціальнымъ человѣкомъ, который далѣе своей спеціальности и ничего не знаетъ*. Онъ собиралъ свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ людей, въ свои записочки, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько ихъ видѣлъ г. Кулишъ,—и они дожидались тамъ случая превратиться въ части чудныхъ поэтическихъ картинъ" [1]). Въ одну изъ записныхъ книжекъ Гоголя, дѣйствительно, вписаны замѣтки, вынесенныя изъ подобныхъ бесѣдъ со „спеціалистами", по разнымъ отраслямъ домашней жизни и помѣщичьяго быта. Такъ, въ записную книжку, предшествовавшую изданію первой части „Мертвыхъ Душъ", вписанъ перечень кушаній подъ заглавіемъ: „Блюды". Въ той же книжкѣ помѣщены Гоголемъ свѣдѣнія о породахъ, достоинствахъ и недостаткахъ собакъ,—свѣдѣнія, очевидно, продиктованныя ему „спеціалистомъ" этого дѣла, можетъ быть, С. Т. Аксаковымъ. Вотъ эта запись: „Густо-псовыя, чисто-псовыя.—*Чисто-псовыя*—гладкія, съ шерстью длинною на хвостѣ и на ляшкахъ, т.-е. на чорныхъ мясахъ. *Густо-псовыя*—съ шерстью длинною на всей собакѣ.—*Крымскія*—съ длинными ушами висячими. *Цвѣтъ*: *Мазурка* — красная собака съ чернымъ рыломъ. *Чорная*—съ подпалиною съ красною мордою. *Муругая*—изъ красна чорная съ чорнымъ рыломъ. *Половая*—желтая. *Полвопѣгая*—по бѣлому жолтыя пятна. *Муругопѣгая* — по жолтому чорныя пятна. *Краснопѣгая. Черноухая. Сѣроухая. Статьи:* Голова—*Щипецъ*, чтобъ длиненъ и тонокъ. *Ребра*: достоинство ребръ—бочковатость, выпукловатость... Толщина и крѣпость чорныхъ мясовъ... *Хвостъ*—называется правиломъ, достоинство его въ тонкости; хорошее правило то, которое *въ серпъ*. *Правило въ серпъ*—хвостъ, имѣющій форму серпа. Достоинство ногъ въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ, — когти называются зацѣпами,—чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля. Лапа въ комкѣ—сжатая лапа. Клички: Стрѣляй, Обругай, Скосырь, Терзай, Азарной, Наянъ, Буранъ, Нахоръ (Назоръ?), Черкай, Мазуръ, Саргушъ, Ахидъ, Северга, Скосырка, Касатка, Награда, Вѣдьма, Крамфа (Крамза?), Юла,—во время травли охотникъ зоветъ Юлинькой,—Пожаръ". На основаніи этой записи, сдѣланной со словъ

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки, I, 190.

спеціалиста - охотника, выработанъ былъ слѣдующій разсказъ въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ": „Я тебѣ, Чичиковъ",—сказалъ Ноздревъ, — „покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!" и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ. Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у сабачеевъ правилами, полетѣли прямо на встрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться" [1]). Въ той же записной книжкѣ находятся термины, относящіеся къ лѣсу, къ плотничеству, къ „цѣху, сословію ремесленниковъ", къ „банчишкѣ", къ „избѣ" и ея составнымъ частямъ, „загибанья", наконецъ просто „слова", взятыя изъ народнаго говора, или изъ народныхъ пѣсенъ, „прилагательныя", т.-е. народныя прозвища [2]), „птичьи и звѣриные крики", „цвѣта". Объемъ и предметы „практическихъ свѣдѣній", заносившихся въ записныя книжки со словъ спеціалистовъ, опредѣлялись въ значительной степени ходомъ работъ надъ „Мертвыми Душами". Даже въ одну изъ позднѣйшихъ записныхъ книжекъ (послѣ октября 1846 года) Гоголь заноситъ такое свѣдѣніе: „Сукна: Зиберъ, Клеръ и черныя, и темное зеленое, коричневые, синіе и сѣрые",—и пользуется впослѣдствіи этою замѣткою при переработкѣ втораго тома „Мертвыхъ Душъ" [3]). Изучать живую русскую рѣчь Гоголь началъ ранѣе выхода въ свѣтъ „Этимологическаго Лексикона" Рейфа. Впослѣдствіи это изученіе шло параллельно, совмѣстно съ занятіями русскою лексикологіею и этимологіею по Рейфу и Словарю Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Конечно, непосредственное ознакомленіе съ великорусскимъ языкомъ всегда преобладало у Гоголя надъ изученіемъ этихъ словарей. Подъ конецъ оно, повидимому, вытѣснило занятія лексиконами Рейфа и Словаремъ Академіи,—и вторая часть „Сборника" Гоголя осталась незакончен-

---

[1]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, III, 70. [2]) Подъ этою рубрикою стоитъ, между прочимъ: „Софронъ—простякъ". Ср. обращеніе Ноздрева къ зятю: „Эхъ ты Софронъ!" Сочиненія Гоголя, III, 71. [3]) Сочиненія Гоголя, IV, стр. 564.

ною. Въ ноябрѣ 1848 г. Гоголь писалъ Плетневу: „Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу русскаго языка“ [1]). Въ это время онъ „часто читалъ вслухъ русскія пѣсни, собранныя г. Терещенко, и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ“ [2]). Есть извѣстіе, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь проектировалъ составить „народную ботанику, въ которую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народныхъ названій растеній, но и легенды о цвѣтахъ“ [3]). Много такихъ названій занесено Гоголемъ въ записныя книжки; для О. Н. Смирновой онъ составилъ даже гербарій [4]).

Поэтъ, часто увлекавшійся планами грандіозныхъ трудовъ, мечталъ даже напечатать „Объяснительный Словарь великорусскаго языка“. Въ бумагахъ Гоголя сохранился слѣдующій набросокъ объявленія объ изданіи этого словаря: „Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ тремя изданьями своего Словаря [5]) теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобоисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предъидущихъ (по значительному умноженью собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнью, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженье то, что это было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лин-

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 476. [2]) С. Т. Аксакова, Исторія моего знамомства съ Гоголемъ, стр. 185. [3]) Olga Smirnoff, Etudes et souvenirs въ La Nouvelle Revue 1885, 1-er Novembre, p. 20. [4]) La Nouvelle Revue 1-er Decembre, 1885, p. 474. [5]) Гоголь разумѣетъ два изданія „Словаря *Академіи Россійской*“ и „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, *изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ*“.

гвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленья такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвистическихъ способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья. Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, любовь, просто одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставляла меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою— и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принесть пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробные листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью".

Ссылка на „Словарь Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ", вышедшій въ 1847 году, показываетъ, что приведенный проектъ объявленія объ изданіи „Объяснительнаго Словаря русскаго языка" набросанъ Гоголемъ не ранѣе 1847 года. Проектированное объявленіе не было напечатано: смѣлое предпріятіе Гоголя постигла та же судьба, которая выпала на долю его обширной „Исторіи Малороссіи".

Н. Тихонравовъ.

Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго *).

1852 годъ.

Апрѣля 15. Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета слушали профессора Высочайшее повелѣніе, по представленію министра просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, о томъ, чтобы отнынѣ было наблюдаемо въ греческомъ языкѣ Рейхлиново произношеніе—такое, какое сами нынѣшніе греки употребляютъ и какое изстари введено въ наши духовныя училища. Говорятъ, поводомъ къ тому былъ отзывъ одного греческаго архимандрита и вмѣстѣ ректора Аѳинскаго университета, который, будучи въ Петербургѣ, недавно былъ приглашенъ на испытаніе студентовъ педагогическаго института и сказалъ на вопросъ, что̀ онъ думаетъ о знаніи греческаго языка испытуемыхъ: „Видно, что они понимаютъ, что̀ читаютъ",—сказалъ онъ,—„только они читаютъ по-нѣмецки, а не по-гречески".

Ноября 6. Въ бытность у А. П. Елагиной слышалъ я вмѣстѣ съ К., что Гоголь просилъ ее и еще кого-то принять на себя трудъ—тѣ деньги, которыя выручатъ за послѣднее изданіе его сочиненій, раздать бѣднымъ. Вечеромъ читалъ съ П. А. К. статью Данилевскаго, помѣщенную въ 12 № Московскихъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ *Хуторъ близъ Диканьки.* Въ ней исправилъ всѣ невѣрности и промахи, а также по поводу ея вошелъ въ нѣкоторыя подробности о послѣднемъ моемъ свиданіи съ Гоголемъ, что̀ все записано было К., со словъ моихъ, для составленія особой статьи въ отвѣтъ Данилевскому и В. П. Г-скому на его „*Замѣтки для біографіи Гоголя*", помѣщенныя въ Современникѣ 1852 года, книга X.

*) По списку, хранящемуся въ библіотекѣ Общества Любителей Россійской Словесности.

Ноября 29. А. А. А. разсказываетъ, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы отнынѣ всякое столкновеніе власти съ другими лицами было объясняемо въ пользу первой. Къ этому подало поводъ дѣло военнаго г.-губернатора черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго Кокошкина съ харьковскимъ головой Рудаковымъ, который жаловался сенату на то, что г.-губернаторъ заставляетъ его дѣлать особые налоги на горожанъ. Сенатъ нашелъ Рудакова правымъ, велѣлъ его снова возвратить къ должности, отъ которой онъ былъ отставленъ г.-губернаторомъ, и сдѣлалъ послѣднему выговоръ за превышеніе власти. Это однакоже не уняло г.-губернатора, и онъ попрежнему тѣснилъ голову, такъ что тотъ принужденъ былъ въ послѣдній проѣздъ Государя черезъ Харьковъ подать отъ себя жалобу на Кокошкина, положивъ ее на блюдѣ, на которомъ по обыкновенію подносятъ хлѣбъ и соль.

Декабря 23. „Бывши у Государя“,—разсказывалъ гр. С. Г. Строгановъ,—„послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: „что ты тамъ печатаешь такое?“—„Государь“,—отвѣчалъ я,—„я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Ѳедора Ивановича; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее непохожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шуму и представить В. В. какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т.-е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались“.—„Но и архіереямъ не все можно дозволять читать“. „Такъ, Государь; но если ученымъ мы не будемъ дозволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усомнится“.—„Хорошо, хорошо“,—подхватилъ тогда Государь: „мы все это уладимъ скоро и пострадавшій отъ Уварова *) возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ“. И, точно, ровно черезъ годъ (20 октября 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ.

---

*) Этимъ пострадавшимъ былъ, какъ извѣстно, самъ О. М. Бодянскій, которому велѣно было перейти въ казанскій университетъ.

Разговаривая со Строгановымъ, я, между прочимъ, спросилъ, каково кажется ему новое сочиненіе о войнѣ нашей 1799 г., написанное Михайловскимъ - Данилевскимъ и Милютинымъ?—„Что̀ написано первымъ“, отвѣчалъ онъ: „написано холопомъ, съ цѣлью унизить Екатерину II-ю; но что̀ написано вторымъ, пока я прочелъ, все живо, увлекательно и благородно. Я не понимаю намѣренія, чьего бы то ни было, унизить Государыню и Суворова. Князь Горчаковъ самъ разсказывалъ мнѣ, что ему Государь Павелъ I-й поручилъ склонить Суворова возвратиться въ Петербургъ, но тотъ отвѣчалъ, что онъ получилъ 7 параличей, 70 подагръ и 700 горячекъ съ тѣхъ поръ, какъ въ деревнѣ. Послѣ многихъ усилій, наконецъ, удалось Горчакову уговорить Суворова пріѣхать къ Государю.] „Когда же это будетъ?“—„Я поѣду, какъ больной, на долгихъ“. И тотъ, какъ ни старался склонить, чтобъ онъ назначилъ день, никакимъ образомъ не могъ. Воротившись въ Петербургъ, Горчаковъ донесъ государю о намѣреніи Суворова прибыть. „Скоро ли же это послѣдуетъ?“—„Дней черезъ 5“,—отвѣчалъ тотъ, разсчитывая, что въ это время авось Суворовъ подоспѣетъ; но еще нужно было два лишнихъ дня. Напослѣдокъ Суворовъ прибылъ и прямо поѣхалъ къ дочери своей, бывшей за Зубовымъ. Горчаковъ, имѣя приказаніе Государя немедленно доложить ему, когда Суворовъ пріѣдетъ, въ какую то ни было пору дня и ночи, явился во дворецъ; но дежурный долго не соглашался сказать о Горчаковѣ, и только послѣ угрозъ послѣдняго—разсказать объ этомъ Государю на другой день,—тотъ пошелъ съ докладомъ. Государь принялъ Горчакова въ халатѣ, и приказалъ сказать о томъ Суворову. „Въ какомъ же мундирѣ явиться Суворову?“—„Ну, хоть въ твоемъ!“—отвѣчалъ Государь; и дѣйствительно, Суворовъ уволенъ былъ даже безъ мундира, и потому, въ буквальномъ смыслѣ, явился, какъ приказано, въ моемъ мундирѣ; въ ночь нельзя было сшить никакого. Ровно въ 11 часовъ утра Суворовъ былъ во дворцѣ и вышелъ черезъ часъ съ четвертью. Это время проведено было, по словамъ самого Государя, сказаннымъ послѣ Горчакову (племяннику, кажется, Суворова), въ напрасномъ усиліи навести на мысль Суворова о необходимости снова служить ему въ арміи. „Всякій разъ, какъ я дамъ ему этотъ намекъ, онъ сведетъ то на Прагу, то на Варшаву, то на Измаилъ, то на Очаковъ. Нельзя же было мнѣ“,—заключилъ Государь,—„прямо сказать ему: „Я прошу тебя служить“. Они разстались, не сошедшись; впрочемъ, Государь пригласилъ его на разводъ, который прождалъ лишнихъ часъ съ чет-

вертью его, чего никогда не бывало. Но Суворовъ, прибывши къ полкамъ, тотчасъ сталъ жаловаться на боль въ животѣ, и какъ ни упрашивалъ его Горчаковъ, онъ уѣхалъ съ развода. Это было чрезвычайно непріятно Государю, который изъявилъ о томъ свое неудовольствіе тогда же Горчакову, призвавъ его во дворецъ и говоря: „Вѣдь ты самъ видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ?“ Суворовъ, привыкши при Екатеринѣ II-й къ разнымъ своимъ странностямъ, обыкновенно входилъ въ залу, въ которой собирались всѣ предварительно для представленія Государынѣ, одѣтый въ фельдмаршальскій мундиръ и на одной ножкѣ. Тогда никто не смѣлъ ему на это и вообще на всѣ его продѣлки ничего замѣтить; но при Павлѣ I-мъ многіе начали надъ его странностями надсмѣхаться, а княгиня Салтыкова, жена фельдмаршала, даже сказала какъ-то ему: „Вѣрно, князь, мундиръ вашъ тяжелъ для васъ?“—Суворовъ, посмотрѣвъ ей быстро въ глаза, сказалъ: „Да, да, мундиръ, матушка, военный очень тяжелъ; его не всякій сможетъ снести, наприм. хоть твой мужъ: помилуй Богъ, какъ онъ для него тяжелъ!“

1853 годъ.

Января 26. Послѣ обѣда у Н. В. Сушкова, — пригласившаго меня лично, наканунѣ, по случаю пріѣзда брата его жены Ѳ. И. Тютчева, который, однакоже, отозванъ былъ графомъ С. С. Уваровымъ, и пришелъ уже вечеромъ, часу въ 7-мъ, — разговаривая о томъ о семъ, между прочимъ рѣчь зашла о покойномъ Гоголѣ. Тутъ онъ показалъ мнѣ письмо его къ Ф. Ф. Вигелю, писанное въ отвѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и письмо Вигеля. Оба взялъ я себѣ списать, какъ чрезвычайно замѣчательныя характеристики того и другаго. Не помню, кто-то мнѣ сказалъ на дняхъ, что М. П. Погодинъ, продавъ свое древнехранилище (въ которомъ, правда, много древняго и важнаго, но не менѣе и дряннаго) въ Публичную Петербургскую библіотеку (по однимъ за 150 тысячъ серебромъ, а по другимъ только за 125), сказалъ: „Ну, теперь я богатъ, слава Богу! Прежде бился я, какъ рыба объ ледъ: и хотѣлъ бы помочь друзьямъ, да не могъ. Ныньче добился своего, и спѣшу сдержать слово, данное самому себѣ, въ отношеніи къ лучшему моему другу: надняхъ посылаю ему вексель въ три тысячи рублей серебромъ“. Это было П. П. Шафарику, въ Прагу. Что хорошо, то хорошо, великодушно и благородно. Дай Богъ, чтобы

отнынѣ М. П. пересталъ кулаковать, не имѣя, по его же словамъ, болѣе нужды биться объ ледъ, какъ та рыба.

Апрѣля 22. „Зачѣмъ вы выбираете все такія болящія стороны для своихъ повѣстей?“ спросилъ гр. С. Г. Стр... Н. Ф. П., когда тотъ жаловался нѣсколько разъ ему на цензуру, и, вслѣдствіе того, послѣдній взялся самъ предварительно просматривать все, что онъ ни напишетъ.—„Это ужъ такой у меня взглядъ и такое чутье: что̀ болитъ, то на меня и глядитъ“, отвѣчалъ Павловъ.

Мая 13. Чаадаевъ (П. Я.) вечеромъ у С. П. Ш-ва увѣрялъ, что А. И. Тургеневъ, когда-то, въ его присутствіи, сказалъ напрямикъ московскому митрополиту Филарету: „Что же, высокопреосвященнѣйшій, вѣдь всѣ мы, безъ исключенія, во время оно были протестантами“.—„Что вы, А. И., Богъ съ вами!“—„Ну, да, что̀ правда, то правда; было время, еще разъ скажу, когда всѣ мы были протестантами“. И точно, замѣтилъ къ этому разскащикъ, катихизисъ перваго изданія, составленный Филаретомъ московскимъ, далеко не то, что теперешній катихизисъ: въ первомъ всюду стоитъ только „Учитель“, между тѣмъ, какъ во второмъ разнообразно: „Господь, Спаситель и т. п.“ Это обстоятельство припоминаетъ разсказъ гр. С. Г. Строганова о Филаретѣ, епископѣ харьковскомъ (прежде рижскомъ). „Будучи въ Петербургѣ“,—говорилъ онъ мнѣ разъ вечеромъ у себя,—„я слышалъ отъ самого оберъ-прокурора синода гр. Протасова, родственника моего, что когда вышелъ періодъ синодальный его „Исторіи русской церкви“, то онъ, Протасовъ, принужденъ былъ самъ войти съ представленіемъ къ Государю объ этомъ сочиненіи, боясь, чтобы кто другой не опередилъ его и тѣмъ не подвергъ большой отвѣтственности. На представленіи Государь написалъ было: „отобрать всѣ экземпляры и сжечь“, но онъ отговорилъ Государя отъ этого, представляя, что это не только не уменьшитъ опасность, но еще болѣе увеличитъ ее, обративши всеобщее вниманіе на сочиненіе, которое безъ того гораздо меньше можетъ вредить. Напротивъ, нужно поспѣшить вторымъ, передѣланнымъ изданіемъ, надъ чѣмъ уже и трудится сочинитель по Высочайшему де приказанію. Ему грозило лишеніе сана и заточеніе, тѣмъ болѣе, что этого періода (синодальнаго) онъ никому не посылалъ изъ тѣхъ, кому отправлялъ первые, избѣгая такимъ образомъ какъ бы большей огласки преждевременно. И точно, мнѣ самому“,—заключилъ оберъ-прокуроръ,—„періодъ этотъ попался въ руки спустя почти полгода“.

Мая 21 дня. Вмѣсто обыкновеннаго своего дня середы былъ

сегодня у С. П. Шипова, потому что вчера былъ весь день дождь, а вечеромъ довольно свѣжо. Изъ постороннихъ почти никого не нашлось. Странно, съ тѣхъ поръ какъ я избралъ среду для своихъ посѣщеній, число пріѣзжающихъ на вечеръ къ нему до того увеличилось, что среда сдѣлалась самымъ богатымъ днемъ въ недѣлѣ посѣтителями, между тѣмъ, какъ прежде такимъ былъ четвергъ. Будучи одни, рѣчь зашла по поводу новаго слуха о выѣздѣ князя Меншикова изъ Царьграда и предстоящей, вслѣдствіе того, войнѣ съ Турціей, вообще о военачальникахъ. Между прочимъ хозяинъ разсказалъ, что онъ слышалъ отъ самого Опочинина и о Кутузовѣ, какъ тотъ, находясь въ немилости, говорилъ кому-то: „Между нами разсудитъ Богъ; но я все таки не выйду въ отставку, какое бы мнѣ ни дали мѣсто, потому что я предчувствую, что со временемъ я могу быть полезенъ отечеству, которому, а не другому кому, собственно служу, служилъ и хочу служить. Какъ ни велика, ни сильна во мнѣ преданность къ главѣ его, какъ главѣ, но къ своему отечеству, ко всему тому, еще выше и сильнѣе всякой части его, хоть бы то самой важной и главной".

Іюня 3 дня. Было преніе, въ большой университетской залѣ стараго зданія, исправляющаго должность адъюнкта по греческой каѳедрѣ, Осипа Пѣховскаго, защищавшаго свое изслѣдованіе: „De Q. Horatii Flacci epistola ad Pisones".

Возражали по-латыни, какъ обыкновенно водится, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ по римской каѳедрѣ, ординарный профессоръ Арс. Ив. Менщиковъ по греческой и преподаватель по римской Эрнстъ Клинъ. Слушая ихъ довольно жаркія пренія, сидѣвшій подлѣ меня профессоръ юридическаго факультета Василій Николаевичъ Лешковъ замѣтилъ мнѣ, что идетъ борьба одного Горація съ Куріяціями; „и, кажется",—прибавилъ я,—„этотъ Горацій не Cocles, но quadrocles". Защищавшій былъ въ очкахъ. Болтовня наша тотчасъ разнеслась тутъ же и дошла до декана, который, по окончаніи, поздравивъ Горація, отпустилъ громогласно чужую остроту ему за свою.

Іюня 4 дня. Въ этотъ разъ П. А. К., вечеромъ, къ слову, разсказалъ два слѣдующихъ малороссійскихъ анекдота. Однажды, входитъ къ женѣ кушнира (скорняка) кума и, будучи поражена сильнымъ запахомъ дубленыхъ кожъ, сказала: „Охъ, якъ же въ васъ, кумо, воняе!"—„Вамъ воняе",—отвѣчала та,—„а намъ такъ пахне; мы съ їею хлибъ имо".—Мужъ съ женой отправились на ярмарку

въ ближайшій городъ, или село, и взяли съ собою первое дитятко, на которое не могли вдоволь никогда налюбоваться, а тѣмъ меньше разстаться съ нимъ. Дорогой жена и говоритъ мужу: „Одже цилуй теперъ, чоловичи, дытыну, а то тамъ зъ народомъ и не дотовнысься!“ Но, прибывъ на ярмарку, оба никакъ не могли понять, отчего никто не обращалъ на ихъ дытынку ни малѣйшаго вниманія.

Среда, іюня 10. Послѣ обѣда у Н. В. Сушкова, племянница его, графиня Е. Ростопчина, показала маленькій медальонъ, оправленный золотомъ, на которомъ съ одной стороны былъ гербъ Ростопчиныхъ, а съ другой—буква N подъ императорскою короной, внутри же прямо волоса Наполеона, съ надписью на французскомъ языкѣ вокругъ, или въ серединѣ, а на внутренней сторонѣ дворецъ, съ другой: „графу Ростопчину, Графъ Сегюръ. Парижъ 1818 г.“.

Вечеромъ, сидя у С. П. Шипова, слышалъ его разсказъ, со словъ генерала Е. А. Головина, о томъ, какимъ образомъ очутился принцъ Виртембергскій въ Смоленскѣ въ 1812-мъ году. Кто-то изъ генераловъ послалъ ему адъютанта, прося, чтобы онъ поспѣшилъ присоединиться къ нему, но принца никто не могъ добудиться, который за обѣдомъ порядочно напился и спалъ мертвецки. Между тѣмъ время шло да шло; уже къ ночи принцъ проснулся, но было поздно. Впрочемъ, онъ, узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ выступать, но на дорогѣ встрѣтилъ адъютанта Невѣровскаго, который писалъ, что онъ разбитый отступаетъ въ Смоленскъ, а за нимъ по пятамъ идетъ самъ Наполеонъ со всею арміей, и потому просилъ поторопиться къ нему въ этотъ городъ, что тотъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ Невѣровскій съ принцемъ достойно встрѣтили Наполеона и тѣмъ доставили возможность соединиться за Смоленскомъ нашимъ арміямъ. „Пьянство генерала чрезвычайно пригодилось намъ и спасло отъ большаго несчастія“,—прибавлялъ всякій разъ Головинъ, разсказывая это происшествіе: „я былъ самъ въ этомъ дѣлѣ, служа въ Фанагорійскомъ полку“.

Іюня 11-го дня. Вечеромъ Адріанъ Ф. Головачевъ, уѣхавшій на Уралъ въ первыхъ числахъ мая поспѣшно, и потому не могшій, по обѣщанію, побывать у меня еще разъ, прислалъ своего младшаго брата, которому и вручены были нѣкоторыя книги, назначенныя для подарка Т. Г. Ш. (Шевченку). Это нѣсколько оттисковъ изъ Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, да сочиненія М. Н. Авось, онъ проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнитъ старину, самъ старѣясь съ каж-

дымъ днемъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей.

Октября 31-го дня. Было преніе въ Университетѣ на степень магистра славянской словесности, А. Ф. Гильфердинга. Какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: пропустилъ его на испытаніи и состязаніи, хотя и то и другое были очень слабы, и только въ память прекрасныхъ студенческихъ занятій его сжалился надъ нимъ послѣ долгаго колебанія, давши, однако, слово,—никогда не дѣлать подобнаго послабленія никому. Конечно, черезъ годъ нельзя было ему приготовиться къ испытанію достойнымъ образомъ; но въ такомъ случаѣ кто же торопилъ его? Не пропустить же значило бы, статься можетъ, навсегда убить въ немъ охоту къ занятіямъ Славянщиной, къ которой такъ мало у насъ еще охотниковъ, даже между учащимися. Впрочемъ, слабость его въ испытаніи выставлена была ему на видъ послѣ окончанія, въ присутствіи декана и одного профессора (Ѳ. И. Буслаева), присутствовавшаго на экзаменѣ, причемъ я сказалъ ему, почему рѣшаюсь его пропустить. Защищалъ же онъ изслѣдованіе свое: „Объ отношеніи славянскаго языка къ родственнымъ“ точно такъ, какъ я его научилъ за два дня передъ тѣмъ, сказавъ, чтобы онъ, для избѣжанія посрамленія, рубилъ бы направо и налѣво, и такимъ образомъ, новостью и нечаянностью оборотовъ, озадачилъ бы, не щадя, въ случаяхъ нужды, и самого меня; одно лишь не забывать при томъ: не допускать до того, чтобы я разгорячился. Все это исполнено было имъ въ точности. Защищеніе было блестящее, такъ что многіе изъ профессоровъ остались имъ и мною недовольными; но за то дѣло выиграно, и публика разъѣхалась совершенно увѣренною въ превосходствѣ защищавшагося передъ всѣми его возражателями, что и составляло главную цѣль мою, послѣ того, какъ я рѣшился уже его пропустить. Хуже было бы, еслибы я его смялъ на диспутѣ, какъ того требовали мои недовольные товарищи. Тогда, кто же бы могъ назвать меня благороднымъ? Пропустить до диссертаціи и потомъ совсѣмъ уничтожить: развѣ можетъ быть сомнѣніе въ превосходствѣ учителя надъ только что вышедшимъ ученикомъ? Развѣ не могъ учитель достичь своего, не безчестя его предъ всѣми? Но пропустивъ, обязанъ поддержать и совершить все.

1854 годъ.

Января 13-го дня. С. П. Шиповъ говорилъ, что проѣзжая однажды въ владимірской губерніи, на одной станціи слышалъ, какъ

ямщики его ямщика называли князькомъ. То же повторилось и на слѣдующей, куда онъ съ нимъ отправился. Это возбудило его любопытство, и онъ спросилъ одного, почему тотъ слыветъ у нихъ князькомъ?—„Да онъ, вѣдь, изъ роду князей Мышецкихъ“, отвѣчалъ ямщикъ. При семъ одинъ изъ гостей разсказалъ, что въ Петербургѣ у Александры Осиповны Смирновой былъ дворникъ ночной, о которомъ узнали, когда онъ заболѣлъ, что онъ князь Борятинскій. Хозяйка тотчасъ дала знать о томъ князьямъ Борятинскимъ, и онъ исчезъ потомъ навсегда изъ Петербурга.

Января 20-го дня. Ан. Евг. Шипова разсказываетъ, что сестра какого-то молодаго офицера, Попадогло, услышавъ, что онъ, сражавшись въ Азіятской Турціи, былъ сильно раненъ, но не оставилъ своего мѣста, продолжалъ битву, пока не выбылъ изъ строя, сильно зарыдала, но потомъ вдругъ перестала плакать, отерла слезы и, перекрестившись, сказала: „Ну, слава Богу, что братъ мой палъ за Царя и Отечество!“ Это начальница Екатерининскаго Петербургскаго Института, въ коемъ малютка Попадогло (ей около 10-ти лѣтъ) воспитывается, тотчасъ довела до свѣдѣнія по начальству, и Государь приказалъ привесть воспитанницу къ себѣ, обласкалъ ее съ Государыней и потомъ приказалъ выдавать ей по 100 рублей ежегодно, до замужества.

Января 29-го дня. Пріѣхавшій изъ Петербурга П. А. К-шъ сказывалъ, что онъ въ поѣздѣ по чугункѣ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, недавно купившимъ имѣніе въ орловской губерніи, который между прочимъ и о слѣдующемъ, поразившемъ его обыкновеніи въ его деревнѣ передавалъ. „Разъ легши уже спать, вдругъ пробужденъ я былъ“,—говорилъ онъ,—„какимъ-то страннымъ шумомъ на дворѣ; гляжу въ окно: вся деревня, т. е. та ея часть, которая была въ виду моего дома, освѣщена, словно въ какой высокоторжественный день; выбѣгаю на дворъ, и что же вижу? девять бабъ (именно девять) съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ пуками лучинъ въ рукахъ и косой, о которую молотками и другими желѣзными орудіями, что есть силы, ударяли и производили тѣмъ страшный шумъ, идя рядкомъ, одна за другой чинно и важно по улицѣ. На вопросъ мой у дворовыхъ людей, что бы это значило, отвѣчено, что бабы, де, наши прогоняютъ смерть, отъ которой вотъ намнясь пало нѣсколько въ ихъ деревнѣ коровъ да быковъ, безъ всякой видимой причины. При этомъ я замѣтилъ, что онѣ тащили за собою и соху, которою, вышедши на поле, сбирались провести борозду кругомъ деревни, послѣ чего, по мнѣнію

ихъ, лиходѣйка не посмѣетъ больше показаться въ ихъ пріютъ. Говорятъ, что когда попадется имъ въ ту пору незнакомый человѣкъ, то плохаго до смерти заколотятъ, полагая, что это-то и есть то самое, что̀ онѣ прогоняютъ изъ своего жилья". Кто при семъ не вспомнитъ остатка нашей языческой старины, когда за тысячу и больше лѣтъ назадъ предки наши точно такъ провожали зиму, какъ символъ смерти, передъ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, извѣстную у нѣкоторыхъ Славянъ подъ именемъ Мораны, Мараны и т. п.

Разговорившись о послѣднемъ его (К-ша) сочиненіи о Гоголѣ, которое должно показаться въ февральской книжкѣ „Современника" и т. п., я ему разсказалъ, что поводъ къ сочиненію „Ревизора" былъ истинное происшествіе, случившееся, какъ было мною уже замѣчено, въ Бессарабіи съ П. Свиньинымъ и разсказанное мнѣ его близкими родственниками, что̀ онъ тутъ же и записалъ, для памяти, при дальнѣйшей оцѣнкѣ его.

Января 31-го дня. П. А. К—шъ, бывши у М. С. Щепкина съ письмомъ отъ молодаго Маркевича, А. Н. (сына историка Малороссіи), котораго Щепкинъ очень цѣнитъ, какъ отличнаго музыканта, между прочимъ сказалъ, что М. С. на слова его: „Я пріѣхалъ просить у васъ позволенія прочесть вамъ нѣсколько отрывковъ изъ біографіи Н. В. Гоголя, память котораго для васъ, какъ короткаго его знакомаго и почитателя, должна быть, конечно, драгоцѣнна; а мнѣ не хотѣлось бы сказать что-нибудь такого, что было бы не такъ, или непріятно Вамъ",—разсказалъ тотчасъ слѣдующее. Когда покойный Гоголь напечаталъ свой „Римъ" въ „Москвитянинѣ", то, по условію, выговорилъ себѣ у Погодина 20-ть оттисковъ, но тотъ, по обыкновенію своему, не оставилъ, сваливая вину на типографію. Однако Гоголь непремѣнно хотѣлъ имѣть ихъ, обѣщавъ напередъ знакомымъ по оттиску. И потому, настаивая на своемъ, сказалъ, разгорячаясь мало-помалу:— „А если вы договора не держите, такъ прикажите вырвать изъ своего журнала это число оттисковъ".—„Но какъ же",—замѣтилъ издатель,—„вѣдь тогда я испорчу 20-ть экземпляровъ?"—„А мнѣ какое дѣло до этого?... Впрочемъ, хорошо: я согласенъ вамъ за нихъ заплатить",—прибавилъ Гоголь, подумавъ немного: „только чтобъ, непремѣнно, было мнѣ 20-ть экземпляровъ моей статьи, слышите?— 20-ть экземпляровъ!" Тутъ я увелъ его въ его комнату, на верхъ, гдѣ сказалъ ему: „Зачѣмъ вамъ бросать эти деньги такъ на вѣтеръ? Да за 20-ть цѣлковыхъ вамъ наберутъ вновь вашу статью".—„Въ

самомъ дѣлѣ?"—спросилъ онъ живостью. „Ахъ, вы не знаете, что значитъ имѣть дѣло съ кулакомъ".—„Такъ зачѣмъ же вы связываетесь съ нимъ?" подхватилъ я.—„Затѣмъ, что я задолжалъ ему шесть тысячъ рублей ассигнаціями: вотъ онъ и жметъ меня. Терпѣть не могу печататься въ журналахъ,—нѣтъ, вырвалъ таки у меня эту статью! и что же, какъ же ее напечаталъ? Не далъ даже выправить хоть въ корректурѣ. Почему ужъ это такъ, онъ одинъ это знаетъ!"—„Ну", подумалъ я, прибавилъ тутъ Щепкинъ: „потому это такъ, что иначе онъ и не съумѣетъ: это его природа дѣлать все, какъ говорится, тяпъ да ляпъ".

Февраля 13-го дня. Нынѣшняя война съ Турціей, Франціей и Англіей, а можетъ быть, и Австріей, и Пруссіей, могла бы быть предупреждена еще въ 12-мъ году, да и этотъ едва ли бы состоялся, если бы Чичаговъ исполнилъ повелѣніе покойнаго Государя. В. А. Полѣновъ, бывшій правителемъ у Чичагова, говорилъ, что Государь, проникая замыслы Наполеона, вдругъ отправилъ Чичагова поспѣшно на Дунай съ повелѣніемъ принять начальство надъ тамошней арміей и, распечатавъ потомъ пакетъ, поступить по приказанію, въ немъ заключенному. Но Чичаговъ, питая ненависть къ старинному врагу своему, Кутузову, цѣлыхъ шесть недѣль занимался повѣркой денегъ, бывшихъ у послѣдняго въ распоряженіи, какъ у главнаго начальствующаго, и только тогда распечаталъ пакетъ, когда все покончилъ, нашедши чрезвычайныя злоупотребленія. Однако, раскрывъ пакетъ, нельзя было уже ничего, по приказанію Государя, сдѣлать, такъ какъ время было пропущено, т. е. нельзя было направиться со всѣми Дунайскими войсками въ Австрію, поднять тамошнихъ Славянъ и вмѣстѣ съ ними заставить уничтожить Австрію, чѣмъ, разумѣется, вниманіе Наполеона было бы отвлечено отъ насъ и онъ долженъ бы спѣшить не къ намъ, но на спасеніе своего тестя и союзника. Но пакетъ распечатанъ былъ въ то время, когда Наполеонъ перешелъ уже Нѣманъ. Кутузовъ, мстя своему врагу, отплатилъ ему тѣмъ, что мало-помалу, какъ главноначальствующій, лишилъ его многихъ дивизій и оставилъ только чрезвычайно мало войска, съ которымъ тотъ не мотъ воспрепятствовать переправѣ Французовъ черезъ Березину. Не будь этой мести, конечно, Наполеонъ былъ бы до послѣдняго человѣка истребленъ тутъ.

Марта 17-го дня. На вечерѣ у С. П. Ш., сынъ М. А. Д—ва, въ разговорѣ, разсказалъ между прочимъ о двухъ анекдотахъ, относящихся къ предметамъ всеобщаго вниманія современниковъ:

войнѣ и Рашели, недавно уѣхавшей изъ Москвы. „Что, баринъ, правда ли, что на насъ поднялись четыре земли?“ спросилъ меня недавно извощикъ, везшій днемъ къ одному пріятелю. „Ну четыре, не четыре“,—сказалъ я ему,—„а три цѣлыхъ“. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ: „Видно, порознь не сладятъ. Да еще говорятъ“,—прибавилъ онъ,—„въ томъ числѣ и французъ?“ — „Да, и онъ.“—„Гм... Мало еще его били!“ сказалъ онъ, не много думая.

— „Ѣхавши какъ-то мимо театра, около масляной, я спросилъ своего извощика: „Не знаешь ли ты, братецъ, отчего такой тутъ съѣздъ сегодня?“—„Да что, баринъ“,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—„говорятъ, какая-то Нѣмка обираетъ господъ“. — „Да чѣмъ же?“ — „Да Богъ знаетъ; баютъ чудеса: ни пляшетъ, ни поетъ, а все только умираетъ“.

. . . .

. . . . Говорятъ также, что московскій митрополитъ представилъ Государю отъ себя приношеніе въ 50-тъ тысячъ серебромъ, и Государь отвѣчалъ собственноручно на представленіи отъ синода: „Благодарить, а пожертвованное употребить на возобновленіе храмовъ божіихъ въ землѣ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, или же храма Софійскаго, когда, дастъ Богъ, возьмемъ Царьградъ“. Прибавляютъ, что копія съ этого находится у самого Владыки, который многимъ показывалъ ее.

Марта 24-го дня.—„Какимъ образомъ случилось, что Пруссія такъ стала къ намъ расположенной?“ спросилъ я сегодня графа С. Г. Строганова.—„Очень просто“,—отвѣчалъ онъ: „когда нашъ посланникъ (Будбергъ) сталъ говорить Мантейфелю (предсѣдателю Прусскаго министерства), что странно, де, Пруссія поступаетъ теперь, отдѣляясь отъ Россіи, которая столько всегда добра дѣлала ей и никогда не подала малѣйшаго повода къ сомнѣнію объ искренности своего расположенія; тогда Прусскій министръ сказалъ: „Дѣло въ томъ, что теперь не король, а камеры все дѣлаютъ. Король ничего не можетъ безъ нихъ“. Будбергъ тотчасъ передалъ свой разговоръ королю, который, узнавъ все это, чрезвычайно разсердился. — „Ну, такъ я же покажу имъ, что значитъ король въ Пруссіи и при камерахъ“.

Апрѣля 10-го дня. Говѣя, т.-е. исповѣдуясь и пріобщаясь въ церкви Божіей Матери Смоленской, что у Никитскихъ воротъ, извѣстной больше подъ именемъ Ѳеодора Студита (по придѣлу), встрѣтился нежданно съ Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ, бывшимъ во время моего кандидатства моимъ ученикомъ по

приготовленію его въ университетъ, а теперь помѣщикомъ съ чиномъ колежскаго секретаря по кандидатской степени, полученной имъ при выходѣ изъ университета. Весь обросъ бородою, до того, что когда онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его, то отвѣтъ мой былъ отрицательный. Онъ сказалъ, что живетъ зиму и весну въ Москвѣ и занимается изданіемъ „Голосовъ великорусскихъ пѣсенъ" съ текстомъ по тетрадямъ, и извинялся, что не былъ до сихъ поръ у меня. Пришедши сегодня ко мнѣ утромъ, между разговора, сообщилъ мнѣ, увидѣвъ на стѣнѣ портретъ Новикова, что дѣдъ его по матери, Первовъ, былъ самый приближенный къ Новикову, поставленъ послѣднимъ, какъ преемникъ, хотя пережилъ его только двумя годами; что у дѣдушки было много бумагъ массонскихъ, большею частью переводныхъ разными лицами и переписывавшихся особыми писцами въ нѣсколько рукъ для членовъ, которыя дѣдушка, умирая, завѣщалъ передать * * * * *, по смерти коего дочери увезли всѣ бумаги въ какую-то тамбовскую деревню. Въ числѣ послѣдователей Новикова были: Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, письма коего были изданы моими родителями („Письма С. И. Г. Москва 1832 г., въ Университетской типографіи, 8°, 2 книжки; они тотчасъ запрещены были), далѣе Дубовицкій (отецъ зятя моей сестры), Бѣликовъ, Невзоровъ, Лабзинъ и друг. Замѣчательно, что общество это распалось подъ конецъ на общества московское и рижское: первое считалось высшей степенью, такъ что члены втораго не всегда общились съ послѣдними и даже не всегда знали по именамъ другъ друга.

Увидя на стѣнкѣ другой портретъ, гетмана Разумовскаго, онъ припомнилъ, что это списокъ съ подлиннаго, находившагося у жены Францена, урожденной Вихманъ, красавицы въ свое время, выданной за берейтора гетмана, который тоже извѣстенъ своими похожденіями; между прочимъ тѣмъ, что подавалъ прошеніе Петру III о вознагражденіи за услуги, оказанныя имъ ему, его отцу и матери, что̀ тотъ и сдѣлалъ. „Послѣ него копія этого прошенія сохранилась у вдовы, а отъ нея перешла къ отцу моему, которую спишу Вамъ. Прочія вещи, по кончинѣ ея у насъ, перенесены были къ ея брату, аптекарю гдѣ-то въ Малороссіи. Она вынянчила меня, моего брата и сестру. Старушка эта разсказывала намъ много анекдотовъ о покойномъ гетманѣ, напримѣръ, какъ онъ однажды, пришедши въ Петербургѣ къ капельмейстеру Двора Рачинскому (отцу извѣстнаго малороссійскаго музыканта),—жившему въ небольшой комнатѣ, почти рядомъ съ Государевой, съ обязанностью тот-

часъ являться по первому зову и играть что приказано будетъ,— сказалъ: „Что, какъ?“—„Пьяно!“ Послѣднее какъ-то было сказано довольно громко, такъ что Петръ III-й услышалъ самъ, или же кто ему тотчасъ передалъ, въ ту пору, когда онъ дѣйствительно веселился съ своими потѣшными лицами. Разгнѣванный Петръ вбѣжалъ въ комнату и спросилъ съ грознымъ видомъ: „Какъ смѣешь ты..... говорить такія слова?“—„Помилуйте, государь“ — отвѣчалъ за музыканта гетманъ, ни мало не смущаясь такимъ вопросомъ: „мы разговаривали о музыкѣ и, между прочимъ часто повторяли: crescendo, piano, forte и т. п. музыкальные термины“.—„То-то же!“ сказалъ Петръ и удалился, вполнѣ увѣренный въ справедливости рѣчей Разумовскаго.

Апрѣля 15 дня. Слышно, будто поляки предлагали Государю составить изъ себя и своихъ подданныхъ особый корпусъ, но Государь, поблагодаривъ ихъ за то, отклонилъ, говоря, что онъ непремѣнно воспользуется ихъ вѣрноподданническимъ усердіемъ, когда нужно будетъ послать войска въ Китай.

Апрѣля 23 дня. Бывши въ книжной лавкѣ И. В. Базунова, вскорѣ послѣ извѣстія о бомбардированіи Одессы, слышалъ, какъ одинъ изъ посѣтителей, между прочимъ, сказалъ: „Да, батюшка! Ноньче-то ужъ и простой народъ узналъ, въ Москвѣ, знаетъ все, что̀ ни па есть тамъ въ газетахъ. Вотъ намеднись я ѣхалъ въ Рогожскую и слышу, какъ одинъ извощикъ, осерчавъ на своего брата, гаркнулъ во все извозчичье горло: „Погоди, мошенникъ, я тебѣ такую задамъ нахимку въ Синопкѣ, что будешь помнить меня долго!“

Мая 21-го дня. Узнавъ о возвращеніи графа С. Г. Строганова изъ Петербурга, я навѣстилъ его и между разговора узналъ слѣдующее: „Государь спросилъ меня о мнѣніи Москвы въ нынѣшнее время, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ сказалъ: „Хорошо, что Москва постепенно разгорячается: у нея много для будущаго въ запасѣ; будетъ чѣмъ показать себя и постоять за свое. Я приказалъ генералъ-губернатору не торопиться пожертвованіями; теперь пока и своими средствами я могу изворачиваться. Но когда наступитъ пора послѣ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, тогда необходимы станутъ жертвы для каждаго истиннаго русскаго, потому что я не спѣшу войной и думаю окончить ее не ранѣе 6-ти лѣтъ“.

Анатолій Демидовъ, явившись ко мнѣ, спрашивалъ, какъ ему покончить свое дѣло пожертвованія. Я совѣтовалъ ему изъявить готовность каждый годъ приносить въ теченіе 6-ти лѣтъ по 100 ты-

сячъ рублей серебромъ, что̀ и было имъ сдѣлано. Сперва было онъ хотѣлъ уплачивать металломъ, но Казначейство отвѣчало, что это сопряжено съ большими затрудненіями.

Іюня 2-го дня. Ѳ. И. Тютчевъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, разсказывалъ, что главной причиной такого медленнаго дѣйствія съ нашей стороны противъ Турковъ—ожиданіе, чтобы Нѣмцы, наконецъ, высказались вполнѣ, чего они хотятъ. На вопросъ, предложенный кѣмъ-то въ Петербургѣ Паскевичу, касательно войны съ послѣдними, этотъ отвѣчалъ: „Дѣло статочное, что и Нѣмцы пойдутъ на насъ. Если на первый разъ они одержатъ значительный верхъ, войска ихъ, особливо австрійское, станутъ продолжать войну; въ противномъ случаѣ большая часть ихъ передастся намъ, а остальное разбѣжится, кто куда попалъ. Впрочемъ“,—продолжалъ Т.,— „едва ли король прусскій поднимется на насъ: сколько извѣстно, онъ скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ это сдѣлаетъ, судя по разнымъ слухамъ, прямо изъ Берлина доходящимъ къ намъ“.

Іюня 5-го дня. Гуляя съ Т—вымъ, снова разговорились мы о событіяхъ военныхъ, о которыхъ трудно и не говорить, такъ какъ они дѣйствительно стоятъ впереди всего, что̀ ни совершается вокругъ насъ, а потому, какъ таковыя, и не могутъ не быть предметомъ разговора и сужденій. Года четыре тому назадъ, Государь въ первый разъ, въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ, сказалъ между прочимъ: „Сколько я могу видѣть и судить о томъ, что теперь совершается въ мірѣ, кажется, что пришла уже пора намъ подумать и о Турціи: она ясно разлагается“.

Іюня 8-го дня. Катковъ привелъ г. С., адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности; онъ пріѣхалъ на вакаціи поработать въ нашихъ духовныхъ книгохранилищахъ, равно какъ у Троицы, имѣя съ собой письмо къ Владыкѣ отъ харьковскаго Владыки. Въ разговорѣ коснулись прежняго министерства нашего, и онъ сообщилъ, какъ слышалъ отъ старшихъ своихъ сотоварищей по университету о первомъ, такъ сказать, выходѣ въ званіи министра Уварова: „Прошу быть господа, покорными мнѣ: кто иначе станетъ думать, того я безъ дальняго удалю. Не ссылайтесь мнѣ на законы. Я знаю лучше всякаго, какъ и для чего у насъ законы. Законы—воля министра, и больше ничего. Надѣюсь, это немудреное и простое правило вы легко запомните и постараетесь исполнять,—тогда мы сдѣлаемся друзьями! Вы увидите во мнѣ не господина, не начальника, но вашего друга и благопріятеля.“

Іюня 19-го дня. Слышу, что А. С. Хомяковъ за свои сти-

хи, по случаю войны съ Турціей, написанные и обращенные къ Россіи, получилъ не только замѣчанье отъ правительства, черезъ генералъ-губернатора, но даже взята, говорятъ, отъ него подписка, или же, просто, честное слово, ничего не распространять изъ своихъ стихотвореній, прежде нежели одобритъ ихъ петербургская цензура, въ которую онъ долженъ ихъ представить. Стихи эти начинаются:

„Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ", и пр.

Правда, они чрезвычайно звучны, проникнуты неподдѣльнымъ жаромъ любви къ родному, но тѣмъ не менѣе большинству не могли прійтись по-нутру, потому что заключаютъ въ себѣ упреки, хотя и справедливые, но совершенно *неумѣстные*, безвременные въ ту пору, когда всѣ и все устремились къ дѣлу и дѣланію великому, можетъ быть, единственному въ лѣтописяхъ міра. Тутъ не до исчисленія гадостей, которыхъ у насъ, какъ и у всѣхъ смертныхъ, довольно, и не до заботъ объ истребленіи ихъ. Словомъ, пѣвецъ сплошалъ: „Россія не Ниневія, а Х—въ не Еремія", какъ-то пришлось мнѣ выразиться въ одномъ домѣ, на вечерѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ: „хоть и родился въ день Ереміи", кто-то замѣтилъ мнѣ тутъ изъ слушающихъ. И справедливо: я вспомнилъ потомъ, что почитатели и пріятели его обыкновенно поздравляютъ его со днемъ рожденія 1-аго мая, въ день пророка Іереміи. Какъ бы то ни было, только съ нимъ случилось на этотъ разъ по пословицѣ: „На вѣку—не на боку, достанется и хомяку."

Февраля 12-го дня. Кандидатъ нашего Университета по историко-филологическому факультету, бывшій мой студентъ, въ разговорѣ о перепискѣ Гоголя съ нашими писателями (по случаю „Опыта біографіи Гоголя", соч. Н. М., появившейся только что во 2-ой книжкѣ „Современника"), сообщилъ, что съ писемъ Гоголя къ матери и нѣкоторымъ другимъ лицамъ Ш—въ имѣетъ лишь копіи, но что подлинники всѣ у матери; далѣе, что П—нъ охотно, кажется, передаетъ К—шу переписку свою съ Гоголемъ и что онъ теперь разбираетъ еще кое-что изъ найденнаго вмѣстѣ съ „Остраницею" въ чемоданѣ Гоголя, находившемся у Жуковскаго и переданнаго женою его А. П. Елагиной. „Мнѣ передавали", прибавилъ онъ: „что Жуковскій въ теченіе 4-хъ лѣтъ платилъ Гоголю по тысячѣ рублей серебр., испросивъ на это согласіе Государя Наслѣдника, которому былъ эти деньги долженъ". Высокій примѣръ съ обѣихъ сторонъ!

Сентября 24-го дня. Разговаривая съ графомъ С. Г. Строгановымъ, пришли къ М. Н. П. и Академіи Наукъ. „Если бы мнѣ когда привелось быть министромъ просвѣщенія, первое, на что обратилъ бы я свое особенное вниманіе, была бы Академія Наукъ. Надобно, чтобы она была чисто русская, изъ однихъ русскихъ. Что до того, что мы, конечно, во многомъ не можемъ еще тягаться съ другими? Со временемъ потягаемся и въ этомъ. А теперь главное, чтобы мы воздѣлывали свое сами, а не чужими руками. Только свой о своемъ можетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, а наемникъ—наемникъ“.

Октября 21-го дня. Много еще другаго любопытнаго разсказывалъ N въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ. Подъ конецъ разговоръ склонился на событія дня. „Я прямо изъ Крыма“,—сказалъ онъ: „и говорилъ съ Меньшиковымъ наканунѣ Альмскаго побоища. Когда я спросилъ его: „Скажите мнѣ, князь, сколько у васъ войска?“ онъ отвѣчалъ мнѣ: „35 тысячъ.“—„А сколько въ запасѣ?“ — „Ни солдата.“—„Скоро ли ждете?“—„Дня черезъ три, четыре отъ Хомутова, полка два съ нѣсколькими сотнями казаковъ“.—„И только?“—„И только“.—„Что же вы думаете сдѣлать?“—„Сцѣпиться и тѣмъ показать непріятелю, что Русскіе не такіе, какими онъ привыкъ себѣ представлять ихъ съ нѣкотораго времени. Я хорошо знаю, что мнѣ не устоять, но и онъ послѣ будетъ не то ужъ, что̀ есть и былъ бы безъ того. Я продержусь здѣсь (указывая на свою позицію) 5—6 часовъ, а потомъ отступлю церемоніальнымъ маршемъ подъ Севастополь“.

1855 годъ.

Февраля 5-го дня. Утромъ въ 11 часовъ отправился къ Попечителю въ первый разъ послѣ 12-го генваря 1855 г. На вопросъ: „дома ли?“—получилъ отвѣтъ утвердительный. Ну, думаю, эко счастье! Но не тутъ-то было. При входѣ въ прихожую (а домъ, въ которомъ онъ живетъ, принадлежитъ теперь Аксакову, родственнику С. Т. Аксакова, купившему его у наслѣдника И. И. Дмитріева) изъ двухъ, дожидавшихся уже, одинъ, стоявшій поближе къ дверямъ, тотчасъ ускользнулъ, а другой остался на своемъ стулѣ, подлѣ окна, у самаго порога. Слишкомъ часъ ходилъ я по комнатѣ. Наконецъ явился на выручку М. Н. Похвисневъ, который сталъ извиняться тотчасъ въ томъ, что по сю пору не побывалъ у меня и не поблагодарилъ за экземпляръ цензурованнаго имъ сочиненія моего, посланнаго недѣли съ полторы къ нему въ пере-

плетѣ. Вошедши въ кабинетъ, онъ черезъ 15 минутъ вышелъ и позвалъ меня, а со мной и товарища моего Рулье, только-что ввалившагося съ 3-мъ нумеромъ „Вѣстника Естественныхъ Наукъ“, издаваемаго имъ другой годъ. Съ нимъ было я завелъ разговоръ о послѣднемъ, который такъ какъ былъ довольно громокъ, то, кажется, это самое и ускорило наше приглашеніе. По входѣ въ кабинетъ, правитель канцеляріи Должиковъ, пріостановилъ чтеніе докладныхъ бумагъ, и Попечитель принялъ отъ меня экземпляръ моего сочиненія въ сафьянномъ переплетѣ и пустился въ изъявленія благодарности. Между прочимъ сказалъ нѣсколько разъ: „Безъ васъ мы бы рѣшительно не могли выполнить программы торжества. Государь чрезвычайно остался доволенъ вашимъ трудомъ, который объяснялъ Шевыревъ („ну, хорошъ же объяснитель!“ подумалъ я себѣ), особенно долго останавливался на разсматриваньи снимковъ, кои тоже и тотъ же объяснялъ—изъ какой рукописи, какого вѣка“ и т. п. Послѣ того еще нѣсколько разъ повторилъ: „Безъ васъ мы бы не исполнили своей программы“. Я осмѣлился присоединить къ словамъ объяснявшаго ваше сочиненіе: „Подобнаго у насъ еще и Академія не дѣлала“. Богъ ему судья во всемъ этомъ: если и десятая доля правды, много и премного, послѣ пятилѣтняго разрыва и самыхъ жаркихъ заочныхъ перепалокъ. Выходя, крѣпко жалъ мнѣ руку и нѣсколько разъ поцѣловался. Свиданіе продолжалось около 25—30 минутъ. Послѣ первыхъ словъ его ко мнѣ, онъ обратился къ Рулье, торжественно вручилъ ему брильянтовый перстень отъ Государыни, за поднесенный экземпляръ „Вѣстника“, самъ надѣлъ его ему и любовался долго тремя рисунками къ вышедшимъ 3-мъ №№ „Вѣстника“, изъ коихъ къ послѣднему дѣйствительно превосходенъ; причемъ пустился въ разсказъ, какихъ трудовъ стоило ему основать это изданіе. „Мнѣ принадлежитъ лишь мысль, а выполненіе ему (Рулье); безъ него ничего не было бы. Я уже самъ начиналъ послѣ трехлѣтнихъ неудачъ приходить къ убѣжденію, что, точно, на русскомъ такое изданіе невозможно еще, между тѣмъ какъ годичный выпускъ показалъ всю ложность представленій этихъ, и теперь не только изданіе окуплено, но и въ значительныхъ барышахъ. Сколько понынѣ подписчиковъ?“ спросилъ онъ Рулье. „Вдвое противу прошлогодняго въ эту пору, а первый годъ не только разошелся, но уже и продается за двойную цѣну“. Потомъ круто поворотивъ снова къ юбилею, сказалъ: „Я радъ, что мнѣ удалось министра склонить представить Государю списокъ лицъ и тѣхъ, кои имъ были вычеркнуты

изъ боязни, чтобы не показаться слишкомъ докучливымъ (или что-то въ этомъ родѣ) и, къ совершенному удовольствію моему, Государь и этихъ наградилъ. Вы не знаете, какое впечатлѣніе такія милости Государя произвели въ Петербургѣ; ко мнѣ со всѣхъ сторонъ начальники учебныхъ заведеній то и дѣло пріѣзжали съ поздравленіями и благодарностью за такой успѣшный ходъ всего дѣла. „И намъ отнынѣ будетъ теплѣе", говорили они мнѣ; особливо много и горячо толковалъ объ этомъ ректоръ петербургскаго Университета (Плетневъ)". „Право, награды истинно царскія. Въ 25 лѣтъ прежде Университетъ нашъ не получалъ того, что теперь за одинъ разъ", подхватилъ Рулье.—„Да, да!" сказалъ онъ,—„не получалъ, не получалъ! Совершенная правда!"—„Что въ этомъ особенно утѣшительнаго, это всеобщее сочувствіе",—сказалъ я,—„выражаемое самимъ дѣломъ, даже и тѣми, кто не могъ присутствовать у насъ, напримѣръ кіевскій университетъ"...—„Ваша правда. Я недавно получилъ письмо отъ одного лица, участвовавшаго на обѣдѣ, данномъ тамъ Университетомъ въ самый тотъ день, чтò и у насъ, и изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ на немъ, прислана ко мнѣ одна—помощника Попечителя.... — „М. В. Юзефовича",—прервалъ я: „воспитанника нашего Благороднаго Пансіона".—„Такъ точно, вотъ она!" И началъ читать. Дѣйствительно, рѣчь оказалась очень кстати: коротко и толково. „Но вотъ",—подхватилъ Похвисневъ,—„къ сожалѣнію, стихи Майкова я никакъ не рѣшаюсь пропустить".—„Какіе?" спросилъ я.—„Стихи, читанные имъ на обѣдѣ у Министра нашего," отвѣчалъ онъ (Попечитель) и написанные имъ же по случаю нашего торжества: они были переданы Абрамомъ Сергѣевичемъ Ректору для дальнѣйшаго распоряженія. „Что-жъ тамъ у нихъ такого, что вы затрудняетесь? Прочтемъ". По прочтеніи, я сказалъ, что затрудненіе это, можетъ быть, въ другую пору, и возбудило бы какіе толки, но теперь всякое, даже излишнее предпочтеніе Москвы передъ Петербургомъ не только пройдетъ даромъ, но еще будетъ и одобрено."—„Право, и я такъ думаю," подхватилъ хозяинъ. Тутъ человѣкъ доложилъ о профессорахъ, прибывшихъ и желавшихъ предстать. Я тотчасъ же за шляпу и въ передней встрѣтилъ точно изъ новопожалованныхъ трехъ: Глѣбова, Лешкова и Менщикова, которые, безъ сомнѣнія, явились по повѣсткѣ за своими украшеніями. Возвратившись въ Университетъ, въ сѣняхъ столкнулся съ Шевыревымъ, который встрѣтилъ меня сухимъ извѣщеніемъ, сказаннымъ сквозь зубы и какъ бы нехотя, что

мое сочиненіе было вмѣстѣ съ другими тоже представлено (еще бы!) Государю и всей Царской Фамиліи.

Распрашивая его о мѣстѣ, гдѣ собираются профессора дать обѣдъ своему Начальнику завтра, я потерялъ минутъ десять, и когда вошелъ въ залу Правленія, никого не засталъ тамъ. Напрасно посылалъ я къ синдику за листомъ, на которомъ подписывались товарищи: онъ куда-то ушелъ, и потому, наказавши принести ко мнѣ на домъ при первой возможности, ушелъ во-свояси. Черезъ два часа принесли его: собрано оказалось до моей подписи (1150 р. с.) тысяча-сто-пятьдесятъ рублей серебромъ. Есть на что попировать за говѣнье. Любопытны статистическіе выводы: по 100 руб. 2 (Ректоръ и Иноземцевъ), по 50—3 (Шевыревъ, Брашманъ и Веселаго, все новопожалованные), по 40—1 (Фишеръ), по 30—1 (Клименковъ), по 25—6 (Анке, Вернадскій, Глѣбовъ, Грановскій, Полунинъ, Кохъ: всѣ, кромѣ послѣдняго, новопожалованные), по 20—4 (Баршевъ, Зерновъ, Варвинскій и Спасскій—новопожалован.), по 15—9 (Басовъ, Рулье, Буслаевъ, Оверъ, Давидовъ, Ершовъ, Броссе, Матюшенковъ, и еще кто-то, подписавшійся неразборчиво; первые 3 новопож.), по 10—35, по 5—3 (Пѣховскій, Пако и Гарвей). Я попалъ въ предпослѣдній разрядъ и подписался послѣднимъ. Обѣдъ назначенъ въ 4-й гимназіи.

Февраля 6-го дня. Обѣдъ былъ довольно хорошъ. Изъ профессоровъ нашего факультета не подписалось 4: Соловьевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ и Петровъ; послѣдніе, какъ обойденные, могли имѣть нѣкоторый поводъ къ тому, но первый—непонятно почему.

За обѣдомъ читалъ свои стихи Шевыревъ, конечно, съ холопскимъ направленіемъ, но, говоря искренно, они были далеко лучше стиховъ его на юбилей. Послѣ него произнесъ рѣчь Погодинъ; сверхъ всякаго чаянія, она удалась ему; особенно хорошо выразился онъ о бѣдномъ состояніи ученаго сословія въ Университетѣ нашемъ, на основаніи данныхъ „Біографическаго Словаря“, изготовленнаго ко дню столѣтія.

Февраля 16-го дня. Вечеромъ, въ середу, бывши у С. П. Ш—ва, узналъ о выборѣ А. П. Ермолова вчера въ Начальники Московскаго Ополченія: изъ 280 шаровъ только 6 черныхъ; а сегодня, говорятъ, получено уже утвержденіе по телеграфу, или же извѣстіе о томъ. Генералъ-губернаторъ будто-бы считалъ своею обязанностью,— по однимъ письменно, по другимъ словесно,—черезъ одного сына Ермолова, служащаго у него адъютантомъ, предувѣдомить старика, что, де, вѣроятно, онъ откажется отъ выбора въ Начальники Опол-

ченія, на случай, если бы его выбрало московское дворянство, какъ ходятъ о томъ слухи, и т. п. На это Ермоловъ отвѣчалъ письмомъ, которое тутъ же Анна Евгр. показала мнѣ и дала списать. Вотъ оно: „М. Г. А. А! Благодарю Васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія Вашего по предмету предстоящихъ выборовъ и со всею откровенностью отвѣчаю Вамъ. Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія Московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, и если бы даже не утвержденъ былъ въ званіи Начальника Губернскаго Ополченія, въ каковое я, вѣроятно, могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ. 24 года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и въ теперешнемъ случаѣ ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не стану. Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему Графу, и никому другому я не скажу иначе. Душевно преданный“ и пр.

Говорятъ, что письмо это было объявлено сыномъ его въ собраніи дворянства, когда стали было нѣкоторые дѣлать замѣчанія въ родѣ того, которое вызвало самое письмо; оно было тутъ же списано и разошлось молніей по городу. Послѣ выбора „ура!“ продолжалось безъ умолку слишкомъ четверть часа. Вторымъ по немъ выбранъ Графъ С. Г. Строгановъ, тоже значительнымъ числомъ. Онъ въ это время, съ святокъ, находился въ Петербургѣ и лишь сегодня вернулся изъ него.

Февраля 18-го дня. Въ два часа отправился къ графу С. Г. Строганову, прибывшему утромъ 16-го изъ Петербурга. Я ему вручилъ книгу свою, съ положеніями, разсказомъ о пріемѣ меня Попечителемъ 5-го февраля и узналъ отъ него о разговорѣ его съ Наслѣдницей, спросившей, почему онъ не захотѣлъ остаться на юбилеѣ нашего Университета. „Потому, что я вообще не охотникъ до комедій“,—отвѣчалъ онъ,—„а тѣмъ болѣе комедій торжественныхъ, безъ нихъ же это торжество не могло обойтись, судя по приготовленіямъ къ нему“; и тутъ же разсказалъ ей все, что только зналъ объ этомъ, съ чѣмъ она и согласилась вполнѣ. Далѣе показалъ онъ мнѣ сочиненіе на французскомъ противу Муравьева,

написанное княземъ Иваномъ Гагаринымъ, обратившимся къ католической церкви. Самъ Муравьевъ находитъ въ немъ очень слабыми всѣ теоретическія умствованія, но часть, въ которой дѣлаетъ онъ замѣчанія на отношеніе церкви нашей къ государству, совершенно справедлива:—„и я", говорилъ мнѣ Муравьевъ, „ничего не въ состояніи сказать противъ нея".

Послѣ показалъ мнѣ нѣсколько старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, особливо Супрасльской типографіи и даже одна изъ Гродненской, предлагаемыхъ ему для покупки. Цѣны очень дороги, и я предложилъ ему наполовину сбавить. Также похвалился отысканнымъ въ его Петербургской библіотекѣ экземпляромъ перевода на бѣлорусскій языкъ Библіи Скориной, именно книги Руфь, Іисуса, сына Сирахова и т. д.; экземпляръ прекрасный.

Августа 30-го дня. Вторникъ вечеромъ. Андрей мой, пришедши отъ портнаго, къ которому былъ посланъ, сказалъ, что, молъ, „Севастополь взятъ."—„Какъ?"—„Да такъ-съ", говоритъ, „ужъ и читаютъ: взятъ, молъ, съ бою французами. Народъ сотнями толпится въ трактирахъ, въ городѣ охаютъ и крестятся отъ ужаса." Провѣрить его нечѣмъ было, но и не вѣрить нельзя. На другой день весь городъ узналъ о томъ изъ особыхъ прибавленій къ „Московскимъ Университетскимъ Вѣдомостямъ" и изъ „Полицейскихъ".

Разсказываютъ, одни, что первую вѣсть объ этомъ привезъ какой-то князь Оболенскій, который, прибывши изъ Петербурга по чугункѣ утромъ, успѣлъ де явиться съ представленіемъ къ генералъ-губернатору по случаю тезоименитства Государя и распустить вѣсть между собравшимися. По другимъ, будто бы вѣсть эта разнеслась, когда чиновничество находилось въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ графъ Закревскій получилъ депешу по телеграфу, отошелъ къ окну, прочелъ и тотчасъ сообщилъ шепотомъ окружавшимъ его. Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что неожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ и печатнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ Москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного Москвича, который созвалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ именинникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во свояси.

Сентября 4-го дня. Воскресенье. Умеръ въ квартирѣ своей, въ домѣ Пучковой (на Арбатѣ, въ Николо-Плотницкомъ переулкѣ) бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, говорятъ, на 71 году отъ рожденія. Тотчасъ дали знать сыну его, Алексѣю Сергѣевичу, находившемуся въ городѣ Кромахъ, по службѣ своей въ ополченіи, по прибытіи котораго послѣдуетъ отпѣваніе и похороны. Упокой, Господи, умершаго! Не тѣмъ будь помянутъ, онъ былъ весьма умный человѣкъ, единственный министръ, но по сердцу незавидный и довольно мирволившій иностранцамъ, особенно Нѣмцамъ. Жаль было видѣть его, почти всѣми своими клевретами оставленнаго въ Москвѣ, въ послѣдніе годы его пребыванія въ ней по жестокой болѣзни, не позволявшей уже болѣе жить въ Петербургѣ.

Сентября 5-го дня. Понедѣльникъ, въ 12-ть пр. п., часы 1—2-й долженъ былъ открыть лекціи свои, вопреки обычаю не начинать ничего важнаго въ этотъ день; но „нужда законъ измѣняетъ", или по пословицѣ малороссійской: „Скачы, враже, якъ панъ каже." А такимъ паномъ является тутъ министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, который пріѣхалъ къ намъ наканунѣ прибытія Государева и тотчасъ принялся посѣщать аудиторіи. Не успѣлъ я придти, какъ ужъ вбѣгаетъ за мной помощникъ инспектора студентовъ и только что я вошелъ въ аудиторію свою (малую словесную), какъ съ другой стороны и онъ показался. Въ этотъ день по распредѣленію пришлось читать о сербскомъ языкѣ. Сдѣлавъ общій взглядъ на населеніе Сербскаго народа, я остановилъ вниманіе въ особенности на жилищахъ Сербовъ въ старину и нынѣ. Тутъ было открытое поле показаться; кончивъ, послѣ $1\frac{1}{2}$ часовъ чтенія, я сошелъ съ каѳедры, и ко мнѣ тотчасъ же подошелъ министръ, и сказавъ, что давно желалъ познакомиться съ моимъ преподаваніемъ, прибавилъ, что лекція моя была мастерски изложена мною, вполнѣ Риттеровская; послѣ нѣкоторыхъ любезностей въ этомъ родѣ, простился, но, уходя, вдругъ обратился ко мнѣ и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ, въ середу, въ половинѣ 5-го, прибавивъ, что, на случай, еслибы случилось какое помѣшательство, онъ извѣститъ меня о томъ.

Сентября 7-го дня. Въ назначенное время я явился къ министру, въ квартирѣ инспектора студентовъ (въ старомъ зданіи, подъ библіотекой, на углу Никитской и Моховой). Кромѣ меня, обѣдали еще: Попечитель Университета (Назимовъ) его помощникъ (П. В. Зиновьевъ), какой-то его племянникъ и племянница, еще

какой-то мужчина, къ которому, подведши меня, министръ сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, и лично, и по имени знаетъ меня, новогреческій поэтъ Суццо. Съ нимъ министръ свелъ меня еще передъ обѣдомъ, сказавъ, что мы можемъ на какомъ угодно европейскомъ языкѣ объясняться между собою; но тутъ онъ немного ошибся: я не говорю по французски, онъ по нѣмецки, и потому рѣшились прибѣгнуть къ итальянскому, на которомъ тоже я довольно поотвыкъ болтать, однако, часа на 3 хватило меня. За третьимъ блюдомъ вошелъ профессоръ Ѳ. И. Иноземцевъ, который, какъ оказалось, уже принялъ его (министра) въ свои руки, потому что послѣ обѣда подалъ ему коробочку съ припасами для перевязки, необходимыми при лѣченіи холодною водою (кусокъ фланели, клеенку, не пропускающую воздуха и т. п.). Въ разговорѣ объ этомъ лѣченіи, онъ указалъ на меня, какъ на испытавшаго пользу на себѣ онаго лѣченія въ Грефенбергѣ у самого Присница и Вейса; но я замѣтилъ ему, что послѣдніе не только не употребляютъ льду при этомъ (какъ онъ совѣтовалъ министру), но, напротивъ, приказываютъ очищать воду отъ него зимой: „развѣ вы, медики, пошли ужъ дальше изобрѣтателя?"—„Да", сказалъ онъ мнѣ: „мы немножко повели это дальше, и я самъ испыталъ на себѣ это, приказывая тереть себѣ спину льдомъ послѣ купанья разъ въ день, въ продолженіе полугода".—„Вольному воля", возразилъ я: „но что до меня, то, купаясь постоянно, круглый годъ утромъ, я не употребляю того и не вижу въ томъ нужды. Да и то сказать, что повязки должно дѣлать по Грефенбергски, т. е. класть на ночь, отнюдь же не днемъ; природа ночью очень помогаетъ искусству: можно получше прикрыться, а днемъ, при всемъ желаніи и осторожности, невозможно избѣжать простуды. Впрочемъ, ученаго учить—только портить".

Продолжая дальше разговоръ, дошли до раскольниковъ, только что передъ тѣмъ являвшихся къ министру, въ числѣ 4-хъ (изъ коихъ онъ назвалъ Сопѣлкина и Кабанова), отъ Рогожскаго кладбища, соединившихся съ нами. Онъ каждаго изъ нихъ обнялъ и настаивалъ на единеніи братскомъ. Когда они ушли, онъ сказалъ, что наканунѣ долженъ былъ посѣтить ихъ новую церковь, по просьбѣ придворнаго духовника Бажанова. Послѣ я слышалъ, что часовъ въ 8-мь вечера къ нему явилось еще нѣсколько человѣкъ Рогожскихъ, которыхъ тоже принялъ такъ же, какъ и первыхъ. Главною виной упорства раскольниковъ почитать слѣдуетъ: непросвѣщеніе съ одной и матеріальныя выгоды съ другой стороны; стало, чѣмъ

больше будетъ училищъ, тѣмъ меньше раскола, потому что по сю пору не видано еще было, чтобы образованный оставался или дѣлался раскольникомъ, кромѣ, разумѣется, людей неблагонамѣренныхъ, ищущихъ въ расколѣ цѣлей политическихъ; съ образованіемъ же ума должно соединять и образованіе сердца,—особенно нужно, чтобы наставники въ вѣрѣ тѣмъ и другимъ отличались и подавали паствѣ своей хорошій примѣръ.

Сентября 8-го дня. Четвергъ. Въ этотъ день Государь, послѣ смотра на Красной площади, возвратившись домой, вскорѣ явился въ Успенскій соборъ съ супругой и Матерью. Ключарь Собора (какъ самъ разсказывалъ мнѣ), оставшійся одинъ послѣ обѣдни на всякій случай (Петръ Ильичъ Виноградовъ), едва успѣлъ приказать постлать ковры и, накинувъ епитрахиль, явиться у дверей съ крестомъ и водой. Поклонившись и приложившись къ иконамъ, Государыня-мать спросила, гдѣ гробъ патріарха Филарета, и когда онъ былъ указанъ, она долго молилась у него и близь лежащихъ митрополитовъ (Фотія и Кипріяна), равно какъ и ризы Господней, сильно обливаясь слезами сама, благословляя сына, который тоже крѣпко плакалъ, обнимая ее; Государыня-супруга стояла поодаль съ заплаканными глазами. То же самое, говоритъ ключарь, произошло и въ Лаврѣ Сергіевской, именно въ скитѣ, когда Владыка поднесъ ему тотъ самый образъ, написанный на доскѣ гроба преподобнаго Сергія, который былъ также въ походѣ царя Михаила Өедоровича и въ московскомъ походѣ Петра I-го. Государь, принимая и лобызая его, почти навзрыдъ плакалъ. Выходя уже почти изъ собора, Александра Өеодоровна спросила, гдѣ надпись, сдѣланная въ 1812-мъ году на одномъ изъ столбовъ собора, въ которой сказано, сколько пудовъ золота и серебра взято ими въ ономъ; но ключарь не могъ показать ея, такъ какъ она еще при возобновленіи была замазана по неосмотрительности завѣдывавшаго этимъ дѣломъ.

Сентября 9-го дня. Пятница. Былъ выносъ тѣла графа Уварова, въ 3 часа пополудни, въ университетскую церковь, а на другой день отпѣваніе тамъ же. Весь Университетъ съ профессорами, студентами и начальниками: министромъ, помощникомъ попечителя, который заболѣлъ, и пр. Онъ былъ бальзамированъ профессоромъ анатоміи Иваномъ Мат. Соколовымъ весьма удачно, такъ что это обратило вниманіе каждаго, и когда министръ спросилъ, во что обошлось оно, тотъ отвѣчалъ не болѣе 50-ти руб. сер.—„Какъ? Вы шутите!"—„Совсѣмъ нѣтъ, ваше превосходительство. Ни больше, ни меньше". — „Подите жъ тутъ, толкуйте на-

шимъ петербургскимъ эскулапамъ, которые за скверное бальзамированіе покойнаго Государя содрали 10 тысячъ червонцевъ. Вотъ вамъ добросовѣстность Нѣмцовъ. Просто разбойники. Уморили да и обокрали".

На отпѣваніе пріѣхала Великая Княгиня Елена Павловна и нѣкоторые изъ случившихся придворныхъ; отпѣвалъ самъ митрополитъ, а слово сказывалъ П. М. Терновскій, профессоръ богословія. Приготовлено было нѣсколько рѣчей другими: Погодинымъ, Шевыревымъ, Грановскимъ и Леонтьевымъ, но Владыка не согласился, считая это языческимъ обычаемъ. Даже за заставой не позволено было прочесть своего краснорѣчія нашимъ витіямъ, и, такимъ образомъ, человѣкъ, столько любившій въ свою жизнь рѣчи и самъ щеголявшій ими, остался безъ рѣчей.

Обѣдня началась въ 10 утра, а поѣздъ двинулся въ 1 часъ пополудни. Я по той же причинѣ, что и на представленіи къ Государю, не могъ быть ни на выносѣ, ни на уносѣ его. Миръ праху его!—еще разъ скажу ему въ слѣдъ.

Ноября 5. Кончивши лекцію, я остановился на нѣсколько минутъ въ профессорской. Вдругъ входитъ раздосадованный П. Я. Петровъ и говоритъ, что онъ никого не засталъ въ аудиторіи, что̀ чрезвычайно удивляетъ его. Я сказалъ, что и у меня, вопреки обычаю, мало было студентовъ, едва человѣкъ 15, но странность эта объяснится скоро кѣмъ-нибудь изъ слушателей: должна быть тому причина, и причина не дюжинная. „А!" вскричалъ онъ тутъ: „понимаю! Знаете ль, что Грановскій умеръ?"—„Что?" спросилъ я его.— „Грановскій еще вчера умеръ".—„Полноте, шутить. Онъ боленъ, это правда".—„Ну, а теперь умеръ!" сказалъ онъ въ третій разъ. Долго я не вѣрилъ ему, и чтобъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ, предложилъ тотчасъ же отправиться со мной въ домъ предмета нашего спора. Пріѣхавши къ нему, мы застали его уже на столѣ, въ залѣ посерединѣ, и вокругъ его камеліи и лавровые вѣнки. Жена сидѣла подлѣ него и, положивъ лѣвую руку на его руки, вперила въ него глаза свои и не замѣчала никого. Это до того поразило меня, что я не могъ и пяти минутъ перенести: слезы брызнули ручьемъ отъ такой безмолвной, глубоко-сосредоточенной въ высшей степени горести и отъ всей души пожелалъ ей слезъ, которыя могли бы облегчить ее и, можетъ быть, и спасти. Ничья смерть такъ сильно не поражала Университетъ съ незапамятнаго времени, какъ смерть его; всѣ безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись. Только на тре-

тій день вынесли его въ университетскую церковь. Торжественность была полная, но и того полнѣе была она на слѣдующій день, когда хоронили его. Послѣ обѣдни, совершенной ректоромъ семинаріи Леонидомъ, и паннихиды, профессора историко-филологическаго факультета, при помощи нѣкоторыхъ изъ другихъ, а также и самого попечителя, вынесли гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые понесли его гробъ на своихъ рукахъ черезъ весь городъ на Пятницкое кладбище, разстояніемъ верстъ 6. Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала такихъ похоронъ, давно никого она такъ славно, такъ единодушно не чтила. Какъ можно сравнить его похороны съ похоронами человѣка, далеко больше его дѣйствовавшаго на томъ же поприщѣ просвѣщенія и притомъ большею частію во главѣ,—разумѣю похороны бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, случившимися ровно мѣсяцемъ раньше! Тамъ все было должностное, такъ сказать, заказное, — здѣсь, наоборотъ, добровольное, непринужденное чествованіе. Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлить истинныя заслуги отъ мнимыхъ или, по крайности, взять во вниманіе и взвѣсить средства и дарованія двухъ дѣятелей, не увлекаясь громкостью роли перваго, — могшей почувствовать, какъ много требовалось истиннаго дарованія и умѣнья отъ покойника, чтобы возбудить къ себѣ такое повсемѣстное и единодушное сочувствіе на томъ низкомъ поприщѣ, каково поприще профессора. Прекрасно охарактеризовалъ въ краткихъ, но полновѣсныхъ словахъ умершаго М. Н. Катковъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ", извѣщая по долгу издателя о кончинѣ его. Лучше, благороднѣе и съ бо̀льшимъ сочувствіемъ и оцѣнкой нельзя сдѣлать, извѣщая о подобномъ событіи. Собираютъ подписку для содержанія на проценты съ нея въ продолженіе двухъ лѣтъ кандидата, желающаго получить магистерство по нашему факультету. Самый прочный и благородный памятникъ покойному! Безъ сомнѣнія, сборъ будетъ больше, чѣмъ сколько нужно.

Покойникъ былъ нашимъ факультетомъ избранъ весной въ деканы, но только разъ подписался деканомъ на повѣсткѣ къ засѣданію факультета 20 сентября по случаю испытанія кандидата юридическаго факультета N. на степень кандидата нашего факультета, который однако провалился у меня окончательно—окончательно потому, что раньше въ маѣ уже провалился. Нельзя было помочь горю, какъ ни просилъ онъ и другіе товарищи, тѣмъ болѣе, что испытывавшійся желалъ послѣ держать экзаменъ на ма-

гистра русской исторіи. „Хорошъ будетъ магистръ русской исторіи, который ничесоже не вѣсть въ славянскомъ мірѣ“, сказалъ я тогда всѣмъ. И однакоже, когда я прискакалъ съ Петровымъ къ мертвому, уже нашелся человѣкъ, что отведши меня въ другую комнату, сталъ упрашивать меня пропустить N., хоть изъ-за памяти къ покойному, который самъ собирался просить меня о томъ; но я отказался это сдѣлать, сказавъ, что на добро всегда готовъ, будетъ ли то на пиру или у гроба, что въ этомъ случаѣ не вижу ничего добраго: „мы уронимъ факультетъ и самый университетъ, допуская подобныя продѣлки“.

Октября 8. На другой день попечитель, призвавши въ одну изъ аудиторій декановъ, нѣсколько профессоровъ и студентовъ, сталъ выговаривать имъ за вѣнки (лавровые), которыми наканунѣ забросали Грановскаго при опущеніи въ могилу гроба его. „Это обычай рѣшительно языческій, противный нашей церкви. Какой-нибудь аѳинскій ареопагъ или римская академія могли то дѣлать, но намъ, христіанамъ, такія дѣла неприличны!“ Что прикажете дѣлать съ такими головами? А туда же еще съ ссылками на исторію! Жди тутъ толку и проку отъ нихъ для университета!

Октября 15. Вечеръ провелъ у С. П. Шипова; говорили, разумѣется, о настоящихъ событіяхъ, но и прежнихъ не забывали, когда приходилось сказать о нихъ кстати.

„Много я слышалъ о Павлѣ I“, сказалъ между прочимъ С. П. „Бывши у одного знакомаго, я встрѣтилъ какого-то старика генерала. Когда онъ уѣхалъ, хозяинъ сказалъ мнѣ, что этотъ послѣдній преблагороднѣйшій изъ генераловъ Павла Петровича, именно Путиловъ. Разъ присланъ былъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, которой онъ начальствовалъ, какой-то несчастный съ приказаніемъ пытать и бить нещадно, а буде же не сознается— убить.—„Представивши все это на видъ подсудимому, я“, говорилъ Путиловъ: „какъ ни старался подмѣтить не искренность въ его показаніяхъ, не могъ; напротивъ, все говорило, что сознанія его были искренни, а онъ невиненъ; поэтому я удовольствовался только однимъ страхомъ и, не достигши цѣли, остановилъ приказаніе засѣчь его и немедленно же рѣшился донести Государю обо всемъ. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ три часа послѣ отправленія своего донесенія прискакалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ пріостановить пытку, такъ какъ присланный для нея невиненъ“.

Октября 16. Воскресенье. Навѣстивши А. Ѳ. Вельтмана часа

въ 2 пополудни, засталъ у него брата его супруги, который разсказалъ о настоящей причинѣ очищенія нами Севастополя. „Товарищъ мой по флоту М. Н. теперь здѣсь и, видѣвшись со мной на дняхъ, говорилъ, что солдаты наши, утомленные безпрерывною стрѣльбой днемъ и ночью, 27 августа по обычаю отдыхали, а многіе даже спали, воспользовавшись тѣмъ, что стрѣльба на время стихла. Какъ вдругъ дано было знать, что французы движутся въ траншеяхъ. Извѣстіе послано тотчасъ же къ Сакену, а тотъ въ хлопотахъ забылъ извѣстить тутъ же кн. Горчакова, пока не прибылъ къ нему кн. Васильчиковъ, который, узнавши отъ него самого о томъ, тотчасъ же послалъ нарочнаго къ Горчакову, а самъ бросился на Малаховъ курганъ. Но было уже поздно: онъ былъ занятъ непріятелемъ, а наши войска отступали, успѣвъ только одинъ разъ выстрѣлить по немъ, когда онъ подходилъ къ укрѣпленію, но на второй и третьей оборонительной чертѣ французы встрѣтили отчаянное сопротивленіе. На вопросъ Горчакова: почему войска отступаютъ?“ Васильчиковъ отвѣчалъ, что они не знаютъ, кто ими начальствуетъ. Тутъ Сакенъ вызвался не только очистить курганъ отъ непріятеля, но и поставить его въ прежнее положеніе къ разсвѣту, если только поручено будетъ это дѣло ему; но Горчаковъ, обратившись къ начальнику штаба Коцебу, спросилъ его мнѣнія.—Коцебу сказалъ, что по его мысли нельзя долѣе защищаться и должно перейти на сѣверную сторону. Такимъ образомъ начальникъ штаба рѣшилъ судьбу Севастополя; тотчасъ же было послано приказаніе къ сборамъ. Да и чего было ждать отъ главнокомандующаго, который во время приступа безпрестанно твердилъ въ лихорадочномъ расположеніи окружавшимъ его: „Я бѣгу, непремѣнно бѣгу!“

24 Апрѣля. Вторникъ. А. М. Маркевичъ разсказываетъ, что когда онъ былъ зимой въ Петербургѣ, то въ то время играли трагедію *Дмитрій Донской* въ бенефисъ Орловой, бывшей въ Севастополѣ въ числѣ сестеръ милосердія. При стихѣ: „Лучше смерть, чѣмъ миръ позорный!“ публика неистово хлопала; многіе до того стучали, что при выходѣ были взяты подъ стражу; о нихъ доложено было Государю, какъ о людяхъ безпокойныхъ. Но Государь, напротивъ, похвалилъ ихъ чувства, сказавши, что тутъ не видитъ ничего предосудительнаго, и если принужденъ будетъ сверхъ чаянія вести долѣе войну, непремѣнно воззоветъ къ содѣйствію такихъ патріотовъ и обѣщаетъ ихъ послать впередъ всѣхъ на непріятеля.

Къ этому разговору присоединился ректоръ московской семинаріи архимандритъ Леонидъ (бывшій мичманъ) и сказалъ, что онъ слышалъ, какъ нынѣшній Государь, по докладу гр. Орлова, призвалъ одного изъ молодыхъ людей, взятыхъ за вольные разговоры полиціей. Государь спросилъ его, чѣмъ онъ и его товарищи занимались тамъ-то и тамъ-то. Тотъ отвѣчалъ, что разговаривали между прочимъ и о теперешнемъ состояніи вещей. „А не было-ль у васъ какихъ-либо особыхъ замысловъ противъ государства?"—„Государь",—отвѣтилъ тотъ,—„скрывать мнѣ не приходится, во первыхъ потому, что не слѣдуетъ лгать честному человѣку ни передъ кѣмъ, тѣмъ паче передъ своимъ Государемъ, а во вторыхъ, по простому благоразумію, ибо если бы я сказалъ неправду, то графъ сейчасъ же обличилъ бы меня."—„На, посмотри",—сказалъ Государь, подавая ему списокъ его товарищей: всѣ-ли тутъ записаны?"—„Кромѣ одного" В. В.—„Ну этого я знаю",—замѣтилъ Государь и, отпустивши допрашиваемаго, приказалъ позвать послѣдняго. Когда тотъ явился, Государь спросилъ его: „что побудило сдѣлать донесеніе на своихъ товарищей?"—„Обязанность гвардейскаго офицера и усердіе о благѣ отечества".—„Не правда",—возразилъ Государь: „обязанность гвардіи сражаться открытымъ оружіемъ противъ враговъ, а доносить—обязанность жандармовъ. Возьмите его къ себѣ, графъ; онъ будетъ у васъ прекрасный жандармъ, да ужъ никогда и не выпускайте изъ своего корпуса: жаль будетъ лишиться такого способнаго человѣка".

Возрожденіе Общества Любителей Россійской Словесности въ 1858 году.

(Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества 7 декабря 1886 года.)

Мм. гг.! Мое чтеніе будетъ посвящено любопытному явленію въ жизни нашего Общества—Любителей Россійской Словесности. Основалось оно въ 1811 году и 24 года дѣйствовало; затѣмъ другіе 24 года бездѣйствовало и въ 1858 году пробудилось. Этого пробужденія я былъ свидѣтелемъ и участникомъ и о немъ буду повѣствовать.

Теперешніе люди съ трудомъ и представятъ себѣ конецъ пятидесятыхъ годовъ. Намъ легче вообразить времена, слѣдовавшія за царствованіемъ Екатерины или Александра I; съ начальными же годами Александра II наше время не имѣетъ аналогіи. То было состояніе влюбленныхъ передъ свадьбою: апрѣль мѣсяцъ, когда снѣгъ еще на поляхъ, но уже бѣгутъ ручьи, солнце пригрѣваетъ, почки надулись, жаворонки поютъ, скворцы суетятся около гнѣздъ. Облегчилось на душѣ; ждалось чего-то еще неизвѣстнаго, но непремѣнно свѣтлаго; въ умахъ бодрость, силы оживились, старики помолодѣли.

Вотъ къ какому времени относится событіе, о которомъ я говорю. Оглядываюсь: какъ давно это было! Щедринъ тогда только-что дебютировалъ *Губернскими Очерками*, Тургеневъ извѣстенъ былъ лишь *Записками Охотника*, о Львѣ Толстомъ говорили, что это будущій большой талантъ, Достоевскій еще не отбылъ наказанія. Но что же было тогда особеннаго? Откуда такое праздничное настроеніе?—Совершался переломъ, зачинался новый историческій періодъ. Крѣпостное право стояло въ самой силѣ, здравствовали уѣздные суды съ магистратами, рекрутчина и откупа. Но, какъ выразился тогда Н. Ф. Павловъ по поводу прощенія дека-

бристовъ, слышалось, что „новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. Редакціонные комитеты и спеціальные отдѣлы толстыхъ журналовъ работали надъ крестьянскимъ вопросомъ; для обсужденія его явились даже два особыя изданія, исключительно имъ занимавшіяся. За исходомъ крестьянскаго виднѣлись въ туманѣ другіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ ждали тоже свободы или, какъ выражались тогда, избѣгая этого запретнаго слова,—ждали „улучшенія быта“,—узаконенное выраженіе, затасканное потомъ до комизма и безсмыслицы.

Печать по наружности оставалась въ прежнемъ положеніи: тотъ же Цензурный Уставъ висѣлъ надъ нею, да еще въ добавокъ къ нему тринадцать или больше спеціальныхъ цензуръ каждаго вѣдомства. Еще сидѣли на мѣстахъ старые цензоры, изъ нихъ одинъ вычеркивавшій „вольный духъ“ въ поваренныхъ книгахъ, и другой, тоже мой сослуживецъ, выходившій со двора не иначе, какъ въ сопровожденіи слуги и съ запискою въ карманѣ: „сей трупъ принадлежитъ статскому совѣтнику такому-то, жительствующему тамъ-то“. Цензурная обязанность и страхи, съ нею соединенные, развили до такой болѣзненности мнительность старика, что онъ боялся умереть на улицѣ, быть поднятымъ и отправленнымъ въ полицейскій домъ, а не то въ анатомическій театръ.

Однако въ цензурѣ явились и свѣжія силы; однако носилось слово Государя министру Норову: „избавь меня отъ цензоровъ глупыхъ, дай мнѣ цензоровъ разумныхъ“; однако товарищемъ министра былъ Вяземскій, самъ писатель и поэтъ, считавшійся въ Николаевское царствованіе представителемъ либеральнаго направленія.

Циркуляры по цензурному вѣдомству сыпались, правда, какъ дождь; молодымъ цензорамъ слали выговоры, угрозы отставкой, да и отставляли ихъ; еще не забытъ былъ арестъ Никитенки, посаженнаго за то, что въ повѣсти, при описаніи бала, допустилъ фразу: „танцовалъ и инженеръ съ выпущенными воротничками“. (Выпускать воротнички противно дисциплинѣ, и вымыселъ такого факта оскорбителенъ для вѣдомства). Но плотина была прорвана, и если перечитать то, что писалось въ періодъ 1857—1861 годовъ, то даже усомнишься, много ли шагнула къ нашему времени впередъ свобода слова противъ того времени и не попятилась ли она даже назадъ нѣсколько.

Жажда публичности въ обществѣ,—разумѣю, конечно, мыслящій классъ,—была чрезвычайная. Отъ тѣхъ временъ и пошло выраже-

ніе „благодѣтельная гласность“, истаскавшееся потомъ не менѣе „улучшенія быта“. Починъ „благодѣтельной гласности“ принадлежалъ, какъ извѣстно, еще *Морскому Сборнику*, въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія. Необходимость поворота уже тогда чувствовалась, и морское вѣдомство выступило застрѣльщикомъ, благодаря тому, что во главѣ его стоялъ сынъ Государя. Министерство, ему подчиненное, образовало лабораторію новыхъ государственныхъ силъ, гдѣ готовились будущіе министры: Головнинъ—просвѣщенія, Набоковъ—юстиціи, Рейтернъ—финансовъ, графъ Толстой—просвѣщенія, духовныхъ дѣлъ и потомъ внутреннихъ, князь Д. Оболенскій—государственныхъ имуществъ. Все это было тогда директорами и вицедиректорами морскаго министерства. Съ воцареніемъ новаго Государя гласность, по слѣдамъ *Морскаго Сборника*, уже завоевала право, хотя законъ ея не признавалъ. Все, вольно и невольно молчавшее, заговорило. Такъ было въ обѣихъ столицахъ; но въ Москвѣ, которая была общественнымъ центромъ, предоставляя Петербургу быть государственнымъ, жизнь била особеннымъ ключомъ. Въ этомъ горнилѣ, какъ вамъ извѣстно, выработались главные дѣятели и по крестьянской реформѣ, и послѣ—по судебной. Отсюда они вышли и здѣсь они надумались объ основаніяхъ. Два журнала въ Москвѣ выставили силы. За ними вслѣдъ являлись непрерывно, хотя и лопались, газеты одна за другою. Но этимъ не довольствовались; зародился здѣсь обычай спичей, о которомъ въ Петербургѣ не посмѣли бы и думать. И ради нихъ,—да, ради спичей единственно,—устраивались богатые обѣды съ сотнями кувертовъ. Робко о своемъ правѣ заявлялъ этотъ обычай тоже еще въ прошлое царствованіе, начавшись чествованіемъ севастопольскихъ защитниковъ. Но теперь слово просилось по каждому поводу, хоть и теперь если не робость, то застѣнчивость не покидала еще знаменитыхъ даже впослѣдствіи ораторовъ. Какъ вспомнишь тогдашнее, да сравнишь теперешнее, то даже смѣшно становится. На знаменитомъ обѣдѣ-монстрѣ, который данъ былъ Кокоревымъ чуть ли не на 500 человѣкъ, куда названы были всѣ, кто только имѣлъ притязаніе на интеллигентность, говорилъ между прочимъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Онъ читалъ свою рѣчь по рукописи, подобно другимъ. Я поразился и даже обидѣлся за него. Знавшіе Юрія Ѳедоровича засвидѣтельствуютъ, что въ дарѣ живаго слова онъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Это бывалъ потокъ, и притомъ искрящійся: рѣчь необыкновенно правильная, выдержанный логическій строй, и вмѣстѣ блескъ остроумія, пропитаннаго ироніей—все это было при немъ и

ранѣе Кокоревскаго обѣда, какъ и послѣ, на земскихъ и дружескихъ собраніяхъ. Я выразилъ ему удивленіе. „Хорошо вамъ дѣлать замѣчанія, когда вы привыкли импровизировать на каѳедрѣ!“— отвѣчалъ онъ. Въ наше время развязнаго краснорѣчія „прелюбодѣевъ слова“, какъ ихъ назвалъ ихъ же собратъ, не правда ли, даже съ трудомъ вѣрится, о чемъ я разсказываю?

Боюсь злоупотребить терпѣніемъ собранія, но не могу умолчать о другомъ спичѣ, котораго авторомъ былъ недавно скончавшійся Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Состоялись выборы предсѣдателя въ коммерческій судъ. Обѣдъ. Какъ же безъ спичей и какъ безъ гостей, интеллигентныхъ вообще, а не однихъ купцовъ и юристовъ? Приглашенъ и я. На этотъ разъ спичъ былъ импровизованный. Кетчеръ съ бокаломъ въ рукахъ вскочилъ на столъ (обѣдъ былъ въ Благородномъ Собраніи). Подробности рѣчи не помню. Ораторъ говорилъ, разумѣется, о новомъ времени и новомъ духѣ, о предвидимыхъ реформахъ, которыми обязанъ народъ Государю, и въ заключеніе воскликнулъ памятнымъ каждому, кто знавалъ Кетчера, зычнымъ голосомъ, достойнымъ командовать полками: „на колѣни!“ Послѣдовалъ народный гимнъ. Всѣ опустились кромѣ двоихъ. Я не послѣдовалъ общему примѣру по неожиданности приглашенія; думаю, по тому же побужденію—Д. А. Ровинскій, теперь сенаторъ, одинъ изъ творцовъ судебной реформы, тогда служившій еще губернскимъ прокуроромъ. П. М. Леонтьевъ (его на обѣдѣ не было) смѣясь выразился мнѣ по этому случаю не безъ остроумія: „какъ вышло на-изворотъ: въ вѣрноподданнической демонстраціи не приняли участія прокуроръ да цензоръ“.

А было въ Москвѣ когда-то Общество, обладавшее даже законнымъ правомъ публичной свободной рѣчи (право это предоставлено было ему уставомъ) — Общество Любителей Россійской Словесности.—„Общество Любителей Россійской Словесности... да, помнится, было когда-то, и публичныя засѣданія были. Да его нѣтъ, оно прекратилось“.—Нѣтъ, оно не прекратилось; почему же такъ думать?

Да, мм. гг., Общество наше, ко времени, о которомъ говорю, то есть, къ концу 50-хъ годовъ, и продолжало существовать, и его не было. Оно продолжало существовать, потому что не было закрыто, хотя перестало уже и значиться въ оффиціальныхъ актахъ университета, при которомъ состояло. Оно не собиралось; приходили сроки выборовъ,—ихъ не возобновляли. Его не было уже: его должностныя лица и на дѣлѣ, и по уставу, опредѣляющему имъ

извѣстный срокъ, кончили свою службу; печать, бумаги, библіотека были выморочнымъ имуществомъ, къ которому только не являлась полиція за описью, потому, конечно, что никто не находилъ интереса въ этой руинѣ.

Откуда произошла такая летаргія? Грѣхъ сказать, чтобы содѣйствовало внѣшнее давленіе. Никакихъ казусовъ не происходило, которые бы возбудили подозрѣніе, а тѣмъ болѣе гоненіе властей. Времена были крутыя, правда, и съ 1848 года просторъ умственной жизни все болѣе и болѣе стѣснялся; но Общество Словесности замерло гораздо ранѣе Февральской революціи, и послѣднимъ предсѣдателемъ его былъ графъ Строгановъ, считавшійся въ свое время либеральнѣйшимъ изъ попечителей и поощрявшій свободу умовъ.

Замерло Общество потому, что цѣль, которой оно служило, преданія, которыми жило, потеряли смыслъ. Основалось оно, когда въ литературѣ видѣлась лабораторія, назначенная къ выдѣлкѣ просвѣщеннаго языка,—языка, какъ орудія, прибавлю для ясности. Возьмемъ его первоначальный уставъ. Цѣль Общества опредѣлялась: „распространить свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи“. Задача, какъ видите, теоретическая и практическая; отъ практической требовалось, при оцѣнкѣ произведеній спрашивать не о томъ, что́, а главное о томъ, *какъ* написано. Такое формальное направленіе было не исключительною принадлежностью нашего Общества,—вся литература ему служила. Припомнимъ Шишкова и Карамзина, *Бесѣду* и *Арзамасъ*; припомнимъ, что даже при появленіи Пушкина журналы препирались о томъ, допустима ли такая вольность, какъ „топъ“ вмѣсто „топотъ“, не ошибка ли заглавія *Цыганы* вмѣсто *Цыгане*, и о подобныхъ вопросахъ. И этотъ колоссъ въ исторіи нашего просвѣщенія не служитъ ли самъ въ томъ уликою? Положивъ послѣдній камень въ строеніи литературнаго языка, онъ не оказался вполнѣ равнодушнымъ къ содержанію своихъ произведеній только потому, что былъ слишкомъ геніаленъ. Но безпечность его музы или даже безпринципность, какъ выражались иные, была, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, главнымъ образомъ данью времени, искавшему больше формы, нежели содержанія. Добавлю: въ томъ-то между прочимъ и сказалась вся мощь этого художника-титана, что, несмотря на предписываемую временемъ исключительную заботливость о формѣ, онъ явился такимъ

воплотителемъ эпохъ и лицъ, какимъ показалъ себя напримѣръ въ сценахъ изъ среднихъ вѣковъ, гдѣ въ небольшой рамкѣ представлена полная картина цѣлаго историческаго періода.

Но жизнь перешагнула дѣтскій періодъ. Строеніе языка кончилось, и отъ формы общественная мысль обратилась къ содержанію. На мѣсто изящества потребовалась отъ авторовъ художественность, не стиль, а идеи. Поднялись вопросы жизни, и общественныя дѣла перестали считаться принадлежностью однѣхъ дѣловыхъ бумагъ. Народилась литература, ученою назвать ее много, но—догматическая, въ формѣ критики и изслѣдованій, содѣйствовавшая сознанію не правилъ грамматическихъ и реторическихъ, а началъ политическихъ и соціальныхъ. Тѣмъ же одѣлся художественный вымыселъ. Явился Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ съ „Записками охотника". Уволены въ отставку Нарциссы, Аглаи, Хлои, даже и Людмилы съ Дмитріями Донскими, только прикидывавшіеся идеей, а въ сущности служившіе балластомъ, мякиной, чтобы только набить фигуру, во внѣшней отдѣлкѣ которой, какъ въ чучелѣ птицы или звѣря, полагалось главное достоинство. Итакъ, публика созрѣла и не могла не скучать, когда бы ей на засѣданіяхъ стали предлагать безсодержательные стишки съ щегольскою версификаціей (это послѣ Пушкина-то и Лермонтова) или красивыя описанія вымышленныхъ мѣстностей, послѣ Гоголя и Тургенева. А потомъ, смѣшно даже и представить себѣ, чтобы писатели новаго періода, предварительно печатанія, почли себѣ за честь подвергнуть себя суду московской публики чтеніемъ въ открытыхъ засѣданіяхъ. Умственную дѣятельность поглотили журналы со „всероссійскою" публикою; слишкомъ бѣднымъ должно было казаться поощреніе со стороны столь тѣснаго круга, какъ комитетъ при нашемъ Обществѣ, состоявшій притомъ изъ лицъ, голосъ которыхъ для молодыхъ талантовъ не представлялъ и авторитета.

Общество должно было умереть, и умерло естественною смертью, медленною, постепенною, такъ что нельзя даже указать грани, когда оно разсталось съ жизнью,—было ли то въ тридцатыхъ годахъ или въ сороковыхъ. Сначала публичныя засѣданія становились рѣже, за неимѣніемъ матеріаловъ для чтенія; о засѣданіяхъ 1833 и 1834 гг. даже неизвѣстно, въ чемъ они состояли, осталась память только, что они были. Потомъ выборъ должностныхъ лицъ прекратился за отсутствіемъ даже частныхъ собраній, и лишь въ адресъ-календаряхъ оставался ихъ слѣдъ, при чемъ показывались должностныя лица, уже отбывшія срокъ; календарь ограничивался

очевидно перепечаткой стараго изданія. Наконецъ, и перепечатки прекратились. Торная дорога превратилась въ тропинку; наконецъ и та затерялась.

За Обществомъ оставалась еще возможность трудиться по теоріи языка. Но эта сухая пища не по зубамъ большинства, и никогда она не предлагалась преимущественнымъ содержаніемъ публичныхъ засѣданій. Публикѣ требовался десертъ въ видѣ образцовыхъ сочиненій, а его-то не было.

Позволяю себѣ мимоходомъ сказать, что общество наше по теоріи языка потрудилось таки. Имена Каченовскаго, Калайдовича, Болдырева, Снегирева, И. Давыдова, Мерзлякова значились въ его трудахъ. Наконецъ, многимъ ли даже извѣстно, что знаменитое разсужденіе знаменитаго Востокова *О Славянскомъ языкѣ*, произведшее переворотъ въ наукѣ и послужившее исходною точкой для новаго направленія славянской лингвистики, въ первый разъ напечатано въ нашихъ *Трудахъ* *)?

Общество не съ охотой умерло; оно боролось съ агоніей. Тогдашніе старики сказывали мнѣ, что когда охладѣла публика, а потомъ и писатели, Общество стало набирать въ члены, чуть не зазывать, кого попало, лишь бы продлить дѣятельность и чѣмъ-нибудь наполнять публичныя засѣданія. Авторское самолюбіе этимъ подкупалось, но не соблазнялась публика. Наконецъ стали прибѣгать къ героическому средству: на засѣданія приглашался оркестръ, выписывали чтецовъ, отличавшихся декламаціей; не доставало, чтобы разносили мороженое и угощали шампанскимъ. Тщетно: публика не находила интереса. Съ другой стороны, серьёзнѣйшіе изъ членовъ, и молодыхъ и старыхъ, находили профанаціею Общества шумиху внѣшнихъ эффектовъ.

Но Общество, какъ я сказалъ, обладало важнымъ правомъ, и

---

*) Вотъ, по перечисленію Лонгинова, научные труды членовъ, помѣщенные въ первомъ собраніи изданій общества. Мерзлякова: *Разсужденіе о Россійской Словесности, разсужденіе о синонимахъ, Разборъ 8 оды Ломоносова, О вкусѣ и его измѣненіяхъ, О началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности, Разсужденіе о драмѣ вообще, Державинъ*, Его же во второмъ собраніи: *О вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, О характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ;* Калайдовича: *Синонимы; О Бѣлорусскомъ нарѣчіи, О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ, О времени перевода нашей Библіи.* Болдырева: *Разсужденіе о глаголахъ, Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ русскихъ глаголахъ, Нѣчто о сравнительной степени*; Каченовскаго: *О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ, Историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій;* Снегирева: *Опытъ разсужденія о русскихъ пословицахъ, О простонародныхъ изображеніяхъ*; Давыдова: *Опытъ о порядкѣ словъ*; Востокова *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ* напечатано въ первомъ собраніи трудовъ (1816—1822).

притомъ единственное въ Россіи: правомъ свободнаго слова, подчиненнаго лишь своей внутренней цензурѣ. Право это оставалось за нимъ, и оставалось именно потому самому, что Общество перестало жить фактически; иначе, нѣтъ сомнѣнія, контроль надъ своими публичными рѣчами у него былъ бы отнятъ въ періодъ усиленной общей цензуры, сокращенія слушателей въ университетахъ, изгнанія философіи изъ аудиторій и прочихъ подобныхъ мѣръ. Когда на общественномъ воздухѣ полегчало, о правѣ свободнаго слова, принадлежавшаго Обществу, именовавшемуся Обществомъ Любителей Словесности, вспомнили. Это было въ кабинетѣ С. Т. Аксакова. Мысль принадлежала Константину Аксакову, исполненіе Михаилу Николаевичу Лонгинову.

Личность Константина Сергѣевича Аксакова достаточно очерчена въ печати и собственными его сочиненіями и воспоминаніями о немъ современниковъ. Исторіею моего семилѣтняго знакомства съ извѣстнымъ славянофиломъ я не буду обременять собранія. Для цѣли настоящаго разсказа достаточно упомянуть, что К. Аксаковъ былъ энтузіастъ свободнаго слова; я сказалъ бы даже фанатикъ, еслибы съ фанатизмомъ не соединялось понятіе, наоборотъ, о противодѣйствіи свободѣ. Вѣра въ свободное слово и его разумную силу, убѣжденіе, что въ немъ одномъ кроется цѣленіе всѣхъ золъ и источникъ всякаго прогресса, истекали изъ воззрѣній Аксакова, философскихъ и политическихъ, своеобразныхъ, но строго послѣдовательныхъ. А онъ самъ былъ членъ нашего Общества, выбранный еще мальчикомъ (полагаю, въ члены-сотрудники), вѣроятно за какіе-нибудь стишки. Сергѣй же Тимоѳеевичъ, почетный членъ Общества, принадлежалъ къ числу немногихъ патріарховъ, сослуживцевъ и Мерзлякова, и Прокоповича-Антонскаго. Не разъ между авторомъ „Семейной хроники“ и сыномъ его заходила рѣчь, чтобы возобновить Общество; воспоминанія, въ которыхъ неистощимъ былъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, тѣмъ болѣе разжигали это желаніе. Разсуждали, что Общество при настоящихъ обстоятельствахъ могло бы, видоизмѣнивъ задачу, стать важнымъ органомъ общественнаго сознанія, пусть и ограничиваясь сферою литературы; но сама литература теперь такъ связана съ общественною жизнью, что даже въ своей легальной рамкѣ можетъ Общество, не безразборчиво составленное, послужить общественному воспитанію. Случалось и мнѣ участвовать въ этихъ обсужденіяхъ; я любилъ бесѣду съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и часто его навѣщалъ.

Съ принципомъ нечего было спорить, но вопросъ: какъ его

осуществить? Какъ поднять мертвеца изъ гроба? Объ основаніи новаго подобнаго общества нечего было и думать; въ уставѣ именно эта статья непремѣнно и была бы вычеркнута, ради которой воскрешеніе Общества признается необходимымъ. Средство одно: чтобы проснулось то самое Общество, которое есть, но завалилось гдѣ-то; чтобы оно само собралось въ томъ самомъ составѣ членовъ, который пока здравствуетъ. Но опять: какъ это исполнить? Члены Общества суть подлинные члены: никто ихъ не выключалъ, и они выбраны пожизненно. Они могутъ собраться легально; да кто же ихъ созоветъ? Нѣтъ ни предсѣдателя, ни временнаго предсѣдателя, ни секретаря, ни казначея. Точнѣе сказать: они есть пожалуй, но они отслужили срокъ, выбыли изъ своихъ полномочій. Не обратиться ли къ графу Строганову, послѣднему предсѣдателю? Это значило бы только надоумить администрацію на исправленіе оплошности, которую она допустила,—напомнить ей, что она должна постановить и объявить о давно состоявшемся прекращеніи Общества. Общество считается состоящимъ при университетѣ; слѣдовательно, нужно обдѣлать здѣсь, въ университетѣ, и притомъ тишкомъ. Попечителемъ теперь Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, прекраснѣйшій человѣкъ, благороднѣйшая душа, неформалистъ; онъ же очень хорошъ съ Хомяковымъ; слѣдовательно на него можно подѣйствовать. Можно ожидать косыхъ взглядовъ отъ Закревскаго и даже оффиціальнаго противодѣйствія, доносовъ. Противъ него выставить таранъ въ видѣ Лонгинова, который не только у него служитъ, но вхожъ къ нему, домашній человѣкъ. Таковъ былъ планъ заговора.

Въ статьѣ Лонгинова, напечатанной современно возобновленію Общества, сказано, что еще въ 1856 году, когда попечителемъ былъ Ковалевскій, состоялась просьба о разрѣшеніи членамъ Общества собраться и что даже послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства; подразумѣваю—министра. Но я сомнѣваюсь въ полной точности этого извѣстія. Кто же могъ подать просьбу? Вѣрнѣе были *переговоры*, конфиденціальная переписка, и въ *частномъ* письмѣ могъ министръ выразиться, что отъ него препятствій не послѣдуетъ. Но я помню, что при возрожденіи Общества возлагаема была главная надежда на благодушіе Алексѣя Николаевича Бахметева.

А кто такой былъ этотъ Лонгиновъ, которому поручалась исполнительная часть плана? По литературѣ онъ числился библіографомъ, по службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-

губернаторѣ; какъ сынъ статсъ-секретаря, онъ принадлежалъ къ большому свѣту и имѣлъ связи при Дворѣ. Если для Константина Аксакова догматъ свободнаго слова былъ основаніемъ убѣжденій, къ которому онъ относился почти религіозно; то у Логинова служеніе тому же принципу было фанфаронадою. Въ виду послѣдующей общественной дѣятельности покойнаго библіографа позволяю себѣ это выраженіе. Собраніе припомнитъ, что послѣ изданія временныхъ правилъ, опредѣлившихъ съ извѣстными ограниченіями свободу печати, стѣсненіе ея и урѣзываніе ея правъ началось со времени именно, когда Главное Управленіе по дѣламъ печати поступило въ руки Лонгинова: онъ былъ зачинщикъ репрессивнаго направленія. Онъ примѣнилъ къ книгамъ средневѣковое ауто-да-фе, придумалъ карательное запрещеніе розничной продажи; безцензурныя изданія обязалъ предварительною цензурою публикацій. Озлобленіемъ онъ дышалъ противъ печати во время управленія ею, видѣлъ въ ней какъ бы личнаго врага, исхищрялся въ средствахъ задавить то свободное слово, котораго выставлялъ себя нѣкогда самымъ ярымъ защитникомъ и самымъ рѣзкимъ порицателемъ цензурнаго учрежденія: „эти баши-бузуки печати"... такъ возглашалъ онъ въ какой-то статьѣ, разумѣя цензуру и смакуя это выраженіе, находя его художественно-точнымъ. Однимъ изъ предметовъ похвальбы его было, что нѣтъ запрещеннаго русскаго изданія, которое не стояло бы на полкахъ его шкапа. Герценъ былъ однимъ изъ божествъ его Олимпа; для изслѣдованій своихъ онъ выбиралъ преимущественно пикантныя событія, гдѣ являлись страдальцы за свободное слово, Радищевъ, Новиковъ. Не хочу хвалиться проницательностью, но и тогда я сомнѣвался если не въ искренности, то въ глубинѣ либерализма, которымъ направо и налѣво хвалился Лонгиновъ. Онъ былъ либералъ, пока дѣло его лично не касалось и ограничивалось словами. Съ 1860 г. въ тѣхъ же гостиныхъ, гдѣ онъ вопіялъ прежде противъ Держимордъ всякаго рода, онъ сталъ разливаться въ негодованіяхъ противъ пути, по которому направились редакціонные комитеты въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ: изъ-подъ краснаго демократа вышелъ плантаторъ. Когда его назначили Орловскимъ губернаторомъ, онъ поставилъ себѣ за правило противодѣйствовать крестьянскимъ и земскимъ учрежденіямъ во всемъ, во всемъ безъ изъятія, даже по вопросамъ безразличнымъ. На этомъ онъ душу отводилъ, и этимъ хвастался предъ знакомыми.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ необходимымъ человѣкомъ при во-

зобновленіи Общества и затѣмъ оказалъ себя не только дѣльнымъ секретаремъ, но и безъ преувеличенія—лучшимъ изъ всѣхъ, какіе были. Надѣюсь, что преемники его не погнѣваются на меня за эту похвалу; но его заботливость объ Обществѣ и энергія были безпримѣрны. Онъ искалъ, понуждалъ, торопилъ. Самый первоклассный режиссеръ театра могъ позавидовать въ рвеніи и искусствѣ, съ какимъ Лонгиновъ *ставилъ* засѣданія,—можно такъ выразиться. Сейчасъ вижу его на публичныхъ собраніяхъ. Онъ весь впивался въ чтеніе; можно сказать сопутствовалъ чтецу, читалъ, только молча, вмѣстѣ съ авторомъ. Въ ожиданіи счастливаго мѣста рѣчи приготовительная улыбка уже озаряла лицо; глаза расширялись и всѣ мускулы начинали ходить, когда ожидаемый эффектъ достигнутъ и публика рукоплескала. Этой горячности къ дѣлу и успѣху въ немъ помогало между прочимъ самое отсутствіе направленія въ Лонгиновѣ; вездѣ онъ былъ свой: состоялъ непремѣннымъ членомъ вральной комнаты въ Англійскомъ клубѣ, вхожъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, гдѣ и сотрудничалъ, постоянный гость на славянофильскихъ вечерахъ Аксакова, Хомякова, Елагиной, Кошелева. Но ему дорогъ былъ шумъ и блескъ, внѣшнее проявленіе свободы и сценическій эффектъ чтенія.

Въ статьѣ самого Лонгинова объяснено, какъ состоялось наконецъ первое собраніе возродившагося Общества. Скромность не позволила автору высказать, что весь подготовительный трудъ принадлежалъ ему. Онъ отрылъ и старыхъ членовъ, и мѣсто ихъ жительства; онъ успѣлъ удостовѣриться, что дѣла Общества сберег-лись у Шевырева, бывшаго послѣднимъ секретаремъ. Онъ написалъ повѣстки, приглашавшія на собраніе, переговорилъ съ университетскимъ начальствомъ о мѣстѣ засѣданія. Собралось всего шестеро: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Вельтманъ и Максимовичъ. Не лишены краснорѣчія слѣдующія строки бытописателя, на предварительномъ совѣщаніи уже предназначеннаго въ секретари: „Странное чувство испытали, вѣроятно, члены Общества, сойдясь послѣ двадцатичетырехлѣтняго прекращенія своихъ собраній. Четверть вѣка съ бурными своими событіями унесла память минувшаго; нравы, люди, интересы измѣнились: прошедшаго не осталось и тѣни... Мы не сомнѣваемся, что гг. члены встрѣтились въ этотъ день съ невольнымъ душевнымъ волненіемъ“.

Въ этомъ засѣданіи, 27 мая 1858 года, въ 7-мъ часу вечера, выбраны были во временные предсѣдатели Хомяковъ и во временные секретари Максимовичъ. Копія съ протокола, подписанная

старшимъ по времени членомъ Масловымъ, отправлена министру и послѣдовало утвержденіе, равнявшееся вторичному основанію Общества.

Собраніе 27 мая состоялось съ цѣлью только оформить бытіе Общества, заявить о его существованіи. Временный предсѣдатель и временный секретарь нужны были для того, чтобы слѣдующія повѣстки могли быть отправлены легальнымъ путемъ, а не апокрифическою рукою литератора, даже не принадлежащаго къ Обществу. На слѣдующемъ собраніи выбранъ былъ уже полный составъ должностныхъ лицъ и новые члены.

Я сказалъ: „на слѣдующемъ собраніи", но не увѣренъ; точный отвѣтъ должны дать архивы Общества. Помню твердо, что я вмѣстѣ съ другими былъ выбранъ въ члены Общества и въ члены приготовительнаго собранія. Заразъ это сдѣлано или порознь, память мнѣ не сохранила. Знаю только, что я, должно-быть, въ качествѣ уже члена участвовалъ въ избраніи должностныхъ лицъ, потому что какъ сейчасъ вижу Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, къ которому поспѣшилъ я тотчасъ послѣ засѣданія. Съ удивленіемъ, не безъ примѣси даже негодованія, онъ воскликнулъ: „что это, кого вы выбрали еще въ члены приготовительнаго комитета?"— „Павлова"—отвѣчалъ я спокойно.—„Это Видокъ!"—возразилъ онъ. Что означало это восклицаніе, и чѣмъ это Н. Ф. Павловъ стяжалъ себя репутацію Видока, и основательно ли, я не зналъ и послѣ не сталъ разбирать; но восклицаніе удивленія осталось у меня въ памяти.

Затѣмъ пошли своимъ чередомъ собранія, какъ и теперь, частныя и публичныя. Первымъ предсѣдателемъ былъ Хомяковъ, секретаремъ Лонгиновъ. На собраніяхъ, особенно публичныхъ, подобно мертвецамъ, возставшимъ изъ могилъ, появлялись старики, которыхъ имя изъ литературы уже исчезло, а то и такіе, при видѣ которыхъ поднимался вопросъ: „да что же они писали?" Меня, этотъ вопросъ занималъ, но изъ деликатности я не допытывался. Ученая дѣятельность Кубарева мнѣ была извѣстна; но старецъ Зиновьевъ, но Антонъ Францовичъ Томашевскій, самъ по себѣ милый человѣкъ впрочемъ, но Николай Васильевичъ Путята, чѣмъ они ознаменовали себя въ россійской словесности? А Николай Васильевичъ былъ даже выбранъ во временные предсѣдатели.

Въ перечисленіи собравшагося на первоначальное засѣданіе не значится ни Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, ни Константина Сергѣевича. Но первый, состоявшій почетнымъ членомъ Общества, по

болѣзни никуда не выѣзжалъ изъ дома. А вторый былъ bête noire для высшихъ сферъ, и выставлять его сразу на показъ найдено было неудобнымъ, несмотря на то, что онъ былъ душою возрожденія. Да и послѣ, по самомъ открытіи Общества, я что-то не помню его *чтецомъ*. Хотя читалъ онъ несомнѣнно, но добродушіе его не настаивало, даже не предлагало къ прочтенію нѣкоторыхъ стихотвореній его, остававшихся въ рукописи. Всѣ ли они попали даже въ полное изданіе его сочиненій? Помню слышанное мною отъ него стихотвореніе, оканчивавшееся словами:

Имъ ярки золотыя главы,
Имъ оглушителенъ твой звонъ.

Дѣло шло о Москвѣ и петербургскихъ правящихъ сферахъ. Старикъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, единственный свидѣтель, присутствовавшій при этомъ чтеніи, сказалъ мнѣ серьёзно: „Я посовѣтовалъ ему уничтожить рукопись, когда онъ прочелъ мнѣ эти стихи. Ну, да вѣдь пойдите,—прибавилъ онъ смѣясь:—онъ ихъ помнитъ наизустъ". И старикъ махнулъ рукой съ улыбкой, которая говорила: „неисправимый!" Попало ли это стихотвореніе въ собраніе сочиненій и записано ли оно?

Въ первыя времена по пробужденіи Общества, выборъ членовъ былъ очень строгъ, и задачу оно поняло свою въ той строгости, которая предначертана была предварительными тайными совѣщаніями, когда будущіе члены собирались своего рода заговорщиками. Я говорю о Хомяковѣ и Аксаковѣ. Общество Любителей Россійской Словесности должно стремиться къ тому, такова была мысль, чтобы образовать изъ себя въ Москвѣ общественную академію въ параллель Петербургской казенной. Предметъ ея—языкъ и словесность, но послѣдняя не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понималось пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Общество должно слѣдить за успѣхами литературы, служить для нея зеркаломъ, отчасти руководствомъ. Критическія обозрѣнія — безпристрастныя, стоящія выше партій—должны быть постояннымъ чтеніемъ на публичныхъ собраніяхъ. Языкъ и его исторія должны быть предметомъ тщательной разработки. И эта академія должна быть не scribens только, пишущая, но legens, читающая; рѣчи въ Обществѣ должны быть на половину и лекціями. Хомяковъ, при всей своей лѣни, послужилъ съ своей стороны добросовѣстно предначертанной задачѣ: онъ давалъ обзоры современной литературы. А Общество принялось за редакцію русскихъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ. Душой

этого дѣла былъ Константинъ Аксакокъ. Я былъ въ числѣ членовъ комитета, работавшаго надъ сокровищемъ, которое оставлено Кирѣевскимъ, и могу засвидѣтельствовать объ усердіи и внимательности работъ. Для самого Аксакова онѣ были священнодѣйствіемъ. Онъ возмущался даже, что при обсужденіяхъ—въ комитетѣ ли, въ собраніяхъ ли Общества—позволяютъ себѣ курить. Самъ онъ былъ изъ числа курящихъ; сигара не выходила у него изо рта. Но при обсужденіяхъ находилъ куреніе халатностью не только неумѣстною, но вредною для дѣла, разсѣивающею вниманіе. Долгія объ этомъ были пререканія, на которыхъ Аксаковъ уступалъ только одно—чай, но никакъ не папиросы или сигары.

Затѣмъ Общество на первыхъ же порахъ впрягло В. И. Даля за составленіе Словаря изъ собраннаго имъ матеріала, снабдивъ его на это чрезъ Кошелева средствами.

О строгости же выборовъ могутъ дать понятіе слѣдующіе три случая. Предложенъ былъ Григорій Ефимовичъ Щуровскій, и поставленъ былъ вопросъ: профессоръ геологіи, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ ученыхъ достоинствахъ, имѣетъ ли право быть членомъ Общества Словесности? Предоставляется ли ему это право тѣмъ однимъ, что его ученые труды напечатаны и представляютъ вкладъ въ литературу вообще? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ принципѣ отрицательно. Но въ собраніи было прочитано его описаніе альпійскихъ ледниковъ, свидѣтельствовавшее, что Григорій Ефимовичъ не только ученый изслѣдователь, но и художникъ слова, и онъ былъ выбранъ.

Графъ А. С. Уваровъ былъ предложенъ въ члены, и выборъ его отклоненъ: иное дѣло занятія археологіею, иное—заслуги по словесности.

Наконецъ забаллотированъ былъ Илья Васильевичъ Селивановъ, авторъ, стоявшій тогда на виду, но избравшій себѣ подъ заглавіемъ не помню какимъ, *Провинціальныя Воспоминанія Чудака*, спеціальностью обличительные очерки, — „ябеду, облеченную въ литературныя формы“,—какъ нѣкто выразился тогда на засѣданіи.

Хомяковъ вскорѣ умеръ. За нимъ послѣдовалъ Константинъ Аксаковъ. Общество разслабло, прежняя дружность исчезла. Руководители частью не обладали достаточнымъ авторитетомъ, частью не имѣли достаточнаго досуга, а можетъ-быть и любви. Но нельзя не признать высокими задачи, предносившіяся возстановителямъ Общества, и нельзя нашему Обществу не помянуть добромъ и Хомякова, и Константина Аксакова, и даже М. Н. Лонгинова.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ *).

I.

(*Апрѣль мѣсяцъ. Черкасскъ. Площадь. Вдали синѣетъ Донъ въ разливѣ. У берега лодки, плоты и нѣсколько строющихся барокъ.*)

Корнило Яковлевъ, Логинъ Семеновъ, войсковой подъячій, Васька Усъ, Сережка Кривой, Иванъ Черноярецъ, Казачій кругъ.

Сережка Кривой.

Давно ли ты съ Лютика-то?

Первый казакъ.

Вечорсь такъ на свѣту вернулись.

Сережка Кривой.

Что, хорошо идти полоями-те?

Первый казакъ.

Хорошо. Кое-гдѣ буровитъ, лодки грузны шли, а ничего, хорошо,—вода вольная.

Войсковой подъячій.

Читать что ли, Корнило Яковличъ? Читали вѣдь мы не одинова.

Корнило Яковлевъ.

Читай еще. Мало что читали.

Войсковой подъячій (*читаетъ*):

„Вѣдомо вамъ атаманы и казаки, что ни намъ казакамъ въ Азовъ, ни мимо Азова на море стругами, ни имъ Азовцамъ въ

*) Двѣ картины изъ неоконченной піесы „Стенька Разинъ“.

наши казачьи верхніе и нижніе городки безъ проѣзжихъ памятей не ходити.“

Первый казакъ.

Да вѣдь ужь это читано.

Корнило Яковлевъ.

Читано... А ты гдѣ вчера былъ съ Разиными-те?

Первый казакъ.

На Лютикѣ, подъ Азовомъ. Мы за дубасами ходили.

Корнило Яковлевъ.

Не ваше дѣло было ходить. Что въ грамотѣ-то вамъ писано? Читай дальше.

Войсковой подъячій.

„А у которыхъ казаковъ съ прежнихъ годовъ суда подъ Азовымъ затоплены для переду и мы, атаманы, тѣ суда, сославшись съ Азовцами, воротимъ“.

Корнило Яковлевъ.

Слышалъ?

Первый казакъ.

Слышалъ. Такъ не назадъ гнать паузки-то; вѣдь мы ихъ привели ужъ.

Васька Усъ.

Да какъ не ходить-то? Нонѣ народу на Дону не съ прежнее, съ Москвы и отвсюду ордами бѣжитъ голытьба. Чѣмъ ей кормиться, не ходи ты на промыслы?

Сережка Кривой.

Спроси это, съ голоду помирай. Хошь расходися всѣ съ рѣки.

Логинъ Семеновъ.

Съ голоду на Дону никто не помиралъ. Промышляй дома.

Сережка Кривой.

Много ты, сидя на печи, промыслишь!... Толкуете вы, атаманы, невѣдомо о чемъ.

Корнило Яковлевъ.

Какъ невѣдомо о чемъ? Такъ по-твоему миръ надо порушить?

Сережка Кривой.

Да какой миръ съ врагами креста Господня? Ты подумай-ко, какой съ ними миръ христіянину?

Голоса.

Съ собакой еще бы побрататься! Наладили—миръ съ погаными.

Первый казакъ.

У нихъ и души нѣтъ, у окаянныхъ,—одинъ паръ.

Корнило Яковлевъ.

Видно наважено, что наряжено. Ино, молодцы, какъ знаете, такъ и творите. Наше дѣло объявить. Объявлено вамъ?

Голоса.

Объявлено.

Первый казакъ.

Атаману нельзя, братцы. Объяви. Это порядокъ.

Сережка Кривой.

Стало-быть наказъ такой: подходи сзади.

Васька Усъ.

А прикалывай навѣрняка.

(*Всѣ смѣются.*)

Стенька, Фролъ Разины.

Стенька.

Богъ помочь, атаманы молодцы!

Голоса.

Здорово, Степанъ Тимоѳеичъ! Вотъ онъ. Гдѣ пропадалъ?

Стенька.

О чемъ въ кругу рѣчи: на печь, али съ печи?

Сережка Кривой.

На печь, братъ Степанъ Тимоѳеичъ. Бабьимъ ремесламъ насъ наваживать хотятъ.

Голоса.

Съ худыхъ харчей животы подвело. У атамановъ, братъ, не

подведетъ, небось. Толсты, Богъ бы съ ними. Голодать ли, нѣтъ ли—рядовому.

Стенька.

Ты присылалъ по меня, Корнило Яковличъ?

Корнило Яковлевъ.

Присылалъ. Для того присылалъ—хочу пожалобиться на тебя кругу. Ты атаманскій урядъ ни во что ставишь. Ради какихъ потребъ было тебѣ водить молодыхъ къ Азову? Для чего вы задорите безъ пути Азовцовъ? Изъ-за васъ, зачинщиковъ, всей рѣкѣ дурно чинится. Вотъ съ Москвы пріѣхалъ нонче приказный: опалою, гнѣвомъ Великаго Государя за вашу дурость всему войску грозитъ.

Стенька.

Грамота, что ли?

Сережка Кривой.

Нѣту грамоты. Съ отпиской изъ приказа.

Стенька.

А коли его Великаго Государя слова къ намъ нѣтъ, неча и слушать приказнаго.

Корнило Яковлевъ.

А другое, слухи есть, семь мурзъ сбираются въ казачьи и на государевы украинные городки.

Стенька.

Не замай сбираются.

Корнило Яковлевъ.

Какъ не замай сбираются? Изъ-за васъ вѣдь кровь польется христіанская.

Логинъ Семеновъ.

А отвѣтъ держи въ Москвѣ за нихъ мы, атаманы.

Стенька.

За тебя пазуха отвѣтитъ. Какъ же ты говоришь, будто изъ-за насъ кровь льется христіанская? Да полно, изъ-за насъ ли?

Корнило Яковлевъ.

Изъ-за кого же? Вы бродите да шарпаете около Азова. Безъ васъ, безъ вольницы, и не подумали бы къ намъ идти Азовцы.

Стенька.

Да что̀ бы вы тутъ дѣлали безъ насъ, безъ вольницы? Эта вольница давно бы добыла Азова, кабы вы, домовитые, Государю да казачеству, а не себѣ, радѣли. Азовъ-отъ былъ у васъ въ рукахъ не вдавнѣ,—вы не умѣли удержать, вы отдали его назадъ поганымъ. А кто въ Азовѣ въ осадѣ сидѣлъ?—Вольница. Кто бился до костей, до мозгу?—Вольница же. А вы, старшины, на печкѣ въ тѣ поры лежали, грѣлись; а послѣ и предали братью свою. Не вашимъ дѣдамъ, да отцамъ эта кровь—атаманы, не нашимъ.

Логинъ Семеновъ.

Эти были давно сплыли.

Стенька.

Стояли бы донынѣ эти были, кабы вы правду любили.

Иванъ Черноярецъ.

Еще какъ стояли бы!

Корнило Яковлевъ.

Молодъ бы ты, ровно, намъ указывать-то.

Старикъ.

Въ уймѣ не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха, а эти твои рѣчи не пригожи, Степанъ Тимоѳеичъ.

Стенька.

Не прогнѣвайтесь. Каковы вы до насъ, таковы и мы къ вамъ. Вы думаете, съ чѣмъ на Москву пошла отъ васъ станица? Съ чѣмъ вы послали Михайла-то Самарца?

Корнило Яковлевъ.

Съ челобитьемъ къ Великому Государю о кормахъ, о жалованьѣ станица пошла.

Стенька.

Толкуй, а мы слушальщики. Не учи плясать, батько,—я самъ скоморохъ.

Старикъ.

Съ чѣмъ же по-твоему пошла станица?

Стенька.

Съ наговорами, да съ ябедой, да съ поминками приказнымъ. Вотъ съ чѣмъ станица пошла.

Голоса.

А то съ чѣмъ же?—Знамо такъ. Окромѣ наговоровъ мы ничего не видимъ отъ стариковъ. Не отъ чего—отъ этого и рознь въ войскѣ.

Иванъ Черноярецъ.

Кабы о жалованьѣ били челомъ, давно бы жалованью на Дону быть. А на Валуйкѣ нѣтъ и слуховъ о запасахъ. Я нонче оттудова.

Дьякъ.

Здравствуйте, атаманы и казаки!

Голоса.

Здравствуй.

Корнило Яковлевъ.

Вотъ, честная станица, къ намъ съ Москвы съ отпискою изъ Казанскаго приказа дьякъ заѣхалъ. Ѣдетъ на Астрахань тожъ съ отпискою.

Голоса.

Милости просимъ!

Стенька.

И по рылу знать, что не простыхъ свиней.

Дьякъ.

Великій Государь Царь... *(всѣ снимаютъ шапки)* и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель отчичъ и дѣдичъ, велѣлъ васъ, атамановъ и казаковъ, спросити о здоровьѣ.

Старикъ.

Этою его Великаго Государя милостью мы много довольны и впредь на нее надежны.

Корнило Яковлевъ.

Все войско этому его слову зѣло радуется. Какъ его, Государя, Богъ милуетъ?

Дьякъ.

огъ хранитъ,—оставили его, Великаго Государя, здоровъ былъ.

Голоса.

Дай Богъ!

Корнило Яковлевъ.

Послали мы, о маслянной, станицу на Москву бить челомъ о

жалованьѣ. Вѣстей доселѣ не получаемъ, ни о хлѣбныхъ, ни о пушечныхъ запасахъ, ни о сукнахъ. Не наказано ли тебѣ чего объ этомъ?

Дьякъ.

Наказывали. Радѣнье ваше и служба Великому Государю забвенна не будетъ. Вышлется вамъ жалованье вскорѣ.

Голоса.

Добрѣ бы. Мы служить ради ему, Великому, всѣмъ сердцемъ. Не забывалъ бы онъ насъ. А то вотъ кормиться нечѣмъ, хоть разбрестись всѣмъ розно, буде не придутъ запасы въ скорости.

Дьякъ.

Вскорѣ вышлются запасы.

Стенька.

Это вскорѣ-то мы слышали.

Дьякъ.

Медлили за бездорожицей.

Стенька.

Еще что молвишь! Чать по первому пушку, прежде на Николу зимняго намъ жалованье привозили. Это не кѣмъ-нибудь приказными... За бездорожицей!

Корнило Яковлевъ.

Лучше бы тебѣ помолчать, Степанъ Тимоѳеичъ.

Стенька.

Пытались мы молчать-то,—хуже.

Голоса.

Впрямь насъ тутъ голодомъ морятъ приказные, а мы молчи. Вы сыты, вамъ тужить не о чемъ.

Дьякъ.

А кромѣ бездорожицы не высылали запасы и опасу для. Слухъ былъ у насъ на Москвѣ, что голутвенные, съ молодежью, не одинова къ Азову, на задоръ ходили, и азовскіе мурзы, въ отместку, подъ украинные государевы городки сбиралися. На Москвѣ боялись, не отбили бы въ степи запасы.

Корнило Яковлевъ.

Вотъ лучше ты на это отвѣть, чѣмъ лаяться. Для чего вы миръ нарушаете?

Стенька.

А для того, что этотъ миръ вы учинили особѣ, безъ круга.

Корнило Яковлевъ.

Мелешь. На кругу миръ установленъ.

Стенька.

Да на томъ,—на томъ на кругу уставлено? Кругъ выговаривалъ вольный проходъ мимо Азова на море.

Корнило Яковлевъ.

Коли Азовцы не сдавались?....

Стенька.

А пищали-то, да сабли у казачества на что? Сдались бы.

Голоса.

Еще какъ. Мы присмирѣли, вотъ они башки и подняли. Имъ дай, поганцамъ, волю, они двѣ возьмутъ.

Корнило Яковлевъ.

Завести вражду еще? Зачни мы кроволитье, гостей не жди на рѣку.

Стенька.

Вдвое бы больше гостя было. На Царицынѣ-то, али въ Астрахани тишь, да гладь; а они гостю солонѣй Азова. Вы знаете ли что чинятъ тамъ воеводы?

Логинъ Семеновъ.

Что?

Стенька.

Что?... Вотъ вы—атаманы, а не знаете. Отсидѣли, видно, уши-то.

Иванъ Черноярецъ.

Не однимъ гостямъ тамъ солоно. Съ казаковъ, кои за солью пріѣзжаютъ, воевода тоже беретъ пошлины.

Дьякъ.

Буде взято что̀ у казаковъ—розыщется.

Голоса.

Розыщете вы! Знаемъ мы ваши розыски....

Дьякъ.

На Валуйку я привезъ отписку изъ холопьяго приказа, атаманы: которые объявятся у васъ на Дону бѣглые кабальные люди и холопи съ Москвы и иныхъ мѣстъ, и вамъ бы тѣхъ бѣглецовъ имати и отдавать воеводѣ съ товарищемъ на Валуйку.

Стенька.

У казаковъ того не повелось, что бѣглыхъ людей отдавать.

Голоса.

Этого николи не бывало. Какъ рѣка взялась, искони къ намъ приходить никому не заказано.

Корнило Яковлевъ.

Это, не во гнѣвъ, у насъ здѣсь необычно.

Голоса.

Бояре отъ себя это выдумали. Сами бы они поголодали, какъ холопы голодаютъ у нихъ, сами бы на правежахъ постояли; стрекнули бы не то, что на Донъ, а на край свѣта. Семерыхъ въ одинъ кафтанъ сгоняютъ. Нѣтъ, бѣжитъ вѣдь не отъ радости. Еще бы!

Дьякъ.

Ну, а чѣмъ здѣсь, на Дону, кормиться будетъ, набѣжитъ народу?

Голоса.

У Бога милости много. Великій Государь слугъ своихъ прокормитъ, не покинетъ. Не опасайтеся.

Дьякъ.

Да и ослушниковъ жаловать тожъ на врядъ ли станетъ.

Логинъ Семеновъ.

Впрямь тутъ воровство чиниться учнетъ, а Великій Государь станетъ за то насъ жаловать?

Стенька.

Для ча же ты воруешь?

Логинъ Семеновъ.

Не съ больной ли головы да на здоровую?

Стенька.

А коли такъ, сказывай, кто своровалъ. Мы по бревну дворы разнесемъ у нихъ, у государевыхъ измѣнниковъ. Сказывай кругу.

Голоса.

Сказывай!... (*Молодые обступаютъ.*)

Логинъ Семеновъ.

Ты мнѣ не укащикъ.

Стенька.

Не я указываю, кругъ.

Голоса.

Сказывай! Безъ этого не выпустимъ изъ круга.

Корнило Яковлевъ.

Честная станица, атаманы, дайте слово молвить!

Голоса.

Послѣ молвишь. Сначала пускай воровъ намъ назоветъ, государевыхъ измѣнниковъ... Говори!

Логинъ Семеновъ.

Про измѣну я не говаривалъ. Я говорилъ, молодцы, про то что уряда нѣту въ войскѣ.

Голоса.

Врешь, и урядъ есть. Какого тебѣ еще уряда?

Стенька.

Дворъ вотъ разнести ему за эти рѣчи. Ну, атаманы, попадете ко мнѣ въ ступу, взвоете.

Корнило Яковлевъ.

Либо ты взвоешь. Я тебѣ послѣдній разъ говорю: я съ тобою раздѣлюсь по войсковому обычаю. Ты у меня позабудешь молодыхъ задорить, позабудешь затѣйныя слова говорить.

Стенька.

Руки коротеньки, батько. Ты господинъ, да и я не одинъ.

Старики.

Добудемъ, братъ, Степанъ Тимоѳеичъ, — и не эдакихъ добывали.

Молодые.

Ну, это старуха на двое сказала. Либо вы насъ добуде, либо мы васъ.

Корнило Яковлевъ.

Коли ты учалъ такую рѣчь, и я другую рѣчь съ тобой поведу Погоди.

Стенька.

Не за тотъ гужъ тянешь.

Голоса.

За одно съ приказными они, братцы, съ государевыми измѣнниками. Они не атаманы войску, а вороги.

Стенька.

Продадутъ васъ приказные. Они къ намъ съ грамотами что ли ѣздятъ? ѣздятъ лазутчиками. Допросимъ дьяка, братцы, отъ кого онъ пріѣхалъ—отъ Государя, али отъ бояръ.

Голоса.

Допросимъ-те. Допрашивай приказнаго!

Корнило Яковлевъ.

Нѣтъ, больше, видно, дѣлать нечего. Эсаулы, связать его!

Голоса.

Вязать!.. Сунься кто; попробуй повязать. Мы васъ всѣхъ перевяжемъ, лежебоковъ, чихирниковъ.

Стенька.

Не подступайсь! ожгу.

Старики.

А коли такъ, по сабли, братья. На коней! Нѣтъ, видно надо проучить ихъ, голытьбу, чтобы не повадно имъ было смуту чинить. По сабли!

Голоса.

Что за сабли? Кулаки ближе. Кто съ нами, съ голытьбой? Вались. Валися! *(Драка.)* Такъ ихъ!

(Логинъ Семеновъ, Корнило Яковлевъ и дьякъ уходятъ.)

Старики.

Не поддавайся на голытьбу!

Стенька.

Выдавай запасы, атаманы!

Старики.

Мы вамъ дадимъ запасы. Десятники, по сабли!

Стенька.

Плюнь на нихъ, братцы. На Волгу, на раздольную, коли такъ! Тамъ хлѣбъ будетъ.

Голоса.

На Волгу, на Царицынъ!

Сережка Кривой.

Нѣтъ, Волга—Волгой, а надо имъ бока помять.

Стенька.

Али дорогу перво расчистить? Дѣло! (*Драка увеличивается.*) Валися, коли такъ. Сначало! (*Засучиваетъ рукава.*)

Голоса.

Такъ ихъ, братцы!

Стенька.

Фролка, что же ты?

Фролъ.

Ну, васъ.

Стенька.

Али жены жаль? Вишь собака. Верстай дорогу! Расчищай, знай, во чисто поле! Заслышитъ про Пахома большая хорома!

II.

(Таборъ подъ Царицынымъ. Разсвѣтъ. Царицынъ вдали. Волга въ разливѣ. Шалаши. Телѣги. Направо атаманскій шатеръ бѣлый съ красными разводами и съ золотою маковицею. Подлѣ шалашей спятъ казаки.)

I.

Алешка каторжный (*входитъ со связкою дровъ*).

Вставайте. Будетъ дрыхнуть-то...

Первый кашеваръ.

Чего тебѣ?

Алешка каторжный.

Чего? Что бѣльмы выпучилъ? Свѣтаетъ. Атаманъ ужъ воротился въ Едисанъ. (*Кладетъ связку.*) Эка сторонка, лядъ бы ее взялъ: барабанной палки негдѣ вырѣзать; человѣка высѣчь нечѣмъ. Безногой Митька! Подымайтесь! Разводи огонь... Свѣтаетъ.

Митька.

Да гдѣ дрова-те?

Алешка каторжный.

У тещи на задворкѣ; проспалъ разумъ-отъ. Сыщи. Камышу напорите, нѣтъ ли де зимовалаго. Да шевелитесь.

Ѳедька Шелудякъ.

Эге, гдѣ ужъ солнышко-то! Впрямь, заспалися!

Дружинкинъ, Горожанинъ.

Дружинкинъ.

Здорово, атаманы молодцы! Ѳедоръ Тимоѳеичъ, поздорову-ль?

Ѳедька Шелудякъ.

Здравствуйте. Ну, что у васъ на городу?... Мы въ славномъ градѣ во Царицынѣ?

Дружинкинъ.

Впрямь, что во славномъ градѣ... Да что на городу?.. Мы къ вамъ. Мы со скотиною не знаемъ что и дѣлать; дѣло весеннее; сѣна хошь бы те клокъ у кого; водопоя тожъ нѣтъ. Повелите отворить ворота.

Ѳедька Шелудякъ.

Вотъ те на. Такъ развѣ это наше дѣло? Мы хотимъ вашъ городъ боемъ брать. Ино поговорите вы объ этомъ воеводѣ.

Горожанинъ.

Говорено...

Дружинкинъ.

Воеводѣ... Воевода вытолкалъ насъ въ шею изъ палаты-то, пришли мы съ этими было рѣчами. Заставьте за себя Бога молить. Скотина третьи сутки вотъ безъ корму. Ревъ несусвѣтимый подняли коровы въ городѣ. Не знаешь, чтò и дѣлать.

Ѳедька Шелудякъ.

Еще поговорите начальнымъ людямъ объ этомъ. А буде не отопрутъ, что тутъ? Сбивай замокъ съ воротъ, и дѣло съ концомъ.

Горожанинъ.

Мы и сами тоже думали, да вѣдь сбить-то... Мы вамъ не супротивны. Нешто мы отворимъ ворота, погонимъ стадо, а вы тѣмъ временемъ и...? Только ужъ не умедлите, атаманы молодцы. А опоздаете, намъ одна дорога—въ петлю.

Дружинкинъ.

Повѣсятъ это такъ, какъ пить дадутъ.

Ѳедька Шелудякъ.

Не опоздаемъ, не бойтеся. Вы въ толкъ возьмите: мы вѣдь вамъ не вороги; мы пришли васъ же свободить отъ государевыхъ измѣнниковъ. Читали грамоту, атаманъ на Царицынъ переслалъ?

Дружинкинъ.

Читали.

Ѳедька Шелудякъ.

Ну вотъ, намъ не вы нужны, а тѣ, кои потолще. Сдадите городъ волею, пальцемъ васъ никто не тронетъ. Ваши животы всѣ будутъ въ цѣлости. Стрѣльцовъ те много ли нонѣ въ Царицынѣ?

Дружинкинъ.

Стрѣльцовъ? Да сотни двѣ будетъ ли... Да что стрѣльцы!... Войдете въ городъ, всѣ будутъ съ вами.

Ѳедька Шелудякъ.

Пушки заклепали всѣ?

Дружинкинъ.

Всѣ, какъ есть, заклепали. Одну мартилку, грѣшнымъ дѣломъ, позабыли. Слышали, чай, давѣ пукнула?

Ѳедька Шелудякъ.

Слышали.

Дружинкинъ.

Ну вотъ. Въ углу стояла, окаянная,—намъ и невдомекъ; шли мимо самоё ее, проглядѣли.

Ѳедька Шелудякъ.

Пастуховъ-то у васъ много ли?

Горожанинъ.

Трое: пастухъ, да двое подпасковъ. Да вы не опасайтеся.

Ѳедька Шелудякъ.

Я не ради опасу васъ спрашиваю... Гдѣ вы пасетесь-то?

Горожанинъ.

На городищѣ, да по уймѣ пасемся, по островамъ.

(Казаки сходятся.)

Ѳедька Шелудякъ.

Коли такъ, я кругъ соберу. Эй, молодцы! Вотъ пришли съ Царицына; просятъ выпустить стадо изъ города для пастбища.

Голоса.

Какъ же такъ? Стало, это ворота отворятъ?

Алешка каторжный *(разводитъ огонь)*.

А ты думалъ — черезъ стѣну коровъ те высаживать учнутъ? Знамо дѣло, выгонятъ въ ворота.

Голоса.

Такъ что же? Это дѣло... ничего... Незамай выгоняютъ.

Горожанинъ.

Ужъ не оставьте, атаманы молодцы. Не обижайте насъ.

Ѳедька Шелудякъ.

Никто васъ не обидитъ. У насъ скота своего дѣвать некуда. Вотъ Степанъ Тимоѳеичъ пригналъ ясырь—головъ за триста, отъ татаръ изъ Едисанъ, съ Сарпы. Гоните, знай, не опасайтеся.

Горожанинъ.

Тамъ мы пойдемъ, перетолкуемъ со своими, васъ оповѣстимъ.

Ѳедька Шелудякъ.

Ладно.

Дружинкинъ.

Струги гдѣ сплавить на Волгу молодцамъ, мы указали.

Ѳедька Шелудякъ.

Спасибо. Мы велѣли перетаскивать.

Дружинкинъ.

Ну вотъ! Прощенья просимъ. *(Уходитъ.)*

Ѳедька Шелудякъ.

Прощайте. *(Уходитъ.)*

Голоса.

А вѣдь это лучше не нужно. Безъ бою Царицынъ засядемъ. Да на что ужъ лучше! Пора за умъ имъ взяться, толоконникамъ. Да какой бой, съ кѣмъ биться-то? Бойцы... Ну, нѣтъ, братъ! Воевода, баяли, Тургеневъ крутъ. Драться будто бы сбирается. А не замай... Сбирается зимою сѣно косить. Гдѣ атаманъ, не слыхали?— Да говорятъ на пристани. *(Выстрѣлы вдали.)* А вѣдь это на городу.

Алешка Каторжный.

На Волгѣ. Вишь, дымъ какой повалилъ по водѣ-то; струговъ за туманомъ что ли не видать. А жарятъ ловко.

(Казаки всматриваются вдаль).

Голоса.

Слышь и пушечки застукали. Знать бой. Гляди двѣ косныхъ съ луговой летятъ на веслахъ. Эхъ, ловко-жъ идутъ!

Первый казакъ, второй казакъ *(входятъ съ пищалями).*

Первый казакъ.

Помогай Богъ.

Алешка Каторжный.

Спасибо. Отколѣ вы?

Второй казакъ.

Съ луговой. Сторожевые.

Алешка Каторжный.

Съ кѣмъ бой идетъ? Съ стрѣльцами, что-ль?

Второй казакъ.

Нешто. Съ московскими приказами, кои плыли было на Царицынъ изъ Нижняго.

Голоса.

Дерутся еще?

Первый казакъ.

Перестали. Мы ихъ отрѣзали отъ города стругами. Споначалу они на морѣ; стали мы забѣгать, окружили и давай шарить. Они было вздумали на проломъ ѣхать, пошли, да атаманъ на Соколѣ, спасибо, подоспѣлъ на встрѣчу имъ и осадилъ. Головъ вяжутъ, — мы мимо ѣхали, такъ видѣли.

Алешка Каторжный.

Дѣло. А Шорина струги съ хлѣбомъ взяли же?

Второй казакъ.

Взяли еще ночью безъ выстрѣла. Василій Усъ какъ налетѣлъ: „сарынь на кичку!"—весь народъ подъ палубу. Прикащикъ выбѣжалъ было, кричитъ: „сюда, сюда!" Никто ни съ мѣста, лежатъ какъ мертвые. Прикащика схватили, повѣсили на шолгу, а гребцовъ съ собою повели.

Алешка Каторжный.

Ну, къ кашицѣ молодцы, къ кашицѣ, къ котелкамъ! Митька! кроши свѣжину. Да проворнѣе! Садитесь. Подкати боченокъ-отъ.. Подвеселить молодцовъ надобно. Живѣе!

(Усаживаются къ котламъ и вынимаютъ изъ-за пазухи ложки. Каторжный подноситъ вино.)

Первый ярыжка, второй ярыжка, бабы съ калачами, сбитеньщикъ, второй горожанинъ.

Первый казакъ.

Никакъ съ города народъ-отъ?

Алешка Каторжный.

Гляди. Ай тетка! Вотъ спасибо, калачиковъ принесла. Что на Царицынѣ?

Второй Горожанинъ.

Вошелъ атаманъ въ городъ и хорунки разставили на стѣнахъ-то, на долбалѣ.

Алешка Каторжный.

Какъ такъ? А воевода?

Второй Горожанинъ.

Бой идетъ съ воеводою. Засѣлъ въ башню съ племянникомъ.

Да врядъ долго насидятъ. Надо, скоро привезутъ сюда. Атаманъ съ городу хотѣлъ сюда прiѣхать.

Алешка Каторжный.

Вотъ такъ ловко! И гости не знали, какъ хозяина связали. Была не была. Митька, цѣди еще по чарочкѣ! Погрѣйтесь, молодцы, погрѣйтесь.

Сбитеньщикъ.

Гдѣ бы мнѣ тутъ, эсаулы, Тимоѳея Дементьева сыскать? Кумъ онъ мнѣ.

Первый казакъ.

Это какого Тимоѳея?

Сбитеньщикъ.

Съ Зимовейкой онъ у насъ въ Царицынѣ на огородахъ жилъ. Такой дураковатый словно, Палёнымъ прозываютъ.

Алешка Каторжный.

Палёный?—знаю. Вонъ ступай къ крайнимъ куренямъ, спроси у сторожевыхъ. Тамъ скажутъ. Да онъ, гляди, не на городу ли?

Сбитеньщикъ.

Нѣтъ, здѣся, мнѣ сказывали ваши молодцы, здѣсь слышь. Спасибо. *(Уходитъ.)*

Посадскiй.

Что, молодцы, нѣтъ ли у васъ лошадки? Недорогаго бы мнѣ маштачка продажнаго! Атаманъ, слышь, цѣлый косякъ лошадей пригналъ отъ татаръ съ Сарцы.

Первый казакъ.

Еще дувана не было. Вотъ раздуванятъ косякъ, приходите. Какъ не быть,—будутъ.

Посадскiй.

Приду. *(Уходитъ.)*

Первый ярыжка, второй ярыжка.

Первый ярыжка.

Знать не дождемся... Сбѣгать нешто на городъ?.. Слышь, молодецъ?

Второй казакъ.

Чаво вамъ?

Второй ярыжка.

До атамановъ мы было... Есть дѣльце.

Второй казакъ.

Атаманъ на Царицынѣ. Да что вамъ?

Первый ярыжка.

Да еще насады съ хлѣбомъ бѣгутъ съ верховья. Знаютъ ли атаманы? А то вотъ нѣмцы на судахъ идутъ на Астрахань. Знаютъ ли? По водѣ плыветъ, стало, Богъ даетъ.

Первый казакъ.

Не знаю; ступайте, ино, на Царицынъ.

Первый ярыжка.

Пойдемъ и впрямь; а то безъ насъ провѣдаютъ. Эка, не застали здѣся! Кое мѣсто у тебя лодка-то? *(Уходятъ)*.

Кашеваръ.

А вотъ и наши. Съ города, что ли?

Третій казакъ *(выходитъ съ винтовкой)*.

Нешто. Взяли воеводу и головъ стрѣлецкихъ. Атаманъ идетъ сюда въ трехъ лодкахъ. Гдѣ барабанщики? Сборъ велѣно ударить.

Голоса.

Вона они! Пристали къ берегу. Гляди, воеводу ведутъ.

Стенька Разинъ, Иванъ Черноярецъ, Воевода Тургеневъ, Иванъ Лопатинъ. *(связанные)*. Казаки *(съ знаменами)*, дьякъ Анкудиновъ, стрѣльцы, литаврщики. Трое казаковъ *(несутъ въ охабкахъ бумаги и столбцы)*. Народъ.

Стенька.

Собирай кругъ! *(Литавры)* Фу, ты жара какая! Это что?

Дьякъ Анкудиновъ.

Списки.

Стенька.

Списки съ отписки... Жги!

Дьякъ Анкудиновъ.

Впрямь сжечь повелишь?

Стенька.

А ты думалъ, я солить ихъ стану? Кабалы, небось, да ябеды?

Алешка Каторжный.

Подъ котлы намъ, кашеварамъ. Важно! Замѣсто хворосту. Вали ихъ сюда вотъ, молодцы, въ кучку.

Голоса.

На этомъ дай Богъ тебѣ здоровья, Степанъ Тимоѳеичъ!

Алешка Каторжный.

Это доброе дѣло на вѣкъ, міряне. Жили дѣды, и безъ грамоты да лучше нашего. Бумаги клочекъ вѣдь въ судъ волочетъ.

Дьякъ Анкудиновъ.

Бумага терпитъ, перо пишетъ.

Стенька.

Колодниковъ выпустили?

Голоса *(въ толпѣ.)*

Выпустили Дай Богъ тебѣ здоровья, отецъ нашъ! Выпустили.

Стенька.

Знамена на струги снесите. Всѣ ли въ сборѣ?

Голоса.

Всѣ опричь тѣхъ, кои на городу.

Стенька.

Горожане, кому доправы нѣтъ ли съ воеводы? Сказывайте.

Голоса.

Сказывайте, братцы. Надо бы міру доправить съ него. Крутъ былъ больно.

Стенька.

За крутость и безъ васъ съ него доправится. Казакамъ тожъ онъ былъ солонъ. Вы доправляйте, чтò у кого взято.

Голоса.

У кого, братцы, взято, сказывайте. Сила Терентьичъ, ты давѣ гямилъ. Ступай въ кругъ, сказывай. Чего боишься?

Сила Терентьевъ (*выходитъ напередъ и снимаетъ шапку*).

У меня взято рухляди на воеводу рублевъ на десять, киндякъ лазоревый, по мѣрѣ шти аршинъ, пара соболишекъ, да...

Голоса.

Ну, вотъ расхвастался. Гдѣ тутъ перебирать? На десять рублевъ и шабашъ.

Воевода.

У него взята воровская рухлядь.

Голоса.

Это не дознано. Его подъячіе обликовали. Міръ не дознался, воровская ли. Мы на міру это дѣло обыскивали.

Воевода.

Воровская, коли я говорю. Знать я не хочу вашего міра, безтолочи. Я ворамъ не потатчикъ.

Стенька.

Кто же потатчикъ, по-твоему?

Воевода.

Да первый ты потатчикъ.

Стенька.

Ну, думалъ я тебя помиловать, да, видно, не помилую.

Голоса.

Въ воду его, въ Ершову слободу! Опять учнетъ въ тюрьму сажать да морить на дыбѣ, выпустите.

Воевода Тургеневъ.

Всѣхъ перевѣшаю зачинщиковъ, первое, что учну, отпу́стите.

Стенька (*толкаетъ его въ грудь*).

Молчи.

Воевода Тургеневъ.

Не замолчу. Ты сынъ діавола, антихристъ! Быть тебѣ на плахѣ, помяни мое слово.

Стенька.

Буду ли, нѣтъ ли, а вамъ посверчу головы; васъ всѣхъ пересажаю въ воду.

Воевода Тургеневъ.

Удалося сидню съ печки упасть. Богатырь! Не досужествомъ своимъ,—измѣной взялъ ты городъ.

Стенька.

А ты досужествомъ вѣшаешь да голодомъ моришь?

Воевода Тургеневъ.

Я вѣшалъ и пыталъ разбойниковъ да татей такихъ же, какъ и ты.

Стенька.

А на Москвѣ какое ваше досужество? Кто патріарха-то съ царемъ поссорилъ? Прахъ съ ногъ отрясъ у воротъ у вашихъ. Сбудется его слово: метлой васъ разметутъ всѣхъ по лицу земли. Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу выдетъ.

Голоса.

Правда, батюшка Степанъ Тимоѳеичъ, правда! Въ воду ихъ! Дошли до Бога наши слезы... Веди, проси прощенья.

Воевода Тургеневъ.

Прощенья? Проклясть васъ всѣхъ предателей. Счастье ваше, не подоспѣли ко мнѣ съ Москвы приказы во-время, я бы вамъ далъ прощенье! Живыхъ пересажалъ бы душегубовъ васъ всѣхъ на колья...

Голоса.

А коли такъ, веди... Отъѣлись кабаны. Ведите, братцы! Нечего съ ними больше толковать. Топить ихъ! Въ воду! Бери и голову Лопатина. Веди! *(Ведутъ воеводу и голову Лопатина.)*

Стенька.

Взята ли казна и рухлядь воеводская?

Иванъ Черноярецъ.

Взято все; со сторожами я послалъ на твой стругъ.

Стенька.

Ладно. Да не расходитесь, молодцы.

Голоса.

Не расходитесь всѣ-то. Въ кругъ! Безъ васъ утопятъ. Погля-

дѣть?—есть чего глядѣть. Не послѣдняго, наглядитеся. Къ хорункѣ, молодцы. Атаманъ рѣчь держать хочетъ.

Стенька.

Вотъ что, атаманы молодцы, честная станица. Вылетѣли мы съ гнѣзда на волю не для поживы одной. Всѣ ли знаютъ, для чего мы вылетѣли? А другое и совѣтъ дѣлу не порча, пословица. То жъ померекать надобно собща, какъ намъ орудовать. Сами вы вѣдаете, отъ кого у насъ все лихо. Лихо все отъ воеводъ да отъ подъячихъ у насъ. Они царю застятъ, народъ напастятъ. Кабы не они, не было бы пошлинъ, да правежей; тѣсноты казачеству не было бы. А вотъ и перепись, баютъ, не нонче, завтра на Дону и всюду будетъ; слухъ есть, и не бездѣльный, что казаковъ въ рейтары, въ солдатскій строй верстати учнутъ. Годъ отъ году, день ото дня тѣсноты больше. Спроси-ка стариковъ, какъ прежде на Дону жили, да погляди, какъ нонѣ живутъ; казачьи старинныя права и вольности, то и дѣло, рушатся, жалованье царское въ боярское рѣшето сѣется. Какая ваша мысль? А моя дума постоять за правду, послужить царю и землѣ, сколько силы хватитъ.

Голоса.

И мы не для одной добычи вышли. Не на золото, впрямь, женъ да дѣтей промѣняли. Наша мысль такая же, какъ и твоя, Степанъ Тимоѳеичъ.

Стенька.

А буде ваша мысль такая же—и дѣло съ концомъ. Одно только помните: грозцы грозись, а мы другъ зá друга держись. За великаго государя, не воеводы, мы искони стояльщики. А нонѣ чѣмъ ему мы не стѣна, чѣмъ не ограда?

Голоса.

Да повели онъ только, куда хошь пойдемъ. Головами за него ляжемъ.

Старикъ.

Намъ это не новина. Наше казацкое поле изъ старины булатнымъ копьемъ пахано, конскимъ хвостомъ боронено, головами засѣвано.

Стенька.

А что до вѣстей, братья,—вѣсти добрыя отвсюду. И на Яикѣ, слышно, и на Запорогахъ крылья расправляютъ орлы; давнымъ-

давно возрились въ степь; ждутъ, не дождутся удалаго посвиста. Дай-ко имъ всѣмъ слетѣться! Головней покатимъ города по Волгѣ; во весь подъемъ стругами и коньми на Нижній, оттолѣ, рукой подать, и въ бѣлокаменную, расправу чинить, государю служить.

Запорожецъ.

Отъ ее заспива, такъ заспива! Экъ лыхо, що не слышатъ тый заспивы у Запорогахъ!

Стенька.

Заслышатъ, братъ,—дай срокъ. Сосна шумитъ, боръ слышитъ.

Голоса.

Былъ бы запѣвало, подголосковъ найдемъ. Да вотъ что, Степанъ Тимоѳеичъ, одно тебѣ слово: ты намъ глазомъ кинь, а мы туда головы понесемъ. Это не онъ, братцы, это душа казацкая заговорила! На томъ на атаманскомъ словѣ всему кругу стоять. На атаманскомъ словѣ стойте, братцы, съ тѣмъ словомъ и на Запороги, съ тѣмъ на Яикѣ и къ Гребенскимъ посылать. Вотъ, молъ, товарищи, вотъ наша душа!

Иванъ Черноярецъ *(снимаетъ шапку)*.

Неспорно, атаманы молодцы, атаманское слово, не спорно, истинное. Одно я, не во гнѣвъ, честная станица, скажу: хлѣба у насъ есть въ войскѣ въ волю покудова, а что до оружья, до пушечныхъ запасовъ, до одежи—этого въ войскѣ мало. Окромѣ казаковъ, пойдутъ съ нами тожъ прибылые, а прибылые, сами вѣдаете, безоружны и безконны, да и голы. Поначалу объ одежѣ, о порохѣ, да о свинцѣ надо бы намъ подумать.

Голоса.

Послѣ ужина похлебка твоя рѣчь, Иванъ Дементьичъ. Что до запасу, промыслимъ, чать, на городахъ и запасы, и все.

Стенька.

Нѣтъ, эсаулъ дѣло молвилъ,—на городахъ плохіе промыслы. Что дѣло, то дѣло. На городахъ сидятъ по сотнѣ, по двѣ стрѣльцовъ, не болѣе. А изъ тѣхъ стрѣльцовъ съ нами жъ пойдутъ многіе,—не безоружнымъ же, не нагимъ итти имъ.

Голоса.

Это дѣло!

Запорожецъ.

Та добудема же, що до потребы. Эхъ!

Голоса.

Добудемъ. И по нашему бы такъ.

Алешка Каторжный.

Мало что! Съ чѣмъ ты, и впрямь съ бабьимъ коромысломъ, что ли, пойдешь?

Стенька.

Вотъ ино что, соколы! На верховье успѣемъ.

Старикъ.

Изготовится Москва, станетъ города крѣпить, народу подсылать, заслышитъ; не застали бы въ расплохъ.

Стенька.

Эка бѣда! И мы изготовимся. Съ Яика, съ Запорожья подойдутъ. И съ Дону еще многіе сбираются. Нѣтъ, на верховье рано, внизъ споначалу спустимся. Мимо Астрахани пролетимъ, не станутъ драться воеводы,—маломочны. А съ Астрахани на Яикъ, тамъ ради будутъ. Вѣдь насъ безъ малаго двѣ тысячи, да яицкіе пристанутъ. Съ Яика на море, тамъ недалеко, въ три гребка дойдемъ,—въ Дербентъ да въ Баку: есть чѣмъ поживиться. Да вотъ постойте. Есть, что ли, кто съ Яицкаго?

Молодой козакъ.

Ести. Я съ Яика, меня нарочито послали васъ провѣдать. Зовутъ тебя, какъ можно, на Яикъ. У насъ привольно. Золотое дно Яйкушка, одно слово. Съ Яйка, куды хошь, дорога: въ степь ли тебѣ, на море ли—всюду вольный проходъ. А молодые на Яикѣ то и думаютъ—съ тобою поголовно. Мы гулять водой ли, степью ли охочи.

Стенька.

Спасибо. Загуляемъ и къ вамъ. Такъ вотъ, молодцы, думайте.

Голоса.

Пройдемъ мы мимо Астрахани? Нешто Актубой?

Алешка Каторжный.

Ну, вотъ, понесъ. Курицѣ по холку твоя Актуба-то. Пролѣзешь ты Актубой со стругами!

Голоса.

Мимо Астрахани пройдемъ: тамъ малолюдно. Нечего и думать болѣ, молодцы. На низовье! Да пошто бы на низовье?

Алешка Каторжный.

Тебѣ говорили, пошто. Не слыхалъ,—знать проспалъ.

Голоса.

А какъ съ Царицынымъ?

Стенька.

Здѣсь треть оставимъ.

Голоса.

Коли такъ, конайтесь по сотнямъ, молодцы: кому здѣсь оставаться? Когда побѣжимъ?

Стенька.

Нонче ночью пойдемъ. Косякъ гоните за Царицынъ берегомъ, тамъ раздуванимъ.

Голоса.

Тремъ первымъ сотнямъ оставаться на Царицынѣ. Сконались.

Алешка Каторжный.

И Петръ Ильинъ, стало быть, сдѣся? Дѣло. Задастъ же онъ звону Царицынцамъ! Онъ, братцы, гдѣ побываетъ, семь лѣтъ рыба не ловится.

Стенька.

Такъ, кои съ нами, ко стругамъ! Къ вечеру побѣжимъ,—ждать нечего. Иванъ Дементьичъ, на струги!

Иванъ Черноярецъ.

Ладно. Послѣ вечеромъ выбѣжимъ.

Дружинкинъ.

А теперь хлѣба-соли нашего просимъ милости отвѣдать.

Стенька.

Спасибо. Ваши гости. *(Садится.)*

Дружинкинъ.

Какъ безъ этого? Ужъ только не взыщите.

Первый горожанинъ.

Мы такъ какъ много довольны вами, мы вотъ какъ къ вамъ... всѣмъ сердцемъ. Просимъ милости.

Стенька.

Что у васъ тамъ спятъ на Запорожьѣ?

Запорожецъ.

Бисъ ихъ знае. Усе кошевые мутятъ.

Стенька.

Пора бы вашимъ кошевымъ подъ заступъ, какъ и нашимъ же. Ты молодецъ съ какой станицы?

Второй козакъ.

Богъ хранитъ.

Стенька.

Около насъ, Богъ дастъ, научится. Еще кто Зимовѣйскихъ?

Второй козакъ.

Да я съ братомъ, да Петръ Шелудякъ, Зазноба, Дольный.

Стенька.

Который Зазноба? Ихъ, вѣдь, четверо?

Второй козакъ.

Четверо. Василій сдѣся. Никита хотѣлъ тоже итти, да лошадь у него захромала. Не подойдетъ ли съ Сергѣемъ Гаврилычемъ.

Дружинкинъ.

Коимъ здѣся мѣста нѣтъ, молодцы, въ городъ милости просимъ. Тамъ тоже хлѣбъ-соль приготовлено.

Голоса.

Благодаримъ. Ваши гости.

Стенька.

Только, молодцы, не само вались на хлѣбное-то—какъ бы людей не растерять.

Голоса.

Не растеряемъ, пьяныхъ въ воду.

Алешка Каторжный.

Въ котелъ къ намъ! Въ кашицу!

Второй козакъ.

Наваръ-отъ хмѣльный будетъ.

Алешка Каторжный.

То и хорошо: вино подешевѣетъ.

Посадскій, баба, первый ярыжка.

Посадскій.

Я къ твоей милости.

Стенька.

Что тебѣ?

Баба (*кланяется въ ноги*).

Заставь за себя вѣчно Бога молить.

Стенька.

Баба, молчи! Что тебѣ?

Посадскій.

Да вотъ клѣть у меня взломалъ вотъ этотъ паренекъ съ товарищемъ. Накрыли его совсѣмъ, а запирается. Вытащили шубу; да кабы моя,—Богъ бы съ ней, а то чужая. Просилъ меня поберечь Астараханецъ пришлый; онъ самъ-отъ на Нижній пошелъ и просилъ: „побереги“, говоритъ.

Стенька.

Молодецъ! Люблю за это. Не давай никому спуску. Какъ же это вы затесались? Разскажи. Смерть я люблю про это слушать.

Первый ярыжка.

Что взялъ? А такъ и затесались, коли на то пошло. Ночью съ товарищемъ; видимъ: плоха у него дверца то въ клѣти. А мы у него пили наканунѣ. Что жъ, думаемъ, и по клѣтямъ уловъ. Гайда! Давай, молъ, заберемся, ну....

Стенька.

Десятникъ! вздуйте его хорошенько батогами. Шуба чтобы была! Вдругорядь проворуется, повѣшу.

Өедька Шелудякъ.

Знать, струги побѣжали. *(Показываются струги.)*

Стенька.

Стало, и намъ время на сине море.

Голоса.

На Хвалынское. Вотъ они! Го-о-о!... *(Машутъ шапками.)* Вонъ они потянулись, что тѣ лебеди! Въ часъ добрый! Гляди, эсаульные, знать, полетѣли передомъ.

Стенька.

За хлѣбъ, за соль.

Дружинкинъ.

Не на чемъ.

Второй козакъ.

Все бы глядѣлъ. Все бы я ту пѣсню слушалъ!

Стенька.

Снимайсь! Караванъ пошелъ ли?

Голоса.

Пошелъ, атаманъ. И караванъ пошелъ за стругами.

Стенька.

Кто на Царицынѣ, держи ухо востро. Гляди, Василій Тимоөеичъ, на городъ. Ты, Өедоръ, съ молодыми берегомъ держи,—смотри, молодость: не гарцовали бы, скажи имъ, берегли бы коней. Ну, за хлѣбъ, за соль.

Дружинкинъ.

На дорожку-то. *(Подноситъ.)*

Стенька.

Аль посошокъ? Съ отваломъ, эсаулы! *(Пьетъ.)* Лодку!

БАЙМАГАНЪ.

Киргизская сказка.

I.

Хороша Киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось надъ ней бездоннымъ куполомъ, хороши звѣздныя степныя ночи, но лучше всего новый кошъ *) стараго Хайбибулы, въ которомъ онъ живетъ вмѣстѣ съ своей старухой Ужипой и молоденькой дочкой Гольдзейнъ. Такъ думаетъ молодой Баймаганъ, работникъ Хайбибулы, думаетъ и поетъ:

Въ небѣ звѣзды
И въ кошѣ Хайбибулы звѣзды...
Тамъ и ночью свѣтитъ солнце!
А въ головѣ Баймагана
Мысли, какъ птицы.

— У меня много-много мыслей, и всѣ онѣ, какъ степной ковыль, гнутся въ одну сторону,—говорилъ Баймаганъ, когда они вмѣстѣ съ другимъ работникомъ Урмугузомъ пасли косякъ кобылицъ.—У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается, какъ сыръ въ маслѣ, а я ничего не возьму за свои мысли, Урмугузъ.

— Дуракъ ты, Баймаганъ...—лѣниво отвѣчаетъ Урмугузъ, покачиваясь въ высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ.—Какія мысли могутъ быть у такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ тобой?... Ты глупъ, Баймаганъ, а Хайбибула уменъ... У Хайбибулы двѣсти лошадей ходитъ въ степи, у Хайбибулы пять лучшихъ иноходцевъ, у Хайбибулы новый кошъ, цѣлый сундукъ съ деньгами и красавица дочь. У бѣдныхъ людей должна быть одна мысль...

Обидно Баймагану слушать такія слова своего пріятеля, кото

---

*) Кошъ—круглая киргизская палатка изъ кошемъ.

рый никогда и ни о чемъ не думаетъ, точно киргизскій баранъ. Да, Баймаганъ бѣднякъ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и слышать то, чего не видитъ одинъ Урмугузъ.

У Баймагана каждый разъ дрогнетъ сердце, какъ подстрѣленная птица, когда онъ вечеромъ съ косякомъ кобылицъ возвращается къ кошамъ. Издали эти коши точно потерянныя въ степи шапки, одна большая и двѣ маленькихъ. Изъ большой въ холодныя ночи весело поднимается синій дымокъ — это старая Ужипа, вѣчно, что-нибудь стряпаетъ, чтобы угодить мужу. Вотъ около этого огонька въ кошѣ старой лисицы Хайбибулы и бьется молодое сердце бѣдняка Баймагана, потому что вмѣстѣ съ дымомъ по вечерамъ изъ коша несется пѣсня красавицы Гольдзейнъ.

II.

У Хайбибулы новый кошъ, который стóитъ рублей пятьсотъ,— онъ изъ лучшихъ бѣлыхъ кошемъ, а внутри по стѣнамъ развѣшены дорогіе бухарскіе ковры. Тутъ же стоятъ сундуки, набитые всякимъ добромъ—рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейнъ свой сундукъ, весь обитый бѣлою жестью, точно серебряный; въ немъ копится приданое для того счастливца, которому достанется Гольдзейнъ.

— Кто дастъ калымъ въ сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами, тому и отдамъ Гольдзейнъ, — хвастается Хайбибула, когда съ гостями напьется кумыса.—Будь хоть безъ головы женихъ, мнѣ все равно... Сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами.

Пьяный Хайбибула непремѣнно бранится съ женой и каждый разъ повторяетъ:

— Ты мнѣ надоѣла, Ужипа... Вотъ получу калымъ за Гольдзейнъ и прямо съ деньгами поѣду подъ Семипалатинскъ: тамъ въ кошахъ живутъ два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоихъ по молоденькой дочери. Которую хочу, ту и возьму, а тебѣ, старой клячѣ, пора отдохнуть.

Когда Гольдзейнъ весело распѣваетъ свои пѣсни, старая Ужипа горько плачетъ, потому что Хайбибула непремѣнно женится на молоденькой и сживетъ ее, Ужипу, со свѣту. Онъ ужъ двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, а она—третья и ее заколотитъ. Старый волкъ любитъ молодую козлятину, и погубить человѣка ему ничего не стоитъ, а всѣ считаютъ его хорошимъ, ласковымъ мужемъ.

— Лучше ужъ мнѣ самой умереть...—думаетъ Ужипа, думаетъ и плачетъ, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были ру-

мяныя, глаза свѣтились, сама была толстая да бѣлая, и когда Хайбибула говорилъ ей льстивыя, ласковыя рѣчи.

Скоро износилась красота Ужипы. Безсонныя ночи, работа, дѣти и мужнины побои развѣяли по вѣтру дѣвичью красоту, а Хайбибула ее же попрекаетъ дорогимъ калымомъ.

Никто не жалѣетъ старухи, а Гольдзейнъ нарочно отвертывается, чтобы не видать слезъ матери. Глупая дѣвка только и думаетъ, чтобы поскорѣе выскочить замужъ за богатаго жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Когда-то пьяный Хайбибула сильно избилъ Ужипу, и она едва вырвалась отъ него. Убѣжала и спряталась за кошемъ. Ночь была темная, а на душѣ Ужипы было еще темнѣе. Стала она просить себѣ смерти, потому что никому-никому, ни одному человѣку не жаль ея.

— Эй, Ужипа, не плачь—прошепталъ надъ самымъ ухомъ старухи знакомый голосъ.

— Это ты, Баймаганъ?

— Я, я все вижу и знаю. Погоди, вотъ женюсь на Гольдзейнъ, тогда и тебя возьму къ себѣ. Славно заживемъ...

— Да ты съ ума сошелъ?... У тебя ничего нѣтъ...

— Э, погоди, все будетъ... Старая лисица Хайбибула самъ будетъ ухаживать за мной. Вотъ я какой человѣкъ, Ужипа!

Это ласковое слово глупаго парня согрѣло душу Ужипы, какъ солнечный лучъ, и ей сдѣлалось жаль Баймагана:—Аллахъ великъ, у Аллаха всего много, что стоитъ Аллаху бросить росинку счастья на Баймагана? Все можетъ быть...

— Слушай, Баймаганъ, никогда-никогда не женись на Гольдзейнъ, шептала старая Ужипа: — въ ней волчья кровь... Женись лучше на Макенъ: вотъ мой совѣтъ за твое доброе слово къ позабытой всѣми старухѣ.

III.

Около коша Хайбибулы въ сторонкѣ стояли два старыхъ дырявыхъ коша, въ которыхъ жили пастухи и работники. Въ одномъ жилъ кривой пастухъ Газизъ съ дочерью Макенъ, а въ другомъ Баймаганъ съ Урмугузомъ. Очень бѣдно было въ хатѣ Газиза, а у Баймагана съ Урмугузомъ совсѣмъ ничего не было, кромѣ хозяйскихъ сѣделъ да разной сбруи. Спали оба работника на лошадиныхъ потникахъ. Сквозь прогорѣвшія кошмы пекло солнце и

лился дождь, точно Аллахъ хотѣлъ каждый день испытывать терпѣніе молодыхъ пастуховъ.

Все хозяйство Газиза вела Макенъ, и она же постоянно помогала старой Ужипѣ, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платилъ ей ни гроша, развѣ когда подаритъ ей обноски послѣ Гольдзейнъ. Макенъ работала, какъ лошадь, и ходила чуть не въ лохмотьяхъ. За работой она пѣла такія печальныя пѣсни и каждый разъ смолкала, когда мимо проходилъ Баймаганъ.

— Онъ хорошій человѣкъ,—говорила Ужипа, не называя Баймагана по имени.

— Хорошъ да не для меня...—отвѣчала Макенъ и тяжело вздыхала.

Аллахъ мудрено устраиваетъ человѣческія дѣла: Урмугузъ любилъ Макенъ, Макенъ любила Баймагана, а Баймаганъ любилъ гордую Гольдзейнъ. Баранчуками *) они всѣ росли вмѣстѣ, а потомъ вышло вонъ чтó. Старый Газизъ видѣлъ все это, но молчалъ, потому что Аллахъ великъ и знаетъ лучше насъ, какъ и чтò дѣлать. Урмугузъ думалъ про себя, что Макенъ первая красавица во всей киргизской степи, и что Гольдзейнъ приворожила глупаго Баймагана своими пѣснями и богатыми нарядами. Въ праздники Гольдзейнъ всегда щеголяла въ шелковомъ полосатомъ бешметѣ, заплетала свои черные волосы въ мелкія косички, въ уши надѣвала дорогія тяжелыя серьги, а всю грудь увѣшивала серебряными и золотыми монетами, которыя такъ весело звенѣли у ней на ходу.

Баймаганъ подолгу смотрѣлъ на нее съ разинутымъ ртомъ или старался чѣмъ-нибудь услужить. Гордая красавица совсѣмъ не замѣчала Баймагана и только иногда любила посмѣяться надъ нимъ, особенно когда тутъ же была Макенъ.

— Баймаганъ, скоро у тебя будутъ сто лошадей и пятьсотъ рублей денегъ? — спрашивала Гольдзейнъ, толкая Макенъ локтемъ.—Смотри, мнѣ пожалуй надоѣстъ ждать, и я какъ разъ выйду за другаго... У меня ужъ есть три жениха.

Гольдзейнъ весело смѣялась, а у Баймагана замирало сердце отъ этого смѣха, и онъ начиналъ ненавидѣть Гольдзейнъ. И чѣмъ больше она смѣялась надъ нимъ, тѣмъ больше онъ ее любилъ.

Проклятыхъ сто лошадей бѣдный пастухъ часто видѣлъ во снѣ, а деньги даже искалъ у себя подъ подушкой. Перестала бы Гольд-

---

*) Баранчукъ—ребенокъ, дитя.

зейнъ смѣяться надъ нимъ, когда бы онъ принесъ Хайбибулѣ пятьсотъ рублей старыми серебряными монетами и выставилъ въ полѣ свой собственный косякъ лошадей... Всего сто лошадей и пятьсотъ рублей. Баймаганъ день и ночь сталъ думать, какъ добыть дорогой калымъ, похудѣлъ и ходилъ, какъ въ воду опущенный.

Хайбибула прежде самъ былъ бѣденъ, и вся степь знаетъ, откуда пришло его богатство: онъ сначала самъ воровалъ лошадей по казачьей уральской линіи, а потомъ сталъ только сбывать краденый скотъ.

— Это люди болтаютъ изъ зависти, говорилъ кривой Газизъ.— Аллахъ все видитъ...

IV.

Баймаганъ возненавидѣлъ Хайбибулу и за глаза бранилъ его самыми скверными словами. Тутъ доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и сѣдой головѣ, которая думала о молоденькихъ дѣвчонкахъ. Когда въ урочные часы старикъ выходилъ ихъ коша на молитву, разстилалъ подъ ноги коврикъ и падалъ ницъ, приложивъ раскрытыя ладони къ ушамъ, Баймаганъ испытывалъ глубокое чувство отвращенія къ этому старому ханжѣ, который хочетъ обмануть самого Аллаха.

— Кажется, я убилъ бы эту старую лисицу!—говорилъ Баймаганъ своему другу Урмугузу.—Его деньги нажиты кровью, онъ загубилъ двухъ первыхъ женъ, теперь губитъ третью и хочетъ жениться на четвертой, чтобы согрѣть свою старую волчью кровь молодой... О, какъ я ненавижу этого Хайбибулу!

Хитрый старикъ замѣтилъ косые взгляды Баймагана и время отъ времени любилъ подшутить надъ нимъ. Безсильная злоба бѣдняка забавляла Хайбибулу.

Разъ въ праздникъ, когда въ кошѣ и предъ кошемъ сидѣли гости, Хайбибула сказалъ Баймагану:

— Баймаганъ, покажи гнѣдаго иноходца гостямъ... Впрочемъ, у тебя заячье сердце, пусть приведетъ лошадь Урмугузъ.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потѣшить гостей отчаянной скачкой. Гнѣдой иноходецъ была еще не объѣзженная лошадь и никого не пускала на себя. Обида засѣла глубоко въ сердцѣ Баймагана, и онъ захотѣлъ показать пе-

редъ всѣми, что ничего не боится, и что Хайбибула напрасно его обижаетъ.

Иноходца едва поймали на два волосяныхъ аркана, подвели къ кошу, и Баймаганъ птицей сѣлъ на спину дрожавшей отъ страха лошади.

— Смотри, упадешь!—крикнулъ въ слѣдъ Хайбибула.

Началась самая отчаянная скачка на необъѣзженной лошади, старавшейся сбить сѣдока. А Баймаганъ видѣлъ только улыбавшееся лицо Гольдзейнъ, которая смотрѣла на него изъ коша вмѣстѣ съ гостями. Да, онъ приведетъ лошадь къ кошу смирную, какъ овечку, или ему не видать Гольдзейнъ, какъ своихъ ушей.

Лошадь и человѣкъ боролись отчаянно нѣсколько часовъ. Баймаганъ уже чувствовалъ, что лошадь начинаетъ уставать и скоро будетъ въ его рукахъ, какъ ребенокъ. Но въ этотъ моментъ она сдѣлала неожиданный прыжокъ въ сторону, и Баймаганъ слетѣлъ на землю. Все это случилось въ одну секунду, и бѣшеное животное съ удвоенной силой понеслось въ степь, стараясь освободиться отъ тащившагося на арканѣ наѣздника. Баймаганъ крѣпко держалъ веревку обѣими руками и рѣшился лучше умереть, чѣмъ выпустить лошадь.

Черезъ полчаса иноходецъ прибѣжалъ одинъ, а Баймагана нашли въ степи безъ чувствъ. Онъ лежалъ весь избитый: голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами отъ лошадиныхъ копытъ.

V.

Баймаганъ лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ. За нимъ ухаживаетъ старая Ужипа, которая знаетъ много хорошихъ степныхъ травъ. Иногда въ кошъ завертываетъ Макенъ и молча садится у входа. Больной никого не узнаетъ и все бредитъ.

Ему ужасно тяжело и все кажется, что онъ скачетъ на проклятомъ иноходцѣ. Лошадь бьетъ его задними ногами прямо въ голову, и Баймаганъ страшно вскрикиваетъ. Долго-долго носитъ его по степи взбѣсившійся иноходецъ, а когда онъ открываетъ глаза, то видитъ надъ собой дырявую кошму своего коша и слышитъ, точно сквозь сонъ, голосъ Ужипы:

— Не шевелись, Баймаганъ... Будешь живъ, если не будешь шевелиться. Все идетъ хорошо.

Баймаганъ старается лежать спокойно, хотя ему ужасно хо-

чется приподнять голову--въ кошѣ кто-то тихо плачетъ, а кому плакать о немъ, о кругломъ сиротѣ? Ахъ, зачѣмъ онъ не умеръ тамъ, въ степи, гдѣ носилъ его иноходецъ!...

Потомъ Баймагану вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ хорошо, совсѣмъ хорошо. Онъ здоровъ. Нѣтъ, будетъ ужъ служить старой лисицѣ Хайбибулѣ!—Прощайте всѣ: и кривой Газизъ, и Урмугузъ, и Макенъ, и Ужипа... Съ Гольдзейнъ Баймаганъ не простился, потому что слишкомъ ему было бы тяжело видѣть ея насмѣшливую улыбку.

— Э, увидимся!—утѣшаетъ самого себя Баймаганъ, направляясь въ степь, гдѣ тамъ и сямъ торчали киргизскіе коши, точно бритыя татарскія головы въ тюбютейкахъ.—Надо жить какъ старая лисица Хайбибула.

Баймаганъ скоро нашелъ себѣ работу — онъ сдѣлался отчаяннымъ барантачомъ. По степи онъ отбивалъ овецъ у гуртовщиковъ, у казаковъ и русскихъ угонялъ лошадей, и вездѣ стали бояться одного его имени. Нѣсколько разъ онъ попадался и его били прямо по головѣ, точно всѣ знали, гдѣ у него самое больное мѣсто.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы, у Баймагана былъ готовъ весь калымъ за Гольдзейнъ, и онъ орломъ полетѣлъ къ старому Хайбибулѣ.

— Вотъ твой калымъ,—объявилъ Баймаганъ, высыпая передъ старикомъ старое серебро.

— Ты умный человѣкъ,—задумчиво говорилъ Хайбибула, пересчитывая деньги. — Ну, Гольдзейнъ твоя... Такой красавицы до Семипалатинска не найти. Что же, твое счастье, а я очень радъ. Макенъ тоже вышла замужъ за Урмугуза, я и калымъ платилъ за него. Давай, поцѣлуемся.

VI.

Рядомъ съ кошемъ Хайбибулы выросъ новый кошъ Баймагана. Въ послѣднемъ жилось очень весело. Гольдзейнъ по цѣлымъ днямъ распѣвала свои пѣсни, а Баймаганъ лежалъ на коврѣ и пилъ кумысъ. Когда ему надоѣдало гулять одному, онъ посылалъ за Хайбибулой и угощалъ старика.

— Ты умный человѣкъ, Баймаганъ,—повторялъ каждый разъ Хайбибула и улыбался старымъ беззубымъ ртомъ.—Старъ я сталъ... Вотъ и борода сѣдая, и глаза слезятся, и зубы пропали. А когда-то я умѣлъ наживать деньги. Надо тебѣ показать всѣ норы и лазейки, а мнѣ пора отдохнуть.

И старая лисица Хайбибула училъ Баймагана всякимъ плутнямъ, называлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и товарищей по ремеслу, а Баймаганъ слушалъ и удивлялся, что Хайбибула совсѣмъ не такой дурной человѣкъ, какъ онъ думалъ раньше. Даже очень хорошій человѣкъ этотъ Хайбибула, если разобрать; а если онъ занимается воровствомъ, такъ не онъ одинъ грѣшенъ передъ Аллахомъ.

Когда Хайбибула выгналъ старую Ужипу и женился на четырнадцатилѣтней Аяшъ, дочери Кошгильды, о которой давно говорилъ, и тогда Баймаганъ не обвинилъ старика. — Хайбибула еще въ силахъ, а Ужипа едва волочитъ свои старыя ноги. Такъ хочетъ Аллахъ, если одно дерево цвѣтетъ, а другое сохнетъ. Конечно, Аяшъ молода для такого беззубаго старика, какъ Хайбибула, но старику ужъ немного осталось веселить свое сердце — пусть еще порадуется на концѣ своихъ дней.

Старая Ужипа пришла къ Баймагану и сказала:

— Мужъ меня прогналъ, а я стара... Помнишь, какъ ты обѣщалъ пріютить меня, если женишься на Гольдзейнъ?...

— Я этого не говорилъ, старая кляча!... закричалъ Баймаганъ.—Это все ты сама придумала...

Баймагану было совѣстно за свою ложь, и онъ еще сильнѣе разсердился.

— Не наше дѣло судить васъ съ отцомъ,—отвѣтила матери Гольдзейнъ, потакавшая мужу. — Мы не желаемъ ни съ кѣмъ ссориться, а живите себѣ, какъ знаете.

Ничего не сказала старая Ужипа и ушла. Ее пріютилъ въ своемъ рваномъ кошѣ Урмугузъ.

— Мнѣ ужъ за одно васъ стариковъ кормить,—проговорилъ онъ: — вонъ Газизъ живетъ, живи и ты.

Тѣсно было въ кошѣ Урмугуза, но Макенъ нашла уголокъ для старухи, совсѣмъ убитой горемъ. Это взбѣсило Баймагана.

— Вотъ нашлись богачи!—ругался онъ. — Всѣхъ полоумныхъ старухъ да стариковъ не накормишь.

— Урмугузъ, видно, богаче насъ съ тобой,—прибавила Гольдзейнъ. — Не даромъ онъ столько лѣтъ служилъ у отца, а теперь служитъ у тебя. Видно ему выгодно, если можетъ кормить чужихъ людей.

Баймаганъ сильно разсердился на Урмугуза, но до поры до времени затаилъ въ своемъ сердцѣ эту злобу. Урмугузъ нарочно взялъ къ себѣ Ужипу, чтобы постоянно колоть ею глаза и ему, и Гольдзейнъ, и старому Хайбибулѣ.

— Урмугузъ глупъ,—шептала Гольдзейнъ, ласкаясь къ мужу: —а это придумала Макенъ... О, это хитрая и злая женщина!

VII.

Киргизская степь была такъ же хороша, какъ десять лѣтъ назадъ, такъ же весной она покрывалась цвѣтами и ковылемъ, тотъ же игралъ по ней степной вѣтеръ, а зимой волкомъ завывали снѣжныя метели; голубое небо такъ же высоко поднималось надъ ней, такъ же паслись по ней косяки киргизскихъ лошадей, а Гольдзейнъ позванивала своимъ серебромъ.

Хорошо жилось Баймагану. Всего у него было много, а когда надоѣдало сидѣть дома, онъ уѣзжалъ куда-нибудь въ гости. У богатыхъ людей много хорошихъ знакомыхъ. Когда было лѣнь ѣхать, Баймаганъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кошѣ и думалъ о разныхъ разностяхъ. Всего лучше ему дѣлалось, когда онъ вспоминалъ про свое дѣтство. Да, Баймаганъ выросъ у стараго Хайбибулы, какъ бездомная собачонка: спалъ подъ открытымъ небомъ и питался объѣдками, вмѣстѣ съ хозяйскими собаками. Когда варили маханъ или салму *), Баймаганъ только облизывался издали и былъ радъ, если на его долю доставалась обглоданная косточка, которую бросала ему добрая Ужипа. Эти воспоминанія дѣлали настоящее еще пріятнѣе, и Баймаганъ нарочно приглашалъ Хайбибулу ѣсть салму, чтобы вспомнить про старое.

Однажды, когда они вдвоемъ сидѣли около чугуннаго котла съ салмой, старикъ хитро подмигнулъ, указывая головой на дочь.

— Ты ничего не замѣчаешь, Баймаганъ?—прошамкалъ онъ.

— Нѣтъ, а что̀?..

— Я ничего, такъ... Будто Гольдзейнъ у тебя постарѣла. Она будетъ вылитая Ужипа. Вотъ увидишь... А Макенъ молодѣетъ. Впрочемъ, на чужихъ женъ не хорошо заглядываться... Я такъ сказалъ. Ну, прощай...

Эти слова глубоко запали въ душу Баймагана, хотя онъ старался о нихъ совсѣмъ не думать. Разъ онъ больно прибилъ Гольдзейнъ, и когда она стала плакать въ своемъ углу, онъ занесъ было руку съ нагайкой, чтобы ударить ее по спинѣ, но взглянулъ на ея заплаканное лицо, испуганные глаза—и рука съ нагайкой безсильно опустилась сама собою: на него смотрѣла старая Ужипа, а Гольдзейнъ, красавицы Гольдзейнъ больше не было.

---

*) Салма—варево изъ конины, маханъ—жареное изъ жеребенка.

Баймаганъ началъ часто напиваться кумысомъ, билъ жену и все ходилъ около коша, чтобы хоть издали посмотрѣть на Макенъ. Урмугуза онъ нарочно посылалъ въ дальнія киргизскія стойбища, съ разными порученіями, чтобы не стыдно было заходить въ его старый кошъ подъ разными предлогами.

Макенъ стала прятаться отъ Баймагана, а это еще больше разжигало въ немъ кровь. Чтобы показать ей свою любовь, Баймаганъ не упускалъ случая на ея глазахъ бить Гольдзейнъ по чему попало, а потомъ отнялъ у жены всѣ украшенія и спряталъ ихъ въ свой сундукъ. Криваго Газиза онъ поилъ самымъ хорошимъ кумысомъ и называлъ дядей. А Гольдзейнъ отъ побоевъ и слезъ дѣлалась все больше похожей на свою мать, и Баймаганъ старался не смотрѣть на нее.

— Надо избыть Урмугуза, а потомъ я женюсь на Макенъ, когда она останется вдовой,—подумалъ Баймаганъ.—Гольдзейнъ пусть служитъ ей, какъ раба...

VIII.

Урмугуза не стало. Много такъ пропадаетъ въ степи. Чужіе люди обвиняли Баймагана, что онъ подослалъ убійцъ къ своему работнику, а самъ женился на его вдовѣ.

А Баймаганъ ничего не хочетъ знать, что́ говорятъ про него люди. Онъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на коврѣ вмѣстѣ съ Макенъ, а Гольдзейнъ прислуживаетъ имъ, старая, некрасивая Гольдзейнъ. Но Макенъ такая печальная, и Баймагана тянетъ выйти изъ коша; рядомъ въ кошѣ стараго Хайбибулы каждый разъ на шумъ его шаговъ отодвигается край ковра, которымъ прикрытъ входъ, и оттуда смотрятъ прямо въ душу Баймагана два темныхъ-темныхъ глаза, а изъ-за бѣлыхъ зубовъ сыплется беззаботный дѣтскій смѣхъ. Это молодая Аяшъ смотритъ на Баймагана, и у него темнѣетъ въ глазахъ.

— Обманулъ меня Хайбибула,—думаетъ онъ:—Макенъ все думаетъ о своемъ Урмугузѣ... Ей скучно со мной.

Не спится по ночамъ Баймагану, а вмѣстѣ съ ночнымъ холодомъ ползетъ къ нему въ кошъ ласковый дѣвичій шепотъ,—о, онъ знаетъ этотъ голосъ, который хватаетъ его прямо за сердце! Нужно было отправить на тотъ свѣтъ не Урмугуза, а старую лисицу Хайбибулу. Будетъ ему грѣшить, а Аяшъ еще молода.

Темнѣе ночи ходитъ Баймаганъ и все думаетъ о старикѣ Хайбибулѣ,—можетъ-быть, старая лисица самъ догадается умереть.

Отточилъ острый ножъ Баймаганъ и ночью, какъ змѣя, заползъ съ нимъ въ кошъ Хайбибулы. Вотъ ужъ онъ слышитъ ровное дыханіе спящей Аяшъ, а рядомъ съ ней на постели, подъ шелковымъ бухарскимъ одѣяломъ, храпитъ Хайбибула. Баймаганъ подползъ къ изголовью и замахнулся, чтобы ударить Хайбибулу прямо въ сердце,—онъ пригляд́ѣлся къ темнотѣ и теперь хорошо различалъ спавшихъ,—но, заглянувъ въ лицо старику, Баймаганъ остолбенѣлъ: это лицо смѣялось своимъ беззубымъ ртомъ, а старческіе слезившіеся глаза смотрѣли на него въ упоръ.

— Ну, чего ты испугался?... шепчетъ Хайбибула, а самъ все смѣется и смотритъ на него.—Дѣлай то, за чѣмъ пришелъ...

Страшная ярость закипѣла въ груди Баймагана, хочетъ онъ поднять руку съ ножемъ, но у него нѣтъ больше силы,—рука виситъ, какъ плеть.

— Убилъ Урмугуза, убивай и меня, — шепчетъ Хайбибула. — Аяшъ моложе твоихъ женъ... Ты умный человѣкъ Баймаганъ. Ха-ха-ха...

Эти слова ударили Баймагана прямо въ голову, и онъ чувствовалъ, какъ на его головѣ открываются старыя раны отъ лошадиныхъ копытъ, и какъ онъ самъ начинаетъ весь леденѣть. Жизнь быстро выходила изъ него вмѣстѣ съ горячей кровью, а старый Хайбибула дѣлался все дальше и дальше, и только далеко-далеко, точно изъ-подъ земли, доносился его страшный дребезжавшій смѣхъ и тотъ же шепотъ:

— О, ты умный человѣкъ, Баймаганъ!..

Баймаганъ крикнулъ, объятый ужасомъ, и самъ испугался своего голоса, точно это кричалъ не онъ, а какой-то другой голосъ.

— Тише, тише... не шевелись, Баймаганъ,—шепталъ надъ нимъ голосъ старой Ужипы, и чьи-то руки удерживали его голову.

IX.

— Такъ это былъ сонъ?..—спрашивалъ Баймаганъ, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ, что попрежнему лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ, а около него сидитъ старая Ужипа и уговариваетъ его, какъ ребенка.

— Ты сорвалъ повязки съ головы и чуть не истекъ кровью... шептала ласково старуха.—Отчего ты такъ страшно крикнулъ?...

— Не спрашивай... послѣ разскажу. Я дурной человѣкъ... я хуже всѣхъ другихъ, Ужипа.

Баймаганъ поправился, но сдѣлался такимъ задумчивымъ и печальнымъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго молодца.

— О чемъ ты думаешь, Баймаганъ?—спрашивала его Макенъ.

— Дорогая Макенъ, прежде я думалъ всегда о себѣ, отвѣчалъ ей Баймаганъ:—думалъ, какъ бы мнѣ устроиться лучше другихъ. А теперь мнѣ жаль всѣхъ людей, потому что я все вижу и все понимаю... Да, я понимаю все и понимаю то великое зло, какое сидитъ въ каждомъ человѣкѣ и обманываетъ всѣхъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно за это зло, которое и въ насъ, и вокругъ насъ. Я былъ глупъ и ничего не понималъ, но за одно доброе слово, которое я сказалъ несчастной старухѣ, Аллахъ показалъ мнѣ мою собственную душу.

Черезъ годъ Баймаганъ женился на Макенъ.

Д. Маминъ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖНОЙ СТАРИНЫ.

Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка.

Настоящій трудъ есть трудъ чисто библіографическій. Онъ касается одной области или одного уголка нашей литературы, который до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманія и остается почти не тронутымъ и не разработаннымъ. Кромѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ, едва ли кто въ состояніи сказать, что̀ такое была *русская повѣсть первой половины прошлаго вѣка*, въ эпоху реформы и въ первое время послѣ нея. Между тѣмъ, эта повѣсть существовала—съ своимъ особымъ *переходнымъ* характеромъ, близко примыкая съ одной стороны къ *рукописному* XVII вѣку, съ другой—къ *печатной* литературѣ второй половины прошлаго столѣтія и къ литературѣ *народной книги*, живущей до сихъ поръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отражая на себѣ книжные вкусы и бытовыя черты своего времени. Изслѣдованіе этой литературы можетъ быть вознаграждено любопытными результатами.

Повѣсть эта—исключительно рукописная. Произведенія ея разсѣяны по общественнымъ и частнымъ библіотекамъ, и первымъ приступомъ къ ея изслѣдованію должна была быть работа библіографическая. Прежде всего надо было опредѣлить ея наличный матеріалъ, намѣтить въ общихъ чертахъ ея составъ, происхожденіе, степень распространенія, насколько послѣднее можетъ быть указано библіографическими данными. Настоящій трудъ есть опытъ подобнаго библіографическаго розысканія.

Нѣкоторыя замѣтки объ этомъ отдѣлѣ нашей письменности XVIII вѣка сдѣланы были въ моей старой книгѣ *), къ предмету

---

*) „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Спб. 1857, стр. 284—291.

которой факты ея относились только косвенно. Съ тѣхъ поръ напечатано было два-три образчика этой литературы, и хотя она все еще не нашла особаго изслѣдованія, но число произведеній ея въ рукописныхъ собраніяхъ въ послѣднее время очень размножилось сравнительно съ тѣмъ, что̀ было извѣстно прежде.

Старые собиратели рукописей обыкновенно направляли свою заботу и поиски на болѣе глубокую старину—рукописи церковныя и историческія,—и мало обращали вниманія на повѣствовательную литературу Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени: „гисторіи", романы, повѣсти и другія подобныя произведенія прошлаго вѣка считались слишкомъ маловажными, слишкомъ простонародными,—и мы почти не находимъ ихъ въ старинныхъ рукописныхъ коллекціяхъ графа Ѳ. А. Толстаго, Дубровскаго, Фролова, послужившихъ основаніемъ собранія Публичной Библіотеки; не находимъ въ богатомъ собраніи „Румянцовскаго Музеума", положившемъ основу рукописной коллекціи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея; не находимъ въ собраніи купца Царскаго, перешедшемъ къ графу А. С. Уварову; находимъ очень мало въ древлехранилищѣ Погодина (нынѣ въ Публичной Библіотекѣ), въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и пр.; но въ послѣднія десятилѣтія, когда расширились интересы литературной археологіи и когда вмѣстѣ съ тѣмъ начинали рѣдѣть старыя рукописи въ антикварномъ обращеніи и приходилось думать о сбереженіи исчезающихъ остатковъ старой письменности, рукописи прошлаго вѣка обратили вниманіе нынѣшнихъ собирателей, и въ новыхъ коллекціяхъ мы находимъ уже довольно значительный запасъ произведеній повѣствовательной литературы первой половины прошлаго вѣка. Такъ, не мало любопытнаго въ этомъ отношеніи представляютъ новѣйшія пріобрѣтенія Публичной Библіотеки, собраніе Общества Любителей Древней Письменности въ Петербургѣ, богатое собраніе рукописей Ундольскаго, принадлежащее Московскому Публичному Музею, и новѣйшія пріобрѣтенія этого Музея; далѣе, давно знакомое намъ и теперь еще возросшее собраніе И. Е. Забѣлина, обильное оригинальными рукописями собраніе Н. С. Тихонравова—оба въ Москвѣ; далѣе, обширное собраніе А. А. Титова—въ Ростовѣ; даже собраніе Музея въ Твери. При завершеніи своей работы я получилъ, черезъ любезное содѣйствіе проф. И. В. Помяловскаго, библіографическія свѣдѣнія о коллекціи В. П. Мордвинова, представляющей единственный примѣръ своего рода въ томъ отношеніи, что она сохранилась цѣликомъ отъ половины прошлаго вѣка:

до своего нынѣшняго владѣльца эта коллекція дошла отъ его прадѣда, и рукописи частію написаны самимъ этимъ прадѣдомъ, такъ что собраніе г. Мордвинова является рѣдкимъ образчикомъ цѣльной беллетристической библіотеки первой половины прошлаго вѣка *).

Объединяя этотъ матеріалъ, мы видимъ передъ собою цѣлый довольно обширный отдѣлъ старой письменности, заслуживающій вниманія историковъ литературы и, быть-можетъ, еще больше историковъ быта и нравовъ. Это—довольно разнообразная масса переводнаго романа, повѣсти, поэмы, волшебной сказки и т. п., различнымъ образомъ связанная съ письменностью до-Петровскою и и съ новою литературой послѣ Петра. Въ настоящемъ нашемъ обзорѣ собралось больше *ста* названій отдѣльныхъ произведеній—въ большинствѣ переводныхъ, но частію представляющихъ русскіе опыты и подражанія,—а число рукописей около *двухсотъ семидесяти*.

Историческій интересъ этихъ произведеній заключается именно въ томъ, что онѣ составляютъ переходное звѣно между московскою стариной и новымъ періодомъ нашей литературы. Въ другомъ мѣстѣ **) мы имѣли случай говорить, что Петровская реформа считалась у насъ обыкновенно рѣзкимъ перерывомъ, какъ въ государственно-бытовомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, но что въ дѣйствительности между этими двумя періодами *не было* такого рѣзкаго дѣленія и перерыва; что литература, вызванная Петровскою реформой, складывается очень медленно; что нѣсколько послѣдовательныя проявленія ея начинаются лишь около половины столѣтія, а до тѣхъ поръ мы видимъ съ одной стороны прямое продолженіе тѣхъ книжныхъ преданій и обычаевъ, какіе жили въ

*) Это собраніе представляетъ вообще слѣдующія произведенія XVII вѣка (и болѣе старыя) и первой половины XVIII столѣтія, частію съ указаніемъ года рукописи: 1) Гисторія о россійскомъ кавалерѣ Александрѣ; 2) Гисторія о саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и его сынѣ Максіонѣ; 3) Теченіе жизни господина Жебукора; 4) Милордъ Гереонъ; 5) Египетскій цесаревичъ Полинціонъ; 6) Цесаревичъ греческій Калеандръ; 7) Гисторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ; 8) Исторія о графѣ Ипполитѣ и графинѣ Жуліи; 9) Житіе остроумнаго Есопа; 10) кажется, отрывокъ изъ Милорда Гереона; 11) Александрія; 12) Сказаніе о благовѣрномъ царѣ Михаилѣ, о златомъ древѣ и пр.; 13) Сказаніе о индійскомъ царствѣ; 14) „Повѣсть зѣло душеполезна“—о царицѣ, двухъ младенцахъ и львицѣ; 15) Сказаніе о премудромъ Акирѣ и злочестивомъ сынѣ его Анаданѣ; 16) Повѣсть о царѣ Агеѣ; 17) Исторія о Барбосѣ разбойникѣ; 18) Повѣсть безъ заглавія; 19) Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ; 20) Гисторія о французской королевнѣ Флорентѣ и 21) Гисторія зѣло полезна о королевичѣ гишпанскомъ Францѣ Имензоліусѣ.

**) „До-Петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ“, ст. 2-я, „Вѣстникъ Европы“, 1886, іюль.

XVII вѣкѣ, съ другой—новые, медленно возникающіе вкусы, полное развитіе которыхъ принадлежитъ уже болѣе позднему времени, именно второй половинѣ столѣтія. При Петрѣ и послѣ литература продолжаетъ жить по-старинному, въ рукописяхъ; печать долго еще остается дѣломъ непривычнымъ, и достойными ея считаются только вещи церковныя и оффиціальныя. Довольно взглянуть на описанія нашихъ рукописныхъ библіотекъ, чтобы видѣть, до какой степени крѣпко продолжается въ XVIII вѣкѣ старое содержаніе нашей письменности: здѣсь все еще по прежнему ведутся въ рукописяхъ и старыя церковныя книги, и лѣтописи, и хронографы, историческія сказанія, житія и старинныя повѣсти—нравоучительныя, чудесныя, рыцарскія, богатырскія, смѣхотворныя и т. д. Для *средняго*, а тѣмъ болѣе народнаго читателя XVIII вѣка не прерывалась эта старая цѣпь популярной письменности: онъ не переставалъ питаться старою книгой, т.-е. рукописью, и то, чтò являлось вновь, какъ будто только продолжало старую книжную традицію. Многое и въ самомъ дѣлѣ продолжало ее: новыя повѣсти, присоединявшіяся къ старому запасу, подбирались въ томъ же прежнемъ вкусѣ, писались тѣмъ же языкомъ—полународнымъ, съ церковною и приказною примѣсью, такъ что по внѣшней формѣ иногда трудно опредѣлить, принадлежитъ ли иная повѣсть и „гисторія“ къ XVII вѣку или была новѣе. Къ этой старинѣ весьма постепенно присоединяются потомъ, *не вытѣсняя ея*, новыя переводныя произведенія съ ясною печатью Петровскаго времени: въ рядъ со старинными рыцарями являются болѣе новые рыцари и кавалеры; ихъ дѣянія состоятъ не только изъ одного прямого богатырства, но также изъ приключеній новаго рода, и наконецъ являются настоящіе романы съ любовными исторіями, съ запутанными похожденіями, съ правоучительною тенденціей и т. д., а новыя черты содержанія требуютъ новаго языка — со множествомъ иностранныхъ словъ, какія расплодила Петровская эпоха. Но, какъ бывало встарину, такъ и теперь эти произведенія ходятъ только въ рукописяхъ и являются безъименными: очень рѣдко указывается, съ какого языка переведена исторія, но имена автора и переводчика и время перевода почти всегда остаются неизвѣстны.

Какъ мы замѣтили, эта литература даетъ произведенія разнаго рода. Во-первыхъ, продолжается старинный рыцарскій романъ, котораго родоначальникомъ служитъ знаменитый Бова Королевичъ, куда примыкаютъ болѣе позднія, но также давно переведенныя исторіи: „Королевича Брунцвика“, „Рыцаря Петра Златыхъ Клю-

чей“, „Мелюзины“ и друг. Теперь къ нимъ присоединяется болѣе новый запасъ „гисторій“ съ такими же рыцарями, принцами, королевичами или кавалерами, запасъ, идущій изъ западно-европейскихъ народныхъ книгъ, не всегда яснаго происхожденія, какъ „Евдонъ и Берѳа“, „Альфонсъ Рамиръ“, „Король Ефродитъ и рыцарь Максіонъ“, „Францель Венціанъ“, „Египетскій царевичъ Поліціонъ“, „Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ“ и т. д. Затѣмъ, рядъ переводовъ извѣстныхъ романовъ XVII столѣтія, какъ „Азіатская Баниза“, „Калеандръ“, „Алкеменесъ“, „Аріана“ и т. д.— съ разнаго рода чудесными и романтическими приключеніями, новѣйшаго и уже не народнаго происхожденія. Далѣе, романы сентиментально-нравоучительные, въ родѣ „Гисторіи Жанетты“ или „Добродѣтельной Сициліанки“, или „Ипполита и Жуліи“, или „Карла Орлеанскаго“. Наконецъ, встрѣчаемъ въ этой литературѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ XVIII вѣка—знаменитаго „Телемака“, переведеннаго нѣсколько разъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка и ходившаго въ рукописяхъ задолго до перевода Тредьяковскаго. Здѣсь начинались уже болѣе серьезные литературные вкусы: неизвѣстные (почти всегда) переводчики руководятся уже болѣе высокими требованіями, и въ рукописяхъ являются знаменитыя произведенія европейской литературы, какъ „Погубленный Рай“ Мильтона, какъ „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго, какъ „Локонъ волосъ“ Попа и проч., наконецъ „Иліада“ и „Энеида“, въ рукописяхъ задолго опередившія печатныя изданія.

На эти переводы полагалось не мало труда: многіе романы чрезвычайно длинны. Такъ, наприм., „Исторія Аріаны“, „Исторія Жанетты“, „Азіатская Баниза“, „Гедвига“—представляютъ громадные фоліанты мелкаго письма, одна переписка которыхъ, не говоря о переводѣ, требовала долгой усидчивой работы.

Если неизвѣстно, кто были эти усердные переводчики, то трудно также съ точностью указать, какой былъ кругъ читателей этой рукописной литературы. Единственнымъ почти свидѣтельствомъ остались записи о принадлежности рукописей. Судя по нимъ, эта публика была очень разнообразна. „Гисторіи“ списывались людьми всякихъ сословій; рукописи принадлежали людямъ по-тогдашнему образованнымъ—гвардейскимъ и армейскимъ офицерамъ, мелкимъ военнымъ чинамъ (какіе проходили тогда и дворяне), чиновникамъ (между прочимъ иностранной коллегіи), затѣмъ купцамъ, посадскимъ людямъ, наконецъ крестьянамъ; книги переходили изъ рукъ въ руки, что̀ и записывалось внутри переплетовъ, иногда

съ выраженіемъ впечатлѣній отъ „зѣло полезнаго“ или умилительнаго чтенія и съ заклятіями противъ покражи.

Сличая составъ этой письменной беллетристики съ тою печатною литературой, которая непосредственно слѣдуетъ за нею во второй половинѣ столѣтія, приходимъ къ довольно любопытному наблюденію: между ними нельзя не увидѣть тѣсной связи. Первые печатные романы продолжаютъ то направленіе вкуса, которое намѣчено было рукописными переводами. Многіе изъ романовъ, извѣстныхъ по рукописямъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ текстахъ, иногда въ новыхъ переводахъ—попали теперь въ печать („Евдонъ и Берѳа“, „Калеандръ“, „Исторія Карла Орлеанскаго“ „Честный человѣкъ и плутъ“), какъ, съ другой стороны, романы печатные списывались и ходили въ рукописи, по рѣдкости книгъ и старому обычаю *). Такимъ образомъ печатная литература романовъ прошлаго вѣка примыкаетъ къ той рукописной, которая господствовала въ первой половинѣ столѣтія.

Такъ какъ эта письменность была главнымъ образомъ переводная, она, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго интереса, но остается очень любопытна для исторіи нравовъ и образованія. Это было по преимуществу чтеніе популярное, распространенное по всѣмъ слоямъ тогдашняго грамотнаго люда и послѣ книжности XVII вѣка было подготовленіемъ къ той болѣе серьезной литературѣ, которая возникала съ распространеніемъ правильной школы и образованія. Здѣсь, въ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія,—зачатки еще грубые, впослѣдствіи совсѣмъ забытые въ болѣе образованномъ кругу, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло: они развивали любовь къ чтенію, вводили новые книжные вкусы, подготовляли къ новымъ нравственнымъ интересамъ и даже давали проблески самобытности среди подражанія. Писатели второй половины столѣтія подсмѣивались уже надъ этими „славными исторіями“, которыя теперь для нѣсколько образованныхъ людей уже устарѣли, казались грубыми и площадными, но онѣ надолго, даже до нашихъ дней, остались въ обиходѣ народнаго чтенія. Отсюда ведутъ свое начало тѣ героическія исторіи, которыя въ огромныхъ массахъ расходились въ народной публикѣ—въ извѣстныхъ рыночныхъ, книжныхъ и лубочныхъ изданіяхъ—и

*) Относительно нѣсколькихъ романовъ, находящихся въ нашемъ указателѣ, еще должно быть выяснено, были ли они копіями съ печатныхъ книгъ, или имъ предшествовали.

долго оставались въ числѣ любимѣйшихъ народныхъ книгъ, какъ „Францель Венціанъ“, „Англійскій милордъ Георгъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“ и т. д. Иныя изъ этихъ исторій забылись, вышли изъ употребленія: по свидѣтельствамъ XVIII вѣка, въ то время были напр. очень популярны „Евдонъ и Берѳа“, „Петръ Золотые Ключи“, „Арзасъ и Размира“ и т. д.; но теперь онѣ уже отсутствуютъ въ народной литературѣ. Какъ видно по отмѣткамъ въ рукописяхъ, „гисторіи“ прошлаго вѣка служили однако для чтенія еще до 30-хъ годовъ нашего столѣтія, вплоть до того времени, когда изъ этого живаго обращенія попадали прямо въ археологическія коллекціи.

Далѣе, эта популярная литература, нерѣдко очень забавная теперь по своему складу, можетъ доставить любопытныя черты для исторіи языка. Очень многіе изъ этихъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ; на это указываетъ, между прочимъ, обиліе иностранныхъ словъ, видимо еще не установившихся въ языкѣ, употребляемыхъ еще въ томъ сыромъ, угловатомъ видѣ, когда онѣ не успѣли сгладиться и обрусѣть до той формы, въ какой извѣстны теперь; другія изъ нихъ не привились къ языку и совсѣмъ вышли изъ употребленія *). Изложеніе романовъ доставляетъ любопытныя указанія для исторіи литературнаго языка за первую половину столѣтія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ не безъинтересныя черты рѣчи книжно-народной.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ бралась эта литература, они опять были весьма разнообразны. Эти романы, гисторіи, сказки переводились съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, польскаго; но указанія на подлинникъ въ рукописяхъ вообще рѣдки; большею частью остается совершенно неизвѣстно, откуда берется исторія, когда, кѣмъ и съ какого языка она переведена. Многіе изъ подлинниковъ были нами отысканы; другія указанія были намъ сообщены Л. Н. Майковымъ; источникъ остальныхъ исторій остается пока неясенъ, и онъ, безъ сомнѣнія, раскроется при дальнѣйшихъ библіографическихъ поискахъ.

Наконецъ, эта переводная литература возбудила и русскія по-

---

*) Апортаментъ, арія, ассамблея, притти въ алтерацію (измѣниться въ лицѣ), банкетъ, волунтеръ, десперація и дишператныя рѣчи, драбантъ, ковалеръ, ковалерія (орденъ), конфузія, куранты, либерія (ливрея), машкаратъ, персона (портретъ—въ этомъ смыслѣ извѣстно еще въ XVII вѣкѣ), пороль (т.-е. пароль, въ смыслѣ даннаго слова, обѣщанія), презентъ, сикурсъ, суптельство, статуй (муж. р.), шурмованіе; наконецъ, военная терминологія и т. д.

дражанія. Русская повѣсть XVII вѣка и первой половины XVIII-го вообще скудна. Извѣстно, что попытки русской бытовой повѣсти на тему приключеній дѣлались еще въ XVII столѣтіи: таковы извѣстныя повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ; къ первой половинѣ прошлаго вѣка надо отнести нѣкоторыя исторіи, возникшія очевидно въ подражаніе новымъ иноземнымъ образцамъ. Таковы, напримѣръ, „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ“; „Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи“; таковъ любопытный романъ въ стихахъ, находящійся въ рукописи г. Тихонравова и извѣстный, къ сожалѣнію, только въ отрывкѣ. По сохранившемуся отрывку трудно судить о составѣ и цѣломъ складѣ этой повѣсти: она остается во всякомъ случаѣ интереснымъ указаніемъ на то литературное броженіе, которое начиналось подъ вліяніемъ иноземныхъ образцовъ. Что касается повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи, которой приданы бытовыя черты Петровскаго времени (поѣздка для ученья въ Голландію), ея вѣроятный первообразъ представляется намъ въ гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ.

Собранный нами списокъ этихъ произведеній, безъ сомнѣнія, еще не полонъ. До послѣднихъ дней своей работы мы получали свѣдѣнія о новыхъ рукописяхъ, и между этими рукописями находились „гисторіи“, которыя до тѣхъ поръ нами вовсе не были встрѣчены. Многія исторіи, отмѣченныя въ нашемъ обзорѣ, существуютъ пока только въ единственномъ экземплярѣ; многія не полны; нѣкоторыя, до сихъ поръ извѣстныя только по имени, встрѣчены были нами впервые въ рукописяхъ, какъ „исторія Эпаминонда и Целеріаны“, упомянутая въ запискахъ Болотова.

Рукописи такого рода, конечно, особенно легко зачитывались, а затѣмъ, пренебрегаемыя прежними собирателями, совсѣмъ затеривались. Надо желать, чтобъ эта литература была по возможности возстановлена въ ея полномъ составѣ; упомянутыя мной обстоятельства позволяютъ думать, что найдется еще не мало новыхъ рукописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо желать, чтобъ эта литература нашла и спеціальнаго изслѣдователя: передъ нимъ явились бы не только любопытные библіографическіе вопросы объ источникахъ этой литературы, связанной съ нашими народными книгами, но и вопросы о книжныхъ вкусахъ и нравахъ первой половины прошлаго вѣка *).

---

*) Могли бы быть собраны любопытныя подробности о беллетристическомъ чтеніи прошлаго вѣка изъ мемуаровъ и воспоминаній прошлаго вѣка, какъ записки Боло-

Мы расположили свой обзоръ въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ героевъ этихъ „гисторій“, и изрѣдка по заглавіямъ произведеній: такъ какъ все это почти исключительно исторіи приключеній, то это былъ, кажется, наиболѣе удобный пріемъ для облегченія справокъ. Расположить эти произведенія по родамъ было трудно, потому что иной разъ невозможно выдѣлить романъ, „гисторію“ и сказку. Трудно было бы также распредѣлить ихъ по источникамъ, такъ какъ въ большинствѣ эти источники неясны. Еще менѣе можно было принять порядокъ хронологическій, потому что большею частію время появленія этихъ произведеній совершенно неизвѣстно *).

Условія составленія настоящаго труда не позволили намъ сдѣлать библіографическія указанія равномѣрно подробными; но больше такихъ подробностей мы старались дать именно о рукописяхъ менѣе доступныхъ, какъ рукописи закрытыхъ ученыхъ обществъ и рукописи частныхъ собраній. Считаемъ, наконецъ, долгомъ выразить свою благодарность ученымъ, которые содѣйствовали настоящему труду сообщеніемъ какъ рукописей, такъ и библіографическихъ указаній, а именно: Ѳ. И. Буслаеву, кн. П. П. Вяземскому, И. Е. Забѣлину, Л. Н. Майкову, И. В. Помяловскому, А. А. Титову, Н. С. Тихонравову, И. А. Шляпкину, Е. И. Якушкину. Проф. Помяловскій, кромѣ извѣстія объ его собственныхъ рукописяхъ, доставилъ намъ библіографическія свѣдѣнія о любопытномъ собраніи В. П. Мордвинова; г. Тихонравовъ—обширныя указанія о рукописяхъ своей богатой библіотеки.

А. Пыпинъ.

Октябрь 1886—мартъ 1888.

това, И. И. Дмитріева, замѣтки Карамзина, воспоминанія С. Т. Аксакова и пр. Ср. „Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка“, въ „Моск. Наблюдателѣ“, 1837, ч. XI, стр. 133—147. Прекрасный опытъ подобной работы сдѣланъ въ статьѣ г-жи Щепкиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII вѣка (по запискамъ Болотова)“, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, апрѣль.

*) Опредѣлить границу выбраннаго періода отъ XVII вѣка и отъ второй половины XVIII вѣка было бы довольно трудно. Мы избѣгали помѣщать въ своемъ спискѣ такіе памятники, которые завѣдомо принадлежатъ старому времени, хотя обращались въ рукописяхъ и въ XVIII столѣтіи, какъ, напр., „Александрія“, „Акиръ премудрый“, „Бова“, „Аполлонъ Тирскій“, „Семь мудрецовъ“ и пр., и сдѣлали исключеніе только для двухъ-трехъ исторій, которыя подходятъ къ общему складу повѣстей описываемой эпохи и были очень распространены въ рукописяхъ XVIII вѣка, какъ, напр., „Брунцвикъ“, или „Петръ Златые Ключи“, или „Мелюзина“.

I.—Произведенія переводныя.

Августъ Саксонскій и Меландра.

— „Исторія о Меландрѣ королевнѣ французской и о курфюрстѣ саксонскомъ Августѣ“. Въ рукописи Публичной Библіотеки Q.XV. № 54, скороп. XVIII в., 2 тома, 401 лист.

Адалиска, см. Одалиска.

Аделеида Африканская.

— „Аделеида, аѳриканская повесть. Переведена съ ѳранцускаго на россійской языкъ. В Санктъпитерпурге 1761 году“. Въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, 4°, № 73 (по новому счету № 271), убористой, но не четкой скорописью, на л. 182—206.

Начало: „Донъ Саншецъ дворянинъ гишпанской два года пылая чрезмерною любовию и употребя всевозможное старание получилъ свою любовницу въ супружество родители ея немало сопротивлялись сему ихъ благополучию почитая притчиною тому ево недостатокъ но какъ онъ былъ пожалованъ полковникомъ драгунскаго полку то они какъ въ разсужденіи сего чина такъ и уповая что со временемъ онъ еще знатнейшее иметь можетъ, дочь свою за нево выдали.

„Бракъ не только чтобъ уменшилъ любви его нежность но придалъ ей еще новыя силы, обладание Эльвирою (имя ево супруги) почиталъ онъ за неоцененное сокровище“...

Конецъ: „...Донъ Саншецъ печалился неизреченно однако данное Элвире обещание і Аделеидины прелести наконецъ ево утешили. Онъ еще около года жилъ в Тунусе лстя всегда дею что мулзюманской законъ приметъ; между тѣмъ употребя нежнейшия предосторожности, чтобъ вторично не быть поімацу взявъ с собою Аделеиду уехалъ в Гишпанию куда приехавъ на ней женился і всегда любилъ ее страстно“.

Въ концѣ списокъ книгъ, „написанныхъ“ въ типографіи Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, гдѣ между прочимъ означена и эта „Аделеида“—цѣною въ 30 коп. Изданіе означено у Сопикова такъ: „Аде-

лейда, африканская повѣсть. Переводъ съ франц.“ Спб. 1761. 8°. Ц. 50 коп. (№ 1772).

Адельсонъ и Сальвини.

— „Адельсонъ и Сальвини, аглинская повѣсть“. Скороп. XVIII в. 4°, 54 листа. См. „Охранный каталогъ“ А. Титова (Ростовъ и Москва, 1881, 1884, 1888; три выпуска), № 1626.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Кажется, что Римъ сохранилъ нѣкоторымъ образомъ“...

Ср. Сопикова: „Адельсонъ и Сальвиній, аглинская повѣсть, соч. г. Арнода. Перев. съ франц.“ М. 1779, 8°. Ц. 40 коп.

Подлинникъ: Fr. Baculard d'Arnaud, „Adelson et Salvini, anecdote anglaise“. Paris, 1772. 18°.

Адольфъ, принцъ Лапландійскій.

— „Гисторія о принце Адолфе Лампландинскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія“. Сборничекъ Общества Древней Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № CC. Скороп. конца XVIII в., л. 1—20.

Нач.: „Бысть близь полуденной (sic) страны на Ледяномъ морю тамъ лѣжащая часть Лампландія есть холодное государство где мало бываетъ благодарственнаго (sic) воздуха“ и проч.

Въ концѣ запись: „Спя гисторпя ржевского купца Пракофья Кузмина сына Немилова. А сию гисторію ни продать, никому не заложить. По наследству досталась сыну ево Григорью Пракофьеву Немилову купцу ржевскому“.

— „Гисторія о принце Адолфе и о островѣ вечнаго веселія“. Въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67 (по новому счету № 267), л. 1—11.

Нач.: „Близь полуденной страны к лѣденому морю тамо лѣжащая часть Лампладія есть холодное государство, гдѣ мало бываетъ благораствор采наго воздуха, горы почти всегда покрыты снегомъ, и древа такъ объ-вешены лдомъ, что когда солнце испуститъ на нихъ свои теплые лучи, то они кажутся бутто хрусталемъ украшены, таможе находятся рощи чрезвычайной вышины, гдѣ обретаются медведи бѣлые“ и проч.

— Другой списокъ, въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, по прежней нумераціи № 82, безъ начала.

— „Гисторія о принце Одолфе і острове вечного веселия и о пренцесе красоты и веселія“. Въ сборникѣ, писанномъ С. Кублицкимъ 1754—55 г., л. 55—63. Ундольскаго, № 912.

Начало: „Близъ полушной (sic) страны к леденому морю тамъ лежащая часть“ и пр.

Конецъ: „...і от сего дни никто не можетъ сказать ктобъ ея виделъ, печаль есть притчина тому что ретко показывается і находитъ на сію пренцесу беспокойство и печаль люди могутъ особливо о томъ засвидетелствовать і все о семъ плачевномъ приключеніи говорить тако

„Время всемъ і во всехъ всеми обладаетъ і никто в нихъ совершенножъ не пребываетъ.—Конецъ".

Лубочная „Исторія о принцѣ Одолфѣ Лападійскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія", на 8 листкахъ, нѣсколько сокращено противъ рукописи. (См. въ моемъ „Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ", Спб. 1857, стр. 285; Ровинскаго, „Русскія нар. картинки", I, стр. 156; IV, 162, 163, 533; V, 100, 126, 127).

Опытъ изслѣдованія о сюжетѣ сдѣланъ былъ г. Гаршинымъ и прочитанъ въ обществѣ германо-романской филологіи при Петерб. универ- 8 окт. 1886; но окончательное объясненіе происхожденія этой гисторіи изъ романа г-жи д'Онэ (d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite, comte de Duglas, 1-е изд. 1690 г.) дано было А. Н. Веселовскимъ: „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка". Спб. 1887.

Адольфъ Храбрый

— „Повѣсть Европейская. Славныя дѣла Адольфа храбраго героя. 1789 года". Скорописью XVIII в., въ 4°, на 314 листахъ. По „Охранному Каталогу" А. Титова (въ части неизданной) № 2780.

Въ этой повѣсти, по указанію г. Титова, между прочимъ, есть исторія о славномъ атаманѣ Чубилѣ, именующемъ свое происхожденіе отъ арабскихъ князей.

Начало: „Державнѣйшій государь! обратясь Чубиль къ королю Черныхъ Острововъ, продолжалъ, я думаю, вамъ не безъизвѣстно, что въ полуденной части свѣта, т. е. въ Африкѣ" и проч.

Азіатская Баниза.

— „Азіатская Баниза", романъ въ двухъ частяхъ. Въ рукописи Публ. Б-ки Q. XV. № 52, скороп. XVIII в., на 159 и 176 лист.

— „Азиацкой Банизы втарой части, первая книга" и пр., именно ч. 2-я, кн. 1-я, 2-я и 3-я. Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго F. № XIV. Скороп. XVIII в., весьма четкой, на 293 лист. На послѣднемъ листѣ: „конецъ третьей книги, второй и послѣдней части Азіатскія Банизы".

— Тоже, 1-й части 2-я книга. Тамъ же, О. № LXXXVI.

Упоминается въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка. („И то и сіо", 1769; см. въ моемъ „Очеркѣ", стр. 289.)

Нѣмецкій подлинникъ вышелъ въ 1688 или 1689 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Die Asiatische Banise oder das blutig- doch muthige Pegu,

dessen hohe Reichs-Sonne bey geendigtem letztern Jahr- Hundert an dem *Xemindo* erbärmlichst unter-an dem *Balacin* aber erfreulichst wieder auffgehet. Welchem sich die merckwürdigen und erschrecklichen Veränderungen der benachbarten Reiche *Ava*, *Aracan*, *Martabane*, *Siam* und *Prom*, anmuthigst beygesellen. Alles in Historischer, und mit dem Mantel einer annehmlicher Helden- und Liebes-Geschichte bedeckten Wahrheit beruhende (и т. д.)... Auffgesetzet von H. A. v. Z. u. K. (Heinrich Anshelm von Ziegler und Klipphausen). 1689. См. L. Cholevius, Die bedeutendsten deutschen Romane des siebzehnten Jahrhunderts. Leipz. 1866, стр. 152—175. По замѣчанію Холевіуса, „никакой другой романъ не очаровывалъ современниковъ такъ, какъ Азіатская Баниза Циглера".

Въ печатной литературѣ была извѣстна другая Баниза: „Приключеніе Аглинской Банизы, любовная и героическая повѣсть". Пер. съ нѣм. 2 части. Спб. 1766. Сопик. № 8956.

Акатъ и Аѳастина.

— „Гисторія о италіанскомъ кавалерѣ Акатѣ и княгинѣ Аѳастинѣ". (См. Лѣтоп. Зап. Археогр. Комм. V, отд. IV, стр. 86.)

Алберхъ.

— „Гисторія о королѣ французскомъ Алберхѣ и о сынѣ его королѣ". Рукопись XVIII в., Публ. Б-ки, по описанію Бычкова № LXXX; Погод. № 1617.

Александръ и Лодвикъ.

— „Повѣсть зело предивна и полезна о Египетскомъ королѣ Александрѣ и названномъ его братѣ Лодвикѣ". Въ рукописи конца XVIII в., скорописью, 4°, Публ. Б-ки Q. XV. № 50. См. „Отчетъ" Б-ки за 1861, стр. 55.

— Повѣсть объ Александрѣ и Лодвикѣ, безъ заглавія, на 37 листахъ, въ сборникѣ Тихонравова, № 311. Редакція гораздо обширнѣе той, какая находится въ повѣсти о Семи Мудрецахъ.

Начало: „Былъ нѣкоторый славный и богаты мужъ не в коемъ месте, иже име у себя сына единаго, егоже любляше. Видев же юношу разумомъ спеючю (sic) и даде его нѣкоторому мудрецу в дал'ные страны к научению мудрости".

Конецъ: „... А мати же для веселие плакаше велиями (sic) неутешно. И рече ей кралъ: „Не плачите, но будите в радости, отселе бо будите в моемъ кралевъстве и покою васъ во вся дни живота вашего". І взявъ іхъ с собою с хвалою и честию великою, і пришедъ во Египетъ, живяху многа лета в радости и в веселіі".

Исторія объ Александрѣ и Лодвикѣ находится, какъ замѣчено, въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“, о которой см. въ „Очеркѣ“, стр. 260. Вѣроятно, изъ рукописнаго источника повѣсть вошла въ печатный сказочный сборникъ: „Историческія сказки“, первая о золотой горѣ и пр. Спб. 1793, гдѣ на стр. 59—98: „Сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александрѣ и братѣ его Лодвикѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга“. На рукописную повѣсть есть ссылка въ „Исторіи матроса Василія“; см. „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“, Л. Майкова, стр. 45—46.

Объ источникахъ и исторіи самой повѣсти о Семи Мудрецахъ, см. указанія въ послѣднихъ изданіяхъ исторій нѣмецкой литературы Гервинуса и Коберштейна. Объ исторіи Александра и Лодвика упоминаетъ Bobertag: Gesch. des Romans und der ihm verwandten Dichtungsgattungen in Deutschland. Breslau 1876—84, I, 124.

Алкеменесъ.

— „Гисторія о скиѳскомъ королѣ Алкеменесѣ и о королевѣ Меналиппѣ“. Въ рукописи второй половины XVIII в., f°, 107 лист. Ундольскаго, № 917.

По указанію Л. Н. Майкова, это—эпизодъ изъ 4-й части романа: „Cléopatre“, par de Costes de la Calprenède. Paris, 1647—1648, 12 vol. 8°. Этого романа было много другихъ изданій, между прочимъ съ сокращеніями. Содержаніе эпизода разсказано въ Geschichte des franz. Romans im XVII Jahrh. von H. Koerting. Leipz. und Oppeln, 1885, стр. 314—318.

Алламондъ.

— „Гисторія о принцѣ Алламондѣ“,—въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова № 294 (по письменному сообщенію А. А. Титова).

Альфонзъ Аррагонскій.

— „Исторія Альфонза Аррагонскаго и Евлаліи“. Скороп. половины XVIII вѣка, 4°, на 74 листахъ, Ундольскаго, № 1128.

Альфонзъ Рамиръ.

— „Исторія о Алфонзе Рамире, короле гишпанскомъ, и о прекрасной Ангелике, принцессе лонгобардской, имянуемая Неистовый Роляндъ“. Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № CXVII. Хорошей скороп. XVIII в., на 115 листахъ.

Начало: „По завоеваніи Лонгобардамъ(и) Италіи владѣтельствовали во оной чрезъ многое время из нихъ короли наслѣдственно одинъ по одному (въ рук.: по одной по оному), хотя европейскіе государи

а особливо цесари греческіе и короли французскіе многократно старалися оную от лонгобардовъ возвратить" и пр.

— „Исторія о Алѳонзе Рамире, короле гишпанскомъ и о прекрасной Ангелике пренцесе Лонгобардской. Именуемая Неистовый Роляндъ". Особая тетрадь въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67 (по новому счету № 267), л. 1—89.

Начало: „По завоеваніі Лонгобардами Италиі владетелствовали во оной чрезъ многое время із нихъ короли наследственные одинъ по одному" и пр.

— Исторія о Неистовомъ Роляндѣ, въ Погодинской рук. № 1983. (См. въ моемъ „Очеркѣ", стр. 285.)

— „Исторія о Анѳокзѣ (читай: Альфонзѣ) Рамирѣ, королѣ гишпанскомъ, и о прекрасной Ангеликѣ, принцессѣ Лонгобардской, и о Неистовомъ Роляндѣ, племянникѣ короля французскаго Шарлемана". Въ сборникѣ романовъ, скороп. XVIII вѣка (70 лист.), на л. 1—37. Публ. Библ. F. XV. № 26.

— „Исторія о гишпанскомъ королѣ Алѳонзе Рамире и о лангобарской принцессе Ангелике". Скороп. XVIII в., на 87 лист., Публ. Библ. Q. XV. № 78.

Антонинъ Ѳиванскій.

— Исторія о королѣ ѳиванскомъ Антонинѣ и Луцыи королевнѣ, дочери Алфена Тирнацкаго, и о сынѣ ихъ Урлихѣ,—неполная, безъ начала, въ сборникѣ Забѣлина, XVII—XVIII в., 4°, № 69 (по новому счету рукописей № 223, л. 21—26, по старой нумераціи тетради, л. 3—8).

Начинается на 3-мъ листѣ: „...сказалъ какъ что было і она ево больше стала любить, а потомъ в то корол(ев)ство приехалъ из другова окрестнова королевства ковалеръ битца на шпагахъ и на пестолетахъ, і напередъ бился с королевскими ковалерами на рапирахъ, і всегда онъ всехъ побивалъ, і сталъ приезжей ковалеръ говорить королю Алѳену"...

Конецъ: ...„и увиделъ Урлихъ мать свою і кинулся к ней, і сталъ ее целовать с великою ласкою і потомъ король Антонинъ жилъ с королевою Луцыею до кончины в великой славѣ и Урлихъ сынъ ево послѣ ево былъ на его месте королемъ". (См. въ „Очеркѣ", стр. 286).

Арзасъ и Размира.

— „Гисторія объ Арзасѣ и Размирѣ". Въ сборникѣ Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Лукашевича, № 50, помѣч. 1747 годомъ. См. „Отчетъ" Музея за 1870—72 г. М. 1873, стр. 31.

— „Исторія о вѣрномъ постоянствѣ въ любви кавалера Арсаса съ

Размерой фрейлиной". Въ сборникѣ, писанномъ въ 1753—54 г. С. Кублицкимъ, л. 75—85; Ундольскаго, № 664.

— „Исторія Елисаветы, королевы Англинской, которая, какъ всемъ ізвестно, немалую склонность имела к любви". Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., № 67 (267), л. 1—20.

Нач.: „Во время государствованія своего королева Елисавета роспалілась любовию ко единому от своихъ подданныхъ именемъ Арсаса, которой імелъ чинъ генерала лейтна(н)та. Оной Арсасъ содержалъ постоянство і обязательство къ еѣ фрелине Размире, і уведавъ королева, что для імѣющей верности Размире пренебрегаетъ Арсасъ многия предложения объ явлени ея любви к нему, от того времени у королевы злоба в сердце вселилась"...

— Другой списокъ въ сборникѣ Забѣлина, по старому счету № 82.

— Повѣсть объ Арсасѣ и Размирѣ и королевѣ аглицкой Елисаветѣ,—безъ начала и конца, въ рукописи XVIII—XIX в., 4⁰, на 19 лист., собранія Тверского Музея, № 151.

Аристей и Телазія.

— „Приключенія Аристеевы и Телазины",—въ рукописи Забѣлина.

— „Похожденія Аристея и Телазіи", въ 7 книгахъ, in f⁰, на 87 листахъ. Въ сборникѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 2966, скороп. XVIII вѣка. См. „Отчетъ" Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32.

Печатное изданіе: „Похожденіе Аристея и Телазіи". Перев. съ франц. Спб. 1764. Сопик. № 8593.

Подлинникъ: Les Avantures d'Aristée el de Télasie, histoire galante et héroïque (par du Castre d'Auvigny). Paris, 1731; Amsterdam, 1732. (Comte D'I., Bibliographie des ouvrages, rélatifs à l'amour. Turin et Londres, 1871—73, I, стр. 345).

Аріана, см. Мелентесъ и Аріана.

Бертольдъ.

— „Бертольдъ". Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № CXLIII, скороп., вѣроятно, первой половины XVIII в., на 75 листахъ.

Нач.: „Бертольдъ (заглавіе) —

„Пришедъ во дворъ и прошедши мимо всехъ господъ, которые были при царе, не снявъ шляпы с себя, и не учиня поклона, пошелъ прямо и селъ близъ царя, которой царь былъ природою человѣкъ милосердой и увеселился придворными превращеніями и шутками, подумалъ о ономъ, что онъ былъ какой нибуть лунатикъ и слабоумной, ибо натурой обыкновенно въ таковыхъ уродахъ изливаетъ некая дарованіе" и пр.

— „Итальянскій Эзопъ или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія, остроумныя выдумки, хорошее поведеніе при дворѣ, купно съ его духовною. Съ французскаго языка переведена. Скороп. XVIII в., въ 4-ку, на 133 л.

„На первыхъ 2 листахъ, безъ помѣты, написано размышленіе о смерти.

„На 1 л. запись: Сія книга Стефана Рубцова, коя имъ переписанна и оправленна 1792 году, мѣсяца Априля 29 дня....

„Эта рукопись имѣетъ разницу противъ напечатанной: Эзопъ (Итальянскій) или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ, переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ, 1782 г., въ 8-ку (Сопиковъ № 369). Замѣтно, что переписчикъ рукописи Рубцовъ при перепискѣ дѣйствительно ее *оправилъ*".

Это свѣдѣніе въ книгѣ А. А. Титова: „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйств. члену Импер. Р. Археолог. Общества И. А. Вахрамѣеву". Москва, 1888, № 186 (стр. 119).

У Смирдина „Италіянской Езопъ" и пр., 1782, отмѣченъ подъ № 8887.

О Бертольдѣ см. Dunlop, Gesch. der Prosadichtungen, übers. von Liebrecht, стр. 328—331, 505, 544; Grässe, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, стр. 466 и слѣд.

Бонневаль, графъ.

— „О приключеніяхъ графа Бонневаля, съ прибытія въ Венецію до путешествія его въ Арабію". Скорописью XVIII вѣка, f°, на 179 листахъ; переводъ Василья Попова, въ 2 частяхъ.

Начинается письмомъ гр. Бонневаля къ нѣкоторой венеціанкѣ, при которомъ онъ посылаетъ ей свою исторію.

(По письменному сообщенію г. Титова; см. „Охранный Каталогъ", выпускъ 3-й, № 1912).

Брунцвикъ.

— „Повѣсть умилителная о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли, и о великомъ его разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ" и пр., Публ. Б-ки № LVII, по описанію Бычкова (Погод. Древлехран. № 1603). Первой половины XVIII в.

— „Сказаніе о кралевичѣ Брунцвиксчетскіе (sic) земли и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцехъ" въ сборникѣ XVII в. Публ. Б-ки, Q. XVII. № 143, лист. 68—119. См. „Отчетъ" за 1874, стр. 131.

— „Гисторія о королѣ Брунцвикѣ и о супругѣ его Неоменіи" въ сборникѣ Ундольскаго № 665, писанномъ мелкой скорописью въ 1753—54 г. С. Кублицкимъ, лист. 97—103.

— „Сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и храбрости“, въ спискѣ XVIII в. Ундольскаго № 924, на 20 лист. (Сл. сборн. XVIII в. № 664; въ „Очеркѣ“, стр. 223).

— „Исторія зѣло правдивая о королевичѣ Брунцвикѣ чешскія земли, како онъ ходилъ въ далныхъ и незнаемыхъ странахъ и какъ онъ примирилъ себѣ страшнаго лва“. Въ рук. Археогр. Комм. XVIII в., № 159, л. 45—61.

— „Сказаніе о кралевиче Брунцвикѣ и о его великой храбрости и о похождени како выслужилъ сѣбе лва зверя“. Въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII вѣка, собранія Тихонравова, № 301, л. 48—58. Нач.: „Бысть в чеиской земли кралевичь именемъ Брунцвикъ сынъ Штылъ Фригоря короля и остался после отца своего на королевстве в чеиской земли“... Конецъ: „...и пришедъ ляже подле Брунцвика съ радостию. Егда же Брунцвикъ проснулся и рече ему Аѳрика (а.... сиречь), а сама расмеялась: дивлюса азъ сему, милый“. Дальше нѣтъ.

— „Сказание о кралевиче Брунцвикѣ чешской земли и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ“,— рукопись, вѣроятно, первой половины XVIII вѣка, 4°, на 93 стр.; въ собраніи Е. И. Якушкина.

Начало: „В лѣто ҂ѕѻ҃ме году бысть въ чешской земли каролевичь именемъ Брунцвикъ“...

Конецъ: „...умре и самъ левъ надъ гробомъ Брунцвиковымъ, людие же взяша льва и погребоша его близь гроба Брунцвикова, славяща святую Троицу, отца и сына и святаго духа, аминь“.

О происхожденіи нашего „Брунцвика“, см. въ статьѣ А. Веселовскаго въ „Исторіи рус. словесности“, Галахова, 2-е изд. Спб. 1880, I, стр. 444—448.

Букля власовъ похищенныхъ.

— „Букля власовъ похищенныхъ. Поема герои-комическая господина Попа. Переведена на русской чрезъ Ш. 1749, октября 20 в Санктъ Питербурхе“. Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземскаго Q. № XXV. Дурной скорописью половины XVIII в., на 57 листахъ.

„Къ читателю.

„Господинъ Попъ, знаменитой стихотворецъ аглинской, всѣмъ любителямъ чтенія знакомъ довольно. Поема (сія?) его творенія переведена мною въ угодность одному моему благотворителю, которой всехъ славныхъ творцевъ твореніе столь охотно читаетъ, что еслибъ можно было ему вдругъ все ихъ книги увидеть на русскомъ языке, онъ бы зато половину (ежели не все) именіе своего отдать не пожелелъ. Того для разсудилось мне некоторымъ образомъ нужное истолкованіе о намереніи творца и причине здесь оставить на основаніи только того, что мой переводъ недале его поидетъ, а хотя и выдетъ въ люди, разум-

ные читатели найдутъ сами читая ясно увидятъ замыслъ господина Попа в шутливой сей поеме, а неразумнымъ не только мне, но и самому *) Попу со всеми философами растолковать не можно.

„Хотя переводы мои ни мало почти орегиналу нелзя уподобить, и естли господинъ Попъ въ жилище мертвыхъ, какъ тамъ все люди и во всемъ становятся равны, прочтетъ по русски свою поему, то единъ уставъ вечности удержитъ его от того — по аглицки, сошедъ сюда, со мной подратца, однако я твердо уповаю, что моя добрая воля услужить незнающимъ чюжестраннымъ языкомъ (sic), а притомъ замыслы творца и шутки произведутъ и мне въ читателяхъ снисхожденіе".

„Песнь первая.

„Пою обиду злую отъ любви и ссору рожденную отъ дерзости шутливой" и проч.

Печатное изданіе другаго перевода: „Похищенной локонъ волосовъ, въ пяти пѣсняхъ. Соч. Попа". Пер. съ франц. М. 1761.

Англійскій подлинникъ поэмы вышелъ въ 1712 г.

Валтасаръ Табурецкій

— „О Валтасарѣ королѣ табурецкомъ". Заглавіе такой исторіи записано въ сборникѣ Забѣлина, XVIII вѣка, № 67; но списка исторіи намъ не встрѣчалось.

Василій королевичъ Златовласый.

— „Притча яко невѣстамъ дѣвицамъ и юнымъ вдовицамъ, хотящимъ посягати замужъ, не довлѣетъ жениховъ своихъ злословити и присланныхъ отъ нихъ безчестить. Повѣсть творимъ о Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли и о Полиместрѣ ево прекрасной кралевнѣ ѳранчюжской", — въ рукописи первой половины XVIII вѣка, Публ. Б-ки по описанію Бычкова № LVII, Погодинскаго Древлехран. № 1603, л. 169—219, in 4°.

Начало: „Бысть в древнія лѣта в немецкихъ режахъ в ческой земли во градѣ Прагѣ король именемъ Мстиславъ (далѣе въ текстѣ: „Станиславъ"), зѣло благонравенъ, и богатъ, и славенъ, и всякія добродѣтели ісполненъ, и имѣя тотъ король сына именемъ Василія, еже есть сынъ его Василій зѣло добродѣленъ і прекрасенъ зѣло, а власы у него аки злато сияютъ, и таковыя ради красоты его прозва отецъ его Златовласомъ"...

Повѣсть издана г. Шляпкинымъ по этому списку въ „Памятникахъ древней письменности", Спб. 1882.

---

*) Нечетко.

Великодушный Индіянецъ.

— „Великодушной Индиянецъ". Рукопись Общества Любит. Др. Письмен. (изъ пріобрѣтеній новыхъ), второй половины XVIII в., на 110 листахъ, 12°.

Начало: „Зависть болшую часть людей, которыя не могутъ видеть разнства между порокомъ и добродѣтелію, приводитъ въ нещастіе" и проч.

Листъ 2-й: „Кошиншинъ весма пространное индеиское государство лежащѣе на другой стороне реки Ганжи" и пр.

Конецъ: „...сіе приключеніе написалъ в семъ доме и поныне видно: что за наивеличаише и великодушнеише поступокъ изо всехъ какъ Заметовыхъ, такъ и Могобановыхъ дѣлъ почитается".

Судя по переводу собственныхъ именъ, подлинникъ—французскій.

Веліамъ Кипрскій.

— „Повѣсть о королевиче кипърскомъ Велиамѣ, какъ не вѣдавъ женился на сестре своей родной". Въ сборникѣ XVII—XVIII в., Забѣлина, 4°, № 69 (223), л. 27—32 (особая старая нумерація тетради, л. 1—6).

Начало: „Былъ в городе Кипрѣ королевичь Велиамъ в младыхъ летехъ и имѣлъ у себя сестру родную меншую одну королевну Июлию, а та королевна Июлиа была 5 летъ, а отца и матери у нихъ не было, и королевичь братъ ее зело к ней былъ ласковъ и бѣз нѣе не могъ не пить, не есть"...

Конецъ:... „и велелъ головы ихъ... на кольяхъ по дорогамъ растыкать, а самъ король Велиамъ женился, а королевну Июлию выдалъ за мужъ за короля, и жили до кончины своей в великой славе".

Приписка другой рукой: „Сия книга третьей кананерскаи роты сержанта Гаврилы Алферьева".

(См. въ „Очеркѣ", стр. 286).

Вологисъ.

— „Исторія о пареянскомъ царѣ Вологисѣ",—въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова, № 596 (по письменному сообщенію г. Титова).

Галантъ Саксонскій.

— „Галантъ Саксонской, 5 частей, печатана во Франкъ-Фуртѣ на Мейнѣ, переведено Алексѣемъ Левшинымъ въ Новѣ-Градѣ, 1749, въ листъ". См. „Каталогъ россійскимъ книгамъ библіотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный имъ самимъ. Издалъ В. Ундольскій". М. 1846 (изъ „Чтеній" Моск. Общ. Исторіи и Древн., 1846), № 542.

— „Галантъ Саксонскій. Пять частей. Подлинная на нѣмецкомъ

языкѣ печатана во Франкфуртѣ Мантомъ, а на россійскій переводиться зачата Алексѣемъ Левшинымъ въ Новгородѣ 1749 г., августа 26 дня". Мелкою скорописью XVIII в., f⁰, на 92 листахъ. Въ собраніи г. Титова № 2035 („Охр. Каталогъ", вып. 3-й; въ печати ошибка: Галантъ).

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Никогда въ нѣмецкой землѣ столько много щегольства къ любви по общему разсужденію какъ въ Саксоніи"...

Французское изданіе: La Saxe galante. Histoire des amours d'Auguste I, roi de Pologne (par le baron de Poellnitz). Amsterdam, 1734, 12⁰.

О П. Г. Демидовѣ см. „Вѣстникъ Европы", 1821, ч. 120: „Память праведнаго съ похвалами" (№ 22) и „Для біографіи Павла Григ. Демидова" (№ 23); „Павелъ Григ. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886)". Составилъ К. Головщиковъ. Ярославль, 1887.

Гедвигъ.

— „Исторія Гедвигъ или принцессы французской природной дому Бурбонъ-Кантискаго, дочери принца и графа де Л., супруги же принца и графа де Т., владеющаго однимъ городомъ, лежащимъ въ Генуеской республике" и пр. Пять томовъ, скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 55. См. „Отчетъ" за 1871, стр. 60.

— Таже исторія, неполная, въ рук. XVIII—XIX в. Публ. Б-ки Q. XV. № 58, а именно: томъ I, на 245 л.; т. III, на 232 л.; т. IV, на 200 листахъ; II-го тома недостаетъ.

— „Исторія Гедвигъ или принцессы француской, природнои дому Бурбонъ Контиского, дочери принца и графа де L., супруги же принца и графа де Т., владеющаго однимъ городомъ лежащимъ въ генуэскои республике но весма с богатымъ портомъ, а совсемъ состоитъ въ протекціи француского короля". Рукопись въ 4⁰, второй половины XVIII в., на 318 лист. или 636 стр., принадлежащая проф. И. В. Помяловскому.

Начало: „Історния Гедвигъ, книга первая. — Не могу отписать тои ужаснои горести, которую я чювствовала пришедъ въ память, в бесчювственномъ состояніи была четыре дни, и какъ мне послѣ сказывали, что мои объмарокъ не такъ долго и опасно продолжился, какъ пресилнымъ жаромъ была я поражена" и нр.

Конецъ: „...а я то видя такъ притворилась какъ углубленная в своемъ упражненіи пела песнь любимую маркизы Дележанъ и еіо продолжая беззастановки играя устремя"...

— Рукопись Общества Др. Письмен. (изъ новыхъ пріобрѣтеній, марта 1887 г.), 4⁰, на 163 листахъ; конца XVIII вѣка. Исторія безъ заглавія и безъ начала.

Первыя строки: „...Я ради (sic) была, что одна, послала и девку ужинать а одна осталась свободна к воображению прошедшихъ дней“...

Конецъ: „...поехали мы в провожаніи великаго конвоя салдат з двора от маркизы Делюжанъ, сидело насъ трое в корете я Ѳридрикъ и командиръ той команды салдатъ, а Генрикъ селъ верхомъ и ехалъ подле кареты: темъ я оканчиваю 8-ю книгу и четвертой томъ моей исторіи.—Конецъ“.

Дѣйствующія лица: баронесса фонъ Фелдоръ, графъ де Т., маркиза Делюжакъ (или Делюжанъ), дѣвица фон-Люнсова, графъ Фридрикъ, Гедвигъ и пр.

— Рукопись Погодинскаго Древлехранилища (въ Публ. Б-кѣ) № 1794, половины XVIII вѣка, 4°, на 167 листахъ: „Історня“ — отрывокъ.

Гендрикъ и Меленда.

— „Гистория о великомочномъ рыцаре Гендрике, курфистре Саксонскомъ и о преизящной Меленде, дочере Лодвика курфистра брандебургскаго. Переведена с полскаго на славенороссиіскій диаментъ“ (sic). Въ большомъ сборникѣ XVIII в., 4°, Забѣлина, № 67 (267), 38 листовъ.

Начало: „Издревле было славно курфистрство Саксонское и градъ Древянъ“ (т. е. Дрезденъ), „в которомъ тогда былъ курфистръ, именемъ Фридрикъ, мужъ великомоченъ и ковалеръ славны, которой имелъ великую любовь с Людвикомъ, курфистромъ же брандебургскимъ, таковымже мужемъ великомочнымъ и ковалеромъ славнымъ“ и пр. У Фридриха былъ сынъ Гендрикъ, а у Людвика—дочь Меленда...

Конецъ: „...И живши с курфистриною своею Мелендою лета доволно, преселилися в вечную жизнь, прежде Меленда, а потомъ в скоромъ времени и Гендрикъ, и положены телеса ихъ во градѣ Дрезине в склепе, где кладутца умершия курфистрския персоны, а всехъ летъ жилъ Гендрикъ семдесятъ, а Меленда 69 и 8 мѣсяцовъ, дети же ихъ в разделенныхъ имъ правинціяхъ добре правили и подданныхъ своихъ імели в великой чести и милости, и жаловали по достоянию.—И тако симъ гистория кончися“.

— Сказка о Гендрикѣ, сынѣ курфирста саксонскаго, и принцессѣ Мелендѣ, дочери брандебургскаго курфирста Людовика. Такъ означенъ въ каталогѣ рукописей Общества Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, Q. № CCXXIII,—отрывокъ изъ 6 разрозненныхъ листковъ, безъ начала, разными почерками, XVIII стол.

— Вѣроятно, сюда же принадлежитъ „Исторія о славномъ рыцарѣ Гендрикѣ“, въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова, № 597 (по письменному сообщенію г. Титова).

Кромѣ повѣсти существуетъ еще „комедія“ о Индрикѣ и Мелендѣ,

въ рукописи Археографической Коммиссіи, по печатному каталогу г. Барсукова № 162, л. 23—53; впрочемъ, въ этомъ каталогѣ заглавіе ея не указано. По сообщенію П. О. Морозова комедія, принадлежащая къ репертуару Петровскаго времени, составлена не по русскому тексту повѣсти, а переведена съ готовой нѣмецкой драмы съ нѣсколько иной редакціей сюжета.

Генріада, Вольтера.

— Генріада, Вольтера, въ X пѣсняхъ. Прозаическій переводъ конца XVIII вѣка. Скоропись, f⁰, на 102 листахъ Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея, № 2960.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г. М. 1886, стр. 31. По замѣчанію „Отчета“, печатныхъ прозаическихъ переводовъ Генріады у Сопикова, Смирдина, Плавильщикова, Геннади и др. не указано.

Стихотворные переводы Як. Княжнина (Спб. 1777), кн. Голицына (М. 1790), Ив. Сирякова (Спб. 1802). Сопик. № 2545—2547.

Гереонъ милордъ.

— „Повѣсть о аглинскомъ милордѣ Гереонѣ и маркграфинѣ Марцымирисѣ“. 4⁰, на 137 листахъ, скороп. XVIII в. Въ ней 25 раскрашенныхъ миніатюръ грубой работы и нѣсколько въ очеркахъ. Принадлежала волоколамскому купцу Баженову, который въ 1775 г. заплатилъ за нее 1 руб. 30 коп. Публ. Б-ки. Q. XV. № 57. См. „Отчетъ“ за 1870, стр. 164.

— „Гистория представленная аглинскому милорду Гереону отъ гишпанскаго оберъ камеръ гера Фердинанда о италиянскихъ трехъ госпожахъ: Гевіи, Маремисе и Өиліи“. Рукопись 4⁰, на 22 лист. или 43 стран., однимъ почеркомъ; на стр. 44 запись: „Сия гистория 2 московскаго полку прапорщика Алѣксея Ароскова, списана в лагере при местечке Бруцъ берхе іюня 4 дня 758 года“. Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Господинъ Гереонъ государь мои, вы из моеи исторіи, которую я вамъ хочу предъставить, можете узнать дамскую хитрость и лукавство, што при моихъ глазахъ случилось, и с темъ началъ говорить „Фердиналдъ (sic).

„Когда я при покойномъ короле Анне державнѣишеи нашеи государыни вселюбезномъ родителе, посланъ былъ“...

Конецъ: „....В сеи Гисторіи, господинъ Гереонъ, можете ли вы признать, каковы женские хитрости и лукавства, какъ мускими умами играть могутъ и делаютъ комедию, такъ равнои хотя бы какой постояннои жене, штобъ она никакои склонности к мущинамъ не имела и тою горячностию, которую оне обыкновенно имеютъ непобежденна, верить не можно“.

— „Ветръ громъ градъ дождь молнія соединясь вдругъ во ужасъ

живущихъ человѣкъ на земли незапно приходитъ. Гисторияʺ. Рукопись 4°, на 123 лист. или 244 стран., писана вся рукою Я. Мордвинова въ 1753 году. Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Во единъ часъ черная буря покрываетъ яхонтовое небо, день пременися в ночь, облаки яко горы покрытыя осеннимъ чернымъ лесомъ, ходятъ и волнуются подобно отъ жестокаго ветра черному морю, страхъ всею грозою ужасное являетъʺ....

Конецъ: „....Гереонъ и маргграфиня оставя по себѣ законныхъ своихъ детеи въ Бранденбуріи наследниками, отъиде прежде Гереонъ, а по немъ маргграфиня отъ сего света в вечное жилищеʺ.

— „Гисторія о Аглинскомъ милордѣ Гереонѣ и о Бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Люизѣʺ, ч. 1-я, скорописью половины XVIII в., 4°. Рукопись Румянц. Музея, изъ собранія Пискарева, по описанію послѣдняго, № 202. Ср. „Отчетъʺ Рум. Музея за 1867—69 гг. М. 1871, стр. 22.

— „Гисторія объ аглинскомъ милордѣ Гереонѣʺ, 4 части. Въ двухъ спискахъ половины XVIII вѣка, разныхъ переводовъ. Ундольскаго, № 928, 929.

— „Гисторія о аглинскомъ милордѣ Геронѣʺ. Скороп. XVIII в., f°, на 136 листахъ. „Охранный Каталогъʺ Титова № 1658.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Вѣтры, громъ, дождь, соединясь во ужасъ живущимъ на земли человѣкамъ. Во единъ часъ страшная буря яхонтовое небо и день перемѣнила въ ночь; облаки яко горы покрываютъ осеннимъ чернымъ лѣсомъ, ходятъ и волнуются подобно отъ жестокаго вѣтра чудному морюʺ...

— „Гисторія о Геронѣ и Марцимирисѣ, королевнѣ Терезіи Сардинскойʺ. Скороп. XVIII вѣка, 4°, на 138 листахъ. „Охранный Каталогъʺ Титова, № 1985 (въ печати число листовъ указано 132).

Первый листъ утраченъ. Начало: „...уже солнце свѣтило свое оставляетъ, только нѣсколько лучами своими подаетъ свѣтъ, а ночь начало свое воспринимаетъʺ... (По письменному сообщенію г. Титова).

— „Повѣсть о аглинскомъ милордѣ Гереонѣʺ,—скороп. XVIII в., на 197 листахъ Публ. Б-ки, Q. XV. № 51.

— Печатное изданіе: „Повѣсть о приключеніи аглинскаго милорда Георга и о Бранденбургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіиʺ. Издалъ Матвѣй Комаровъ. 3 ч., съ картинк. Спб. 1782, 8°. Сопик. № 8042 и 13058; Н. Губерти, „Матеріалы для русской библіографіиʺ (1725—1800). М. 1878—1881. II, № 48, стр. 113—114. Перепечатывалась потомъ множество разъ и въ различныхъ редакціяхъ, подробныхъ и краткихъ. Послѣднее изданіе краткаго „Милордаʺ—книгопродавца Е. А. Губанова. М. 1886.

Графиня Савойская, см. Изабелла Мендоза.

Давидъ Симпель.

— „Истинной другъ или житие Давида Симпеля“. Въ рукописи второй половины XVIII в., 4⁰, на 180 листахъ, собранія Тихонравова, № 304.

На л. 2-мъ: „Табель главамъ перваго тома іли сей первой части“. На л. 4—заглавіе.

Начало: „Книга 1-я. Глава 1-я. О рожденіи і воспитаніи ево.—Давидъ Симпель былъ сынъ аглинского купца в Лондоне на Лугдатгилской улице“....

Конецъ (л. 178-й): „Камилла великую жалость в лице, а на глазахъ у Давыда слезы приметя весма ему за справедливое сожалѣние ево благодарила, а какъ толко братъ еѣ Валѣнтинъ вошелъ, то она рѣчь прекративши продолжение історіи своей до другова времени отложила.— Конецъ первой части“. Съ обор. 178-го листы до конца пустые.

— „Житіе Давида Симпеля, то есть простонравнаго, или Истинный другъ, переведено Волчковымъ, часть I. 1752, 4⁰“,—см. въ „Каталогѣ россійскимъ книгамъ библіотеки Павла Григ. Демидова“, изд. Ундольскаго. М. 1846, № 543.

Житіе Давида Симпеля—романъ Сары Фильдингъ, сестры извѣстнаго романиста, по-англійски изданный впервые въ 1752, въ 3 частяхъ.

Дежоръ и Шехарисъ.

— „Исторія о некоторомъ хивинскомъ императоре именемъ Дежорѣ и о Шехарисъ царице, переведена с немецкого языка на словесной россійской“ (т. е. словено-россійскій). Общества Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, Q. № CC (сборничекъ). Скороп. конца XVIII в., на 23 лист.

Начало: „Въ царствѣ хивинскомъ въ лето по воплощеніи Христове былъ Дежоръ императоръ которои по смерти родителеи своихъ остался вь юномъ образѣ“ и проч.

Волшебная сказка. Текстъ очень испорченъ. „Хивинскій“ есть, вѣроятно, китайскій (chinesisch), котораго не съумѣли перевести.

Делѳъ, король Сирскій.

— „В старыхъ историа...... о королѣ Делѳе Сирскомъ какъ незапно жену свою выдалъ замужъ“. Въ сборникѣ Забѣлина, конца XVII и начала XVIII в., 4⁰, № 69 (223), на 4 листкахъ (семь стр.), безъ конца; листки весьма ветхи и края обсыпаются.

Начало: „В старые лета в Сириі былъ коро....... зело старъ и имѣлъ у себя корол...... грету молодую и велми прекрасную, чт.....ло такой в другихъ окрестныхъ корол...... обреталось и в старости своеі зело к ней б... ревнивъ и сталъ ее беречь чтобъ она в своей молодости мимо ево некуда не коснулась и велелъ въ своемъ городе зделать посреди города высокую башню"...

Конецъ (на 7-й стр.): „...а король Делѳъ поехалъ к нимъ на свадьбу и былъ отцомъ посаженымъ и отправилъ ихъ в кирку венчатца какъ надлежитъ, и перевенчались, и была свадьба велми весела королевичю, а королю была"...

Делюксъ.

— „Исторія о французскомъ ковалерѣ Делюксѣ и о прекрасной Іоаріаннѣ". Въ сборникѣ С. Кублицкаго, 1753—54 г., л. 85—97. Ундольскаго, № 664.

Подлинникъ: Mémoires de Gaudence de Luques, prisonnier de l'inquisition. Paris, 1753, въ составѣ „Bibliothéque de Campagne ou Amusements du coeur et de l'esprit"?

Долторнъ.

— „Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной королевнѣ Элеонорѣ". Въ сборникѣ С. Кублицкаго, 1754—55 г., л. 27—55. Ундольскаго, № 912.

— „Гистория о гишпанскомъ дробанте Долторне, яко в Цесаріи получилъ корону (и) о прекраснаі гишпанской королевны Иелеоноры",— въ сборникѣ XVIII—XIX в., 4⁰, на 185 лист. („Гисторія" л. 129—174), собранія Тверского Музея, № 32.

— „Гистория о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтиче, служившемъ при королевскомъ дворе в добротахъ (поправлено: „драбатахъ", т. е. драбантахъ), именуемомъ Долторне и о прекрасной королевни Елеоноре зело удивително і много-бедъственныхъ ихъ случаяхъ". Рукопись на 82 стр., писана тѣмъ же почеркомъ, какъ исторія безъ заглавія 1738 (см. далѣе); въ собраніи В. П. Мордвинова.

— „Повѣсть о гишпанской королевѣ Элеонорѣ и о Долторнѣ. Скороп. полов. XVIII в., 4⁰, на 64 уцѣлѣвшихъ листахъ. Листы 1—10 и 18—19 утрачены. См. „Отчетъ" Румянц. Музея за 1879—82, М. 1884, стр. 30.

— „Гисторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, имянуемомъ Долторнѣ, и о прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону цесарства римскаго",—мнѣ принадлежавшая рукопись

половины XVIII в., 67 лист., переданная въ 1887 г. въ библіотеку Общества Любителей Древней письменности.

— „Исторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной королевнѣ Елеонорѣ гишпанской же“,—въ сборникѣ романовъ, скороп. XVIII в. (70 листовъ), л. 37—57. Публ. Б-ки F. XV. № 26.

— „Исторія о Долторнѣ и Елеонорѣ“. Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣка, 4°, на 168 листахъ (л. 28—67). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

Подробности о рукописяхъ и самый текстъ приведены въ моей книгѣ: „Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи. Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введеніе“ (изданіе Императ. Общества Любителей Древней Письменности). Спб., 1887 г.

Донбургъ, см. Приворотникъ.

Донъ Рамиръ Деразасъ и донна Леонора Демендосъ.

— „Похожденіе донъ Рамира Деразасъ и донны Леоноры Демендосъ, переведенное з гишпанского языка“ („часть первая“, и л. 89 „часть вторая“). Въ рукописи половины XVIII-го вѣка, 4°, на 99 перемѣч. страницахъ, правильнаго и хорошаго письма; собранія Тихонравова № 305.

Начало (стр. 2-я): „В то самое время, какъ ночь покрывать стала своимъ мракомъ городъ Мадритъ, донъ Рамиръ Деразасъ, скрываясь отъ бедъ, которые ему въ немъ случились, выехалъ изъ него в самой скорости, имеючи при себѣ толко одного вернаго слугу, которой зналъ всю ево тайну“.

На стр. 98-й: „Вотъ моя исторія, любѣзный мой донъ Рамиръ, ты можешъ разсудить, что печаль не одного тебя сокрушаетъ. Когда я с тобои встретился на дороге, то ехалъ тогда въ Мадритъ показать себя донъ Яиму, что я не волочага, такъ какъ онъ обо мне думалъ, что мое дворянство столько же честно, какъ и ево; а понеже я с вами поехалъ до Валенціи, то васъ просить буду, когда мы туда приедемъ, посмотреть мою дражайшую Викторию“.

На стр. 99-й уже другою рукою и другими, блѣдными, чернилами написано: „і мнѣ пособить увесть ее із монастыря“. Текстъ не конченъ.

Дорита и Прозерпина.

— „Гисторія. Дорита почти недреманное имѣетъ ратоборствованіе з жестоконравною Прозерпиною: что Дорита любитъ счастіемъ украшати лѣта юныхъ, Прозерпина же ненавистная не только отъятіе фортуну,

но и жизни тѣхъ лишаетъ, яко то во французской академіи простирающеися резиденціи свои надъ юнымъ шляхтичемъ дѣломъ показали; о чемъ сія гисторія объявить имѣетъ слѣдующую рѣчь“ (?!), и проч., на 12 листахъ. См. Лѣтопись занятій Археограф. Комм., вып. V. Спб. 1871; IV, стр. 86.

Евдонъ и Берѳа.

— „Історія о храбромъ ковалере Евдоне і о прекрасной принцесе Берфе“. Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземскаго Q. № CXXX. Скороп. XVIII в., на 94 листахъ.

Начало: „Когда Барбосъ разбойникъ гишпанскій по наученію отъ Францышка наслѣднаго принца къ воспріятію кароны францыжской (sic) раззорялъ Францыю и нападши на городъ Нику карбонейской, который осадивши зжегъ, жителей же предалъ свирепости меча, одинъ токмо осътался после убитаго правителя сынъ Евдонъ въ двадесятолѣтнемъ возрасте“ и т. д.

— „Гисторія о Барбосе гишпанскомъ, которой разорялъ по наученію отъ Франъцышка Ѳранцыю“. Общ. Др. Письм., по инвентарю № 2889 (или XCVIII), О. Рукопись XVIII в., на 55 листахъ Нижняя часть перваго листа оторвана.

Начало: „Егда Барбосъ разбойникъ гишпанскій по наученію отъ Ѳранцышка наследнаго принца къ восрріятію кароны ѳранцуской разорилъ Ѳранцыю и нападшѣ на градъ Никугалію Наорбонѣйскій, которой осадивши зажегъ огнѣмъ, житѣлей же предалъ свирепости меча“ и т. д.

Романъ кончается размышленіемъ о великомъ достоинствѣ вѣрной любви, одолѣвающей всѣ несчастія,—чего нѣтъ въ рукописи кн. Вяземскаво Q., № CXXX.

„Правда, что Евдонъ з Берфою еже видно много пострадали злополучія“ и пр.

На послѣднемъ листѣ запись: „Сія гисторія Черниговскаго пехотнаго полку прапорщика Александръ Дурова, писана вся своею рукою“.

— „Гисторія“. Въ сборникѣ Археогр. Коммиссіи, XVIII в., № 159, л. 2—21 (помѣта начинается со 2-го листа).

Нач.: „Когда Барбоссъ разбойникъ гишпанскій по наученію от Ѳранцышка наслѣдного принца къ воспріятію короны ѳранцужской раззорилъ Ѳранцію и нападши на городъ Никугалди Нарболенскій, которой осадивши зжегъ“ и пр.

Нравоученія нѣтъ.

— „Гисторія о Евдоне і Бѣрфе“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4°, № 67 (267), на 70 листахъ.

Начало: „Когда Борбоса разбойникъ гишпанскіі по наученію от Францышка наслѣднаго принца к восприятию короны французской ра-

зорилъ Францыю і нападши на городъ Нику Галліі Нарбонейской, которую осадивши огнемъ зажже“ и пр.

Нравоученія нѣтъ.

— Тоже, въ сборникѣ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки Q. XIV. № 27, л. 1—57, безъ первыхъ 9 листовъ.

— „Куріозная гисторія о Евдонѣ и Беръфѣ, переведена съ нѣмецкаго языка на русской“—въ рук. Черткова (Всеобщая Библ. Россіи, I, 526).

— Кажется, тоже—въ рукописи Погод. Древлехранилища № 1984. (См. въ „Очеркѣ“, стр. 286).

— „Гисторія францускaя, наченшая Разбойникомъ Барбосомъ Гишпанскимъ, а окончавшая восприятіемъ Францускои короны отъ правительскаго сына Евдона града Никугалли; и Рупелскаго принца дочерию Бер'фою“. Въ рукописи XVIII в., 4°, на 124 листахъ (перемѣчено 120), собранія Тихонравова № 308.

Начало (л. 1-й обор.): „Когда Барбосъ разбойникъ гишпанскіи по наученію отъ Францышка наследнаго принца ко восприятію короны францускои разорялъ Францыю; и нападши на градъ Никугал'ли Барбонесской, которой, осадивши, зажегъ огнемъ“ и пр.

Конецъ (л. 120): „И по маломъ времяни сщастіе Ефдону корону и скипетръ францускаго владенія вручило, которой во все свое владеніе благополучіемъ прибылъ до самыя смерти, уже во старости оставя по сѣбѣ наследника короне францускои.—И сей історіи конецъ“.

На оборотѣ 120-го листа помѣта: „Оныя исторія безъ переплета стоитъ шестьдесятъ пять копеѣкъ, съ переплетомъ же рубль дватцать копѣекъ“ (кажется, тою же рукой, какою писанъ текстъ).

На оборотѣ послѣдняго листа: „Оная книга принадлежитъ канцеляристу Гаврилѣ Ефимову“; далѣе другою рукою: „оная книга принадлежитъ копеисту Гаврилу Ефимову“. На заднемъ переплетѣ внутри, опять тою же рукою, какъ текстъ: „Сія книга придвор. живописца Гри! Ефи! 1778 года ноября 16 дня № 12“.

— „Гисториа о Евдоне Никугалскомъ и о Береѳ принцесе Рупельской и о Барбосе разбоинике“. Въ сборникѣ изъ двухъ различныхъ рукописей (см. „Ипполитъ“) на 279 лист.; настоящая гисторія— л. 183—279; собранія Тихонравова № 309.

Начало: „Когда Барбосъ разбоиникъ гишпанскои по наученню отъ ѳранцускаго наследнаго принца к восприятию короны ѳранцуской разорялъ Ѳранцию і нападши на городъ Никугалию Карбоненскиі, которой, осадивши, зажегъ огнемъ, а жителей предалъ свирепости меча“ и проч.

Конецъ: „...Евдонъ, помня услуги Сабеллины к Береѳ и къ себѣ, когда онъ у Ролянда содержалъся подарестомъ, учинилъ Аквенда въ парижскомъ воиске генераломъ-порутчикомъ, в которомъ времени

содержащейся подарестомъ Барбосъ умре и погребенъ дочерью своею Сабеллиею.—И тако по многомъ нещастиі Евдонъ з Берѳою сщастливо амуръ свои самымъ деломъ оконъчили, а сей гисторіі темъ и конецъ".

Переводъ, по сообщенію г. Тихонравова, повидимому тотъ же, что и въ предыдущей рукописи, гдѣ это мѣсто читается такъ: „Ефдонже, помня услуги Сабеллины къ Берфе, учинилъ Аквенду генерал-порутчикомъ въ парижскомъ воиске и въ скоромъ времяни содержащіися подъ арестомъ Барбоса умре и погребенъ отъ дочерп своей Сабельли и тако по многимъ несчастіямъ Ефдонъ амуръ з Берфою счастливо окончался". Слѣдующаго за этимъ, на л. 120 предыдущей рукописи, въ спискѣ № 309 нѣтъ.

— „О храбрости и дерзкихъ поступкахъ именитаго рыцаря Евдона". Скороп. XVIII в., 4°, на 100 листахъ. „Охранный Каталогъ" Титова, № 565.

По письменному сообщенію г. Титова, первый листъ оторванъ. Начало: „... пойду далѣе въ здѣшнія апортаменты и (съ) тѣми словами отворилъ двери"...

— „Исторія о славномъ и храбромъ рыцарѣ Евдонѣ и о прекрасной рупельской принцессѣ Берѳѣ и о Барбосѣ разбойникѣ". Скороп. XVIII вѣка, 4°, на 99 листахъ. „Охранный Каталогъ" Титова, № 2005.

— „Исторія о Евдонѣ и Берфѣ". Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣка, 4°, на 168 листахъ (л. 67—143). „Охранный Каталогъ" Титова, № 2461.

По письменному сообщенію г. Титова, начало: „Когда Барбоса разбойникъ гишпанскій по наущенію отъ Францизска наслѣднаго принца" и пр.

— „Экстрактъ Гисторій прошедшѣе не в давныя веки во Франціи". Въ рукописи Кублицкаго,—собранія Ундольскаго № 912, л. 98—127.

Начало: „Когда король французскіи умре тогда дядя ево королевскои Францышка наследныи принцъ к восприятію короны на за несогласиемъ между министерствомъ французскимъ к восприятію ево оноп короны не допускали не зналъ что делать" и пр.

Конецъ: „... И тако по многомъ нещастіи Евдонъ з Берфою любовь щасливо окончали, і потомъ в скоромъ времяни щасливо Евдону корона і скипетръ французского владенія вручилась, которой во все дни своего житія в щастіи и благополучіи пребылъ і по смерти своей оставя французской скипетръ в наследіе детямъ своимъ".

„Писана рукою лейбъ гвардіи преображенского полку капрала Семена Кублицкого 1755—году".

— „История о Барбосе разбоиникѣ гишпанскомъ, которой разорилъ Францыю, переведена с ѳранцускаго языка на расіискій диолетъ" (sic). Рукопись 4°, на 58 лист. или 115 стр., писана двумя почерками въ 1743 году; на стр. 116 запись: „сия гистория ингермонландскаго пехотнаго

полку первои роты салдата Матөея Иванова сына Сысоева. Писана 1743 году августа 15 дня в олонцкихъ островахъ". Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Когда Борбоса разбоиникъ гишпанскои по наужению (sic) Өранцы(ш)ка наследнаго принца к восприятию короны өранцускои разорилъ Өранцыю"...

Конецъ: „...и тако по многихъ несчастиехъ Евдонъ амер (амуръ) з Берөою счасливо окончалъ и по маломъ времени счастие Евдону корону и скипетръ өранцузскаго владения вручила, которой все свое владение въ благополучи и счасти препроводилъ и умре з Берөою в глубокои старости, оставя по себѣ наследника французскои короны".

— „Исторія о Евдонѣ и Берьөѣ и о Барбосѣ", скороп. 1746, f⁰. См. „Отчетъ" Румянц. Музея за 1879—82 г. М. 1884, стр. 30.

— „Исторія изданная о принцѣ Евдонѣ и принцессѣ Верфѣ", скороп. XVIII в., на 64 лист. Публ. Б-ки F. XV, № 40.

Евдонъ и Берфа вошли и въ лубочныя картины; см. Ровинскаго, Рус. нар. картинки, I, 188—четыре изображенія Евдона и Берфы. См. тамъ же IV, 164—165; V, 134, 254 (комедія о Евдонѣ и Берфѣ, о которой см. Забѣлина „Опыты", II, стр. 452).

— Печатное изданіе: „Постоянная любовь Евдона и Берфы, гдѣ такъ же упоминается и о славномъ разбойникѣ Борбоссѣ. Иждив. С. Петрова. Въ Москвѣ, въ типографіи Пономарева, 1787 года". Эта книга представляетъ рукописный текстъ, но съ нѣкоторыми стилистическими исправленіями. Сабелля (или Сабеллия) рукописи называется здѣсь Ангелидою. Начало: „Когда Борбосса славный Испанской разбойникъ, по наученію отъ нѣкотораго Принца, къ восприятію Французскаго престола, раззорялъ и опустошалъ Францію, тогда будучи крайнѣ ожесточенъ и распаленъ злобою, напалъ съ великимъ стремленіемъ на городъ Никкугалли Бурбоненской, которой вскорѣ осадивши, мечемъ и огнемъ истребилъ весь даже до основанія".

Конецъ: „Евдонъ, помня услуги Ангелидины къ Берфѣ, сдѣлалъ Аквенда генералъ-порутчикомъ въ Парижскомъ войскѣ, а Борбосса въ скоромъ времени подъ арестомъ умеръ. Итакъ по многомъ несчастіи Евдонъ съ Берфою любовь свою счастливо окончали. Ему наконецъ скипетръ Французскаго владѣнія вручили, съ которымъ и окончалъ жизнь свою, оставя по себѣ наслѣдниковъ достойныхъ себя".

Въ 1820 г. графъ Н. П. Румянцевъ, переписываясь съ В. Н. Берхомъ, находившимся въ Пермскомъ краѣ, и не однажды просивши его собирать списки богатырскихъ пѣсенъ и сказокъ, говоритъ: „постарайтесь пожалуйте объ отысканіи древнихъ списковъ нашихъ богатырскихъ сказокъ не токмо о россійскихъ богатыряхъ, но даже о иностранныхъ, каковы суть Бова королевичь, Евдонъ и Берфа и тому подобные" и пр. Лѣтопись зан. Археограф. Коммиссіи, вып. 6-й. Спб. 1877, II, 152.

Едуардъ и Клеомелія.

— Рукопись Общества Любит. Др. Письм. (изъ новыхъ пріобрѣтеній, марта 1887). Исторія безъ заглавія, мал. 8⁰, на 87 листахъ; второй половины XVIII вѣка.

На пустомъ листѣ въ началѣ запись: „Изъ книгъ Дмитрія Дурново“; за тѣмъ новѣйшимъ почеркомъ и карандашомъ“: „Исторія Едуардъ и Клеомилія“ (собственно Клеомелія).

Начало: „Щастие такие имеютъ (sic) перемены которыхъ человеческая премудрость предвидеть ниже избежать не можетъ что доволно испыталъ разумнои и нещастнои шевалие Дерландъ“... Дочь этого Дерланда—Клеомелія, героиня романа; герой—Едуардъ, сынъ англійскаго дворянина Кеннеля.

Конецъ: „... по смерти Кеннелевой отправились оне (съ) своимъ сыномъ з Донъ Бернардомъ и съ Изабеллой в Лондонъ, куда приехавъ благополучно наслаждались такимъ щастиемъ которое любви и добродетелемъ ихъ было достоино.—Конецъ“.

Елеонора.

— „Сказка объ Елеонорѣ“ (?). Скороп. XVIII в., 4⁰, на 48 листахъ „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 571.

Елизавета англійская, см. **Арзасъ**.

Ефродитъ и Максіонъ.

— „Исторія о славномъ саксонскомъ короле Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалере Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ“. Въ сборникѣ б-ки Моск. Общества Ист. и Древностей, отд. I, № 324, л. 135—179, плотной скорописи. Приписка: „Sia istoria Nicity Sacharova“.

Начало: „Гисторія.—В саксонскомъ королевстве былъ корольименемъ Еѳродитъ, которой былъ лицемъ зело прекрасенъ; послѣ отца своего остался во младыхъ летахъ, отчего еще не имѣлъ супружницы. Взялъ намѣреніе, чтоб ехать ему в другіе государства для всякаго любопытства, и пришедъ в присудствующій сенатъ, объявилъ намѣреніе свое всѣмъ сенаторамъ“ и пр.

Въ польскомъ королевствѣ онъ влюбился во вдову принцессу Маріанну, и по отъѣздѣ его, у нея родился сынъ Максіонъ; изъ него вышелъ красавецъ и такой „ковалеръ“, что у него не было соперниковъ на поединкахъ. Онъ не зналъ о своемъ отцѣ; зналъ только, что это была „королевская персона“. По обычаю онъ отправился странствовать и пріѣхалъ въ Саксонію подъ видомъ богатаго голландскаго купца, но принялъ участіе и въ турнирахъ, гдѣ всѣхъ побивалъ. Въ него влюбляется принцеса Раксана, нареченная невѣста короля. Максіонъ

видится съ ней, устроивъ подземный ходъ къ ея спальнѣ. Король, подъ видомъ чернеца (и самъ отецъ Раксаны—также) удостовѣрился въ ихъ любви (они напр. „всю ночь провожали въ любовныхъ разговорахъ на одной постели", но, по требованію героини, Максіонъ обязывался „сохранить дѣвство ея до уреченнаго времяни"). Король велитъ захватить его, но Максіонъ побиваетъ сотнями посланныхъ противъ него кавалеровъ и воиновъ. Наконецъ, онъ удалился изъ „Дрездина". Въ числѣ злѣйшихъ враговъ его были „мальтійскіе ковалеры", у которыхъ онъ убилъ главныхъ бойцовъ; но его союзниками явились „русскіе ковалеры", и въ главѣ ихъ „Русланъ". Маріанна долго разыскивала пропавшаго сына и наконецъ они встрѣтились въ Ригѣ (гдѣ „находитца множество ковалеровъ, какъ россійскихъ, такъ и протчихъ государствъ, понеже Рига была въ то время в великой славе"). Соскучась по Раксанѣ, Максіонъ вернулся въ Дрезденъ; здѣсь его успѣли схватить соннаго и осудили на смертную казнь. Въ послѣднюю минуту онъ открылъ королю тайну своего высокаго рожденія, и Ефродитъ узналъ въ немъ своего сына. Исторія кончается благополучно. Ефродитъ предоставляетъ ему Раксану, самъ женится на Маріаннѣ, долго еще царствуетъ и оставляетъ по смерти свой престолъ Максіону.

Когда Максіонъ родился, то—„в то число славныя философы и мудрыя аристотели, при принцессе будучи, сказали, что Максіонъ будетъ наслѣдникъ Саксонскаго королевства, понеже они по планетамъ небеснымъ сіе познаша" (л. 137 обор.).

Образчикъ любовныхъ объясненій. Послѣ турнира, Раксана, увидѣвшись съ Максіономъ, обнимала и любезно цѣловала его и говорила: „храбры и непобѣдимы ковалеръ, а мои дражайши Максіонъ, какъ ныне могу васъ именовать и от великой моей радости приветствовать по достойной чести вашего превосходителства; по истинне, мой дражайши, силу вашу и великую храбрость и мужество в ковалерскомъ действіи сама дѣйствително видела, хотя бы и славному Цыцерону, и премудрому въ ѳилософахъ Аристотелю, и великому в политикахъ Корнилію Тацыту, и славнѣйшему Конкту (sic) Курцыю и титуловъ описать не бес трудности" и пр. (л. 162 обор.).

— „Гистория о славномъ сакъсонскомъ короле Еѳродите и о сыне ево славномъ і великомъ королѣ і прекрасномъ Максионе і о прекрасной Раксане бытия іхъ". Рукопись, 4°, на 72 лист. или 144 стран., тремя почерками половины XVIII в., изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „В саксонскомъ королевстве былъ король именемъ Ефродитъ. Оставшись от родителей своихъ зело во младыхъ лѣтѣхъ красотою и дородствомъ превосходилъ всѣхъ сверстниковъ своихъ"...

Конецъ: „...после отца жилъ много летъ і па себе (sic) оставилъ наследниковъ двухъ сынавей Палюнса и Самсана, да одну дочь, которые два сына ево были в великой крепости кавалеры і много во Евро-

пе і паче в Аѳрике паказали себя, о чемъ тамо описано вся ихъ храбрость и ковалерское действие другими гисториями, і тако сия гистория канецъ себе восприяла".

Жебукоръ.

— „Течение жизни господина Жебукора". Рукопись 4°, на 22 лист. или 44 стр., однимъ почеркомъ; въ концѣ запись: „Кончена в Полше при селе Попове апреля 15, 758 года". Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Жебукоръ былъ сынъ однова знатнаго господина Мазудора. Мазудоръ африканскихъ береговъ житель. Онъ имелъ в своемъ богатстве великой достатокъ и несколко поживъ умеръ"...

Конецъ: „...и какъ пришли в покои дочери своеи, Арамиры, Импрады уже в то время пе нашли; и в такомъ посмеяни осталисъ; з дукцесою, Арамирою и Тиркасомъ уехали в Жебукорово владение, и тамъ начели жить благополучно".

Жонетта (Жанетта).

— „Гистория Жонетъты произшедшей из мужички чрезъ добродетели и чистоту в достоинство маркизы. Написанной самой оной госпожею на французскомъ языке, а нынѣ переведена на росиски диалектъ". Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземскаго, F. № CXXXIX. Скороп. XVIII в., на 367 листахъ Въ 12 частяхъ.

Нач.: „Похожденіе достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродетель и осторожность.

„Часть первая.

„Не знаю для чего я несказанной трудъ чувствую объявить мою природу. Можетъ быть нынешнее мое знатное состояние причиной сего тщеславія, и хотя морали и правильные разсужденія доволно меня научили презирать гордость" и пр. Въ концѣ, описавъ свое семейное благополучіе съ мужемъ и дѣтьми, маркиза заключаетъ: „мужъ мой всегда ко мнѣ ласковъ, учтивъ и любовенъ; и тако я окончала свое похождение симъ сладоснымъ и нужнымъ местомъ" (sic).

— „Похожденіе достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродѣтель и осторожность". Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземск. F. № LIV. Скороп. XVIII в., 319 лист. Въ 12 частяхъ.

Начало; „Часть первая.

„Не знаю для чего я несказанной трудъ чувствую в себе объявить мою природу: можетъ быть нынешнее мое знатное состояние причиной сего тщеславія"...

— „Похожденіе произшедшей въ знать и богатство мужички чрезъ добродѣтель и осторожность",—въ рукописи Забѣлина.

— Вѣроятно, сюда же относится рукопись Моск. Публ. и Румянц.

Музея № 2961: „Гисторія о Женетѣ“, въ 12 частяхъ, пер. съ французскаго. Скорописью половины XVIII в., f^{0}, на 275 лист. См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 гг. М. 1886, стр. 31.

— „Гисторія Жонетты, произшедшей изъ мужички, чрезъ добродѣтели и чистоту, въ достоинство маркизы“. Перев. съ франц., 12 частей, f^{0}, 382 л. Второй половины XVIII в. Ундольскаго, № 932.

— „Похожденія достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродѣтель и осторожность“, т. 2-й, 193 л., скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 60.

Подлинникомъ была вѣроятно эта или подобная книжка: Jeannette seconde, ou la Nouvelle paysanne parvenue, par G. (Gaillard) de La Bataille. Amst. (Paris) 1744 и др. Изданіе La Haye, 1759, 4 ч., 12^{0}, называется: La Nouvelle paysanne parvenue, ou l'Histoire de Jeannette. (Bibliographie des ouvrages, rélatifs à l'amour etc. Par M. le C. D'I... Turin et Londres, 1871—73. IV, стр. 166—167).

Зекзекбекъ Индостанецъ.

— Приключенія Зекзекбека индостанца, т. I—IV. „Переведено съ французскаго языка на россійской 1758-го года октября 25 дня“. Скороп. XVIII вѣка, 368 стр., Публ. Б-ки Q. XV. № 64. „Отчетъ“ Б-ки за 1871, стр. 60.

Зеленая птица.

— Рукопись безъ начальныхъ и послѣднихъ листковъ; всѣхъ помѣченныхъ листковъ 3 — 96, причемъ недостаетъ 6-го, 15, 17, 19, 20, 64-го. Почеркомъ начала XVIII в., мал. 8^{0} или 12^{0}, изъ собранія Тихонравова.

Начало (л. 3-й): „...вѣте такова нѣту. Для того она будетъ плакать дондеже у ней очи будутъ. Затѣмъ учела пуще прежнего выть. Король на нее глядя также волкомъ завылъ“ и пр.

Конецъ: „...Какъ она чаела всѣ уснули, учела свои жалобы творить по прежнему рече колко страстямъ я предалася тебя искаючи, а ты отъ меня бежишь и хочешь женитца на Трутоне, в чемъ я тебѣ согрубила безчадной (sic) что ты забываешь свою клятву. Подумай“...

По указанію А. Н. Веселовскаго, эта повѣсть заимствована изъ сочиненій г-жи Онэ (Aulnoy), изъ которыхъ взятъ „Адольфъ“ (см. выше). Въ переводѣ „волшебница“ названа „яга баба“.

Зелимъ и Дамазина.

— Исторія о Зелимѣ и Дамазинѣ, въ рукоп. Толст. V, № 91, Публ. Б-ки Q. XV. № 6, писанной въ апрѣлѣ 1756.

— „Зелимъ и Дамазина“. Часть первая (1759 года), въ рукописи Общества Др. Письм. (изъ новыхъ пріобрѣтеній), 4^{0}, на 160 листахъ.

Начало: „Африканския берега трепетали отъ Эрадина Барберуса, морскаго разбойника, славного разбоями своими“ и пр.

Конецъ: „...на другой день бракъ венчалъ ихъ взаимную любовь и после того долгое время вкушали сладость совокупъления, для котораго столь много слезъ, трудовъ и напастей претерпели“.

— „История Леоноры Ельведо“, въ рукописи Общества Др. Письм. (изъ новыхъ пріобрѣтеній, марта 1887), 12⁰, на 181 лист. Это—эпизодъ изъ „Зелима и Дамазины“, въ предыдущей рукописи на л. 75.

Начало: „Хотя по платью и по наречию моему каждой почтетъ меня за талианку (въ пред. рук.: италианку), но я родилась въ Гишпани—дочь дона Педра Элеево (въ пред. рук.: Элъведа), знатного гишпанскаго господина“...

Конецъ: „....вкушали сладость совокупления, для котораго толь много слезъ и трудовъ и напастей претерпевали. І тако вся сия гистория симъ окончалась“.

Переводъ вѣроятно тотъ же, который былъ напечатанъ Спб. 1761. (Смирд. № 9382).

Этотъ романъ читанъ былъ въ дѣтствѣ Карамзинымъ, и потому содержаніе его изложено Галаховымъ въ ст. о Карамзинѣ, „Современникъ“, 1853, т. XXXVII, отд. III, стр. 8—10.

Подлинникъ: „Aventures de Zélim et de Damasine, histoire afriquaine“ (par m-me le Givre de Richebourg). La Haye, Paris ou Amst. 1735, 2 ч., 12⁰. См. Bibliographie des ouvrages rélatifs à l'amour etc. Par M. le C. D'I... I, стр. 351.

Изабелла Мендоза.

— „Изабелла Мендоза, Ишпанская повѣсть, сочиненная госпожею Кошуа“. Скороп. XVIII вѣка, 8⁰, на 83 листахъ. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1318.

— Сюда же относится исторія въ рукописи половины XVIII вѣка, 4⁰, на 113 листахъ, въ собраніи Тихонравова, № 303. Заглавный листъ рукописи вырванъ, и надъ текстомъ написано заглавіе (вѣроятно по догадкѣ): „Приключенія граѳини Савойской“. Кромѣ первой старательно писанной страницы, рукопись писана почеркомъ быстрымъ и небрежнымъ. Героиня называется Изабелла.

Начало: „Ишпанскіе лѣтописцы наполнены знаменитыми распрями Толедовъ и Мендозовъ. Сіи двѣ наиславнейшия в государствѣ фамиліі имели другъ ко другу такую ненависть, которая продолжалась несколко вековъ і вкоренялась в сердца ихъ при самомъ жизни ихъ начатиі“...

Конецъ (л. 113 обор.): „Негоциация, которую графъ д'Э отправлялъ въ Англи, была столь бедственна ему принцу, сколь оная Мендозу благоприятствовала. Герцогъ Вильгельмъ ползовался симъ ви-

домъ, когда по смерти Едуарда взошелъ онъ на престолъ аглинской, чтобъ удоволствовать свою ненависть, прекративъ дни графа д'Э плачевною и позорною смертию, какъ все історики о томъ объявляютъ.— Конецъ".

Ср. Сопикова, № 4351: „Изабелла Мендоза, истинная повѣсть, соч. г-жи Кошуа; пер. съ франц." Спб. 1760. 8°, 50 коп.

Иліада и Ватрахоміомахія.

— „Гомеровы всѣ находящіяся сочиненія: Иліада, Одиссея, Батрахоміомахія, гимны и нѣсколько стихотвореній изъ греч. на лат. языкъ Іоанномъ Спонданомъ, а изъ лат. на россійскій прозою съ комментаріями І. Спондана Мавлеоненскаго Кипріакомъ Кондратовичемъ переведены въ 1758 году" (1759). Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 2956, скороп. второй половины XVIII в., f°, на 24 7листахъ. Находятся здѣсь изъ всего исчисленнаго только Иліада и Ватрахоміомахія; объ Одиссеѣ упоминается въ посвященіи, что она приводится къ окончанію. Комментаріевъ Спондана нѣтъ. Книга посвящена кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. См. „Отчетъ" Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ за 1883—85 г. М. 1886, стр. 30. Тамъ же указаніе о подлинникѣ Спондана.

Печатныя старыя изданія:

— Гомерова Иліада и пр., перев. съ греч. прозою Петръ Ефимовъ. 2 ч. Спб. 1776—78. Сопик. № 8649.

— Тоже, первыя шесть пѣсней. Переводъ Ерм. Кострова, съ портретомъ Гомера. Спб. 1787.

— „Гомерова Одиссея" была переведена „съ греческаго", прозою, 2 ч. М. 1788; 2-е изд. Спб. 1815; но Сопиковъ, № 8652—53, замѣчаетъ: „хотя и сказано, на заглавіи 1-го изданія, что перев. съ греческаго; но мнѣ извѣстно, что съ латинскаго".

— Гомерова Ватрахоміомахія и пр., перев. съ лат. В. Рубанъ. Спб. 1772; 2-е изд. 1788.

— Тоже, перевелъ съ греч. Алексѣй Огинскій. Спб. 1812. Сопик. № 8646—48.

Индіанецъ великодушный.

— „Гисторія о великодушномъ индіанцѣ". Рукоп. XVIII в., 4°, 180 стр. (часть I). Писана въ 1763 г. Принадлежала волоколамской воеводской канцеляріи канцеляристу Александру Смирнову. Рукоп. Казанск. унив. № LI. См. описаніе Артемьева въ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи, вып. 7. Спб. 1884, стр. 96—97.

Ипполитъ, англійскій кавалеръ.

— „Гυстория о Υпполите, графѣ аглинъскомъ, и о Жулли, графине аглинской же, любѣзная і всему свету куриозная инвентура, во аглин-

скомъ королевствѣ недавно в минувшемъ вѣце бысть случившаяся і чрезъ труды обрѣтенная і на свѣтъ произвѣденная“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4°, № 67 (267), на 42 листахъ.

Начало: „Мучителная Венера со стрѣлами сластолюбнаго сына своего Купиды не на единомъ токмо пустомъ фларенскомъ полѣ і французскомъ своемъ капищи резыденцыю імѣетъ, но и вездѣ присудствиемъ своимъ надъ серцами юныхъ господствовать обыкла, которая не токмо в приличныхъ власти своей местахъ, но и в противящихся ей пребываетъ, яко храбрѣйшая Марсова поля, высокомудры университелны (sic) і самыя мира отчужденныя монастыри посещать обыкла...

„Во время государствования въ Англиі короля Іякова указъ былъ публикованъ таковъ“ и пр.

Конецъ: „...и тако твердо любящияся персоны... в неразрывной любви жизнь свою препровождали і нынешнимъ вернымъ любовникамъ оставили по себѣ куриозность.—Такожъ и графъ Леандеръ в Неаполѣ у некотораго барона женился и купивъ недвижимая стяжательства не возвратясь в Англию препровождалъ жизнь свою до смерти.—Многая по истинне долгая поприща словесъ настоящая сия історія преиде і доздѣ и пришествиемъ своимъ достиже і умолче. Конецъ“.

— „Гисторія о графе Иполите и о граѳіне Жуліи англинскои(го) государства“. Въ сборникѣ конца XVIII в., 4°, Моск. Общ. Ист. и Др. Отд. I, № 324, л. 180—220.

Начало: „Предисловіе.—Мучителная венера со стрелами сластолюбнаго сына своего Купиды не на единомъ токмо пустилъ Ѳлагиномъ поле и во бручинскомъ своемъ капищи (sic) резыденцію имѣетъ, но и везде присудствіемъ своимъ надъ сердцами юныхъ господствовать обыкла, которая не токмо въ приличныхъ власти своей местахъ, но в противящихся ей пребываетъ, и яко храбрѣйшая Марсовы поля высокому древу неверзителны (sic) и самыя мира очужденныя министры (sic) посещаютъ и какъ над многими многа̀, такъ в англинскомъ Лондоне могущество свое показала, о чемъ слѣдующая гисторія полагаетъ слово“ и пр. Любопытный образчикъ уродованія текста въ перепискѣ.

— „Гистория о Иполите і Жулиі любовная і всему свету куриозная авантура в англинскомъ королѣвстве недавно в' минувшемъ времяни быть случившееся“. Въ сборникѣ, изъ двухъ различныхъ рукописей, 4°, на 279 л. („Гисторія“—на л. 121—182 об.; см. также „Евдонъ“), собранія Тихонравова № 309.

Начало: „Во время государствования в' Англиі короля Іакова въ 6 годъ указъ былъ таковъ публикованъ: хотя де предъ онымъ в Англиі разныхъісповеданиі христианския вѣры отриновенны і пресеканы были, дабы разноверцы, кроме протестанской вѣры (которыя тамъ содержатца) і по неи находящияся въ агленскомъ королевстве іли вѣру того

протестанскаго ісповедования воспріяли іли со всеми ѳамилиями і движимыми імѣниями въ 24 часа отъ Англиі выступили".

Конецъ (л. 182): „...И тако все вышеименованъные три перъсоны и верные друзья, каковыхъ въ нынешнемъ светѣ мало или и не сыщетъца: граѳы Иполитъ зъ Жулиею, Сусиѳъ съ Люциею и Леанъдеръ съ женою въ италианъскомъ городѣ Неаполе такожъ, якоже и прежде въ неразрывной между собою дружьбе и многомъ веселиі продолъжали жизнь свою даже до смерти". На обор. л. 122-го: „Многая по истинне и долгая по правде словесно состоящая сия гистория произыде, дондеже путешествиемъ своимъ конецъ достиже и умолъче".

— „Гисторія аглицкого королевства, города Лондона о графе Иполите и о дщери Графа Георгія дѣвицы Графинѣ Жуліи, и о случаехъ ихъ. Любезная и всему свѣту куриозная авантура во аглицкомъ королевствѣ недавно в минувшомъ вѣку быт случиласъ". Рукопись XVIII вѣка, собранія Тихонравова, № 318, въ 4°, на 74 листахъ. Первые тридцать листовъ заняты заглавнымъ листомъ и описаніемъ хожденія въ святую землю (безъ начала). На оборотѣ 30-го листа *позднѣйшимъ великорусскимъ почеркомъ* сдѣлана выписка изъ „состоявшагося между россійскою имперіею и блистательною портою *1775-го года* іюля 10-го трактата". Все остальное писано малороссійскимъ письмомъ. Исторія занимаетъ листы 31—74. На первой страницѣ запись: „Сия гисторія раба божия Иосифа Рижевского канцеляриста полкового Лубенского."— „Сія гистория видана аглинцкого королевства з города Лондона графомъ Ипполитомъ".

Начало: „Мучителная Венера со стрѣлами златолитнаго сина своего Купиди не на единомъ токмо пустомъ флеронскомъ полѣ и въ еруксинскомъ своемъ капищѣ резиденцію імѣетъ, но вездѣ присутствіемъ своимъ над сердцами юнихъ господствоват обикла".

Конецъ: „Також и графъ Леандер в неаполѣ в нѣкоторого барона на дочерѣ женился, и купивъ угодия не возвратясь въ Англию препровождалъ жизнъ свою до смерти. Многая по істинѣ и долгая поприща словесъ сия Гистория прейде, ибо здѣ путъ шествиемъ достиже скончася. Сия Гистория видана в англицкомъ королевствѣ в городѣ Лондонѣ 1626 голу генваря 20 д."

— „Исторія о графѣ Ипполитѣ и о графинѣ Жуліи англинскихъ". Рукопись 4°, на 73 стран., писана однимъ почеркомъ, сержантомъ Я. Мордвиновымъ: „совершися писмомъ 1750 года декабря 17 дня пополу ночи въ 5 часу". Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Во время государствованія во Англіи короля Иакова указъ былъ такой публикованъ хотя і пред онымъ разныхъ исповѣданіи християнские вѣры отриновенны и присягою утверждены были"...

Конецъ: „...такожъ и граѳъ Леандеръ в Неаполе у некотораго ба-

рона на дочери женился і купя недвижимое стежателство невозвратясь во Англию препроводилъ жизнь свою".

— „О аглинскомъ графѣ Ипполитѣ и любительницѣ его Жуліи",—въ рукописи Бередникова. См. „Извѣстія" II Отдѣл. Акад. Наукъ, IV, стр. 199.

— „Любезная и куріозная авантура, въ англинскомъ королевствѣ невдавнѣ... быти случившаяся и чрезъ труды Абренчанинова на свѣте произведена". Въ сборникѣ XVIII в., скорописью, f⁰, на 30 листахъ; Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 2998. См. „Отчетъ" Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 72.

— „Любезная и куріозная исторія объ аглинскомъ кавалерѣ Ипполитѣ и о любительницѣ его Жуліи". Скороп. полов. XVIII в., 4⁰, 45 л., Ундольскаго, № 1175.

— „Гисторія о аглинскомъ ковалере Иполите и Жулиі". Сборникъ 1754—55 г., писанный С. Кублицкимъ, Ундольскаго, № 912, л. 1—25. Начало: „Мучителная венера со стрелами славного любимаго сына Купиды ни на единомъ токмо пустомъ флоренскомъ поле і въ еруса-лимскомъ (sic) своемъ капище резиденцію имѣетъ" и проч.

Конецъ: „...Такожъ і Леандръ в Неополе у некоторого барона женился и купя жъ недвижимое стяжателство не возвратясь во Англию препроводилъ жизнь свою до смерти.

„Многие по истинне и долгая поприща словесъ настоящая сія гисторія преиде и доиде путешествиемъ своимъ достиже і умолча".

— „Любовная и всему свету курпозная авантура въ Аглинскомъ каралевстве недавно въ минувшемъ веке быть случившеяся", таже исторія о аглинскомъ графѣ Ипполитѣ, писанная „трудами" капитана Хрущова въ 1741 г. Публ. Б-ки Q. XV. № 75. „Отчетъ" за 1883 г., стр. 199.

— Ипполитъ, аглинскій кавалеръ,—безъ заглавія и начала, въ рукописи Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи, № 444, 4⁰, скороп. XVIII вѣка, на 52 лист. (См. „Описаніе", Н. Петрова, Кіевъ, 1875).

Къ этому англійскому кавалеру относится вѣроятно лубочный „Храбрый рыцарь Vполитъ", у Ровинскаго, Рус. нар. картинки I, 188; ср. тамъ же IV, 165; V, 134.

Подлинникъ: Histoire d'Hippolyte, comte de Douglas, par mad. la comtesse d'Aulnoy. Paris, 1690, 2 vol. 12⁰ (C. D' I., Bibliographie des ouvrages etc. IV, 36). Нѣмецкій переводъ: Die triumphirende Beständigkeit und belohnte Treue, oder... Lebens-Geschichte Hypolite, Graf von Duglas. Franckfurth und Leipzig. MDCCXI, 8⁰ (Mahlzahn, Deutsch. Bücherschatz. Jena, 1875, № 2022). См. также указанную выше ст. А. Н. Веселовскаго объ „Адольфѣ".

Печатный новый переводъ: „Приключенія Иполита графа де-Дю-

гласа". Пер. съ франц. Петръ Синицынъ. 2 части. Смоленскъ, 1801 (Сопик. № 8976; Смирд. № 9273).

Ицакъ, баронъ.

— „Гисторія барона фонъ Ицакъ". 4°, на 57 листахъ рукопись второй половины XVIII стол. Ундольскаго, № 934.

Подлинникъ: Begebenheiten des Herrn von Janzac, 1761. См. Menzel, Gesch. der deutschen Dichtung, II, 488.

Калдоръ и Орилулазка.

— „Исторія о Калдорѣ и прекрасной Орилулазкѣ", въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова № 297 (по сообщенію г. Титова).

Калеандръ царевичъ Греческій.

— „Исторія о Калеандре цесаревиче греческомъ и о Неонелде цесаревнѣ Трепизонъской". Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго Q. № CIX. Скороп. первой половины XVIII в., на 91 лист. Недостаетъ листовъ 33—38.

Начало: „Въ древнія лѣта до воплощенія божія когда еще идоли почитаеми были, тогда былъ во Арменіи градъ Измара, въ которомъ тогда королевствовали королевичъ Арѳиліонъ и имелъ при себе сестру именемъ Армелику" и пр.

— „Гисторія о Калеандрѣ цезаревичѣ греческомъ и о Неонилдѣ цезаревнѣ Трепизонской", — переводъ съ нѣмецкаго, скороп. половины XVIII в., f°. Въ Румянц. Музеѣ, изъ собранія Лукашевича. См. „Отчетъ" за 1870—72 г. М. 1873, стр. 31.

— „Исторія о Калеандрѣ, цезаревичѣ греческомъ, и о Неонильдѣ, цезаревнѣ Трепизонтской". Переводъ съ нѣмецкаго. Второй половины XVIII в., 4°, 81 л. Ундольскаго, № 1155.

— „Гисторія о греческомъ цесаревичѣ Колеандрѣ и о трепизонской цесаревнѣ Неонидѣ. Переведена з греческого на словенскій языкъ", — скороп. XVIII в., на 77 листахъ. Публ. Б-ки Q. XV. № 40.

— „Гисторія о Колеандрѣ, цесаревичѣ греческомъ, и о прекрасной Неонилдѣ, цесаревнѣ трапизонской",—въ рук. XVIII в. Казан. университета, л. 94—194. (См. Журн. Минист. Просв. 1854, авг., стр. 31).

— „Історія о Калеандре цесаревиче греческомъ и о Неонельде цесаревне трепизонской, переведена с немецкого на словесной (sic) языкъ". Рукопись 4°, на 141 стр., двумя почерками, съ поправками, сдѣланными третьей рукой; писана въ 1748 г.; изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „В древния лета до воплощения сына Божия, когда еще идоли почитаемы были, во Арменіи былъ градъ Илмара, в которомъ

тогда королевствовалъ король Арөилионъ, которой при себе имелъ сестру, именемъ Армелиpу"...

Конецъ: „.... і тако поживше мно(го)е число лет в великомъ совете, любви и в радости імена ихъ прославишася по всеи землии (sic), потомъ померли, и погребоша с великою честию по ихному достоинству, а королевства оставляли другимъ наследникамъ и цесарствамъ нача правити во веки.—І сея історіи конецъ і венецъ і радованецъ".

— „Гисторія о Калѣандрѣ цесаревіче грѣческомъ и о Нѣонілдѣ цесарѣвнѣ трепизонской". Въ рукописи 1⁰, на 17 листахъ мелкой скорописи, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1748 году". Въ собраніи Е. И. Якушкина.

Начало: „В древния лета еще до воплощения божия, когда еще идоли почитаеми были, во Арменіе былъ тогда славный градъ Измарагдъ"...

Конецъ: „...Александръ въ своемъ цесарстве после отца своего довольное время в великой славе и подданные имѣлъ в добромъ порядкѣ и проживъ с царевою Неонилдою дети мужеска и женска полу и оставивъ наслѣдниками и довольно по семъ умре".

Лубочное изображеніе Колеандра см. у Ровинскаго, IV, 166; V, 134.

Печатное изданіе: „Приключенія Калеандра, храбраго царевича Лакедемонскаго, и Ніотильды, королевны Өракійской", соч. П. Захарьина, 2 части. Николаевъ, 1798, 8⁰ (у Сопикова, № 8978), повидимому есть новѣйшая варіація на ту же тему.

Объ итальянскомъ подлинникѣ романа, Дж. Марини, 1644, и нѣмецкомъ переводѣ, 1651, см. Felix Bobertag Geschichte des Romans и пр. II, 1, стр. 103.

Карлъ Орлеанскій и Анибелла.

— „Жизнь Карла Орлеанскаго и Акибеллы" (въ текстѣ: Анибелла). „Перевелъ съ нѣмецкаго І. А. С.-Петербургъ 1755". Рукоп. XVIII в., Забѣлина, № 227, 4⁰, на 197 л.

Л. 2. „Предисловіе.—Весмабъ мало благодарили Архитектора, кагдабъ онъ какое великолепное зданіе ни построилъ, позабылъ притомъ входъ въ оное зделать" и пр.

Л. 5 обор. „Отъ перевод. рос."—„Я темъ охотнѣе по прозбе моихъ приятелей склонился переводить сію книшку, что она не только пустой забавы сколько ізряднаго наставленія в себе содержитъ и темъ родителямъ, кои, желая детей своихъ привесть к тому, к чему они от природы ни малыя склонности не имеютъ, а наипаче стараяся от нихъ то скрыть, что само естество без всякаго показанія в насъ производитъ, и тѣмъ думая их ізбавить от будущихъ непорядковъ, темъ же самымъ в превеликия нещастия ихъ приводятъ, да такъ что уже наконецъ и с крайнею трудностію отвратить от того іногда бываетъ невозможно. Всѣ такія обстоятельства покажетъ переведенная мною жизнь

Карла Орлеарского (sic). Я за трудъ мой и темъ буду доволенъ, когда благосклонный читатель найдетъ тутъ увеселеніе и пользу, которую я ему в сей матеріи обещаю".

Л. 6. „Жизнь и случай Карла Орлеанскаго и Акпбеллы.

„Думаю, что не погрѣшу я, когда разсуждая обьявлю, что человѣкъ, будучи еще в первой его непарочности, или лучше, не в состояніи еще различать худое от добраго, подобенъ мягкому воску, из котораго, кто оной имѣетъ, можетъ здѣлать что хощетъ (исправлено: хочетъ), а что человѣку одинъ разъ в первыхъ его лѣтахъ вперено, то или трудно, или совсемъ перемѣнить ужé невозможно. Сіе доказывается тѣмъ разсуждая из повседневныхъ опытовъ, родители дѣтей своихъ когда к тому (испр.: доказывается повседневными опытами, когда родители дѣтей своихъ к тому) принуждаютъ, или от того отвратить стараются, къ чему вся склонность ихъ возбуждаетъ (испр.: стараются, къ чему они, такъ сказать, врожденную склонность имѣютъ)".

Такія поправки слога (и поправка буквы *ѣ*) сдѣланы—другою рукой—на первыхъ трехъ листахъ.

Въ концѣ, новымъ почеркомъ: „Сия книга маркшейдерского ученика Ивана Устьянцова. Подарена ундеромъ шихмейстеромъ Карпомъ Кирхнеромъ. 1783 года, месяца декабря 14 числа". Далѣе, другой почеркъ: „Сия книга села Дѣдинова крестьянина"...

— „Исторія Карла Арлеанскаго и Анибеллы". Скороп. 1760-хъ годовъ, 4°, 56 лист. Ундольскаго, № 936.

Печатное изданіе: „Похожденіе Карла Орлеанскаго и Анибеллы". Пер. съ нѣм. И. А. Спб. 1763; изд. 2-е, 1785. Сопикóва № 8604—5; Смирдина, № 9239.

Катерина.

— „Катерина, принцесса французская и королева англійская". Романъ. Переводъ Рѣшетова, 112 лист., скороп. XVIII в. (Изъ книги: Bibliothèque de campagne). Публ. Б-ки F. XV. № 8.

Подлинникъ: „Histoire de Catherine de France, reyne d'Angleterre" (par Baudot de Juilly). Lyon, 1696, 12°, и Amsterdam, 1697, 12°.—См. Comte d' I., Bibliographie des ouvrages rélatifs à l'amour. IV, стр. 32.

Кеингъ, графскій сынъ.

— „Исторія сыписана ис книгъ зело полезна францувкаго (sic) королевства о гравскомъ сынѣ Кеинге, како онъ заслужилъ ковалерию и како дослужился онъ фелтъ маршаломъ и о аглинскои генералнои дочери именемъ Аѳиры, и какую оне между собою имели любовь",—въ сборникѣ собранія Тихонравова № 222, 4°, на 227 листахъ. Первый листъ утраченъ; на оборотѣ 63-го листа помѣчено рукою писавшаго: „Anno Domini 1734 году". Исторія Кенига занимаетъ л. 29—44. об.

Начало: „В прошедшия времена было во Францы близ столичнаго града Парижа единъ гратъ Бардоусъ, в которомъ ис портаменту его величества короля французскаго заседалъ граѳъ имѣнемъ Лютжеморъ, которой имелъ у себя жену весма красовиту, именемъ Венерву, с которою получилъ сщастие. По прошествиі дву летъ оная ѳелтъ граѳская жена родитъ сына...

Конецъ: „...Кеинъгъ же нача жити во отечестве своемъ во Ѳранъцы в великой чести и славе и жилъ с любѣзною своею женою Аѳирою в пребѣзмерной любве и в великомъ совете и многия лета поживе с нею и приживе сына и остави его по себѣ и повеле ему жити во всякомъ правовериі, а по себѣ велелъ истори писать по всемъ иностраннымъ государствомъ, и тако Кеингъ скончалса в несказанной славе и чести. Аминь. Конецъ“.

По замѣчанію г. Тихонравова, имена (не исключая Bordeaux = Бардоусъ) указываютъ на нѣмецкій оригиналъ этой исторіи, какъ и слѣдующее мѣсто: „Именовали ихъ сына мевтих, гевтих Кеин'гъ, то есть посилны, могучи и смелы“ (л. 29 обор.). „Кеингъ“ не есть ли Kuehn?

Ср. дальше исторію графа Лафарія.

Кземиндра и Рейнальдъ.

— „Гисторія о польской принцессѣ Кземиндрѣ и французскомъ принцѣ Рейнальдѣ“. Рукоп. второй половины XVIII в., f°, 89 лист. Ундольскаго, № 937.

Клеонтъ и Рамира.

— „Новые шутки Ѳартуны Иоанна Амвросия Марини, знатнаго обывателя Геновейскаго, расположенныя въ девять книгъ. Печатаны на италианскомъ языке въ Венеціи, 1702 года“. Въ рук. XVIII в., Забѣлина, № 249, 4°, на 110 листахъ,—только первыя три книги.

Л. 2—10 „Эѯътрактъ о вещахъ, содержащихся в книгахъ сихъ“.

Л. 10 обор.: „Новые шутки Ѳартуны в ползу неповинныхъ. Книга первая.

„Оставя широту недоведомого акеана, карабль Клеонтовъ и уже утесненъ между столпами Алциды вступалъ надменными ветромъ парусами в Средиземное море, а в тоже время выступалъ из онаго во акеанъ одинъ карабль, такого удивленія, что превосходилъ всехъ плавающихъ тогда по морю кораблей величествомъ зданія своего казался якобы какая крепость на море устроенная, ежелибъ плаваніемъ своимъ не оказывалъ разделенія волнъ морскихъ: бортъ всюду вкругъ убранъ былъ болясами хитро устроенными из слоновой кости, и утверждены на педесталяхъ сребряныхъ“ и пр.

На исписанной оберткѣ можно разобрать: „артиллеріи капралъ Василей Рагозинъ“; на оставшихся въ срединѣ пустыхъ страницахъ,

между прочимъ, написано: „толкобъ ежели сия история была переправлена, тобъ конечно изрядная веселость къ читанію; однако когда кто имеитъ разсудокъ, то содержание сей исторіи весма харашо“.

— „Исторія о храбромъ богатырѣ, княжецкомъ сынѣ Клеонтѣ (и Рамирѣ) изъ Гранатскаго королевства“. Рукопись XVIII в., въ Моск. Публ. и Рум. Музеѣ, изъ собранія Большакова. См. „Отчетъ“ за 1864, стр. 7.

— „Гисторія о Клеонтѣ и Рамирѣ“, въ рукоп. Забѣлина, XVIII в., по прежнему счету № 74. См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 286.

Авторъ, Др. Амбр. Марини (ум. около 1650 г.), которому принадлежитъ и Калеандръ. Книга его Scherzi di fortuna, istoria favoleggiata, Roma 1662 г. и др. Изданія 1702 г. намъ не встрѣтилось. (Ср. Graesse, Lehrbuch der allg. Literärgesch, III Bd., 2-te Abth., стр. 53—54.)

Крестина дѣвица.

— „Гисторія подлинная о дѣвицѣ Крестинѣ, героинѣ Мушкетеръ“. Въ четырехъ частяхъ. Скорописью XVIII вѣка, 4°, на 84 листахъ, „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1744.

Лафарій, Французскій графъ.

— „Исторія о француҗскомъ графѣ Лафаріи і о прекрасной княжне Маргарите медиоланской,—слушаниемъ і чтениемъ весма утѣшающая“. Въ большомъ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, № 67 (267), л. 1—22.

Начало: „Во Францiи под владениемъ его величества короля француҗскаго близь столичнаго града Парижа былъ городъ Бардау в которомъ заседалъ графъ Лежуаморъ, которой імелъ у себя сына именемъ Лафария, котораго из младости отдалъ в науку в разные академіи, где і былъ отъ 7 до 18 летъ ізучался какъ надлежитъ честному ковалеру“ и т. д.

Конецъ: „.... И по приезде ихъ спустя неделю Лафарій женілся на Маргарите.—А потомъ еще спустя неделюжъ женился і Рехилій на Лафариевой сестре Румиде, и стали жить в одномъ доме во всякомъ благополучіи и веселіи. А камординера своего Лафарій наградилъ ево за верную службу от злата и сребра предоволно, отпустилъ с волнымъ апшитомъ.—И тако симъ гистория кончилась“.

— Исторія о европскомъ кавалерѣ Лафаріи и о прекрасной медіоланской княжнѣ Маргаритѣ“,—въ сборникѣ Забѣлина, по старому счету № 82 (см. въ „Очеркѣ“, стр. 285).

Леандръ и Лювиза.

— „Гисторія о аглинскомъ графѣ Леандрѣ и о маршальской дочерѣ Лювизѣ, которыя были обязаны любовію между собою, и о случаяхъ ихъ“. Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣка, 4°, на 168 лист. (л. 143 об.—168). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Англискаго королества графъ Леандръ в младости искуствомъ предивнымъ“...

Любимъ, принцъ.

— „Сказка о принцѣ Любимѣ“. Скороп. XVIII в., 8⁰, на 32 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 1709.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Нѣкогда былъ король, который былъ столь честенъ и добродѣтеленъ, что подданные его въ знакъ къ нему любви назвали его королемъ Добрымъ. Случилось ему ѣхать на охотѣ и нечаенно одинъ бѣлинькій кроликъ, котораго гнали собаки и хотѣли заѣсть“ и пр.

Людвикъ и Палтусъ.

— „Гисторія о славномъ и храбромъ ковалере и генерале фелтмаршале Людвихе и о сыне его, храбромъ и прекрасномъ Палтусе“,— въ сборникѣ 1754—55, писанномъ С. Кублицкимъ, л. 64 — 81. Ундольскаго, № 912.

Начало: „Бысть в некоторое время в славномъ государстве великобританскомъ былъ некіи юноша зело лепообразенъ и всякихъ премудростей ізученъ і в воинскихъ делахъ храбрымъ прославленъ, іменемъ Людвихъ, і в некое время случилось ему быть на разныхъ баталияхъ“...

Конецъ: „... Палтусъ по кончине ихъ прия корону и скипетръ и былъ королемъ великобританскимъ немалое время і во время державы своеи королевство свое зело честно и щасливо содержалъ і ничего напрасно не утратилъ, но присовокупилъ другихъ государствъ правинціи и прижилъ детеи себѣ в наследство, которыми по смерти своей і погребѣны честно, а имъ оставиша державу свою в наследство.—1754 г.“.

Ляцыона, баронская дочъ.

— „Густория о девице Ляцыонѣ, баронской дочере, аглянскихъ бароновъ румскаго и цесарскихъ областей правления и о ея премудрости“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4⁰, № 67 (267), на 9 листахъ.

Нач.: „Бысть в лѣто от численія Августа астролога восемь сотъ шедесятъ четвертаго близь великаго царствующаго града Рума былъ городъ преславны во всемъ папежскомъ і о его цесарскомъ обладаніи зовомый Аглянецъ, которой во всемъ былъ подобенъ великому острову Малтійскому, і какъ оной островъ славенъ своими ковалеры, такъ сей Аглянецъ славенъ своими баронами, ибо во ономъ быша многое шляхетство, знатные и богатые люди и зѣло сиющеи мудростию и храбростию своею, которые по рекомендацыи всего римскаго сихклита іменовалися баронами“....

Конецъ:..... „і приехавъ въ Цесарию в домъ свой, чрезъ восемь

дней, и на пути не видали никакого несчастия, і тамо в домѣ своемъ совокупился съ Ляцыоною бракомъ і жилъ с ею много летъ і умроша в великой славѣ і чести".

Магометъ Второй и Іеронима.

— „Описание великодушныхъ поступокъ Магомета втораго съ княжной Іеронимой", въ рукописи Общества Др. Письм. (изъ новыхъ пріобрѣтеній), XVIII в., 4°, на 55 листахъ, двумя или тремя почерками; безъ конца.

Начало: „Въ какомъ заключиніи (sic) ревность держитъ жѣнъ восточныхъ а особливо техъ кои живутъ въ спералѣ ихъ самодержцевъ о томъ доволно ізвестно. Сералские уставы такъ строги что они содержатся все равно какъ неволницы"...

Конецъ: „...пріміте без сопротивленія помощъ от руки монарха котороі со всемъ темъ, что ни воспрещаетъ, еще васъ любит знаю что порокъ мой вамъ будетъ непротивенъ Солимана вамъ, княжна, дарую; я бы ему столко"...

Не сюда ли относится также „Исторія о султанѣ турецкомъ Магометѣ" въ рукописи XVIII вѣка, по „Охранному Каталогу" Титова № 2432, гдѣ другою статьей помѣщенъ „Россійскій дворянинъ Александръ"?

Маркиде (?).

— „Исторія Маркиде, переводъ съ французскаго И. Ш. 1744 г." Скороп. XVIII в., 4°, на 143 листахъ.

Такъ отмѣчена рукопись въ „Охранномъ Каталогѣ" Титова, № 1997. По всей вѣроятности, это — то же, что слѣдующая сейчасъ „исторія Маркиза Де."

Маркизъ Де...

— „Исторія маркиза Де"... Скороп. XVIII—XIX в., на 211 лист. Публ. Б-ки Q. XV. № 59.

Подлинникъ: Mémoires du chevalier D*, par le marquis d'Argens. Londres, 1745, 2 parties, 12° ?

Вѣроятно другой переводъ: „Приключенія кавалера Де..., истинная повѣсть, соч. маркиза д'Аржанса". Перев. съ франц. Спб. 1772. Сопикова, № 8961.

Мелвимерсъ, шевалье, см. Петиметръ философъ.

Мелентесъ и Аріанна.

— „Гисторія о дву сициліанцахъ Мелентесе и Паламеде и о прекрасной Аріанне", въ 16 книгахъ. Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, F°, № XLI, скороп. разныхъ почерковъ (одинъ очень мел-

кій) XVIII в., на 321 листѣ. Романъ пересыпанъ отдѣльными исторіями съ особыми заглавіями: Гисторія о Антонинѣ, Емиліи, Деціусѣ и Камиллѣ; о Паламедесѣ, Мелентесѣ, Емиллѣ и Камилліи; о Мелентесѣ и Аріаннѣ; о Паламедесѣ и Епихарисѣ; о Аминтесѣ и Ерицынѣ; о Евримедонѣ и Пазитеѣ, и т. д.

— „Славная гисторія о Мелинтесѣ и Аріаннѣ, о Паламедесѣ и Епихарисѣ, и о прочихъ“,—въ 16 книгахъ. Рукоп. начала XVIII в., на 345 л. Толст., отд. I, № 405; Публ. Б-ки F. XV. № 23.

— „Плачевная и любезная исторія прекрасной Аріаны“,—скороп. XVIII в., 367 лист., безъ начала и конца. Публ. Б-ки F. XV. № 32.

— „Прекрасныя Аріанны пріятная и любезная гисторія“,—въ 16 книгахъ. Рукоп., на 262 л., въ собраніи Царскаго, № 311. Въ концѣ прибавлено: „оная гисторія кандуктора Серьгея Сукова, списана въ 755 году, въ апрѣлѣ 19 числѣ, при крѣпости святыя Елизаветы“.

— „Гисторія о прекрасной Аріаннѣ и о храбромъ Мелѣнтесѣ“,—2 тома, 190 и 189 л., скороп. XVIII в. Экземпляръ неполный. Публ. Б-ки F. XV. № 33 (см. „Отчетъ“ за 1870, стр. 165).

— „Гисторія о Мелинтесѣ и прекрасной Аріанѣ“,—въ 16 книгахъ; f⁰, 352 л., второй половины XVIII в. Ундольскаго, № 938.

Печатное изданіе: „Увѣнчанная любовь, или приключенія Мелентеса и Аріанны, одной знаменитой Сициліянки“. Переводъ съ французскаго. 4 части. М. 1792. 8⁰ (Сопикова, № 6124).

Подлинникъ—„Ariane“, par J. Desmarest de St.-Sorlin. Paris 1632, или одинъ изъ нѣмецкихъ переводовъ, начиная съ 1643 и кончая Таландеромъ (Aug. Bohse): Arianens Staats-und Liebesgeschichte. Leipz. 1705. Ср. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 288—289; Grässe, Liter.-Gesch. III, II, стр. 94, 255; Bobertag, Gesch. des Romans. Bresl. 1876, II, 84, 99 и слѣд.

Мелитея.

— „О прекрасной Мелитеѣ“. Мелкою скорописью начала XVIII в., 4⁰, на 70 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 182.

По письменному сообщенію г. Титова, первые листы рукописи такъ засалены, что невозможно разобрать. Для образчика стиля приводимъ на л. 37 обор.: „Г. кавалеръ, прошу васъ, пожалуй, научи меня, какъ отъ рукъ салтанскихъ отбыть; вижу я, что не послѣдній кавалеръ можетъ отъ рукъ салтанскихъ свободить мя, только не погнѣвайся, господинъ кавалеръ, что называю васъ просто, понеже не знаю имени вашего, только по всему признаваю васъ, господинъ кавалеръ, что ты умный...“

Въ печати героиня названа Милитея.

Мелюзина.

— „Исторія благопріятна о благородной и прекрасной Мелюзинѣ... съ польскаго на словенскій на Москвѣ преведеся, преводникомъ Иваномъ Руданскимъ въ лѣто 7185“ (1677). Скороп. XVIII в., 4°, 143 л. Ундольскаго, № 939. Ср. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae, pars quarta, MDCCXLII, pag. 885.

— Тоже, безъ заглавія, въ сборникѣ XVII в., Толст., отд. II, № 218; Публ. Б-ки Q. XVII. № 8.

См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 232—233.

Метаморфозы, Овидія.

— „Предивнаго римскаго стихотворца Публия Овидия Назона Метамороозгуонъ (=зеонъ), іли пятнадесять книгъ превращенія, а чрезъ славнаго Вилгелма Бауера на меди вырѣзана, нынѣ же ради лутчаго разумѣнія сия книга с латинскаго на немѣцкой переведена къ ползе всѣхъ малеровъ, рещиковъ, золотыхъ мастеровъ и статуй дѣлателей отъ Іереміи Волоа въ Аугспургѣ 1709 г.“ Скороп. XVIII в., 4°, на 105 листахъ. См. Титова „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церк. древностей“, Ярославль, 1886, стр. 90.

л. 1, об. „Фигура 1-я. Хаосъ смешение. Думали древние язычницы слыша отъ своихъ отцовъ что до зачатия света было смешеніе, в которомъ все елементы были смѣшаны вместе (которые суть начала всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ вещеи которые мы нынѣ видимъ)“.—Рисунковъ нѣтъ.

— Изъясненіе первыхъ четырехъ книгъ Овидіевыхъ Превращеній. Скороп. начала XVIII в., 4°, на 230 листахъ, съ рисунками. Публ. Б-ки, Толстовскаго собранія, отд. II, № 434.

Ср. Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ Вел.“, II, стр. 532—533.

Милобразъ, скиоскій принцъ.

— „Гистория о скифскомъ принцѣ Милобразе, какъ получилъ за добродетель себѣ в жену принцессу Истинную Славу“. Въ сборникѣ второй половины XVIII ст., библіотеки Петербургскаго Университета № LXVII, л. 39—49, или по другой пагинаціи 45—55.

Начало: „Одинъ молодой принцъ летъ шеснатцати лишился своего отца и сталъ послѣ ево самъ владетелемъ. Хотя онъ и печалился несколко времяни о своемъ уроне, однако по молодости своей скоро утешился великолепиемъ своего сана. Сей принцъ назывался Милобразомъ. Онъ имелъ лицо приятное и сердце очень добродетелное, но воспитанъ былъ в воле и в неге, короче сказать, по ево прихотямъ“...

Конецъ: „...Милобразъ сожалелъ о его несчастіи и после того жилъ долгое время с Ыстинною Славою благополучно. Онъ имелъ с нею многихъ дочерей, ис которыхъ одна совершенно на мать свою походила.

Наконецъ оставилъ онъ в память своимъ потомкамъ жизни своей описание, в которомъ советуетъ имъ, чтоб они следовали ево примеру и уверяетъ, что одинъ толко способъ есть получить истинную славу, то есть старатся быть добродетелными и полезными своему народу, а для произведенія сего намерения съ успехомъ непременно надлежитъ иметь искреннаго друга“.

Это — аллегорическо-нравоучительная и вмѣстѣ волшебная сказка, гдѣ два принца увлекаются Истинной и Ложной Славой: первая есть добродѣтельная красавица; вторая, ея сестра, есть старая женщина, замазывающая свое безобразіе, которое открывается, когда женится на ней принцъ Властолюбъ.

Милордъ Де.

— „Меморіялъ милорда Де, переводилъ съ французскаго на русскій Т. П. П. К. и Ш., а на французской съ англійскаго переводилъ господинъ Д. Л. Т. 1748 году...., а зачелъ писать оною книгу 1758 году октября 26 дня въ Санктъ-Петербургѣ“. Скороп. 111 стр. Публ. Б-ки Q. XV. № 65.

Вѣроятно, къ тому же старому англійскому подлиннику относится книга: Lydia, ou Mémoires de milord D*, imités de l'anglais par de la Place. Bruxelles, 1772, 4 parties, 12°, или это только новое изданіе старой передѣлки.

Мулзай и Цараида.

— „Исторія о принцѣ Ганскомъ Мулзаѣ и о прекрасной Цараидѣ“. Дурная скоропись XVIII вѣка, f°, на 21 листѣ. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 2962.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31—32. По словамъ „Отчета“, переводъ, судя по языку, съ польскаго. Трехъ первыхъ листовъ недостаетъ.

Мурадъ и Туркія.

— „Мурадъ и Туркія, африканская повѣсть“,—скороп. XVIII в., 4°, 140 лист. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1665.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Тунисское государство, больше извѣстное своимъ плодородіемъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ столицы, нежели пространствомъ, будучи чрезъ множество вѣковъ пріятнѣйшимъ и покойнѣйшимъ во всей Африкѣ жилищемъ, сдѣлалось театромъ страха и изгнанія“...

Печатное изданіе: „Муратъ и Туркія, африканская повѣсть, соч. дѣвицы Луссанны“. Переводъ съ франц. В. П. М. 1780. 8°. Цѣна— 1 р. (Сопик. № 6332; Смирдина, № 9032). Былъ у насъ переводъ и другой книги этой дѣвицы: Сопик. № 4828.

Подлинникъ: Mourat et Turquia. Histoire africaine, par m-lle de L. Londres (Paris), 1752, 12°. С. D'I., Bibliographie des ouvr. etc V, 138; ср. Dictionnaire des romans, P. 1819 (разнорѣчіе относительно имени дѣвицы).

Награжденная добродѣтель, см. Рихардъ Виттенктонъ.

Неистовый Роландъ, Аріосто.

— Неистовый Роландъ, поэма Аріосто. Перевелъ съ франц. Коммиссіи Уложенія писецъ Николай Илеръ, въ 1780 году. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2958; современная скоропись, f°, на 321 и 96 лист. Экземпляръ неполный; содержитъ III томъ (24—35 пѣсни) и отрывокъ изъ другаго тома (пѣсни 41, безъ начала,—46, безъ конца). См. „Отчетъ" Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31.

Печатное изданіе:—Неистовый Роландъ, соч. г. Аріоста, перев. съ франц. Петръ Молчановъ. 3 ч. М. 1791. Сопик., № 8686, замѣчаетъ, что во французскомъ переводѣ 4 части, а по-русски больше не выходило.

Новыя шутки Фортуны, см. Клеонтъ и Рамира.

Одалиска.

— „Адалиска. Переведена съ турецкаго на французской, а нынѣ на россійской языкъ. Въ Константинополѣ. У Ибрагима Бентаса, типографщика великаго визиря, обитающаго близь мечети С. Софіи, 1779". Рукопись въ 32°, на 83 листахъ или 166 стр., однимъ почеркомъ конца XVIII в., принадлежащая проф. И. В. Помяловскому.

Начало: „Предисловіе турецкое.—Любезной читатель! Ты конечно обманешся, есть ли подумаешъ, что сочинилъ сію книгу я; ибо клянусь тебѣ самимъ алкораномъ, что не было въ ней никакого моего участія, а только перевелъ я сію книгу на свой языкъ"...

Конецъ: „...но я васъ увѣряю, что былъ бы я гораздо щастливѣе, есть ли бы приказалъ онъ мнѣ отрубить голову, и чрезъ то окончить всѣ мои нещастіи".

Содержаніе „Одалиски" состоитъ изъ ряда разсказовъ на кораблѣ, плывшемъ въ Александрію: разсказы относятся къ жизни въ султанскомъ гаремѣ, вертятся конечно на любовныхъ приключеніяхъ, ведутся евнухомъ, молодымъ туркомъ, и приводится разсказъ одной изъ одалисокъ.

Орлеанская дѣва, Вольтера.

— „Орлеанская дѣва. Поэма въ дватцать одной пѣснѣ. Сочиненія Господина Волтера.—Изъ книгъ Максима Москаликова. Списана имъ

самымъ въ Санктпетербургѣ въ 1787 году“. Рукопись собранія проф. Тихонравова, № 320, 4⁰, на 151 лист. Первый листъ занятъ заглавіемъ, второй и третій—оглавленіемъ, остальные листы—текстомъ. Переводъ прозаическій, полный, съ подстрочными примѣчаніями. Примѣчанія принадлежатъ автору поэмы. Они заимствованы изъ изданія 1774 года. Въ изданіи Oeuvres complètes de Voltaire 1784 г. эти примѣчанія автора дополнены варіантами по рукописямъ и новыми примѣчаніями. Ни варіанты, ни дополнительныя примѣчанія въ русской рукописи не переведены. Начало: „Я не рожденъ къ тому, чтобъ славословити святыхъ; гласъ мой слабъ да нѣсколько и окаяненъ. Должно однакожъ воспѣть Іоанну, божественно, какъ повѣствуютъ, чудотворившую, сію дѣву, которая непорочными своими руками утвердила стебель галскихъ лилей, спасла короля своего отъ лютости Англичанъ, была орудіемъ помазанія его въ алтарѣ реймскомъ“.

Памела или награжденная добродѣтель.

— „Памела или награжденная добродѣтель“. Заглавіе это на оборотѣ 7-го листа послѣ предисловій. Рукопись Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго F. № LIII, скороп. XVIII в., 171 л.

На первомъ листѣ посвященіе „Сіятелному граѳу“, генералъ-лейтенанту, „дѣйствительному каморъгеру“ и кавалеру ордена Св. Александра Петру Семеновичу Салтыкову.

„Милостивый государь

„Подобно источнику воды ясной, которая брега свои токомъ тучно напаяетъ часъ отъ часу болше ваше сіятелство меня неизреченною своею милостію жаловать изволите, и новую раждаете въ сердце моемъ благодарность“ и проч.

Изъ посвященія видно, что графъ Салтыковъ „приказалъ“ перевесть эту книгу неподписавшемуся лицу...

Далѣе предисловіе оригинала, затѣмъ начало:

„Писмо 1-е.

„Дражайшіе мои родители

„Я имѣю вамъ сообщить великой печали притчину, однако препровожда... (какъ будто пропускъ) некоторымъ утѣсненіемъ печаль та что моя любѣзная госпожа умѣрла в той болезни, о которой я уже с вами говорила. Она оставила всѣхъ въ грусти несказанной для тово что была чрезъ вычайно милостива“ и пр.

Молодая дѣвушка все еще переводится: „дѣвка“.

Печатныя изданія: Памела или награжденная добродѣтель, англинское твореніе, г. Ричардсона, пер. съ франц. Чертковъ. 4 части. Спб. 1787; новый перев. съ франц. 4 части. Смоленскъ, 1796. („Французскій переводъ въ 8 частяхъ,—замѣчаетъ Сопиковъ,—но на русскомъ болѣе не издано“).

Далѣе, были еще: Новая Памела, или справедливое описаніе жизни Маріи, знатной госпожи своимъ достоинствомъ, чиномъ и имѣніемъ. Перев. съ франц. 2 части. М. 1788. Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки. Соч. П. Львова. 2 ч. Спб. 1789. 2-е изд. Спб. 1794. См. Сопикова № 8042 — 46, Смирдина №№ 9157, 9158, 8444.

Парижъ и Вѣна.

— „Исторія о Париже и Вѣнѣ“. Скорописью „въ два столбца“, или собственно въ силлабическихъ риѳмованныхъ стихахъ съ раздѣленіемъ цезурой. Въ 8 частяхъ. Около половины XVIII в., 88 лист. Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, Q. № CXXIII. Сначала „предисловіе къ читателю“:

«Кто ми да подастъ разумъ премудрость и силу
Къ начатку сему славну и полѣзну дѣлу
Да придетъ отъ свѣтлаго неба помогаяй
Гласъ пенію и сладость складу подаваяй
Двухъ ссрдечно любовныхъ Парижа и Вѣны
Въ вѣліи союзности въ любьви неизмѣнны
Чтоб я в виршахъ учинилъ сей любовны секретъ
Съ изъясненіемъ что кто въ томъ изъ нихъ претерпѣтъ»...

Затѣмъ начинается:

«Во время царствованія въ Ѳранцы къроля (sic) славна
Карлуса славнѣйшаго яко всемъ есть явна
На яснѣйшемъ престоле егда царьствоваше
Все царство в любви его зѣло почиташе» и т. д.

— Исторія о великославномъ цесарскомъ кавалерѣ Парижѣ и о прекрасной кралевской дщери, именемъ Вѣнѣ, — въ рук. Черткова (Всеобщ. Библ. Россіи, I, 526).

— Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ — по обозначенію Ундольскаго или Викторова, „сатирическая поэма политическаго содержанія, въ силлабическихъ стихахъ, 8 частей, въ рук. половины XVIII в., на 93 л.“, Ундольскаго № 906. Викторовъ, ссылаясь на Вс. Библ. Черткова, замѣчаетъ (Слав.-рус. рукописи Унд. М. 1870, стр. 34): „по нашимъ каталогамъ извѣстна только въ одномъ спискѣ“.

Старинный рыцарскій романъ изъ цикла Карла Великаго: Histoire du très vaillant chevalier Pâris et de la belle Vienne, fille du Daulphin,— въ переводѣ съ провансальскаго, Anvers, 1487 (изданіе прованс. подлинника предполагаютъ въ 1481 г.) и много разъ издавался послѣ. См. о немъ Grässe, Liter.-Gesch. III, 2, стр. 388—389.

Петиметръ философъ.

— „Петиметръ философъ іли вояжи і приключеніи Женю-соалгита

шевалье де Мелвимерса по разнымъ Европскимъ Дворамъ. 1 часть". Въ рукописи собранія Тихонравова № 322, 4⁰, на 460 перемѣченныхъ страницахъ (внизу помѣта по тетрадямъ). Заглавный листъ и съ нимъ, судя по мѣсту вырѣзки, предисловіе вырѣзаны.

„Предуведомленіе. Я услышалъ, что шевалье де Мелвимеръ по своему резвому ндраву согласился дать напечатать писмы, въ которыхъ описываетъ свою жизнь одной даме въ угодность одному очень любезному принцу. А чтобъ и мне свету показать угодность, спешу я самъ предложить сию историю, хотя имею притчину не надеяться на свои дарования, однако уповаю, что примутъ ее отъ меня не вовсе за нескладную"...

Конецъ: „...Какъ мы потеряли изъ виду солдатъ, то оставили дорогу къ Сансу и, какъ люди разумные, поѣхали целикомъ къ Лотарингиі. Мое намѣреніе было не только скрыть наши слѣды, но и доѣхать до Мангейма въ Ѳалцской земле. Тамъ я хотѣлъ сдѣлать свадьбу тѣхъ двухъ любовниковъ. Мы ѣхали остатокъ дня и всю ночь, что (бы?) взять передъ, ктобъ похотелъ за нами гнатца. Во все то время мы отдыхали толко два часа, какъ и наши лошади. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановилися, почитали граѳиню по крайней мѣрѣ за принцессу королевской крови. Мы забавлялися нѣсколько времяни разговорами тѣхъ простыхъ людей. Да разсудя, что, при такомъ многолюдномъ и знатномъ провожаніи мы будемъ видны, я выпросилъ у нашихъ шести друзей, чтобъ намъ ѣхать однимъ Гартиньи и мнѣ съ молодою граѳинею.—И такъ они расталися съ нами. Мы ихъ отягчили благодарениями. Мы же продолжали нашъ путь къ Мангейму, куды и прибыли безъ всякаго приключения.—Да какъ мы доѣхали, то справедливо, государыня моя, намъ и отдохнуть и оставить мне перо, уверя васъ о почитательныхъ сентиментахъ, съ которыми я есмь и протчая.— Конецъ третьей части".

Петиметры парижскіе.

— Описаніе парижскихъ петиметровъ, сочинено въ 1757. 8⁰. См. „Каталогъ росс. книгамъ библіотеки Павла Григ. Демидова", изд. Ундольскимъ. М. 1846, № 545.

Петръ Златые-Ключи.

— „Исторія о славномъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ", въ сборникѣ 1765 г., Публ. Б-ки Q. XVII. № 172. См. „Отчетъ" за 1883, стр. 202.

— „Исторія о славномъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и прекрасной королевнѣ Магиленѣ",—конца XVIII или нач. XIX в. Публ. Б-ки Q. XV, № 76. См. „Отчетъ" за 1883 г., стр 199.

— Исторія о Петрѣ Златые Ключи, въ рукописи полов. XVIII в. Въ Рум. Музеѣ; см. „Отчетъ" за 1879—82 г., М. 1884, стр. 76.

— Повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключахъ и королевѣ Магиленѣ (безъ начала), въ сборникѣ Рум. Муз. изъ собранія Лукашевича, № 50. См. „Отчетъ“ за 1870—72 г., М. 1873, стр. 31.

— Исторія о князѣ Петрѣ и королевнѣ Магиленѣ,—въ рук. XVIII в., Рум. Музея. См. „Отчетъ“ за 1865 г., стр. 10.

— „Исторія изрядна о князѣ Петрѣ, названіемъ Златыхъ Ключевъ королевства Неаполитанскаго, и прекрасной кралевнѣ Магилены Неаполитанскаго и о рожденіи ихъ“, въ рук. Археогр. Коммиссіи XVIII в. № 159 (л. 21—45).

— „Исторія о князѣ Петрѣ франскомъ, именованномъ отъ короля Неаполитанскаго, рыцарь Златые Ключи, и о прекрасной королевнѣ неаполитанской, коя во своей красотѣ подобной себѣ не имѣла во всемъ свѣтѣ“. Скорописью половины XVIII в., 4°, на 52 листахъ, Ундольскаго, № 940.

— „О ѳранъцускомъ рыцаре и вѣликомъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключей і о прекрасной королевнѣ Магілене Неополитанъской вѣлми чюдно и полезно слушавшимъ читати“,—въ рукописи, писанной уставомъ съ киноварными заглавіями главъ, 4°, на 68 листахъ, собранія Тихонравова № 306.

Начало: „Въ древнія времена въ королевствѣ францускомъ много было волныхъ князей. Между нѣкоторыми во единой странѣ не ополинъской бысть благовѣрный князь именемъ Волъхванъ. Тойже имѣлъ у себя жену именемъ Петренилу“...

— „Гисториа о храбромъ и славномъ рицаре Петре Златыхъ Ключей и о прекрасной кралевне Магилене“. Въ рукописи второй половины XVIII в., 4°, на 76 лист., собранія Тихонравова № 307.

Начало: „В королевстве францужкомъ много есть великихъ князей. Во единой стране бысть велики князь именемъ Волфангъ, имеяше жену княжескаго роду именем Петронилу“...

Въ концѣ: „.... Конецъ сей истори, которую должно слушать съ прилѣжаніемъ, а внимати умомъ со вниманіемъ“. На 1-мъ листѣ помѣта: „Сѣла Лыскова Ивана Фѣдорова Епифанова“. На обор. 76-го листа: „Сия тетрать села Вознесенскаго Городища тож дьяк(а) Феодора Васильева“. Позднѣйшею рукой внизу: „1789“.

— „Исторія переведена съ Латынского языка на Словенскіи о славномъ богатыре і великомъ князы Петрѣ і о его силнемъ богатырстве і храбрости“ и пр., въ сборникѣ Тихонравова, № 319, писанномъ въ Мезени въ 1720 году. Переводъ „исторіи“ иной чѣмъ въ № 306 того же собранія, и сходенъ съ № 307, но безъ позднѣйшихъ сокращеній.

— Повѣсть о князѣ Петрѣ и неполитанской королевѣ Магиленѣ. Скороп. XVIII в., 4°, на 62 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2425.

По письменному сообщенію г. Титова, перваго листа недостаетъ.

Начало: „...поѣхавъ князь Петръ изъ королевства своего и ѣздилъ по многимъ государствамъ“ и пр.

— „Начало повѣсти о Магилене, королевне неаполитанской, которая по своей красоте и добродѣтели равной себѣ во всемъ свѣте не имѣла“. Въ сборникѣ первой половины XVIII вѣка, 4⁰, л. 1—64 (въ томъ же переплетѣ „Александрія), въ собраніи Евг. Ив. Якушкина. Внизу первыхъ страницъ запись: „Сия тетрать Ишапа Имотошвеша сына Омъсоша нилась сшлоею мутою 1733 году“, т. е. Ивана Прокофьева Орлова, писалъ своею рукою.

Начало: „Въ кролевствѣ ѳранцускомъ много есть вольныхъ князей, между которыми во единой странѣ быть благородный князь именемъ Волѳангъ“...

Конецъ: „...а князь Петръ жилъ после отца своего восемьдесятъ лѣтъ и преставися, а послѣ ево остался сынъ, правилъ княжение отца своего такъ мудро, какъ и отецъ его князь Петръ. И тако скончася повѣсть сия. Аминь“.

— Рукопись безъ заглавія, начальныхъ двухъ листовъ и пяти листовъ въ серединѣ; половины XVIII вѣка, на 114 стран., кромѣ недостающихъ; въ собраніи Е. И. Якушкина.

Конецъ: „...и преставися князь Петръ съ княгинею своею, прекрасною Магиленою, а послѣ ихъ остался сынъ, погребе ихъ какъ чинъ достоитъ, и правилъ на княженіи отца князя Петра такъ же честно и мирно, яко отецъ его князь Петръ. И тако повѣсть сія скончалася“.

— „Сказание о кралевстве ѳранцужскомъ и о Петре Златыхъ Ключей и о прекрасной Магилене, о похождени и о шурмовани его надъ всеми рыцари, князи и кралевичи явно предъ всеми показалъ, и отъезде ихъ из кралевства Неополитанского, и о разлукахъ, и о печалехъ ихъ, і о свиданиихъ“. Въ принадлежащемъ мнѣ сборникѣ первой половины XVIII в., л. 26—74, безъ конца.

Начало: „Много есть волныхъ князей, между которыми во единой стране бысть благочестивы князь Вонѳаигъ, той імяше жену княженетцкого роду, именемъ Петронилу, ѳранцужской королевны сестру родную, (съ) которою имея единого сына, емуже бысть имя Петръ“ и проч.

— Исторія о Петрѣ Златыхъ Ключахъ, въ сборникѣ XVII в., л. 1—9, безъ начала. Публ. Б-ки F. XV. № 34.

— Тоже, въ сборникѣ XVIII в., л. 1—61. Публ. Б-ки Q. XV. № 41.

— Тоже, въ рукописи XVIII вѣка, на 67 листахъ, Публ. Б-ки Q. XV. № 43.

— Тоже, въ рукоп. XVIII—XIX вѣка, Публ. Б-ки Q. XV. № 76.

— Тоже, въ сборникѣ 1765 года, л. 20—42, Публ. Б-ки Q. XVII. № 172.

— Тоже, въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII в., собранія Тихонравова № 301, л. 32, одно окончаніе повѣсти.

О лубочныхъ изданіяхъ „Петра Златыхъ Ключей“ см. у Ровинскаго, „Р. нар. карт.“ I, стр. 15, 121, 122; IV, 152, 153; V, 99, 104, 109, 113, 114, 167. См. также Веселовскаго, въ „Ист. р. слов.“ Галахова, изд. 2-е. Спб. 1880, I, стр. 460. Изданія провансальскаго и французскаго романа восходятъ къ концу XV вѣка. Въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 233—237.

Печатное изданіе: „Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей, Петрѣ Прованскомъ, и о прекрасной Магелонѣ“. Переведено съ французскаго М. Д., Москва, 1780, 8°, цѣна 50 коп.; 2-е изд. Смоленскъ, 1796. Сопикова, № 4855—56; Губерти, II, № 25, стр. 44—49.

Петръ и Касандра.

— „Повѣсть дивная о господинѣ Петрѣ, и о прекрасной ево Кисандрѣ, и о слугѣ Николаѣ“. Въ сборникѣ Публ. Б-ки, первой половины XVIII в., по описанію Бычкова № LVII, Погод. № 1603.

Напечатано въ „Памятникахъ древней письменности“, вып. I, стр. 135—139.

— „О господинѣ Петрѣ и о женѣ его прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ“,—въ сборникѣ повѣстей, XVIII в., принадлежащемъ Ѳ. И. Буслаеву, стр. 518—528.

Начало: „Въ знаменитомъ и славномъ градѣ Парижѣ“ и пр.

Конецъ: „...На сеже оный виршикъ читателю предаю:

Сію повѣсть располагаяй читай
И въ разумъ вся пригоды взимай,
Аще кто уразумѣетъ женскія......(?)
То будетъ знати ихъ штуки якоже и оныя Кассандры,
Понеже жена, огнь и море
Тіи ходятъ во единой сворѣ“.

Это—одна исторія изъ „смѣхотворныхъ повѣстей“, о другихъ спискахъ которой см. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 276,—близкое повтореніе новеллы Боккаччіо, Decamer. VII, 7. Въ литературѣ XVIII-го вѣка эта исторія повторена въ „Письмовникѣ“ Курганова (читано нами въ 4-мъ изданіи, 1790 г.).

Погубленный Рай.

— „Погубленный рай чрезъ Іоанна Мильтона героической поемой представленный с францускаго на россійской языкъ переведенный тайнымъ совѣтникомъ Ея Императорскаго величества дѣйствительнымъ камеръгеромъ и ордина святаго Александра Невскаго ковалеромъ бароромъ Александромъ Григорьевичемъ Строгоновымъ в Москвѣ—лѣта 1745 года“. На оборотѣ: „Списывана съ орегиналу ево в Москвѣ 1747 года“.

Рукопись Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, F. № XLVIII.

На первомъ листѣ, передъ заглавіемъ: „Изъ книгъ Петра Рычкова. Подписана въ Оренбургѣ април. 11 ч. 1749 года“.

179 листовъ весьма убористаго почерка.

„Предисловіе

къ благосклонному читателю.

„Между многими древними поетами, которыхъ, какъ въ Греціи, такъ и Италіи, находилося не мало, еще никто на толь высокую степень славы чрезъ составленные ими писанія не достигли, какъ Гомеръ и Виргилій, изъ которыхъ первый въ Греціи, а вторый в Риме житіе свое имели. О чемъ явныя доказателства осталися дѣла ихъ, а имянно изъ лутшихъ ихъ поемъ Гомеровыхъ Иліад, в которой у Грековъ с Троянами имѣющуюся войну, и Одиссея, в которой возвращеніе царя Уликса по раззореніи Трои до своего отечества на греческомъ языке описывалъ, а Виргилій уже несколко времяни потомъ на латинскомъ языке писалъ о раззореніи тойже Трои и отбытіе Енея сына Анхвисова оттуда въ Италію, которую имяновалъ Енеида, и тѣми оставленными дѣлами учинили безсмертную по себе славу.

„По нихъ же и до нынѣшнихъ времянъ сколко ни было стихотворцовъ, которые такіе же повести писали: все тщились в то, дабы вышеписаннымъ поетамъ послѣдовати, и за лутшую красоту поставляли, чтоб какъ в вымыслахъ, такъ и в речахъ сколко возможно оныхъ подражати.

„А понеже тѣ поемы сколко мнѣ видѣть случилося, болше содержатъ в себе повести различныхъ вымышленныхъ бытей, в которыя хотя они и отъ христіанскихъ творцовъ, и в нынѣшнія послѣднія вѣки сочинены, однакожъ притомъ едва не везде примешаны изъ языческихъ боговъ, якобы они въ правленіе человѣческихъ дѣлъ вступали по языческому мудрованію, послѣдуя вышеписаннымъ баснотворцамъ.

„Что же бы такіе поемы сочинены были изъ матеріи, в которой бы описано было бытіе достовѣрное, а найпаче о которомъ повѣствуется во священномъ писаніи, того еще прежде автора книги сея Погубленного Рая, которой переводъ я при семъ имею честь предложить вамъ, благосклонный читателю, никто не покусился писати, о чемъ самъ онъ в началѣ оной тако пишетъ: пенія моя восходятъ превыше горы Аоницкія (сиречь превыше всякого языческого баснословія) и объемлютъ вѣщи, которыхъ еще никто не покусился коснутися ни стихами, ни простою речью.

„Сія книга содержитъ в себе матерію о паденіи перваго человѣка, гдѣ описано возмущеніе на небеси противныхъ духовъ (,) брань, которая тамо чинилась, и побѣда над ними Сына и Слова Божія, также какъ сей видимой миръ тѣмъ же Словомъ созданъ, в которой послѣ всехъ тварей послѣдней человѣкъ сотворенъ и посаженъ для населенія оного и обладанія протчими созданіями, какъ оной живучи з женою своею в раи сладости, прелщенъ Сатаною, преступилъ заповѣдь Божію, за что изгнаны из рая дѣлати землю.

„И когда оная на французскомъ языке в мои руки попалася, тогда я, прочетши еѣ, разсудилъ перевести на свой россійской языкъ, подражая прежде мене бывшимъ из нашего же народа, которые таковыми трудами своими тщались по себе память оставить. К тому же и

повесть та, которая въ нѣй описана, казалася мнѣ достойна быти трудовъ оныхъ, понеже имѣетъ основаніе на священномъ писаніи. А наипаче и то подвигнуло меня к тому намеренію, что авторъ оной, когда онъ в семъ дѣле трудился, былъ вовсе слѣпъ, однакоже такую остроту разума отъ многаго читанія книгъ имѣлъ, что всякаго, кто его приходилъ посещати, просилъ дабы ему помогали писати, что онъ имъ сказывалъ, о чемъ явно из житія его, при семъ вкратце сообщенного, и такимъ образомъ еѣ сочинилъ, которая для преславной своей матеріи, также за высокой слогъ и вымыселъ автора, и приводъ речей древнихъ стихотворцовъ якобы подражая имъ, однакоже не примешивая ничего языческого баснословія (а гдѣ хотя о томъ упоминается, и то толко примѣромъ, а не в настоящей повести) весма похвалы достойная.

„Ежели же вамъ, благосклонный читателю, что либо возмнится в нѣй быти якобы несогласное мнѣнію восточной нашей церкви греческого исповѣданія; и оное мне яко не творцу оной, но токмо переводчику, которое наипаче превосходитъ мое знаніе, о чемъ и испытовать не надлѣжало, прошу в вину не поставити, понеже мое дѣло было не того изыскивати, но токмо тщитися в переводе правилно безъ упущенія разума авторова поступати.

„Что же я въ переводъ мой употреблялъ многіе речи славенскіе, и то учинено для того, что имѣючи приводить много отъ святаго писанія, которое на славенскомъ языке обретается, на что нужду имѣлъ ссылатися, и тако необходимо долженъ былъ самые оные слова употреблять, а и протчіе все для приличности и чтоб не было какого разногласія, тому же послѣдовалъ.

„Впротчемъ же буде я яко переводчикъ в слогахъ или реченіяхъ в чемъ погрешилъ, оное прошу мнѣ яко человѣку подлѣжащѣму погрешности чего никто же на свѣте избежать не можетъ, простити и всегда ко мнѣ благосклонну быти.

Б. А. С.“

Начало: „Пою преслушаніе перваго человѣка бедственное, действо запрещенного плода, погубленіе рая, и зло и смерть, торжествующую на земли, доколе Богочеловекъ пріидетъ судити народы и насъ паки приведетъ в блаженное жилище.

„Божественный Смысле Всевышняго чадо, сниди, съ уединенныхъ верховъ Хорива и Синая, где ты вдохновеніемъ своимъ научилъ пастыря показати избранному племени, како небо и земля произошли из бездны, или ты более любишъ гору Сіонскую и светлыя источники Силоамскіе, текущіе близъ техъ местъ, где Вечный устроилъ свои предвозвещанія ибо оттуды требую твоея помощи. Пѣнія моя смело восходятъ превыше горы Аоницкія и объемлютъ вещи, которыхъ еще никто не покусился коснутися ни простою речью, ниже стихами“, и пр.

— „Погубленный рай чрезъ Іоанна Милто́на Героической поемой представленный. Съ французскаго на россійской языкъ переведенный Тайнымъ Совѣтникомъ Ея Императорскаго Величества, дѣйствителнымъ Каморъ-геромъ и ордина святаго Алеѯандра Невскаго кавале-

ромъ барономъ Алеѯандромъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Въ Москвѣ, лѣта 1745". Рукопись Общества любителей россійской словесности, F°, на 189 листахъ. Внизу помѣты по тетрадямъ (каждая изъ 8 полулистовъ или 16 страницъ). Внизу послѣдней страницы: „писано 1753 году". На л. 1—2 об. „Предисловіе"—тоже, что̀ въ предъидущей рукописи. На л. 3—6 об. „Житіе Іоанна Милто́на вкратцѣ". На л. 7—11 „Оглавленіе краткое книги сея, имянуемые *Погубленный рай*". Текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями.

— Мильтона „Погубленный Рай", переводъ барона А. Григ. Строганова, 1745 г., въ спискѣ 1747 г., М., F., на 133 листахъ. Въ Румянц. Музеѣ. См. „Отчетъ" за 1879—1882 г. М. 1884, стр. 29. (Сравн. въ каталогѣ рукописей Ундольскаго, № 871).

— „Погубленный Рай, чрезъ Іоанна Мильтона героической поэмой представленный, съ франц. на россійскій языкъ переложенный въ Москвѣ лѣта 1745 декабря 1 дня". Скорописью конца XVIII в., f°, на 238 листахъ. Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 2959. См. „Отчетъ" за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31.

Печатныя изданія:

— Потерянный Рай (первыя три пѣсни), съ англійскаго, прозою, пер. Василій Петровъ. Спб. 1777.

— Тоже, 12 пѣсенъ, съ франц. пер. Моск. Академіи префектъ, потомъ бывшій екатериносл. архіепископъ Амвросій. М. 1780; 2-е изд. 1785; 3-е, съ присовокупленіемъ „Возвращеннаго Рая", 2 ч. М. 1801.

— Тоже, пер. съ англ. Ѳ. Загорскимъ. 2 ч. М. 1795; 2-е изд. 4 ч. М. 1810. Сопикова, № 8711—8716.

„Возвращенный Рай" былъ переведенъ съ французскаго Иваномъ Грѣшищевымъ. М. 1778. Сопик., № 8643.

Англійскій подлинникъ вышелъ въ 1667 г. (въ 10 книгахъ) и въ 1674 г. (въ 12 кн.).

Полеонціонъ Египетскій.

— Полеонціонъ. Въ сборникѣ Забѣлина XVIII в., 4°, № 73 (271), неполный списокъ, л. 4—95; на первыхъ приложенныхъ листахъ приписано рукой новѣйшаго владѣльца начало такъ: „В древния времена во градѣ Гегипътѣ царствовалъ царь именемъ Асинобѣргъ съ царицою своею Раввениею и родиша себе сына и давъ ему имя Полицыонъ" и пр. На л. 4-мъ (начало старой рукописи): „Полеонцыонъ же слышевъ брата своего похвалу о прекрасной кралевне Милитине і видевъ ея персону, которая была самымъ правымъ существомъ нарисована, и удивился зѣло"... Безъ конца.

Въ началѣ сборника записи: „Из книгъ Петра Елфимова"; „Сия

книга принадлежитъ Ярославской губерьни романовскаго уезду город(е)цкаго стану вотчины бригадира Ивана Ивановича Козлова крестьянину деревни Григорьевъскаго Дмитрею Степанову сыну Щепалову. А куплена 1803-го году июня 20 дня. Цена 32 коп.“

— Тоже, въ рукописи XVIII в., вывезенной Ѳ. М. Истоминымъ лѣтомъ 1886 г., изъ Олонецкаго края. Всего одна первая тетрадь, изъ 8 листовъ, 4⁰: „Гистория о Поліонцыонѣ цесаревиче Египетскомъ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ италіанской, и о сыне Херсоне“.

Начало: „Во египетској земли былъ градъ Острокимъ, въ которомъ тогда царьствовалъ славный царь Осиноберхъ и с царицею своею Раввениею жилъ в великой славе и чести от всехъ околнихъ царей і королей. И въ некое время поматуя (sic) его царица Раввения родила сына велми лицемъ прекрасна и нарече имя ему Полионцыонъ“ и т. д.

— „Історія о египетскомъ цесарѣ о Полиціонѣ“, въ сборникѣ XVIII—XIX в. 4⁰, на 185 лл. („Історія“ л. 1—122). Начала недостаетъ; Тверского Музея № 32.

Начало:.... „балъ и все бывшие в присудствіи разъехались, и его королевское величество (съ) своею супругою и с кралевною Милигриною поехалъ в домъ свой“...

Конецъ: „...Пожив же Полинционъ доволные лѣта в чести и радости и о старости веселився зря на храбраго сына своего славнаго кавалера Херсона: и тако отъиде сего временнаго свѣта в вѣчное преселение и блаженство; и после его державы царство его египетское содержа цесарь побѣдитель Херсонъ великіи честно и мудро, не утративъ напрасно, и содержа честь и славу цесарскаго жь величества родителя своего Поленціона. Цесарева жь Милитина, родителница его, спустя едино лѣто после возлюбленного своего супруга Поленциона отъиде в вѣчную жь жизнь: где необходимой всемъ путь, и оздесь (?) поживши в великои славе, чести и доброте, в чистоте и любви, и тамо пребудутъ без истязания, а после себя оставили намъ славу“.

— „Гисторія о Полинцыонѣ цесаревиче египецкомъ и о прекрасной королевѣ Милитине италианской“. Рукопись 4⁰, на 72 листахъ или 144 стран., однимъ почеркомъ, писана въ 1751 году; изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Во египецкои земли во граде Астракинѣ царствовалъ славный цесарь Асинабѣрхъ с цесаревою своею Раввеніею и жили с нею в великои любви, славѣ и чести ото всехъ околныхъ цареи и королеи, и тогда ему цесарю Асинабѣрху цесарева его Раввения породила сына“...

Конецъ: „...многая же и другая по истиннѣ сия настоящая история поприща словесъ преплы, и дозде путешествиемъ своимъ достиже умолча“.

— „Гисторія о Поліонцыонѣ, царевичѣ египетскомъ, и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ, и о сынѣ ихъ Герсонѣ“, 4⁰, на 100 л., писана 1762 г. въ городѣ Кунгурѣ. Публ. Б-ки Q. XV. № 67. См. „Отчетъ“ за 1874, стр. 104.

— Исторія о Поліонцыонѣ, царевичѣ египетскомъ, о прекрасной королевнѣ Милитинѣ и о сынѣ ихъ Герсонѣ,—на 132 л., скороп. XVIII в., 4⁰. Въ началѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Публ. Б-ки Q. XV. № 68. См. „Отчетъ“ Б-ки за 1875, стр. 10.

— „Гисторія о Полеонцыонѣ, цесаревичѣ египетскомъ, и о Милитинѣ, кралевнѣ италіанской“. 4⁰, 155 л. 2-й половины XVIII в. Ундольскаго № 941.

— „Исторія предивная о прекрасномъ и славномъ Полеонціоне цесаревиче египецкомъ, такожъ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ итальянской“. Скороп. XVIII в., 8⁰, на 133 листахъ. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 952.

— „История о египетскомъ цесарѣ о Поленціонѣ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ“,—въ рукописи Бередникова „Извѣстія II отдѣл. Акад. Наукъ“, IV, стр. 199.

— „История о Палионцыоне цесаревиче египецкомъ и о прекрасной кралевнѣ Милите италианской і о действіи ихъ“. Скороп. XVIII в., 4⁰, 90 лист. См. Н. Петрова: Описаніе рукописей Церковно-археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи, № 444.

— Тоже, въ рукописи XVIII вѣка, безъ заглавія и начальныхъ листовъ, 4⁰, на 142 страницахъ, кромѣ недостающихъ, въ собраніи Е. И. Якушкина. Писана одною рукой, съ многочисленными поправками слога другимъ почеркомъ.

Конецъ: „...Цесарева жъ Милитина спустя едино лѣто послѣ возлюбленнаго Паленцыона и отыде въ вѣчную жизнь, понеже необходимы сей путь и поживъ в великой славѣ і доброте и чистоте но тако пребудетъ без истязанія и после себя остависта намъ славу свою“.

Печатное изданіе: „Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ, египетскомъ царевичѣ, и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ, и о сынѣ его Херсонѣ и о царевнѣ Каламберѣ“, съ картинами, 4 части, М. 1787. 8⁰. (Сопик. № 4858).

Польницъ, баронъ.

— Похожденіе барона де-Ползницъ (вѣр. должно читать: Польницъ), описанное имъ самимъ. Скороп. XVIII в., 4⁰, 165 лист. См. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1143.

Печатное изданіе: „Похожденіе барона де-Польницъ, съ примѣчаніями историческими и географическими, описанное имъ самимъ“. Перев. съ франц. Павла Жукова. 2 ч. М. 1767 (Соп. № 8596).

Подлинникъ, вѣроятно: Lettres et mémoires du baron de Poellnitz.

Amsterdam, 1727. 4 vol. 12°, и нѣсколько другихъ изданій (Comte D'I., Bibliogr. des ouvrages rélatifs à l'amour, IV, 291).

О Пёльницѣ ср. выше „Галантъ Саксонской". Упоминаніе о немъ въ запискахъ И. И. Дмитріева; см. въ статьѣ г-жи Щепкиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII вѣка (по запискамъ Болотова)", Журн. Мин. Просв. 1886, ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 250.

Похвала глупости, Эразма.

— Похвала глупости Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавнаго листа, собранія г. Тихонравова, № 321, скороп. XVIII в., на 85 листахъ. Помѣта внизу рукописи указываетъ число *листовъ* (по четыре четверкѣ въ каждомъ). Послѣ „письма" вырвано восемь четверокъ. Л. 1-й „Письмо отъ сочинителя къ Фомѣ Мору канцлеру Аглинскому.

> „Любезный другъ! Въ послѣдній мой переѣздъ изъ Италіи въ Англію, не хотя потерять безъ ползы дорожнаго времяни или потратить ево в пустыхъ и неученыхъ расказахъ, заблагоразсудилъ несколко подумать о общихъ нашихъ ученіяхъ и наслаждатся приведеніемъ на память друзей, которыхъ здесь прі отъѣздѣ моемъ оставилъ и которые какъ ученіемъ, такъ и пріятностію въ обхожденіи всехъ къ себе привлекаютъ".

Въ „письмѣ", по списку г. Тихонравова, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „Такимъ же образомъ въ законѣ такъ стали разборчивы, что легчѣ снесутъ тягчайшее богохуленіе, нежели малеишее осужденіе папы, епископовъ или владетелей, *а особливо ежели гдѣ дѣло идѣтъ о доходахъ*. Но что касается до меня, понеже я никого имянемъ не назвалъ, то, думаю, всякой ясно увидитъ, что я нимало не намѣренъ былъ язвить и злословить, но только увещавать и наставлять. Да и во сколкихъ мѣстахъ и сколкими имянами самаго себя я заделъ? А кто никого не имянуетъ, тотъ, какъ мнѣ кажется, объявилъ себя неприятелемъ противу однихъ толко пороковъ, а не противъ людей. Естли же кто найдетъ въ сей книгѣ написанное свое изображеніе и будетъ о томъ жаловатся, тотъ темъ самымъ обличитъ свое злонравіе, по извеснымъ стихамъ:

Язвлю тебя, молчи! вить я не имяную!

Кричишь? Не я, но ты являешь совѣсть злую!"

Послѣдніе стихи принадлежатъ Кантемиру и находятся почти во всѣхъ *рукописныхъ* сборникахъ его первыхъ пяти сатиръ по первоначальной редакціи. Русская вставка сравнительно съ подлинникомъ начинается словами: „Естли же кто найдетъ".

— Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавія на первомъ листѣ. По инвентарю Общества Древней Письменности № 624, или XXVII, 4°. Скорописью XVIII в., 74 листа.

1-й листъ. „Писмо отъ сочинителя Фомѣ Мору ка кънцлеру (sic) аглинскому.

„Любезный другъ,

„В последній мой переездъ изъ Таліи (sic) въ Англію, не хотя безъ ползы потерять дорожнаго времени или потратить ево въ пустыхъ и неученыхъ разказахъ, заблагоразсудилъ несколко подумать о общихъ нашихъ ученіяхъ"...

5-й листъ. „Похвала глупости.

„Глупость говоритъ:

„Известно мне, что странныя и различныя обо мне разъсужденія происходятъ между смертными даже до того, что самые мои любимцы худо мною отзываются, но при всемъ томъ"...

— Похвала глупости. Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавія.—Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго № CCXX. Скорописью XVIII в., на 75 листахъ.

Л. 1-й. „Писмо отъ сочинителя къ Фоме Мору канцлеру англинскому.

„Любезный друкъ! (sic)

„Въ послѣдній мой переездъ изъ Италіи въ Англію, не хотя бес ползы потерять дорожнаго времени, или потратить ево в пустыхъ и неученыхъ расказахъ, за благо разсудилъ" и пр.

Л. 5-й. „Похвала глупости.

„Глупость говоритъ:

„Известно мне, что странныя и различныя обо мне разсужденія происходятъ между смертными даже до того, что самые мои любимцы худо мною отзываются, но при всемъ томъ" и пр.

Превратная любовь.

— „Превратная любовь, гистория или приключеніи милорда Е... съ маркизою Д.." Рукопись Общ. Др. Письм. (изъ новыхъ пріобрѣтеній), половины XVIII в., на 52 листахъ, 12^0.

Начало: „Не можно точно того изобразить сколь любовная страсть людми владеетъ. Я не стыжусь описывать мое безпутство, которое із повести моей в наказание другимъ видно будетъ" и пр.

Конецъ: „...Сие извѣстие привѣло меня наконецъ в совѣршенное чувство и я оставя ѣе в пакое правда хотя не совсемъ из сердца моего вонъ выгналъ но по крайней мѣре уже пересталъ сѣтовать а чтобъ воспомянуть прѣжния мои поступки, то вознамерился для того нарочно издать в свѣтъ сию маленкую книжку, которую предлагая читателямъ даю на волю хвалить ли или порицать онѣ меня захотятъ, да только темъ я буду доволенъ, что собственнымъ моимъ признаниемъ некоторымъ образомъ увеселяясь хочу исправитца".

Прекрасная Россіянка.

— „Прекрасная россіянка, ч. I, перев. съ французскаго“. Скоропись 1778 г., 4°. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2964.

См. „Отчетъ“ за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32. „Отчетъ“ указываетъ на Смирдина № 9255, но не опредѣляетъ отношенія рукописи къ печатному изданію.

Приворотникъ.

— Повѣсть приворотника картезіанскаго монастыря, писанная имъ самимъ; 2 части: въ 1-й 262, во 2-й 146 стр., въ 4°.

Романъ, переведенный съ французскаго языка въ прошломъ столѣтіи. (Всеобщая Библіотека Россіи, А. Д. Черткова. М. 1845. Прибавленіе второе, стр. 451.)

— „Повѣсть Донбурга, привратника картезіанскаго монастыря“. Скороп. XIX вѣка, 4°, на 205 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2193.

Начало: „Какое пріятное удовольствіе для сердца, когда оно свертаетъ съ себя иго обманчивыхъ и ложныхъ наслажденій, суетныхъ забавъ и опаснаго любострастія, прилѣпляющихъ его къ свѣту! Получа свободу послѣ долгаго заблужденія и достигнувъ по потеряніи предмета своихъ желаній сладкія тишины, чувствуетъ оно еще ужасъ и трепещетъ, воображая себѣ печальное напоминовеніе страховъ, избѣгнутыхъ имъ; по чуствуя сіе, считаетъ себя счастливымъ, что находится уже въ безопасности. Ощущенія сіи становятся ему милы, потому, что служатъ къ лучшему наслажденію пріятностями своего спокойствія. Такъ то, любезный читатель, положеніе и моего сердца“.

По письменному сообщенію г. Титова, означенная рукопись есть списокъ съ рѣдкой рукописи XVIII вѣка; г. Титовъ замѣчаетъ далѣе, что „этотъ романъ—самаго неприличнаго содержанія, но въ XVIII-мъ и въ началѣ XIX вѣка пользовался большою извѣстностью наравнѣ съ твореніями Баркова. Во многихъ барскихъ библіотекахъ (въ провинціи) онъ находился. У меня есть еще современный XVIII вѣка, списокъ этого романа, но нѣскольких листовъ недостаетъ. Переводъ хорошій“.

Принцессы восточныя.

— „Зерцало восточныхъ принцесъ, романъ отъ госпожѣ Фаньяны, съ французскаго на россійской языкъ переведенной Шляхетнаго кадетскаго корпуса гефрейторомъ Васильемъ Будаковымъ, маія 30 дня 1757 года“,—въ б-кѣ Моск. Общества Ист. и Древн., отд. I, № 226. „Автографъ переводчика“.

Подлинникъ: Le Miroir des princesses orientales, par mad. Fagnan. Paris, 1755, 2 vol. 12°.—C. d' I., Bibl. des ouvrages, rélatifs à l'amour, etc. V, 91.

Принцъ Военный.

— „Гисторія о принцѣ Военномъ и о принцессѣ Желанной", скороп. XVIII в., 4⁰, въ Рум. Музеѣ, изъ собранія Лукашевича. См. „Отчетъ" за 1870—72, М. 1873, стр. 31.

[Histoire du roi de Campanie et de la princesse Parfaite. Amsterdam, 1736, 12⁰, безъ имени автора, который былъ J. B. de Boyer, marquis d'Argens; см. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes.—Подлинникъ?]

Римскіе ковалеры и дамы.

— „Исторія о соединенной компаніи и о любовныхъ разговорахъ римскихъ ковалеровъ и дамъ Марцеллюси и Клелліи и протчихъ".—Публ. Б-ки F. XV. № 29. Скороп. XVIII в., 227 л.

Подлинникъ—„Clélie", г-жи Скюдери (Grässe, III, II Abth. стр. 91; Dunlop-Liebrecht, стр. 383—384)?

Рихардъ Виттенктонъ.

— „Награжденная добродѣтель, или повѣсть о Рихардѣ Виттенктонѣ",—5 лист. скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 38.

Саади.

— „Розы изъ Вертограда политическаго Муслана Саади въ ползу юношества россійскаго выбранныя, и с латиноримскія па великороссійскую землю присажденныя трудами Іоанна Ильинскаго, Академіи Наукъ перевотчика.

„Ярая слава граде отчизна милѣйша
„Пріими трудъ питомца хотя и подлѣйша.
„1735 года, Генваря 2 дня.
„Скороп. XVIII в., въ л., на 18 л." и пр.

Это указаніе, а также нѣкоторыя выписки и свѣдѣнія объ Ильинскомъ, въ книгѣ А Титова: „Рукописи слав. и русскія принадл. И. А. Вахрамѣеву", М. 1888, № 204 (стр. 124—125).

Симпель, см. Давидъ Симпель.

Сициліанка добродѣтельная.

— „Добродетельная Сицылианка или приключеніи маркизы Альбелины". Рукопись XVIII в., Забѣлина, № 96, большое 4⁰, на 207 страницахъ.

Нач.: „Я признала бы себя виновною великой неблагодарности противъ Бога, ежели бы не возвестила всему свету отъ всевысочайшаго милосердия Его излиянъныя на меня благодеяния. Не довольно что они всегда представляются во уме моемъ, но надобно чтобъ и другимъ были известны. Ахъ, для чего не могу я ихъ расказать моими устами,

они могли бы гораздо яснея изобразить действующия в сердце моемъ движения благодарности, нежели слабое мое перо, которое вырозить оныя достаточно силы не имеетъ" и пр.

Стр. 2: „Палермо есть место моего рождения. Родители мои приказали (вѣр.: прилагали) все свое старания чтобъ меня добрадетелно воспитать и такъ какъ бы еще со млекомъ влиять в меня движенiи истиннаго страха божия. Едва только первыя искры разума смыслъ мой просвещать начали" и пр.

Нравоучительная повѣсть.

— Добродѣтельная Сициліанка, или приключенія маркизы Албелиніи. Скороп. XVIII вѣка, 4°, на 129 листахъ Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2965.

См. „Отчетъ" Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32.

— Сюда должна относиться исторія безъ заглавія (для котораго оставлено мѣсто) въ рукописи половины XVIII в., 4°, на 158 лист., собранія Тихонравова № 302.

Начало (л. 1-й): „Я почла бы себя виновную великой неблагодарности противъ Бога, ежели бы отъ всевысочайшаго милосердия его полученныя благодеяниі предъ всемъ светомъ не признала".

Конецъ (л. 157 обор.—158): „I такъ заключаю описание моихъ приключеній техъ по крайней мере, которые я по тотъ щесливой часъ имела, когда любезъного любви достойнаго і великодушнаго для меня в свете человека называти стала.—Сия история кончилась".

Героиня—Терезилла.

Телемакъ.

— „Похожденіе Телемака, сына Улиссова, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ де ла Моттъ Фенелонъ, учителя государей дѣтей королей француских, потомъ архіепископъ дюкъ де Камбре и князь Святыя Имперіи. Новыя печати съ подлинного манускрыпта авторова умножена и исправлена. Часть первая" (съ л. 137 „часть вторая"). „Переведена 724 года". Б-ки Моск. Общ. Исторіи и Древн. I, № 161, F., на 262 листахъ.

— „Случаи Телемаховы сына Улиссова или послѣдованіе четвертыя книги Одиссеи Омира чрезъ господина Франца де Солинякъ де-ля Мотъ Ѳенелонъ, архіепископа и дюка Камърезескаго, князя священнаго Имперіи, графа Камърезискаго, прежде бывшаго учителя государей, дюковъ Бургонскихъ, Анжу и Берри и прочая для наученія государя дюка Бургонскаго MDCCXII. Скороп. XVIII в., въ л., на 265 л. Переводъ Петровскаго времени".

См. „Рукописи, принадл. Вахрамѣеву"; А. Титова, № 190 (стр. 120).

— Переводъ Телемака, 1724 г., въ Петербургѣ,—въ рукописи собранія Фролова. Публ. Б-ки F. XV. № 13.

Печатныя изданія:—Похожденіе Телемака, сына Улиссова, соч. Архіепископа Фенелона. Перев. съ франц. въ 1734 году, съ картинами. Спб. 1747; изд. 2-е, Спб. 1767; изд. 3-е, Спб. 1782. Сопик. № 8615—17. Губерти, I, № 59, стр. 102—104 и № 138, стр. 224—225. Затѣмъ „Тилемахіда", Тредьяковскаго, 1766 (Губерти, I, № 129, стр. 202—204) и цѣлый рядъ еще болѣе позднихъ переводовъ: Ив. Захарова (съ 1786 г., нѣсколько изданій), Шиповскаго (1805), И. Л. Голенищева-Кутузова (первыя книги, вмѣстѣ съ французскимъ подлинникомъ)—у Сопикова № 11569—72. Далѣе, были еще переводы: Желѣзникова (1788), Лубяновскаго (1800 и др. изд.); у Сопикова № 8994—96.

Титъ и Гезиппъ.

— „Гисторія о дѣйствіи дружбы, которую промежъ себя неразрывно имѣли Римлянинъ Титъ и Грекъ графской сынъ Гезиппъ". Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, F. № CXIV, скороп. второй половины XVIII в., 90 лист.

Начало (л. 3-й): „Одинъ знатной римлянинъ имянемъ Публіусъ Квинтусъ Фулвіусъ, которой посреди двора цесаря Августа древнюю волность республики содержалъ, любимъ былъ какъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, имѣлъ сына и дочь, которыя за ихъ добродетели и по союзу крови ему любимы были. Титъ сынъево и дочь Фулвія едва въ смыслъ приходить стали" и пр.

Три дамы, см. Фердинандъ.

Три за̀мка.

— Исторія съ этимъ заглавіемъ, въ рукописи XVIII в., собранія гр. Уварова, № 235 (по сообщенію г. Титова).

Фердинандъ, англійскій посолъ.

— „Гисторія о трехъ дамахъ и Фрединантѣ, короля аглицкаго послѣ". Въ рукописи гисторій, скорописью XVIII в., 4°, на 168 листахъ (л. 1—14). „Охранный Каталогъ" Титова, № 2461.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Когда Фрединантъ отъ короля посланъ былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла въ Италію, и наконецъ поручена ему была одна комиссія, которая принудила жить его три года въ Генуѣ"...

Фларента королевна и Георгій королевичь.

— „Гистория о француской королевнѣ Ѳларенте і о королевиче Георгіи італианскомъ, і о протчихъ малтиіскихъ ковалерахъ". Рукопись на 30 стран., писана тѣмъ же почеркомъ, какъ гисторія Долторна и исторія безъ заглавія 1738 г. въ собраніи В. П. Мордвинова.

Начало: „Когда ѳранцускаго короля супруга родила дщерь іменемъ Фларенту, которая во младенчествѣ себя оказала красотою пребѣзмерною лица, и какъ увиделъ ея отецъ, говорилъ своеи супруге"...

Конецъ: „.... вкусить отъ руки своеи ядовитаго зелия, отъ чего обратились яко дымъ і развеяло ветромъ, отецъ же ея приказалъ область затю (sic) своему Георгию, а самъ при нихъ остался".

Францель Венеціанъ.

— Одна изъ старѣйшихъ редакцій этого знаменитаго въ своей публикѣ романа находится въ сборникѣ Забѣлина, XVII — XVIII вѣка, 4⁰, № 69 (223), на лист. 37—184, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Гистория о храбромъ гишпанъскомъ рыцаре Венцыанѣ, а в малтискихъ островахъ по свидетельству малтискихъ ковалеровъ за храбруюево поступку нарѣкли ему второе ковалерское имя Ѳранцель, і о прекрасной гишпанъской королѣвне Пресиянѣ, выписано із древнихъ грано граѳофъ, обретено же в четырехъ государствахъ разныхъ зело удивлению достойно, яко ис красныхъ цветовъ драгоценъныхъ корона сплетена на семъ рыцаре — родители его и многи народъ дивилися, того ради от родителей своихъ іменованны Вѣнцы аномъ, а о рожденіі рыцаря Венцы ана и о благородстви его сказуетъ Гишпания, о школной науки и о показани храбрости его, о жестокихъ поединъкахъ шпажныхъ і о данномъ ему ковалеръстве сказуетъ Малтиски островъ, но изрядно и ясно сказуетъ (о) храбрости его і мудрости на разныхъ поединъкахъ Турецкое государство, но сия гистория принадлежитъ человѣкомъ людемъ прилично о показаніі любви и (къ?) чадомъ и отчаяніі детей своихъ і добрымъ наукамъ младымъ отрокомъ прилично о верныхъ услугахъ і о благочинныхъ поступкахъ к государемъ своимъ и благороднымъ господамъ, і юнымъ девицамъ прилично і благоискусное искание и тайная любовъ честнымъ і младымъ рыцаремъ для совокупления закону і о вечной любви къ доброму житию младымъ детямъ во охотное слушание внимати разумъ і о всей гисторіі во многословесныхъ беседахъ и иныя слова под видомъ стыда (?) поставити ихъ несть мочно, понеже в народе многия случаютца притчины чрезъ разныя действа (!), чего не токмо сказати, но и описати немочно, но отчасти чрез малое деиство выписано із древнихъ летописцовъ (!)".

Заглавіе не весьма вразумительно, но свидѣтельствуетъ о великой популярности романа уже въ тѣ времена.

Начало: „В гишпанскомъ королевстве былъ некіі князь уделны іменемъ Ѳридоръ, вельми богатъ і славенъ и силенъ і храбръ к военъному делу, король же гишпански того князя Ѳридора за благодейство ево (и) храбрость любилъ і имелъ его за кровнаго брата, князь же Ѳридоръ імелъ у себя жену велми прекрасну именемъ Ксанѳеду" и т. д.

— „История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Веницыанѣ и пре-

красной королевне Ренцывенѣ",—въ рукописи XVIII в., собранія Тихонравова, № 222, л. 94—227: редакція сходная съ указанной рукописью Забѣлина, но писано болѣе грамотно. Далѣе слѣдуетъ:

„Ис четырех государствъ разных изобретена, яко из драгихъ цветовъ корона сплетена. О семъ рыцари родители его и многие народи дивовалися, понеже из чрева матери своеи в венце родивыся, и того ради от родителеи именованъ Веницыаном. А о рождениі рыцаря Веницыана и благоротствиі его сказ ꙋетъ Гишпания, о школной науке и о показаннои храбрости сказꙋетъ Ѳранцыя, и о жестоких поединках шпажных и данномъ емꙋ ковалерстве сказꙋетъ Малтиски: островъ, но изрядно и ясно сказует о храбрости его и о мудрости и о грозных побѣдах Втурецкое (sic) государство.

„Но сия история принадлежит человеком четыре подобства (вѣроятно: на четыре...): старымъ людемъ принадлежит об наказаниі любви чадом и о учениі детеи своих добрым наукамъ; младымъ отроком прилично о верных услугах и благочинных поступках к государемъ своим и к благороднымъ государонямъ своимъ; и юнымъ девицам прилично благоискусное искание таиные любви к честнымъ младымъ рыцарямъ для совокупленнои законъноі и душевнои любви к доброму житию; младымъ детямъ во охотное слышание внимат вразумъ; но сеи историі во многих славных бѣседах о ней слово под видом стыда поставить им несть можно, понеже в народе многие притчины случаютца чрез разные действа, чего не токмо сказать, но и бывает отчасти чрез малое действо. Выписано изъ деи римскихъ".

Конецъ: „...потомъ и свое воиско, такожде златом одарив, и роспустил в домы своя для излечения болезнеи; а сам же остался в Гишпаниі королем с прекрасною королевною Ренцывеною в великои радости и в веселиі и не имѣя ни от кого опасения; и тако живяше долгое время и успе вечнымъ сномъ. Конецъ".

— „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францелѣ Венецыанѣ и прекрасной королевнѣ гишпанской Персіанѣ",—скороп. XVIII в., на 124 листахъ (52 л. въ разныхъ мѣстахъ утрачены). Публ. Б-ки Q. XV. № 74 (см. „Отчетъ" за 1882 г., стр. 55).

— „Повѣсть о Францелѣ Венеціанѣ и королевнѣ гишпанской Пресіанѣ",—рук. XVIII в. (нѣсхолько листовъ утрачено). Публ. Б-ки F. XV. № 42 (см. „Отчетъ" за 1883 г., стр. 199).

— „История о храбромъ рыцарѣ Ѳранцѣле Венциане", — тетрадь безъ переплета, на 52 листахъ, крупнымъ почеркомъ конца XVIII в., собранія Тихонравова № 312.

Начало: „Родители его и многие народы дивилися, понеже сынъ Венъцианъ из чрева матери своей (в) венце родился; того ради отъ родителеи своихъ именованъ Венцианъ"...

Конецъ: „... И отпустилъ его со всемъ персидскимъ воискомъ, а

самъ остался в гишпанскомъ королевствѣ и сталъ жить (в) великои славѣ и чести и с прекраснои королевнои Ренъцывенои и не имели ни от кого никакого опасения даже до самои глубокои старости и преставились (в) вечную жизнь, а детеи у нихъ в наследство не осталосъ.—Конецъ сеи пресладкои и удивителнои исторіи".

— „Гисторія о славномъ гишпанскомъ храбромъ рыцарѣ Венецыанѣ и о прекрасной гишпанской королевнѣ Пренцыанѣ",—пространная редакція повѣсти (по замѣчанію Викторова), въ переводѣ съ французскаго, 4°, на 67 листахъ, мелкаго скороп. письма 1754 г. С. Кублицкаго, солдата Преображенскаго полка, особаго любителя этой литературы. Ундольскаго, № 925.

— „Сказаніе о храбромъ надъ ковалеры ковалерѣ и надъ рыцари рыцарѣ Венецыанѣ Францелѣ... и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ..., которая не имѣла въ красотѣ, во всей нѣмецкой землѣ, равныя себѣ",— мелкой скороп. 1729 г., 4°, 24 листа; редакція отличная отъ предыдущаго № 925, Ундольскаго № 926.

— „Гисторія о храбромъ гишпанскомъ рыцарѣ Венцыанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель, и о прекрасной гишпанской королевнѣ Пресіянѣ, выписано изъ древнихъ гранографовъ" и пр.,—въ сборникѣ XVIII в. Забѣлина, № 69. Очень старая редакція (см. въ моемъ „Очеркѣ", стр. 286—287).

— Еще списокъ указанъ въ „Росписи книгамъ и рукописямъ Россійской академіи". Спб. 1840, стр. 158.

Лубочныя изображенія см. у Ровинскаго, IV, 165—166.

Печатныя изданія: „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ", М. 1789. 8°, цѣна—1 р. (Соп. № 4865), — и множество послѣдующихъ изданій, подробныхъ и краткихъ, совершаемыхъ на Никольской въ Москвѣ вплоть до 1886 г. Подробное описаніе старыхъ изданій, а частію и рукописей см. у Губерти, II, № 138, стр. 348—352.

Французскій Купецъ и его дочь „Красавица".

— „Гистория о француском купце и о дочери ево имянуемой Красавицею, какъ за ея добродетель избавленъ принцъ изъ мерскаго чюдовища в человѣка". Въ сборникѣ второй половины XVIII в., б-ки Петербургскаго Университета № LXVII, л. 19—38, или по другой помѣтѣ 24—43.

Начало: „Купецъ во Франціи очень богатой имелъ у себя трехъ сыновей и трехъ дочерей; при богатстве своемъ былъ онъ разуменъ и ничево на воспитание детей своихъ не жалея содержалъ у себя разныхъ учителей. Дочери ево были очень недурны, а особливо меншая, которую с самого детства называли Красавицею; по возрасте своемъ удержала она тоже имя, и онымъ произвела в сестрахъ своихъ зависть.

Она действително была гораздо сестръ своихъ лутче не толко лицемъ, но и сердцемъ"...

Конецъ: „.... Я инова наказания вамъ не определяю какъ толко сие чтоб вы свидетелями были благополучия сестры вашей. До техъ поръ останетесь вы в такомъ состоянiи покаместъ не исправите пороковъ вашихъ. Однако я очень боюсь, чтоб вы не остались статуями вѣчно. Можно исправится от гордости, от гнева, от прожорства и от лености, а злое и завистливое исправить сердце должно почитать за чюдо. Въ самую ту минуту ударила волшебница прутикомъ, и все бывшия в зале принеслися в королевство принцово. Подданныя ево, увидя своего государя, обрадовались чрезвычайно. Онъ женился на Красавице, которая жила с нимъ многия лѣта и жила в совершенномъ благополучiи, ибо оно на добродетели основано было".

Рукопись сообщена была намъ г. Шляпкинымъ, который указывалъ сходство повѣсти съ „Аленькимъ Цвѣточкомъ" С. Т. Аксакова (здѣсь—роза). При нѣкоторыхъ варiантахъ тема дѣйствительно одна и таже. Здѣсь источникъ сказки, безъ сомнѣнiя, французскiй; къ нему, вѣроятно, приводятся и тѣ литературные варiанты, которые были указаны самимъ Аксаковымъ.

Францъ Имензолiусъ гишпанскiй.

— „Гисториа о королевиче Франце Имензолиусе гишпанскомъ и о прекрасной королевне Раксанѣ". Въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, 4°, № 73 (271). Отрывокъ. На заглавномъ листѣ помѣта 148, а затѣмъ идутъ л. 163—169.

Нач. (на л. 163): „...о тайне своей i скоро ставъ пошла с нимъ по полатамъ гулять и какъ пришли они в спалнюю полату Раксана же зело смотря на лепую красоту Ѳранцову разгорелась отчего пришелъ огнь палимой любви"...

Конецъ: „...i поживе Ѳранцъ королевичь с королевною своею прекрасной Раксаной 80 лѣтъ и препроводили жизнь свою без печали в великомъ богатстве и увеселенiи и неизреченной славе i после себя остави наследника, а намъ славу, и тако окончися".

— „Гисторiя о королевичѣ Францѣ Имензолiусѣ гишпанскомъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ",—въ сборникѣ XVIII в. Забѣлина, № 73. (Неполная; см. въ моемъ „Очеркѣ", стр. 286).

— „Гисторiя, а въ ней пишетъ о Францѣ, кралевичѣ гишпанскомъ, и о Роксанѣ, кралевнѣ великобританской",—въ рукописи Черткова (Всеобщ. Библiот. Россiи, I, 526).

— „Исторiя гишпанской земли короля Ѳридрига о сынѣ ево королевичѣ Францѣ и великобританской и аглинской и другихъ земель короля Гардiана перваго дочерѣ прекрасной любительницѣ Францу ка-

ралевнѣ Раксанѣ". Сборникъ романовъ, скорописью XVIII вѣка, на 70 листахъ, л. 57—70. Публ. Б-ки F.XV. № 26.

Начало: „Бысть въ гишпанской землѣ король именемъ Ѳридригъ, и имѣя у себя жену, французжского короля дочь, именемъ Персиль, и живяше съ нею въ великой любви и союзѣ, имѣяше у себя злата и сребра доволно и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей, и препровождаше жизнь свою въ забавахъ и въ веселіяхъ, токмо у нихъ не было ни единаго дѣтища" и пр.

— „История о храбромъ і славномъ гишпанскомъ кралевиче Ѳранцеле Імензозелиусѣ (sic) и о прекрасной кралевне великобританской и аглинской Раксоне и о дивномъ действіи ихъ". Скороп. XVIII в., 4°, 30 л. См. Петрова, Описаніе рукописей Церк.-археологич. музея при Кіевской духовной академіи, № 444.

— „Гистория зело полезна о королевиче гишпанскомъ Ѳранце Имемзелеуіе (sic), і о королевне великобританской Раксоне и аглинской". Рукопись, безъ конца, на 40 стран., тѣмъ же почеркомъ, какъ исторія безъ заглавія 1738 года; въ собраніи В. П. Мордвинова.

Начало: „В Гишпаніі бысть король Ѳридрикъ імелъ у себя жену, дочь ѳранцускаго короля, іменемъ Персилию і жилъ с нею в великомъ союзе"...

Конецъ: „...а вопрошати его не смелъ, король же Ѳридрикъ отвещалъ ему: славны посолъ, господинъ ѳелтмаршелъ, скоро"...

Цылодонъ и Цыцылія.

— „История о королевиче Цылодоне италианскомъ и о баронской дочери Цыцыліи гишпанской, послѣди бысть и королевою италианскою". Въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67. (267), л. 1—23.

Начало: „Ариксъ, король италианскій, по смерти любезной королевы Маргариты имѣлъ оставшего сына своего именемъ Цылодона, которой осталса после матери своей в малолетствии і потомъ чрезъ малое время его величество соизволилъ взять в супружество себѣ своего подданства умершаго графа жену Зензилию, у которой прежняго мужа еѣ имѣлась дочь именемъ Милитина, бывшая тогда семи летъ"...

Конецъ: ...„Цилодонъ съ любѣзною своею Цициліею в старости летъ жизнь свою окончали и оставили по себѣ наследниковъ короне италианской и войска оставили сто тысячь, двести седмидисетъ пять полковъ. И тако симъ окончаниемъ сия гисторія от злополучия во благополучие дойде і восъприя честь і славу конца. Конецъ".

См. въ моемъ „Очеркѣ", стр. 285.

Честной человѣкъ и плутъ.

— Честной человѣкъ и плутъ,—рукоп. XVIII в., 4°, на 123 перемѣченныхъ листахъ, но заглавнаго листа недостаетъ; изъ моего собранія. Рукопись представляетъ отличія отъ печатнаго изданія 1762 г. и, вѣроятно, ему предшествуетъ.

— Тоже,—списокъ съ печатнаго изданія. Публ. Б-ки Q. XV. № 44.

Печатное изданіе: „Честной человѣкъ и плутъ. Переведено съ французскаго языка." Спб. 1762, въ 2 томахъ; 8 ненум., 187 и 144 стр. На оборотѣ заглавнаго листа: „Подъ именемъ честнаго человѣка означается *добродѣтель*, а подъ именемъ плута *пороки*."

Другое изданіе, 1788.

Изъ посвященія 1-го изданія (Роману Ларіоновичу Воронцову) видно, что книга печаталась съ готовой чужой рукописи:

„Я весьма старался (говоритъ неизвѣстный издатель) въ переводѣ, чтобъ собственнаго моего труда, какую либо книжку посвятить имяни Вашего Сіятельства; но стараніе то, хотя оной трудъ мой и продолжается, должность, въ которой я находился, въ совершенной конецъ привесть не дозволила. А чтобъ при отъѣздѣ моемъ могъ я болѣе изъясниться, сколь я милостями Вашего Сіятельства одолжаюсь, и что впредь единственно только отъ Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, мое благополучіе зависитъ; то хотя и *не моего переводу*, но между прочими находящуюся у меня книжку, въ разсужденія нравоучительнаго ея содержанія, за полезное почелъ, напечатавъ оную предложить свѣту, чтобъ *въ переписках* не могла оная переводчикова, *кто въ ономъ переводѣ упражнялся*, потерять слогу, или утратясь и со всѣмъ, вторичнаго не навела бъ труда въ переводѣ, которое время любитель того можетъ употребить на другое. А что она доказываетъ честность побѣду одержавшую, то какъ защитнику добродѣтели, въ покровительство Вашему Сіятельству оную и подвергаю", и проч.

— „**Чистосердечный**—справедливая повѣсть въ XX главахъ (переводъ съ французскаго).

„Скороп. начала XVIII в., въ л., на 38 л." См. „Рукописи Вахрамѣева", А Титова, № 188 (стр. 120). Судя по названію и числу главъ, это—L' Ingénu" Вольтера (1767); слѣд., не начала XVIII вѣка.

Шведская графиня.

— Шведская графиня, или жизнь госпожи де Ге, т. 2-й,—на 91 л., скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 56.

По указанію каталога Б-ки, на заглавномъ листѣ помѣчено мѣсто и время—вѣроятно напечатанія подлинника: „Въ Берлинѣ, у вдовы Шуцъ, 1754 года".

Подлинникъ: Leben der Schwedischen Gräfin von G**. Von Ch. F. Gellert. 2 Th. Leipzig, 1746, 8⁰, или: La Comtesse suédoise. Berlin, 1754. 2 tomes en 1 vol., 12⁰.

Эвксимусъ.

— „О изгнанномъ римлянинѣ Эѵξимусѣ, стацкой романъ съ образца французскаго Телемака, переведенъ съ нѣмецкаго на руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году“,—въ 2 частяхъ, въ рук. Черткова (Всеобщ. Библ. Россіи, I, 527).

Энеида.

— П. Виргилія Марона, Энеиды книга первая. Перев. Камеръ-Коллегіи переводчикъ Вас. Санковскій. Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 2957, скороп. второй половины XVIII стол., f⁰. Ср. печатное изданіе, М. 1769, противъ котораго въ рукописи недостаетъ предисловія.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г. М. 1886, стр. 31.

Первыя печатныя изданія:

— Эней, героическая поэма, перев. съ латинскаго стихами В. Петровъ (три первыя пѣсни). Спб. 1770; 2-е изд., въ 12 пѣсняхъ. Спб. 1781.

— Тоже, перев. Василья Санковскаго (три первыя пѣсни). Спб. 1776. Сопик. № 2505—2507.

Эпаминондъ и Целеріана.

— „Исторіи о Епоменонде и Целерианне, которая содержитъ въ себѣ 16 книгъ и раздѣлена на два тома. Переведена с французжскаго языка на руской 1741 года. В. Санктъ-Петеръбурге“. Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго F. № LII. Скороп. первой половины XVIII в., на 161 л.

Нач.: „О боги, доколе терпите немилосердой ѳарътуне, доколе бѣднаго мучить попускаете, на что говорю ведая, сколь неисповедимы судбы боговъ суть (напис.: судь), сколь непостижимъ естества ключь есть“ и пр.

На оборотѣ 1-го листа:

„Услышалъ Епоменондъ, капитанъ греческаго ѳлота, сынъ Гамиліона, каменданта въ Крете, которые слова его ухамъ принесены были, где онъ надеялся сыскать тово человѣка, забывъ весь страхъ, что почти окруженъ свирепыми былъ зверми“ и пр.

— „Гистория о Епаменондѣ и Целирианнѣ, которая содержитъ в себѣ 16 книгъ и разделена на два токмо (т. е. тома). Переведена со французскаго языка на русской 1741 году въ Санктъ Петербургѣ“. Въ концѣ приписка: „Писана 1743 году сентября 15 дня в Кіевѣ“. Дур-

ная скоропись разныхъ почерковъ, f⁰, на 100 листахъ. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2963.

См. Отчетъ“ Музея за 1883--85 г., М. 1886, стр. 32.

— „Исторія о Епаминондѣ и Целеріаннѣ, которая содержитъ въ себѣ 16 книгъ и раздѣлена на два тома. Переведена съ франц. языка на россійскій 1741 г. въ С.-Петербургѣ“. Текстъ перевода тотъ же, что въ предыдущемъ спискѣ Музея № 2963, но настоящій списокъ исправнѣе. Въ сборникѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, XVIII в., f⁰, № 2966.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32. По замѣчанію „Отчета“, „переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворный“: это—именно тамъ, гдѣ приходилось переводить стихотворныя „аріи“ подлинника.

„Эпаминондъ и Целеріана“—„рукописная книга, переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа“, который читалъ Болотовъ въ Петербургѣ въ 1752 г., получивъ его отъ знакомаго офицера. „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“. Спб. 1870, I, стр. 181—182.

Ѳиргисъ.

— „Сказание о царевиче Рахменьскомъ Ѳирьгисѣ“, — въ сборникѣ Погодин. Древлехр. № 2004, л. 1—6.

Начало: „Бысть негде рахменское царство і в томъ царстве царевичь царствова Ѳиргисъ юн сы возрастомъ і взыскати себѣ похоте в супружество подобно своему царскому величеству“...

Собственно говоря, „сказанія“ здѣсь никакого нѣтъ, а все состоитъ изъ нравоученій о суетѣ мірской, объ ожиданіи смерти и т. п.

Отрывки.

— Отрывокъ повѣсти изъ восточной жизни,—въ сборникѣ XVIII—XIX в. Публ. Б-ки F.XV. № 38, л. 2—23 (кажется, черновая перевода).

— Повѣсть безъ заглавія,—въ рук. XVIII в. Погод. Древлехр. № 1794.

— „Исторія безъ заглавія“ — въ сборникѣ XVIII в., Б-ки Моск. Общ. Ист. и Древн., по описанію Строева, отд. I, № 324 л. 220—239, есть не что иное какъ „Бова Королевичъ“.

Начало: „Бысть в нѣкоеи стране царство, а в томъ царстве градъ славны и великіи, нарицаемы Антонъ, в которомъ граде бысть славныи и великіи король Видонъ. Не имѣлъ у себя жены и детей, токмо имѣлъ юношей храбрыхъ сто человѣкъ, с которыми выезжалъ оной король на поле веселится, а самъ у нихъ былъ старшей. И провѣда у славнаго короля (Кирбита) дочь прекрасную Милитрису и начатъ на ней сватати“ и проч.

— Повѣсть безъ заглавія и безъ начала, въ рукописи 4⁰, на 35 стран., однимъ почеркомъ 1738 года, изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Александръ подъ присягою... в томъ еи утвердилъ и седелъ долго даже до самои нощи веселился простясь пошелъ обратно. Пришедъ к Ефграфу, палъ ему на ноги и принесъ благодарение за ево такое старание притомъ Александръ ходилъ к Велерианѣ бѣзпрестанно и веселился с неи“....

Конецъ: „....пожаловалъ его ѳелдъ маршеломъ, уведомился жъ отецъ Вирсавинъ о Евграфе, котораго просилъ с великою честию і определилъ его в Веницѣи королемъ, гдѣ Евграфъ и остался с Вирсавиеи.“

II.—Русскіе опыты и подражанія.

Александръ, россійскій дворянинъ.

— „История о Александре российскомъ дворянине.“ Въ сборникѣ Археограф. Коммиссіи, XVIII в., F. № 159, л. 61—88.

Нач.: „В Росиі, в столичномъ граде Москве былъ неки знатъны дворянинъ, іменемъ Димитри, добронравиемъ, смелствомъ, храбростию і учтивствомъ зело украшенъ і ко всякому добродеянию весма былъ рачителенъ і бедныя призиралъ за что ему всемогущи Богъ даровалъ сына лепообразна юношу, которому равное красоте імя дадеся Александрь. И еще Александру в маломъ возрасте сущу дивитися было достойно понеже отъ природы данной разумъ в немъ такъ изострился, что ѳилосоѳіі і протчихъ наукъ достиглъ, и склонность же ево была более в забавахъ нежели во уединени быть. Егда Александрь умеренную силу в себе позналъ і двонадесятный возрастъ приспе, тогда возревновалъ красоту маловременной жизни света сего зрети, пришедъ ко отцу своему Дмитрію и просилъ сице: любезнейши і дражайши отче, желание мое нестерпимо мучитъ мя еже бы от васъ милости испросити і конечно безсовестная моя была бы дерзость, ежелибы не образцы многия тому свидетельствовались: понеже во всемъ свете до единаго обычая имеютъ чадъ своихъ обучати и потомъ в чуждыя государьства для обретения вещей чести и славы отпускаютъ“ и проч.

Получивъ согласіе и благословеніе родителя, россійскій дворянинъ отправляется во Францію, сначала въ Парижъ, потомъ въ „Лиллъ“ (?) и т. д., и ведетъ „ковалерскую“ жизнь, т. е. заводитъ любовныя интриги (Гедвигъ-Доротея, Тирра), гдѣ объясняется въ любви „аріями,“ дерется на дуэляхъ и т. п. и кончаетъ жизнь, не успѣвъ вернуться

домой. Въ разсказѣ есть между прочимъ крайне скабрезныя подробности. Отрывокъ изъ этой гисторіи приведенъ у г. Майкова („Неизд. русская повѣсть"). Въ концѣ рукописи раскрашенное изображеніе героя.

— Повѣсть объ Александрѣ и Гедвигъ-Доротеѣ. Скороп. XVIII в., безъ начала. Публ. Б-ки Q. XV. № 66.

— Повѣсть о Александрѣ россійскомъ дворянинѣ. Въ рук. половины XVIII в., Румянц. Музея. См. „Отчетъ" за 1879—82 г., М. 1884, стр. 76.

— „Гистория о прекрасномъ и россиіскомъ ковалере Александре и о пасторскои дочери ѳранцуского государства града Лила лепообразной Елеоноре, и о прекраснои Тахре града Парижа королевскаго ѳелтмаршала дочери, како она препроводила жизни свои в злое нещастие ихъ". Рукопись 4⁰, на 63 лист. или 125 стран., писанная въ 1758 г. въ Пруссіи и 1762 въ Россіи, двумя почерками,—изъ собранія В. П. Мордвинова.

На стр. 126 запись: „Писана сия история трудами любителеи истори разными руками, начата писмомъ будучи в походе в Шлези в соедененi с пруcкою армиею при местечке Ѳренбурхе, а совершися в Россиі в городе Вязме ноября 16 дня 1762 году".

Начало: „ Бысть в столичномъ граде Москве неки знатны дворянинъ именемъ Димитри, добронравны(іемъ), смелствомъ и храбростию, учтивствомъ зело украшенъ, всякои доброты преисполненъ, за что ему всемогущи Богъ даровалъ сына лепообразна юношу, которому имя дадеся Александръ"...

Конецъ: „....И от того времени Владимеръ учинился наследникомъ, Димитри же после смерти сына своего Александра поживе немногое время и умре, Владимеръ же тело его погребе с ладлежащею (sic) честию и потомъ взялъ себе в жену некоего генерала аудитора дочь, име немъ Маргариту, зело прекрасну и всякои чести достоину, с которою живши лета доволна в любви жизнь свою благополучно препроводилъ".

— Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ. Въ сборникѣ XVIII вѣка, 4⁰, на 98 листахъ (л. 44—98). „Охранный Каталогъ" Титова, № 2432.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Въ россійскомъ государствѣ, въ преславномъ градѣ Москвѣ, былъ дворянинъ знатный, именемъ Дмитрій, добророжденъ, храбростенъ и всякими добродѣтелями зело украшенъ, за что даровалъ ему всемогущій Богъ сына юношу зело лѣпообразна, которому равное красотѣ его имя нарѣчестѣ (sic) Александръ"...

— „Сказка объ Елеонорѣ", скорописью XVIII в., 4⁰, на 48 листахъ, какъ значится въ „Охранномъ Каталогѣ" Титова № 571. По выпискѣ, сообщенной г. Титовымъ, видно, что это—повѣсть о росс. дворянинѣ Александрѣ.

Первыхъ шести листовъ въ рукописи недостаетъ. Далѣе:

„...хотѣла себя умертвить, и ежели бы Александръ отъ рукъ ея отнять не ускорилъ, то могла себя умертвить. Александръ, зря на нея, усмѣхнулся, а Гедвигъ-Доротея не умолкла, Александру слезно докучала, доколѣ желанія ея не исполнилъ; тогда не служили Александру и острыя ево отговорки, но принужденнымъ былъ исполнить волю ея; и были Александръ и Гедвига-Доротея въ поляхъ до самаго вечера и разыдошася. Александръ, пріѣхавъ на квартеру свою, зело крѣпко уснулъ, а Елеонора, ждавъ ево во всю нощь, и пошла смотрѣть, дома ли Александръ“...

— „Александръ и Елеонора“, четыре листка, скорописью XVIII вѣка, съ раскрашенными рисунками, въ Публичной Б—кѣ; см. „Отчетъ“ за 1862 г., стр. 49.

Это—опять повѣсть о росс. дворянинѣ Александрѣ; листы, f°, вырѣзаны изъ разныхъ мѣстъ иллюстрованной рукописи исторіи, и вырѣзаны очевидно для картинокъ.

— Сюда же принадлежитъ, безъ сомнѣнія, повѣсть объ Александрѣ и Елеонорѣ, скорописью половины XVIII вѣка, 4°, на 64 листахъ; Ундольскаго, № 916.

См. также въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 281 указаніе на повѣсть о россійскомъ кавалерѣ Александрѣ въ рукописи Царскаго № 453 (нынѣ гр. Уварова).

Архилабонъ, королевичъ.

— „Гистория королевича Архилабона. Сочинена трудами Правительствующаго Сената дѣйствителного колегіи юнкора Петра Орлова. В Москвѣ ч. 6 марта 1750 года“. Рукопись, принадлежащая И. А. Шляпкину, половины XVIII в., 4°, 35 неперемѣч. листовъ. Въ началѣ поставлено: „№ 6-й“.

Начало: „Немецкого государства король Фридерикъ, імея у себя королеву Марию Крустину в доволной любви, зачелъ сына и по рожденіи назвалъ Архилабономъ, а в пять летъ возраста вданъ в академию для наукъ разныхъ языковъ и інструментовъ, в которой продолжался до шеснатцати летъ.

„І в то продолжение от 5-ти до 16-ти летъ время, королевичь Архилабонъ, обучась доволно разнымъ языкомъ і на инструментахъ, окончалъ свое присудствие (на полѣ: во обученіи) в той академи, а охоту болше возъ-имелъ к военному действу, для чего учиненъ в войске ево отца короля Фридерикуса генераломъ фелтъмаршаломъ.

„В то время королевству короля Ѳридерикуса от Малтиского общества обьявлена война с такимъ терминомъ“ и пр.

Конецъ: „....Львы, услышавъ такой господина своего приказъ, тот часъ Бритона и Афродиту разорвали на полы—и темъ ихъ жизнь окон-

чалась, такожъ и техъ четырехъ человѣкъ, которые каралевича калоли казнили смертию растреляли и уже Архилабону препятствия в своемъ благополучномъ житье стало невидно к томужъ король Ливкусъ в долголетной старости живши после сего четыре года умре и погребенъ с великою честию и славою, а Архилабонъ коралевичъ стался настоящимъ королемъ и принелъ скипетръ и владение въ свою протекцию и живши с королевою своею Амбриатосою до самой глубокой старости в благополучи оставя по себе наследниковъ в вечны покой отыде".

Самодѣльное сочиненіе на тему сказокъ и частію рыцарскихъ „гисторій"—съ предвѣщательнымъ сномъ, чудеснымъ конемъ, шестиглавымъ дракономъ, волшебными львами, которыхъ королевичъ вырѣзываетъ изъ груди дракона и съ которыми побиваетъ одинъ цѣлыя арміи,—съ предательствомъ сестры королевны и съ казнью, при содѣйствіи львовъ, чѣмъ и оправдывается предвѣщательный сонъ.

Василій, россійскій матросъ.

— Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи и о прекрасной флорентійской королевѣ Иракліи. Скороп. XVIII в., 4°. Моск. Публ. и Румянц. Музея. См. „Отчетъ" за 1870—72 г., М. 1873, стр. 66.

— Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли. Въ сборникѣ второй половины XVIII в., Забѣлина, 4°, по нынѣшнему счету № 229.

По этому послѣднему списку, съ варіантами изъ перваго, повѣсть издана Л. Н. Майковымъ: „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени". Спб. 1880.

О связи приключеній россійскаго матроса съ приключеніями гишпанскаго шляхтича Долторна см. выше.

Любимъ, скиѳскій принцъ.

— „Гистория о Скифскомъ принце Любимѣ, како за ево злые пороки превращенъ былъ в престрашнаго зверя, а за добродетель опять награжденъ принцомъ". Въ сборникѣ второй половины XVIII ст., б-ки Петербургскаго Университета, № LXVII, л. 4—22 или 1—18 (не считая листовъ неписанныхъ). При повѣсти картинка, изображающая „престрашнаго зверя", напоминающаго собаку, но съ рогами и хвостомъ, какіе рисуютъ у драконовъ. Весь сборникъ (изъ повѣстей) одного весьма отчетливаго почерка.

Начало: „Некогда въ Скифіи былъ король, столь честенъ и добродетеленъ, что подданныя ево в знакъ ихъ к нему любви назвали его королемъ Добрымъ. Случилося ему быть на охоте, и нечаенно одинъ маленкой белой кроликъ, котораго гнали сабаки и хотели заесть, бросился к нему на руки. Король удивился сему приключенію и любуяся симъ маленкимъ звѣркомъ сказалъ: когда онъ отдался под мое покро-

вителство, то я не хочю, чтоб ему зделано было злое. Онъ взялъ кролика с собою во дворецъ" и пр.

Конецъ: „... Встанте, мои любезные дети, сказала имъ волшебница, встанте, я принесу васъ в ваше жилище и возвращу Любиму корону, которой онъ былъ прежде недостоинъ. Не успела она выговорить, какъ они увидели себя в комнате у Сулимана, которой увидя своего государя, ставшего опять добродетелнымъ, искренне обрадовался, возвелъ ево самъ на престолъ и былъ до смерти своей ево вернейшимъ подданнымъ. Любимъ царствовалъ с Целиею долгое время и сказываютъ, что онъ такъ наблюдалъ свои должности, что колцо, которое онъ опять наделъ на руку, болше одного раза до крови ево не укололо".

Повидимому, русское сочиненіе. Изъ разряда волшебныхъ сказокъ. Кроликъ, бросившійся въ руки царя, оказался волшебницей Кандидой, которая хотѣла испытать доброту царя. Потомъ она становится покровительницей его сына. Принцъ былъ очень злаго нрава, и волшебница для исправленія его превращаетъ его сначала въ дикаго звѣря, потомъ, когда онъ почувствовалъ свои пороки, въ красивую собачку, потомъ въ бѣлаго голубя, наконецъ возвращаетъ ему его человѣческій образъ, его возлюбленную и его царство.

Рукопись была намъ сообщена г. Шляпкинымъ.

Романъ въ стихахъ.

— Отрывокъ русскаго романа въ виршахъ—въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII вѣка; тетрадь, заключающая этотъ романъ, писана болѣе старымъ почеркомъ, вѣроятно въ первой четверти прошлаго столѣтія. Въ рукописи Тихонравова № 301, л. 72—75.

По сообщенію г. Тихонравова, этотъ любопытный разсказъ былъ расположенъ по буквамъ азбуки. Въ рукописи уцѣлѣли главы подъ буквами: „яры", „ерь", „ять", „э", „ѵ", „ѡ", „кси", „пси", „ѳита", „ижица". Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица слюбилась съ парнемъ. Отецъ узналъ объ этомъ случайно:

„Въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
Много укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
Мать мою сокрушаетъ.
Отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
Любезнаго отъ меня отлучаетъ".

Отецъ находитъ письмо дочери къ „любезному";

„Матери моей объявляетъ,
Трость примаетъ,
Мать убиваетъ:
Мати того письма не знаетъ,

Клятвою себя заклинаетъ;
Тростью отецъ мать мою ударяетъ,
Руку переломляетъ.
Я, млада, того не знаю,—
Въ гостяхъ себя увеселяю".

Отецъ не хочетъ выдать дочь за „любезнаго", а мать—

„Супружества между нами желала,
Благословеніе подавала".

Дѣвица, отъ лица которой идетъ разсказъ, по принужденію отца идетъ замужъ за „немилаго":

„Узникомъ милостыню подавала
И о здрави любезно(го) упрашевала —
О любезномъ не упросила,
Сердце свое сокрушила.
Хотя по неволе отъ любезного отлучна,
...сердце мое отъ него не отлучно.
Не то дорого, что красное золото —
То дорого, что чистое серебро.
Любезному — сметанку,
Немилому — творогъ.
Съ любезнымъ часокъ
Лутче немилаго года.
По неволи венчалась,
Серцемъ надрывалась.
К венчанью везли —
Из очей моихъ слезы текли.
Въ церковь вводятъ,
Къ попову благослов(ен)ию приводятъ;
Попъ спрашеваетъ:
„Волею ли и не усилованиемъ?"
И от кого вопрошеваетъ:
Уста мои отъ горести кровь запекаетъ:
Страха отъ отца „неволею" сказать боюся,
Да не в горшею беду ввалюся.
Попу отвещеваю —
В волю ево себя отдаваю.
Любезной при томъ венчани стоитъ,
Договорныя мои письма въ рукахъ держитъ,
Слезами себя обливаетъ,
Власы на себѣ терзаетъ,
Писма моей руки друзьямъ объявляетъ —
Совета прошаетъ:

Желаетъ меня от венца отлучити,
Себѣ совокупити.
Писма дал попо(у) вручити,
С немилым меня разлучити.
Друзья ево унимали,
Отцом меня смертное сокрушение объявляли“.

Вышедши за немилаго, героиня встрѣчаетъ своего любезнаго на гуляньѣ въ Лефортовѣ...

Авторъ порицаетъ родителей, которые отдаютъ дочерей за „богатыхъ, но не нравныхъ“. „Платьемъ дочь себя увеселяетъ, а мысльми вѣчно погибаетъ, а отца и матерь вѣчно проклинаетъ... отъ сего многія впадаютъ въ блудъ и тѣмъ по истинѣ родители души свои погубляютъ“.

Фролъ Скомраховъ.

— „Гистория о росъсіискомъ дворянине Ѳроле Скомрахове“. Въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII в., собранія Тихонравова № 301, л. 33—47. Нач.: „В новогородскомъ уезде імелся дворянинъ Ѳролъ Скомраховъ. В томже новогородскомъ уезде имѣлис вотчины столника Нардина Цаплина імелась дочь Аннушка“. Конецъ: „И столникъ сказалъ: перестань, плутъ, ходить за приказными делами ябедою; имею я вотчиныи в синъбирском уездѣ по пѣреписи состоятъ в трехъ стахъ дворѣхъ. Справь, плутъ, за собою і живіи постоянно. І Фролъ Скомраховъ отдалъ поклонъ і зъ женою своею и приносили пред німи благодарѣние.—Конецъ“.

Далѣе запись: „Сия тетрать певчаго Якова Яковлева сына Яковлева“.

Передѣлка „Фрола Скобѣева“. Объ этомъ послѣднемъ см. въ моемъ „Очеркѣ“ съ 282—284. Новый списокъ исторіи „о россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скабѣевѣ“, въ сборникѣ XVIII в., 4°, на 168 листахъ,—въ „Охранномъ Каталогѣ“ Титова, № 2461.

О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ Бакунинымъ.

Какъ извѣстно, переписка играла очень важную роль въ жизни людей сороковыхъ годовъ. Когда судьба разлучала членовъ знаменитыхъ московскихъ литературно-ученыхъ кружковъ, они обмѣнивались мыслями и чувствами въ письмахъ. Эти нерѣдко чрезвычайно длинныя письма представляютъ богатый матеріалъ для характеристики какъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашего просвѣщенія и нашей общественной мысли въ сороковыхъ годахъ, такъ и тогдашняго состоянія Россіи вообще. Нерѣдко письма пересылались не по почтѣ, а съ вѣрнымъ человѣкомъ, съ оказіей,—и въ подобныхъ посланіяхъ друзья высказываются, конечно, съ особенною искренностію, придающею перепискѣ незамѣнимыя достоинства.

Перепискою В. Г. Бѣлинскаго широко воспользовался А. Н Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: *„Бѣлинскій, его жизнь и переписка“*. Были въ рукахъ у г. Пыпина и письма знаменитаго критика къ М. А. Бакунину. Много весьма интересныхъ извлеченій приведено изъ нихъ въ названномъ сочиненіи. Но въ виду того, что Бакунинъ имѣлъ крупное значеніе въ жизни Бѣлинскаго, не лишены важности и тѣ небольшія добавленія, которыя мы извлечемъ изъ тѣхъ же писемъ, любезно предоставленныхъ намъ для этой цѣли П. А. Бакунинымъ.

Въ припискѣ къ письму отъ 6 апрѣля 1841 года, изъ Петербурга, къ Николаю Александровичу Бакунину, Бѣлинскій говоритъ: „Вся жизнь моя въ письмахъ“. И дѣйствительно, въ нихъ геніальный писатель отражается весь. Многія изъ нихъ принимали необыкновенные размѣры. Такъ письмо къ Михаилу Александровичу Бакунину, отъ 12 октября 1838 года, съ эпиграфомъ: „Еще одно послѣднее сказаніе,—и лѣтопись окончена моя“,—составляетъ цѣлую тетрадь — пятнадцать листковъ почтовой бумаги и еще ма-

ленькій клочокъ. Я изложу, въ хронологическомъ порядкѣ, содержаніе этой переписки, приводя преимущественно тѣ извлеченія, которыхъ нѣтъ у г. Пыпина.

Бѣлинскій познакомился съ М. А. Бакунинымъ черезъ Станкевича, въ 1835 году, и съ этого же года между ними началась переписка. Г. Пыпинъ говоритъ: „Бѣлинскій познакомился съ М. Б., кажется, только въ 1836 году". Но въ собраніи писемъ, бывшихъ у насъ, одно помѣчено (изъ Москвы) 15 октября 1835 г. Бѣлинскій пишетъ въ этомъ письмѣ: „*Я, Василій Петровичъ, Лангеръ и всѣ прочіе, т.-е. Аксаковъ, Ключниковъ, Катковъ, — безпрестанно спрашиваютъ другъ друга: что Мишель, что съ нимъ, отчего онъ не пишетъ, здоровъ ли онъ, не сдѣлалось (ли) съ нимъ какого несчастія?*"

Слѣдующее письмо, бывшее у насъ въ рукахъ, прислано Бѣлинскимъ изъ Пятигорска и помѣчено 28 іюня 1837 года. „Смотрю на ясное небо, — пишетъ Бѣлинскій, — на фантастическія облака, на дикую и величественную природу Кавказа — и радуюсь, самъ не знаю чему. Даже у себя въ комнатѣ, чуть только лучъ солнца заиграетъ на стеклѣ окна, улыбаюсь и радостно потираю руками". Но и въ такой природѣ и на короткое время Бѣлинскій не могъ жить безъ литературныхъ интересовъ. „*Хромоногій бѣсъ* Лесажа,— говоритъ онъ въ этомъ же письмѣ, — такая мерзость, что насилу заставилъ я себя дочесть его, и то ex officio, а между тѣмъ эта книжонка пользуется европейскимъ авторитетомъ. Доберусь я до нея когда-нибудь"! Бѣлинскій шутливо прибавляетъ: „Миша, нѣтъ ли какихъ-нибудь новостей, нѣтъ ли литературныхъ сплетней? Пожалуйста, сообщи ихъ. Душа умираетъ безъ нихъ".

М. А. Бакунинъ прислалъ въ Пятигорскъ письмо, въ которомъ говорилъ объ общемъ „паденіи" членовъ кружка. Бѣлинскій отвѣчаетъ (16 августа 1837 г.), что онъ согласенъ съ этимъ, но что онъ всталъ, чтобъ никогда не падать болѣе. „Тебѣ извѣстны мои понятія о людяхъ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса — на людей съ зародышемъ любви и на людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня— скоты, и я почитаю слабостію всякое снисхожденіе къ нимъ. Но когда я вижу человѣка съ зародышемъ чувства, то какъ бы глубоко ни палъ онъ, но если, въ самомъ паденіи, онъ сохранилъ инстинктъ истины и сознаніе своего паденія,—онъ братъ мой, и я не могу презирать его" *). Дальше Бѣлинскій выражается еще

*) Приведено у г. Пыпина (I, 184).

энергичнѣе: „Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви; я скорѣе рѣшусь стремглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по разсчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не зарѣзалъ меня... Нѣтъ — лучше быть падшимъ ангеломъ, т.-е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою!“ *).

А. Н. Пыпинъ приводитъ изъ этого письма значительныя выдержки. Бѣлинскій съ восторгомъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи у Бакуниныхъ (въ Прямухинѣ, новоторжскаго уѣзда, тверской губерніи). Въ Прямухинѣ Виссаріонъ Григорьевичъ влюбился въ одну изъ сестеръ Михаила Александровича, Александру Александровну (она была впослѣдствіи замужемъ за Вульфомъ и скончалась пять лѣтъ тому назадъ), но не встрѣтилъ взаимности. Эта несчастливая любовь многое объясняетъ въ тогдашнемъ настроеніи Бѣлинскаго.

На Кавказѣ онъ (то же письмо) „составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ въ формѣ писемъ или переписки друзей,—писалъ В. Г. Бѣлинскій,—хочу изложить всѣ истины, какъ постигъ я ихъ, о *цѣли человѣческаго бытія* или *счастіи*. Я дамъ этимъ истинамъ практическій характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія; обѣ мои статьи, написанныя въ Прямухинѣ, войдутъ сюда, передѣланныя въ своей формѣ, очищенныя отъ многословія и противорѣчій. Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ такъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни“. Этотъ грандіозный замыселъ остался, какъ извѣстно, безъ выполненія **).

15 сентября Бѣлинскій вернулся въ Москву и пишетъ 21 сентября М. А. Бакунину, что Кавказъ ему надоѣлъ, дорога — адъ. „Начинаю,—говорилъ Виссаріонъ Григорьевичъ,—сходиться съ Катковымъ и цѣнить его—чудесный малый!“ „Меня радуетъ,—прибавляетъ онъ,—усиленіе моей способности любить людей“. Въ письмѣ

*) Приведено у г. Пыпина (I, 186).

**) 1 ноября 1837 года Бѣлинскій писалъ М. А. Бакунину, что началъ *переписку двухъ друзей*. См. Пыпинъ, I, 191.

отъ 1 ноября 1837 года о Катковѣ мы находимъ у Бѣлинскаго такой отзывъ: „Славный малой — онъ далеко пойдетъ, потому что уже теперь у него убѣжденія въ мирѣ съ жизнію. Голова свѣтлая, сердце чистое—вотъ Катковъ". Нужно прибавить, что въ это время Бѣлинскій былъ въ такъ называемомъ примирительномъ направленіи, въ довольствѣ тогдашнею россійскою дѣйствительностію *).

1 августа 1838 года Бѣлинскій написалъ письмо къ старику Бакунину, Александру Михайловичу, съ которымъ у знаменитаго критика были нѣкоторыя столкновенія въ Прямухинѣ. Письмо написано очень тепло и съ большимъ достоинствомъ. Бѣлинскій раскаивается въ своихъ выходкахъ и съ любовью вспоминаетъ жизнь въ Прямухинѣ, деревенскій садъ и прогулки. Съ М. А. Бакунинымъ у Бѣлинскаго въ это время отношенія стали холодными, хотя переписка между ними еще не прекращалась. „Для тебя,— писалъ Бѣлинскій (13 августа 1838 г.),—жизнь есть повѣрка знанія, для меня наоборотъ". Для Бѣлинскаго истина „существуетъ не столько сама по себѣ, сколько по способу, какимъ она представляется: если она блеститъ радужнымъ блескомъ образа — она моя". „Мысль живетъ во мнѣ,— читаемъ мы далѣе,— подчасъ, но какъ живетъ?—такъ, что если сама не оставитъ меня, то ее надо оторвать съ кровью, съ нервами". Въ письмѣ отъ 12 октября 1838 года Бѣлинскій говоритъ: „я всегда глубоко уважалъ и буду уважать тотъ народъ, о которомъ сказано: гласъ божій — гласъ народа—и который есть живая, олицетворенная субстанція, которой образованные люди суть опредѣленіе, есть резервуаръ идей, дѣйствій, осуществляемыхъ и сознаваемыхъ индивидами".

Но вскорѣ отношенія между Бѣлинскимъ и М. Бакунинымъ совершенно порвались. 6 апрѣля 1841 года изъ Петербурга Бѣлинскій пишетъ Николаю Александровичу Бакунину, что этотъ разрывъ стоилъ ему трехлѣтней лихорадочной борьбы. Упомянутое письмо заключаетъ съ себѣ горькія жалобы на неудачную личную жизнь знаменитаго писателя. Г. Пыпинъ напечаталъ изъ этого письма большое извлеченіе (II, 128—130), и я приведу лишь нѣсколько новыхъ выдержекъ: „Томясь попрежнему,—говоритъ Бѣлинскій,— танталовскою жаждою любви, я въ то же время никакъ не умѣю понять для себя возможности любить больше года женщину, какъ бы ни была она прекрасна и какъ бы ни любила меня". „Къ рѣд-

*) Г. Пыпинъ указываетъ, что въ это время матеріальныя обстоятельства самого Бѣлинскаго были поистинѣ ужасны.

кой женщинѣ,—замѣчаетъ критикъ,—нельзя примѣнить лермонтовскаго: „Пускай ее поплачетъ,—ей ничего не значитъ". „Сколько въ жизни встрѣчается прекраснѣйшихъ женственныхъ личностей въ обладаніи у скотовъ, и спросите каждую изъ нихъ,—рѣдкая не сознается въ томъ, что ее любилъ достойный человѣкъ, котораго она отвергла". „Я одинъ въ мірѣ, мое сердце ни для кого не бьется, потому что для него не билось ни одно сердце". „Я часто желаю смерти, и мысль о ней ужъ болѣе умиряетъ и грустно утѣшаетъ меня, чѣмъ пугаетъ и мучитъ". Но память о сестрахъ Бакунина,—пишетъ Бѣлинскій,—свята для него.

9 декабря 1841 года онъ отправилъ еще письмо Н. А. Бакунину. Въ полученномъ незадолго передъ тѣмъ письмѣ этого послѣдняго были приписки Татьяны Александровны и Александры Александровны. Бѣлинскій былъ очень тронутъ теплымъ отношеніемъ къ нему. Онъ жалуется на отсутствіе въ его природѣ гибкости и говоритъ: „я рожденъ, чтобъ называть вещи ихъ настоящими именами, *я въ мірѣ боецъ...*" Бѣлинскій возстаетъ противъ „кружка", который рождаетъ исключительность и странности; но у всякого, прибавляетъ онъ, долженъ быть свой уголокъ, куда бы онъ могъ укрыться отъ ненастья жизни *). Почти черезъ годъ, Виссаріонъ Григорьевичъ въ письмѣ къ тому же лицу превозноситъ Жоржъ Зандъ. „Читали ли *Ороса*?—спрашиваетъ онъ.—Эта женщина (Жоржъ Зандъ) рѣшительно Іоанна д'Аркъ нашего времени,—звѣзда спасенія и пророчица великаго будущаго".

Н. А. Бакунинъ извѣстилъ Бѣлинскаго о своей предстоящей женитьбѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ Бѣлинскій поздравляетъ жениха, шутитъ, желаетъ счастья. „Все великое на землѣ божественно,—пишетъ онъ,—а все божественное просто". „Боже сохрани не понять этого и ожидать отъ любви чудесъ,—сама любовь есть чудо". „Страшитесь, какъ вѣрной гибели, *все* найти въ одномъ". „Я могу или еще болѣе полюбить плѣнившій меня женственный образъ за его понятія, или совсѣмъ разлюбить его за нихъ". Бѣлинскій пишетъ, что ему хочется опять пріѣхать въ Прямухино. „А сколько у меня предметовъ для разговоровъ,—восклицаетъ онъ,—живыхъ разговоровъ, которыми красна разумная бесѣда и мила человѣческая жизнь!" Но обстоятельства складывались для Виссаріона Григорь-

---

*) А. Н. Пыпинъ приводитъ изъ этого письма другія извлеченія (II, 130—131). Къ Н. А. Бакунину написано и то письмо, которое цитируетъ г. Пыпинъ на 162 стр. II тома.

евича неблагопріятно. „Вѣдь и погрустить сильно не всегда удается,—жалуется онъ; одна апатія—всегдашняя гостья“ *).

Весьма замѣчательно письмо, отправленное Бѣлинскимъ 8 марта 1843 года къ Н. А. Бакунину. Въ немъ онъ пишетъ и сестрамъ Николая Александровича. „Во мнѣ всегда была,—говоритъ Бѣлинскій,—глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы“. Указывая на то, что любовь часто потухаетъ у высокихъ и глубокихъ натуръ, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія?—въ общественности, въ которой все человѣческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, безсмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы“. Виссаріонъ Григорьевичъ радуется, что изъ его отношеній къ семьѣ Бакуниныхъ исчезли *дымъ и чадъ*, что „осталось одно тихое, ровное, свѣтлое и кроткое пламя взаимнаго расположенія, взаимнаго уваженія“. Бѣлинскій теперь страшится любви. Ему глубоко пали на душу стихи Лермонтова: „Любить, но кого же?...“ Нѣсколько раньше, 23 февраля, онъ писалъ къ тѣмъ же друзьямъ, что о любви не мечтаетъ, что потребность сочувствія „вспыхиваетъ рѣдко, зато, право, одна минута стоитъ годовъ страданія“. „Съ горя,—прибавляетъ Бѣлинскій,—чтобы любить хоть что-нибудь, завелъ себѣ котенка и иногда развлекаю себя удовольствіемъ кроткихъ и невинныхъ душъ—играю съ нимъ“. Бѣлинскій посмѣивается надъ тѣмъ, что женщины, по статьямъ, считаютъ его героемъ, и сообщаетъ, что „воротился г. N** — то-то дрянь-то! Это воплощеніе раздутаго самолюбія. Ну, да чортъ съ нимъ,—онъ не стоитъ, чтобъ и говорить о немъ“.

Въ послѣднемъ изъ бывшихъ у насъ писемъ, къ Татьянѣ Александровнѣ, изъ Петербурга, отъ 5 декабря 1844 года, Бѣлинскій дружески поздравляетъ Александру Александровну съ замужествомъ.

Перечитывая поблекшія отъ времени письма Бѣлинскаго, написанныя то спокойно, то нервно, на цѣлыхъ тетрадяхъ и на отдѣльныхъ клочкахъ, проникаешься благоговѣйною любовью къ этому безконечно искреннему и честному человѣку. „Его личная многострадальная жизнь,—говоритъ г. Пыпинъ,—останется, безъ сомнѣнія, не для одного настоящаго поколѣнія высокимъ примѣромъ нравственнаго достоинства и стремленія къ жизненной истинѣ“.

Викторъ Гольцевъ.

---

*) А. Н. Пыпинъ приводитъ изъ этого письма другую выдержку (II, 163).

ПОСЛѢДНЯЯ ДЕПЕША.

I.

Раздавалось только прерывистое дыханіе въ полутемнотѣ покоя, гдѣ лежалъ тяжело-больной. Лампочка съ абажуромъ, скрытая въ углу, въ бокъ отъ кровати, завѣшенной шерстяною матеріей, еле досылала свѣтъ до лица дѣвушки, слѣдившей за дыханіемъ больнаго. Она стояла у нижней спинки кровати и облокотилась на нее однимъ локтемъ.

Сквозь окна безъ двойныхъ рамъ и спущенныя гардины глухо доносился гулъ людной улицы огромнаго города. Въ каминѣ тлѣлъ коксъ. По угламъ комнаты начинало холодѣть.

На ночномъ столикѣ—стклянки, пузырьки, коробочки, стаканъ, ложечка—всё перепуталось и говорило о быстрой смѣнѣ средствъ за какіе-нибудь три-четыре дня.

Не раньше, какъ въ среду,—шелъ четвертый день,—отецъ этой дѣвушки вернулся вечеромъ съ публичной лекціи, на бульварахъ, былъ возбужденъ, много и оживленно разговаривалъ,—какъ всегда; у нихъ сидѣли гости, и только, къ самому концу вечера, сказалъ, что на лекціи была ужасная духота и его немного прохватило при выходѣ.

Ночью открылся сильный жаръ. На другой день утромъ стало мучить колотье въ правомъ боку. Кашель, удушье, а потомъ и бредъ указывали на воспаленіе. Какъ разъ пріѣхалъ днемъ тотъ докторъ, большая знаменитость, что̀ заѣзжалъ, разъ въ недѣлю, къ ней. Она только-что оправилась, передъ тѣмъ, отъ нервнаго разстройства. Докторъ былъ знаменитостью собственно по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Онъ сталъ лѣчить и отца.

Опасность сказалась съ перваго же утра. Докторъ не произнесъ еще названія болѣзни; но она уже догадывалась, что это воспаленіе легкихъ, или, по крайней мѣрѣ, одного праваго, гдѣ было самое сильное колотье.

Дома никто головы не терялъ. Двѣ ея меньшія сестры: постарше—отъ одной съ нею матери, а другая—дѣвочка—отъ мачихи, хотѣли чередоваться съ нею и съ мачихой около больнаго; но онъ ихъ усылалъ.

Маленькая сестра, съ перваго дня, была недовольна тѣмъ, какъ знаменитый докторъ началъ лѣчить отца.

— Онъ не долженъ былъ браться! строго говорила она:—онъ знаетъ хорошо совсѣмъ другія болѣзни. Что онъ такое сдѣлалъ? Сейчасъ поставилъ бàнки! Развѣ ставятъ банки? Это при Мольерѣ такъ лѣчили: пускать кровь!

И старшая сознавала, что это — правда, хоть и двѣнадцатилѣтняя дѣвочка такъ негодовала. Но отказать доктору никому не пришло въ голову: вѣдь онъ—знаменитость и лѣчитъ отъ всякихъ внутреннихъ болѣзней. У нея скребло теперь на сердцѣ оттого, что такъ сдѣлалось—по ея винѣ.

Вѣдь докторъ навѣщалъ ихъ — только для нея. Не будь ея, онъ не пріѣхалъ бы съ визитомъ, и лѣченіе пошло бы иначе. О консиліумѣ она было заикнулась; но ей самой стало ужасно страшно. Вчера отецъ лучше себя чувствовалъ; весь день не впадалъ въ забытье, меньше кашлялъ, говорилъ со всѣми, шутилъ. Онѣ всѣ обрадовались. Сегодня, съ утра, пошло хуже да хуже. Докторъ былъ два раза: по его лицу, ужимкѣ губъ, по взгляду, точно тайкомъ брошенному сегодня вечеромъ на больнаго, она поняла всю глубину опасности.

Докторъ, уходя, произнесъ слово: „кризисъ“,—слово ничего не говорящее и страшное. Кризисъ долженъ произойдти въ ночь или къ утру. А ночь уже началась. Она знаетъ, что если къ утру отцу лучше не будетъ, тогда все уже поздно. И тогда-то и пригласятъ на консиліумъ еще двухъ-трехъ знаменитостей.

Строгое, красивое, не очень уже молодое лицо дѣвушки вытянулось отъ двухъ ночей безъ сна. Носъ съ горбиной передалъ ей отецъ, и большіе голубые глаза, и широкія темнорусыя брови. Она смотритъ въ полутьму, силится, въ совершенной темнотѣ пòлога, разглядѣть дорогія черты. Овалъ головы выступаетъ; густые волосы съ просѣдью разметались. Голова лежитъ навзничъ, но обернулась немного влѣво, къ стѣнѣ. Воротъ мягкой рубашки поднялся и рѣзко отдѣляется отъ темноты пòлога. Теперь она видитъ, что глаза только полузакрыты и ротъ—также. Дыханіе идетъ ртомъ, тревожно, съ особымъ звукомъ, хватающимъ ее за душу.

Одѣяло плотно, какъ всегда во французскихъ постеляхъ, по-

крываетъ грудь больнаго до подмышекъ. Одна рука—правая—выбилась наружу и, нѣтъ-нѣтъ, поднимается и дѣлаетъ жесты.

Это опять начало бреда.

„Неужели *его* не станетъ завтра, послѣ завтра?“ думаетъ дочь. „Еще въ среду его разговоръ такъ искрился!... Кто бы сказалъ тогда, что ему уже подъ шестьдесятъ? Да и какой это возрастъ для людей, какъ *онъ?*“

Она думала объ этомъ почти спокойно. Мысль о смерти не вставала еще передъ нею, какъ холодящее ощущеніе, а только какъ смутная возможность.

Ее мучило гораздо болѣе то, что „изъ-за нея“ „спеціалистъ совсѣмъ по другимъ болѣзнямъ“ началъ лѣчить и его; и ни у кого не достало духу, или ума, находчивости — отстранить его. На маленькую ея сестру прикрикнули даже за ея „умничанье“, за то, что она нашла банки „допотопнымъ лѣченіемъ“.

Кризисъ назрѣвалъ. Что-то дѣлается въ этомъ правомъ легкомъ? Нѣтъ ли въ немъ и теперь уже нарыва? Тогда—конецъ.

II.

Больной сдѣлалъ движеніе. Дѣвушка нагнулась.

— Что́ такое, что̀ такое?...

Онъ спросилъ испуганно и поднялъ голову—въ полузабытьи.

— Это я.

— Депеша есть?

— Не принесли еще.

— Ну вотъ, ну вотъ!

Онъ хотѣлъ, кажется, совсѣмъ выпрямиться, но силъ у него не достало. Голова безпомощно упала на подушку; одной правой рукой попробовалъ онъ сдѣлать неопредѣленный жестъ.

И опять впалъ въ забытье.

Вечерняя депеша запоздала. Утромъ была уже одна. Какъ только онъ выходилъ изъ забытья, первый его вопросъ: „депеша есть?“

Тамъ, на Женевскомъ озерѣ, лежитъ больной его другъ. Но у того старая, запущенная болѣзнь, приковавшая его къ постели „надолго“, почти съ завистью подумала дѣвушка.

Но ей не стало обидно ни за себя, ни за остальныхъ домашнихъ, что отецъ и въ тяжкой болѣзни думаетъ только о своемъ „Нико́лѣ“. Онъ всѣхъ ихъ любитъ, — мысленно она выговорила

„любилъ“,—и брата, и ее: сколько тяжелыхъ заботъ положилъ на ея воспитаніе, болѣзни; чему не училъ, куда не возилъ? И меньшихъ сестеръ — также, особенно самую меньшую, отъ второй жены.

Но „Николя“—это нѣчто особенное! А вѣдь онъ просто пріятель, чужой по крови. *Такой* дружбы она никогда не видывала, да и не читала нигдѣ въ книжкахъ. Между ними встала женщина. Другіе бы подставили другъ другу грудь на дуэли, а тутъ одинъ уступилъ другому права мужа. Иначе и не могло быть при такомъ чувствѣ...

Дѣвушка, отъ усталости, опустилась на низкій табуретъ, позади кровати; но голова ея была возбуждена.

Необычайная дружба ея отца съ его „духовнымъ“ братомъ повела ее теперь къ думѣ о той странѣ, откуда ее вывезли годовалымъ ребенкомъ. Это—ея *родина;* а увидитъ ли она ее когда-нибудь? При жизни отца—конечно, нѣтъ!... Она и не хочетъ этого. Пускай она *никогда* не вернется на родину, только бы жилъ *онъ*...

Но эта родина — живая, передъ нею, въ его лицѣ. Отецъ ея пріѣхалъ оттуда совсѣмъ готовымъ человѣкомъ, большимъ талантомъ, блестящимъ, несравненнымъ писателемъ, и привезъ съ собою то, чѣмъ его сдѣлала родина, и тотъ городъ, гдѣ онъ родился, гдѣ учился, гдѣ съ отроческихъ лѣтъ полюбилъ своего „Николю“.

Всѣ его разсказы о томъ времени именно теперь приходили ей на память и всего ярче выяснялись, въ головѣ, годы студенчества и первой любви, женитьбы, пріятельскаго кружка—передъ давно и страстно желанной поѣздкой въ Европу...

Быть-можетъ, никогда не попадетъ она туда, въ старую русскую столицу,—ее что-то увѣряетъ въ этомъ,—а она отсюда видитъ всѣ мѣста—въ городѣ и въ окрестностяхъ его—особенно за городомъ. Она видитъ деревенскій домъ на пригоркѣ, въ сторонѣ отъ шоссе,—позднѣе тамъ же прошла и желѣзная дорога,—съ садомъ, надъ обрывомъ, съ живописными холмами и лощинами вокругъ. Пріятельская пирушка, на воздухѣ, затянулась. Справляютъ день рожденья... или провожали кого-то: все равно, — случаевъ бывало много. Какіе споры, сколько идей и блеска, пыла, веселости, надеждъ!... Вино пили щедро. Одинъ изъ пріятелей, докторъ, ходитъ и подливаетъ всѣмъ, хохочетъ раскатистымъ смѣхомъ, страшнымъ для непривычнаго слуха, на всѣхъ кричитъ, всѣмъ командуетъ и всѣ его слушаются, и всѣмъ весело отъ выходокъ чудака...

Имъ становилось нестерпимо въ тогдашней жизни; они зады-

хались, страдали душой; а время, все-таки, было чудное. Беззавѣтная, лучезарная дружба ея отца съ его „Николей“ и тогда поднималась надо всѣмъ, чтò двое постороннихъ мужчинъ могутъ испытывать другъ къ другу...

Почему же такъ?

Должно-быть, ихъ „поколѣніе“ не такъ чувствовало, какъ теперешнія? Гдѣ у ней самой, въ ея дѣвичьей жизни, что-нибудь похожее? А она уже пожила на свѣтѣ, ей идетъ двадцать шестой годъ; еще два-три года, и она—„старая дѣва“. Оттого-то имъ — этимъ людямъ „сороковыхъ годовъ“ — такъ особенно и жилось. Нужды нѣтъ, что многіе поплатились за свои идеи и упованія... Сколькихъ разбросало по свѣту: тѣхъ сослали, эти ведутъ скитальческую жизнь на чужой сторонѣ; никто не сдѣлалъ карьеры.

Зато всѣ почти, кто остался вѣренъ себѣ — сойдутъ въ могилу съ именемъ...

„Но чтò—имя, когда живой человѣкъ перестанетъ дышать?...“

Она вся вздрогнула: побоялась, что ея душа перейдетъ въ сонъ...

„Чтò—слава, когда вотъ тутъ, на этой постелѣ, будетъ лежать холодѣющее тѣло?...“

И это можетъ быть. Неужели—завтра?

Она быстро закрыла лицо ладонями и почти зажала себѣ ротъ, чтобы не разрыдаться.

Но на душѣ, у нея сквозь ѣдкую боль, смѣшанную съ ужасомъ смерти отца, просвѣчивало что-то, вызванное теплою думой о чудной дружбѣ людей „того“ поколѣнія. Все переживетъ такое чувство: и страсть къ любимой женщинѣ, и славу, и даже кровную связь съ дѣтьми... Она не ревновала къ другу за ежедневныя депеши отца. Съ какою радостью сѣла бы она около кровати и стала бы писать текстъ телеграммы, подъ его диктовку, какъ дѣлала сегодня, уже два раза, и вчера также, еслибъ это не было ему такъ вредно; а удержать его нельзя: онъ не можетъ отказаться отъ такого высшаго наслажденія...

III.

Дверь тихонько отворилась. Въ спальню проскользнула дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, рослая, бѣлокурая, съ крупнымъ ртомъ, въ темной шерстяной блузѣ, перетянутой широкимъ кожанымъ кушакомъ.

Она беззвучно подбѣжала къ старшей сестрѣ, сѣла къ ней на

колѣни, озиралась на больнаго и стала разспрашивать ее такъ тихо, что та понимала ее больше по движеніямъ губъ.

— Спитъ?

— Въ забытьи.

— Бредитъ?

— Почти нѣтъ.

— О чемъ спрашивалъ?

— О депешѣ.

— Нѣтъ депеши: вчера пришла въ четверть осьмаго, а сегодня нѣтъ! сказала дѣвочка и сдвинула свои тонкія брови.

Она помолчала нѣсколько секундъ и начала, уже отъ себя, разсказывать порывисто, но отчетливо, и все такимъ же еле-слышнымъ шепотомъ.

— Я умоляла маму послать депешу брату, а она не согласилась; говоритъ: „что его напрасно пугать?"...

— Она права, строже выговорила старшая сестра.

— Надѣется на кризисъ!...

Это слово обдало старшую холодомъ.

Дѣвочка повела губами.

— Я ему не довѣряю...

— Кому?

— Да доктору! Кризисъ! Фраза! прибавила она совсѣмъ какъ большая.

Онѣ помолчали.

— Порошокъ принялъ?

— Принялъ.

— Ахъ, хоть бы пришла депеша! Это его опять оживитъ...

И, отвѣчая на свою мысль, она сказала медленно:

— Не всѣ *его* такъ любятъ... изъ друзей...

— А что?

— Да вотъ... заходилъ тотъ...

Она назвала имя стариннаго пріятеля отца, жившаго также за границей, съ которымъ онъ былъ, одно время, въ ссорѣ; но не задолго до болѣзни помирился.

— Мама при мнѣ ему говоритъ, продолжала дѣвочка и держала свое лицо совсѣмъ плотно къ лицу сестры: — говоритъ ему: „послушайте, вы мнѣ разъ какъ-то сказали, что у васъ, изъ русскихъ, было только два самыхъ дорогихъ человѣка: онъ,— дѣвочка повернула немного голову къ кровати, — и тотъ еще"... ну, ты знаешь... критикъ?...

— Знаю.

— Мама его и просила—я весь разговоръ слышала:—„останьтесь до завтра. Докторъ объявилъ, что завтра—кризисъ. Что̀ вамъ сто̀итъ подождать до завтра? Одно изъ двухъ: или онъ встанетъ, или“...

Дѣвочка поблѣднѣла, схватила руку сестры и сильно пожала ее.

— И что же?

— Мама еще ему сказала: „вѣдь вы будете упрекать себя, если вдругъ вы его никогда не увидите“...

— Не говори такъ!

— Кажется, это на всякаго бы подѣйствовало?

— Неужели... не захотѣлъ?

— Простился!

Губы дѣвочки сложились въ горькую усмѣшку.

— Вотъ такъ другъ! болѣе рѣзкимъ шепотомъ выговорила она.

— Почемъ знать?... Онъ не могъ,—сказала старшая сестра: она всегда боялась осуждать другихъ.

— Это ясно! рѣшила дѣвочка. — И пускай его! И не надо! Только вотъ папа, бывало, хвалитъ все свое,—она недолго искала слова,—свое поколѣніе!...

Ея развитость не по лѣтамъ давно пріучила ее къ такимъ словомъ.

— Вотъ тебѣ и поколѣніе! и друзья!... Кто изъ насъ на это способенъ?...

Слова ея, проговоренныя шепотомъ, вызвали въ старшей опять думу о дружбѣ отца, о томъ поколѣніи, что̀ дѣвочка сейчасъ такъ искренно обличала... Стало—это все было тамъ, въ гостиной, полчаса тому назадъ? Стало—и ея отецъ можетъ быть для пріятелей, для тѣхъ, кто такъ долго шелъ съ нимъ рука объ руку, настолько безразличнымъ, что не хочется даже переночевать, чтобы узнать: остался онъ живъ, или нѣтъ?!...

„И пускай его!“ повторила она слова своей сестренки мѣткія слова.—„И не надо!“ Пусть одна только дружба—та, про которую отецъ любилъ произносить стихи Пушкина, когда говорилъ о союзѣ“ съ близкими сердцу:—„Онъ какъ душа—нераздѣлимъ и вѣченъ!“ —пусть дружба эта грѣетъ его, и освѣщаетъ, и призоветъ опять къ жизни!...

Слезы показались на ея рѣсницахъ.

— Мы его спасемъ! страстно зашептала дѣвочка и прижалась къ ней.—Только ты пошла бы спать... милая! Оставь меня. Я

насилу прогнала маму. Она на ногахъ не стояла... Но я прогнала!...

— Тсс!...

Больной повернулся, но не просыпался. Дѣвочка опустилась съ колѣнъ сестры, стала на цыпочкахъ у спинки и глядѣла въ темноту пóлога. Обѣ онѣ притаили дыханіе. Въ комнатѣ слышалось тиканье часовъ на каминѣ, да потрескиваніе догарающихъ углей.

Онъ началъ бредить. Обѣ дочери прислушивались. Сначала онѣ ничего не могли разобрать. Какъ будто онъ отъ кого-то отбивался. Онъ произносилъ слабые звуки, кажется, по-русски; но ни одного слова имъ не удавалось схватить.

IV.

Минуты черезъ двѣ голосъ сталъ крѣпчать; произношеніе было уже разборчивѣе.

— Ты выше! бредилъ больной.—Ты выше... да! Ахъ, Коля!— громко вздохнулъ онъ.—Нѣтъ, не говори: императивъ...

— Что такое? спросила дѣвочка. Она не поняла слова: „императивъ“.

Старшая остановила ее движеніемъ головы.

— Никто, никто въ мірѣ не способенъ... Одинъ — ты! Простилъ, и все отдалъ, все!...

Онѣ слушали, и каждое слово, подхваченное на лету, открывало имъ смыслъ: для одной—совсѣмъ ясный, для другой—смутно понимаемый; но и она знала если не о чемъ, то о комъ бредитъ отецъ.

Вдругъ онъ запѣлъ. Это ихъ испугало. Что-то заунывное, какъ будто со словами. Голосъ вытягивался въ длинную и жалобную ноту. И точно онъ хотѣлъ схватить напѣвъ и никакъ не могъ сдѣлать это сразу.

Во мглѣ комнаты это пѣніе звучало и страшно, и жалко. Никогда онѣ не слыхали, чтобы отецъ что-нибудь напѣвалъ, хоть и былъ такого живаго характера. Это пѣніе несло имъ съ собою предчувствіе близкаго конца...

Пѣніе оборвалось. Старшая дочь сидѣла на стулѣ съ опущенною головой. Дѣвочка положила ей на колѣни свою голову и удерживала рыданія.

— Кто здѣсь? спросилъ больной твердо, и поднялъ голову.

— Я, отвѣтила старшая дочь.

— Одна?

— Здѣсь и Лили́.

— А-а!

Дѣвочка выскочила изъ-за угла кровати и прильнула къ изголовью.

— Папа, зашептала она.

— Ну, что... вертунья?...

Онъ приласкалъ ее, погладивъ по мягкимъ и густымъ волосамъ.

— Тебѣ лучше... скажи?

— Лучше.

Онъ отвѣтилъ это такъ твердо, что старшая,—она тоже вышла изъ-за кровати,—радостно вскинула рѣсницами.

— Тебѣ хорошо? спросила она у кровати.—Надо еще порошокъ...

— Знаю.

Онъ поморщился. Лицо его показалось имъ обѣимъ — совсѣмъ здоровымъ, съ румянцемъ, съ блескомъ въ возбужденныхъ глазахъ.

— А депеша? спросилъ онъ и совсѣмъ сѣлъ въ постелѣ.

Дѣвочка подложила ему за спину подушку.

— Депеши еще нѣтъ, папа, сказала она первая.

Ея сестра готовила лѣкарство.

— Какже это? почти жалобно выговорилъ онъ и сталъ оглядываться.—Ему хуже?

Отъ безпокойства его глаза потемнѣли.

— Дали бы знать, папа, подсказала дѣвочка.

— Я самъ спрошу его... депешей!

Опять къ нему вернулось возбужденіе. Онъ подперся правымъ локтемъ о подушку.

Старшая дочь поднесла ему лѣкарство. Онъ, безъ гримасы, выпилъ и самъ поставилъ рюмку на столикъ, улыбнулся имъ обѣимъ и сложилъ руки на груди.

Это была его любимая поза: стоялъ ли онъ, или сидѣлъ, особенно, когда что-нибудь слушалъ со вниманіемъ и сочувствіемъ. Она обрадовалась этой позѣ. И ей не стало уже страшно за то, что онъ будетъ громко говорить ей текстъ депеши и утомится.

— Не диктуй, па̀па! Послушайся меня! Мы сейчасъ пошлемъ, спросимъ... и съ отвѣтомъ...

Старшая молчала и только просительно взглядывала на него.

— Садись! приказалъ ей отецъ,—пиши карандашомъ!

Выговаривалъ онъ хорошо, безъ той прерывистой передышки, какъ во снѣ. Она сѣла у лампы.

— Ты готова? спросилъ онъ.

— Готова.

— „Умру я или останусь въ живыхъ, — диктовалъ онъ ей, и голосъ его вздрагивалъ отъ силы чувства,—тебѣ шлю я свой привѣтъ, вѣчный,—тотъ, что̀ долженъ пережить меня и витать надъ тобою всегда, согрѣвать тебя, безцѣнный другъ и братъ мой...“

Ему недостало воздуха. Онъ закашлялся.

— Па̀па! звукомъ тихой мольбы выговорила дѣвушка и подняла голову отъ бумаги.

— Пиши!

Новый приливъ возбужденія овладѣлъ имъ.

— „Твой образъ, твоя ангельская доброта мирятъ меня со всѣмъ, что́ я видѣлъ среди людей и въ себѣ, въ первомъ: мелкаго, возмутительнаго, грязнаго и хищнаго. Мнѣ сладко мое преклоненіе передъ твоей святою личностью. Откликнись, хоть еще разъ, на мой призывъ, однимъ словечкомъ откликнись! Я жду твоей масличной вѣтви въ моемъ предсмертномъ ковчегѣ...“

Рука дѣвушки летала по страницѣ. Онъ диктовалъ по-русски; она передавала по-французски: потребность его души сказалась въ этомъ предпочтеніи роднаго языка.

— Ты усталъ! Будетъ! шепнула дѣвочка, все еще у его изголовья.

— „Ты одинъ... твой голосъ... и способенъ, быть можетъ, вернуть меня къ жизни. Прощай, Николя!...“

Внезапно голосъ его оборвался и голова упала на подушку. Дѣвочка испуганно вскрикнула. Старшая дочь бросилась къ кровати.

Въ груди дыханіе вызывало хрипъ. Правая рука стала тянуть къ себѣ одѣяло...

Агонія началась.

П. Боборыкинъ.

1886.
Августъ.

ЛИХОИМЕЦЪ.

Разсказъ.

Накануне Ильина дня въ деревнѣ Коровья Лужа произошло большое смущеніе умовъ. Причиной того смущенія было страшное дѣло: дьячокъ Петръ Ѳеофилактовичъ, навивая возъ сѣна, упалъ съ высоты воза и напоролся на желѣзныя вилы, которыми ему подавалъ сѣно мужикъ Назаръ Нилычъ. Дьячокъ лежалъ при смерти, а деревня волновалась. Мужики и бабы бросили работу и ходили по избамъ, передавая другъ другу подробности ужаснаго случая. Всѣхъ этотъ случай поразилъ. Деревня заинтересована была вдвойнѣ: во-первыхъ, какъ трагическимъ происшествіемъ, которое само по себѣ являлось изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ, прошедшимъ красною полосой по сѣренькому фону будничной деревенской жизни; во-вторыхъ, жители Коровьей Лужи связаны были своими интересами съ жизнью дьячка Петра Ѳеофилактовича. Не было человѣка не только въ Коровьей Лужѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ, верстъ на 10 вокругъ, кто бы не былъ ему долженъ. Развѣ только староста да старшина изъяты были изъ общаго правила; но и тѣ были связаны съ дьячкомъ то свойствомъ, то кумовствомъ.

И всякъ по своему выражалъ свои мысли по поводу несчастія, постигшаго семейство дьячка. Старики и старухи, отжившіе свою долгую жизнь тихо, покойно, безцвѣтно и не замутивши ни разу своей совѣсти укоризненнымъ дѣломъ, говорили:

— Вотъ онъ, Илья-то батюшка,—прогнѣвался!...

— Пришелъ конецъ терпѣнія Божьяго...

— Рука-то Господня... рука-то не промахнулась.

— Пришелъ конецъ лихоимцу, мытарю... Пососалъ крови крестьянской... Мужицкими мозолями состроилъ себѣ храмину... не на жисть, а на смерть... Лѣтось выстроился, а ноньчи, гляди, въ гробъ ляжетъ...

— Не довело лихоимство до кончины христіанской...

И Назаръ Нилычъ угрюмо поникъ головой, глядя на свои желѣзныя вилы, на которыхъ еще не засохла кровь смертельно раненаго дьячка.

— Вишь, грѣхъ какой, говорилъ онъ самъ съ собой. — Въ какой часъ зло на человѣка помыслишь... и не хочешь, а сбудется.

Сбылось помысленное Назаромъ.

— Ишь, ненасытная душа!... Далъ по зимѣ четыре цѣлковыхъ на кормъ скотинѣ, а теперь въ сѣнокосъ наровитъ взять два воза за долгъ... И утаптываетъ же!... У-у, жадный волкъ!... чтобъ те подавиться!...

Только подумалъ Назаръ, а тутъ и случилось. Словно отъ думы назаровой вѣтромъ дьячка снесло съ высоты саженнаго воза... Вотъ онъ часъ какой подоспѣлъ на ту пору!...

Прогнѣвалъ, знать, и Назаръ Господа Бога, если онъ избралъ его орудіемъ своего гнѣва.

— Теперь вотъ каяться за него, за кровопивца придется... Попу сказывать надо.

Назару не до работы. Руки не дѣлаютъ, сердце не покойно. Онъ бросаетъ грабли и вилы на лугу и идетъ въ деревню узнать, что̀ съ дьячкомъ. А въ деревнѣ ужъ старшина, урядникъ, докторъ... Производится дознаніе, и его, Назара, требуютъ къ допросу: „не было ли умысла съ его стороны?... Не со зла ли поспособствовалъ?"... Со зла?... Зло-то, положимъ, и не одинъ Назаръ имѣлъ въ сердцѣ своемъ противъ дьячка, но вѣдь въ сердцѣ только! А руки грязнить богомерзкимъ дѣломъ, — нѣтъ, на это Назаръ не согласенъ. Пусть дьячокъ—обидчикъ, грабитель на законномъ основаніи; но Назаръ вѣдь самъ дается ему въ руки. Деньги бралъ онъ взаемъ добровольно, и добровольно согласился отдать въ сѣнокосъ два воза сѣна. Добровольно... И тотъ, кого грабятъ на большой дорогѣ, тоже добровольно отдаетъ разбойнику кошелекъ. *Нужда*— тоже, что большая дорога, а міроѣдъ—тотъ же разбойникъ... Только дѣло все въ законѣ. Перваго — законъ осуждаетъ, втораго не касается. Первый тайкомъ дѣлаетъ свое дѣло, второй—въявь. Перваго остерегаются, ко второму сами бѣгутъ. Чудно на свѣтѣ творится...

Назаръ философствуетъ и въ концѣ концовъ, въ видѣ окончательнаго вывода, самъ собой является вопросъ: „Ежели нужда заставляетъ обращаться къ дьячку-міроѣду, и онъ такъ или иначе пособляетъ выпутываться изъ нея, то, стало-быть, дьячокъ-міроѣдъ

нуженъ для заѣденныхъ нуждой мужичковъ Коровьей Лужи?... Теперь, ежели Петръ Ѳеофилактовичъ умретъ, — изойди всю округу, не найдешь ни одного человѣка, кто бы его могъ замѣнить... Тогда, гляди, какъ бы послѣднее не было горше перваго. Гдѣ возьмешь, какъ подойдетъ время оброки платить? а староста явится съ понятыми: либо плати, либо ступай въ холодную... За что ухватишься, какъ нечѣмъ будетъ поле обсѣменить?... Петръ Ѳеофилактовичъ выручалъ, одолжалъ... Хоть и чесалось потомъ въ затылкѣ отъ этого одолженія, а все-таки ко времени и оно дорого было такъ же, какъ дорога ложка къ обѣду, а яичко къ Христову дню... Вотъ и неизвѣстно, радоваться ли еще, или плакать о томъ, что Господь избавляетъ деревню Коровья Лужа отъ міроѣда...

Такъ разсуждалъ не одинъ Назаръ, точно такъ же думали и разсуждали всѣ коровьелужинскіе крестьяне. На эту тему они, собравшись у Назаровой избы, долго толковали, словно на сходѣ. А какъ свели итоги своихъ долговъ дьячку, то и вышло, что для того, чтобы заплатить за себя, что̀ слѣдуетъ, то, не раззоряя хозяйства въ конецъ, никакъ того сдѣлать невозможно, такъ какъ долгъ приходится „сверхкомплектно“ и существующихъ источниковъ дохода на пополненіе его никоимъ образомъ не хватитъ. Если же долгъ дьячку не заплатить теперь, сейчасъ, пока дьячекъ живъ и изъ „теплыхъ рукъ“ еще можно получить обратно данные ему въ обезпеченіе долга полушубки, хомуты, самовары, то пожалуй со смертью Петра Ѳеофилактовича всѣ эти цѣнности мужицкаго хозяйства пропасть могутъ. Вѣдь дьячокъ ни книгъ, ни записей никакихъ не велъ и держалъ счетъ въ памяти своей, по истинѣ изумительной. Не было случая, чтобы память когда-нибудь измѣнила дьячку, чтобъ онъ, по забывчивости, перепуталъ вещи, запамятовалъ числа, присчиталъ хоть одинъ грошъ, сверхъ условленнаго процента. Онъ могъ назначать какіе угодно проценты, заключать самые тяжелые договоры, мужички покорялись всему,— на то вѣдь и уговоръ, чтобы его исполнять; а разъ сдѣлка состоялась, дьячокъ не пятился назадъ и стоялъ въ своемъ словѣ твердо. Въ этой акуратности, памятливости и твердости заключалась тайна власти дьячка надъ деревней. Деревня въ свою очередь, поставленная въ необходимость имѣть дѣло съ дьячкомъ, вынуждена была быть акуратной, памятливой и твердой въ словѣ. Не исполнившій однажды договора навсегда лишался права разсчитывать на помощь дьячка. Это былъ своего рода союзъ, основой котораго служило кулачество съ одной стороны и нищета съ дру-

гой. Это было милліонное повтореніе старой исторіи о кабалѣ. Да, старой исторіи—новѣйшей послѣреформенной формаціи. Тему о кулачествѣ перевертывали на всевозможное лады и если перестали о ней говорить, то не потому, что покончили съ ней, исчерпали всю до дна и исчерпавши, замѣнили старые мѣха новыми и въ новые мѣха влили новое вино. Нѣтъ, ничего подобнаго не случилось. Старое осталось по-старому, новаго ничего; а тема брошена потому, что набила всѣмъ оскомину. Вопіявшіе замолкли, а стремящіеся сдѣлать что-либо ради искорененія зла, безпомощно опустили руки. Такъ дѣла и идутъ своимъ намѣченнымъ порядкомъ: единичныя личности благоденствуютъ, строя свое благополучіе на нищетѣ и невѣжествѣ массы. Личности эти, невѣжественныя сами, властвуютъ надъ болѣе невѣжественными, благодаря только присутствію въ ихъ карманѣ лишней копѣйки, пущенной въ оборотъ. Все это старо, и все это повторяется каждый день, и изо дня въ день усложняется новыми пополненіями, новыми появленіями типовъ, до одури намозолившихъ глаза всѣмъ: и стоящимъ на стражѣ общественныхъ интересовъ, и „мыслящимъ", и „глаголящимъ" Не намозолили они, міроѣды и кулаки, повидимому, глазъ только тѣмъ, кто соприкасается съ ними непосредственно, кто обойтись безъ нихъ не можетъ, кому они, такъ или иначе нужны... Не намозолили?!.. Нѣтъ, кровавыми штрихами образъ міроѣда врѣзался въ сердце каждаго, поставленнаго въ необходимость имѣть съ нимъ дѣло...

А нельзя ли крестьянамъ Коровьей Лужи не имѣть дѣла съ міроѣдомъ дьячкомъ?... Можетъ-быть, они черезчуръ пьянствуютъ и, пропивая заработокъ, не могутъ „справить нужды?" Положимъ, пьютъ въ Коровьей Лужѣ не меньше, чѣмъ въ прочихъ деревняхъ,— не меньше, однако и не больше. Но надо еще сказать, что самымъ забулдыжнымъ пьяницамъ дьячокъ кредита не открываетъ. И вино-то онъ отпускаетъ только до тѣхъ поръ, пока у пьяницы есть чѣмъ уплатить. Разъ фактъ установленъ, что мужикъ изъ „хозяина" превратился въ пролетарія,— Петръ Ѳеофилактовичъ закрываетъ передъ его носомъ дверь и никакія просьбы не заставятъ его открыть ее передъ опустившимся въ конецъ пьянчугой. Зато имущаго хозяина выручаетъ всегда. Правда, возьметъ съ него въ свое время вдвое, но во-время выручитъ. А много значитъ выручить во-время. Короче, Петръ Ѳеофилактовичъ, какъ ни думайте о немъ, олицетворяетъ собой для коровьелужинцевъ *кредитъ*,— тотъ желанный кредитъ, о которомъ говорили и говорятъ лучшіе

люди нашего времени, какъ о необходимѣйшей вещи для мужика и для осуществленія котораго, къ несчастію, до сихъ поръ сдѣлано такъ мало. Какъ создается среда подъ вліяніемъ обстоятельствъ, такъ и являются люди дающіе, такъ или иначе, выходъ изъ этихъ обстоятельствъ, запирающихъ человѣка въ треугольникъ.

Петръ Θеофилактовичъ не накликàлъ нужду на своихъ односельчанъ. Она сама пришла къ нимъ съ 2½-десятиннымъ надѣломъ, съ частыми передѣлами, съ неурожаемъ, пожарами и другими казнями крестьянскаго хозяйства. Развѣ онъ отодвинулъ деревню на 30 верстъ отъ ближайшаго города? Развѣ онъ виноватъ, что мужику сбыть некуда своихъ продуктовъ? Вонъ прошлымъ лѣтомъ уродилъ Господь хлѣба, собрали по 15 четвертей съ десятины, пускали рожь по 30 коп. за пудъ, и то никто не бралъ. А огурцы, картофель за мѣру по *одной* до *пяти* копѣекъ, не дороже, и то не было кому покупать. Плакали и валили огурцы цѣлыми возами въ рѣчку. Все это факты, не выдумка. Ѣдой обезпечены были крестьяне, а кромѣ ѣды развѣ нѣтъ еще потребностей? Одежонка нужна, иному свадьбу справить, крестины, похороны,— повинности внести, павшую скотину замѣнить новой. Гдѣ же взять денегъ, если хозяйство доходу не даетъ? Одно спасеніе — заемъ.

И это *спасеніе* обрѣла деревня въ лицѣ Петра Θеофилактовича. Хозяева, придавленные, съ петлей на шеѣ въ видѣ тяжелаго, неоплатнаго долга, все-таки получили возможность извернуться, не пойти по-міру. А не пойти по-міру—развѣ уже само-по-себѣ не великое дѣло?...

Итакъ, какъ видно изъ сказаннаго, деревнѣ Коровья Лужа было отъ чего волноваться въ минуту, когда гнѣвъ Божій разразился надъ дьячкомъ-лихоимцемъ и когда всѣ ожидали его кончины. Великій вопросъ: что̀ будетъ послѣ того, какъ не станетъ Петра Θеофилактовича? всталъ во всей своей неприкрытой наготѣ,—всталъ грозный, неумолимый, требующій немедленнаго отвѣта... И отвѣта не находилось. Кругомъ стояла мертвая тишина, подернутая мракомъ безпросвѣтнымъ... И деревня, съ ноющею болью въ сердцѣ, съ горькой думой въ головѣ, замерла въ ожиданіи...

Зналъ ли дьячокъ о тревожномъ состояніи умовъ своихъ должниковъ?... Да, онъ зналъ,—зналъ, и тоже мучился. Чьи мученія были сильнѣе, то будетъ взвѣшено когда-нибудь Судьей Праведнымъ...

Лежалъ Петръ Θеофилактовичъ еле живой, и тихій стонъ минутами вырывался изъ смертельно раненой груди. Онъ ждалъ священника. А отецъ Спиридоній, какъ на грѣхъ, уѣхалъ съ требой.

— Господи, неужто умру нераскаянный? въ сотый разъ повторялъ больной.

Страшно стоять предъ лицомъ смерти! Приходятъ на память не только важные проступки, но и такія прегрѣшенія, о которыхъ и не помнилось уже. Неумолимый, страшный скелетъ, съ косой за плечами, стоитъ у изголовья и указываетъ пальцемъ въ пространство. Каждый разъ, какъ скелетъ поднимаетъ руку, передъ глазами умирающаго встаетъ картина. Онъ видитъ себя съ минуты перваго сознательнаго момента своего бытія. Встаютъ тѣни... Отецъ—пьяница пономарь, мать—несчастное, забитое существо, съ вѣчными синяками, съ опухшими отъ слезъ глазами. Дѣтей—цѣлая куча. И вся эта мелюзга прячется при появленіи отца. Даже самый младшій, двухъ-лѣтній Ваня—и тотъ забивается подъ печку, гдѣ сидятъ куры, лишь заслышитъ неровные шаги отца, возвращающагося изъ кабака. Брань, гамъ, удары, плачъ, визги—все сливается въ одинъ отвратительный гвалтъ... Петрушѣ 12 лѣтъ; онъ понимаетъ уже, что такая жизнь въ сущности не жизнь, а адское терзаніе, и онъ давно уже рѣшилъ, во что̀ бы то ни стало, жить иначе. Онъ достаточно силенъ, чтобы теперь же противустоять насилію ослабѣвшаго отъ вина отца. Онъ уже можетъ отстранить поднятую руку и увернуться отъ возмездія за дерзость.

— У-у, непокорный песъ!.. трясясь отъ злобы, рычитъ пономарь.—Чтобы тебѣ сгинуть, какъ псу смердящему!

Вонъ оно, отцовское проклятіе, и сейчасъ слышится. Тысячами эхо повторяется оно въ ушахъ... Неправда, что слова—звукъ пустой. Нѣтъ, слова вопіютъ въ небо... Они—отзвучіе дѣяній. За дѣяніями наступаетъ конецъ, какъ вѣнецъ всему, цвѣтистый или терновый...

Образы надвигаются, смѣняются, сцѣпляются какъ звеньями цѣпи... Цѣпь ростетъ, ростетъ до безконечности...

Отецъ умеръ; братья и сестренки умерли, одинъ за другимъ, кто отъ скарлатины, кто отъ худосочія. Петруша остался одинъ у матери.

— Утѣшь хоть ты меня, сынокъ, говоритъ забитая, задавленная жизнью женщина, гладя сына по головѣ.

Сынъ глубже наклонялъ шершавую голову, уклоняясь отъ ласки матери, и думалъ свою думу. Надоѣла ему бѣдность! Только деньги избавятъ отъ нея. Надо добыть деньги, непремѣнно, во что бы то ни стало. Отецъ совсѣмъ опустилъ хозяйство. Давно уже у нихъ нѣтъ ни лошади, ни коровы. Одежа съ плечъ свалилась. По-

мѣщеніе, занимаемое имъ и матерью послѣ смерти отца, понадобилось для новаго псаломщика, замѣнившаго собой и дьякона, и дьячка, и пономаря. Приходится по чужимъ угламъ скитаться. Какъ тутъ быть? Надо скорѣе добывать деньги, чтобы жить безбѣдно,—жить такъ, какъ, напримѣръ, живетъ лавочникъ Савелій Павловичъ, онъ же церковный староста. Савелій Павловичъ не пашетъ, не жнетъ, ни самъ, ни жена,—для этого у нихъ есть работники,—онъ дѣлаетъ торговыя дѣла. У него лавка и кабакъ. Торговля его на ноги поставила, дала ему почетъ и значеніе. Черезъ торговлю Савелія Павловича знаютъ въ городѣ и считаютъ первымъ по деревнѣ. Ясно, что торговлей можно выйти въ люди. Таковы были первыя впечатлѣнія, налегшія на взбудораженный умъ мальчика. Впечатлѣнія эти были настолько сильны, что дали тонъ и направленіе всей его жизни. Жить для наживы—стало его девизомъ. Онъ попробовалъ свои силы въ духовномъ училищѣ, куда его приняли по смерти отца. Онъ купилъ булокъ на подаренный матерью на прощанье гривенникъ и по ломтику продалъ ихъ товарищамъ во время классной перемѣны. Онъ вернулъ свой гривенникъ и получилъ прибыли 4 копѣйки. Удача ободрила его, и онъ шелъ дальше по разъ намѣченному пути: копилъ, давалъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы вернуть данное съ процентами, покупалъ, чтобы продать съ барышомъ. Онъ бы могъ продать душу, еслибы купецъ нашелся: завѣтнаго у него ничего не было. Онъ былъ поставщикомъ для учениковъ всего запрещеннаго и товарищи прозвали его „маркитантомъ“.

За всѣ эти продѣлки въ одинъ прекрасный день досталось Петру отъ начальства. А такъ какъ онъ числился въ графѣ „великовозрастныхъ и убоявшихся бездны премудрости“, то его „обратили вспять“. Потомъ изъ жалости къ его матери дали ему мѣсто дьячка въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ центра епархіи приходовъ.

Очутившись въ глуши, Петръ Ѳеофилактовичъ почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ и, наконецъ, стяжалъ славу *лихоимца*.

Мать дожила до его „славы“ и умерла въ теплѣ и довольствѣ. Да, въ послѣдніе годы своей страдальческой жизни не зналась она съ нуждой и ѣла сытный сыновній хлѣбъ, обливаясь слезами. Какого змѣя выкормила она, несчастная, грудью своей!... Каждая копѣйка, добытая сыномъ ея, катилась въ его карманъ, облитая пóтомъ и слезами бѣдняковъ...

— Петя, брось эту дорогу, будетъ! Помни, что въ смертный

часъ каждая копѣечка эта встанетъ передъ тобой и будетъ ронять слезы и потъ на грудь твою.... молила мать на ложѣ смерти.

Сынъ не послушался. Смертный часъ коротокъ, а жизнь такъ длинна. Развѣ долгіе годы жизни не стоятъ одного короткаго часа смерти?...

И вотъ этотъ краткій мигъ смерти пришелъ.

Блѣдный, печальный образъ матери стоитъ и не исчезаетъ. Старческіе глаза глядятъ на него съ глубокою, глубокою печалью.

О, Боже, неужели и изъ этихъ глазъ не блеснетъ для него лучъ согрѣвающей любви? Страшно... холодно... темно!...

Что̀ за звонъ?... Неужели онъ умеръ и по немъ звонятъ? О, какъ неистово бьютъ маленькіе колокола!... Часто-часто ударяютъ... Ухо выдержать не можетъ этого звона... Прочь!... Что̀ такое капаетъ къ нему на грудь?... Словно растопленный свинецъ по каплѣ падаетъ въ рану... О, какъ больно!... Перестаньте, ради самого Бога!...

Онъ въ ужасѣ поводитъ глазами, отмахивается... Къ нему въ руки попадаетъ что-то круглое, жгучее и влажное... О, это тѣ копѣечки, о которыхъ мать говорила, умирая!... Сбылось, страшно правдиво сбылось!... Вотъ онъ краткій мигъ смерти, какъ невыносимо ужасенъ! Возвратите ему силы и здоровье, и онъ ради этого мига начнетъ новую жизнь!...

— Нѣтъ, нѣтъ, умри мздоимецъ!... кричатъ надъ нимъ сотни, тысячи голосовъ... Чьи это голоса?... Знакомыя лица склоняются надъ нимъ, жгутъ его взглядами, донимаютъ упреками пуще ножа востраго. Рвется на клочья его сердце отъ укоровъ совѣсти... Вотъ эти знакомые люди тащатъ его съ кровати, волокутъ въ свои избы.

— Гляди, какъ мы живемъ! кричатъ они, указывая на почернѣлыя стѣны душныхъ клѣтушекъ.

— Гляди, въ чемъ мы одѣты!... что̀ мы ѣдимъ!... Они трясутъ передъ нимъ свои изорванные кафтаны, показываютъ черствыя корки и гнилой картофель.

— Это все, чего мы добились кровавымъ трудомъ. А ты еще и нашъ нищенскій кусокъ рвалъ пополамъ и тащилъ въ свою ненасытную утробу, и наровилъ остальную половину вырвать у насъ изъ глотки для дѣтей своихъ... Скажутъ ли они, дѣти твои, тебѣ за то спасибо?...

Вотъ и они, дѣти Петра Ѳеофилактовича. Здѣсь они, вблизи, около кровати его два его сына, оба взрослые. Сидятъ тутъ, стерегутъ его. Скоро ли отецъ умретъ? Скоро ли они сдѣлаются полно-

властными хозяевами въ этомъ новомъ, красивомъ домѣ? Обоихъ занимаетъ мысль, какъ бы получить львиную долю, какъ обездолить брата? И два брата, два Каина, сидятъ другъ противъ друга, поглядывая изъ-подлобья...

Яблочко отъ яблони недалеко катится. Сыновья лихоимца наслѣдовали отъ отца жадность къ земнымъ благамъ, но не наслѣдовали его страсти къ пріобрѣтенію. Они любятъ готовое, добытое чужими руками, и ждутъ момента, чтобы расхитить все въ угоду своимъ разнузданнымъ страстямъ... Вотъ и жена, она тоже по закону должна получить свою часть изъ имущества мужа. Но она и не думаетъ объ этомъ. Она во всю жизнь не думала ни о чемъ, эта маленькая, худенькая, точно вѣчно испуганная и побитая женщина. Какъ насѣдка, выведшая цыплятъ, перестаетъ заботиться объ оперившихся птенцахъ, такъ и дьячиха не считала себя отвѣтственной за дѣянія выращенныхъ сыновей. Могла ли быть за что-нибудь отвѣтственной эта невѣжественная, отупѣвшая, одичавшая подъ гнетомъ деспота-мужа женщина?... Она и теперь, въ роковую для ея судьбы минуту, суетливо мечется по горницѣ, смахиваетъ слезы и справляетъ домашнее дѣло. Нельзя же домашнему дѣлу оставаться недодѣланному изъ-за того, что въ домѣ случилось большое несчастіе!...

А отца Спиридонія все нѣтъ, какъ нѣтъ... Тоска, тоска смерти гнететъ духъ умирающаго... Передъ нимъ носится образъ старенькаго священника. Запиваетъ онъ, слабъ,—иной разъ запьетъ и обѣдню не служитъ. Грубилъ ему дьячокъ трезвому, не почиталъ санъ священнослужителя... За то пьяненькому боялся на глаза показаться. Обличалъ онъ его пьяный... Не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ. Сколько разъ на паперти, въ виду цѣлой толпы прихожанъ, обличалъ.

— Мытарь ты, любостяжатель! Возьму верви и изгоню тя, яко Христосъ изгоняше мытарей и мѣнялъ изъ храма іерусалимскаго!... Прочь, Каинъ, Іуда Христопродавецъ, съ глазъ моихъ! Чтобъ не смѣлъ ты въ храмъ Божій ступать!...

И дьячокъ „убирался съ глазъ долой“, чтобы не раздражать попа.

Если теперь отецъ Спиридоній вернется съ прихода пьяненькій, онъ прочтетъ ему строгій приговоръ.

— Уготовалъ еси себѣ царство сатанино, и обрѣтеши его, мытаре алчный! На несчастіи друга твоего устрояше благоденствіе свое. Забылъ, не помнилъ всю жизнь великой заповѣди: „Возлюби

ближняго твоего, яко себя самого. Не желай, елика суть ближняго твоего". А ты ежечасно желалъ, и стяжалъ суть ближняго твоего. Что̀, много надо тебѣ теперь изъ сути ближняго твоего? Много помогла тебѣ въ послѣднiй смертный часъ людская кривда? Взысканъ ли за дѣла твои людскимъ почтенiемъ? Нѣтъ! Избѣгъ ли еси гнѣва Господня? Трижды нѣтъ! Иди во власть царя адова, князя тьмы. Вверженъ будеши имъ въ огнь мученiй вѣчныхъ. Не памятовалъ, что сiя земля есть временная юдоль плача, убоялся страданiй и труда, заботился о тлѣнномъ, мня найти въ немъ нескончаемое благо, и обрѣтеши изсякшiй источникъ. Моли Господа, грѣшный, да не отринетъ отъ тебя, недостойнаго, вселюбящее око! Да даруетъ ти всепрощенiе, пока не обратишися въ ничтожную персть земли, яко взятъ еси отъ земли...

— Господи! Великiй я грѣшникъ! Но Ты, милосердый, справедливый, Ты разсудишь, что не я же виноватъ былъ въ нуждѣ мужицкой, въ бѣдѣ, которая гнала мужика ко мнѣ, грабителю и лихоимцу! И за то, что не было въ томъ горѣ и несчастiи моей вины, да простится мнѣ хоть малая толика грѣховъ моихъ. Не призванъ я исправлять вины другихъ.

И слышится гласъ:

— Всякiй, носящiй образъ и подобiе Божiе, уже тѣмъ самымъ призывается исправлять вины другихъ. Не исполняющiй сiе наказуетъ самъ себя неисчислимыми муками, коими истерзается духъ его въ великую, страшную минуту обновленiя. И еслибы не было людей, исправляющихъ чужiя вины, то лучше бы никому не родиться на свѣтъ... лучше бы землѣ лишиться плодородiя и солнцу не освѣщать мiра. Столь велико зло отъ себялюбiя. Воспрянь же духомъ, себялюбче, и покайся!

— Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному! коснѣющимъ языкомъ молитъ дьячокъ.

Подернутый мглою взоръ его уже не видитъ простертой надъ нимъ руки отца Спиридонiя. Но слова всепрощенiя бальзамомъ вливаются въ истерзанное муками совѣсти сердце и успокаиваютъ мятежный духъ его.

Все, что̀ на днѣ его души спало, повидимому, непробуднымъ сномъ,—все, что̀ было лучшаго въ зародышѣ,—все, въ великую минуту смерти, въ одинъ великiй мигъ дозрѣло до полнаго сознательнаго развитiя. Откуда берется эта сила духа, это просвѣтлѣнiе? Почему въ послѣднiй часъ разставанiя съ бреннымъ тѣломъ душа обращается къ добру, а не къ злу, — тогда, какъ душа всю

жизнь дышала только зломъ? Откуда въ немощномъ человѣкѣ является столько силы воли, самоотрицанія, чтобы не стыдиться признанія въ содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ? На что отжившему всепрощеніе?

Не голосъ ли попранной любви къ ближнему вопіетъ къ вѣчности?...

Дьячокъ умеръ. На свѣжую могилу не упала ни одна слеза сожалѣнія. Плакала жена... о себѣ самой.

А что же сталось съ деревней?

Деревня стоитъ и понынѣ, и въ ней ничего не измѣнилось. Вакантное мѣсто лихоимца тотчасъ было занято другимъ... кабатчикомъ, лавочникомъ,—не все ли равно?

Деревня стонетъ и ждетъ, когда явится добрая душа, облеченная образомъ и подобіемъ Божіимъ, и станетъ исправлять многолѣтніе общіе грѣхи, положившіе начало мужицкимъ несчастіямъ и раздѣлившіе людей-братьевъ на два враждебные лагеря...

К. Розина.

АѲАНАСІЙ.

Разсказъ.

Въ Петербургѣ, вечеромъ, по набережной Невы шелъ человѣкъ. Съ виду его можно было принять за художника или артиста. Въ прежнія времена такъ одѣвались иногда художники и артисты. Онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Былъ онъ родомъ изъ небогатыхъ дворянъ, не служилъ и не занимался ничѣмъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать занятій. Шляпа съ огромными полями и широкій, накинутый на плечи, плащъ были старые и поношенные. Изъ-подъ шляпы смотрѣло утомленное и блѣдное, хотя и молодое еще лицо.

Прохожій шелъ медленнымъ шагомъ, опираясь на палку, закуривая папиросы одну за другою. Время отъ времени онъ останавливался, прислонялся къ периламъ набережной и начиналъ смотрѣть передъ собой.

Садилось солнце. Освѣщенный шпиль крѣпости горѣлъ весь какъ вылитый изъ куска чистаго золота. Голубая рѣка тихо плыла, подернутая маленькими частыми волнами. Время отъ времени на водѣ вспыхивали и погасали въ то же мгновеніе свѣтящіяся точки и кружки. Широкая тѣнь отъ моста расползалась все дальше и, постепенно захватывая пространство, сливалась съ темнѣющею поверхностью рѣки. Облака—ярко-огненныя въ мѣстѣ заката—отразились въ водѣ и перерѣзали воду розовой, колеблющейся полосой.

Прохожій стоялъ, не шевелясь. Въ поискахъ за занятіями и мѣстомъ, ему приходилось проводить лѣто въ городѣ. Онъ не могъ привыкнуть къ тяжелому лишенію—къ необходимости видѣть улицы, тротуары, вывѣски и дома вмѣсто лѣтнихъ цвѣтовъ и полей своей деревеньки. Обычная картина лѣтней жизни громаднаго города казалась ему печальной и отвратительной. Многоэтажные лѣса облѣпляли дома и загораживали тротуары. Запахъ масляной

краски мѣшался съ известковою пылью. Вѣтеръ вздымалъ тучи пыли въ сѣрыхъ, раскаленныхъ улицахъ. Прохожій осторожно ступалъ, брезгливо выбирая мѣста на тротуарѣ, сплошь покрытомъ скорлупой подсолныховъ, арбузными сѣмечками и мокрыми пятнами раздавленныхъ подъ ногами, красныхъ ягодъ. Онъ старался пополнить лишеніе, какъ могъ, и, покончивъ ежедневную бѣготню по справкамъ, по указаніямъ и газетнымъ объявленіямъ, предпринималъ прогулки. Красивые виды, картины природы производили умиротворяющее дѣйствіе на него, какъ музыка, какъ ласка. Они на минуту заслоняли собою то, что было ненавистнаго для него въ его новой, непривычной жизни; они располагали его къ откровенности и въ душѣ будили воспоминанія. А такъ какъ дѣлить откровенности ему было не съ кѣмъ, то онъ поневолѣ позволялъ себѣ отдаваться воспоминаніямъ—этому какъ бы особому роду откровенности съ самимъ собой.

Воспоминанія его для чужаго любопытнаго человѣка представили бы собою мало интереснаго. Очень вѣроятно, что такія же или близко похожія воспоминанія могли быть и у другихъ изъ сверстниковъ его, лѣтъ съ лишнимъ двадцать тому назадъ вступившихъ въ жизнь, такъ-называемыхъ у насъ теперь—людей шестидесятыхъ годовъ. Воспоминанія своей душевной жизни и жизни среди людей приходили на умъ безпорядочно, скачками и обрывками. Оригинальное сочетаніе облаковъ приводило на память, Богъ знаетъ почему, знакомый видъ, или случай, или лицо, съ которыми, повидимому, не могло быть внѣшняго соотвѣтствія. Потомъ—стоило позволить себѣ начать—и мысль цѣплялась одна за другую и все шло нескончаемою вереницей.

А между тѣмъ, казалось, ему рано было еще жить воспоминаніями. Но это только казалось. Все дѣло было въ робости. Жить дѣйствительностью онъ уже болѣе не смѣлъ. Въ сорокъ лѣтъ онъ затихъ, съёжился и забился въ конуру, въ маленькой комнатѣ, въ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ средней руки. Въ нихъ онъ поселился и проживалъ неизмѣнно со времени возвращенія изъ деревни. Родовое имѣньице свое ему пришлось продать за долги. Вырученныхъ денегъ едва хватило, чтобы заплатить ихъ. Какимъ образомъ дошелъ онъ до этого положенія, онъ никогда даже впослѣдствіи и въ спокойныя минуты не могъ дать себѣ вполнѣ яснаго отчета. Онъ не игралъ въ карты и не сорилъ деньгами. Напротивъ, какъ ему казалось, выбивался изъ силъ прямо въ улучшеніи своего имѣнія, хозяйства, земли. Правда, ему случалось не-

рѣдко оставлять хозяйственныя заботы и соображенія на второмъ планѣ, задаваясь болѣе широкою и симпатичною ему задачей прежде—изученія, а потомъ и улучшенія быта крестьянъ въ своей деревнѣ, а также и окрестныхъ мужиковъ. Затѣмъ организовалось земское дѣло; явились новые проекты, новые планы.

Главное было въ томъ, что тогда... совсѣмъ особенное время было тогда. И въ Петербургѣ это чувствовалось всѣми живѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Начало этого времени были лучшіе годы его жизни, и теперь, когда онъ мысленно обращался назадъ, ему казалось всякій разъ, что то было лучшее время не только личной его, но и всей русской жизни вообще. „То было утро нашихъ дней", утро жизни обновленной.

Время это въ литературѣ и жизни имѣетъ многое множество своихъ особенныхъ, ему собственно присвоенныхъ опредѣленій, характеристикъ, какъ бы кличекъ: время возрожденія и обновленія Русской земли, время сведенія старыхъ счетовъ, искупленія вѣковой неправды,—время не широкихъ задачъ, а живаго *дѣла*—въ противоположность прежнему *слову* сороковыхъ годовъ.

Тогда рѣшено было, что останавливаться на словахъ больше нельзя. Никто и не останавливался. Работа нужна была, трудъ. Необходимо было спѣшить, ѣхать тотчасъ же къ мѣсту служенія непосредственно на почвѣ, на самой землѣ. Служить нужно было народу,—тому народу, которымъ, невзирая на гнетъ „вѣковой неправды", держалась эта земля... Тревожное время! Удивительное время! Незабвенное время! Вездѣ, въ душѣ и въ окружающей природѣ, казался горизонтъ безъ конца. Кое-гдѣ виднѣлись, правда, темныя точки, отдѣльныя пятна, омрачавшія горизонтъ; слышались враждебные голоса... Но на борьбу съ ними и заготовленъ былъ запасъ свѣжихъ силъ; не будь ихъ, не было бы и надобности въ этомъ служеніи, самоотреченіи, принесеніи себя всего, безъ остатка, въ жертву служенія.

Время шло. Проходили года. И тѣмъ временемъ „утро жизни"—по естественнымъ законамъ живущаго—разсвѣтало, переходило полдень и потянулось длиннымъ, буднимъ днемъ. И вопреки ожиданіямъ день выдался сѣрый, туманный. Темныя, маленькія пятна, чуть виднѣвшіяся на горизонтѣ, расползлись въ черныя, большія тучи и заволокли небо. Въ первый разъ заслышались въ ту пору зловѣщіе, бьющіе тревогу, торжествующіе и мстительные звуки. Необходимо было дать имъ отпоръ, встать противъ—бодро, дружно, отважно. Но запасъ личныхъ силъ показывалъ убыль. По-

полнять силы изъ окружающаго становилось трудно: вездѣ раздавались робко тѣ же ноты разочарованія, унынія, въ лучшемъ случаѣ—недоумѣнія. Какъ все это мало-по-малу, накопляясь по каплѣ, разросталось, расползалось, завладѣвало позиціей и какъ, наконецъ, рушилось надъ головой, герой нашъ это твердо помнилъ, хотя малодушно надѣялся отклонить до послѣдней минуты. Послѣдній реальный фактъ была продажа имѣнія. Она страннымъ образомъ ускорила развязку. Все обернулось противъ него, не исключая и облагодѣтельствованныхъ людей Лучшіе стали выражать сочувствіе въ формѣ сожалѣнія; оно было оскорбительно. Недоконченныя улучшенія, заброшенные проекты кололи глаза... Оставалось одно: бѣжать, возвратиться къ прошлому, какъ онъ предполагалъ. Онъ бѣжалъ и нашелъ пепелище.

Десять лѣтъ отсутствія изъ Петербурга давали себя чувствовать. Дружескій кружокъ распался и разбрелся. Одни умерли; другіе умерли для него: „другъ друга они не узнали". Неудачное романическое приключеніе довершило впечатлѣніе. Онъ подался сразу. По наружности все еще подходившій къ категоріи такъ-называемыхъ „молодыхъ",—въ смыслѣ неженатыхъ людей,—онъ вдругъ почувствовалъ себя старымъ, не эффектно-разочарованнымъ, какъ это бывало въ прежнія времена на Байроновскій манеръ, а просто обезсиленнымъ, ни для кого ненужнымъ и жалкимъ человѣкомъ.

Эти и другія, но всѣ безъ исключенія безотрадныя и гнетущія ощущенія и мысли, Богъ знаетъ почему, съ особенною силой овладѣли имъ въ этотъ разъ, въ ясный лѣтній вечеръ, во время прогулки по набережной. Онъ подвинулся отъ перилъ и медленно пошелъ по тротуару.

Улица была почти пуста. Наступили часы временнаго городскаго затишья, когда все, что осталось на лѣто въ Петербургѣ, спѣшитъ вечеромъ вонъ изъ него, хотя бы только за версту, на острова, въ окрестности, во всевозможныя Ливадіи и Аркадіи, украсившія собою столицу.

Прохожій шелъ, не поднимая головы. Онъ прошелъ набережную, миновалъ спускъ къ рѣкѣ и очутился на островахъ. Рѣдкіе встрѣчные экипажи не обращали на себя его вниманія; онъ уже не останавливался, чтобы смотрѣть на закатъ солнца и рѣку, и только все сильнѣе и замѣтнѣе морщилъ подъ усами свои блѣдныя, нервныя губы, какъ бы отъ ощущенія физической боли. Наконецъ онъ не выдержалъ, стукнулъ палкой въ тротуаръ и ускорилъ шагъ, съ раздраженіемъ бормоча про себя:

— Чортъ знаетъ что такое! Этакіе вѣдь гнусные звуки! И уйти-то отъ нихъ никуда нельзя!

Знакомый мотивъ, съ необыкновенною опредѣленностью доносясь по водѣ въ тихомъ воздухѣ, раздавался звонче и отчетливѣй. Это была каскадная пѣсенка, по всему вѣроятію, одной изъ современныхъ опереточныхъ знаменитостей; пѣли гдѣ-то по близости, въ сосѣднемъ увеселительномъ заведеніи. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, становился явственнымъ тембръ голоса пѣвицы; можно было разслышать слова... Можно было конечно свернуть въ сторону, перемѣнить направленіе прогулки, наконецъ—всего проще—вернуться назадъ, чтобы избавиться отъ непріятнаго и не слыхать пѣнія; но онъ не сдѣлалъ ничего такого. Онъ сердито и тоскливо оглянулся вокругъ, на берегъ и рѣку, замедлилъ шаги и вдругъ остановился опять на мѣстѣ, забывъ, чего хотѣлъ, попрежнему неподвижно глядя передъ собой.

Его глазамъ представилась весьма обыкновенная, но въ эту минуту и при той обстановкѣ, среди которой онъ находился, странно поразившая его картина.

На рѣкѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, стояла на якорѣ грузовая барка. Такія барки—неуклюжія и огромныя—сотнями приходятъ на Неву по веснѣ изъ озеръ и каналовъ съ дровами, зерномъ и другими матеріалами. Ничего особеннаго не было и въ этой баркѣ. Къ одной сторонѣ свалены были въ порядкѣ готовые къ отправленію, обшитые въ рогожу товары, тюки и кули; небольшое пространство на палубѣ оставалось свободнымъ; кучка рабочихъ мужиковъ помѣщалась на свободномъ мѣстѣ, вокругъ толстаго обрубка, служившаго столомъ. По всей видимости, рабочіе ѣли что-то, хлебая изъ общей чашки на обрубкѣ и, должно-быть, оканчивали ужинъ. Одинъ изъ четверыхъ кончилъ раньше, медленно всталъ, выпрямился и началъ истово креститься на востокъ. Въ свѣтло-прозрачномъ, неподвижномъ воздухѣ съ необычайною отчетливостью выдѣлялась большая, темная, спокойная фигура съ плавными и какъ бы важными движеніями. Мужикъ окончилъ поклоны, надвинулъ шапку, наклонился въ послѣдній разъ и вдругъ исчезъ изъ глазъ, сравнялся съ поверхностью судна и занялъ мѣсто подлѣ кулей.

Рядомъ съ нимъ поднялся другой и исполнилъ обрядъ, также крестясь на небо, также сгибаясь широкою спиной и медленно занося вверхъ огромную, темную, тяжелую руку. И съ тѣмъ же самымъ движеніемъ и онъ въ свою очередь пропалъ изъ виду, обра-

тившись въ чуть замѣтное въ общемъ фонѣ, чуть-чуть выпуклое на поверхности пятно. То же сдѣлали третій и четвертый. Силуэты выростали, держались въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ воздухѣ и склонялись одинъ за однимъ, ровняясь съ землей. Смолкли звуки доносившихся голосовъ. Скрипнулъ блокъ; закачалась веревка; огонь засвѣтился на мачтѣ въ поднятомъ фонарѣ. Потомъ стало тихо на баркѣ.

Прохожій выронилъ палку, и схватясь руками за каменныя перила, неподвижно замеръ въ напряженномъ положеніи. Здѣсь, въ Петербургѣ, на набережной, въ смутномъ гулѣ и грохотѣ огромнаго города, подъ каскадный мотивъ, звенѣвшій въ воздухѣ эта картина начинала казаться ему почти видѣніемъ.

Не потому, чтобъ сама по себѣ она представляла собою что-нибудь невиданное, какую-нибудь поразительную особенность и новизну. Нѣтъ, ничуть! Онъ зналъ, видѣлъ картины эти, но—Боже мой! — когда онъ ихъ видѣлъ!.. Изъ оконъ деревенскаго дома, на рѣкѣ, тамъ... Опять, опять воспоминанія и мысли! Опять эти мысли! Впрочемъ, не въ нихъ дѣло и не въ годахъ также. Дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ въ послѣдній разъ все это тогда, когда не носилъ еще мертвой ноши въ себѣ—этого новаго, самаго послѣдняго, безповоротнаго, какъ казалось ему, органическаго сознанія безсилія своего, безсилія тѣхъ, кого онъ считалъ „своими“ противъ, противъ...

— О, да, вотъ противъ него, противъ вонъ этого мотива проклятаго!— проговорилъ онъ сквозь сжатые зубы вслухъ, очевидно забывая все окружающее, гдѣ онъ и что происходитъ съ нимъ.

— Такой ужъ видно выдался день съ утра. Бываютъ такіе дни. Нервы расходились и не было силы совладать съ ними. Вся надежда оставалась на прогулку и вотъ дернулъ чортъ пойти именно въ эту сторону! Или, можетъ-быть, отъ себя не уйдешь?—раздумывалъ онъ, сдерживая всѣми мѣрами овладѣвавшее имъ безпокойство, непонятную тревогу, отъ которой дрожала папироса въ слабыхъ пальцахъ и ему долго не удавалось сладить со спичкой на вѣтру.

Какъ бы поддразнивая его, веселенькій напѣвъ игриво звенѣлъ разбиваясь въ затѣйливыхъ переходахъ и украшеніяхъ, собирался опять и звучалъ снова назойливо, сладострастно и нахально.

Вечерѣло. Солнце блеснуло въ послѣдній разъ; верхній огненный край коснулся воды и оно погасло. Заря сѣверная, блѣдная, слабо алѣя, слилась съ цвѣтомъ неба незамѣтной, нѣжною тѣнью.

Становилось поздно, идти нужно было скорѣй. Прогулка, очевидно не удалась: нечего было дѣлать и не на что было смотрѣть. Все темнѣло и меркло вокругъ. Вдали, въ сторонѣ голосовъ по всѣмъ направленіямъ, внизу, вверху, по сторонамъ зажигались золотыя нити маленькихъ фонарей.

Ему хотѣлось уйти, но онъ стоялъ, не двигаясь отъ перилъ, водя обгорѣлою спичкой по камнямъ, съ лицомъ обращеннымъ къ рѣкѣ. Вѣтеръ развѣвалъ полы плаща и отгибалъ поля шляпы. Худое лицо съ блѣднымъ лбомъ въ сумеркахъ казалось блѣднѣе и строже. Назойливѣе и неотвязчивѣй, чѣмъ тотъ гадкій напѣвъ, печальныя и нестройныя мысли тѣснились въ умѣ.

— Ну, и что же? Ну да, какъ же?—шепталъ онъ про себя и вслухъ, по старой привычкѣ, какая бываетъ у всѣхъ почти немолодыхъ и одинокихъ людей.—Кто же виноватъ? Да, въ чемъ причина... и чья вина?—поставилъ онъ передъ собой вопросъ и не нашелъ, что̀ отвѣтить себѣ. Губы скривились страдальческою гримасой.—Боже мой, какъ будто должны быть непремѣнно кто-нибудь виноватые! Зачѣмъ ихъ искать? Ну, что̀ же, легче развѣ будетъ отъ того, если сказать, и хотя бы даже пальцами указать, что вотъ тѣ-то виноватые, и вонъ еще тѣ. — Худые, бѣлые пальцы съ зажатой, обгорѣлой спичкой быстро двигались въ воздухѣ по направленію къ баркѣ и къ фонарямъ. — Или, какъ это всегда пишется и говорится: виновато правительство, общество, литература, книги и мы, сами мы—увлекающіеся, безхарактерные, не понявшіе своего мѣста и своей роли люди. Ну да, виноватъ. Но развѣ измѣнитъ это сознаніе что-нибудь теперь? Сейчасъ-то, сію минуту развѣ вложитъ что-нибудь на мѣсто пустоты и отчаянія въ душу? Пустота, мертвая пустота теперь вмѣсто прежней, какъ ариѳметика несомнѣнной, чуть ли не въ догматъ возведенной правды.—Онъ покачалъ головой.

— Да... Народъ... Служеніе народу... Время словъ и умствованій миновало... Искупленіе всяческой неправды... Утонченныя потребности эгоистически развитой личности уступятъ мѣсто... Но чему же? позвольте,—чему же, однако? позвольте спросить. (Этотъ вопросъ онъ задалъ себѣ опять вслухъ.) Чему уступили они въ концѣ концовъ свое мѣсто? Да, чему? Надо принять при этомъ во вниманіе, что *уступать*—это значитъ, во всякомъ случаѣ, сторониться самому, давать дорогу, предоставлять другому мѣсто, которое, можетъ-быть, пожелалъ бы удержать за собою... ну, хотя бы во имя тѣхъ же утонченныхъ потребностей, утонченно-развитой личности. Надо заставить ихъ замолчать! Но кто же ихъ оттѣснилъ?

Вонъ они, тѣ—они, какъ были, остались тамъ на баркахъ. (Дрожащіе, бѣлые пальцы мелькнули опять въ темнотѣ). Такъ кто же? Эти? Да, вотъ эти „pas begueule, forte en gueule?“ Кто же, если не они? Разумѣется! Какъ ясно доносится! Слышны слова. И слова-то всѣ развратныя, мерзкія. Такъ и видна изъ-за каждаго чьянибудь размалеванная рожа. О, чортъ возьми! Никогда не замолчатъ. Какое же должно быть горло, чтобы продѣлывать подобное скаканіе, кувырканье звуковъ!

Новые звуки прибавились въ оркестрѣ. Слышно было взвизгиваніе женскихъ голосовъ, топотъ танцующихъ ногъ и какіе-то тонкіе, маленькіе колокольчики вступали время отъ времени въ общій хоръ особенной, рѣзкой, звенящей и задорною ноткой.

Прохожій нервически дернулъ шляпу внизъ и покачнулся было, какъ бы намѣреваясь наконецъ уйти, но продолжалъ, быстрѣй и быстрѣй жестикулируя, обращаясь въ томъ же направленіи какъ къ живому лицу, къ собесѣднику, къ баркѣ, неподвижно чернѣвшей вдали. Она теряла опредѣленныя очертанія и превращалась въ сплошное, черное, большое пятно. Августовскіе ранніе сумерки спустились надъ сонною рѣкой.

— Позвольте, это надобно разсудить, — продолжалъ онъ, неудержимо отдаваясь ходу осаждавшихъ, безпокойныхъ мыслей.— Ошибка... Но ошибка не есть преступленіе. Пѣсня спѣта, роль съиграна, пора со сцены... Сойти съ дороги, сравняться съ землей такъ, какъ вонъ они тамъ у себя на баркахъ... Погибла, жизнь погибла! Но коли силъ не хватило, значитъ ли, что все было ложь, обманъ, умышленное непониманіе? Нѣтъ! Правда, результатъ все равно одинъ, все тотъ же—горе побѣжденнымъ! Но проклятіе, проклятіе тому, кто торжествуетъ побѣду безъ сознанія правоты, во имя эгоистическаго благополучія, пошлаго наслажденія, подлаго, подлаго.....

Оркестръ, хоръ и солисты, и крики, и колокольчики, и апплодисменты — все слилось въ общій гамъ, въ хаосъ нестройныхъ и веселыхъ звуковъ, отчетливо донесшихся съ порывомъ попутнаго, налетѣвшаго вѣтерка.

Расходившіяся нервы сорвались. Прохожій дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, перегибаясь надъ камнями, какъ бы думая броситься въ Неву.

— Нельзя! Такъ нельзя!... Вонъ, вонъ,—шепталъ онъ, блѣдный, дрожащими губами, указывая въ сторону, откуда неслись звуки.— Вонъ заливаются, кривляются... Ха-ха-ха!—хохочутъ, торжествуютъ побѣду. Тихо здѣсь молчатъ побѣжденные. Побѣдили они. О!...

Онъ охватилъ пальцами голову, зажимая уши, глаза съ брызнувшими слезами, намѣреваясь бѣжать, какъ вдругъ новый, необыкновенно странный, тихій звукъ, коснувшись слуха, поразилъ его вниманіе. Онъ встрепенулся и съ минуту прислушивался. Потомъ, въ страшномъ утомленіи, безсознательно отведя отъ лица похолодѣвшія руки, онъ вдругъ затихъ и, неловко и тяжело опустившись, присѣлъ на камень.

По ту сторону рѣки съ далекаго берега доносился крикъ. Кричалъ очевидно мущина, вѣроятно мужикъ, простой человѣкъ. Слышались протяжно-произносившіеся, отдѣльные слоги, затѣмъ цѣлое слово.

— Аѳо-на-сяй! Аѳонасяй! — раздавалось гдѣ-то, словно изъ безконечной дали и глубины.

Звукъ выросталъ и приближался. Кричалъ кто-то, видимо вызывая другаго, тѣмъ особеннымъ голосомъ и какъ бы напѣвомъ, который напоминаетъ деревенское ауканье или — ближе еще — въ половодье крикъ проѣзжаго ямщика на берегу, вызывающаго съ того берега паромъ или лодку. Произошло нѣчто совершенно неожиданное. Прохожій мигомъ вскочилъ на ноги. Померкшіе за минуту глаза засвѣтились вдругъ почти безумнымъ огнемъ

Голосъ приближался.

Онъ вслушивался съ боязливой жадностью, какъ бы боясь проронить малѣйшую ноту неслышной другимъ, ему одному говорящей музыки. Не садясь, онъ продолжалъ прислушиваться, весь дрожа мелкой, нервическою дрожью. Здѣсь, въ столицѣ, среди размалеванныхъ домовъ и веселыхъ садовъ, посреди блюстителей порядка и кафешантановъ, кокотокъ, офицеровъ и городовыхъ,— здѣсь этотъ крикъ, не стѣсняемый, не обрываемый никѣмъ, словно бы въ деревенской глуши... Это было непостижимо.

А онъ все кричалъ.

— Аѳонасяй!—кричалъ, будто пѣлъ, приближаясь, хватая черезъ всю рѣку, здоровый, густой, какъ низкая басовая струна, чистый голосъ. Въ наступившемъ сумракѣ нельзя было различить фигуры и даже облика кричавшаго. Все сливалось въ общей волнообразной темнотѣ, и казалось, изъ самой темноты лѣтней ночи, покрывая всѣ звуки, свободный какъ воздухъ на рѣчномъ, вольномъ пространствѣ, вылеталъ безпечный, могучій, веселый крикъ.

— Аѳонась-я-а!! Слышь ты! Аѳонася-ай!

Набережная была пуста. Ни души не виднѣлось на бѣлѣвшемъ узкою полосой тротуарѣ. Никто не былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища.

Прилично одѣтый человѣкъ стоялъ, снявъ шляпу, безпорядочно переступая на одномъ мѣстѣ ногами, задыхающимся голосомъ повторяя безвязныя восклицанія и слова.

— Аѳонасій! Аѳонасій! — кричалъ онъ, надсаживаясь всей слабой грудью, не думая ни о чемъ, стараясь только попасть въ тонъ кричавшаго голоса, какъ будто отъ этого зависѣла вся жизнь его.

— Аѳонасій! Слышали? — Онъ обернулся вдругъ торжествующій въ сторону веселаго сада. — Побѣдили? Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ, вонъ чистый звукъ. Одинъ! довольно одного! Слышали? Залогъ, вотъ залогъ... Эта грудь. — Здѣсь — этотъ крикъ! Степь... француженки... Господи! Такъ кричатъ въ степи наши... тамъ. Стойте!

Онъ вдругъ остановился и прислушался. Со стороны сада звуки прекратились. Представленіе кончилось. Слышенъ былъ шумъ разъѣзжавшихся экипажей.

— Аѳонасяй!—раздавалось надъ рѣкой.

Л. Н.

16 августа
1886 г.

ЦАРЬ ІОАННЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хроника въ пяти дѣйствіяхъ.

Моя душа есть мрачный кровъ
Умершихъ радости часовъ.

Байронъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предлагаемая вниманію читателя хроника явилась результатомъ общаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною послѣ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній, въ которыхъ Грозный являлся дѣйствующимъ лицомъ. У Лермонтова двумя-тремя штрихами очерченъ мощный, именно грозный деспотъ, карающій за то, что̀ *онъ* почитаетъ виной, осыпающій милостями за то, что̀ *онъ* почитаетъ заслугой. Старый, погрязшій въ грѣхахъ, весь въ крови, издѣвающійся надъ величіемъ своего сана, надъ достоинствомъ окружающихъ, тиранъ, одною ногой стоящій въ могилѣ, другой—на тронѣ, кощунственный въ самомъ раскаяніи, полу-мертвецъ, полу-палачъ,—вотъ Іоаннъ у гр. А. Толстаго въ „Смерти Іоанна Грознаго". У него же, въ „Князѣ Серебряномъ", тотъ же мрачный, роковой образъ, только еще не дошедшій до полнаго разложенія. Островскій рисуетъ тѣми же красками въ общемъ, но Іоаннъ-сластолюбецъ выступаетъ у него въ „Василисѣ Мелентьевой" на первый планъ. Костомаровъ въ „Кудеярѣ" почти отнимаетъ у Іоанна ту нервность, тотъ постоянный патологическій аффектъ, который для названныхъ выше поэтовъ служитъ основнымъ фономъ картины. Холодная, обдуманная жестокость острымъ угломъ выступаетъ на видъ хотя бы въ той сценѣ, гдѣ Кудеяръ поднимаетъ голову отъ легкаго удара по лицу: ударила его мертвая нога его жены, повѣшенной надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, куда сѣлъ Кудеяръ, гдѣ-то въ застѣнкѣ. Рѣпинъ беретъ „Іоанна"-сыноубійцу, обезумѣвшаго отъ ужаса и раскаянія, но и ужасъ его и раскаяніе—не человѣческіе. Въ этой душѣ—смерть и отчаяніе, нѣтъ ни надежды, ни жажды исхода—одно отчаяніе безъ просвѣта. Взгляните на „Іоанна" Антокольскаго—и вы невольно почувствуете, что въ этомъ геніальномъ изваяніи изъ каждой черты выступаетъ тотъ же безотрадный, отчаянный, больной образъ, который такъ ярко возставалъ передъ

вами изъ-подъ пера или кисти нашихъ великихъ мастеровъ. Творчество художниковъ заставило стушеваться исторію. Смутно мелькаетъ воспоминаніе, что раньше пресловутаго удаленія Сильвестра и Адашева Іоаннъ былъ кротокъ, благочестивъ, милосердъ, храбръ, предпріимчивъ, разуменъ. (Больше, онъ былъ сдержанъ, что для этой вулканической натуры было Геркулесовымъ подвигомъ.) Но кромѣ этого подбора эпитетовъ, приложимыхъ къ любому монарху, не изъ очень свирѣпыхъ, съ Іоанномъ IV у насъ не соединяется никакого живаго, художественнаго облика. Титаническія фигуры Грознаго, созданныя поэзіей, живописью и скульптурой, бросаютъ густую тѣнь, и въ ней не разглядишь Іоанна IV, едва-едва освѣщеннаго обрывками нашихъ историческихъ воспоминаній.

Мнѣ и въ голову не приходило разсѣять эту тѣнь. Во-первыхъ потому, что эта тѣнь вѣрна исторически. Во-вторыхъ потому, что бросаетъ ее образъ, созданный крупнѣйшими художниками. Стало-быть, въ этомъ образѣ соединилось двѣ правды—историческая и художественная. Другое меня натолкнуло на изученіе личности и эпохи Грознаго: страстное желаніе узнать и объяснить себѣ, что̀ породило эту отрицательную, необъятную силу, геніальную даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ паденія? Гдѣ корни того смертоноснаго дерева, которое такъ широко распустилось потомъ надъ многострадальною Русью? Какіе лучи его грѣли? Какая влага его орошала? Какая почва его возростила?...

На эти запросы исторія и психологія даютъ ясные и точные отвѣты. Если сложить эти отвѣты, въ суммѣ долженъ получиться Грозный и—никто другой.

Кипучая, гордая, героическая натура мальчика съ первыхъ шаговъ предоставлена самой себѣ, но въ предѣлахъ, указанныхъ боярскими интересами. Онъ можетъ топтать конями женщинъ и дѣтей, тѣшиться мученьемъ безсловесныхъ, слышать вокругъ грубую лесть, видѣть ежеминутное уничиженіе человѣческой личности передъ мощными временщиками, знать свои прирожденныя права надъ жизнію и смертію этихъ же временщиковъ, и въ то же время съ ихъ же стороны — подвергаться униженіямъ, оскорбленіямъ того священнаго сана, въ божественное происхожденіе котораго онъ, съ первыхъ моментовъ сознанія и до гробовой доски, вѣрилъ, какъ въ самого Бога. Тутъ все: и наглое нарушеніе его правъ, и безсиліе ихъ возстановить до поры до времени, и затаенная жажда мести, рабство съ одной стороны, произволъ—съ другой. Къ нему вламываются ночью, его самого и

брата водятъ въ обноскахъ, Шуйскій валяется „съ ногами“ передъ нимъ на постели его отца и твердитъ ему: „дави и бей кого хочешь, потому что ты—помазанникъ Божій“. Явное противорѣчіе, которое на боярскую же голову и обрушилось впослѣдствіи. Онъ сравнялъ это противорѣчіе. Его кипучая натура не знала компромиссовъ. Онъ всю жизнь на тѣхъ же боярахъ роковымъ для нихъ способомъ разъяснялъ имъ же,—разъясняя, пожалуй, и себѣ самому,—что есть или цари, или рабы, а середины—нѣтъ, человѣка—нѣтъ. Онъ ли виноватъ въ этомъ взглядѣ? Онъ ли, воззвавшій къ народу, послѣ своего перелома къ лучшему „на двадцатомъ году отъ роду“, какъ говоритъ Степенная Книга, съ лобнаго мѣста покаявшійся въ своемъ „нерадѣніи“, собравшій первый земскій соборъ,—онъ ли авторъ этого взгляда?

Едва онъ вырвался на волю, какъ мальчишески, необузданно, порывисто началъ мстить за обиды. Но до чего его героическая натура жаждала добра и подвига, свидѣтельствуетъ намъ загадочное, туманное преданіе о внезапномъ его переломѣ. Этотъ переломъ произведенъ былъ чудомъ. Явился простой священникъ—ограниченный, честолюбивый, страшно мелочный и узко деспотичный, какъ потомъ оказалось, но убѣжденный и смѣлый. Іоаннъ всегда былъ и остался до смерти человѣкомъ принципа. Въ томъ и заключается геніальность, что страстная сила души ищетъ принципа и, найдя его, выростаетъ съ нимъ вмѣстѣ до поразительныхъ размѣровъ, двигаетъ народы, пересоздаетъ вѣковыя традиціи или заливаетъ кровью все окружающее. Сильвестръ въ отдаленіи показалъ ему возможность принципа, извѣстнаго начала, на которомъ Іоаннъ могъ построить новую жизнь. По всему складу натуры Іоанна,—натуры артистической, доступной вліянію чудеснаго, можно утвердительно сказать, что именно одно явленіе Сильвестра рѣшило все: заволокло прошлое и подчинило бурныя страсти огненнаго, жаждавшаго правды и подвига юноши—одной цѣли: „устроить“ расшатанное государство. И какъ онъ отдается новому подвигу! Медлитъ ли онъ? Ошибается ли онъ? Окружаетъ ли онъ себя бездарными людьми? Останавливается ли передъ незнатностью рода своихъ приближенныхъ? Думаетъ ли о себѣ?—Нѣтъ: онъ—орудіе Бога, онъ—неправды разоритель, онъ—судья и защитникъ своего народа, онъ—ему пастырь и отецъ. Насколько сильна въ своихъ стремленіяхъ къ долгу натура Іоанна, насколько онъ умѣетъ забывать себя и свое личное счастіе, лучше всего намъ показываетъ Казанскій походъ. Собираясь четыре года лично подъ Казань, такъ какъ

воеводы мало подвигали впередъ дѣло, онъ выступаетъ, оставляя горячо любимую жену въ то время, когда ждетъ рожденія сына. Онъ можетъ быть убитъ. Интересы его династіи, безопасность обожаемой жены, долго желаннаго сына—все удерживаетъ его въ Москвѣ. Его сынъ останется, быть-можетъ, сиротой на рукахъ тѣхъ же бояръ, которыхъ онъ зналъ хорошо по собственному своему дѣтству, что́ еще свѣжо въ его памяти. Но идти пора, идти нужно—и онъ идетъ.

Это—тотъ кощунъ, палачъ, извергъ, котораго мы знаемъ потомъ такимъ по исторіи, по художественнымъ образамъ. Какъ это могло случиться? Какіе историческіе и психическіе законы объясняютъ это страшное противорѣчіе между надеждами и ихъ осуществленіемъ? Я пытаюсь отвѣтить на эти вопросы, по мѣрѣ моихъ силъ и моего разумѣнія, въ настоящей хроникѣ. Разъяснять подробно въ предисловіи характеръ событій и внутренняго разлада, лежащаго въ основѣ душевной драмы царя,—драмы съ такимъ трагическимъ концомъ, какъ полное разрушеніе вѣры, идеала,—добра и человѣчности въ душѣ, способной даже на самоотреченіе,—значило бы заранѣе подготовлять читателя къ воспринятію извѣстныхъ выводовъ и впечатлѣній. А непосредственно вынесенное изъ чтенія то или другое впечатлѣніе есть лучшая оцѣнка достоинствъ и недостатковъ даннаго произведенія.

Скажу только, что я поставилъ себѣ неуклонною задачей—не быть пристрастнымъ. Да это и не было мнѣ трудно. Въ страшной драмѣ, разыгравшейся триста лѣтъ назадъ, главными двигателями были два импульса: недоразумѣніе и вѣковыя недомолвки. Народъ хотѣлъ защиты и правды, боярство—правъ, царь—власти. Всѣ эти три элемента имѣли въ прошломъ основанія своихъ требованій. Удѣльные князья, уступивъ волей - неволей объединительной силѣ, переродились въ олигархическій элементъ, желавшій расширенія своихъ правъ въ ущербъ царской власти и народному благу. Царь искалъ опоры въ народѣ. Народъ, ощущавшій прежде всего тяжелую боярскую руку, видѣлъ въ царѣ Богомъ даннаго защитника отъ своихъ непосредственныхъ угнетателей. И всѣ вѣрили въ справедливость своихъ стремленій. Поэтому, всѣ были равно правы и равно виноваты. Всѣ, не щадя головъ и совѣстей своихъ, бились за свое, но никто не зналъ хорошенько, можно или нельзя примирить эти разнообразныя требованія между собою... Выходило страшное недоразумѣніе.

Хроника охватываетъ періодъ времени отъ 1542 по 1560 годъ.

Поэтому читатель проститъ мнѣ скачки и анахронизмы. Обѣ картины пятаго акта являются какъ бы эпилогомъ хроники. Но я не назвалъ пятаго дѣйствія эпилогомъ потому, что, мнѣ кажется, настоящій эпилогъ—все царствованіе Іоанна послѣ смерти Анастасіи Романовны. Опричнина—вотъ эпилогъ молодости Грознаго. Онъ остается одинъ. Въ этомъ одиночествѣ, въ которомъ онъ болѣзненно, но безповоротно убѣдился послѣ смерти первой жены,—развязка моей хроники; въ этомъ же, по-моему, причина всей второй половины его царствованія, какъ это одиночество—результатъ того, чтó онъ пережилъ въ первую его половину. Второе дѣйствіе страдаетъ однообразіемъ и неподвижностью. Не оправдывая себя, укажу только, что въ эту эпоху Іоаннъ такъ цѣленъ, такъ весь отданъ извѣстному дѣлу, что ни колебаній, ни борьбы, ни внутреннихъ коллизій, создающихъ драматическое движеніе, въ немъ нѣтъ. Мнѣ пришлось только рисовать его, такъ-сказать, портретно, въ неподвижной рамкѣ. Собственно драма начинается съ третьяго акта.

Въ заключеніе я еще разъ повторяю, что моею задачей было не „оправданіе“ Іоанна, не возраженіе противъ существующихъ великихъ художественныхъ образовъ этой наиболѣе выдающейся исторической фигуры допетровскаго періода,—меня просто увлекли полная глубокой драмы жизнь Іоанна и ея условія въ его первыя тридцать лѣтъ. Такія историческія тѣни въ правѣ требовать, чтобы искусство не смотрѣло на нихъ съ одной оборотной стороны, если даже эта оборотная сторона при ихъ жизни и была казовою.

Считаю своимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность Василію Осиповичу Ключевскому, почтившему меня драгоцѣннѣйшими замѣчаніями, на основаніи которыхъ я многое исправилъ и передѣлалъ.

Кн. А. Сумбатовъ.

Москва,
22 марта 1888 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ четвертый.

Князь Юрій, братъ его.

Князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій.

Князь Юрій Глинскій.

Царь Шигъ-Алей.

Князь Иванъ Бѣльскій, правитель во время малолѣтства Іоанна.

Князь Иванъ Шуйскій, бывшій правитель.

Θедоръ Воронцовъ **Князь Воротынскій** **Князь Мстиславскій** **Князь Курбскій** **Князь Палецкій** **Князь Кубенскій** **Князь Щенятевъ** **Князь Курлятевъ** **Князь Пронскій-Турунтай**	Думные бояре и воеводы.

Григорій Юрьевъ Захарьинъ, тесть государевъ, дядя царицы.

Данило Юрьевъ Захарьинъ, своякъ государевъ, братъ царицы.

Алексѣй Басмановъ.

Алексѣй Θедоровичъ Адашевъ.

Сильвестръ.

Вассіанъ, отрѣшенный епископъ.

Θеодоръ Фюрстембергъ, посолъ Ливонскій.

Врачъ Стендишъ.

Царица Анастасія Романовна, первая жена Іоанна.

Княгиня Евфросинья, мать князя Старицкаго.

Княгиня Анна Глинская.

1-я боярыня.

Посадскій

Калачникъ.

1. 2. 3. 4. 5.	Изъ народа.

Баба.

Пищальникъ.

Бояре, воеводы, дѣти боярскіе, пищальники новгородскіе, гонцы, войско, народъ, послы.

Гонецъ изъ Ливоніи.

ПРОЛОГЪ.

1542 г.

Ночь на 3-е января.

Покой рядомъ съ опочивальней великаго князя Ивана Васильевича. Князь Бѣльскій сидитъ въ задумчивости. Воронцовъ у дверей великокняжескихъ прислушивается, потомъ отходитъ.

Воронцовъ.

Спокойно спитъ. И ты бы шелъ, Иванъ:
Ужъ третьи пѣтухи пропѣть успѣли,
Измученъ ты....

Бѣльскій.

Ни сонъ, ни отдыхъ, Ѳедоръ,
На умъ нейдутъ. Гдѣ мнѣ найти покой
Въ бореньяхъ вѣчныхъ съ лютымъ безнарядьемъ?
Одинъ стою на стражѣ царства я,
И я одинъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ,
Передъ царемъ и совѣстью моей.
Вѣдь гибнетъ Русь родная! Ханъ съ полудня,
Съ полночи буйный Новгородъ, Ливонцы,
Король съ Литвы! Чуть малость поослабли —
Гляди, нагрянутъ! Ты помысли, Ѳедоръ:
Со всѣхъ сторонъ, какъ тучи грозовыя,
Тѣснятъ враги. На рубежахъ не смѣютъ
Полей вспахать. Сегодня за сохой,
А завтра за коломъ да за пищалью.
Великій князь въ младенческихъ годахъ—
Опоры нѣтъ. Бояре смуты сѣютъ,
Терзаютъ Русь, грызутся межъ собой,
Другъ другу ямы роютъ. Государя,
Чѣмъ бы добру да правдѣ научать,
Бѣсовскими потѣхами балуютъ.

Воронцовъ.

Не говори! У насъ дѣла такія
Творятся, князь, что вѣрить-то негоже!
При хохотѣ боярскомъ, государь
Бросаетъ внизъ съ высокихъ теремовъ
И тѣшится мученьемъ безсловесныхъ;
А то, собравъ къ себѣ дѣтей боярскихъ,
Конями топчетъ женщинъ и дѣтей.
А пѣстуны проклятые его
Всѣ въ голосъ хвалятъ: храбръ де будетъ Царь.

Бѣльскій.

Да ты-то что-жъ глядишь—молчишь?

Воронцовъ.

Бояринъ!
Мнѣ, чай, своя-то шея дорога!
Свернутъ, какъ разъ. И самъ то больно грозенъ,
Хотя и малъ. Не по лѣтамъ разуменъ,
Читаетъ все: творенія отцевъ,
И лѣтопись царьградскихъ государей,
Сказанія и древніе уставы.
Попробуй-ка, ему ты поперечь! —
Глаза зажгутся, губы задрожатъ,
Подай Богъ ноги.... Малъ, а чуетъ силу!
Все кесарей царьградскихъ поминаетъ,
Царя Давида.... Самъ де я такой!
Я малъ еще, а выросту—припомню,
Какъ Шуйскій на постель отца ложился
И ноги клалъ, какъ скаредностью вашей
Мы съ братомъ ровно нищіе одѣты....
Ты погляди, какъ онъ въ боярской думѣ
Пословъ литовскихъ гордо принимаетъ....

Бѣльскій

Богъ дастъ, Руси владыкой твердымъ будетъ....
Гдѣ Шуйскіе?

Воронцовъ

Съ Владиміра вечо́ръ
Пріѣхалъ Петръ. Съ нимъ триста Новгородцевъ.
Да, вотъ что князь: тебѣ бы поберечься.
Не доброе затѣяли, повѣрь.

Бѣльскій.

Я Шуйскаго въ темницу не сажалъ,
Когда самъ вышелъ. Если-жъ изволеньемъ
Господнимъ я поставленъ выше прочихъ
И государю царство берегу,
Такъ властію своею не кичуся,
Не объ одномъ себѣ и мыслю; вспомни,
Я Старицкихъ изъ тюремъ вывелъ, Шуйскихъ
Оставилъ при царѣ, оковы снялъ
Съ Димитрія. Отъ крымскаго Гирея
Москву и Тулу грудью отстоялъ.
Уже-ль теперь, коль Шуйскіе замыслятъ
Мою погибель—не на кого будетъ
Мнѣ положиться? Аль добра не помнятъ?
Не вѣрю, Ѳедоръ. Первый ты не выдашь,
Щенятевъ, Старицкій—всѣ встанутъ грудью.
Да самъ великій князь—моя защита,
Митрополитъ....

Воронцовъ.

Небольно-то боятся
Они владыки. Имъ не привыкать
На Соловки ссылать святыхъ отцевъ.
Не позабылъ, поди, про Даніила.
А Государь... (*шопотомъ*). Самъ за него боюсь.
Креста—то нѣтъ у Шуйскихъ на груди!

Бѣльскій (*вздрогнувъ*).

Утрой стрѣльцовъ у спальни государя!
Пускай всю ночъ дозоромъ по Кремлю
Съ великимъ береженьемъ ходитъ стража.
Помилуй Богъ....

Воронцовъ.

Постой.... (*прислушиваясь*).
Что тамъ за шумъ?

Бѣльскій.

Сюда идутъ....

Воронцовъ.

Щенятевъ.... съ нимъ бояре....
Иванъ Васильичъ Шуйскій....

Бѣльскій.

Быть не можетъ!
Я указалъ ему на Клязьмѣ быть...
Мы ждемъ враговъ...

Воронцовъ (*взявъ за руку Бѣльскаго*).

Князь! Врагъ твой у порога.
Бѣги домой, сѣдлай скорѣй коня
И мчись, куда глаза глядятъ, проворнѣй.

Бѣльскій.

Опомнись! Мнѣ бѣжать, когда мятежъ
Въ самомъ дворцѣ, въ покояхъ государя!
Останусь здѣсь... Да будетъ воля Божья,
А я отсель на пядь не отступлю...
(*Выстрѣлы*).

Воронцовъ.

Царя разбудятъ... Господи помилуй!
(*Выстрѣлы*).

Бѣльскій (*въ дверяхъ*).

Кто смѣлъ сюда придти? Что стража смотритъ?
Царь почиваетъ...
(*Вбѣгаетъ Щенятевъ, за нимъ нѣсколько бояръ и пищальниковъ*).

Щенятевъ.

Руки прочь, убійца!...
(*Вырывается*).
Иванъ... спасай царя!...

Бѣльскій (*обнажая мечъ*).

Ни шагу, воры!
Ѳеодоръ, кликни кличъ!... Зови стрѣльцовъ,
Пищальниковъ сюда, дѣтей боярскихъ...
Я научу васъ, воры, темной ночью
Царя тревожить буйствомъ!...

Воронцовъ.

Эй! На помощь!

(*Входятъ: Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Кубенскій, Палецкій, Басмановъ, множество бояръ, дѣтей боярскихъ, пищальниковъ новгородскихъ. За сценой крики, выстрѣлы*).

Бѣльскій (*Шуйскому*).

Ты какъ же смѣлъ, ослушникъ царской воли,
Сюда вернуться, войско бросить, ночью
Въ опочивальню царскую ворваться,
Ввести холоповъ въ царскіе покои
И смертнымъ боемъ бить цареву стражу?

Шуйскій (*боярамъ, вошедшимъ съ нимъ*).

У насъ, бояре, выходцамъ литовскимъ,
Должно, острастки мало! Баловали
Мы больно ихъ, да на свою же шею.
Охъ, что языкъ-то мелетъ! Ты помилуй,
Большой бояринъ, царскій первый другъ!
Усердно бью челомъ: не погуби!
Я малый человѣкъ! Гдѣ мнѣ съ тобою!
(*Хохотъ*).
Чего смѣетесь? Грозенъ князь Иванъ?!
Глядико-сь, какъ окрысился. Не смѣй-де
Войти къ царю. Одинъ, молъ, я достоинъ
Быть при царѣ, да государствомъ волить,
Да быть въ великой чести. Вы-жъ, бояре,
На задворкахъ покамѣстъ посидите!
Челомъ ему! И первый я ударю!
(*Кланяется въ ноги, хохотъ*).

Бѣльскій (*гордо*).

Ты кланяйся пониже, князь!

Шуйскій (*вскочивъ*).

Бояре!
Судите передъ Богомъ насъ съ Иваномъ,
И какъ приговорите, такъ и будетъ.
Ему, аль намъ быть ближе къ государю?
Ему, аль намъ о земскомъ дѣлѣ думать,
Пока царь молодъ?

Бояре.

Намъ! Вѣстимо намъ!

Бѣльскій.

Не вамъ судить о томъ, а всей землѣ,
Измученной по вашему хотѣнью!
(*Ропотъ и крики*).
Я здѣсь стою...

Кубенскій.

Да ты-то здѣсь съ чего же
Глухою ночью?

Палецкій.

Онъ давно съ Петрушкой
Щенятевымъ да съ Ѳедькой Воронцовымъ
Замыслилъ извести царя убійствомъ—
Всѣ на лицо...

Кубенскій.

Вяжите ихъ, робята!

(*Новгородцы бросаются на нихъ. Щенятевъ убѣгаетъ въ опочивальню Іоанна. Бѣльскій бьется мечемъ у входа къ великому князю*).

Бѣльскій (*громко*).

Измѣна! Ѳедоръ, увози царя!
Я до послѣдней крови буду биться!

(*Воронцовъ уходитъ*).

Шуйскій (*громко*).

Все на запоръ! Всѣ выходы и входы
Съ великимъ береженьемъ сторожить!
Бей всякаго, кто сунется уйти!
На государя Бѣльскій умыслъ держитъ...

(*Громко*).

Бѣльскій (*сражаясь*).

Будь проклятъ ты отъ вѣка, окаянный!

Воронцовъ (*вбѣгаетъ*).

Бояре, стойте! Государь проснулся!
Въ великомъ страхѣ мечется и плачетъ.

(*Бѣльскаго связали*).

Шуйскій (*указывая на Воронцова*).

Вы слышите, бояре! Слава Богу,
Мы во время поспѣли.

Бѣльскій (*связанный*).

Окаянный!

Воронцовъ (*Шуйскому*).

Уйми людей. Вели пустить Ивана,
Великій князь простить тебѣ согласенъ,
Коль прекратишь ты буйство и разбой.

Шуйскій (*грозно*).

Молчи щенокъ! Учить меня задумалъ.
Вы съ Бѣльскими не мало начудили—
Довольно съ васъ сидѣть да величаться.
Кто тамъ у государя?

Кубенскій.

Петръ Щенятевъ
Съ мечемъ стоитъ у царскаго полога.

Басмановъ (*Новгородцамъ*).

За мной, робята!

Шуйскій.

Вытащить его,
Связать и бить!..

Воронцовъ (*заслоняя дверь*).

Постойте, государи!
Остановите челядь! Погодите!

Шуйскій.

Схватить его!
(*Воронцова вяжутъ*).

Басмановъ.

За мной, робята! Гойда!

(*Басмановъ, нѣсколько бояръ и Новгородцевъ вламываются въ спальню великаго князя. Оттуда въ теченіе послѣдующей сцены слышенъ шумъ, крики и голосъ Іоанна*).

Бѣльскій (*Шуйскому*).

Иванъ! Я здѣсь стою передъ тобою,
Въ рукахъ твоихъ холопей, битъ и связанъ,
Но чистъ душой предъ Господомъ моимъ.
Господь вручилъ боярству судъ и мечъ
На время малолѣтства государя.
Крестомъ животворящимъ мы клялись
Беречь его и землю. Что же ты,
Измѣнникъ, учинилъ со мной и съ царствомъ?
Я кровь свою въ сраженьяхъ не щадилъ,
Ты войско бросилъ и сюда прокрался,
Какъ тать въ нощи. Я миръ и правду сѣялъ,
Ты Новгородъ всѣмъ городомъ поднялъ

И на Москву, на твоего владыку,
Привелъ съ мечемъ, огнемъ и истребленьемъ.
Я Русь берегъ отъ вороговъ сосѣднихъ,
Изъ-за тебя возсталъ на брата братъ.
Іуда ты, крамольникъ и предатель!
Кто въ Бога вѣритъ, въ комъ душа живая,
Кто не забылъ, что крестнымъ цѣлованьемъ
Царю служить предъ Богомъ обѣщался,—
Да отойдетъ отъ этого злодѣя,
Да вынетъ мечь и правду отстоитъ!

Шуйскій (*бѣшено*).

Проклятый песъ! Поберегись! Молчи!

Бѣльскій.

Передъ тобой измѣнникомъ и воромъ
Негоже князю Бѣльскому молчать.
Я въ сѣчахъ смертныхъ ужаса не вѣдалъ,
Такъ воръ ночной меня не устрашитъ!

Шуйскій.

Съ тобою намъ на бѣломъ свѣтѣ тѣсно!
Изъ рукъ моихъ не выйдешь ты живымъ!

Бѣльскій.

Я не прошу пощады, воръ ночной!
Не соколу предъ ворономъ склоняться,
Не Шуйскому князь-Бѣльскаго щадить,
Не Бѣльскому предъ Шуйскимъ унижаться!

(Басмановъ съ Новгородцами вытаскиваетъ обезоруженнаго Щенятева изъ спальни Іоанна.)

Басмановъ.

Уперся, дьяволъ. Лѣвою рукою
За царскую постелю ухватился,
А государь, слезами обливаясь,
Пускать не хочетъ. Еле оторвалъ.

Шуйскій.

Связать покрѣпче.

Басмановъ.

Черными ходами
Къ царю пришелъ владыко Іасафъ.

Шуйскій *(радостно).*

Владыко тамъ? Охъ, милостивъ Господь!
Все краснаго мнѣ звѣря посылаетъ!
(Кубенскому).
Буди поповъ! Вели обѣдню пѣть,
Митрополита звономъ надо встрѣтить!
(Хочетъ идти).

Бѣльскій *(съ сильнымъ движеніемъ).*

Аль на тебѣ креста, князь Шуйскій, нѣту?
Куда ведешь ты пьяную орду?
На старца Іоасафа, на царя!...

Палецкій.

Иванъ Васильичъ, стой!... Назадъ, бояре!..
Я самъ одинъ пройду къ царю.

Шуйскій.

Иди.
Да доложи надежѣ государю—
Крамольниковъ и недруговъ его
Связали всѣхъ: онъ можетъ спать спокойно.
(Палецкій уходитъ).

Голоса.

Митрополитъ прошелъ къ крыльцу...

Кубенскій *(громко).*

Схватить!

Палецкій *(выходитъ отъ царя).*

Бояринъ, князь Иванъ Васильичъ Шуйскій!
Великій князь зоветъ тебя къ себѣ.

Шуйскій *(Бѣльскому).*

Ну, князь Иванъ, дозволишь ли войти?
Что бороду уткнулъ? Не сладко видно!
Не все-жъ тебѣ, и намъ пора отвѣдать
И ласки и привѣта государя.
(Уходитъ).

Бѣльскій *(Палецкому).*

А ты-то, князь, въ разбойничью ватагу
Своей охотой, аль неволей шелъ?
Я раньше зналъ тебя на полѣ ратномъ:

И мудръ, и смѣлъ! Зачѣмъ привелъ Господь
Тебя увидѣть недругомъ царевымъ?

Палецкій.

Ошибся, князь! Я недругъ не царю,
А тѣмъ, кто волей царской руководитъ,
Кто сталъ одинъ у царскаго престола,
Да никого къ нему не подпускаетъ!
Ты за своихъ измѣнниковъ родныхъ
Передъ великимъ княземъ распинался,
Помѣстья имъ да вотчины дарилъ,
А насъ гонялъ на рубежи, къ татарамъ.
Вотъ то-то, князь! Друзей бы поберегъ—
Не дожилъ бы до этакого срама!

Бѣльскій.

Не то, князь, срамъ, что связанный стою,
А то, что слышу я такія рѣчи!
И кто-жъ ихъ говоритъ? Не смердъ поганый, —
Природный князь, краса и цвѣтъ боярства!
Не вы ли съ Шуйскимъ ближе всѣхъ стояли
Къ младенцу Іоанну? а земля
Кровавыми слезами истекала
Отъ вашихъ утѣсненій и неправды.
Великій князь у васъ ходилъ, какъ нищій,
Вы впроголодь его кормили, рванью,
Обносками своими одѣвали.
За то и злоба ваша на меня,
Что твердо сталъ на стражѣ государства;
Казну блюсти я захотѣлъ отъ вора
Ивана Шуйскаго, и грабить не давалъ
Ограбленный до тла народъ московскій.
Виновенъ я, что не былъ за одно,
Не грабилъ Русь, не набивалъ хоромъ
И серебромъ и золотомъ дворцовымъ,
А двадцать ранъ въ бояхъ себѣ стяжалъ
И на Руси святую правду правилъ.
Виновенъ въ томъ! Въ томъ каюсь передъ вами
И Господу мой духъ я предаю!

Шуйскій *(выходитъ отъ царя)*.

Великій князь по благости своей
Пожаловалъ тебя, Иванъ, прощеньемъ.
И быть тебѣ, Ивашкѣ, въ заточеньи,

Пока Господь грѣхамъ твоимъ потерпитъ.
Тучкова же, Щенятева Петрушку,
Хабарова, Голицына и прочихъ
Нещадно бить кнутомъ, пытать, а послѣ
За крѣпкой стражей въ Ярославль сослать
И тамъ держать въ темницѣ и въ оковахъ,
А вотчины роздать боярскимъ дѣтямъ
И вамъ, стоящимъ здѣсь, Новогородцамъ.
Ведите ихъ. *(Боярамъ).* А васъ, князья, бояре,
Великій князь велѣлъ благодарить
И завтра быть вамъ въ думѣ государской.

Бѣльскій.

Всѣхъ порѣшилъ. Спасибо, князь Иванъ!
Теперь одинъ остался. На просторѣ
Губи и мучай, грабь и раззоряй;
Но вотъ тебѣ мое святое слово:
Не долго быть твоей потѣхѣ. Скоро
Войдетъ въ лѣта великій государь
И на тебя грозою Божьей грянетъ...
Мнѣ не видать того. Насквозь читаю
Твой черный умыслъ: мнѣ не долго жить.
Но кровь моя передъ престоломъ Божьимъ
Возопіетъ о мщеніи тебѣ.
И вижу я: и грозно и темно
Царево сердце зрѣетъ среди крови.
Не доброе бросаешь ты зерно,
На зло и гибель возростетъ оно!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая.

Внутренніе покои Царя и Великаго Князя Іоанна четвертаго.— Окно въ глубинѣ цвѣтное.

1547 года.

Бояринъ Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, князь Юрій Глинскій, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, князь Кубенскій, царь Шигъ-Алей, князь Палецкій, князь Щенятевъ, бояринъ Басмановъ, князь Владиміръ Воротынскій.

Гр. Захарьинъ.

Что-жъ дивнаго, бояре, что слѣпая
И удержу не знающая чернь
Шумитъ на площадяхъ и по кружаламъ?
Неужто-жъ намъ, въ бою не знавшимъ страха,
Предъ сволочью кабацкой трепетать?

Воротынскій.

Григорій Юрьевичъ! Не страхъ у насъ,
А жалость къ нимъ. Гляди въ окно: съ Арбата
Вплоть до Кремля все объято огнемъ:
Горятъ соборы, дворъ митрополичій,
Семчинское село, монастыри,
Постельная палата, всѣ домы
И избы всѣ московскихъ черныхъ сотенъ.
Народъ московскій по міру пойдетъ.

Кубенскій.

Гдѣ-жъ государь?

Захарьинъ.

Въ отъѣздѣ съ Воронцовымъ.

Юрій Глинскій.

Что-жъ дѣлать?

Палецкій.

Подождемъ, какъ царь укажетъ!

Владиміръ Андреевичъ.

Чего же ждать?—Идемте на крыльцо,
Угомонимъ народъ.

Захарьинъ.

Идемъ, бояре!...

Шигъ-Алей.

По-моему, идти бы крестнымъ ходомъ—
Впередъ пустить отца митрополита,
А намъ за нимъ, съ иконами святыми,
Съ хоругвями и пѣніемъ церковнымъ.

Палецкій *(Щенятеву)*.

А жаль ему своей татарской шкуры!

Щенятевъ *(смѣясь)*.

Какъ не жалѣть! Другой, чай, не дождется!

(Между боярами споры и толки).

Захарьинъ *(громко)*.

Чего же ждемъ? Идите всѣ, бояре!

(Бояре уходятъ. Къ Кубенскому).

Ты помнишь ли, Михайло, мы съ тобой
Намедни рѣчь вели?

Кубенскій.

О Глинскихъ? Помню!

Захарьинъ.

Какъ мыслишь, князь? Не время ли?...

Кубенскій *(оглядываясь)*.

Бояринъ...

Захарьинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ государь велѣлъ Андрея
Васильевича Шуйскаго псарямъ
На растерзанье бросить, только Глинскимъ
И вѣритъ онъ, и слушается ихъ.
А хоть бы взять... тебя! Поди, умнѣе
И Юрья и Михайлы, а межъ тѣмъ
Какой тебѣ почетъ? Я старъ, бояринъ,
И почестей мірскихъ я не ищу,
А все обидно. Государевъ тесть я,
Невмѣстно мнѣ подъ выходцемъ литовскимъ
Сидѣть и на пиру и на совѣтѣ.

Кубенскій.

Теперь-то время. Чернь и то галдитъ,
Что будто Анна Глинская съ дѣтьми
Надъ мертвыми сердцами волхвовала:
Ихъ въ воду клала, да водой такой
И улицы и избы окропляла,
И отъ того де на Москвѣ пожаръ.
Промежъ народа наши люди ходятъ.
Ты знаешь самъ: озлобленной толпѣ
Лишь пальцемъ укажи кого—и въ мигъ
На клочья разорвутъ, кого укажешь.

(*Входитъ Палецкій*).

Палецкій.

Шумитъ народъ. Не справиться намъ съ нимъ.
Князь Юрій Глинскій убѣжалъ въ соборъ
Успенскій, схоронился въ алтарѣ.

Кубенскій.

Мы Господа должны благодарить:
Отъ Глинскихъ насъ мятежъ сей избавляетъ,
И вновь великій князь одинъ съ дружиной
Останется надъ русскою землей!

Захарьинъ.

Прошло то время—трудно воротить!
Не княжій столъ, а царскій тронъ воздвигнулъ
На старомъ пепелищѣ новый царь.

Кубенскій.

Такъ что-жъ, Григорій Юрьичъ? Мы удѣлы
Свои подъ власть одну соединили,
Скрѣпили землю русскую въ одно,
И одному царю господство дали,
Но лишь одно оставили себѣ:
Съ нимъ власть дѣлить надъ Русью. Неужели
И эти-то послѣднія права
Уступимъ мы и впишемся въ холопи
Къ литовскимъ бѣглецамъ? Цѣлую крестъ
На вѣрности царю и государю,
Но и своихъ я правъ не уступлю.

Палецкій.

Охъ! мало-ль насъ за взглядъ одинъ, за слово

И казнено, и ввержено въ темницы.
Рука-то тяжела царя Ивана.
Въ семнадцать лѣтъ онъ сталъ грознѣе дѣда—
Не намъ бороться. Силенъ да уменъ
И нашей крови вовсе не жалѣетъ.

Захарьинъ.

Бояре! Гибель наша неизбѣжна!
День ото дня грознѣе царь Иванъ:
Озлобленъ онъ боярскою крамолой
Отъ юныхъ лѣтъ, и нами-жъ пріученъ
Лить кровь, какъ воду, для одной потѣхи.
Остановить его—не властны мы,
Но самъ Господь намъ руку простираетъ.
При Благовѣщенскомъ соборѣ есть
Мужъ кроткій, благолѣпый и разумный,
Рѣчистъ зѣло и обликомъ—пророкъ.
Рѣшился онъ по моему совѣту
Войти къ царю и, не щадя себя,
Раскрыть предъ нимъ весь ужасъ адскихъ мукъ
И устрашить его младое сердце.
Сей кроткій мужъ съ отрадой смерти ждетъ,
Но, мыслю я, Господь рѣшитъ иначе.
Сильвестръ его зовутъ, презвитеръ саномъ,
Ревнитель онъ великій вѣры нашей
И жизнью непороченъ и смиренъ.

(*Гулъ и ревъ народа.*)

Кубенскій.

А коль смиренникъ—намъ того и надо!

(*Гулъ несется съ площади.*)

Вы слышите раскаты громовые?
Какъ буйный вѣтеръ въ полѣ, на просторѣ,
Не вѣдая ни страха, ни препонъ,
Гудитъ народъ. Кто за него въ отвѣтѣ?
Мы въ сторонѣ. И этотъ буйный гулъ
Великую боярству службу служитъ.

(*Вбѣгаетъ Щенятевъ.*)

Щенятевъ.

Бояре! Князя Юрія народъ
На части разорвалъ!...

Кубенскій.

Самъ видѣлъ?

Щенятевъ.

Да!

Захарьинъ.

Мятежники! О, Господи, помилуй!

Кубенскій.

И помяни во царствіи Своемъ!
Жаль, нѣтъ Михайлы!

Палецкій.

Государь подъѣхалъ.
(*Шумъ, крики за сценой.*)

(*Входятъ: Царь Іоаннъ Васильевичъ, Курбскій, Воронцовъ связанный и всѣ бояре.*)

Іоаннъ.

Крамольники! Измѣнники! Злодѣи!
Я своевольство ваше изжену
Изъ буйныхъ душъ! (*Воронцову*). Ты, Ѳедоръ, былъ приближенъ
И милостью моею вознесенъ,
Но ты, о, рабъ лукавый и невѣрный,
Умыслилъ на помазанника Божья,
И челядь подлую поставилъ на пути
Владыки твоего и господина?
Судите вы, бояре!
На дорогѣ
Онъ подучилъ стрѣльцовъ новогородскихъ
Стать предо мной и смертнымъ боемъ бить
Моихъ слугъ вѣрныхъ.—Какъ приговорите?
(*Молчаніе. Іоаннъ обводитъ бояръ гнѣвнымъ взглядомъ.*)
Бояре! Аль вамъ уши заложило?
Аль языки отрѣзаны у васъ?

Кубенскій.

Что-жъ, государь! Ты бъ прежде повелѣлъ
Пытать стрѣльцовъ. Быть можетъ Воронцовъ
Тутъ ни при чемъ....

Іоаннъ.

А, князь Михайло, ты
Пріятель былъ ворамъ Новогородцамъ!
Я помню, какъ въ мою опочивальню

Ты вмѣстѣ съ Шуйскимъ ихъ навелъ и буйствомъ
Меня задолго до свѣту встревожилъ!...
Не тѣ-ль—опять? Поди-ко-сь, посмотри!
Да не трудись. Эй, кто тутъ! Отведите
Михайлу свѣтъ Иваныча въ застѣнокъ.
Тамъ у него знакомые сидятъ,
Калякать станутъ, старое помянутъ.

Кубенскій.

Великій царь! Я жизни не щадилъ...

Іоаннъ.

Молчи, холопъ! Чѣмъ вздумалъ похваляться!
Ты долженъ мнѣ, какъ Господу, служить,
И все-жъ своею службой не заслужишь
Передо мной единаго грѣха.

Захарьинъ.

Великій государь!

Іоаннъ.

Ты, ты, Григорій,
Стоишь за вороговъ моихъ? Ты? ты?
(*Становится на колѣни.*)
О, Господи! почто ты мнѣ вручилъ
Великій скиѳетръ кесарей царьградскихъ,
И ни единаго слуги мнѣ не послалъ!
Одинъ стою, какъ агнецъ, средь волковъ,
Меня пожрать готовыхъ! Даждь ми силу
Отъ злобы ихъ моимъ священнымъ саномъ,
Дарованнымъ тобой, оборониться!
(*Грозно боярамъ*).
Я царь иль рабъ, мятежники?
Кто смѣетъ
Меня учить?
(*Указывая на Воронцова и Кубенскаго.*)
Ведите ихъ на казнь
И вѣдайте вы всѣ тутъ: кто дерзнетъ
За нихъ вступиться,—ихъ же чашу выпьетъ.
(*Кубенскаго и Воронцова уводятъ.*)

(*Сильный гулъ набата и пожара.*)

Бояре.

О, Господи, помилуй!

Іоаннъ (*вздрогнувъ*).

Какъ гудитъ!

(*Крики за сценой.*)

Анну Глинскую!.. Колотовку проклятую!.. Въ клочья ее!.. Москву спалили...

Іоаннъ (*боярамъ*).

Что тамъ кричатъ?

Захарьинъ

Великій государь!
Мятежники убили князя Юрья.

Іоаннъ.

Кто подучилъ, проклятые? Чье дѣло?

(*Крики.*)

Глинскихъ!.. Глинскихъ!.. Москву спалили, проклятой водой кропили... Глинскихъ!..

Іоаннъ (*Курбскому.*)

Возьми стрѣльцовъ и что бъ въ единый мигъ
Утихъ мятежъ! Пусть крикъ одинъ раздастся!..
Я никого не выпущу живымъ.

(*Курбскій уходитъ.*)

Идите прочь, крамольники! Не въ силахъ
Глядѣть на васъ. И помните, бояре,
Не слабый отрокъ я, какимъ вы прежде
Играли, забавлялись да кормили
Объѣдками ворованныхъ кусковъ,—
А твердый мужъ, не знающій пощады,
Помазанникъ Всевышняго Царя!

(*Даетъ знакъ удалиться. Бояре уходятъ. Сильно темнѣетъ во время слѣдующаго монолога.*)

Іоаннъ (*одинъ*)

Безбожники! Предатели! Злодѣи!
Когда-бъ ихъ власть—насильно бъ сволокли
Съ меня вѣнецъ, изъ рукъ исторгли скиѳетръ,
И власть мою себѣ бы подѣлили,
Изъ милости оставивъ мнѣ клочекъ!
Собаки! часа нѣтъ, чтобы отъ нихъ
Не видѣлъ я крамолы иль злодѣйства!
Я помню все, что̀ вынесъ я отъ нихъ,
Пока былъ молодъ. Нынѣ-жъ, чуя силу,

Искательствомъ пытаются смирить
Мой правый гнѣвъ! Но я не уступлю!
Они мнѣ сами сердце закалили
И научили жалости не знать.

(*Молчаніе.*)

Гудитъ набатъ. Москва огнемъ объята.
Кругомъ враги—и ни одинъ изъ ближнихъ
Моей душѣ смятенной не мирволитъ.
Что дѣлать мнѣ? Въ комъ отыскать опору?
О, мой отецъ! Какъ рано отошелъ
На лоно Авраама и покинулъ
Меня грѣхамъ, страстямъ моимъ на жертву!
Мать бѣдная! Сквозь сонъ тебя я помню,
Твою усмѣшку, ласковыя рѣчи
И грустный взглядъ! Какъ часто на меня
Съ тяжелою тоскою ты глядѣла!
Знать, сердце чуяло—кому ты покидаешь
Дитя свое! Всю душу истерзали
Мнѣ страсти злыя—и кругомъ меня
Одни враги, одна измѣна зрѣетъ.
Родная! будь заступницей моей,
Пошли мнѣ миръ, его-же я не знаю,
Въ крови купаясь!... Вновь гудитъ набатъ...
Иль Богъ казнитъ меня за преступленья?
Моимъ грѣхомъ и тяжкимъ окаянствомъ
На Русь накликалъ Божью кару я!
Убійства! Кровь! Пожары! Голодъ! Моръ!
Святители! Угодники Господни!
Молитесь за меня! Я не могу!

(*Падаетъ на колѣни. Входитъ Сильвестръ съ книгой въ рукѣ.*)

Іоаннъ (*со страхомъ*)

Откуда ты предсталъ мнѣ, дивный мужъ?
Ты плоть и кровь, иль духъ безплотный? Кто ты?
Твой взоръ горитъ...

Сильвестръ.

Почто, царю Иване,
Отъ Господа ты слухъ свой отвратилъ?
Почто открылъ свою младую душу
Владыкѣ тьмы и аггеламъ его?..
И знаменья вотще тебѣ являютъ
Господень гнѣвъ!.. Вотще гремитъ Господь!

И глухъ и слѣпъ закоренѣлый грѣшникъ!

(*Прерывая рѣчь.*)

Предъ страшнымъ гласомъ Господа живаго
Нѣмотствуютъ людскіе голоса.

(*Открываетъ окно. Видна горящая Москва.*)

Смотри, царю! Священный градъ пылаетъ,
Господнею рукою пораженъ!
Се Божій судъ свершается!

Іоаннъ. (*отступая въ ужасѣ*).

Отецъ!

Сильвестръ (*грозно*).

Въ страстяхъ своихъ, слѣпотствующій Царь,
Небрежный дѣлатель, лукавый Божій рабъ,
Ты Господа законы позабылъ!
Подъ грѣшною десницею твоей
Орошена земля невинныхъ кровью,
И кровь сія дымится къ небесамъ!
Во храмѣ Божьемъ ты не зналъ пощады!
Какъ Иродъ, ты младенцевъ избивалъ!
Отторгнулъ ты совѣтниковъ Господнихъ,
И діаволовыхъ слугъ ты приближалъ!
Тебѣ вручилъ Господь пещись о сирыхъ,
Но не отцемъ, — ты лютымъ звѣремъ былъ —
И истощилось Господа терпѣнье!
Служитель ада — аду обреченъ!

(*Указываетъ на пожаръ.*)

Въ такомъ огнѣ душа твоя, Иване,
При кликахъ и плесканіяхъ бѣсовскихъ
На вѣкъ въ аду горѣть обречена!

Іоаннъ (*обезумѣвъ отъ ужаса.*)

Отецъ, молись! Твой голосъ вознесется
Ко Господу и онъ меня проститъ.

Сильвестръ.

Молиться я не смѣю за тебя!
Въ тиши, съ великимъ плачемъ я молился,
Но къ Господу молитва не дошла,
И нѣсть прощенія...

Іоаннъ.

Молись, молись, отецъ!

Сильвестръ (*раскрывая книгу*).

Рече Господь: мани, факелъ, фаресъ.

Іоаннъ.

Я схиму восприму, престолъ покину,
Я душу всю въ молитвѣ изолью.

Сильвестръ.

Не мнишь-ли ты, угодны будутъ Богу
Грѣховныя молитвы Валтасара?
Утратилъ ты молитвенную святость
Въ дѣлахъ кромѣшныхъ...

Іоаннъ.

Пощади, отецъ!

Сильвестръ.

А ты, поставленный надъ Божьими людьми,
Умѣлъ щадить и миловать страдальцевъ?
Нѣтъ, нѣтъ, царю!... Ты смерти предавалъ
Своихъ стратиговъ, за тебя страдавшихъ,
Въ бояхъ израненныхъ. Ты поднялъ мечъ
Неправедный на жизни не жалѣвшихъ
Во славу и величіе твое,
И кровью обагренными руками,
Дерзалъ крестомъ Господнимъ осѣнять
Исполненную скверны грудь свою.
Или безсмертенъ мнишись, о царю!
Настанетъ часъ—и всѣ твои неправды,
Гоненья, зло, мучительства и казни
Во дьяволовъ кромѣшныхъ обратятся
И окружатъ твой смертный одръ и станутъ
Между тобой и Господомъ твоимъ.

(*Іоаннъ закрываетъ лицо и падаетъ ницъ.*)

Сильвестръ.

Да внидетъ въ душу страхъ и въ кости трепетъ,
Да содрогнется внутренность твоя!
Въ послѣдній разъ тебя остерегаетъ
Великій Богъ, да отрѣшишься ты
Отъ скверны своихъ...

Іоаннъ.

На вѣки отрѣшаюсь!

Сильвестръ.

И прекратятся ужасы Господни,
Когда узритъ Онъ чистоту твою.
Въ молитвѣ и дѣлахъ благочестивыхъ
Въ правленьи кроткомъ, благостномъ и мирномъ,
Въ прощеніи обидъ и въ утѣшеньи
Сиротъ и вдовъ, въ караніи неправды
Твое спасеніе и Божья благодать
На голову вѣнчанную твою!
Да истребится память о неправыхъ—
И злыхъ дѣлахъ, тобою совершенныхъ.
Совѣтниковъ премудрыхъ избери
И отжени потатчиковъ лукавыхъ
Отъ глазъ своихъ! Господни повелѣнья
Чти всей душой и чистотою мысли
Загладь свои грѣхи и преступленья.

Іоаннъ.

Крестомъ и страшнымъ именемъ Господнимъ
Передъ тобой, отецъ мой, заклинаюсь
Жить въ Божьей правдѣ, страсти покорять,
О имени Господнемъ подвизаться,
Святую вѣру нашу укрѣплять
И отъ грѣха на вѣки отказаться!

Сильвестръ.

Господь пріялъ раскаянье твое—
Гляди, огонь стихаетъ.

Іоаннъ (*радостно*).

О, отецъ!
Во младости боярскимъ небреженьемъ
Я вверженъ былъ во тьму грѣха, но сердцемъ
Я познавалъ паденіе мое.
Воззрѣлъ Господь на слезы угнетенныхъ,
И мнѣ послалъ пророка своего.
Благослови, отецъ! Твоимъ глаголомъ
Наставленъ я, твои уста прощенье
Мнѣ изрекли, такъ пусть рука твоя
Моей главы коснется...

Сильвестръ.

Разрѣшаю
Твои грѣхи отъ Бога данной властью.

Ликуютъ Ангелы! Отверзся сводъ небесъ!
На правый путь тебя благословляю!

(*Іоаннъ склоняетъ голову. Сильвестръ его благословляетъ*).

Картина вторая.

Лобное мѣсто.

Площадь покрыта народомъ.

Первый.

Экъ навалило!

Второй.

Всякихъ званій люди:—
Все съѣхались по царскому указу.

Первый.

Три года, баютъ, ѣхали иные

Второй.

Три! ври еще!

Первый.

Знакомый пономарь
Отъ Спаса на Бору намедни встрѣлся
И говорилъ: съ Рязани, съ Костромы
Людей сюда нагнали воеводы.

Калачникъ.

Охъ, сайки, калачи, горячи сайки!
По деньгѣ сайка! Какъ найдутъ бояре,
Все поѣдятъ—облизывайся послѣ.

(*Хохотъ.*)

Баба (*приставу*).

По комъ, отецъ, поминки?

Приставъ.

По тебѣ!

Баба.

Тьфу, окаянный! Право, окаянный!

(*Хохотъ.*)

Третій.

А энту-то откудова прислали?

Четвертый.

За ней де, слышь, нарочныхъ посылали.

(*Баба визжитъ*; *хохот* .)

Первый посадскій.

Пошла, старуха! Не твое тутъ дѣло!
Экъ развизжалась!...

Баба.

Охъ, отцы родные!
Всю затолкали! Отпустите душу...

(*Трезвонъ*).

Голоса.

Царь, царь идетъ! Бояре на крыльцо
Повышли... Царь, царь идетъ!
Дорогу!

(*Народъ снимаетъ шапки, многіе становятся на колѣни. Рынды дѣти боярскіе, духовенство, всѣ бояре, между ними Адашевъ. Іоаннъ въ царскомъ облаченіи*).

Народъ.

Да здравствуетъ надежа-государь!...

(*Іоаннъ всходитъ на лобное мѣсто. Около него бояре и духовенство*).

Іоаннъ (*кланяется духовенству и народу на четыре стороны. Митрополиту*).

Молю тебя, отецъ мой и владыко,
Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ,
Зане еси любви и благъ желатель!

(*Кланяется.*)

Отъ малыхъ лѣтъ остался сиротой я
И младъ, и сердцемъ золъ, и неразуменъ.
Я небреженьемъ сродниковъ моихъ
И кознями боярскими возросъ
Въ потѣхахъ беззаконныхъ и кровавыхъ.
Отъ имени младенца, присвояли
Себѣ казну и почести они,
Въ хищеньяхъ и обидахъ упражнялись,

Народъ тѣснили... Я же, неразумный,
Въ устахъ своихъ не имый обличенья,
Подавленный ихъ буйнымъ самовластвомъ,
Не слышалъ вопль народа моего!

(*Боярамъ.*)

О! хищники, мздоимцы, сребролюбцы,
Какой теперь дадите намъ отвѣтъ?
Чѣмъ обѣлитесь предъ судомъ народнымъ
Въ слезахъ вдовицъ, сиротъ, больныхъ и нищихъ?
Я жъ чистъ отъ крови сей! На васъ, бояре,
Разящій мечъ Небеснаго Судьи!
Я вашу казнь—Ему передаю.

(*Молча, грозно смотритъ на бояръ, которые понурили головы. Тишина.—Народу.*)

Но видитъ Богъ, не о себѣ скорблю:
Свои обиды я прощаю вамъ.
О, люди, намъ дарованніи Богомъ,
Отъ всей земли пришедшіе сюда!
Молю я слезно вашу вѣру къ Богу
И къ намъ любовь: налоги, раззоренья,
Неправедный, лицепріятный судъ,
И многія обиды—отпустите!

(*Кланяется*).

Исправить все теперь не властны мы,
Зане вся Русь исполнена неправды.
Но передъ вами я цѣлую крестъ
На правду и спокойствіе въ грядущемъ.
Отнынѣ—мнѣ печальтеся о нуждахъ,
Отнынѣ—я неправды раззоритель,
Отнынѣ—я судья вашъ и защитникъ,
Отнынѣ—я вамъ пастырь и отецъ!

(*Адашеву.*)

Ты, Алексій, изъ нищихъ избранъ мною,
Но чистъ душой и святостью украшенъ;
Ты неповиненъ въ крови православныхъ,
И я тебя за это ставлю выше
Премногихъ знатныхъ, сильныхъ и богатыхъ,
Аки Іуды, своего царя,
Забывши стыдъ, предавшихъ и продавшихъ!
Вручаю я тебѣ моихъ людей—
Твори межъ ними судъ нелицемѣрный,
Не обольщайся ложными слезами,
Не бойся сильныхъ, Бога позабывшихъ,

Надъ бѣдными насиліе творящихъ.
Я самъ твои дѣла сужу,—и горе
Тому, кто попрекнетъ тебя рожденьемъ!
Господь сказалъ: послѣдніе да будутъ
Первѣйшими во царствіи моемъ!

(*Народу.*)

Смиренно приношу я покаянье
Въ великомъ нерадѣніи моемъ,
И вновь клянусь предъ вами, христіане,
Сберечь мое крестное цѣлованье,
О благѣ вашемъ душу положить—
Да процвѣтутъ спокойствіе и миръ
Въ землѣ родной подъ мощною державой.
Благослови меня, народъ московскій
И вся земля, на праведное царство!

(*Народъ падаетъ на колѣна.*)

Народъ.

Заступникъ нашъ! Отецъ! Благослови
Тебя Господь отнынѣ и навѣки.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина третья.

1552 годъ.

ИЗБА ГОСУДАРЕВА.

Царь Іоаннъ, Юрій Васильевичъ, Владиміръ Андреевичъ, Шигъ-Алей, Палецкій, Захарьинъ, Щенятевъ, Курбскій, Воротынскій, Мстиславскій, Басмановъ, Адашевъ, Курлятевъ, Сильвестръ, бояре и воеводы.

Іоаннъ.

Что скажешь, Курбскій? Говори, не бойся!

Курбскій.

Великій государь! Съ Коломны вѣсти
Неладны идутъ. Ханъ Девлетъ-Гирей
Подъ Тулой сталъ въ окопы. Повели
Идти съ полкомъ.

Воротынскій.

Не слѣдъ намъ, государь,
Дробить полки.

Курбскій.

Бояринъ Воротынскій!
Не слѣдъ и хана за собой держать.

Палецкій.

Авось, Богъ дастъ, князь Тёмкинъ отсидится.

Курбскій.

Не бойся, князь, не взмолится тебѣ:
Приди спасай", а до смерти добьется.

Іоаннъ (*Адашеву*).

Пустить его.

Адашевъ (*смиренно*).

Какъ хочешь, государь!
Горячъ Андрей Михайлычъ!...
(*Сильвестру.*)
Какъ разсудишь,
Честной отецъ?

Сильвестръ.

Не мнѣ, бояринъ, вѣдать
О ратномъ дѣлѣ. Если-жъ государю
Угодно знать, что думаю о томъ,
То я скажу: не мало остается
И на Москвѣ хорошихъ воеводъ;
А вамъ идти не медля на Казань.

Захарьинъ.

Великій государь! Велитъ премудрость
Сначала отразить врага, а тамъ
Самимъ идти на брань. Сначала Крымцевъ
Изгонимъ мы изъ сердца государства,
А тамъ, Богъ дастъ, и за Казань возьмемся.

Іоаннъ.

Бояре! Я рѣшилъ теперь покончить
Съ казанскимъ царствомъ! Думать не хочу
Опять тянуть войну на долгій срокъ,
Да у моря погоды дожидаться.

Сегодня же въ Коломну выѣзжаемъ.
Москву мы поручаемъ князю Юрью
Съ царицей и отцемъ митрополитомъ.
Отецъ Сильвестръ и ты, Григорій Юрьичъ,
Имъ въ помощь и совѣтъ... (*Курбскому*).
Князь Курбскій, ты,
(*Щенятеву*.)
И ты, князь Петръ, не медля, выступайте.
Мы въ слѣдъ за вами. Вамъ вручаю Тулу.

Курбскій.

Великій государь! Цѣлую крестъ—
Иль въ прахъ разбить поганыхъ, или мертвымъ
Подъ Тулой пасть за дѣдину твою!
(*Уходитъ съ Щенятевымъ.*)

Іоаннъ.

Къ закату солнца будьте на коняхъ.
(*Бояре уходятъ.*)
Князь Юрій, ты, отецъ, и ты, Алексій,
Останьтесь здѣсь. Князь Юрій! Не тебѣ
По малоумью быть царемъ руссійскимъ!
Но все-жъ тебѣ приказываю царство,
Коль Богъ велитъ мнѣ лечь на полѣ брани.
Не волей нашей, милостью Господней
Пріемлютъ государи свой вѣнецъ.

Юрій.

Я, государь, въ монахи...

Іоаннъ.

Юродивый!
(*Сильвестру*.)
Честный отецъ! Молися о царицѣ
Да даруетъ Господь намъ сына, Руси
Владыку твердаго! И береги ее!
Коль что со мной случится, пусть не знаетъ,
Пока Господь ей не проститъ, пока
Отъ бремени она не разрѣшится.

Юрій.

Дозволь идти въ монахи, государь!

Іоаннъ.

Разсудкомъ слабъ онъ,—вы руководите
Дѣлами царства. Васъ приблизилъ я
И вамъ открылъ все, что сокрыто было
Отъ всѣхъ людей, стоящихъ предо мной.
Иди, отецъ, и позови царицу;
Я съ ней хочу проститься. Уведи
Съ собою князя Юрья.

(*Сильвестръ и Юрій уходятъ.*)

Іоаннъ (*въ глубокой задумчивости*).

Алексѣй!
На царства бусурманскія подъялъ
Хоругвь и стягъ я воинства Христова.
Изъ вѣка въ вѣкъ подъ игомъ ордъ татарскихъ
Дробилась Русь и не могла сплотиться
Въ единую державу. Я помыслилъ
Одной грозой разбить оплотъ поганыхъ.

Адашевъ.

Когда ты самъ при войскѣ во главѣ,
Успѣхомъ мы то дѣло увѣнчаемъ.

Іоаннъ.

Я одного страшуся, Алексѣй.
Тебѣ скажу. Ты не изъ ихъ породы.
Отецъ и дѣдъ смиряли непокорныхъ
Князей удѣльныхъ; мнѣ пришлось на долю
Вести борьбу съ боярствомъ родовымъ.
Ты погляди, какъ на совѣтѣ нашемъ
Они мнѣ въ каждомъ словѣ поперекъ.
Имъ воли нужно! Надо много воли!
Такъ врутъ собаки!

Адашевъ.

Государь! Не слѣдъ
Вести такія рѣчи.

Іоаннъ.

Алексѣй!
Я знаю ихъ! Не приведетъ Всевышній
Вернуться мнѣ съ казанскаго похода,
Опять они ухватятся за тронъ,
Царицу изведутъ, какъ извели

Отравой мать мою, и князя Юрья
Насильно обрекутъ на постриженье.
Но если сына мнѣ даруетъ Богъ,
Что будетъ съ нимъ? Проклятые! Зачѣмъ
Отецъ Сильвестръ вселилъ мнѣ въ душу кротость!
Залить бы кровью ихъ святую Русь
И съ корнемъ вырвать княжеское сѣмя!

Адашевъ.

Великій царь! Смиреньемъ и молитвой
На брань зовутъ Господню благодать.
Прости врагамъ! Забудь свои обиды!
Царевичъ твой, и сродники твои,
И весь твой родъ—святыня для бояръ.
Не разъ въ бояхъ и думѣ испыталъ
Ты вѣрность ихъ. Но, дастъ Господь, вернешься
Ты невредимъ и славою покрытъ.

Іоаннъ (*успокоясь*).

Хочу вернуться, Алексѣй. Не мало
Еще осталось дѣла мнѣ на царствѣ.
Не на востокъ намъ двигаться— на западъ.
Тамъ моря берегъ. А за моремъ тѣмъ
Различныя богатыя есть страны.
Тамъ императоръ, Ганза, Агличане,
Тамъ при дворахъ тѣснятся мудрецы,
Печатники и лекари, размыслы,
Премудрые волхвы и звѣздочеты.

Адашевъ.

Теперь другое дѣло на рукахъ.

Іоаннъ (*недовольный*).

Вели служить вечерню и молебенъ
(*Входитъ Анастасія съ Сильвестромъ*).

Іоаннъ (*идя къ ней*).

Красавица, желанная моя!
Прощай надолго!..

Анастасія.

Государь, ты ѣдешь?
Сейчасъ? Сегодня?

Іоаннъ.

Кони у крыльца.
Бояре ждутъ. Прощай, голубка Настя!
Не забывай... Молися обо мнѣ!..

Анастасія.

О комъ-же мнѣ молиться?... Если слезы
Мои угодны Господу,—я душу
Свою вложу въ молитвы о тебѣ.
Проститъ Господь меня, свою рабу,
И сохранитъ тебя...

(*Плачетъ*).

Іоаннъ.

Уйдите всѣ!

(*Адашевъ уходитъ. Сильвестръ отдѣляется въ глубину*).

Голубка! Каждая твоя слезинка
Ложится камнемъ на сердце мое.
Во имя Бога и Христовой Церкви
Иду я въ бой. Когда судилъ Господь
Не свидѣться намъ болѣ на землѣ,
На небесахъ Онъ насъ соединитъ.
Не плачь-же, Настя! Сердце надрываешь,
И нѣту силъ съ тоскою совладать!..

Анастасія.

Нѣтъ, государь, не плачу я. Гляди,
Нѣтъ больше слезъ! Господь благословитъ
Твой грозный мечъ и даруетъ побѣду,
И невредимымъ возвратитъ тебя.
Пречистая своимъ святымъ покровомъ
Тебя укроетъ—и увижу вновь
Я жизнь мою, и счастіе, и радость.

(*Припадаетъ къ плечу*).

Сердечный мой, о чемъ тебя прошу:
Вотъ образокъ. Имъ мать благословила,
Какъ на смотрины повезли меня.
Ты помнишь, государь? Благословенье
Мнѣ счастье принесло, желанный мой.
Позволь надѣть на грудь тебѣ. Я вѣрю,
Онъ защититъ тебя въ опасный часъ.

(*Надѣваетъ образокъ*).

Іоаннъ (*прикладываясь къ образу, дрожащимъ голосомъ*).

Клянусь тебѣ твое благословенье
Носить всю жизнь. Еще о чемъ попросишь?
Все говори—все, все исполню я.

Анастасія.

О чемъ еще просить тебя—не знаю.
Будь милостивъ и кротокъ, государь.
Прощай врагамъ. Господь не любитъ крови.
Опалы не клади на воеводъ,
Тебѣ служащихъ головой своею.
Хочу я знать, что всѣ кругомъ тебя
Любви къ тебѣ исполнены за ласку,
За милость и прощеніе твое.
Господь воздастъ твоимъ врагамъ,—а ты
Прощай и милуй. Вотъ мое моленье.

Іоаннъ.

Царица! Я тебѣ вручаю власть
Снимать опалу, отворять темницы,
Казну мою безъ счету раздавать,
Лить милости на нищихъ и сиротъ,—
Пусть молятся о здравіи твоемъ.
Да не скучай, не больно плачь, голубка.
Ты нездорова... (*Анастасія потупляется*).
Береги себя;
Господь послалъ свое благословенье...

Анастасія.

Сердечный мой... (*Припадаетъ къ его плечу*).

Іоаннъ.

Нѣтъ радости на свѣтѣ
Опричь тебя, желанная моя.
Мнѣ ангела Господь въ тебѣ послалъ —
Такъ береги себя, забудь тревогу...
Вернуся я — мнѣ сына подари...
(*Обнимаетъ ее*).

Адашевъ (*входя*).

Вечерня началася, государь!
Всѣ воеводы ждутъ тебя.

Іоаннъ (*рѣзко*).

Иду!
(*Увидѣвъ Сильвестра*).
Ты здѣсь, отецъ? Ты слышалъ?

Сильвестръ.

Государь!
Я слышалъ все.

Іоаннъ (*недовольный*).

Отецъ! Или не въ правѣ
Съ супругой я наединѣ проститься?

Сильвестръ.

Великій государь! Въ далекій путь
Господь тебя своимъ стратигомъ шлетъ,
И, яко господинъ, ты-бъ указалъ,
Какъ обиходъ царицѣ надо вѣдать.

Іоаннъ.

Не спрашивалъ тебя, о чемъ съ царицей
Мнѣ говорить.

Сильвестръ.

Ты-бъ добрымъ наставленьемъ
Царицѣ-матушкѣ...

Іоаннъ (*гнѣвно*).

Молчи, отецъ!
Не доводи меня...

Анастасія (*со страхомъ*).

Великій царь!
Ты обѣщалъ...

Іоаннъ (*сдержавшись*).

Благослови, отецъ,
Меня на брань съ врагами православья.

Сильвестръ.

Благослови тебя Господь, мой сынъ.
Будь храбръ въ бою, и крови не жалѣй,
И жизни не щади! Вѣнцомъ нетлѣннымъ

Воздастъ Господь во царствіи своемъ.
Рать береги, своихъ стратиговъ мудрыхъ
Не посылай на гибель безъ нужды,
Блюди запасъ и Господу молись
И день и ночь. Благослови, Господь!

(Благословляетъ).

Іоаннъ.

Царица Анастасія, прости!

(Кланяется въ поясъ).

Анастасія *(сдерживая рыданія).*

Прости меня, великій государь.

(Кланяется въ ноги).

Іоаннъ *(поднимая ее).*

Прощай, прощай!...

(Цѣлуетъ ее сильнымъ порывомъ).

Готовъ я, Алексѣй...

(Тихо).

Веди меня и не пускай прощаться,
Не вынесу... расплачусь, какъ дитя...

(Быстро уходитъ съ Адашевымъ и Сильвестромъ).

Анастасія. *(Шатаясь идетъ къ окну).*

Ушелъ... ушелъ... Не дали наглядѣться...
Соколикъ мой! Любимый мой! Сердечный!...
Когда его увижу! Сердце рвется!
Тоска-кручина лютая грызетъ...
И не избыть кручины той слезами.
Мнѣ-бъ увидать его... сказать ему...
Что, что сказать? Рѣчей-то не найдется,
Лишь слезы льются рѣченькой изъ глазъ...

(Входитъ Захарьинъ).

Захарьинъ.

Поплачь, царица-матушка,—все легче.

Анастасія.

Уѣхалъ онъ?

Захарьинъ.

Вечерня отойдетъ...

Анастасія.

Бояринъ! Дядя! Не могу разстаться,
Изсохну я, умру съ тоски по нёмъ.
Ударь ему челомъ, пусть онъ дозволитъ
Мнѣ ѣхать съ нимъ. Я все перенесу.
Не нужно мнѣ высокихъ теремовъ:
Въ избѣ, въ лѣсу, въ погоду, въ непогоду,
Съ нимъ голодъ и лишенья слаще мнѣ,
Чѣмъ безъ него мой златъ-высокій теремъ.

Захарьинъ.

Ушамъ своимъ не вѣрю! Ты въ умѣ ли?
Племянница! О, Господи! И слушать
Такихъ рѣчей не стану отъ тебя.

(Отворачивается къ окну).

Вечерня отошла... Идутъ изъ церкви...
Царь на коня садится, осѣнившись
Святымъ крестомъ... Народъ палъ на колѣни...
Царь обернулся... Тронулися... Съ Богомъ!...

Анастасія.

И не пришелъ... Его я не увижу...
Заступница Святая...

(Падаетъ замертво).

Захарьинъ.

Кто тутъ? Люди?
За лѣкаремъ... Царица заболѣла...
(Входитъ Сильвестръ, сѣнныя дѣвушки уносятъ царицу).

Захарьинъ.

За лѣкаремъ...

Сильвестръ.

Пожди, Григорій Юрьичъ!
Врачу не слѣдъ къ царицѣ подходить
И руку брать нечистыми руками,
За голову хватать и на языкъ
Глядѣть пытливо нечестивымъ окомъ.

Захарьинъ.

Дозволь, отецъ, мнѣ думать о здоровьи
Царицы и племянницы моей!
И безъ того досадливо глядѣть,
Что̀ ты чинишь! Какъ пѣстунъ надъ царемъ
Съ царицей ты! Указываешь все,—
Какъ спать, какъ ѣсть, какъ платьемъ наряжаться!

Сильвестръ.

Твои-ль, Григорій Юрьичъ, рѣчи слышу?
Ты что сказалъ? Иль пастырямъ церковнымъ
Не слѣдъ блюсти святую чистоту?
Не ты-ли самъ меня послалъ къ царю
Съ укоромъ о грѣхахъ и съ устрашеньемъ
Его души, чтобъ нынѣ отъ тебя
Услышалъ я такую ересь?

Захарьинъ.

Ересь?!
Ты протопопа Бармина вспомянь.
Не ты ли съ нимъ замыслилъ отступиться
Отъ вѣры нашей?

Сильвестръ.

Отступить отъ вѣры?..
Въ умѣ ли ты?

Захарьинъ.

Самъ выжилъ изъ ума!
Богоотступникамъ не даромъ держишь руку!
Прощай покуда, да прими совѣтъ:
Ты высоко взлетѣлъ — не оступись!
Съ высокаго-то мѣста больно падать.

(Уходитъ).

Картина четвертая.

1552 года.

ЦАРСКАЯ СТАВКА ПОДЪ КАЗАНЬЮ.

Князь Владиміръ Андреевичъ, Царь Шигъ-Алей, Князь Воро' тынскій, Князь Мстиславскій, Князь Курбскій, Князь Щенятевъ- Князь Палецкій, Князь Курлятевъ, воеводы иныхъ полковъ. Всѣ въ ратныхъ доспѣхахъ.

Мстиславскій.

А долго государь сидитъ въ шатрѣ.

Щенятевъ.

Съ Адашевымъ...

Курбскій.

Намъ повелѣлъ собраться
Держать совѣтъ.

Мстиславскій.

Зачѣмъ же насъ позвалъ,
Коль тутъ Адашевъ? Насъ бы и не надо!
Тотъ всѣхъ мудрѣй.

Воротынскій.

На то царева власть.
(Входятъ Іоаннъ и Адашевъ, оба въ доспѣхахъ).

Бояре *(кланяясь).*

Здравъ буди, государь!

Іоаннъ *(тоже).*

И вы, бояре!
Хоть вы трудомъ дневнымъ изнурены,
Я все-жъ призвалъ васъ на совѣтъ и думу.

Курбскій.

Объ изнуреньи нашемъ, государь,
Не стоитъ думать.

Іоаннъ.

Князь Иванъ Мстиславскій?
Откуда Богъ принесъ? Тебя не ждалъ!

Мстиславскій.

Великій царь! Я прямо изъ подкоповъ:
Готовы всѣ и зеліемъ набиты —
Ждемъ твоего велѣнья. Какъ укажешь,
Размыслъ огонь подложитъ, и въ Казань
Свободная откроется дорога.

(*Іоаннъ опускаетъ голову*)

Воротынскій.

Полки стоятъ подъ самыми стѣнами.

Курбскій.

Въ проломахъ стѣнъ кровавая потѣха
Весь день идетъ. Лишь съ сумракомъ ночнымъ
Прервался бой.

Щенятевъ.

Когда взлетѣли туры—
Ножами, камнями, ногами и зубьемъ
Дрались онѣ, какъ бѣшеные волки,
Но милостью Господней мы вогнали
Опять въ нору, не отступивъ на пядь.

Іоаннъ. (*Воротынскому*).

Ты раненъ, князь?

Воротынскій.

Царапина пустая:
Бревномъ горящимъ угодило въ лобъ.

Іоаннъ. (*Курбскому*).

А ты, Андрей?

Курбскій.

Проклятыя собаки!..
Шеломъ прошибли.

Іоаннъ.

Голова цѣла?

Курбскій.

Да не смотрѣлъ, надежа государь!
Должно цѣла, коль на плечахъ осталась.

Іоаннъ (*Палецкому*).

И ты въ крови, Димитрій?

Палецкій.

Не моя.
Я цѣлъ пока, лишь кипяткомъ маленько
Ошпарили, проклятые, съ бойницъ.

Іоаннъ (*Щенятеву*).

Ты живъ, князь Петръ?

Щенятевъ.

Господнимъ изволеньемъ.
Стрѣла въ плечо засѣла—да сломалась,
Не вытащить. Ужъ нѣмецъ бился, бился
И такъ и этакъ—не найти никакъ.
Что смѣху было! Плюнулъ, да пошелъ
Опять къ стѣнамъ. Рубился до заката,
Пришелъ въ шатеръ, анъ глядь,—торчитъ конецъ.
Позвалъ стрѣльца. Тотъ ухватилъ зубами
Да всю, какъ есть, и выволокъ наружу.

(*Смѣхъ*).

Іоаннъ.

Бью вамъ челомъ за мужество и вѣрность.
Безъ страха смерти въ очи вы глядѣли
И шли на бой, какъ на веселый пиръ.
Великое спасибо говорю,
Бояре, вамъ, и искренне я каюсь
Во всѣхъ моихъ неправдахъ передъ вами!
За ваше дѣло я прощаю вамъ
Всѣ прежнія обиды и порухи
И жалую васъ милостью своей!

Бояре.

Челомъ тебѣ за ласковое слово!

Іоаннъ.

Что дѣлать намъ? Осаду продолжать,
Иль бой великій приказать на завтра?

Владиміръ Андреевичъ.

Великій царь! Вся рать твоя готова
Ударить въ приступъ. Насъ томитъ бездѣлье!

Мстиславскій.

Намъ должно тронуть войско всею силой.
Медлительно и долго мы вели
Казанскую осаду. Въ мелкихъ стычкахъ
Довольно уложили мы людей.
Когда унынье смѣнитъ бодрость духа,
Труднѣй намъ будетъ славною побѣдой
Казанское стоянье увѣнчать.

Шигъ-Алей.

Не страха ради, а желая блага,
Не мыслю съ князь Иваномъ. Подождемъ.
Ослабнемъ мы, ослабнутъ и они.
Мулла Кулишерифъ мутитъ всѣхъ больше:
Онъ старъ, умретъ—казанцы и сдадутся.

Палецкій.

А коль еще лѣтъ сорокъ проживетъ,
И намъ стоять здѣсь до его кончины?

Адашевъ.

Великій государь, и вы, бояре!
Не мнѣ судить-рядить о дѣлѣ ратномъ,
Когда сюда собрались воеводы,
Всю жизнь свою проведшіе въ бояхъ!
Но мыслю я: о чемъ забота наша?
Зачѣмъ стоять? Иль ждать—покуда Крымцы
Не двинутся Казанцамъ на подмогу?
Иль погодить, пока запасъ изсякнетъ,
И голодать начнемъ глухой зимой?
Все ничего! А какъ зимовку справимъ,
Весной намъ легче станетъ воевать,
Когда разливъ весь станъ зальетъ водою?
Чего-же ждать? Чего-же намъ страшиться?
Удобнѣй дня не будетъ, чѣмъ теперь.
Готово все. Святымъ Господнимъ дѣломъ
Пришли сюда—и ангеловъ своихъ
Пошлетъ Господь на помощь православнымъ.

Іоаннъ.

Мурзу Камая я послалъ къ Казанцамъ;
Въ послѣдній разъ имъ милость предложилъ.

Курбскій.

Имъ милость? Государь! За что! За что!
Два мѣсяца мы отдыха не знаемъ
Не для того, чтобъ миловать въ концѣ!
Костьми мы ляжемъ, а пощады имъ
Мы не дадимъ, хоть ты и обѣщаешь!

Владиміръ Андреевичъ.

Негоже намъ откладывать...

Воротынскій.

И милость
Мятежникамъ поганымъ предлагать.

Мстиславскій.

Цѣлуемъ крестъ не вѣдать отступленья.

Бояре.

Вели идти! Вели сбирать полки!

Іоаннъ.

Да будетъ воля Божія. Идите!
Готовьте рать испить кровавый кубокъ!
Готовы вы?

Бояре (*обнажая головы*).

Готовы, государь!

(*Уходятъ*).

Іоаннъ (*одинъ*).

Какая ночь! Надъ башнями Казани
Витаетъ ангелъ гибели, иль мнѣ
Господь судилъ со срамомъ отступить?
Два мѣсяца подъ этими стѣнами
Раскинулъ я мой ратный станъ. Но что-жъ!
Чего добился? Япанчева войска?
Двухъ-трехъ проломовъ? Арскаго острога,
Да тысячъ сорока головъ татарскихъ?
Есть для чего три года собираться,
Сто разъ ходить и возвращаться вспять,
Чтобъ наконецъ, Казани поклонившись,
Назадъ въ Москву всю рать поворотить!
Чего-же ждать мнѣ? Но ударить разомъ,

Рѣшить въ одинъ, въ одинъ короткій день
Судьбу войны, столь медленной и тяжкой?
И кто же я, чтобъ смѣлъ о томъ помыслить?
Юнецъ въ бояхъ, юнецъ на государствѣ!
Безсильный царь, безсильный полководецъ!
И я страшусь... страшусь, какъ жалкій трусъ!..
Все мракъ кругомъ... Ударить—или ждать?...
О, Господи, что дѣлать въ этотъ страшный,
Исполненный сомнѣнья, горькій часъ?
Ты повелишь—и яркій свѣтъ проникнетъ
Во тьму души истерзанной моей!

(*Долго молчитъ; потомъ встаетъ. Взоръ его горитъ одушевленьемъ*).

Вокругъ меня собрались воеводы,
И въ душахъ ихъ сомнѣнью мѣста нѣтъ.
Отвагою, и мужествомъ, и силой
Горятъ они—и вотъ мнѣ образецъ!
Будь воля Божья! Срамъ или побѣду
Даруетъ мнѣ послѣдней битвы день,
Войду ли я съ великимъ торжествомъ
Въ оплотъ старинный недруговъ Христовыхъ,
Или, разбитый, въ бѣгство обращусь,
Или паду—я Богу предаюсь!
Нѣтъ робости, тревоги и сомнѣнья!
Господь меня ведетъ на грозный бой,
И вѣрую:—даруетъ одолѣнье
Надъ Агарянъ невѣрною ордой!
За стонъ и горе нашихъ матерей,
За кровь отцовъ, за поруганье вѣры,
За оскверненье Божіихъ церквей—
За честь Руси, измученной безъ мѣры,
Мнѣ дастъ отчетъ Казань. И вѣрю я:
Весь нашъ позоръ—воздастъ рука моя. (*Уходитъ*).

(*Ставка поднимается. Разсвѣтъ. Все войско подъ знаменами. Воеводы во главѣ своихъ полковъ. На первомъ планѣ Владиміръ Андреевичъ, Курбскій и прочіе. Іоаннъ въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи Адашева и другихъ бояръ выѣзжаетъ на конѣ. Вдали стѣны Казанскія*).

Войско.

Здравъ буди, государь!

Іоаннъ.

Христова рать!
Приспѣло время душу положить

За други наши, какъ вѣщалъ Господь.
Пріявшій смерть въ бою за православье
На небесахъ получитъ мзду свою,
И сопричислитъ къ ратникамъ небеснымъ
Господь своихъ защитниковъ земныхъ.
Такъ осѣнимся-жъ именемъ Господнимъ,
И стѣны Іерихонскія падутъ
При трубномъ звукѣ ангеловъ небесныхъ!
За насъ стоитъ рать павшихъ о Христѣ!
Святители и мученики наши
Зовутъ на мечъ нашъ Божью благодать.
Вся Русь слилась въ одной о насъ молитвѣ!..

(*Сильный взрывъ*).

Владиміръ Андреевичъ.

Взорвали стѣны!

Курбскій.

Государь! Дерзай!

Іоаннъ (*громкимъ голосомъ*).

Тамъ наша слава! Воины Господни!
Я здравствую васъ боемъ! Съ нами Богъ!

Войско.

Съ нами Богъ!

(*Кидаются на приступъ.*)

Картина пятая.

1552 годъ.

Москва. Покой во дворцѣ.

Сильвестръ и Адашевъ.

Адашевъ.

Великая же радость на Москвѣ!
Подумай самъ: теперь мы безопасны
Отъ страшнаго, исконнаго врага.

Сильвестръ.

Такъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ! Такъ!
Я не горжусь, но радостно и сладко

Глядѣть на то, что учинили мы!
Взамѣнъ потѣхъ бѣсовскихъ—славный подвигъ!
Взамѣнъ тиранствъ и казней—Божья брань,
Взамѣнъ хулы на Бога—благочестье!
О земскомъ и о ратномъ дѣлѣ помыслъ
И рвеніе великое! Но все-жъ
Не слѣдъ намъ оставлять узды! Горячъ!
Душа кипитъ въ стремленьяхъ молодыхъ,
И отъ роду онъ удержу не знаетъ!

Адашевъ.

Да, бурный нравъ! Боюсь, честной отецъ!
Видалъ ли ты, какъ мельникъ заграждаетъ
Рѣкѣ широкій путь? Пока заставы
Не спущены—потокъ течетъ спокойно,
Но чуть плотина стала поперекъ—
И тотъ потокъ кипитъ, бурлитъ и рвется,
И бѣшеною пѣной обдаетъ,
И сноситъ все, что на пути найдется.
Пусть лучше въ берегахъ благоразумья,
Но не стѣсненья, нашъ потокъ течетъ.
Не будемъ сильно сдерживать порывы,
Но направлять разумно и на благо
Душевныя движенія царя!

Сильвестръ.

Ты правъ, бояринъ. Ласковой рукою,
А иногда лишь строгостью суровой,
Стезею правой поведемъ его.
Но мыслю я: не лучше ли, пока
Его душа податлива, мягка,—
Запечатлѣть въ немъ ужасъ адскихъ мукъ?..

Адашевъ.

Оставь надъ нимъ пока свою суровость.
Такое счастье, какъ ему на долю
Послалъ Господь, смягчитъ и возвеличитъ
Его младую душу. Онъ покрытъ
Побѣдной славой, и восторгъ народа
Ему даритъ достойную награду.
Царевича у Бога онъ молилъ—
И сына Богъ царицѣ даровалъ.

Сильвестръ.

Боюсь, его гордыня обуяетъ.

Адашевъ.

Господь тогда смиритъ его бѣдой.

Сильвестръ.

Въ пирахъ и торжествѣ онъ позабудетъ
Господень страхъ.

Адашевъ.

Онъ набоженъ и вѣритъ,
Что счастье онъ отъ Бога получилъ.

Сильвестръ.

Побѣдой вознесенъ, о суетѣ
Мірской онъ станетъ мыслить...

Адашевъ.

Государь
Не схимникомъ быть долженъ на престолѣ.

Сильвестръ.

Пусть будетъ такъ. Пусть отдохнетъ отъ боя.
Но есть иное дѣло: на Руси
Забытъ давно домòвый весь нарядъ.—
Я книжицу, бояринъ, написалъ;
Ей „Домострой" названье. Рядъ за рядомъ
Я въ добрыхъ поученьяхъ изложилъ,
Какъ Господа любить отъ всей души,
Какъ почитать священники и мнихи,
Какъ домъ беречь, какъ смѣтить свой животъ,
Какъ мужу поучать жену, какъ слугамъ
Потайки не держать отъ господина,
Какъ огороды и сады водить,
Какъ пьянства, зерни и иныхъ безчинствъ
Избѣгнуть людямъ и о многомъ прочемъ.
Пусть государь самъ первый образцомъ
Послужитъ для народа. Пусть же онъ
Поучится въ домашнемъ обиходѣ.

Адашевъ.

Честной отецъ! Не откажи почтить

Меня своимъ сегодня посѣщеньемъ.
Обсудимъ тамъ...

(*Входитъ Захарьинъ, за нимъ бояре*).

Захарьинъ.

Великій государь
При въѣздѣ встрѣченъ былъ святымъ владыкой.
Въ Архангельскомъ соборѣ помолившись,
Сейчасъ сюда пожалуетъ.

(*За сценой радостные крики народа*).

Адашевъ (*смотря въ окно*).

Бояре!
Онъ на крыльцѣ... Онъ говоритъ народу!
Идетъ сюда!..

Захарьинъ.

Какъ радостенъ и свѣтелъ!

(*Входитъ Іоаннъ Васильевичъ, за нимъ всѣ казанскіе воеводы*).

Бояре.

Здравъ буди, государь, на новомъ царствѣ!

Сильвестръ (*выступая впередъ*).

Благочестивый царь! Великій подвигъ
Судилъ тебѣ Господь. Какъ змій гнѣздился
Въ норѣ поганый—нынѣ, яко дьяволъ,
Сраженный копіемъ Побѣдоносца,
Во прахѣ онъ лежитъ у ногъ твоихъ!
Какая слава, государь, тебѣ
И всѣмъ твоимъ соратникамъ! Какая
Великая побѣда! Что мы были?
Безсильные овны предъ лютымъ волкомъ.
Но, ополчася вѣрой, ты на трудъ,
На смерть и кровь пошелъ, не зная страха,
И скверну бусурманскую крестомъ
Ты осѣнилъ и Русь навѣкъ избавилъ
Отъ страшнаго, исконнаго врага.

Захарьинъ.

Великій государь! Вознаградилъ
Тебя Господь за подвигъ твой священный!
Послалъ тебѣ царевича на радость,
А мы тебѣ и съ воинствомъ твоимъ

За всѣ страданья ваши бьемъ челомъ
И здравствуемъ на новомъ государствѣ!

(*Кланяется земно. Всѣ бояре и духовенство за нимъ*).

Іоаннъ.

Отцы честные! Богомольцы наши!
Молитвами и святостію вашей
Свершили мы то дѣло. Ханъ разбитъ,
Казань взята, казанскій царь въ плѣну,
Невѣрные всѣ безъ вѣсти погибли,
Намъ платятъ дань мятежные народы,
Надъ ними власть у нашихъ воеводъ.
То, передъ чѣмъ мы искони дрожали,
Отнынѣ стало вотчиной московской.
Не бранью и мечемъ, но Божьей волей
Свершили мы то дѣло. Вы молились,
И та молитва ваша передъ Богомъ
Заступницею нашею была.

(*Іоаннъ и всѣ воеводы кланяются въ землю*).

Бояре и воеводы.

Даруй Господь тебѣ, великій царь,
И здравіе, и счастье, и побѣды.

(*Входитъ царица Анастасія съ боярынями въ большомъ нарядѣ. Ее ведутъ подъ руки*).

Іоаннъ (*со слезами*).

Царица! Вновь привелъ меня Господь
Тебя увидѣть.

Анастасія (*кланяясь земно*).

Государь, дозволь
И мнѣ твоей рабѣ благодарить
Тебя за трудъ и подвигъ твой великій!

Іоаннъ (*со слезами*).

Какая радость! Боже, я не стою
Такой великой милости Твоей!..
Побѣда надъ врагомъ, рожденье сына,
Всеобщая любовь... (*Сильвестру*).
Святой отецъ!
Ты помнишь ли, какъ въ этой же палатѣ,

Въ годину скорби, я лежалъ во прахѣ,
Изнемогалъ подъ тяжестью грѣха,
Не ждалъ себѣ прощенія... И что же?
Простилъ Господь молитвами твоими!

(*Боярамъ*).

Бояре! Вы труды мои дѣлили,
Вы крови не жалѣли—раздѣлите
Теперь и радость нашу!—Всю казну
Я подѣлю межъ вами! Ни одинъ
Не выйдетъ отъ меня не одареннымъ!..
Дьякамъ велѣть, чтобъ грамоты писали,
На вотчины... Всѣхъ ратниковъ казанскихъ
И весь народъ московскій я залью
Щедротами великими... Адашевъ!
Пусть радостный сей день для всей Руси
Такимъ-же будетъ! Отворить темницы!
Всѣхъ узниковъ на волю отпустить!
Простить долги! Опалу снять съ виновныхъ!
Да ни одна слеза не омрачитъ
Сей свѣтлый день, и пусть земля моя
Насытится всей радостью моею.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина шестая.

1553 г.

Покой въ домѣ князя Владиміра Андреевича.

Княгиня Евфросинія Старицкая и князь Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня.

Дѣтей боярскихъ я собрать велѣла:—
Ждутъ на крыльцѣ. Зови ихъ всѣхъ сюда,
Дари и чествуй.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Лаской государя
И милостью великой взысканъ былъ я
Еще недавно, такъ какимъ же окомъ
Взгляну теперь на скорбнаго царя?

Онъ бо̀лѣстью огневою снѣдаемъ,
Простертый на одрѣ, быть можетъ, смертномъ,
И мнѣ надъ нимъ измѣну промышлять?!!
Не хватитъ силъ.

Княгиня.

Куриная душа
Въ тебѣ, Владиміръ! Лучше-бъ не родиться
На бѣлый свѣтъ! Тебѣ наплюй въ глаза,
Бей батожьемъ,—ты все перенесешь.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня-мать! За что меня поносишь?

Княгиня.

За то, что крови нѣтъ въ тебѣ, холопъ!
Не этому пащенку Іоанну
Сѣсть на московскій столъ, когда-бъ отецъ твой
Былъ живъ еще! Въ темницѣ заморили
Его бояре, Глинскій съ Телепневымъ.
Охъ, горе мнѣ! Убитаго отца
Бездушный сынъ—холопъ царей московскихъ
И съ трепетомъ глядитъ на тотъ престолъ,
Гдѣ самому сидѣть-бы надлежало!
Не ты-ль, сынокъ, прижавшись къ уголку,
Дрожа отъ страха—видѣлъ, какъ душили
Въ тюрьмѣ отца? Иль золотомъ своимъ
Да шубами Иванъ забыть заставилъ.
Предсмертный хрипъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Довольно! Замолчи!

Евфросинья.

Мнѣ замолчать? Я двадцать лѣтъ молчала,
Я двадцать лѣтъ здѣсь, въ сердцѣ, берегла
Такую злобу, что когда бъ просторъ
Я ей дала, меня бы самое
Она зубьемъ своимъ давно изгрызла!
Я двадцать лѣтъ проклятіе зову
На голову враговъ моихъ, укравшихъ
У мужа—жизнь, а у меня—покой,

Лишившихъ насъ наслѣднаго стола.
Молчи, когда не смѣешь говорить!
Терпи, когда животъ дороже чести!
Забудь отца кровавую кончину,
Позоръ и срамъ, что мы перенесли!
Забудь свой родъ, служи, какъ подлый рабъ,
Тому, предъ кѣмъ ты—равный по рожденью.
Отдай имъ на смѣхъ мать!—Иди къ царю,
А боленъ онъ—къ его боярамъ ближнимъ
И донеси: княгиня Евфросинья,
Молъ, на тебя, великій государь,
Въ великой злобѣ Господа зоветъ,
Чтобъ ты не всталъ съ одра, чтобъ одръ болѣзни
Твоимъ одромъ послѣднимъ былъ; чтобъ сынъ,
Котораго ты вымолилъ у Бога,
Не дожилъ дня, когда тебя схоронятъ;
Чтобы твоя жена, въ слезахъ по сынѣ
И по тебѣ, изныла и исчахла.
Иди-жъ скорѣй. Отцовское наслѣдье
Ты продалъ, князь, продай и мать свою:
Я смерти жду, и вмѣстѣ съ Іоанномъ
Предстану я предъ Господомъ. Иди!
Я отъ тебя на вѣки отрекаюсь!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

О, матушка...

Кн. Евфросинья.

Прочь отъ меня, холопъ!
Не стоишь ты и слова моего!
(*Хочетъ идти*).

Кн. Владиміръ Андреевичъ. (*Удерживая ее*).

Изволь, княгиня-матушка! Готовъ я
Искать свои права на государствѣ.
Коль царь умретъ, я буду добывать
По старому обычаю престолъ.

Кн. Евфросинья.

Давно бы такъ!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Но если государь...

Кн. Евфросинья.

Ну, дальше что?

Кн. Владимiръ Андреевичъ.

Но если государь
Оправится?

Кн. Евфросинья.

Того не можетъ быть.
Сама пойду къ нему въ опочивальню
И зельемъ изведу...

Кн. Владимiръ Андреевичъ.

Молчи! Молчи!
Не знаю я! Не слышалъ ничего!
Клянусь Христомъ, и думать я не могъ,
Чтобъ ты могла...

Кн. Евфросинья.

Не знай, не знай, сынокъ!
Ты безъ грѣха возсядешь на престолъ.
За̀ весь мой родъ, униженный царѐнкомъ
И матерью проклятою его,
Я отплачу кровавой мздой. А тамъ,
Господь суди!...

(*Входитъ дворецкiй*).

Дворецкiй.

Князь Курбскiй и Адашевъ!

Кн. Владимiръ Андреевичъ.

Зови сюда.

Дворецкiй.

Пожалуйте, бояре!

(*Входятъ кн. Курбскiй и Адашевъ*).

Кн. Владимiръ Андреевичъ.

Бояре Радъ васъ видѣть у себя,
Въ своемъ дому! Какъ государь сегодня?

Адашевъ.

Плохъ государь.

Курбскій.

Надежды больше нѣтъ.
(*Молчаніе*).

Кн. Евфросинья.

Свершится воля Божія.

Курбскій.

Княгиня!
Тяжелый крестъ нести велѣлъ Господь
Святой Руси.
(*Останавливается, сдерживая рыданія*).

Кн. Евфросинья.

На то Господня власть.

Адашевъ.

Спасенья нѣтъ. Врачи поотступились
И не поймутъ, что это за болѣзнь.

Кн. Евфросинья.

Господь послалъ... и людямъ не постигнуть.

Курбскій.

Какъ твердый мужъ и добрый христіанинъ,
Царь написать духовную велѣлъ
И завѣщалъ Димитрію престолъ.

Кн. Евфросинья.

Захарьинскому внуку?

Курбскій.

Сыну.

Кн. Евфросинья.

Нѣтъ,
Захарьинскому внуку. Князь Владиміръ
Андреевичъ! Бѣжимъ скорѣй отсюда!
Какъ берегутъ бояре насъ, князей,—
Твой дядя Юрій и отецъ Андрей
Тому кровавымъ памятникомъ служатъ.

Адашевъ.

Къ чему, княгиня-матушка, бѣжать?
Твой сынъ нужнѣе здѣсь, чѣмъ на отъѣздѣ.

Кн. Евфросинья.

Кому нужнѣй? Захарьинскимъ собакамъ?
Подземнымъ тюрьмамъ? Царскимъ палачамъ?

Курбскій.

Нѣтъ, матушка княгиня. Всей Руси,
Готовой днесь остаться сиротою.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Что-жъ дѣлать мнѣ, бояре, на Руси?

Курбскій.

Быть первымъ человѣкомъ у престола
Племянника царя и государство
Ему беречь.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Съ Захарьиными грызться?
Нѣтъ, не хочу я этого, бояре.
Съ кончиной государя на Казань
Уѣду я. Потомъ пойду на Крымъ
И, можетъ быть, паду въ честнòмъ бою,
А не въ тюрьмѣ, отъ рукъ убійцъ наемныхъ.

Адашевъ.

Не властенъ ты чинить такъ, князь Владиміръ
Андреевичъ! И безъ тебя довольно
Есть на Руси безстрашныхъ воеводъ.
Ты нуженъ намъ, какъ мощный охранитель
Спокойствія и устроенья здѣсь,
Вблизи царя младенца.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Пѣстуномъ
Къ царевичу приставить захотѣли.
На чести вамъ челомъ бью, государи,
Но не достоинъ милости такой.

Курбскій.

Что-жъ хочешь ты?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Хочу уйти отъ вѣрной
Измѣнной смерти.
(*Входитъ дворецкій*).

Дворецкій.

Князь Курлятевъ, съ нимъ
Князь Палецкій, князь Петръ Щенятевъ, князь
Ростовскій и князь Пронскій-Турунтай.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Проси!

(*Бояре, князья*: *Палецкій*, *Щенятевъ*, *Ростовскій*, *Турунтай*, *Курлятевъ и иные входятъ*).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Добро пожаловать, бояре!
(*Здороваются*).

Кн. Палецкій.

Бояре Воротынскій и Мстиславскій
Къ крестнòму цѣлованію приводятъ
Въ избѣ столовой.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

А кому цѣлуютъ
Бояре крестъ?

Кн. Пронскій-Турунтай.

Царевичу, вѣстимо!

Щенятевъ.

Младенцу году нѣтъ. Намъ долго ждать,
Пока въ лѣта войдетъ и станетъ нами
Онъ государить...

Кн. Курлятевъ.

А покамѣстъ мы
Должны служить Захарьинымъ?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Такъ что же?
Послужимъ имъ, какъ Глинскимъ послужили,
Да Шуйскимъ...

Кн. Палецкій.

Бѣльскимъ...

Кн. Пронскій-Турунтай.

Мало-ль ихъ бывало!

Кн. Евфросинья.

И вы, бояре, тоже присягнули?

Кн. Турунтай.

Еще успѣемъ.

Кн. Щенятевъ.

Время не уйдетъ.

Кн. Евфросинья.

Аль разума лишились, государи!
Младенцу нѣтъ полугода, а вы
Ему ужъ крестъ цѣлуете. Сегодня
Онъ живъ еще, а завтра нѣтъ его. (*Палецкому*).
Ты присягнулъ?

Кн. Палецкій.

Да, почитай, насильно,—
Владиміръ Воротынскій притянулъ
Меня къ кресту. Царь проситъ со слезами,
Что-жъ было дѣлать?

Кн. Евфросинья.

Князь Димитрій! Знай,
Насильная присяга—не присяга.

Адашевъ.

Насильная иль вольная присяга—
Захарьины не станутъ разбирать.

Кн. Щенятевъ.

По записи: мы отъѣзжать не смѣемъ.

Кн. Туронтай.

И головы вольны съ насъ поснимать!

Кн. Евфросинья.

Попомните, бояре: скоро вовсе
Васъ окрутятъ, какъ смердовъ, въ кабалу!

Кн. Курбскій.

Бояре! не о насъ теперь забота,—
Съ землей, что будетъ! Крѣпла и росла
При мудромъ и великомъ государѣ,
Теперь же распаденіемъ грозитъ
Святой Руси кончина Іоанна.
Бояре! Мыслю я: родной землѣ
Мы головами нашими послужимъ!
Идемъ къ царю и съ твердостью вспомянемъ,
Что вынесла земля, пока онъ выросъ,
И взмолимся, чтобъ царство приказалъ
Не малому дитяти—но другому—
Кому укажетъ. Мощная рука
Властителя нужна землѣ руссійской.
Не звукъ пустой, не титулъ нуженъ намъ,
Но твердый мужъ и брани и совѣта!
Свидѣтель Богъ, будь государь здоровъ—
Ему служилъ бы до послѣдней крови!
Но смерть его грозитъ и Руси смертью,
Коль вложитъ онъ свой мечъ и скиѳетръ въ руки
Младенца безсловеснаго! И я
Повиннымъ быть въ той смерти не могу!

Адашевъ (*со слезами*).

Бояре! Мнѣ ли мыслить на царя?
Я не слугой, я сыномъ былъ ему!
(*Замолкаетъ. Потомъ твердо*).
Но Русь спасти должны мы. Весь тотъ грѣхъ,
Что за измѣну Господомъ зачтется,
Я на себя беру! Своей душой
Отвѣчу я за благо государства!
Димитрію надъ нами не царить,
Не по рукѣ младенцу мечъ и скиѳетръ!

Кн. Курлятевъ.

Кого-жъ, бояре, намъ просить на царство?

Кн. Палецкій.

Владиміра Андреича на царство
Звать всѣмъ соборомъ!

Бояре (*кромѣ Курбскаго*).

Будь царемъ Руси!—
Тебя хотимъ!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Бояре! Не достоинъ...

Турунтай.

Не время, князь, чиниться...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Тяжко мнѣ
Примать такую честь и видитъ Богъ—
Я не хотѣлъ. Но изволеньемъ вашимъ
Пріемлю я престолъ земли московской
Не для себя, но для спасенья царства
Отъ новой крови. Богъ поможетъ мнѣ!

Кн. Курбскій.

Князь, подожди!... Не намъ рѣшать такое
Большое дѣло...

Кн. Палецкій.

Такъ кому-жъ, Андрей?
Чего же ждать?

Кн. Курбскій.

Кончины государя.

Кн. Турунтай.

Покамѣстъ мы тутъ станемъ собираться,
Захарьины все царство заберутъ,
И станемъ мы изъ ихнихъ рукъ кормиться!

Бояре.

Идемъ къ царю! Тебѣ хотимъ служить!
Захарьинскому роду не дадимъ
И подойти къ московскому престолу!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня-мать! Благослови на царство.

Кн. Курбскій.

Царь живъ еще...

Бояре.

Благослови, княгиня!

Кн. Евфросинья.

Благослови Господь!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Коней къ крыльцу!
Идемъ, бояре. Вамъ я довѣряю
Мою судьбу.

Бояре.

Мы всюду за тобой. (*Уходятъ*).

Кн. Евфросинья (*одна*).

Насталъ мой часъ. Во прахѣ пресмыкаясь,
Я сберегла всю злобу за обиды
Несчетныя! Со стѣнъ моей тюрьмы
Сочилась кровь, мнѣ на сердце ложилась
И каждая росинка крови той
Змѣею подколодной становилась!
Приспѣло время! Выпущу я змѣй
И вспоенныхъ и вскормленныхъ тоскою
И злобой лютой на царя Ивана!
Елена! Будь жива ты,—смерти лютой
Ты запросила-бъ! Сынъ твой умираетъ...
Еще онъ живъ, а сына моего
Зовутъ на царство! Онъ сорветъ съ Ивана
Златыя бармы заживо и сядетъ
Владыкой мощнымъ на московскій столъ.
И мнѣ, взростившей сына въ заточеньи
Сырой тюрьмы, теперь принадлежитъ
Вся власть, вся сила вороговъ моихъ!
О, дьяволы проклятые! Теперь-то
Натѣшусь я, какъ тѣшилися мной!

(*Уходитъ*).

Картина седьмая.

1553 годъ.

Опочивальня царя Іоанна Васильевича. Большой покой. Слѣва лежитъ на лавкѣ, убранной камкой и бархатомъ, подъ парчевымъ покровомъ, больной Іоаннъ.

Іоаннъ больной, Царица Анастасія, Григорій Захарьинъ, Данило Захарьинъ, Сильвестръ въ глубинѣ.

Анастасія (*держитъ руку Іоанна*).

Въ огнѣ рука! Такъ полымемъ и пышетъ!
Глаза горятъ...

Іоаннъ.

Испить мнѣ...
(*Царица подаетъ питье*).

Царица.

Государь!
Полегче-ль стало?

Іоаннъ.

Душно... Голова...
О, Господи... помилуй!
(*Впадаетъ въ забытье*).

Анастасія (*тихо плача*).

Дядя! братецъ!...
Что дѣлать мнѣ? Его не узнаю я...
Мнѣ душу рветъ на части стонъ его!

Григорій Захарьинъ.

Врача позвать...

Данило Захарьинъ.

Вонъ попъ стоитъ, какъ стражникъ.
Онъ не пропуститъ дохтура къ царю.

Анастасія.

Отецъ Сильвестръ! Я долго покорялась
Твоимъ словамъ. Но если снова ты
Претить намъ станешь—дохтурскую помощь...
Я прикажу привесть врача насильно!

Сильвестръ (*заступая дорогу*).

Когда Господь судилъ царю снести
Болѣзнь тяжелую, снесетъ и безъ врача.
А коли Онъ обрекъ его на смерть—
Противиться святой Господней волѣ
И мудростью ничтожной человѣка
Всевышняго десницу устранять—
Грѣшно, царица! Милостивъ Господь!

Григорій Захарьинъ.

Вамъ на руку кончина государя.

Сильвестръ.

Смиреніемъ отвѣчу на такія
Твои слова.

Григорій Захарьинъ.

Смиреніе твое,
Отецъ Сильвестръ, не больно-то душевно!
Гляди, какая смута! Половина
Бояръ и воеводъ, друзей твоихъ,
Не хочетъ цѣловать креста, а ты
Молчишь, отецъ. Не гоже такъ чинить!
Ты вспомнилъ бы добро царя Ивана...
Поговорилъ съ боярами!

Сильвестръ.

Не наше,
Бояринъ, дѣло разсуждать о томъ:
Я Господу молюсь и не мѣшаюсь
Въ дѣла мірскія.

Григорій Захарьинъ.

Полно, такъ ли?

Сильвестръ.

Такъ!

Анастасія.

Тебя, Сильвестръ, я чтила, какъ отца,
А ты меня и съ сыномъ отдаешь
Безъ жалости врагамъ моимъ на жертву,
Господь тебѣ судья!

Сильвестръ.

И Онъ разсудитъ,
Меня съ тобой, царица! Ты меня,
Какъ Евдокія гнала Златоуста,
Давно ужь гонишь...

Іоаннъ (*въ бреду*).

Ратники Господни!
Нашъ вѣетъ стягъ надъ башнями Казани!

Анастасія.

Царь-государь... Опомнись... Оглянись...
Ты здѣсь, въ Москвѣ, въ своей опочивальнѣ.

Іоаннъ.

Цѣлуйте крестъ... Измѣнники... я знаю...
Я знаю васъ... христопродавцы...

Анастасія.

Боже!
Зачѣмъ я дожила до этихъ дней?

Іоаннъ.

Не люди... Богъ... вѣнчаетъ государей...
Вамъ не сорвать вѣнца...
Димитрій... сынъ!
Что станется съ тобою... Охъ!... испить...
(*Царица подаетъ ему питье. Онъ затихаетъ*).

Сильвестръ.

Царица! Отойди отъ государя...
Должно насталъ его послѣдній часъ

Іоаннъ (*открывъ глаза*).

Нѣтъ, живъ пока... Захарьинъ! Подойди
Сюда поближе... Цѣловали крестъ?

Григорій Захарьинъ.

Мстиславскій, Воротынскій цѣловали...
(*Входитъ Воротынскій*).

Воротынскій.

Съ боярами пріѣхалъ князь Владиміръ—
Дозволишь ли войти къ тебѣ...

Іоаннъ.

Зови!

Анастасія.

Пречистая! помилуй! заступи!
(*Входитъ кн. Владиміръ Андреевичъ и всѣ бояре, кромѣ Курлятева*).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Спаси тебя Господь, великій царь!
Каковъ ты нынче въ здравіи своемъ?
(*Іоаннъ слабо киваетъ головой и въ изнеможеніи откидывается*).

Адашевъ (*Сильвестру*).

Честной отецъ! Онъ дня не проживетъ.
(*Сильвестръ вздыхаетъ*).

Іоаннъ (*слабымъ голосомъ Воротынскому*).

Бояринъ... князь Владиміръ Воротынскій!
Чини... какъ я... сказалъ тебѣ...

Кн. Воротынскій.

Бояре!
Великій государь и самодержецъ
Всея Руси, царь Іоаннъ Васильичъ,
О земскомъ дѣлѣ и строеньи царства
Вельми радѣя, памятуя близкій
Свой смертный часъ, изволилъ указать:
На цѣловальной записи, въ которой
Царевичу и сыну своему,
Димитрію, приказываетъ царство,
Вамъ присягать и крестнымъ цѣлованьемъ
Присягу ту на вѣки утвердить.
Ты первый, государь и князь Владиміръ
Андреевичъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Бояринъ Воротынскій!
Той записи въ глаза я не видалъ.

Кн. Воротынскій.

Такъ вотъ она. Наслѣднику цареву
И своему племяннику ты первый
Клянись служить до смерти и до крови!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Какъ и кому служить—указчикъ мнѣ
Единый Богъ...

Кн. Воротынскій.

И Богъ тебѣ велитъ
Законному царю повиноваться.
Мы за тобой стоимъ. И мнѣ тебя
Учить гораздо-ль?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Не гораздо, князь!
Я царскій братъ! Такъ вмѣстно-ль мнѣ тебя,
Холопа, слушать?

Кн. Воротынскій.

Душу далъ свою я
Царю Иванъ-Васильичу и сыну
Его Димитрію, моимъ да и твоимъ
Единымъ государямъ! Ихъ велѣньемъ
Съ тобою говорю, за нихъ стою
И имъ однимъ служу! А доведется —
Не только что указывать тебѣ,
А драться буду!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Ты, холопъ, со мною?!
Со мною драться!

Петръ Щенятевъ.

Не царю служить,
Захарьинымъ ты, видно, обѣщался!

Кн. Пронскій Турунтай.

А мы служить боярамъ не хотимъ!
Довольно съ насъ былого!

Кн. Курбскій.

Государь!

Мы твоего царевича беречь
Цѣлуемъ крестъ, но нашимъ государемъ,
Властителемъ Руссіи, не младенцу
Быть надлежитъ...

Одни бояре.

Захарьины писали
Ту запись цѣловальную себѣ,
Пускай и присягаютъ.

Захарьинъ.

Присягнули
Еще вчера со многими...

Кн. Щенятевъ.

Еще бы!

Кн. Турунтай.

Самимъ себѣ все царство записали,
Какъ вотчину...

Одни бояре.

Мы не хотимъ служить
Захарьинымъ... Повыше ихъ есть родомъ...
Не вмѣстно намъ... Креста мы не цѣлуемъ...

Кн. Мстиславскій.

И мы, бояре, цѣловали крестъ
Не Юрьевымъ-Захарьинымъ, а сыну
Царя Ивана...

Другіе бояре.

Выростетъ царевичъ.
Егоже царство... служимъ мы ему...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

А до тѣхъ поръ Данилѣ да Никитѣ
Захарьинымъ?

Кн. Пронскій-Турунтай.

А коль умретъ царевичъ?

Кн. Мстиславскій.

Не гоже такъ, князь Пронскій, говорить!
Цѣлуйте крестъ...

Одни бояре.

Не станемъ... Не хотимъ...

Кн. Палецкій.

Цѣлуютъ крестъ всегда предъ государемъ,—
Здѣсь государя нѣтъ...

Кн. Воротынскій.

Безстыжій воръ!
Измѣнникъ ты! Ты самъ вчера вечѐръ
На этомъ самомъ мѣстѣ присягнулъ,
А нынче на попятный... Я плюю
Тебѣ въ лицо за это, князь Димитрій.

Кн. Пронскій-Турунтай

(*Воротынскому*).

Съ отцемъ своимъ ты первый былъ измѣнникъ,
А нынѣ насъ къ кресту приводишь!

Кн. Воротынскій.

Да!
Измѣнникъ я—а вѣрою и правдой
Служу моимъ великимъ государямъ
Ивану да Димитрію, а ты,
Хоть и прямой да вѣрный человѣкъ,
Какъ подлый переметчикъ измѣняешь!
И стыдъ и срамъ! Князь Старицкій!
Коль ты
Креста не поцѣлуешь, я тебя
Не выпущу отсюда...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Не впервой
Боярамъ будетъ заточать меня!
Я помню ваши тюрьмы. Прикажите
Свести меня въ застѣнокъ, гдѣ отецъ
Задушенъ былъ по вашему велѣнью!

Кн. Воротынскій.

Тебѣ и честь и мѣсто уступаемъ...
Цѣлуй лишь крестъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Знакомыя слова!

Отецъ повѣрилъ—будетъ съ васъ.
А сыну
Ужъ вѣрить не приходится...
(*Шумъ и крики бояръ*).

Одни бояре.

Задушатъ!
И намъ не жить...

Другіе бояре.

Безстыдно такъ чинить!
Продажники!

Одни бояре.

Захарьинскіе смерды!

Іоаннъ (*слабо*).

Бояре!.. стойте... дайте мнѣ промолвить.
(*Князю Старицкому*)
Мой братъ... мой другъ.. за что же ты меня
Болящаго, безсильнаго покинулъ?..
Мнѣ не даешь... покойно... умереть?
Тебѣ я могъ бы приказать... насильно...
Но... не хочу... и Богомъ Всемогущимъ
Молю тебя...

Воротынскій и другіе бояре.

Великій государь!
Кого ты молишь...

Іоаннъ.

Князь Владиміръ! Братъ!
Тебѣ вручаю сына... Присягни...
(*Воротынскому*)
Владиміръ... дай... онъ... крестъ цѣлуетъ...
(*Воротынскій подаетъ ему крестъ*).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Нѣтъ!

Іоаннъ (*въ изнеможеніи*).

Такъ отвѣчай-же самъ ты передъ Богомъ...
Душой... твоей!.. Мнѣ до того... нѣтъ... дѣла...
(*Ослабѣваетъ*)
Предъ Господомъ... предстану скоро я...
И узритъ Онъ... страданія мои...

И будетъ Онъ защитникомъ сиротскимъ...
(*Склоняется головой на изголовье*).

Кн. Воротынскій.

Бояре! Къ вашей чести я взываю,
Боярской чести вашей: присягайте!
Цѣлуйте крестъ...

Князь Пронскій Турунтай

Не станемъ!

Одни бояре.

Не цѣлуемъ!

Кн. Мстиславскій.

Отъ вѣка воры! Душу продаете
Вы сатанѣ...

Другіе бояре.

Отсюда не уйти
Ни одному, креста не цѣловавши!
(*Шумъ и крики.*)

Кн. Воротынскій (*со слезами*).

О горе мнѣ великое! Зачѣмъ
Привелъ Господь вернуться съ поля брани?
Зачѣмъ велѣлъ мнѣ видѣть поруганье
Боярской чести? Стыдно мнѣ за васъ!
Холопъ простой покойно умираетъ:
Кто ни придетъ, спокойствіемъ и миромъ
Старается украсить смертный часъ!
А государь въ безпамятствѣ, въ болѣзни,
Не вѣдаетъ ни мира, ни покоя!
Такъ пусть на васъ проклятіе земли
На вѣкъ пятномъ неизгладимымъ ляжетъ!

Кн. Курбскій (*злобно, громко*).

Иль мало намъ и слезъ, и горя было,
Когда рука царя была отъ дѣтства
Такъ немощна, какъ немощна теперь
Отъ злой болѣзни? Иль безумствомъ новымъ
Вы вновь хотите ввергнуть въ бездну золъ
Годинами тяжелыхъ испытаній
Измученную землю? О, бояре!
Предъ Богомъ мы отвѣтимъ, если клятву

Нарушимъ мы. А нарушать придется!
Такъ лучше жь намъ совсѣмъ не присягать!
Я первый отрекаюсь...

Кн. Воротынскій.

Еслибъ здѣсь
Я могъ мечемъ работать, какъ въ бою,
Тебѣ бы въ глотку вбилъ твои слова я
И залилъ бы ихъ кровію твоей!...
Небось, безъ споровъ цѣловали крестъ
Исполненному силы государю!
Устрашены могуществомъ его,
Клялись иныхъ властителей невѣдать,
Опричь его и сына! Нынѣ-жь, видя
Его безсильнымъ, подлые рабы
Забыли всё и дьявольскою рѣчью
Свою измѣну обѣлить хотятъ!
Бояре, цѣловавшіе вчера
Крестъ государю, обступите ложе!
Пусть ни одинъ изъ нихъ (*указываетъ на другихъ бояръ*)
не подойдетъ,
Не осквернитъ своимъ прикосновеньемъ
Болящаго царя, и не увидитъ
Его очей, и не услышитъ вздоха
Послѣдняго вѣнчаннаго страдальца.

(*Бояре обступаютъ царское ложе. Остальные съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, Пронскимъ и другими остаются въ сторонѣ; по срединѣ Сильвестръ и Адашевъ.*)

Кн. Пронскій Турунтай.

И за живаго также уцѣпятся...

Кн. Палецкій.

Легко владѣть младенцемъ.

Кн. Курбскій.

Отойдите!
Не на царя, на Юрьевыхъ идемъ...
(*Крики.*)

Адашевъ.

Коль мы дадимъ крестное цѣлованье,
Мы Русь погубимъ. Государь теперь
Глядитъ на все туманнымъ окомъ смерти.

Не видитъ онъ, что станется съ землею,
Когда престоломъ будетъ—колыбель.

Царица Анастасія (*рыдая*).

Бояре! Буду Господу молиться,
Чтобъ жены ваши не терзались такъ,
Какъ вы меня заставили терзаться!
Вы сердце въ клочья изорвали мнѣ,—
То сердце, что за васъ всегда болѣло!
Я плакалась горючими слезами
Не разъ, не два за васъ предъ государемъ,—
Пускай теперь поплачу передъ вами
За мужа и за сына. Объ одномъ
Молю я васъ усердно: не томите!
Кто подобрѣй, въ комъ не застыла кровь,
Кто пожалѣтъ меня хоть малость можетъ, —
Ударь меня ножемъ, покончи разомъ.
(*Іоаннъ стонетъ.*)

Адашевъ.

Царица! Государыня! помилуй.

Анастасія.

Адашевъ, первый ты! Тебѣ способнѣй,—
Ты ближе всѣхъ стоялъ при государѣ...

Сильвестръ.

Безуміе! Царица, постыдись!

Анастасія.

Честной отецъ! Царица Евдокія
Стыда не знаетъ! Дай благословенье
Убить меня за всѣ твои гоненья!

Кн. Владим. Андр.

Царица...

Анастасія.

Князь Владиміръ! Отъ тебя
Хочу я смерти! Много передъ тобой
Я виновата: подарила сына
Царю Ивану! Преградила путь
Тебѣ къ престолу! Ты убей! Ты вправѣ!
Не хочешь, князь? И нѣтъ ни одного,
Кто-бъ прекратилъ тоску мою и муку?

Не мучайте... Пускай не вижу я
Царевой смерти, вашего насильства
И гибели царевича!... Я—мать...
Хоть не царицу—мать вы пощадите!
Мнѣ каждый мигъ на части сердце рветъ,
Душа изныла. Именемъ Господнимъ
Молю о смерти... Сжальтесь надо мной!
(Глухо рыдая, падаетъ къ ногамъ царя.)

Іоаннъ *(какъ бы въ бреду).*

Господень гнѣвъ... Господне наказанье!...

Кн. Курбскій.

Нѣтъ силъ моихъ... *(Воротынскому)*:
Бояринъ князь Владиміръ!
Цѣлую крестъ. *(Цѣлуетъ крестъ. Нѣкоторые бояре за нимъ.)*

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Захарьинымъ, князь Курбскій?

Кн. Воротынскій *(поднимая крестъ).*

Христомъ распятымъ заклинаю васъ
Въ послѣдній разъ: одумайтесь, бояре!

Мстиславскій и другіе бояре.

Дойдемъ до крови...

Кн. Турунтай и первые бояре.

Отойдите прочь...
Мы не хотимъ... Не станемъ... Допустите
И насъ къ царю.

Кн. Воротынскій.

Щенятевъ! Турунтай!
Князь Старицкій! Предъ всѣми говорю:
Кто ступитъ шагъ къ царю, того на мѣстѣ
Я положу... *(Обнажаетъ мечъ.)*

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Я голову съ тебя
Сорву, проклятый... Допусти къ царю.

Кн. Воротынскій.

Цѣлуй сначала крестъ! Ты умыслъ держишь!
Братоубійца! Каинъ! Хочешь ты—

Болящаго тревогою и страхомъ
Убить... *(заступая ему дорогу)* Не смѣй...

Одни бояре.

Пусти къ царю...

Другіе бояре.

Бояре!
Идите прочь...

Кн. Мстиславскій.

Князь Старицкій! Назадъ!
Ты призывалъ къ себѣ дѣтей боярскихъ,
Ты раздавалъ имъ деньги. На царя
Ихъ поднималъ!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Я властенъ раздавать
Мое добро, кому хочу, холопъ!
Не на царя я умыселъ держу,
Захарьинымъ я связываю руки,
И не однихъ дѣтей боярскихъ,—нѣтъ!—
А всю Москву я подниму на нихъ!

Д. Захарьинъ *(со страхомъ).*

Великій государь...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Въ послѣдній разъ:
Пусти къ царю!

Кн. Воротынскій.

На шагъ не допущу,
Клянись сперва...

Сильвестръ.

Не гоже такъ чинить!
Кто смѣетъ брата къ брату не пускать!
Князь Старицкій царю добра желаетъ.

Іоаннъ *(со стономъ).*

Сильвестръ! Сильвестръ! Духовный мой отецъ!
(Захарьинымъ.)
Захарьины! Постойте за меня...
Постойте за царицу.—О, Григорій!
Умру—ты будешь первымъ мертвецомъ.

Бояре *(со страшнымъ крикомъ).*

Цѣлуйте крестъ... Владиміру цѣлуемъ...
Прочь отъ царя... Предатели!.. Злодѣи!
Измѣнники!.. Крамольники!..

Іоаннъ *(собравшись съ послѣдними силами).*

Бояре!
Кто вѣренъ мнѣ... кто крестъ мнѣ цѣловалъ,
Бѣгите съ сыномъ за рубежъ...
Спасите...
Въ иныя земли...
(Падаетъ безъ силъ.)

Кн. Воротынскій.

Князь! Живой иль мертвый,
А ко кресту приложишь ты уста.

Іоаннъ *(въ бреду).*

Димитрій... Сынъ... Царица... Умираю...

Бояре.

Стрѣльцовъ сюда... Проклятые... Вяжите...
Владиміра на царство... Государь
Безъ памяти... Да здравствуетъ Владиміръ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина восьмая.

1553 годъ.

ДЕКОРАЦІЯ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СЦЕНЫ.

(*Царь Іоаннъ, блѣдный, сильно измѣнившійся послѣ болѣзни, сидитъ на скамьѣ, покрытой камкой. Въ рукахъ его псалтырь.*)

Іоаннъ.

Напрасно я ищу въ словахъ священныхъ
Прощенія и благости. Душа
Исполнена тяжелою обидой,
И не могу, не въ силахъ я прощать!
За что? За что? За кротость и смиренье,

За милости великія и ласки...
Недѣли не прошло, передо мной
Стояли всѣ съ покорностью и страхомъ.
Казалось, взглядъ мой, слово, мановенье—
Въ огонь пойдутъ, другъ друга и себя,
Самихъ себя мнѣ въ жертву принесутъ!
Въ суровости я каялся предъ ними,
И вотъ конецъ! Не давши умереть
И крестное забывши цѣлованье,
Ужь новаго на царство выбираютъ!
Надъ горестной царицею смѣются,
Царевича пытаются сгубить...
Я живъ еще, а ужъ они хоронятъ...

(Встаетъ.)

Но какъ винить бояръ, когда Адашевъ!...
Я вытащилъ его изъ грязи, я
Ему вручилъ надъ Русью самовластье,
Всѣ помыслы и думы безъ утайки
Открылъ ему, поставилъ ближе брата,
Любилъ его, какъ сына своего...
О Алексѣй!... (*Поникаетъ головой.*)
Что сдѣлалъ ты со мной?
Когда-бъ вся Русь возстала на тебя,
Тебя я не покинулъ бы. А ты?
Молчалъ! Молчалъ, когда мнѣ душу рвала
Боярская измѣна! Хитрымъ окомъ
Глядѣлъ на всѣ терзанія мои!
Любимый мой—меня ты продалъ первый!

(Входитъ Сильвестръ.)

А! вотъ другой! Мнѣ душу исправлять,
Должно, пришелъ! Врачъ, исцѣлися самъ!

(*Садится и углубляется въ чтеніе.*)

Сильвестръ (*останавливается у входа*).

Такъ, сыне, такъ! Прилежнымъ упражненьемъ
Въ священныхъ книгахъ обрѣтаемъ мы
Покой и миръ душѣ мятежной. Ты же,
Возставъ съ одра, нуждаешься въ притокѣ
Духовныхъ силъ. Пожретъ молитва сердце,
И сердце да пожретъ молитву! Отъ сѣтей
Врага Христова охранитъ тебя
Усердное и слезное моленье.

Іоаннъ (*кладетъ книгу и долго смотритъ на Сильвестра*).

Честной отецъ! Хочу тебя спросить:
Что-бъ дѣлалъ ты, когда бъ Господь велѣлъ мнѣ
Къ себѣ предстать?

Сильвестръ.

Молился-бъ о тебѣ.

Іоаннъ.

И только?

Сильвестръ.

Что-жь еще? Молитва—все.

Іоаннъ.

А если бы, отецъ, въ твоихъ глазахъ
Жену и сына вороги мои
Коварными дѣлами изводили,
Ты все молился бъ, ни единымъ словомъ
Имъ не былъ бы заступникомъ?

Сильвестръ.

Но кто-жь
Твои враги?

Іоаннъ.

Ты ихъ, отецъ, не знаешь?

Сильвестръ.

Не знаю, царь.

Іоаннъ.

И вѣдомо, отецъ!
Гдѣ знать тебѣ! Твои друзья не могутъ
Мнѣ зла желать. Они, желая блага,
Да кстати и кончины поскорѣе,
Дѣлили царство и престолъ наслѣдный
У сына отнимали! Мой вѣнецъ,
Мнѣ Господомъ дарованный отъ вѣка,
Владиміру безправно предлагали,
И буйнымъ самовластвомъ омрачали
Мой часъ предсмертный,... Все, желая блага,
Ты, мой отецъ, и Алексѣй Адашевъ
Безмолвіемъ и умываньемъ рукъ
Въ борьбѣ съ крамолой помогали мнѣ,
Безсильному, болѣзному страдальцу!!...

Сильвестръ.

Всевышній Богъ зритъ правду дѣлъ моихъ, —
Я чистъ стою!...

Іоаннъ.

Не больно чистъ, отецъ!

Сильвестръ.

Служителю Господню не подобно
Рукъ прилагать ко суетнымъ дѣламъ.

Іоаннъ.

Во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ, въ войнѣ и мирѣ,
Въ строеньи земскомъ ты своимъ совѣтомъ
Не оставляешь грѣшнаго меня,—
Что-жъ нынѣ ты смиренно отстраняешь
Отъ тѣхъ же дѣлъ всѣ помыслы свои?

Сильвестръ.

Ты самъ, великій царь, меня поставилъ,
Чтобъ я тебѣ совѣтникомъ своимъ
Служилъ посильно...

Іоаннъ.

Иль мое лицо,
Мой скорбный взглядъ о томъ же не молили,
Когда при дикомъ гиканьи боярскомъ
Безгласенъ и безмолвенъ я лежалъ?

Сильвестръ.

Великій царь...

Іоаннъ.

Царица Анастасья
О помощи тебя ли не просила?
Не мой ли сынъ за помощью къ тебѣ
Младенческія руки простиралъ?
Не за меня-ль вся Русь въ великой скорби
Къ тебѣ взывала? Но отецъ Сильвестръ
Неслышащимъ, незрящимъ притворился
И продалъ насъ...

Сильвестръ.

Великій государь!
Твои-ль слова?

Іоаннъ.

Мои, честной отецъ!
Въ душевной глубинѣ я схоронилъ
Огонь и пылъ природный. Съ покаяньемъ,
Съ покорностью слѣпой я поручилъ
Тебѣ мой умъ и волю. Подъ тобой
Я жилъ, какъ сынъ подъ отчею рукою,
Но сынъ отцомъ покинутъ быть не можетъ
Въ столь горькій часъ! А ты, наставникъ мой,
Ты, мой отецъ, отъ сына своего
Безжалостно, бездушно отступился!
За что, отецъ? что сдѣлалъ я тебѣ?
Спасенъ отъ смерти Божьимъ изволеньемъ,
Я радостью исполниться бы могъ,
Но смерть царитъ во мнѣ! Отецъ, отецъ!
Мнѣ легче вновь перенести былое,
Тревогу о супругѣ, поруганье
Безчинное боярства моего,
Сиротство сына и кончины близость,
Чѣмъ вспоминать, какъ ты бездушнымъ окомъ
На всѣ мои терзанія глядѣлъ!

(*Опускаетъ голову на руку.*)

Сильвестръ (*послѣ молчанія*).

Дозволь уйти въ обитель, государь!

Іоаннъ.

Зачѣмъ, отецъ? При помощи боярской
Тебѣ легко занять митрополичье
Сѣдалище и—царскій мой престолъ
Къ нему въ добавокъ.

Сильвестръ.

Я не обольщаюсь
Земнымъ величіемъ и честолюбья нѣтъ
Въ моей душѣ. Великій государь,
Я удалюсь. Суровыми словами,
Стуженьемъ о боярахъ и землѣ
Претить тебѣ не стану. На просторѣ
Владычествуй—и, удержу не зная,
Твори свою на государствѣ волю. (*Идетъ.*)

Іоаннъ (*въ сильной борьбѣ*).

Гдѣ-жъ истина? Онъ правъ—иль голосъ тотъ,

Что день и ночь звучитъ въ моихъ ушахъ...
(*Сильвестру.*)
Отецъ, отецъ! Спаси меня! Нѣтъ силъ...
Я ослѣпленъ. Я истины не знаю.
О, мой отецъ! невѣдомое что-то
Во мнѣ творится. Кровь моя кипитъ!
Мнѣ чудятся таинственные звуки:
Они зовутъ меня къ такимъ дѣламъ,
Какихъ Господь благословить не можетъ.
Я власти жажду,—полной, грозной власти,
Безъ удержу, безъ строгаго запрета!
Законы Божьи тяжкими цѣпями
Лежатъ на мнѣ! Стремится разорвать
Бурливая природа цѣпи эти!
Прощенья нѣтъ... Отмщенье за обиды
И казни мнѣ мерещатся. Нѣтъ силъ
Бороться долго съ бурею душевной.
Ты знаешь ли, что въ этотъ самый мигъ
Я злобою такою преисполненъ,
Что смерть грозитъ...

Сильвестръ.

Кому?

Іоаннъ.

Тебѣ, отецъ!
(*Молчаніе. Оба смотрятъ другъ на друга.*)
Волнамъ морскимъ прибрежные утесы
Разлиться не даютъ, и грудь о грудь
Волна и камень борятся отъ вѣка,
Такъ мы съ тобой! Страстей кипящихъ пылъ
Грозитъ твоей холодности суровой!
Грѣховныя и бурныя волненья
Моей души отъ мощности священной
Твоей, отецъ, сильнѣе свирѣпѣютъ,
Мнѣ сердце пожираютъ и огнемъ
Палятъ меня... Что дѣлать мнѣ, отецъ?
Какъ совладать мнѣ съ этой страшной мукой?
(*Рыдаетъ.*)

Сильвестръ.

Собрались здѣсь враги твои, — ты самъ
Ихъ такъ зовешь:—княгиня Евфросинья,
Князь Старицкій и прочіе бояре.
Что сдѣлаешь ты съ ними?

Іоаннъ.

Ты, отецъ,
Ты спрашиваешь, что? Искореню
Ихъ родъ проклятый! По вѣтру развѣю
Я пепелъ ихъ! Псамъ брошу на съѣденье!

Сильвестръ.

И вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ—позабудь
Покой душевный! Какъ песокъ морской,
Умножатся тогда твои страданья!
Здѣсь, на землѣ, ты испытаешь все,
Что грѣшники въ аду претерпѣваютъ!..
Господь велѣлъ прощать своимъ врагамъ.

Іоаннъ.

Иди, честной отецъ, иди отсюда!
Плохое время выбралъ ты... Иди!

Сильвестръ.

Предвижу раззоренье царства! Нѣтъ
Строенья тамъ, гдѣ нѣтъ любви и мира!
(*Уходитъ.*)

Іоаннъ (*одинъ*).

(*Долго смотритъ вслѣдъ Сильвестру, потомъ кладетъ руку на книгу.*)

Въ писаніи священномъ, въ древнихъ книгахъ
Я отыскалъ свои права и твердо
На нихъ я стану. Пращуръ Мономахъ,
Дѣдъ Іоаннъ и многіе иные
Державцы русскіе—мнѣ указали путь
И дѣло мнѣ святое завѣщали:
Русь укрѣпить подъ властною рукой.
Они собрали землю—мнѣ осталось
Послѣднимъ камнемъ зданье увѣнчать.
Зачѣмъ же мнѣ претятъ такое дѣло?
Иль кровь бояръ, крамольныхъ и продажныхъ,
Дороже, чѣмъ завѣтъ отцовъ державныхъ?
О! даруй ми, рабу твоему, Боже,
Давида силу, мудрость Соломона,
Могущество царьградскихъ государей
И Августа умѣнье царствомъ править,
Да вознесу высоко тронъ наслѣдный,
Лишь отъ Тебя дарованный, Тебѣ лишь

Покорный и подвластный!

(*Становится на колѣни.*)

Боже сильный!

Душа моя открыта предъ Тобой!
Единый Ты читаешь въ ней и знаешь,
Какъ тяжко мнѣ! Отъ младости моей
Я окруженъ крамолой и измѣной!
Мятежники за мой вѣнецъ наслѣдный
Безбожною хватаются рукою!
Своей пятой холопской наступаютъ
На мой престолъ—и мыслятъ на меня.
Даруй ми, Боже крѣпкій, одолѣнье
На хищниковъ! Сподоби мя, Владыко,
Стереть съ лица земли и истребить
Изъ рода въ родъ враговъ самодержавства!
Твоимъ бо изволеніемъ родился,
На царствѣ я—однимъ Тобой помазанъ!

(*Встаетъ.*)

(*Входитъ Анастасія съ боярынями.*)

Анастасія.

Великій государь, къ тебѣ пришла я
Съ моленьемъ слезнымъ.

Іоаннъ.

Говори!

Анастасія.

Дозволь
Наединѣ остаться намъ.

(*Боярынямъ*):

Ступайте.

(*Боярыни уходятъ.*)

Великій государь! Тебѣ печалюсь
Я за бояръ.

Іоаннъ (*поднимаясь, изумленно*).

Ты? за бояръ?.. Настасья!
Въ умѣ ли ты?

Анастасія.

Великій государь!
Того ужь нѣтъ, что было! Ты здоровъ.
Такая радость сердце умягчаетъ!
Останься чистъ отъ крови.

Іоаннъ.

Анастасья!
Ты съ ними за одно?

Анастасія.

Нѣтъ, государь,
Я лгать не стану! И во мнѣ была
Не злоба,—нѣтъ, а тяжкая обида.
Но я на сына Дмитрія взглянула,
И сердце сжалось, замерла душа,—
Шли на него! Изъ-за него и кровь...
Изъ-за него, невиннаго младенца!
И на него проклятья вдовъ, сиротъ...
Я не уйду! У ногъ твоихъ прощенье
Я вымолю. Ты не откажешь мнѣ!..
(*Становится на колѣни.*)
Сними съ души тоску и страхъ! Прости!
Пускай благословенья,—не проклятья,—
Осыпятъ сына! Новымъ милосердьемъ
Смягчи сердца измѣнниковъ твоихъ!
Печалюсь со слезами, государь!
Прости врагамъ, какъ имъ Господь прощаетъ.
(*Цѣлуетъ его руку.*)

Іоаннъ.

Царица, слушай! Знаешь ты иль нѣтъ,
Тебѣ самой что прочили бояре?

Анастасія.

Нѣтъ, государь, не знаю.

Іоаннъ.

Постриженье!
А сыну—смерть. Что если завтра вновь
Недугомъ тяжкимъ буду пораженъ я,—
Кто твой заступникъ?

Анастасія.

Память о тебѣ,
О государѣ благостномъ и добромъ.
Прости боярамъ!

Іоаннъ.

Нѣтъ, царица, нѣтъ!

Анастасія.

Не такъ они виновны, государь,
Какъ думаешь. Они о государствѣ—
Не о себѣ заботились. Ты самъ
Не разъ мнѣ говорилъ, какъ тяжко было
Твоей землѣ, когда ты молодъ былъ.
Того-жь они боялись. Но теперь
Ты живъ, здоровъ. Немного лѣтъ пройдетъ,
Забудешь ты тревогу и смятенье,
И самъ ты пожалѣешь воеводъ,
Погибшихъ отъ тебя по неразумью...

Стольникъ (*входитъ*).

Великій царь! По твоему указу
Тотъ прибылъ старецъ...

Іоаннъ.

Гдѣ онъ?

Стольникъ.

Въ той избѣ,
Какъ указать изволилъ ты.

Іоаннъ.

Ступай.
(*Стольникъ уходитъ.*)

Ты слышишь, Анастасья? я не смѣю
Въявь видѣться съ кѣмъ похочу! За мной
Такой присмотръ, что долженъ я украдкой
Друзей отцовскихъ звать къ себѣ. А ты
О милости печалишься! Не милость—
Имъ казнь нужна.

Анастасія.

Ты ихъ простишь?

Іоаннъ.

Посмотримъ!
(*Уходитъ.*)

Анастасія (*одна*).

Проститъ! Я вижу по всему, проститъ!
Нѣтъ выше счастья въ свѣтѣ отплатить
Добромъ за зло, прощеньемъ за обиду...
(*Входятъ Адашевъ и Сильвестръ.*)

Сильвестръ.

Довольна ли, царица Анастасья
Романовна?..

Анастасія.

О чемъ ты говоришь,
Честной отецъ?

Сильвестръ.

О томъ же все, царица!
Издревле государыни бывали
Заступницами въ гнѣвѣ мужнемъ. Ты
Забыла, видно, добрый тотъ обычай?
Не на добро,—на зло царя ведешь
И душу губишь царскую! Ты братьевъ,
Захарьиныхъ, щадишь и бережешь,
А прочихъ всѣхъ известь готова! Крови
Тебѣ, царица, нужно! Ты воздвигла
Гоненія неслыханныя! Ты
Повинна передъ Богомъ въ нашемъ горѣ!

Анастасія.

Честной отецъ! Ты мнѣ ли говоришь?

Адашевъ.

Мы головы свои тебѣ, царица
Настасія Романовна, готовы
Отдать безъ спору. Пощади лишь прочихъ.
Не принимай великаго грѣха.

Сильвестръ.

На лучшихъ воеводъ земли Московской
Царя ты опаляешь! Стыдъ тебѣ!

Анастасія.

Иль разума лишилась я? Иль уши
Мнѣ лгутъ, Адашевъ? Что ты говоришь,
Отецъ Сильвестръ? Я царскую опалу
Зову на васъ?

Адашевъ.

Господь тебя суди!
Виновны мы, нѣтъ спору! О Руси
Была забота наша, не о томъ
Кому сидѣть на царствѣ: Іоанну-ль,

Димитрію-ль, Владиміру-ль. Мы землю
Сберечь хотѣли—въ томъ мы виноваты!
Блюстителя надежнаго искали,
А ты, царица, думала о томъ,
Какъ сыну быть.

Анастасія.

Бояринъ Алексѣй!
Довольно! Замолчи! Не гоже слушать
Царицѣ, государынѣ твоей,
Такія рѣчи дерзкія! Не стану
Предъ вами обѣляться! Видитъ Богъ,
Что̀ мыслю я, о чемъ предъ государемъ
Сейчасъ въ слезахъ колѣна преклоняла!
Вы землю берегли-ль, того не знаю,
Но видѣла, у сына моего,
Рожденнаго на царствѣ, вы хотѣли
Отнять вѣнецъ наслѣдный! У супруга
Больнаго и скорбящаго—толпою
Собрали вы всѣхъ недруговъ его!
Моимъ слезамъ смѣялись, а теперь
Дерзаете жестокой укоризной,
Неправедной, презрѣнной клеветой
Меня чернить? Забылись вы! Не мнѣ
Вамъ отвѣчать! Супругѣ государя
И слушать-то не слѣдъ такихъ рѣчей!

Сильвестръ (*въ сторону*).

О, Маріамна!

Анастасія.

Я челомъ ударить
Могла-бъ царю...

Адашевъ.

Твое приспѣло время,
Царица! Можешь отомстить за все.

Анастасія.

Не мнѣ, царицѣ, мстить моимъ холопамъ,
Я государю слова не скажу.
Коль совѣсть въ васъ не вовсе умерла,
Она вамъ отомститъ. Я васъ прощаю.
Но чтобъ впередъ не смѣли вы ко мнѣ
И подходить съ допросомъ иль указомъ!
Въ васъ страха нѣтъ: добра я и кротка,

Но мѣра есть и кротости, и благу!
У ногъ моихъ въ слезахъ молить должны вы
О милости! Я долго выносила
Гордыню вашу! Знайте же, отнынѣ
Съумѣю я вамъ мѣсто указать.
(Уходитъ.)

Адашевъ.

Не быть добру! Но такъ или иначе
Рѣшитъ Господь—я чувствую одно:
Не о себѣ я мыслилъ, и въ измѣнѣ
Я не виновенъ. Смерть ли мнѣ грозитъ,
Иль тяжкая опала—передъ Богомъ,
Предъ совѣстью моей и передъ Русью
Я чистъ, отецъ.

Сильвестръ.

Господь насъ не покинетъ.
(Уходятъ. Входитъ Іоаннъ въ сопровожденіи Вассіана. Ветхій старецъ.)

Іоаннъ.

Войди сюда, честной отецъ и другъ.
(Входитъ Вассіанъ.)

Вассіанъ.

Давно въ тиши я отъ мірскихъ суетъ
Отрекся, сыне... Близокъ я къ могилѣ.
Не мнѣ давать совѣты государю
Премудрому, исполненному силы,
Всемощному властителю и сыну
Великаго правителя.

Іоаннъ.

Отецъ!
Я одинокъ. Всѣ ближніе мои
Мнѣ не мирвòлятъ. Знаешь ты бояръ.
Самъ при отцѣ покойномъ наглядѣлся
На ихъ дѣла. Помыслилъ я избрать
Пособниками въ тягостяхъ правленья
Людей не знатныхъ родомъ. Думалъ я,
Ихъ жалованьемъ жалуя великимъ,
Создать оплотъ незыблемый себѣ
И вѣрныхъ слугъ найти,—но какъ ошибся!
Они пошли съ боярами на дружбу
Великую. Я сталъ ихъ общій врагъ.

Что дѣлаютъ! Я власти не имѣю,
Я плѣнникъ есмь на тронѣ. Воли нѣтъ
Моей на нихъ. Худые ихъ совѣты
Въ великой чести, помыслы-жь мои,
Что не чета ихъ помысламъ куринымъ,
Въ великомъ небреженьи. Я не смѣю
Въ своемъ домишкѣ дѣлать, что хочу,—
Указкою указываютъ мнѣ,
Какъ ѣсть и пить, и разрушеньемъ царства
Грозятъ всечасно. При моей болѣзни
Владиміру отдать хотѣли царство
И сыну крестъ претили цѣловать.
Дай мнѣ совѣтъ, что дѣлать мнѣ!

Вассіанъ (*на ухо Іоанну*).

Беречься
Совѣтниковъ и добрыхъ, и худыхъ,
И смирныхъ, и строптивыхъ.

Іоаннъ.

Еслибъ живъ
Былъ мой отецъ, онъ лучшаго совѣта
Мнѣ-бъ дать не могъ.
(*Цѣлуетъ руку Вассіана.*)

Вассіанъ.

Отецъ твой, государь,
Наслѣдовалъ отъ дѣда самовластье
И даромъ Божьимъ не дѣлился съ тѣми,
Кѣмъ Богъ его поставилъ управлять!
Давно-ль, мой сынъ, на мелкіе удѣлы
Разбитая, во прахѣ предъ Ордой
Лежала Русь? Въ единую державу,
Могучую, сплотилъ ее твой дѣдъ.
Онъ не щадилъ ни силъ своихъ, ни крови
Ближайшихъ родичей. Онъ вдаль глядѣлъ
И ясно видѣлъ недреманнымъ окомъ,
Что эта кровь, какъ глина, свяжетъ зданье
Великое на многіе вѣка!
Зачѣмъ тебѣ совѣтники? Ты самъ
Мудрѣе всѣхъ и Господомъ помазанъ.
Предъ Русью не совѣтники въ отвѣтѣ,
А ты одинъ. Когда-жь ты власть свою
Вручилъ другимъ и рабскимъ послушаньемъ

Покоренъ имъ,—ты связанъ по рукамъ,
За ихъ дѣла предъ царствомъ отвѣчаешь.
Зачѣмъ тебѣ совѣтники? Одинъ
Господствуй надъ собою и надъ царствомъ!
Единъ Господь въ высокихъ небесахъ,
Единъ и царь быть долженъ на престолѣ.
Прости теперь и отпусти меня.

(*Уходитъ.*)

Іоаннъ (*одинъ*).

Вотъ истина и мудрость! Вотъ отвѣтъ
На всѣ мои терзанія: „Одинъ
Господствуй надъ собою и надъ царствомъ!“
Да будетъ такъ! Отнынѣ твердый духомъ,
Незыблемый, я исподволь начну
Освобождать измученную рабствомъ
Презрѣннымъ душу отъ тяжелыхъ рукъ
Совѣтниковъ моихъ да доброхотовъ!
Не слѣдъ спѣшить. Я съ милости начну.
А тамъ... Пускай не вѣдаютъ пока,
Что̀ затаилъ въ душѣ я! Пусть, какъ прежде
Потѣшатся надъ бабою-царемъ!
Настанетъ часъ—и въ грозномъ блескѣ власти
Явлюся я ихъ трепетнымъ очамъ!
Съ Сильвестромъ я по-старому начну
О всѣхъ дѣлахъ душевныхъ и тѣлесныхъ
Держать совѣтъ. Адашевъ, какъ и прежде,
Пусть мнитъ себя царемъ всея Руси,
Безмозглые пускай себѣ кичатся
До времени крамольники-бояре!
По-старому пусть все пока идетъ,—
Смиренный царь и властные холопы.

(*Бьетъ въ ладоши. Входитъ стольникъ.*)

Позвать бояръ.

(*Стольникъ идетъ къ дверямъ и отворяетъ.*)

Стольникъ.

Войдите, государи.

(*Входятъ: Сильвестръ, Адашевъ, князь Владиміръ Андреевичъ, князья Курбскій, Щенятевъ, Воротынскій, Палецкій и прочіе бояре. Всѣ молча кланяются. Іоаннъ сидитъ на скамьѣ. Долгое молчаніе.*)

Іоаннъ.

Не слѣдъ бы мнѣ, бояре, звать сюда васъ,

Да мнѣ не въ моготу еще покамѣстъ
Въ престольную палату выходить.
Не осудите! (*Молчаніе. Бояре стоятъ потупивъ головы, блѣдные.*)
Мужи философы,
Прославленные мудростью великой,
Учили познавать друзей въ несчастьи.
Заслуги нѣтъ быть вѣрными, когда
Намъ свѣтитъ солнце счастья и удачи;
Великая заслуга—не покинуть
Въ тяжелыхъ испытаніяхъ того,
Кто раньше былъ и славенъ, и могучъ... (*Молчаніе.*)
Недавно здѣсь, вотъ въ этой же палатѣ,
Я испыталъ всю вѣрность этихъ словъ.
И нынѣ я хочу вознаградить
Васъ, вѣрныхъ слугъ, за вашу добродѣтель,
Любовь ко мнѣ и къ сыну моему.
Поближе подойди ко мнѣ, Владиміръ
Андреевичъ! Что, матушка-княгиня
Здорова-ли?

Кн. Владиміръ Андреевичъ (*тихо*).

Здорова... государь.

Іоаннъ.

Скажи же ей, что за слугу такого,
Какимъ мнѣ былъ ты, сынъ ея, я много
Ей бью челомъ.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Великій государь!
Прости меня... Навѣтомъ злыхъ людей
Былъ наученъ... Мутилъ по малоумью.

Іоаннъ.

Кто старое помянетъ, князь Владиміръ,
Тому глазъ вонъ. Про что ты говоришь?
Я помню только, какъ со мною вмѣстѣ
Ты воевалъ Казань, какъ билъ Татаръ,
Какъ думалъ вмѣстѣ съ нами о дѣлахъ
Въ боярской думѣ. Жалую тебѣ
И роду твоему въ удѣлъ Верею,
Звенигородъ, Димитровъ и Усвятъ.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Великій государь! Не по заслугамъ...

Іоаннъ (*грозно*).

То знаю я! (*Адашеву*) Бояринъ Алексѣй
Θеодоровичъ! Много потрудился
О нашемъ дѣлѣ земскомъ ты. Отнынѣ
Моимъ большимъ бояриномъ и ближнимъ
Я жалую тебя. Князь Турунтай!
Ты билъ челомъ о вотчинахъ Рязанскихъ.
Ихъ жалую тебѣ. Князь Воротынскій!
Чего ты просишь? Смѣло говори!

Кн. Воротынскій.

Великій царь! Мнѣ нечего просить.
И то Господь великую утѣху
Послалъ мнѣ по грѣхамъ! Я вновь тебя
Здоровымъ вижу.

Іоаннъ (*встаетъ*).

Малая награда
Тебѣ за службу. Подойди сюда.
(*Воротынскій подходитъ. Іоаннъ цѣлуетъ его.*)
Бояре! На моемъ одрѣ болѣстномъ
Я далъ обѣтъ, коль Богъ меня проститъ,
Въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь
На богомолье съѣздить.
(*Тревога между боярами.*)

Сильвестръ.

Государь!
Далекій путь.

Іоаннъ.

Честной отецъ! Давно ли
Ты сталъ претить мнѣ подвиги о Богѣ?

Сильвестръ.

Господь вездѣ. Ты здѣсь молиться можешь,—
Не мало есть святынь и кругъ Москвы.

Іоаннъ.

Есть, говорятъ, въ Волоколамскѣ схимникъ—
Мужъ твердый въ вѣрѣ и сподвижникъ добрый
Покойному отцу.

Сильвестръ.

Какъ? Вассіанъ?

Іоаннъ.

Мнѣ съ нимъ давно хотѣлось повстрѣчаться,
Потолковать, какъ управлять землей.
Вы знаете, бояре, одному
Такое дѣло не подъ силу. Онъ же
Былъ при отцѣ.

Сильвестръ.

А мы тебѣ на что же?

Іоаннъ.

Умъ хорошо, два лучше.

Сильвестръ *(съ досадой).*

Вассіанъ...

Кн. Курбскій.

Сей злой чернецъ, губитель многихъ знатныхъ,
Повинный въ крови—Господа служитель!

Адашевъ.

Онъ, злобствуя, проводитъ дни въ хуленьяхъ.

Кн. Щенятевъ.

Онъ на добро наставить не съумѣетъ.

Кн. Курбскій.

Не по его-ль совѣту родъ князей
И Патрикѣевыхъ, и Ряполовскихъ,
И многихъ прочихъ, Рюрика потомковъ,
Изгибъ на вѣкъ?

Іоаннъ.

Ты, Курбскій, все о томъ
Твердишь скворцомъ, что княжескіе роды
Беречь должно, какъ бы зѣницу ока!
Кто-бъ ни былъ смутчикъ—знатный князь иль хамъ,
Едина мзда постигнетъ за измѣны.

Сильвестръ.

Нѣтъ, государь, не ѣзди. Если точно
Ты Господу желаешь угодить,

Такъ дѣло есть: не мало храбрыхъ пало
Подъ башнями Казанскими. Отъ нихъ
Осталися вдовицы и сироты.
Пожалуй ихъ, устрой! Господь на все
Зритъ окомъ недреманнымъ, и такое
Твое призрѣнье болѣе угодно
Ему, чѣмъ неразумный твой обѣтъ.

Іоаннъ.

Спасибо, мой отецъ, за поученье.
Я не оставлю воиновъ Казанскихъ
И семьи ихъ. А коль Господь поможетъ,
Я все-жь обѣтъ исполню.

Сильвестръ.

Государь!
О томъ обѣтѣ мужъ благочестивый
Максимъ, рекомый Грекъ, сказать велѣлъ,
Что коль поѣдешь—сына потеряешь.
(*Адашеву.*)
Бояринъ Алексѣй! Что-жь ты молчишь?
Не ты-ль со мною былъ?

Адашевъ.

Такъ, государь.
Давно ты мнѣ повѣдалъ свой обѣтъ
И повелѣлъ идти къ Максиму Греку
Спросить о томъ. И вотъ его отвѣтъ.

Бояре.

Не ѣзди, государь!

Іоаннъ.

Мой сынъ, бояре,
Бѣльмомъ у васъ, должно, сидитъ въ глазу.
(*Сдерживаясь*)
Отецъ Сильвестръ! Нелѣпыя гаданья
Противны Богу. Людямъ не дано
Грядущее извѣдать. Потому
Я такъ рѣшилъ: мы завтра выѣзжаемъ
Съ царицею и сыномъ въ монастырь.
Идите же, бояре. Не совсѣмъ
Оправился отъ тяжкой я болѣзни
И мнѣ покой потребенъ (*сквозь зубы*)... хоть теперь...

Кого забылъ я жалованьемъ нынче,
Попомню завтра.

Бояре (*кланяясь*).

Бьемъ тебѣ челомъ
На милости, великій государь.

(*Уходятъ.*)

Сильвестръ (*уходя, Адашеву*).

А ты сказалъ: пріѣхалъ Вассіанъ.

Адашевъ.

Не вѣдаю, отецъ. Одно я вижу:
Не государю гибельна болѣзнь,
А намъ съ тобой.

(*Уходятъ*).

Іоаннъ (*одинъ*).

О, Господи помилуй!
Великая вражда въ нихъ на меня!
Косятся какъ! Какъ смотрятъ изъ подлобья!
Кажись, живаго съѣли бы! А? Сынъ де
Умретъ, коль я обѣтъ, предъ Богомъ данный,
Нарушить не осмѣлюсь! Шутники!
Боятся Вассіана! Видно, знаютъ,
Какой совѣтъ мнѣ далъ бы другъ отца!
Имъ не по шерсткѣ! Всѣ продажны, всѣ!
Грозитъ Сильвестръ мнѣ разрушеньемъ царства,
Коль трону ихъ. Такъ, значитъ, долженъ я
Ихъ за крамолы гладить по головкѣ,
Да кланяться, да горькія обиды
Глотать смиренно? Боже! до чего
Униженъ я! Они забрали власть
Великую себѣ! И мнѣ предъ ними
Приходится хитрить и притворяться,
Ласкать и жаловать,—свята де кровь ихъ!
Ну, а моя? Священнѣй во сто кратъ
Собачьей крови ихъ моя держава
И голова вѣнчанная моя,
А на меня съ неслыханнымъ озорствомъ
Они подъемлютъ руку... То не грѣхъ?
Отецъ Сильвестръ! Слова святыхъ пророковъ
Умѣешь ты на пользу толковать
Измѣнникамъ и ворогамъ моимъ!

И слушаться тебя?! Какою силой
Ты въ душу мнѣ забрался и стоишь,
Какъ стражъ надъ каждой думою моей?
Одно хочу,—а дѣлаю другое.
Очаровалъ мой умъ лукавый попъ
И ничего я безъ него не смѣю,
Вину его въ вину не ставлю я
И передъ нимъ, какъ отрокъ, я робѣю...
Мнѣ Богъ вручилъ кормило на Руси,
И то кормило отдалъ я другому.
За то теперь наказанъ тяжко я,—
Въ оковахъ воля! Слабо умъ мерцаетъ
И, какъ звѣзда при солнечномъ сіяньи,
Онъ меркнетъ вовсе предъ его умомъ!
Онъ не одинъ. Весь мой синклитъ за нимъ.
Я одинокъ и мнѣ не въ моготу
Начать борьбу съ такой могучей силой!
Они же всѣ сцѣпились межь собой:
Тронь одного, такъ всѣхъ ихъ тронуть надо—
И не съ кѣмъ мнѣ начать такое дѣло,
Всѣ предали и продали меня.
(*Въ отчаяніи опускается на скамью.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Картина девятая.

1559 годъ.

ЦАРСКАЯ ДУМА.

(Іоаннъ на царскомъ мѣстѣ. Близъ него Сильвестръ и Адашевъ. Бояре князья: Воротынскій, Мстиславскій, Палецкій, Курбскій и прочіе сидятъ на скамьяхъ.)

Іоаннъ (*Адашеву*).

О чемъ Данило пишетъ?

Адашевъ.

Государь!
Данило, братъ мой, здравствуетъ тебѣ
Наровою и Феллиномъ. Щенятевъ
Да братъ Данило, въ прахъ разбивъ Ливонцевъ
И полонивъ не мало ихнихъ, взяли

Тѣ города и шлютъ тебѣ ключи
Съ Ливонскими полонниками. Въ ночь
Пригналъ гонецъ.

Іоаннъ (*радостно*).

Спасибо, Алексѣй,
За вѣсть такую. Скоро пять годовъ
Ведемъ войну! Пора ее покончить!

Сильвестръ.

Давно пора, великій государь.

Адашевъ.

Два мѣсяца, великій государь,
Ливонскіе послы живутъ въ Москвѣ,
Дань привезли.

Іоаннъ.

А сколько?

Адашевъ.

Да довольно.
Такъ тысячъ шестьдесятъ, какъ говорятъ.
Я съ ними велъ переговоръ.

Іоаннъ.

А мнѣ
О томъ не надо было вѣдать? Видно,
Бояринъ Алексѣй повыше насъ
И жалуетъ пословъ, какъ самъ похочетъ.
Ну, какъ же ты: велишь мнѣ помириться
За кучку золота?

Адашевъ.

Великій государь!
Изволишь ты смѣяться надо мною.

Іоаннъ.

Помилуй Богъ! Посмѣю-ль я смѣяться!
Такъ какъ же ты?

Адашевъ.

Я думаю принять
Ту дань отъ нихъ.

Іоаннъ (*Сильвестру*).

А какъ укажешь ты?

Сильвестръ.

Коль тѣ послы попросятъ перемирья,
То даровать. А лучше—полный миръ
Съ Ливоніей навѣки заключить...

Іоаннъ (*долго смотритъ на Сильвестра и Адашева. Потомъ громко*).

Позвать пословъ! Ты скажешь имъ, Адашевъ,
Что я меча дотоль не положу,
Пока не повоюю всей земли
И не верну Руссійскому престолу.
Да говорить безъ обиняковъ, прямо!
Я такъ хочу! Молчи, отецъ Сильвестръ!
Все на зло мнѣ! Такъ Феллинъ и Нарова
Ужь взяты нами? Первый я пословъ
Порадую такой хорошей вѣстью.

(*Входятъ Θеодоръ Фюрстембергъ и нѣсколько другихъ пословъ Ливонскихъ.*)

Фюрстембергъ.

Великій государь земли Московской!
Отъ ордена святаго Меченосцевъ
Мы присланы къ тебѣ просить о мирѣ.

Іоаннъ.

Я ордена не знаю никакого!
Съ Ливоніей веду я не войну:
Межъ вотчиной подвластной и царемъ
Нѣтъ мира иль войны! Есть наказанье
Мятежникамъ, а жалованье—вѣрнымъ,
И потому не мира—милосердья
Должны просить измѣнники Ливонцы.
Ты кто такой?

Фюрстембергъ.

Θеодоръ Фюрстембергъ,
Посолъ къ тебѣ...

Іоаннъ.

Съ веревками на шеѣ
Послы такіе приходить должны!
Не гоже мнѣ съ тобою говорить.
Адашевъ, допроси: о чемъ онъ проситъ.

Адашевъ.

Съ чѣмъ присланъ ты?

Фюрстембергъ (*становясь на колѣни*).

Великій государь!
Истерзана Ливонская отчизна!
Огонь и мечъ внесенъ твоимъ велѣньемъ
Въ дома и села нашихъ горожанъ.
Тяжелымъ гнетомъ пять послѣднихъ лѣтъ
Легли на нашу бѣдственную землю.
Не знаемъ мы, чѣмъ семьи прокормить;
Въ плѣну вожди, защитники народа,
Разграблено отцовское добро,
И трупами Ливонія покрыта.
Откуда-жь намъ, великій государь,
Тебѣ платить условленную дань?
Но все-жь, собравъ оставшіяся крохи,
Мы сколотили тысячъ шестьдесятъ
И кланяемся милости твоей:
Пожалуй насъ, изволь принять тѣ деньги.

Адашевъ.

Гдѣ видано, чтобъ царь и повелитель
Входилъ въ торги съ бродячими купцами!
Замѣсто дани, хитрымъ улещаньемъ
Ливонскіе намъ платятъ торгаши.

Фюрстембергъ.

Великій государь! Не отъ купцовъ,
Отъ рыцарей я присланъ. Торгашами
Мы не были и рѣчь твоихъ бояръ
За кровную обиду принимаемъ.

Адашевъ (*удерживая Іоанна*).

Коль рыцари, такъ рыцарское слово
Должны держать и золотомъ платить
Обѣщанную дань, а не словами.

Фюрстембергъ.

Но, государь, твои же воеводы
Такъ истощили землю, что она
На много лѣтъ пребудетъ въ раззореньи!

Адашевъ.

Лукавствомъ и измѣною вы сами
Накликали на землю царскій гнѣвъ.

Фюрстембергъ.

Ты побѣдилъ, великій государь,
И мы тебѣ покорны. Такъ яви же
Свое великодушіе! Дозволь
Оправиться отъ тяжкихъ пораженій,
Вели назадъ вернуться воеводамъ,
Верни намъ прежнее спокойствіе и земли,
Ливоніи присущія издревле.

Іоаннъ.

Онъ мнѣ, кажись, указывать дерзаетъ?
Такъ знай, старикъ: ливонскихъ нѣмцевъ предки
Пришли въ предѣлы наши, нашу землю
Себѣ добыть хотѣли. За нее
Лилось не мало крови христіанской,
И наши дѣды, русскіе князья,
Чтобъ Бога не гнѣвить той вашей кровью,
Пожаловали землю вамъ, но съ тѣмъ,
Что данью вы откупите ихъ милость,
Да послушаньемъ намъ, верховнымъ вашимъ
Владыкамъ. Вы-жь, гордынею объяты,
Задумали и вовсе отложиться
Отъ нашей власти! Люторскую вѣру
Вы приняли. Коль императоръ съ папой
На то глядятъ спокойно, я не стану
Сносить обиды Богу моему.
Ступай къ своимъ и передай слова,
Которыя здѣсь отъ меня услышишь:
Феллинъ и Нарва взяты. Юрьевъ—нашъ.
Мятежниковъ щадить не стану дольше,
Кладу мой гнѣвъ на васъ и воеводамъ
Велю дотоль надъ вами промышлять,
Пока не ты или послы такіе-жь,
А весь синклитъ съ магистромъ во главѣ
Не явятся съ смиреньемъ и мольбою,
И всей землей Ливонской и Лифляндской
По старинѣ челомъ мнѣ не ударятъ,
Какъ учинили то цари Казанскій,
Асторöканскій и иныхъ земель.

Тогда по волѣ буду васъ казнить
Иль миловать, какъ мнѣ Господь укажетъ,
А не посланецъ подданныхъ моихъ.

Адашевъ.

Великій государь и самодержецъ
Всея Руси царь Іоаннъ Васильичъ
Такъ указалъ съ боярами своими:
Землѣ Ливонской мира не давать,
Отправить вспять пословъ и воевать,
Доколѣ вся земля не покорится.
Иди, посолъ.

Фюрстембергъ (*гордо*).

Великій государь!
Я шестьдесятъ годовъ въ моей отчизнѣ
Свободной жилъ, въ свободной и умру!
Не милости мы просимъ, мы о мирѣ
Хотимъ съ тобой вести переговоръ,
Какъ съ равнымъ намъ владыкою Руссійскимъ.

Іоаннъ.

Бояре! Онъ рехнулся или пьянъ?

Фюрстембергъ.

Передъ тобой напрасно унижался
И родинѣ пощады я просилъ.
Ты вознесенъ побѣдой и не слышишь
Мольбы моей истерзанной отчизны.
Такъ прочь съ души смиренье и покорность!
Въ моемъ лицѣ нашъ орденскій магистръ
Тебѣ шлетъ вызовъ рыцарскій на бой
И самъ теперь не хочетъ перемирья!
Пускай твоя побѣда, пусть ослабла
Ливонія отъ бѣдственной войны,—
Намъ въ помощь дѣло наше! Вся земля
Подниметъ мечъ за честь и за свободу!
Я встану самъ и дряхлою рукой
До смерти биться стану! Богъ пошлетъ
Въ святой войнѣ за родину намъ въ помощь
И мужество, и стойкость, и отвагу!
Мы мира не хотимъ, и кто изъ насъ
Покроется позоромъ или славой,
Пускай рѣшитъ не миръ,—а бой кровавый!

(*Уходитъ.*)

Іоаннъ.

Схватить его!

(*Рынды кидаются.*)

Адашевъ (*удерживая рындъ.*)

Великій государь!
Посла нельзя задерживать насильно.

Іоаннъ.

Учить меня? Кто государь изъ насъ?
Ты иль я? Поберегись, Алешка!

Сильвестръ.

Тебѣ Адашевъ правду говоритъ,
Великій царь! То не посолъ поганыхъ
Татарскихъ хановъ, аль гиреевъ крымскихъ,—
Отъ царства христіанскаго къ тебѣ
Пришелъ посолъ просить тебя о мирѣ.

Іоаннъ (*сдерживаетъ гнѣвъ*).

Коль ужь таковъ мой нищенскій удѣлъ,
Что долженъ я мои предначертанья
Тебѣ сперва повѣдать, а потомъ ужь
По твоему указу учинять,—
Изволь, отецъ! Ливонія издревле
Межъ нашею землей и брегомъ моря
Бревномъ лежитъ и не пускаетъ насъ
Свободно съ прочимъ міромъ христіанскимъ
Быть въ дружбѣ и вести торговлю. Мы
Отрѣзаны стѣной отъ странъ нѣмецкихъ,
А намъ онѣ нужны.

Сильвестръ.

Нужны на гибель
Обычаевъ старинныхъ, вѣры нашей!
Нѣтъ, государь, пока я живъ, тому
Не быть во вѣкъ! Подъ игомъ басурманскимъ
Мы вовсе благочестіе утратимъ,
И сгибнетъ Русь! Коль ты того не видишь,
Такъ вижу я! Не быть тому! На миръ
Съ Ливоніей ты долженъ согласиться.

Іоаннъ.

Кажись, ты *мнѣ* приказывать дерзаешь,—
Мнѣ, государю?

Сильвестръ.

Ты творишь безчинно!

Іоаннъ.

Одно прошу: молчи, честной отецъ!
Не досаждай... Я къ гнѣву близокъ...

Сильвестръ.

Нѣтъ!
Молчаніемъ я душу погубляю.

Іоаннъ (*трясясь отъ гнѣва*).

Молчи, отецъ.

Сильвестръ.

Не замолчу! Безумство
Чинишь великое и злое...

Іоаннъ (*бѣшено*).

Попъ!
Знай пѣть свои каноны и не суйся,
Невѣжда, разсуждать о ратномъ дѣлѣ!

Бояре.

Великій царь!

Іоаннъ.

Кто, кто дерзнулъ возвысить
Передо мной холопскій голосъ свой?
Какъ? Здѣсь, въ Москвѣ, въ моей столицѣ, въ думѣ,
Гдѣ я сижу, синклитомъ окруженный,
Пришлецъ меня дерзаетъ поносить,
И нѣтъ мнѣ воли отплатить поруху!
Мнѣ руки вяжутъ своевольный попъ
(*Указываетъ на Адашева.*)
И этотъ рабъ, отъ гноища избранный
И милостью осыпанный моей!
Всѣ за одно! Всѣ на меня! Такъ знайте:
Коль я вашъ царь, такъ мнѣ и покоряйтесь,
А нѣтъ—его (*указываетъ на Сильвестра*) сажайте на престолъ.

Адашевъ.

Великій царь! За что меня поносишь?
Я вѣрою и истиной служилъ

Да о твоемъ величіи и силѣ
Единая моя была забота!

Іоаннъ (*вставая съ мѣста*).

Собака! Ты зовешь меня къ допросу?
И совѣсть прокаженная твоя
Не вѣдаетъ, за что моя опала?
На то-ль ты призванъ, чтобъ моею волей
Какъ рабской волей править? Ты тайкомъ
Съ попомъ ведешь совѣтъ и все чинишь,
Какъ вы промежъ себя уговоритесь,
Какъ будто насъ и нѣтъ совсѣмъ, какъ будто
Я слабоуменъ, разумомъ убогъ!
Вошло у васъ въ обычай: я не смѣй
Сказать вамъ слово! Вы—цари, я—рабъ!
На воеводство посылаешь трусовъ,
Курлятевъ, твой пріятель, отдаетъ
За становъ станъ ливонскимъ воеводамъ
И царское величіе срамитъ,
А мы его смѣнить не смѣемъ даже
Безъ изволенья вашего! Я—плѣнникъ,
Я—вамъ не царь! Послѣдній изъ бояръ
Въ почетѣ и великомъ береженьи,
А я сижу какъ пугало воронье,
Какъ истуканъ, и съ каждымъ словомъ долженъ
Къ вамъ приходить да спрашиваться васъ?
Такъ нѣтъ, собака! Долго вы владѣли
Моей душой,—я долѣ не стерплю.
Ты, Курбскій, воеводою подъ Нарву
Чѣмъ свѣтъ поѣдешь, смѣнишь тамъ Данилу
Адашева и скованнымъ сюда
Пришлешь ко мнѣ за крѣпкимъ карауломъ.

Кн. Курбскій.

Великій государь, не погнѣвись!
Дозволь мнѣ слово молвить! Алексѣй
Ѳеодорычъ Адашевъ...

Іоаннъ.

Какъ? И ты?
Ну, виноватъ! *(Адашеву)* Прости меня, бояринъ,
Холопа своего! Андрей Михайлычъ,
Прикажешь въ ноги бить челомъ Алешкѣ?
Изволь, ударю.

Кн. Курбскій (*удерживая его*).

Что ты, государь!

Іоаннъ.

Вѣдь экое разсудка помраченье!
Лукавый подтолкнулъ и захотѣлъ я
Самъ быть царемъ на отческомъ престолѣ!
Какая ересь! Ты, отецъ Сильвестръ,
Эпитемью какую мнѣ прикажешь?
А ты, бояринъ Алексѣй, вели
Меня связать! Должно быть, я рехнулся,
Что этакую дурость попустилъ.

(*Боярамъ*)

Бояре! Что-жь? Приказывайте мнѣ,—
И я сложу предъ вами мой вѣнецъ,
Адашеву мой посохъ передамъ,
А центурь мой попу Сильвестру.—Двое
Все-жь лучше на престолѣ, чѣмъ одинъ.

Бояре (*несмѣло*).

Помилуй... Государь...

Іоаннъ.

Холопы! Смерды!
Да развѣ такъ меня просить должны?
Взаправду рады! Хоть сейчасъ готовы
Сорвать съ меня одежды? Не отъ васъ
Ихъ получилъ, не вамъ и отнимать!...
Я Господомъ поставленъ на Руси
И васъ, враговъ моихъ, себѣ служить
Заставлю я жестокимъ наказаньемъ!

Сильвестръ.

Нѣтъ, государь! Ты дьяволомъ смущаемъ!
Онъ врагъ тебѣ единый! Онъ влагаетъ
Тебѣ такіе помыслы, и онъ
Въ душѣ твоей себѣ созиждетъ храмы!
Я все свершилъ, что Богъ мнѣ указалъ.
Я велъ тебя стезями благочестья,
И славу ты великую стяжалъ,
И мудростью и силою украсилъ
Тебя Господь—и Русь черезъ тебя
Онъ возвеличилъ, за твое смиренье,

За кротость христіанскую твою;
Но ты отрекся. Злобою сверкаютъ
Твои глаза! Ужь дьяволъ поселился
Въ душѣ твоей—и ангелъ твой хранитель
Лице свое со скорбью отвратилъ.
И вижу днесь твою и царства гибель!
Прощай, о царь! Я отрясаю прахъ
Отъ ногъ своихъ у твоего порога!
Я предаю тебя судьбѣ твоей —
И въ монастырь навѣки удаляюсь. (*Идетъ*).

Іоаннъ.

Иди и сгинь, души моей мучитель!
Лукавый попъ! Съ проклятіемъ предсталъ
Ты предо мной, съ проклятьемъ и отходишь!
О, злоба адская!

Сильвестръ (*обернувшись*).

Пока я могъ
Благословлять, тебя благословлялъ я.
Святая Русь! Въ кровавой пеленѣ
Моимъ очамъ духовнымъ предстаешь ты!
Молись теперь! Настала гибель царству!
Господь свой ликъ отъ Руси отвратилъ. (*Уходитъ.*)

Іоаннъ.

Такъ! Безъ него—погибло государство!
Я не могу! Я отрокъ! Я безумный!
Такъ или нѣтъ? Что-жь, такъ, бояре? Да?
Прикажете бѣжать за нимъ и въ ноги
Челомъ ударить, чтобъ вернулся вновь
Царя учить, да властною рукою
Его водить по праведнымъ стезямъ?
Ахъ, онъ шутникъ! Посмотримъ! Можетъ статься,
И безъ него не вовсе пропадемъ!

Адашевъ.

Мнѣ, государь, гдѣ быть теперь укажешь?

Іоаннъ.

Подальше съ глазъ убраться. Хоть къ Сильвестру
Въ одну обитель. Весело вдвоемъ
Вамъ будетъ вмѣстѣ, да и мнѣ покойнѣй.

Бояре.

Великій государь! Смѣни на милость

Свой грозный гнѣвъ! Мы головы свои
Тебѣ несемъ! Помилуй лишь Сильвестра!
Онъ добрый мужъ, о Господѣ радѣтель...

Іоаннъ.

Кто слово молвитъ за него, тому
Съ плечъ голову долой! Давно я, видно,
Васъ не училъ! Начну—не погнѣвитесь,
Жалѣть не стану (*Адашеву*). Алексѣй! Тебя
Я жалую, грѣхи твои прощаю.
Сыскавъ твои измѣны, я бы могъ
Тебя казнить, но, памятуя то,
Что не своей ты волей учинилъ
Великой царской власти поруганье,
Что злыми былъ людьми ты наученъ
Искать престола нашего, тебѣ
Приказываю быть на воеводствѣ
Въ Ливонскомъ нашемъ Феллинѣ и тамъ
Безъ выѣзду сидѣть, доколь укажемъ.
Посла же Фюрстемберга задержать...
Иль нѣтъ... пустить! Пусть передастъ магистру
Велѣнья наши. Курбскій! Поѣзжай
Въ Ливонію съ Адашевымъ. А вы (*боярамъ*)
Не бойтесь! Гнѣва не держу на сердцѣ.
(*Косится на Адашева.*)
Но кто изъ васъ совокупится въ дружбу
Съ врагами и измѣнниками, тотъ
Пріиметъ казнь такую, отъ которой
И грѣшники въ геэннѣ содрогнутся!
Служите мнѣ со страхомъ и смиреньемъ,
По старинѣ васъ жаловать хочу.
О, злоба лютая! Три патріарха
Со множествомъ святителей судили,
Какъ грѣшенъ былъ царь Ѳеофилъ, но все-жь
Не изрекли ему такихъ хуленій,
Какія я услышалъ отъ попа.
А вѣдомо издревле: царства тѣ,
Гдѣ надъ царемъ совѣтчики стояли,
Всѣ сгибли безъ вѣсти. Оборонилъ
Меня Господь отъ участи такой же!

Картина десятая.

1560 г.

Ночь. Покой въ избѣ государевой въ селѣ Коломенскомъ. Въ окнахъ отблескъ сильнаго пожара.

(Входитъ Іоаннъ, за нимъ Басмановъ. Іоаннъ страшно измѣнился, лицо осунулось, глаза горятъ мрачнымъ огнемъ, темная одежда, опаленные огнемъ волосы и борода.)

Іоаннъ.

Сгоритъ Москва! Меня казнитъ Господь!
Я въ пламя самъ кидался. Я искалъ
Мучительной кончины, но Господь
Не принималъ моей грѣховной жизни,
И изъ огня я вышелъ невредимъ.

Басмановъ.

Великій государь! Ты весь израненъ
Горящими обломками...

Іоаннъ.

Не тѣло,
Душа горитъ. Пророчество Сильвестра
Исполнилось. Не знаю я покоя.
Пожаръ Москвы, недугъ царицы... Все
Все, что сказалъ, исполнилось дословно.

Басмановъ.

Дозволь тебѣ, великій государь...

Іоаннъ.

Молчи. Я знаю, что ты скажешь! Всѣ вы —
Готовы льстить мнѣ, поблажать страстямъ,
Шептать мнѣ въ уши хитрые навѣты...
Два было вѣрныхъ мужа—и я самъ,
Самъ ихъ изгналъ въ безумномъ изступленьи!
Послать сейчасъ въ Кирилловъ монастырь,
Да пусть бояре лучшіе поѣдутъ
И именемъ моимъ челомъ ударятъ
Отцу Сильвестру—пусть вернется онъ!
Молить его! Сказать, что самъ къ нему
Пріѣду я, коль онъ не согласится.

Съ почетомъ, какъ меня, его везти,
И передъ нимъ—какъ предо мною быть!

Басмановъ.

Надежа государь, вели казнить—
Лишь выслушай мое прямое слово.
Москва горитъ—не Божьимъ изволеньемъ,
А колдовствомъ и чарами. О томъ
Я спрашивалъ волхвовъ. Они сказали
Подъ пыткою въ застѣнкѣ. Трое ихъ
Издохло тамъ, а отъ своихъ рѣчей
Въ предсмертные часы не отступались.
Кому-жь, какъ не попу такое дѣло
Задумать, государь? Когда съ Казани
Вернулся ты... (*шепотомъ*), я видѣлъ самъ, Сильвестръ
Нашептывалъ надъ травами, и очи
Тебѣ не разъ волшбою отводилъ.
Ты вспомни-ка, откуда онъ явился?
Пожаръ такой же на Москвѣ пылалъ!
Въ огнѣ пришелъ — съ огнемъ и удалился
Лукавый попъ! Подумай, государь.
Пошлемъ за нимъ, предстанетъ живо! Вновь
Поработитъ тебя бѣсовской силой
И станетъ господиномъ надъ тобой!
Не долго онъ просить себя заставитъ.

Іоаннъ.

И мнѣ не разъ то думалося. Врагъ
Зѣло силенъ и искушаетъ насъ
Не прелестью единой, но и страхомъ.

(*Твердо.*)

Но живъ Господь въ душѣ моей, и я
Тѣмъ дьявольскимъ соблазнамъ не поддамся.
Онъ хочетъ вновь меня заставить въ рабство
Попу пойти! Творящій волю Божью
Ему противенъ. Мнѣ Господь велѣлъ
На царствѣ быть—и смертный грѣхъ склоняться
Передъ рабомъ Помазаннику Бога.
Такъ! Пусть горитъ! Не устрашитъ меня
Сей пламень адскій...

Басмановъ.

Видимое дѣло—
Тутъ колдовство, чтобъ ты его вернулъ.

Іоаннъ (*цѣлуя наперстный крестъ*).

О, Господи помилуй! Даждь ми помощь
И будь моимъ заступникомъ! Собаки!
Издалека задумали вредить!

Стольникъ (*входитъ*).

Великій государь! Гонецъ пригналъ
Съ Ливоніи...

Іоаннъ.

Веди его сюда.
(*Стольникъ уходитъ.*)
Басмановъ! Позови ко мнѣ врача.
(*Басмановъ уходитъ. Входитъ гонецъ.*)

Іоаннъ.

Откуда ты?

Гонецъ.

Великій государь!
Изъ Феллина, прислалъ твой воевода...

Іоаннъ.

Адашевъ?

Гонецъ.

Такъ, великій государь!
Ему сдались безъ битвы города:
Пиркель, Лоисъ и крѣпость Везенбергъ.
Онъ именемъ твоимъ имъ обѣщалъ
Прощеніе и милость—и ливонцы
Оружіе сложили передъ нимъ:
Предъ нимъ идётъ далёко впереди
О кротости и миролюбьи слава.

Іоаннъ.

Во истину чудесно!

Гонецъ.

Онъ велѣлъ
Сказать тебѣ, что скоро вся земля
Ливонская челомъ тебѣ ударитъ.
Князь Курбскаго мечемъ разбитъ магистръ,
И взяты вновь имъ Юрьевъ, Валкъ и Уксгиль.

Іоаннъ.

Адашеву безъ бою, говоришь,
Сдаются города? кладутъ оружье?

Гонецъ.

Такъ, государь.

Іоаннъ (*въ раздумьи*).

Во истину чудесно!
Ступай, гонецъ.

(*Гонецъ уходитъ.*)

Не мудрено! Я самъ
Безъ бою сдалъ ему на попеченье
Всѣ мысли и хотѣніе мое.
Призвать опять? Опять къ себѣ приблизить?
Быть можетъ, вновь вернется счастье мнѣ?
Быть можетъ, вновь украсится покоемъ
Истерзанная муками душа?
А зналъ ли я тогда покой и счастье,
Когда мнѣ воли не было ни въ чемъ?
Когда не я, а онъ царилъ надъ Русью,
Когда не я... Безъ бою... Новый ковъ!
Къ себѣ сердца прощеньемъ привлекая,
Готовитъ онъ удѣлъ себѣ Ливонскій...
Нѣтъ, не удѣлъ—престолъ. Всѣ воеводы
Его друзья... Моею ратью онъ
Да хитростью своею завоюетъ
Ливонію и будетъ равенъ мнѣ,
Мой рабъ, холопъ!.. О, Господи! Неужто-жь
Собакѣ той, что мучила меня,
Ты даруешь побѣду! Легче мнѣ
Все потерять, что я завоевалъ,
Чѣмъ видѣть Алексѣя на престолѣ!..
А тамъ далеко-ль... Если изъ Москвы
Добраться до Ливоніи съумѣлъ онъ,
Оттуда до Москвы онъ доберется!
Здѣсь доброхоты—всѣ мои бояре!
Здѣсь чернь ему послушна! Здѣсь его
Боготворитъ все войско! На меня
Онъ двинетъ рать, покорную ему!
А я одинъ, покинутый, бездомный...

(*Яростно.*)

Всѣхъ воеводъ въ Ливоніи смѣню...
Кого-жь послать взамѣнъ? Кто вѣренъ мнѣ?
Всѣ куплены! Всѣ за него! Я всѣмъ имъ
Давно противенъ... Нѣтъ друзей... Одинъ...
Бѣжать мнѣ надо! Нѣтъ мнѣ здѣсь спасенья!..

Все за него...

(*Входитъ Басмановъ.*)

А!.. Кто тутъ... помогите!

Басмановъ.

Я, государь! Чего ты испугался?

Іоаннъ.

Басмановъ, подойди! Клянись мнѣ Богомъ,
Святымъ крестомъ, спасеніемъ души,
Что ты меня на жертву не покинешь
Моимъ врагамъ...

Басмановъ.

Я голову свою
Дамъ за тебя!

Іоаннъ.

Клянись святымъ крестомъ,
Что на меня не держишь ты измѣны!

Басмановъ.

Великій государь! За что меня
Поносишь ты безлѣпицей такою?
Вели въ огонь, вели зарѣзать сына,
Жену, отца,—я глазомъ не моргну.

Іоаннъ.

Басмановъ! Я тебѣ довѣрю тайну.
Я изъ Москвы бѣжать хочу съ семьей,—
Здѣсь жизнь моя и жизнь моей царицы
Въ опасности...

Басмановъ.

Великій государь!
Не потаю — враговъ твоихъ наипаче
Песку морскаго расплодили тѣ,
Кого ты возвеличилъ и поставилъ
Превыше всѣхъ. Послушай же меня:
Бѣжать тебѣ не надо! Все-жь довольно
Есть и такихъ, что душу за тебя
Готовы положить....

Іоаннъ.

Такихъ немного!

Басмановъ.

Нѣтъ, государь, довольно наберется!
Ихъ собери вокругъ себя. Стѣной
Они тебѣ надежной будутъ! Страха
И жалости не вѣдая, мы будемъ
Тебѣ служить, и ни одинъ твой врагъ
Не ускользнетъ отъ нашего меча;
Мы какъ собаки изгрыземъ измѣну
И выметемъ крамолу на Руси!
Одинъ надъ нами будешь господиномъ,
Лишь твоему велѣнію послушны
Мы будемъ всѣ,—и земщинѣ проклятой
Не знать тогда пощады! Ты за то
Опричь другихъ поставь насъ надъ землей,
Опричь другихъ насъ жалуй, мы же будемъ
Холопы, и хранители, и слуги
Покорные единому тебѣ!

Іоаннъ.

Опричнина!... (*Задумывается*). Не разъ такая мысль
Раждалась у меня—и замирала.
Нельзя на части землю разрывать.
Нѣтъ, Алексѣй! Межъ мною и землей
Посредниковъ не надо! Гдѣ же врачъ?
(*Входитъ врачъ Стендишъ*).
Какъ здравіе царицы?

Стендишъ.

Государь!
Дозволь сказать всю истину тебѣ.

Іоаннъ (*схвативъ его за руку*).

Какъ смотришь ты? Царицѣ лучше стало
Передъ моимъ отъѣздомъ.

Стендишъ.

Государь!
Царицѣ жить не долго остается.

Іоаннъ (*схватившись за голову*).

Что ты сказалъ? Я вырву твой языкъ,
Проклятый воронъ! Гдѣ-жь твоя наука?
Ты клялся мнѣ царицу исцѣлить!

Проклятый песъ! Я въ клочья изорву
Калёными щипцами твое мясо,
Коль ты солгалъ!

Стендишъ.

Познаніе мое,
Великій государь, не чародѣйство.

Іоаннъ *(оглядываясь на Басманова).*

Какъ... чародѣйство...

Стендишъ.

Можно исцѣлить
Природные недуги и болѣзни,
Но мудрость наша научить не можетъ,
Какъ дѣйствовать намъ противъ тайныхъ чаръ.

Іоаннъ.

Изведена царица?

Стендишъ.

Волхвованьемъ
Таинственнымъ и чуднымъ, государь,
И потому—недугъ ея упоренъ,
И я его постигнуть не могу.

Іоаннъ.

Спаси ее—и я тебя засыплю
По горло золотомъ! Я награжу тебя,
Какъ и во снѣ тебѣ не снилось, Стендишъ!
Спаси ее! Ты мудръ, искусенъ... Что же,
Что-жь ты молчишь?

Стендишъ.

Великій государь!
Безсиленъ я!

Іоаннъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Такою казнью
Казнить меня Господь не можетъ! Нѣтъ!

Басмановъ.

Ты слышишь, государь? Твои враги
Царицу зельемъ извели.

Стендишъ.

О, нѣтъ!
Не зелье тутъ! Тутъ явно чародѣйство.

Іоаннъ.

Но кто же? Кто?

Басмановъ.

Адашевъ и Сильвестръ
Со всѣмъ своимъ діавольскимъ синклитомъ:
И альманахъ, и зелейникъ, и рафли
Имъ вѣдомы съ совѣтниками ихъ...

Іоаннъ.

Такъ пусть Господь меня отринетъ, если
Я кровью ихъ всю землю не залью!
(Боярыни вводятъ царицу подъ руки. Она едва держится на ногахъ.)
Царица! Ты?

Анастасія *(опускаясь на лавку).*

Нѣтъ мочи... ноетъ грудь...
Мнѣ легче такъ... Въ постели не лежится...
Все чудится мнѣ... будто бы за мной...
Все кто-то стонетъ... Страшно таково...
Дыханья нѣтъ...

Іоаннъ.

О, Господи! помилуй!

Анастасія (*смотря въ окно*).

Что тамъ горитъ?... Неужто... все Москва?

Іоаннъ.

Москва.

Анастасія.

Зачѣмъ же... ты ее... покинулъ?
Тамъ долженъ быть...

Іоаннъ

Сейчасъ я прискакалъ
Тебя провѣдать.

Анастасія.

Мнѣ Господь судилъ
Не долго жить. Я чувствую кончину...
И не ропщу... Предъ Господомъ моимъ...

Предстану я... и за тебя молиться...
Я буду... государь. Господь пошлетъ...
На всѣ дѣла... твои... благословенье...
Я объ одномъ... предъ смертью... государь
Молю тебя... будь кротокъ... и незлобивъ...
Цари надъ Русью... праведно и мирно...
Не забывай сиротъ и нищихъ... Сильны
Предъ Господомъ... ихъ слезы и молитвы.

Іоаннъ.

Голубка чистая! Господь не повелитъ
Тебѣ меня покинуть...

Анастасія.

Государь!
Смиренно принимай... Его велѣнья.
Не намъ судить... Его святая власть.
Прости меня. Я многимъ согрѣшила...
Передъ тобой... Тебѣ я докучала...
По женскому обычаю... не разъ
Стуженьемъ... объ опальныхъ... Горько было...
Мнѣ видѣть гнѣвъ твой...

Іоаннъ.

Нѣтъ, царица, нѣтъ!
Ты не грѣшна!...

Анастасія.

Единый Богъ безгрѣшенъ.
Предъ Русью... много виновата я.
Вражду держала на сердцѣ... къ отцу
Сильвестру и къ Адашеву... Прости
И имъ Господь... пусть... и они простятъ,
Коль вырвалось... неласковое... слово...
Я мало нищихъ... сиротъ... и убогихъ...
Отъ моего достатка... призрѣвала...
Вознагради... великій государь...
Не забывай... бездомныхъ и... голодныхъ...
Они... намъ дѣти... Дай съ тобой... проститься...

Іоаннъ (*цѣлуя ее*).

Голубка! Что съ тобою?!.

Анастасія.

Какъ темно!...

Вонъ звѣздочка... Нѣтъ... то Господень ангелъ...
Какъ чистъ и свѣтелъ!.. Какъ своимъ сіяньемъ...
Разсѣялъ мракъ!.. Свѣтъ... солнышко... взошло...
Мнѣ грудь согрѣло... Господи! помилуй!...

(*Падаетъ на руки боярынь.*)

Іоаннъ (*обезумѣвъ отъ горя*).

Спаси ее...

Стендишъ.

Преставилась царица!

(*Плачъ и стоны между боярынями. Шумъ. Говоръ: „Царица преставилась.. Государыня скончалась“... Шумъ разростается. Бояре наполняютъ избу.*)

Іоаннъ.

Нѣтъ... нѣтъ... жива... Взгляни, взгляни, голубка...
Промолви слово... Дай тебя услышать.

(*Безумно рыдаетъ.*)

Бояре.

Царь-батюшка... приди въ себя...

Іоаннъ.

Скончалась!
Изведена! Мать извели... жену...
Зачѣмъ меня оставили въ живыхъ?
И альманахъ и зелейникъ... Я, знаю...
О, попъ Сильвестръ! Алёшка! ваше дѣло...
О, голубица чистая моя,
Заклеванная воронами злыми!..

Бояре.

Опомнись, государь...

Іоаннъ.

Не уберегъ
Отъ адскихъ чарованій... Да, зачѣмъ
Ихъ отпустилъ? Сжечь на кострѣ—жива бы
Осталась ты... Я погубилъ тебя...

Бояре (*дотрогиваясь до Іоанна*).

Великій государь!

Іоаннъ (*яростно*).

Зачѣмъ пришли?

Потѣшиться надъ дѣломъ вашихъ рукъ?
Идите же къ Адашеву-собакѣ.
Скажите, что свершилась ворожба,
Убили... Что? Что на меня глядите?
Меня убить? Подосланы? Басмановъ!
Спаси меня... Убить хотятъ... Бѣжать...
Кто вѣренъ мнѣ... Всѣ продали... Убійцы!

(Падаетъ безъ памяти на руки бояръ.)

ДМИТРІЙ КАЛИНИНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Виссаріона Бѣлинскаго.

И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!
Пушкинъ.

1831.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дмитрій Калининъ.
Сурскій, его другъ.
Томинъ, пріятель Сурскаго.
Лѣсинская, богатая помѣщица.
Софья, ея дочь.
Андрей }
Петръ } ея сыновья.
Князь Кизяевъ.
Рудина, воспитательница Софьи.
Сидоръ Андреевичъ, лицемѣръ, живущій въ домѣ **Лѣсинской**.
Иванъ, старый служитель Лѣсинскихъ.
Лиза, горничная Софьи.
Ѳедоръ, нанятой служитель Калинина.
Степанъ, служитель Сурскаго.
Хозяйка постоялаго двора.
Незнакомка.
Двѣ монахини.

Множество гостей и слугъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ мою драматическую повѣсть, я чувствую всю важность моего поступка и потому почитаю за нужное отдать моимъ читателямъ отчетъ въ ономъ, сообщить имъ собственныя мои мысли о моемъ сочиненіи. У насъ безпрестанно выходитъ такое множество книгъ (разумѣется, несравненно болѣе худыхъ, нежели хорошихъ), что для публики почитать важнымъ изданіе какой-нибудь изъ нихъ—есть смѣшно и нелѣпо. Но не такъ долженъ смотрѣть на подобныя предпріятія самъ авторъ, ежели онъ уважаетъ публику, ежели онъ пишетъ не изъ низкаго желанія заслужить жалкую мелочную извѣстность въ литературномъ мірѣ, не отъ нечего [1] дѣлать, но изъ чистаго, безкорыстнаго побужденія выразить этотъ внутренній міръ самого себя, этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка, сознаніемъ его нравственнаго величія,—изъ непонятнаго стремленія разгадать тайны его существованія, изъ благороднаго желанія по мѣрѣ своихъ силъ и способностей споспѣшествовать успѣхамъ отечественной литературы! Такъ думалъ я, предпринимая писать это сочиненіе, и смѣло могу увѣрить моихъ читателей, что таковы были побужденія, заставившія меня написать оную. Будучи слишкомъ далекъ отъ того, чтобы имѣть ничтожное тщеславіе почитать свое сочиненіе важнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, быть слѣпо влюбленнымъ въ свое дѣтище, я въ полной мѣрѣ вижу всѣ недостатки, всю слабость онаго. Это есть не что иное какъ первое, несвязное лепетаніе младенца; это есть первое, незрѣлое произведеніе пера неопытнаго, несмѣлаго. Читатель не найдетъ въ немъ ни тѣхъ свѣтлыхъ, высокихъ истинъ, ни тѣхъ сильныхъ, глубокихъ мыслей, ни того

[1] Въ рукописи: „отъ него“.

умѣнія представить въ созданіи своей мечты цѣлаго стройнаго міра, ни того тонкаго познанія человѣческаго сердца, которыя бываютъ удѣломъ однихъ геніевъ—этихъ вѣчно-юныхъ исполиновъ земли, этихъ любимцевъ и органовъ неба! Нѣтъ: онъ увидитъ въ немъ не болѣе, какъ только порывъ души пламенной,—души, страстной ко всему высокому, изящному,—души, желающей излиться и борющейся между этимъ желаніемъ и слабостью силъ. Чтеніе поэтовъ, чтеніе исторіи, углубленіе въ самого себя, печали, радости, восторгъ, равнодушіе, волненіе страстей, порывъ къ чему-то неопредѣленному, тоска по чемъ-то невѣдомомъ, размышленіе о человѣкѣ, о непонятной смѣси добраго и злаго, высокаго и низкаго, составляющей существо его, мысль о другомъ, таинственномъ мірѣ родятъ тысячи вопросовъ безотвѣтныхъ, волнующихъ юный, неопытный умъ, какъ неразрѣшимая, но слабо понимаемая какимъ-то темнымъ [1] чувствомъ загадка. Въ это поэтическое состояніе душа человѣка воспламеняется какимъ-то неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ выразить самое себя, грудь его волнуется какимъ-то тревожнымъ чувствомъ неизъяснимаго безпокойства, и онъ желаетъ раскрыть ее, показать свое сердце, чтобы могли прочитать и истолковать самому ему тѣ непонятныя буквы, которыя начертаны на немъ рукою Невѣдомаго. Кому знакомы эти рѣдкія минуты восторга, тотъ пойметъ меня. Не знаю, благосклонно ли приметъ публика мое сочиненіе; но ежели достоинство его равно тому пламенному энтузіазму, съ которымъ оно писано, то труды мои не тщетны. Если хотя искра того божественнаго огня, того животворнаго восторга, которые оживляли меня, какъ электричество сообщится душѣ читателя, и ежели сочиненіе мое доставитъ ему нѣсколько пріятныхъ минутъ, нѣсколько пріятныхъ впечатлѣній, то я достигъ моей цѣли. Осмѣливаюсь льстить себя сладостною надеждою, что мое сочиненіе, несмотря на свои недостатки, какъ первое въ своемъ родѣ, не будетъ лишнимъ въ нашей литературѣ, столь бѣдной драматическими произведеніями, и удостоютъ своимъ вниманіемъ первый опытъ молодаго студента.

---

[1] Въ рукописи: „томнымъ“.

Картина первая.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ, какъ одна
Душа безумная поэта
Еще любить осуждена!

Пушкинъ.

Мѣстомъ сцены есть маленькая комнатка; небольшой столъ, на которомъ въ безпорядкѣ лежатъ книги и бумаги, кровать и два стула составляютъ все убранство оной. Калининъ читаетъ книгу, потомъ съ нѣкоторою досадою бросаетъ оную, встаетъ и говоритъ.

Дмитрій. Ожиданіе! Ожиданіе! Какъ ужасно ты! Ахъ, для чего я не могу разорвать покровъ, скрывающій отъ меня будущее? Для чего не могу разгадать загадку моей жизни? Что должно мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи: отчаяваться, или надѣяться? Если любовь была такъ благосклонна ко мнѣ, то неужели надежда обманетъ? Какъ! Если и презрѣнный эгоистъ съ низкими чувствами—и тотъ бываетъ счастливъ, то неужели счастіе должно убѣгать человѣка съ душою возвышенною, съ страстями благородными,—человѣка, который способенъ любить?... Нѣтъ!... Старикъ меня любитъ, дочь свою также: неужели онъ захочетъ сдѣлать несчастными два любезныя ему существа?... Нынче я долженъ получить отъ него письмо. А тамъ?... Тамъ, окриленный любовію, я полечу къ ней...

(Входитъ Сурскій.)

Сурскій. Здорово, братъ! Ты, мнѣ кажется, изволишь на просторѣ философствовать, извини меня, если я помѣшалъ тебѣ.

Дмитрій. А, дружище! Здорово! Какъ же ты кстати пришелъ ко мнѣ: никогда не ожидалъ я тебя съ такимъ живымъ нетерпѣніемъ.

Сурскій. А почему это такъ? Ужъ не вѣсточку ли получилъ кое отъ кого?

Дмитрій. Ахъ, любезный, я нынѣшній день что-то не въ обыкновенномъ расположеніи духа: душа такъ полна чувствъ, что не въ силахъ вмѣстить ихъ въ себѣ; сердце такъ...

Сурскій. Ну, пошелъ врать! Теперь только и услышишь, что душа да сердце, энтузіазмъ да любовь! Кажется, твой духъ ежеминутно находится не въ обыкновенномъ расположеніи, то есть: ни въ умномъ, ни въ глупомъ, а въ какомъ-то среднемъ между этими; душа же твоя всегда бываетъ полна черезъ края...

Дмитрій. Проклятый Мефистофель! Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Ругаться надо мною? Боже мой! Неужели нѣтъ людей на бѣломъ свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ для меня! Ищешь друга, которому (бы) [1] можно было открывать свою душу, съ которымъ бы можно было дѣлить горести и радости, а находишь одни безчувственные трупы, въ ледяныхъ грудяхъ которыхъ бьются гнилыя деревянныя сердца! Сурскій! Ты созданъ для моего мученія. Я привязанъ къ тебѣ до безумія; а ты... чѣмъ ты мнѣ за это платишь? Обошлось ли у насъ съ тобою хотя одно свиданіе безъ неудовольствія?

Сурскій. Потише, братъ, потише; пожалуйста не горячись: ты этимъ никогда не взбѣсишь меня. Я не схвачу, по-твоему, картуза и не побѣгу опрометью домой. Притомъ же тебѣ не худо бы оставить эти высокопарныя фразы: онѣ нашему брату, темному человѣку, непонятны; огненныя же слова твои опасны для моей ледяной груди: могутъ растопить ее.

Дмитрій (*невольно усмѣхаясь*). О несносный человѣкъ! отчего я не могу не только чувствовать къ тебѣ ненависти, но даже и сердиться на тебя?

Сурскій. Оттого, что ты добръ, хотя и безуменъ. Я слишкомъ хорошо знаю тебя и, какъ пророкъ, говорю тебѣ, что ты не кончишь счастливо своей жизни. Ты всегда слѣдуешь внушеніямъ опаснѣйшихъ враговъ твоихъ: воображенія и сердца, а никогда не слушаешься хотя и суроваго, но добраго старика—разсудка.

Дмитрій. Я никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, слѣдующій одному холодному разсудку и живущій по счетамъ и выкладкамъ эгоизма, могъ быть истинно счастливымъ.

Сурскій. Дмитрій! Я не могу сказать, чтобы я слишкомъ много жилъ, но что я слишкомъ много испыталъ — это всегда скажу. И въ моей, нынѣ ледяной, груди билось нѣкогда пламен-

---

[1] Пропущено въ рукописи.

ное сердце; и моя, нынѣ холодная, душа нѣкогда кипѣла страстями; и мое, нынѣ погасшее, воображеніе было нѣкогда, къ моему несчастію, слишкомъ живо, слишкомъ услужливо. Легковѣрный и неопытный, я видѣлъ вездѣ одно добро и спалъ сномъ сладостнымъ, волшебнымъ. Но, къ несчастію, скоро проснулся и увидѣлъ, что воображеніе обмануло меня самымъ жестокимъ образомъ. Опытъ разогналъ золотыя мечты и показалъ горькую дѣйствительность. Разочарованный, обманутый, я не вѣрилъ самому себѣ, когда началъ смотрѣть на всѣ предметы глазами разсудка. Любовь, на коей я основалъ все зданіе моего блаженства, послужила къ моему несчастію. Я любилъ людей со всѣмъ жаромъ молодаго неопытнаго сердца—и увидѣлъ, что ихъ дѣйствіями управляютъ эгоизмъ и предразсудки. Больно было мнѣ разставаться съ моими мечтами—и, наконецъ, съ горькими слезами разстался я съ ними, какъ младенецъ съ игрушками. Глубоко схоронилъ свои страсти въ сердцѣ и навсегда отпѣлъ имъ панnихиду. И теперь, сказавъ обманамъ: *прости*, предавшись во власть разсудка, я чувствую себя гораздо счастливѣйшимъ, нежели было во время оно, хотя иногда—признаюсь въ слабости—и вздыхаю о немъ. На міръ смотрю спокойными глазами, какъ зритель, а не актеръ. Впрочемъ, я еще и теперь люблю предаваться обольстительному воображенію; вѣрую въ любовь, въ дружбу и во все, что составляетъ сладострастіе благородныхъ душъ; такъ же, какъ и ты, страстенъ ко всему высокому, прекрасному; но держу свои страсти и воображеніе въ равновѣсіи съ разсудкомъ, и даже такъ, что послѣдній немного перетягиваетъ.

Дмитрій. Тебя ли я слышу? Ты ли говоришь это?

Сурскій. Кажется, что я, а впрочемъ не знаю. Но, послушай, оставимъ это и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Дмитрій. Скажи мнѣ, пожалуй: отчего мы не можемъ ужиться другъ съ другомъ?

Сурскій. Оттого, что ты мнѣ кажешься слишкомъ горячимъ, а я тебѣ слишкомъ холоднымъ. Я люблю шутить и смѣяться, а ты важничать. То и другое хорошо къ случаю и къ мѣсту. Изъ чего ты давеча такъ взбѣсился? Впрочемъ и я не совсѣмъ правъ: ты жалокъ по своему характеру и мнѣ бы должно щадить тебя.

Дмитрій. Ты никогда не хочешь выслушать меня съ участіемъ, когда я говорю о своихъ намѣреніяхъ, надеждахъ, а если и слушаешь, то всегда съ насмѣшливою улыбкою.

Сурскій. Напротивъ, я готовъ даже раздѣлить мечты твои;

но мнѣ кажутся смѣшными эта горячка, этотъ пылъ, съ которыми ты часто говоришь о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ—употреблю любимый твой эпитетъ—*прозаическихъ*, и потому не упускаю случая пошутить на твой счетъ. Ты живешь въ очаровательномъ мірѣ поэзіи и смотришь на міръ сквозь увеличительное стекло воображенія. Тебя все плѣняетъ, и даже самыя огорченія, которыя тебѣ иногда случается переносить,—ты почитаешь ихъ страданьями, и какого-нибудь мальчишку, причинившаго тебѣ дѣтскую обиду, злодѣемъ; а себя, еще ничего не испытавши, жертвою судьбы и игрушкою счастія;—видишь въ себѣ романическаго героя—и это имѣетъ для тебя прелесть поэзіи. Ты еще младенецъ, и я не хочу разочаровывать тебя, не хочу обливать душу твою холоднымъ ядомъ сомнѣнія. Придетъ время, и безъ меня все узнаешь; придетъ время—и твое лицо, одушевленное и ясное, сдѣлается мертвымъ, холоднымъ, вмѣсто довѣрчивой улыбки явится горькая и насмѣшливая.

Дмитрій. Не говори мнѣ этого; оставь меня въ моемъ счастливомъ заблужденіи, не сдергивай съ глазъ моихъ этого радужнаго флера, сквозь который я смотрю на міръ. Впрочемъ, для меня очень удивительно, что ты, почти совершенно не зная моихъ обстоятельствъ, съ такою утвердительностію говоришь, что я ничего не испыталъ. О, еслибы ты зналъ!... О, я жилъ!... Я чувствовалъ!...

Сурскій. Твою исторію не трудно узнать: она вся состоитъ въ одномъ словѣ: *Софья*! Впрочемъ, всѣ подробности оной мнѣ неизвѣстны; ты, несмотря на откровенность, которая, по словамъ твоимъ, составляетъ отличительную черту твоего характера, мнѣ не сообщалъ ихъ. Это неестественно: влюбленные откровенны, а особливо съ друзьями своими.

Дмитрій. Я потому не открывалъ тебѣ тайнъ моихъ, что боялся равнодушія и насмѣшекъ. Другъ мой, ничто такъ не можетъ сдѣлать меня счастливымъ, какъ участіе во мнѣ другихъ, ничто не можетъ такъ убить, какъ равнодушіе.

Сурскій Напрасно же ты опасался меня. Я напередъ знаю, о чемъ и что ты будешь говорить мнѣ; однако, несмотря на то, съ удовольствіемъ выслушаю повѣсть твоей жизни, которая, кромѣ меня, ни для кого не можетъ быть интересною. Теперь мы ничѣмъ не заняты, говори: я слушаю.

Дмитрій. Очень радъ. Только Бога ради выслушай меня снисходительно и не бѣси своими несносными шутками. Я буду о томъ говорить тебѣ, о чемъ не могу и вспомнить безъ изступленія въ высочайшей степени. Мнѣ давно хотѣлось ввѣрить тебѣ

мои тайны. Мнѣ непремѣнно должно раздѣлить ихъ съ кѣмъ нибудь: иначе они будутъ тяготить мою душу.

Сурскій. Все это очень хорошо, только нельзя ли безъ предисловій?

Дмитрій. Да не велишь ли подать вина?

Сурскій. О, это прекрасное дѣло! Вино сдѣлаетъ тебя краснорѣчивѣе, меня веселѣе. Безъ него дружескія бесѣды ни къ чорту не годятся. Да вели кстати закурить трубку.

Дмитрій. Эй, Ѳедоръ! Ѳедоръ! *(Вбѣгаетъ Ѳедоръ.)*

Ѳедоръ. Чего изволите, сударь?

Дмитрій. Принеси, братъ, бутылку вина, да закури трубку.

Ѳедоръ. Сейчасъ-съ. *(Уходитъ.)*

Дмитрій. Послушай, Алексѣй: сверхъ необходимости излить передъ тобою, какъ передъ моимъ другомъ, мои чувства, повѣрить исторію моего сердца, я имѣю еще другую, побуждающую меня открыть тебѣ мои тайны. Хотя и не имѣешь этого огня, который пожираетъ мою душу, но ты благоразумнѣе, основательнѣе меня. Твоя холодная разсудительность можетъ быть для меня полезна: я нахожусь теперь въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ не могу обойтись безъ твоихъ совѣтовъ.

Сурскій. Нельзя ли оставить эти комплименты, отъ которыхъ я бѣгаю, какъ чортъ отъ ладану.

Дмитрій. *(Съ принужденною улыбкою, робко и рѣшительно).* Я не племянникъ Лѣсинскаго, какъ говорилъ тебѣ; нѣтъ, я его... *(Схватываетъ руку Сурскаго и быстро смотритъ ему въ глаза).* Но прежде, нежели я договорю, скажи мнѣ: свободенъ ли ты отъ предразсудковъ? Не зараженъ ли ты ими? Отвѣчай мнѣ, отвѣчай: безъ того не дождешься отъ меня ни одного слова.

Сурскій. Успокойся. Развѣ ты меня не знаешь? Развѣ не доказываютъ всѣ слова мои, всѣ поступки, что только одинъ разсудокъ мой господинъ. Кто бы ты ни былъ, я всегда буду видѣть въ тебѣ человѣка, достойнаго моей дружбы. Говори...

Дмитрій. Я... я... его... отпущенникъ...

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, великая важность! Есть чего стыдиться!

Дмитрій. Другъ мой, я не стыжусь этого; но ты самъ знаешь, каковы люди и что значитъ въ глазахъ ихъ происхожденіе.

Сурскій. Въ ихъ же, а не въ моихъ; слѣдовательно тебѣ нечего бояться меня. *(Ѳедоръ приноситъ бутылку вина, пару стакановъ и раскуренную трубку, которую поднесъ Сурскому, и уходитъ).*

Дмитрій. Мои родители были дворовые люди Лѣсинскаго. Будучи шести лѣтъ, я лишился ихъ. Мой господинъ принялъ меня въ свой домъ, въ качествѣ воспитанника. Говорятъ, что онъ оказывалъ мнѣ особенную любовь почти со дня моего рожденія. Я слышалъ стороною, что онъ жестоко обидѣлъ моего покойнаго отца и, вѣроятно, чтобы загладить свой проступокъ, обратилъ на меня особенное вниманіе У него были два сына и дочь трехъ лѣтъ. Онъ воспитывалъ меня, совершенно ничѣмъ не отличая отъ своихъ дѣтей; но, несмотря на это, мое положеніе было очень незавидно. Кажется, что судьба съ перваго дня моего рожденія заклялась противъ меня непримиримою враждою...

Сурскій. Понимаю: вѣрно, его жена...

Дмитрій. Ты угадалъ: эта надутая, суевѣрная змѣя-женщина есть всегдашняя моя гонительница. Она ненавидѣла меня за то, что я, будучи сыномъ ея лакея, пользовался любовію ея мужа и обходился съ ея дѣтьми, какъ съ равными себѣ. Какъ часто за меня происходили у ней съ мужемъ неудовольствія, споры и даже самыя ссоры! Ея сыновья, которыхъ она любила до безумія и баловала, раздѣляли ея ненависть и дѣлали со мною всякія пакости. Я жилъ въ дому моего благодѣтеля отчужденный отъ всѣхъ. Только его ласки немного оживляли меня; но я и ихъ избѣгалъ, зная, что онѣ болѣе и болѣе раздражали моихъ недоброжелателей. Я всегда былъ прилеженъ къ ученію, чѣмъ большую навлекалъ ненависть маленькихъ негодяевъ, которые были примѣрные лѣнтяи. Быстро пролетѣли восемь лѣтъ моего пребыванія въ домѣ Лѣсинскаго. Съ этого времени я началъ себя помнить, и съ этого времени началось развитіе моей внутренней жизни. У моего благодѣтеля была огромная библіотека, и потому чтеніе рано сдѣлалось любимѣйшимъ моимъ занятіемъ. Оно образовало мой вкусъ и, питая начинавшія обнаруживаться во мнѣ страсти, дало мнѣ благородное направленіе. Напитанная духомъ поэзіи, душа моя окрилялась какимъ-то невыразительнымъ восторгомъ. Въ ней пробудилась любовь ко всему высокому, благородному. Почти никѣмъ не любимый, я никому не повѣрилъ ни моихъ чувствъ, ни моихъ мыслей; да еслибы захотѣлъ сдѣлать это, то могли ли бы эти толпы людей низкихъ, пресмыкающихся въ пыли презрѣнныхъ, мелочныхъ суетъ, понимать меня?...

Сурскій. Но твой благодѣтель? Я думаю, онъ могъ имѣть о тебѣ понятіе, какое ты заслуживалъ?

Дмитрій. Такъ, онъ былъ единственнымъ существомъ, кото-

рое понимало меня, котораго душа и сердце были родными моимъ. Не любя своей жены, недовольный своими дѣтьми, онъ любилъ въ разговорахъ со мною убивать время: съ улыбкою самодовольствія называлъ меня пылкою головою, молодымъ мечтателемъ, своимъ маленькимъ философомъ. Несмотря на это, я живо чувствовалъ свое одиночество и грустилъ. Задумчивость и печаль положили свою печать на моемъ лицѣ. Я казался спокойнымъ, но какъ сильно кипѣли страсти подъ одеждою этого мнимаго хладнокровія! Это была Этна, покрытая льдомъ. Такъ, другъ мой, рано почувствовалъ я пылъ души моей, рано страсти начали волновать грудь мою. Но къ этой неукротимой пылкости присоединилась чувствительность рѣдкая, необыкновенная. Всякое малѣйшее огорченіе, причиненное мнѣ кѣмъ нибудь, терзало мою душу, отнимало у меня спокойствіе и радость; но за то и малѣйшая ласка приводила въ восторгъ. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ всегда на несчастнаго. Если при мнѣ разсказывали о несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіи властей,—то адъ бунтовалъ въ груди моей!...

Сурскій. Да, чувствительность, соединенная съ пылкостію, есть ужасный даръ Неба. Горе тому, кто рожденъ съ ними и не умѣетъ покорить ихъ подъ власть разсудка! Онъ можетъ живѣе обыкновеннаго человѣка ощущать прелесть блаженства; но рано или поздно, а заплатитъ за эту бѣдственную способность кровавыми слезами!

Дмитрій. Такъ, другъ мой, ты правъ: я это испыталъ на самомъ себѣ. О, какъ горестно, какъ больно было мнѣ сносить ненависть Лѣсинской и ея сыновей! Нерѣдко я втайнѣ плакалъ, но при нихъ всегда казался спокойнымъ, хотя сердце мое стѣснялось, хотя душа страдала. Я не хотѣлъ показать имъ, что ихъ обиды для меня чувствительны. Видя сіе, они еще болѣе раздражались и наконецъ изобрѣли еще новый способъ мученія: стали называть меня... рабомъ!... *(Стремительно схватываетъ стаканъ, наполненный виномъ, разомъ осушаетъ оный и съ злобою опрокидываетъ на столъ)*. О, какое убійственное, какое ужасное дѣйствіе производило на мою душу это слово! Оно было для меня остріемъ кинжала, гибельнымъ жаломъ змѣи, которое, уязвляя мое сердце, пожирало его ядовитымъ огнемъ!... Когда съ злобною улыбкою они произносили это роковое слово, то я выходилъ изъ самого себя. Я весь превращался въ злобу и неистовство, и часто готовъ

былъ предаться влеченію моей вспыльчивости, еслибы мысль, что могу этимъ оскорбить моего благодѣтеля, не обезоруживала меня.

Сурскій. Да, это немного досадно; но гораздо благоразумнѣе презирать скотами, нежели сердиться на нихъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, просто сказалъ имъ, что они глупцы и что сердиться на нихъ—значитъ дѣлать имъ честь. Опять же вѣдь и ихъ винить нельзя: они не могли иначе поступать съ тобою. Можно ли, напримѣръ, почитать злодѣемъ русскаго мужика, готоваго зарѣзать француза за то, что онъ, по его мнѣнію, есть невѣрный басурманъ, ибо говоритъ не его языкомъ и не умѣетъ прочесть „*Отче нашъ*"? Онъ не почитаетъ подобнаго убійства за грѣхъ; онъ этимъ надѣется даже угодить Богу. Лѣсинская думаетъ, что мужъ ея не долженъ никого любить кромѣ ея и тѣхъ, коихъ она любитъ: равнять съ собою или съ ними кого-нибудь она почитаетъ за величайшее съ его стороны преступленіе. Ты, по ея мнѣнію, человѣкъ низкій и презрѣнный и между тѣмъ обходился съ ея дѣтьми, какъ равный съ равными. Подобныя симъ мысли она внушала и сыновьямъ своимъ, такъ по естественному порядку вещей они были твоими врагами. Но каково обходились съ тобою слуги Лѣсинскаго?

Дмитрій. Эти люди въ присутствіи Лѣсинской обходились со мною грубо; при господинѣ же своемъ съ униженностію расточали мнѣ свои услуги. Но я избѣгалъ ихъ услугъ и самъ исправлялъ всѣ свои нужды. Во всемъ домѣ одинъ только Иванъ, добрый старикъ, любилъ меня искренно. Онъ видѣлъ мои горести и предлагалъ мнѣ свои утѣшенія; но я отвергалъ ихъ, ибо они только растравляли раны моего сердца, а не врачевали ихъ, и увѣрялъ его, что я совершенно счастливъ. Истинною же моею отрадою было занятіе моими науками и чтеніе поэтовъ. Божественная сила поэзіи, доставляя мнѣ священныя наслажденія, непонятныя для душъ обыкновенныхъ, низкихъ, заставляла меня презирать всѣми нападками со стороны моихъ недоброжелателей. Но, другъ мой, часто случалось, что восхищенный какимъ-нибудь твореніемъ, или занятый какою-нибудь возвышенною мечтою, я слышалъ обидный голосъ моихъ враговъ. Ахъ! Этотъ голосъ внезапно пробуждалъ меня изъ райскаго усыпленія и изъ прелестнаго міра очарованій переносилъ въ міръ горькій, въ міръ плачевный, существенный. Это было для меня ужаснѣйшимъ мученіемъ! Наконецъ я началъ скучать жизнію. Какая-то неизъяснимая, томительная тоска начала давить мою душу, какъ свинецъ тяжелый; какая-то пустота поселилась въ моемъ сердцѣ,—я сталъ убѣгать людей.

Сурскій. Но скажи, пожалуй: куда дѣвалась у тебя трехлѣтпяя дочь Лѣсинскаго?

Дмитрій. Она воспитывалась у своей бабки, богатой дворянки; и когда та умерла, она переѣхала въ домъ своихъ родителей; ей тогда было шестнадцать лѣтъ.

Сурскій. Ну, и ты въ нее влюбился. Теперь хоть не разсказывай далѣе, я могу сей же часъ перечесть тебѣ наизустъ то, о чемъ ты мнѣ будешь говорить.

Дмитрій. Нѣтъ, ты не можешь даже и понять того, что я чувствовалъ. Какъ описать тебѣ эту важную эпоху моей жизни,— эпоху, которая навсегда рѣшила мою участь? Въ тишинѣ и уединеніи копились и зрѣли въ груди моей страсти и волновали ее, какъ ярыя волны потока; но этотъ потокъ удерживался крѣпкою плотиною: взглядъ Софьи разорвалъ ее, и онъ разлился, какъ бурное море! Признаюсь, красота ея поразила меня съ перваго взгляда и сдѣлала сильное впечатлѣніе на мою душу, страстную ко всему прекрасному. Она имѣетъ высокій ростъ, величественную осанку; на возвышенномъ челѣ ея отражаются признаки ума и благородства. Ты не можешь представить себѣ, какую неизъяснимую прелесть имѣютъ ея черные, живые глаза, какъ пламенны, горды ея взоры, какъ сладостенъ ея голосъ, какъ очаровательна улыбка! Но нѣтъ, другъ мой, я слишкомъ слабъ, чтобы могъ начертать тебѣ хотя легкій абрисъ этого плѣнительнаго существа, чтобы дать о немъ хотя малѣйшее понятіе. Сначала я думалъ, что Софья подъ этою прелестною наружностію скрываетъ качества своей матери, но при взглядѣ на нее сомнѣнія мои исчезали. Въ ея ясныхъ взорахъ блистаетъ такая откровенность, такое кроткое величіе, которыя не допускаютъ подозрѣвать ее въ низости чувствъ; въ ея одушевленныхъ разговорахъ видно это благородство мыслей, эта возвышенность чувствъ, которыхъ источникомъ всегда бываетъ прекрасная душа.

Сурскій. Итакъ, эти пламенные, гордые взгляды черныхъ, живыхъ глазокъ, эти одушевленные разговоры, это благородство мыслей, эта возвышенность чувствъ, какъ водится, зажгли твое ретивое; ты началъ дѣлать тысячи глупостей, которыя могутъ имѣть слѣдствія самыя неблагопріятныя, а особливо для тебя. Впрочемъ, говори, братъ, говори: повѣсть твоя для меня интересна; я и самъ нѣкогда донъ-кихотствовалъ по твоему, но дорого пришлись мнѣ эти глупости: они и теперь еще отдаются въ моемъ сердцѣ, какъ хриплый кашель больнаго въ пустой комнатѣ. Но, Дмитрій, вѣрно страсть твоя осталась для Софьи неизвѣстною?

Дмитрій. Какъ это? Почему?... Нѣтъ, любезный другъ, къ моему величайшему счастію вышло совсѣмъ напротивъ, и вотъ какимъ образомъ. Однажды Лѣсинская, чтобы оскорбить меня, умышленно завела за столомъ разговоръ съ своими сыновьями о преимуществахъ, доставляемыхъ людямъ правами рожденія. Ея мужъ, по обыкновенію, противорѣчилъ имъ. Наконецъ Софья приняла его сторону. О, другъ мой, съ какимъ жаромъ она говорила! Какую непобѣдимую силу имѣли доказательства въ ея устахъ! Она утверждала, что права происхожденія, предки суть ничто иное, какъ предразсудки, постыдные для человѣчества, что единственно однѣ достоинства личныя должны давать права на почести и славу. Мать ея не могла выдержать этихъ быстрыхъ, огненныхъ взоровъ, не могла противиться этому сильному, убѣдительному краснорѣчію, этимъ доказательствамъ, источникомъ которыхъ была истина. Она смѣшалась, не знала, что говорить, замолчала и досаду свою начала вымещать на бѣдныхъ слугахъ. Я молчалъ и взоры мои безмолвно выражали благодарность милому, прелестному существу, которое съ такимъ жаромъ защищало меня. Съ сего незабвеннаго времени, какая-то непостижимая симпатія начала сближать меня съ Софьею. Мой мрачный, печальный видъ, мои странные поступки, любовь ко мнѣ Лѣсинскаго и ненависть жены его—все это обратило на меня вниманіе, и она всегда старалась заводить со мною разговоры о литературѣ, о писателяхъ и тому подобномъ. Наконецъ я почувствовалъ что-то такое, чего самъ не могъ изъяснить. Съ этого мгновенія—дивись чудесамъ любви—все существо мое измѣнилось; я сталъ совсѣмъ другой: мысли мои сдѣлались возвышеннѣе, чувства благороднѣе. Я сталъ къ самому себѣ чувствовать какое-то особеннаго рода уваженіе, ибо почиталъ себя выше обыкновеннаго человѣка. Исчезла мрачность, пропала скука, и лучъ божества освѣтилъ печальный путь моей жизни, искра надежды заронилась въ мою безотрадную душу. Я узналъ, чего жаждала душа моя, чего требовало сердце. Съ тѣхъ поръ быть около Софьи, говорить съ нею сдѣлалось необходимостію моей души. О, другъ мой, какъ прекрасна душа ея! Съ какимъ благороднымъ жаромъ говорила она о доблестяхъ добродѣтели! съ какимъ пламеннымъ энтузіазмомъ о тѣхъ важныхъ пожертвованіяхъ, о томъ божественномъ самоотверженіи, которымъ увѣковѣчили свое имя герои древнихъ и новыхъ временъ! Ты не можешь представить, до какой степени восхищаетъ ее всякій благородный поступокъ, до какой степени плѣняетъ все, что только выходитъ изъ предѣловъ

обыкновеннаго. Въ одно и то же время она трепетала при имени Брута, какъ великаго мученика свободы, какъ добродѣтельнаго самоубійцы, и при имени Сусанина, запечатлѣвшаго своей кровію вѣрность царю. Болѣе же всего ее восхищала исторія двухъ римлянокъ: Лукреціи и Виргиніи. При этихъ священныхъ для нея именахъ, вмѣсто кроткой задумчивости, блиставшей въ ея глазахъ, сверкали молніи...

Сурскій *(съ неудовольствіемъ)*. Вѣрю, вѣрю. Я вижу, что тутъ нашла коса на камень. Что жъ далѣе?

Дмитрій. Такимъ образомъ, изъясняя другъ другу свои чувства и мысли, мы узнали, что мы сотворены другъ для друга,—узнали—и души наши породнились. Я въ ней нашелъ мой идеалъ, давно уже въ неясномъ образѣ рисовавшійся въ моемъ воображеніи; въ ея взорѣ я прочелъ тайну бытія человѣка, цѣль его жизни. Хотя еще въ разговорахъ нашихъ слово *любовь* не упоминалось, но всѣ наши движенія, всѣ поступки выражали оную. Я блаженствовалъ, но къ совершенству моего блаженства недоставало райскаго—*люблю* изъ устъ прелестной; но скоро я дождался и этого счастія. Однажды Лѣсинская захворала; Софья не отходила отъ ея постели. Наконецъ ей стало легче и послѣ продолжительной безсонницы она уснула. Отецъ Софьи поѣхалъ осматривать сельскія работы, а достопочтенные ея братцы ускакали съ лакеями травить зайцевъ. Еще прежде сего я обѣщался Софьѣ читать Озерова „Фингала“, и такъ какъ болѣзнь ея матери не препятствовала болѣе сему намѣренію, то она и напомнила мнѣ о моемъ обѣщаніи. Я взялъ книгу и мы пошли въ садъ. Давно уже тревожило меня желаніе объясниться съ нею. Теперь вдругъ въ головѣ моей блеснула эта мысль. Я хотѣлъ выполнить ее, но не осмѣливался: какой-то тайный страхъ, какая-то непонятная робость удерживала меня отъ сего. Едва рѣшусь, сердце оторвется, и меня обольетъ то холодомъ, то жаромъ. Она замѣтила мое смущеніе и, какъ будто бы испугавшись, просила начать чтеніе. Томимый желаніемъ высказать ей то, что лежало на душѣ моей, я читалъ механически, ничего не понимая. Она слушала, устремивъ глаза свои въ землю; сильное волненіе изображалось на лицѣ ея: оно безпрестанно измѣнялось. Наконецъ я началъ читать явленіе, въ которомъ представлено свиданіе Фингала съ Моиною. Боже мой! что вдругъ сдѣлалось со мною? Я забылъ трагедію, Моину, Фингала,—одни только слова его огненною рѣкою лились изъ устъ моихъ; этотъ жаръ, это изступленіе, съ коими я декламировалъ ихъ, ясно показали

Софьѣ, что̀ я чувствовалъ и къ кому относится монологъ Фингала. Пламенные взоры мои пожирали ее, сердце билось сильно, порывисто, лицо горѣло, я весь трепеталъ, голосъ замиралъ на устахъ моихъ... я все забылъ... помню только то, что, бросившись въ объятія моей подруги, я вскричалъ прерывистымъ голосомъ: „Софья, любишь ли ты меня?“ Пламенный поцѣлуй и волшебное *люблю* были ея отвѣтомъ. (*Быстро вскакиваетъ и съ увеличивающимся жаромъ, безпрестанно возвышая свой голосъ, продолжаетъ.*) Такъ, другъ мой, я вкусилъ на землѣ радости неба, я выпилъ до дна чашу любви и наслажденья, я жилъ въ полномъ смыслѣ этого слова; я могу это сказать! (*Наливаетъ стаканъ и выпиваетъ его съ жадностію.*)

Сурскій. Помилуй, Дмитрій, опомнись: ты совершенно изъ себя выходишь. Бога ради, умѣрь свои восторги.

Дмитрій. Одно воспоминаніе объ этой священной, незабвенной минутѣ дѣлаетъ меня блаженнымъ, переноситъ на небо и приводитъ душу мою въ такое состояніе, что она не въ силахъ вынесть собственныхъ своихъ восторговъ. Такъ, я получилъ признаніе изъ устъ обожаемой; я узналъ, что я любимъ. Это признаніе дѣлало то, что я то не вѣрилъ своему счастію, то завидовалъ самому себѣ; этимъ признаніемъ все существо мое, такъ сказать, освятилось: черные помыслы, низкія чувства бѣжали отъ меня далече: они не осмѣливались осквернить то сердце, въ которомъ любовь воздвигнула себѣ алтарь. Я даже пересталъ ненавидѣть враговъ своихъ; нѣтъ, я сожалѣлъ о нихъ. Бѣдные, думалъ я, они не могутъ любить! Такъ, Сурскій, блаженъ, кто испыталъ очарованіе любви, кто вкусилъ ея радости! Блаженъ, кто зналъ эту высокую, святую гармонію душъ! Если ангелы могутъ завидовать людямъ, то это человѣку, который любитъ и любимъ! Любовь наполняетъ все существо мое, дѣлаетъ меня полубогомъ! Я не знаю, можетъ ли быть на землѣ такое пожертвованіе, котораго бы я не въ силахъ былъ сдѣлать для моей любезной; есть ли такіе подвиги, которыхъ бы я, воспламененный ею, не могъ свершить? Въ сіяющихъ очахъ моей милой я вижу два путеводныя свѣтила, долженствующія освѣщать дорогу моей жизни; въ гармоническихъ звукахъ ея голоса я слышу бряцаніе арфъ, на коихъ серафимы въ горнихъ селеніяхъ поютъ славу Бога; въ ея очаровательной улыбкѣ я вижу отверзающійся эдемъ счастія. Когда я гляжу на нее, то душа моя, пожираемая восторгами, не могущая ихъ вынести, готова исторгнуться изъ тѣла. Въ эту минуту я желалъ бы говорить, но могу только въ сладостномъ безмолвіи удивляться, чув-

ствовать и обращать на небо благодарные взоры. Но что я говорю тебѣ? Любилъ ли ты? Испыталъ ли ты могущество этой божественной страсти, ощущалъ ли блаженство, которое она рѣкою изливаетъ на своихъ любимцевъ? Клокотала ли въ груди твоей эта огненная лава? Вмѣщала ли душа твоя весь эдемъ радостей, какія только могутъ существовать на землѣ? Сидѣлъ ли ты съ своею любезной въ тѣнистой бесѣдкѣ, когда восходящее солнце разливаетъ по небу румяный блескъ, когда утихаетъ дневной шумъ и воздухъ растворяется благоуханіемъ цвѣтовъ? Обмирая отъ избытка чувствъ, приклонялся ли ты усталою головою на ея бьющуюся грудь? Билось ли ея сердце около твоего? Падала ли она въ твои объятія и, утопая въ восторгахъ, утомленная оными, трепещущимъ, задыхающимся голосомъ шептала ли очаровательныя слова любви?... Нѣтъ! Ты не испыталъ этого! Ты не можешь понять меня!...

Сурскій. Послушай, Дмитрій: я вѣрю, что любовь есть чувство неземное, что въ ней заключается верхъ человѣческаго блаженства; но крайности ни въ какомъ случаѣ не хороши. Любовь своимъ кроткимъ, эфирнымъ пламенемъ должна согрѣвать человѣка, а не жечь его. Дмитрій, всегда ли любовь твоя была чиста и безкорыстна?

Дмитрій. Какое тутъ безкорыстіе, какая чистота? Неужели ты думаешь, что согласіе родителей, пустые обряды даютъ право двумъ существамъ питать другъ къ другу любовь и наслаждаться ею? Неужели ты слѣдуешь этимъ глупымъ, унизительнымъ для человѣчества предразсудкамъ? Одна только природа соединяетъ людей узами любви и позволяетъ имъ наслаждаться всѣми благами, какія только можетъ она доставлять имъ. Такъ, клянусь тебѣ, какъ моему другу, клянусь всему, что только дышетъ, существуетъ, что Софья моя супруга!...

Сурскій (*съ негодованіемъ*). Какъ? Неужели? Что говоришь ты, безумецъ?... Но чему тутъ удивляться: не долженъ ли я былъ ожидать этого?

Дмитрій (*не замѣчая, что слова его возбудили негодованіе Сурскаго, съ постепенно возрастающимъ жаромъ говоритъ*). Такъ, клянусь Всемогущимъ Богомъ: она моя супруга! Воспламененные любовію, вознесенные ею на верхъ возможнаго блаженства, могли ли мы думать объ этихъ ничтожныхъ условіяхъ, изобрѣтенныхъ людьми для собственнаго своего мученія? Могли ли имѣть нужду въ соединеніи людей, когда сама природа, — этотъ органъ воли Всемогущаго,—соединила насъ и открыла намъ неисчерпаемый источ-

никъ наслажденій неизъяснимыхъ? Такъ, живо, живо помню эту минуту!... Былъ вечеръ. Въ райскомъ упоеніи сидѣли мы въ саду. Дрожащими руками я сжималъ горячія руки моей любезной. Весь міръ исчезалъ въ глазахъ нашихъ; мы видѣли только другъ друга и, стараясь высказать чувства, наполнявшія наши души, не находили словъ, только прерывистое, замирающее на устахъ *люблю*, пожирающіе взоры и пламенные поцѣлуи составляли нашъ разговоръ. Сильно бились сердца наши, огненною рѣкою волновалась кровь въ нашихъ жилахъ—и мы сгарали, томимые сладостною мукою желанія. Это уединеніе, въ которомъ мы находились, эта темнота вечера, которую еще болѣе углубляли наклонившіяся надъ нами вѣтви деревъ, это упоеніе душъ, это забвеніе чувствъ повергли насъ въ объятія другъ друга... и души наши слились и замерли... одни заглушаемые стоны, одно сильное біеніе сердца давало знать, что мы еще живы... Съ тѣхъ поръ цѣлые два мѣсяца нектаромъ любви и сладострастія я утолялъ жажду, пожиравшую меня, цѣлые два мѣсяца безпечною рукою пожиналъ розы счастія. Но, другъ мой, тутъ-то я узналъ на опытѣ печальную истину, что нѣтъ счастія безъ горести, нѣтъ розы безъ шиповъ. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ какую-то непонятную перемѣну въ характерѣ и поступкахъ Софьи: обыкновенная ея веселость и живость исчезли, мѣсто [1] ихъ заступила задумчивость, которая, впрочемъ, еще болѣе возвышала ея красоту. Даже часто слезы, эти чистые перлы любви, —текли изъ прелестныхъ ея глазъ, какъ предвѣстники злополучія. Казалось, какая-то тайна тяготила ея душу,—тайна, которую въ одно и то же время ей хотѣлось открыть мнѣ и скрыть отъ меня. Глядя на нее, и я самъ началъ грустить. Но эти рѣдкія минуты горести съ избыткомъ были вознаграждаемы цѣлыми часами наслажденій, цѣлыми часами, въ продолженіи коихъ мы, поверженные въ объятія одинъ другаго, въ нѣмомъ восторгѣ, въ томленіи чувствъ, въ изступленіи страсти, на землѣ вкушали радости, извѣстныя только небожителямъ. Но недолговременно было мое счастіе. Вдругъ мой благодѣтель послалъ меня сюда для исполненія одного дѣла, о которомъ я скажу тебѣ послѣ. Не нужно говорить тебѣ, чего стоила мнѣ разлука съ моимъ божествомъ.

Сурскій. Долго я слушалъ тебя хладнокровно, наконецъ безуміе твое заставило меня выдти изъ самого себя. И ты, и ты не чувствуешь угрызенія совѣсти, и ты не видишь всей гнусности

---

[1] Въ рукописи: „вмѣсто".

твоего поступка? Обольститель, обольститель! что ты сдѣлалъ? Сладокъ былъ сонъ твой, но горестно пробужденіе.

Дмитрій. Сурскій! Ты ли говоришь это? ты ли, который безпрестанно утверждаешь, что только одинъ разсудокъ есть твой господинъ? Изъясни мнѣ вину мою: скажи мнѣ, чѣмъ я заслужилъ эти упреки?

Сурскій. И ты еще, послѣ всего сказаннаго тобою, притворяешься непонимающимъ вины своей? Если такъ, то я растолкую тебѣ ее: ты—обольститель, неблагодарный человѣкъ, нарушившій законы чести и справедливости!...

Дмитрій (*въ изумленіи*). Кто?... Я?... Я обольститель, неблагодарный человѣкъ, нарушившій законы чести и справедливости!... И это сказалъ человѣкъ, называющій себя моимъ другомъ! Ха! ха!... ха!... Вотъ каковы друзья! Они подобны колодцу, котораго вода растворена ядомъ и который для того только приманиваетъ къ себѣ жаждущаго путника, чтобы отравить его!... Сурскій, если обижать меня ты почитаешь правомъ дружбы, то прошу меня уволить отъ нея. (*Повелительнымъ тономъ*). Милостивый государь! я хочу быть одинъ!

Сурскій. Очень хорошо: я доставлю вамъ это удовольствіе (*Хочетъ идти.*)

Дмитрій (*въ бѣшенствѣ*). Но нѣтъ, постой! Докажи мнѣ, непремѣнно докажи справедливость словъ твоихъ: иначе я не выпущу тебя отсюда. Если обвиненіе твое справедливо, то торжествуй: гибель моя неизбѣжна; но горе тебѣ, горе, если оно будетъ ничто иное, какъ гнусная клевета!

Сурскій (*хладнокровно*). Что жъ? За чѣмъ дѣло стало? Докажи, что ты не послѣдній храбрецъ, что ты даже въ состояніи убить человѣка, сказавшаго тебѣ правду!

Дмитрій. Сурскій! Сурскій! Твое адское хладнокровіе убиваетъ меня!... И такъ еще разъ съ спокойнымъ челомъ ты можешь сказать мнѣ, что слова твои справедливы?

Сурскій. Клянусь честью, справедливы!

Дмитрій (*стараясь подавить свою злобу*). Итакъ, я злодѣй, подлецъ!?...

Сурскій. Да, хотя и неумышленный.

Дмитрій. Но въ чемъ же состоитъ вина моя?

Сурскій. Послушай, Калининъ: я знаю, что внутреннее чувство увѣряетъ тебя въ справедливости моихъ словъ; но ты боишься увѣриться въ немъ и стараешься ложными софизмами оправдать

себя въ собственныхъ своихъ глазахъ, стараешься обмануть самого себя. Если ты будешь хладнокровно меня слушать, то увѣришься въ истинѣ словъ моихъ.

Дмитрій. Говори, говори... Я скрѣплю свое сердце, я подавлю свои чувства..., буду твердъ какъ булатъ.

Сурскій. Не есть ли Лѣсинскій твой благодѣтель и не обязанъ ли ты ему благодарностію? И чѣмъ же ты изъявилъ ему оную? Ты увидѣлъ его дочь—и полюбилъ ее;—полюбилъ, несмотря на то, что судьба, люди, законы, предразсудки—все запрещаетъ тебѣ любить ее. Впрочемъ еще въ этомъ тебя нельзя обвинить. Но если ты человѣкъ истинно благородный, гордый, съ душою мощною, твердою, то не должно ли бы тебѣ было скрывать, этого мало—преодолѣвать свою страсть?

Дмитрій. Какъ, я долженъ былъ убѣгать своего счастія? Долженъ былъ осудить себя на вѣчное мученіе, тогда какъ небо отверзалось передо мною?

Сурскій. Да, другъ мой, долженъ. И гдѣ же познается истинное величіе человѣка, какъ не въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ онъ рѣшается лучше вѣчно страдать, нежели сдѣлать что-нибудь противное совѣсти? Гдѣ же болѣе обнаруживается нравственное могущество человѣка, какъ не въ борьбѣ съ судьбою, какъ не тамъ, гдѣ онъ подъ ледяною одеждою хладнокровія скрываетъ страсти самыя свирѣпыя, если предвидитъ, что они могутъ довести его до преступленія? Обращусь къ тебѣ. Не долженъ ли ты имѣть этой благородной гордости, этого, ничѣмъ непобѣдимаго, чувства чести, которыя отличаютъ истиннаго человѣка отъ толпы презрѣнной? Честь должна быть идоломъ всякаго благородно мыслящаго и онъ не долженъ измѣнять ей ни за какія блага въ мірѣ. Ежели бы ты слѣдовалъ этимъ правиламъ, то бы или навсегда отказался отъ мысли любить Софью, или заслужилъ на это неотъемлемое право. Ты самъ сказалъ, что для тебя, воспламененнаго любовію, нѣтъ на землѣ подвиговъ, коихъ бы ты не въ силахъ былъ совершить. Для чего же ты не доказалъ этого на дѣлѣ? Ты человѣкъ свободный, могъ бы идти въ военную службу, въ коей или палъ бы на полѣ брани, какъ слѣдуетъ истинному сыну отечества, и вмѣстѣ съ горестною жизнію окончилъ бы и мученія свои, или бы отличился храбростію, покрылъ себя славою, пріобрѣлъ чины, достоинства и титла, которыя столько уважаются всѣми. И тогда бы ты имѣлъ право открыто требовать руки Софьи, а не насильно ввязываться въ родство знатныхъ, богатыхъ людей и тихонько, подобно

вору, похищать у дѣвушки единственное и ничѣмъ невозвратимое сокровище каждой женщины—честь. Кто тебѣ далъ право назвать Софью своею женою безъ приличныхъ и необходимыхъ для сего обрядовъ?...

Дмитрій. Любовь!...

Сурскій. Прибавь: безумная. Но что скажетъ твой благодѣтель, когда узнаетъ о безчестіи, нанесенномъ тобою его дому? Не станетъ ли онъ трепещущею отъ старости рукою вырывать свои сѣдые локоны, столь ужасно посрамленные? И кѣмъ же? Человѣкомъ, который ему всѣмъ обязанъ,—человѣкомъ, котораго онъ любилъ съ горячностію отца! Кто далъ тебѣ право нарушить законы твоего отечества, обычаи общества, среди коего живешь,—обычаи, освященные вѣками? Отвѣчай мнѣ. Съ спокойнымъ челомъ требую отъ тебя отвѣта. Съ спокойнымъ челомъ еще разъ повторяю: „слова мои справедливы!...“

Дмитрій. Нѣтъ, несправедливы! Когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самаго разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ. Неужели я потому только не имѣю права любить дѣвушку, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ? Она меня любитъ: вотъ неотъемлемое право и мнѣ отвѣчать ей тѣмъ же! Неужели людей соединяютъ ничтожные обряды, а не любовь?

Сурскій. Послѣдняя соединяетъ, а первые утверждаютъ это соединеніе. Еслибы ты съ своею любезною жилъ на необитаемомъ островѣ, то въ такомъ случаѣ одна природа подавала бы тебѣ законы. А когда ты живешь съ людьми, связанъ съ ними узами нуждъ, то и долженъ отъ нихъ зависѣть. Кто съ вѣдома людей и законнымъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ сокровища, тотъ владѣй ими смѣло, въ противномъ же случаѣ хоть не считай ихъ своими. Что будетъ съ Софьей, когда они узнаютъ ея связь съ тобою? Не будетъ ли удѣломъ ея презрѣніе всѣхъ и каждаго? Но ты это давно долженъ знать. Вы оба давно уже чувствовали тайное мученіе, но боялись растолковать его себѣ. Безумные! Это былъ тайный голосъ вашей совѣсти,—голосъ, къ которому вы были глухи!...

Дмитрій. Проклятый разочарователь! торжествуй: ты правъ! ты правъ! Но для чего ты открываешь мнѣ глаза тогда, какъ я уже стремглавъ полетѣлъ въ бездонную пропасть, открытую мнѣ враждебною судьбою? Не для того ли, чтобы освѣщать мнѣ всѣ ужасы, которые она скрываетъ въ себѣ?... О, Сурскій! О, Сурскій!

Съ высоты небесъ ты низвергнулъ меня въ адскія бездны, изъ царя сдѣлалъ нищимъ! О! не смотри на меня такими глазами: они убиваютъ меня, какъ взгляды василиска! Въ этихъ выразительныхъ, ледяныхъ взорахъ я читаю укоръ, читаю мое преступленіе, или, лучше сказать, мщеніе жестокаго рока!... Но что я говорю! Развѣ я не былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ? Развѣ одна минута возможнаго блаженства не можетъ замѣнить цѣлыхъ вѣковъ страданій? Пусть судьба вооружается противъ меня, пусть устремляетъ на меня свои сокрушительные громы— я не вострепещу. Какъ бы ни были ужасны ея удары, они ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ, которымъ я нѣкогда упивался! Если я буду въ нищетѣ и презрѣніи влачить дни мои въ рабскомъ плѣну у варваровъ, осужденный прокапывать дороги между горами, если мое тѣло разрушится отъ ужаснѣйшихъ болѣзней, если я буду лежать на дорогѣ, покрытый струпами, томимый голодомъ и жаждою, палимый лучами солнца, ежели хищныя птицы будутъ расклевывать мое полуживое тѣло; то и тогда.... Нѣтъ, этого мало: если я буду, несправедливо осужденный, въ ужаснѣйшихъ истязаніяхъ испускать послѣднее дыханіе на колесѣ, то и тогда воспоминаніе о быломъ счастіи будетъ въ ничто обращать всѣ гоненія ожесточеннаго рока!... Я вспомню первый вздохъ любви, вырвавшійся изъ груди прекрасной, первое ея признаніе, первый пламенный поцѣлуй ея; вспомню первое упоеніе любви и сладострастія, вспомню—и съ холодною улыбкою презрѣнія вытерплю всѣ возможныя мученія, хотя бы изобрѣтателемъ ихъ былъ адъ! Но, Алексѣй, я не могу еще сказать счастію вѣчное *прости*: лучъ надежды еще не погасъ въ душѣ моей. Теперь я ожидаю письма отъ моего благодѣтеля, въ немъ будетъ приказаніе возвратиться мнѣ домой. По пріѣздѣ я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей винѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими просьбами, соединитъ мою руку съ рукою дочери. Онъ чуждъ предразсудковъ,— я увѣренъ въ этомъ, и эта увѣренность питаетъ мою надежду. Вѣрь словамъ моимъ: они сбудутся. О, вѣрь, Бога ради, вѣрь, (*схватываетъ руку Сурскаго.*) я прошу тебя. Для чего холодная улыбка, это сомнительное выраженіе лица? Умоляю тебя, вѣрь мнѣ! Я приведу къ нему Софью и скажу ему: „насъ соединила любовь, соедини и ты". Съ слезами радости онъ назоветъ меня своимъ сыномъ, прижметъ къ старческой своей груди; а я, восторженный моимъ счастіемъ,—я буду рыданіемъ отвѣчать на его отеческія ласки, буду обнимать его колѣна, лобызать его серебряные локоны.

Съ тѣхъ поръ мои дни польются тихимъ потокомъ, въ которомъ всегда будетъ отражаться чистая лазурь неба. Цвѣточной цѣпію прикую къ себѣ вѣтреное, легкокрылое счастіе, и вся жизнь моя будетъ восторгъ, упоеніе и любовь!...

Сурскій. Дмитрій, право, ты настоящій ребенокъ; ты ничего не видишь. Самъ посуди: можетъ ли Лѣсинскій, нося на себѣ званіе дворянина, самовольно располагать своими поступками въ столь важномъ дѣлѣ и презирать общественнымъ мнѣніемъ? Онъ имѣетъ жену; она лучше позволитъ закопать себя живую въ землю, нежели видѣть свою дочь твоею женою. Она—мать; въ семъ случаѣ права ея такъ же неоспоримы, какъ и право отца; сами законы вступятся за оныя. То-то надобно бы почаще совѣтываться съ холоднымъ разсудкомъ, да дѣлать счеты да выкладки.

Дмитрій. Алексѣй, Бога ради не усугубляй моихъ ужасныхъ терзаній своими холодными разсужденіями, своими мрачными предчувствіями: они оледеняютъ мое сердце, еще лелѣемое надеждою; они отдаются въ немъ, какъ унылые, протяжные удары погребальнаго колокола, какъ звуки цѣпей на рукахъ узника. Для чего ты безпрестанно разочаровываешь мою душу? Для чего отдаляешь отъ глазъ моихъ плѣнительные образы ангеловъ счастія, а представляешь вмѣсто ихъ ужасныхъ, отвратительныхъ скелетовъ?... Другъ мой! Я было заснулъ на минуту, а сонъ несчастнаго долженъ быть для всякаго священнымъ! Для чего разбужать его, очарованнаго обольстительными видѣніями. Ахъ, какъ смежно блаженство съ злополучіемъ! Давно ли я не могъ найти словъ для высказанія моего счастія, а теперь?... Боже мой!... *(Закрываетъ глаза руками и погружается въ мрачную задумчивость.)*

Сурскій. Калининъ! Калининъ! Это ли есть признакъ души высокой, благородной? Голова пылкая и безумная! Когда ты опомнишься, когда ты перестанешь метаться изъ крайности въ крайность и попадешь на счастливую середину?... На что это похоже? Когда ты почиталъ себя счастливымъ, то восторгамъ твоимъ не было мѣры, а когда увидѣлъ слѣдствія твоего безумія, то сдѣлался малодушнымъ, какъ ребенокъ. Нѣтъ, по нашему не такъ! Если тебя постигъ ударъ судьбы, то изыскивай средства отвратить его; если же этого невозможно сдѣлать, то страдай и молчи: будь гордъ въ самомъ бѣдствіи, не падай подъ бременемъ онаго и докажи, что ты не подвластенъ даже и самому року!

Дмитрій. Такъ, другъ мой, ты правъ. Слова твои ободряютъ и воскрешаютъ меня. Такъ, къ чему это уныніе? Неужели надеж-

да дана человѣку только для усугубленія его горестей?... Нѣтъ, прочь отъ меня эти гибельныя мысли! Я еще вѣрую въ счастіе: я буду опять счастливъ! Мой благодѣтель снабдитъ меня деньгами и я удалюсь съ ними и съ Софьею, если не на край свѣта, то, по крайней мѣрѣ, такъ далеко, чтобы счастіе наше не могло мучить души злыхъ. Ты самъ, мой другъ, послѣдуешь за нами, не правда ли? Наши дни будутъ лелѣемы тѣми чистыми, небесными радостями, которыя доставляютъ человѣку любовь, дружба и родство! Я буду имѣть дѣтей, ты будешь ихъ воспитывать... Не правда ли, это прекрасно? (*Болѣзненнымъ голосомъ*). Такъ, мы будемъ счастливы, не правда ли?...

Сурскій. Бѣдный! Ты похожъ на человѣка, который, утопая въ морѣ, хватается за соломенку. (*Вбѣгаетъ Ѳедоръ.*)

Ѳедоръ. Письмо, сударь, письмо!...

Дмитрій. Письмо?... письмо?... Гдѣ оно?... Дай сюда скорѣй!... Оставь насъ однихъ... (*Ѳедоръ уходитъ.*)

Сурскій. Читай скорѣй!

Дмитрій. Ахъ, другъ мой, сердце мое оторвалось, я какъ будто бы чего-то испугался. Какое-то горестное предчувствіе... руки мои дрожатъ... я страшусь... (*Разламываетъ печать, развертываетъ письмо и, прочтя нѣсколько строкъ, глядитъ какъ остолбенѣлый на Сурскаго*).

Сурскій. Другъ мой, что съ тобою сдѣлалось? (*Продолжительное молчаніе.*)

Дмитрій (*съ отчаянною улыбкою*). Прекрасныя вѣсти! прекрасныя вѣсти! Мой благодѣтель умеръ! (*Упадаетъ на стулъ безъ чувствъ, Сурскій старается помочь ему; наконецъ онъ приходитъ въ память.*) Итакъ, все рѣшено. Вотъ конецъ поприща, по которому я такъ весело, такъ безпечно пробѣгалъ! Кто могъ это предвидѣть?... Неужели любовь для того только льстила мнѣ, чтобы такъ жестоко обмануть меня? Благодѣтель мой умеръ: теперь все кончено!... Сурскій, ты читалъ эти строки? Кто писалъ ихъ? Что въ нихъ еще есть утѣшительнаго?... Дай мнѣ ихъ! (*Сурскій подаетъ письмо*). „Почтеннѣйшій, высокоименитый господинъ, пылкая голова, молодой мечтатель, маленькій философъ!“ Какъ! Это что значитъ? Га! Какая адская злоба, какая черная ненависть! „Вашъ благодѣтель, не успѣвши излить на васъ остатки щедротъ своихъ, изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ!“ Сурскій! прочти, Бога ради, подпись: въ моихъ глазахъ мелькаетъ имя Андрея Лѣсинскаго, но я не вѣрю моимъ встревоженнымъ чувствамъ: они меня обманываютъ.

Сурскій. Такъ точно, тутъ подписано его имя.

Дмитрій. Его имя? И это писалъ сынъ объ умершемъ отцѣ своемъ! Неужели развращеніе людей можетъ простираться до такой степени?... „Ваша отпускная... уничтожена, сестра наша выходитъ замужъ за князя Кизяева, и такъ какъ у насъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то и просимъ васъ всепокорнѣйше... какъ можно поскорѣе пожаловать... къ намъ“. Сурскій! что это значитъ? Насмѣшка, или истина?... А! понимаю. Софья выходитъ замужъ; отпускная моя уничтожена — я рабъ!... Ха! ха! ха!... (*Подходитъ къ Сурскому и съ неистовымъ восторгомъ треплетъ его по плечу.*) Я рабъ, Софья выходитъ замужъ! Слышишь ли ты это?... А! Неужели отъ этихъ словъ лицо твое не дѣлается лицемъ Гарпіи и волосы твои не превращаются въ шипящихъ змѣй?... Что ты задумался? Неужели ты можешь въ эту минуту имѣть другія чувства, кромѣ неистовства и злобы, другія желанія, кромѣ мщенія и крови?... Я рабъ!... Я буду прислуживать при столѣ... и кому же?... Андрею и Петру Лѣсинскимъ, — при столѣ, который будетъ даваться по случаю свадьбы ихъ сестры!... Знаешь ли ты, кто эта сестра и что она для меня значитъ?... Ея мужъ обратится ко мнѣ и презрительно скажетъ: „человѣкъ, подай тарелку!“ Этого мало, онъ будетъ при мнѣ обнимать Софью, цѣловать её!... Ха! ха! ха!... Что ты не смѣешься?... Не смѣшно ли это?... (*Схватываетъ руками голову.*) Чувствуешь ли ты, какъ горитъ моя голова? она раскалена адскимъ пламенемъ! Чувствуешь ли ты, какъ страждетъ это бѣдное сердце? лютое отчаяніе вонзило въ него свои кровавые когти и раздираетъ его на милліоны частей!... Ахъ, ужасно! ужасно!... (*Погружается въ мрачную задумчивость. Продолжительное молчаніе*).

Сурскій. Боже мой! Онъ почти съ ума сходитъ! Что мнѣ дѣлать съ нимъ?

Дмитрій (*вскакиваетъ въ бѣшенствѣ*). Гдѣ, гдѣ оно, гдѣ это письмо?... Дай мнѣ его!... (*Схватываетъ письмо, разрываетъ его на части и бросаетъ на полъ.*) Видишь ли ты эти лоскутки? Какъ разорвалъ я эту бумагу, такъ разорву и написавшихъ её!... Я расщиплю на части ихъ тѣло! Я высосу по каплѣ кровь изъ жилъ ихъ! Я притащу ихъ на могилу моего благодѣтеля, скажу имъ: „здѣсь погребенъ отецъ вашъ“, и брошу въ глаза ихъ эти лоскутки. (*Скрипитъ отъ ярости зубами.*) О, тщетны будутъ мольбы ихъ! тщетно будутъ обнимать колѣна мои!... О, какое сладостное зрѣлище!... какое веселое пиршество!... Сурскій, видишь ли

какъ черная кровь клубится изъ зіяющихъ ранъ ихъ? Видишь ли, какъ ужасно смерть исказила посинѣлыя уста ихъ?... Какъ страшно они обращаютъ на меня свои кровавые глаза?... Видишь ли ты эти судорожныя движенія, это бореніе смерти съ жизнію, эти глухіе, хриплые стоны? они предшествуютъ смерти! Но она еще медлитъ: она хочетъ усладить меня этимъ зрѣлищемъ. Видишь: кровавыми руками они разрываютъ землю и грызутъ ее зубами! Видишь ли, какъ черная пыль смѣшалась съ багровою пѣною? Тсъ!... тише!... молчи!... Слышишь, они изрыгаютъ на меня свои проклятія!... Сурскій, уйдемъ отсюда! (*Тащитъ его за руку.*) Мнѣ страшно здѣсь, я дрожу... я весь оледенѣлъ... мои волосы стоятъ горою!... О! о!... стой!... Слышишь ли, съ какимъ дикимъ, ужаснымъ хохотомъ они кричатъ мнѣ: ты нашъ рабъ!... Софья выходитъ замужъ!... Я ихъ рабъ!... Софья выходитъ замужъ!... (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Сурскій. Боже мой, что мнѣ дѣлать? Онъ безъ чувствъ! онъ умираетъ. Дмитрій, Дмитрій! опомнись, проснись! Тебя призываетъ голосъ твоего друга!... Эй, Ѳедоръ! Ѳедоръ!...

Картина вторая.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Лѣсинской.

Дома-то новы хоть, да предразсудки стары!
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары!...
Грибоѣдовъ.

Мѣстомъ сцены есть большая зала; въ правой сторонѣ оной видна часть гостиной. Иванъ входитъ и смотритъ на стѣнные часы.

Иванъ. Ого! да ужъ время то голомя: почти восемь часовъ. Скоро господа встанутъ. Подмести-ка поскорѣе горницу-то, а то и не уйдешь отъ крика барыни; да какъ бы еще вмѣсто завтрака и пощечинъ не отвѣдать, или чего и больше. Вотъ чего дождался я на старости лѣтъ! Баринъ, баринъ! Успокой Господи твою душу!... (*Утираетъ рукавомъ слезы и беретъ въ руки метлу*). Какъ вездѣ насорено! Да ужъ и то сказать: пиръ горою былъ. Вотъ какія нынче времена! Дѣтки не успѣли еще путемъ схоронить отца своего, да ужъ и за гульбу принялися. А матушка-то ихъ! Охъ, что-то будетъ съ нами грѣшными! (*Прислушивается.*) Ой, кто-то идетъ.

Ужъ не барыня ли? Бѣда моя! (*Съ торопливостію начинаетъ месть*). (*Вбѣгаетъ Лиза*).

Лиза. Здравствуй, дѣдушка. Что ты тутъ подѣлываешь?

Иванъ (*тяжко вздохнувши*). Да вотъ мету горницу.

Лиза. А слышалъ ли ты новость?

Иванъ (*съ любопытствомъ*). А какую бы это?

Лиза. Къ намъ вотъ сію минуту пріѣхала гостья.

Иванъ. А кто жъ бы это?

Лиза. Да мамзель.

Иванъ. Какая?

Лиза. Ну, да та самая, что у которой барышня училась.

Иванъ (*съ радостью*). Какъ, неужъ-то въ самомъ дѣлѣ?

Лиза. А что жъ тутъ за диковинка такая? Разя она не ѣзжала къ намъ? Разя ты не знаешь, какъ она любитъ Софью Петровну и какъ барышня ее любитъ?

Иванъ. Все такъ, все это вѣстимо, да вотъ въ чемъ дѣло-то: вить ужъ годовъ восемь, какъ она у насъ изволила быть, а съ тѣхъ поръ ни разу не жаловала. Да что жъ ты, Лиза, такъ призадумалась?

Лиза. Я думаю, гдѣ-то теперь нашъ Дмитрій Егорычъ; знаетъ ли онъ, что Петръ Степанычъ изволилъ скончаться?

Иванъ. Охъ, Лиза, не говори ты мнѣ про него: лишь только кто объ немъ молвитъ хоть словечко, такъ сердце и обольется кровью. Что-то еще безъ барина-то будетъ теперь? Они его съ двора сгонютъ. Когда-то я увижу его, моего батюшку? Большая нужда мнѣ до него есть. Старый баринъ, передъ смертью, со слезами молилъ меня отдать ему грамотку, тихонько, чтобы никто не зналъ, а пуще всего барыня, да молодые господа. Знать секретная какая. Да я, пускай, смекнулъ, что написано-то въ ней.

Лиза. Хоть бы ужъ онъ пріѣхалъ-то поскорѣе, а то барышня стосковалась да и только. Не знаю, что̀ и дѣлать съ ней! То примется плакать такъ, что, глядя на нее, и сама надорвалась; то начнетъ смѣяться, прости Господи, словно какая сумашедшая; то ужъ не кстати молчалива, то ужъ больно разговорчива! Ничѣмъ не угодишь на нее: то позоветъ, то вышлетъ вонъ; то заведетъ рѣчь про упокойнаго барина, али про Дмитрія Егорыча, а то такъ ни словечка не велитъ промолвить про нихъ. Право, она любитъ Дмитрія Егорыча, какъ роднаго брата.

Иванъ (*какъ бы испугавшись.*) Какъ роднаго брата?...

Лиза. А что жъ?...

Иванъ. Да такъ, ничего. А гдѣ-жа мамзель-та?

Лиза. Да на заднемъ мозанинѣ.

Иванъ. Да ты доложила-ли барышнѣ объ ея милости?

Лиза. Я было хотѣла доложить, да она не приказывала никого безпокоить: хочетъ удивить барышню.

Иванъ. Ахъ, Лиза, какъ бы ты знала, какая она добрая! Какъ барышня-то жила у покойницы, у Пелагеи Игнатьевны,—(*крестится*), дай ей, Господи, царство небесное,—такъ я въ частуху ѣзжалъ въ домъ ея милости. Бывало матушка Марья Николаевна велитъ меня позвать къ себѣ въ комнату, да ужъ изволитъ, изволитъ разговаривать со мною: ужъ какъ я и живу-то, и каково то съ нами господа ладятъ? Перестанетъ говорить, поклонишься, да пойдешь вонъ, анъ не тутъ-то было: остановитъ, да велитъ поднести винца рюмочку, да еще акромѣ-то пожалуетъ на водку. Ужъ мнѣ не такъ дороги деньги да вино, какъ ея ласковое словечко. То-то русская-то мамзель, не то, что французская! Небось та и слова не промолвитъ съ нашимъ братомъ холопомъ!

Лиза. Ахъ, да вить она говорила объ тебѣ. Лишь только я успѣла снять съ нея дорожный капотъ, да сказать, здоровы-ли господа, какъ она спросила: „а живъ ли и здоровъ ли старикъ Иванъ, котораго часто посылали къ покойницѣ Пелагеѣ Игнатьевнѣ, и каково онъ поживаетъ? позови-ка его ко мнѣ.“ А я, дура, заболталась съ тобою и сказать тебѣ объ этомъ позабыла.

Иванъ. Охъ, ты воструха, воструха! Побѣчь поскорѣе къ ней.

Лиза. Ахъ, барыня идетъ! (*Входитъ Лѣсинская въ утреннемъ неглиже.*)

Лѣсинская. Что это у васъ тутъ за бесѣда такая? Вишь, какіе господа! изволятъ стоять, поджавши руки, да растабарывать.

Иванъ. Я, матушка, Лизавета Андреевна, полъ мету.

Лѣсинская. Да ты еще и пола-то не вымелъ? Ай да молодецъ! Вотъ я тебѣ, старому хрычу, дамъ матушку Лизавету Андреевну. Нѣтъ, съ вами добромъ-то, знать, не сдѣлаешься. Вишь, какъ добрый-то вашъ баринъ, не тѣмъ будь упомянутъ покойникъ, избаловалъ васъ. Нѣтъ, я примусь за васъ добрымъ порядкомъ; ужъ нечего сказать: не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнье; у меня всякая вина виновата. Что тутъ изволишь съ внучкой-то своей разговаривать? Чать господъ ругали, да хвалили своего Дмитрія Егоровича?

Иванъ. Нѣтъ, матушка, Богъ видитъ, нѣтъ. Она пришла сказать, что Марья Миколавна изволила къ вамъ пожаловать.

Лѣсинская. Какая Марья Николаевна? Мамзель что-ли?

Лиза. Да-съ.

Лѣсинская. Вотъ еще нелегкая-то принесла! Да давно-ли она пріѣхала?

Лиза. Да ужъ часа съ полтора-съ.

Лѣсинская. Какъ же ты, мерзавка, не доложила мнѣ? Она съ любезнымъ-то своимъ дѣдушкою заговорилась: вишь, давно не видались!

Лиза. Да она не велѣла-съ.

Лѣсинская. Кто она?

Лиза. Да Марья Миколавна-съ.

Лѣсинская. Ахъ, ты негодная! Да развѣ ты должна больше ее слушаться, а не барыню свою?

Лиза. Да вы вѣдь не приказывали.

Лѣсинская. Ахъ, мерзавка, мерзавка, да ты еще и огрызаться вздумала. Вишь, какая грубіянка! Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться?

Лиза. Да вы еще изволили почивать, такъ я не смѣла...

Лѣсинская. Да ты еще вздумала вывертываться, такъ вотъ же тебѣ. (*Бьетъ ее по щекамъ.*) Да, нѣтъ ты не стоишь того, чтобы я марала объ тебя свои руки. Эй, старый чортъ, отхлопай ее, да смотри хорошенько, а не то вить самого велю отодрать на конюшнѣ.

Иванъ. Помилуйте, сударыня, на что же это похоже?

Лѣсинская (*съ злобою.*) Ахъ, ты, старая каналья! Да ты еще смѣешь отговариваться?...

Иванъ. Да что же я, сударыня, за палачъ такой? Опять же, какъ бы то ни было, вить она приходится мнѣ родная внучка.

Лѣсинская. Да развѣ хамы смѣютъ разбирать родство, когда имъ господа приказываютъ?...

Иванъ. Да развѣ мы не такіе же люди, какъ и ваша милость, сударыня?

Лѣсинская. Да ты еще смѣешь равняться съ господами!... Бей, я приказываю тебѣ!

Иванъ. Да это, сударыня, сущая каторга. Развѣ вы нехристь какая что-ли? Господи Боже мой, до чего мы дожили! Ахъ, батюшка баринъ, на кого ты покинулъ насъ, бѣдныхъ сиротъ своихъ! То-то была душа христіанская. Зря мухи не тронетъ бывало.

Лѣсинская. (*Задыхаясь отъ злобы.*) Ахъ, мошенникъ, злодѣй! Онъ убилъ меня, зарѣзалъ! Ахъ, изверги, разбойники! Они

уморятъ меня, убьютъ мою душеньку! Каково покажется? Изволь терпѣть отъ своихъ же рабовъ! Ахъ, извергъ, проклятый! Онъ смѣетъ равняться съ господами; не хочетъ исполнить моихъ приказаній; называетъ меня нехристью, да еще вздумалъ хвалить при мнѣ своего потатчика барина! Нѣтъ, нѣтъ: задамъ баню, хорошую баню. На конюшню, на конюшню! запорю до смерти.

Иванъ. Да чѣмъ же я прогнѣвалъ васъ, сударыня?

Лѣсинская. Тамъ узнаешь, чѣмъ. Вотъ изволь поступать съ ними милостиво! Охъ, грубіяны, пожили бы вы у моего братца Филиппа Андреича. Нѣтъ, ужъ у него не такъ бы заговорили! Онъ до полусмерти колотитъ вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станетъ орать, али плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то вишь, какіе нѣженки: чуть мазнешь по рожѣ, такъ и разхнычутся, точно дворяне какіе. Охъ, да я заболталась съ вами и Богу-то позабыла помолиться; вы, разбойники, меня всегда въ грѣхъ вводите. Да ужъ, правда, скоро къ обѣдни заблаговѣстятъ. Ты, старый болванъ, скорѣе прибирай залу, да готовь спину палкамъ, а ты, мерзавка, поди-ка позови сюда Сидора Андреича, Марью Николаевну, да Сонюшку, да вели подавать самоваръ. Ахъ, да вотъ и Сидоръ Андреичъ идетъ. *(Лиза уходитъ.)*

(Входитъ подслѣповатая мужеская фигура въ долгополомъ сюртукѣ и волосами, остриженными по свѣтски; ея рябое лицо украшено небольшою рыжею бородою; она безпрестанно вертитъ головою; въ одной рукѣ ея четки, а въ другой длинная палка.)

Сидоръ Андреевичъ. Здравствуйте, Лизавета Андреевна! Съ добрымъ утромъ честь имѣю поздравить васъ, сударыня! Здоровы ли вы?

Лѣсинская. Твоими теплыми молитвами, Сидоръ Андреевичъ, живу кое-какъ. Да вотъ людишки-мошенники все бѣсятъ: такія дѣлаютъ грубости, что терпѣнья нѣтъ да и только. Да вотъ погоди, я справлюсь съ ними.

Сидоръ Андреевичъ. И доброе дѣло сдѣлаете. Сказалъ Господь: „*Нѣсть рабъ болѣе господина своего!*“ а въ другомъ мѣстѣ:—„*Раби, повинуйтесь во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ*“.

Лѣсинская. И жаль ихъ, окаянныхъ, Сидоръ Андреичъ, да дѣлать-то нечего; пожалуй, дай имъ волю-то, такъ они барынѣ-то и на шею сядутъ да поѣдутъ. Ужъ я ли, кажется, поступаю съ ними не по христіански?

Сидоръ Андреевичъ. Бить рабовъ ничуть не грѣшно, а должно; говоритъ русская пословица: *„не бить ребра, не видать добра“*. Премудрый Сирахъ сказалъ: *„любяй сына своего, да учинитъ ему раны“*; а въ другомъ мѣстѣ священное писаніе гласитъ: *„біетъ сына, его возлюбитъ“*. Когда дѣтей Господь указалъ бить, то ужъ рабовъ-то и подавно.

Лѣсинская. Ну, Сидоръ Андреевичъ, ты говоришь какъ книга, тебя любо слушать. Гдѣ это набрался такой премудрости?

Сидоръ Андреевичъ. Не отъ себя, матушка, отъ Бога: *Господь умудряетъ слѣпцы.*

Лѣсинская. Сущая правда; иной весь вѣкъ свой учится, умираетъ на книгахъ, а все не то, что ты. Ты нынче, пожалуйста, попой ужъ на крылосѣ-то. Право я не могу отъ слезъ удержаться, когда слышу твой голосъ. Отродясь не слыхивала такихъ пѣвчихъ, какъ ты.

Сидоръ Андреевичъ. Извольте, матушка, Лизавета Андреевна, для васъ все готовъ сдѣлать, чего ни пожелаете. Нечего сказать, доволенъ вашей милостію. Не оставили вы меня грѣшнаго, за то и Господь не оставитъ васъ. (*Входитъ Софья.*)

Софья. Здравствуйте, маменька (*цѣлуетъ у нея руку*). Ахъ, знаете ли вы, какъ я сегодня была обрадована? Преставьте себѣ: просыпаюсь и вижу у постели своей — кого-жъ бы вы думали? — мою любезную Марью Николаевну!

Лѣсинская. Очень рада, Сонюшка, очень рада. Еслибы ты знала, какъ мнѣ пріятно, что ты весела. То-то материнское-то сердце! Ты своими слезами о любезномъ батюшкѣ тоску всѣмъ нагнала. Небось, какъ я умру, обо мнѣ не станешь такъ плакать! Я знаю, что мать тебѣ не такъ мила, какъ отецъ.

Софья. Маменька, вы несправедливы. Вы сами должны знать, люблю ли я васъ и буду ли плакать на вашей могилѣ. Но кого же можно любить по долгу или по принужденію? Спросите себя, какъ вы меня любите, какъ обращаетесь со мною, какъ ведете себя въ отношеніи къ другимъ, и тогда судите...

Сидоръ Андреевичъ. Нѣтъ-съ, сударыня, Софья Петровна, не предавайтесь таковому свѣтскому лжемудрію, оно опасно паче змѣинаго яда.

Лѣсинская. Сговоришь съ ней, съ краснобайкой! Вишь изъ книгъ-то научилась какимъ правиламъ! Нѣтъ, небось въ мое время такъ не смѣли и думать, а не то что говорить. Дѣти должны любить своихъ родителей, хоша-бы родители ихъ и не любили. А

когда они не почитаютъ отца, а пуще всего матерей, то не будутъ счастливы и долговѣчны на земли. Въ какой, бишь, это заповѣди-то сказано, Сидоръ Андреичъ, да, кажется во второй.

Сидоръ Андреичъ. Нѣтъ, въ пятой! Чти отца твоего и матерь.

Лѣсинская. Охъ, я слаба стала на память; все позабыла, что̀ и знала. (*Входитъ Рудина.*)

Рудина. Здравствуйте, Лизавета Андреевна! Какъ долго я не видалась съ вами! (*Цѣлуются*).

Лѣсинская. Да, заспѣсивились, матушка, заспѣсивились. Шутка ли дѣло, ужъ почти съ полгода я не видала тебя. Видно, тебѣ не люба моя хлѣбъ-соль! Кажется, я всякому рада душевно; слава Богу, безъ гостей ни на часъ. Ну, матушка, слыхала ли ты о нашемъ несчастіи?

Рудина. Да, несчастіе ваше ужасно; я думаю вы въ большомъ огорченіи. Да какъ и не печалиться? Всѣ добрые люди многаго лишились въ Петрѣ Степанычѣ и всѣ вмѣстѣ съ вами оплакиваютъ невозвратимую потерю.

Лѣсинская. Правда, матушка, сущая правда; какъ не печалиться мнѣ? (*Слышенъ звонъ колокола и она крестится.*) Ахъ, да ужъ и къ обѣднѣ звонятъ. Ай-да отецъ Игнатій! Нечего сказать, спасибо ему. Ужъ подлинно, что достойный священникъ! Я вчера просила его пораньше начать обѣдню. Много хлопотъ, милая Марья Николаевна, скоро будетъ семнадцатое число, день ангела Сонюшки. Надобно приготовиться, да сдѣлать бальчикъ хорошенькій: у меня будетъ князь Кизяевъ. То-то человѣкъ-то! Ужъ подлинно съ большими достоинствами: имѣетъ четыреста душъ крестьянъ, а какъ уменъ, какъ ученъ! ужъ подлинно, что чудо. Вотъ съ нимъ-то поговори-ка, Сонюшка, небось и тебя замѣтаетъ словами. Я давно была знакома съ нимъ, да мой муженекъ, по своей сварливости, что-то повздорилъ съ его сіятельствомъ, такъ ужъ онъ лѣтъ пять не жалуетъ къ намъ. А какой вѣжливый, какой учтивый! Вотъ какъ-то до смерти Петра Степаныча случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ на балу у Васильевыхъ,—ужъ онъ и въ карты все со мной игралъ и руки-то у меня расцѣловалъ, даже отъ танцевъ отказался, чтобы сдѣлать мнѣ партію. Увѣрялъ меня въ своей преданности, радовался, что смерть моего мужа даетъ ему случай снова познакомиться со мною. Смотри, Сонюшка, обходись съ нимъ ласковѣе: онъ имѣетъ на тебя виды.

Рудина. Какъ это, Лизавета Андреевна, у васъ будетъ балъ? Кажется, вы недавно схоронили мужа?

Лѣсинская. Не все же, матушка, плакать; сколько ни плачь, а слезами не поможешь, и такъ у меня отъ слезъ глаза высохли. Правда, старикъ-то былъ человѣкъ странный, сварливый, ни въ чемъ не давалъ мнѣ воли; а все мужъ, все жалко. Что ни говорите, а ужъ безъ бала нельзя обойтися: вѣдь Сонюшка-то не маленькая; какъ же можно пропустить ея именины безъ бала? Всѣ засмѣютъ, скажутъ, что я скуплюсь, что я не люблю своей дочери; а я, кажется, готова для нея все сдѣлать.

Сидоръ Андреевичъ. Конечно, матушка, нельзя: кто живетъ въ свѣтѣ, тотъ по неволѣ долженъ угождать свѣту. Да тутъ и грѣха нѣтъ никакого: самъ Господь пировалъ въ Канѣ Галилейстѣмъ, а святый Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ.

Лѣсинская. Правда, Сидоръ Андреичъ, правда! Да ужъ кому повѣрить, какъ не тебѣ? Пойдемка къ обѣднѣ-то. А ты, милая Марья Николаевна, посиди съ Сонюшкой; я на часъ къ обѣдни схожу. Охъ, не успѣла я и чаю-то напиться, да ужъ дѣлать нечего, какъ-нибудь отстою. (*Уходитъ съ Сидоромъ Андреевичемъ.*)

Рудина. Наконецъ мы можемъ поговорить съ тобою свободно. Ахъ, другъ мой, Сонюшка, ты какъ измѣнилась со дня нашей разлуки, что тебя и узнать трудно. Лицо твое похудѣло, ты такъ блѣдна. Кстати, ты давеча намекала, что имѣешь что-то важное сообщить мнѣ. Теперь, кажется, самое удобное время для этого.

Софья. Этого времени я ждала съ нетерпѣніемъ и страшилась; оно для меня ужасно. О, другъ мой! много я имѣю сообщить тебѣ! Ты образовала мои способности и, можно сказать, создала мою душу, мое сердце; оно должно быть для тебя открыто... Но, увы! ты не будешь болѣе видѣть въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отпечатокъ чистыхъ, непорочныхъ движеній молодой энтузіастки... Я уже не та тихая, задумчивая мечтательница, не та легковѣрная, неопытная гостья міра, которой душа была ясна и невинна, какъ душа младенца. Подъ этимъ кровомъ я узнала блаженство и страданіе, вкусила чистыя радости и сдѣлалась (*закрываетъ руками лице*) преступницей!... Я стою предъ тобою не такъ, какъ другъ твой, но какъ виновный предъ своимъ судьею. О, ежели ты презришь мною, ежели ты отвергнешь меня, ежели разорвешь эту сладостную цѣпь дружества, которая столько очаровала жизнь мою,—что тогда будетъ со мною?... (*Отираетъ слезы.*)

Рудина. Софья! что это значитъ? Я не ожидала отъ тебя такого привѣтствія! Ты приводишь меня въ ужасъ! Но я никакъ не могу повѣрить, чтобы твоя ангельская душа могла осквернить-

ся преступленіемъ: (*съ гордостію*) тебя воспитывала я! Неужели это пламенное стремленіе къ добру, это сильное негодованіе при одной мысли о порокѣ, которыя составляли, такъ сказать, твой характеръ, были ничѣмъ инымъ, какъ только мгновеніемъ скоропреходящимъ, восторгомъ вѣтреной молодой дѣвушки? (*Съ чувствомъ.*) Софья! Помнишь ли ты часъ нашей разлуки? Помнишь ли, ту минуту, когда, сжимая меня въ своихъ объятіяхъ, голосомъ, заглушаемымъ рыданіями, ты дала мнѣ священную клятву помнить мои наставленія, слѣдовать моимъ правиламъ, быть жрицею добродѣтели, не гасить никогда этого чистаго, святаго пламени къ высокому, который я умѣла возжечь въ душѣ твоей? Я повѣрила тебѣ, Софья! Неужели ты измѣнила своей клятвѣ? Нѣтъ, это невозможно: ангелы не могутъ быть людьми. Впрочемъ, другъ мой, я увѣрена, что если ты и преступница, то и въ самомъ преступленіи благородна, если ты и пала, то такъ падаютъ души высокія. Софья! откройся предо мною. Это сердце для тебя всегда отверсто, эти объятія (*обнимаетъ ее*) всегда готовы принять тебя! Я еще твой другъ и, вмѣсто безполезныхъ упрековъ, пролью въ твою душу чарующій бальзамъ утѣшенія.

Софья. Другъ мой, я женщина, но я не страшусь ни смерти, ни злополучій; но быть преступницей... О, это ужасно!... Я сейчасъ же разскажу тебѣ свою исторію; она кратка и не утомитъ твоего вниманія; она только растерзаетъ твою душу. Вотъ она. Моя мать—ты ее знаешь; отецъ мой—ангелъ; его уже нѣтъ. Я увидѣла юношу: онъ имѣетъ все, чѣмъ только можно было плѣнить меня: его краткія, отрывистыя рѣчи, его необыкновенные поступки дышали благородствомъ мыслей, возвышенностію чувствъ; его пламенные, быстрые взоры блистали гордостію и мужествомъ; на его пріятномъ, выразительномъ лицѣ написана была мрачная задумчивость; онъ страдалъ и не жаловался; любилъ и молчалъ. Узнавши меня, излилъ передо мною свои чувства, свои мысли; онѣ были понятны только для одной меня. Онъ сдѣлался смѣлѣе: признался и умѣлъ исторгнуть признаніе—и я узнала небо. Не буду много говорить тебѣ о моемъ блаженствѣ; чтобы описать его вполнѣ, довольно сказать: я любила и была любима. Наконецъ, увлеченные своимъ пламенемъ, мы сгорѣли въ немъ... и... (*закрываетъ глаза руками*)... О, что со мною будетъ? (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Онъ мужчина, слѣдовательно не могъ имѣть понятія о всей бѣдственности моего положенія и вскорѣ былъ принужденъ ѣхать въ Москву; а я, я осталась одна!... Кажется, я все сказала!...

Рудина. Ахъ, Софья, твое положеніе болѣе, нежели ужасно; чтобы выразить всю бѣдственность онаго, я не нахожу словъ, даже не могу утѣшать тебя,—могу только плакать о тебѣ. Пусть эти слезы будутъ чистою жертвою дружбы. (*Молчаніе.*) Но скажи мнѣ, кто этотъ молодой человѣкъ? Неужели онъ не могъ предложить тебѣ своей руки?

Софья. Онъ сынъ лакея; а ты знаешь мою мать.

Рудина. Какъ это? Сынъ лакея, говоришь ты?

Софья. Тотъ самый, о коемъ, можетъ быть, ты не разъ слыхала отъ моей матери, какъ о человѣкѣ гнуснѣйшемъ. Она ненавидѣла его, какъ только могутъ ненавидѣть подобныя души благороднаго человѣка. Онъ—тотъ самый воспитанникъ моего родителя, о которомъ онъ много разъ говорилъ съ лестнѣйшими похвалами.

Рудина. Скоро ли онъ пріѣдетъ сюда?

Софья. Я думаю, что скоро, и вотъ почему: мой родитель отпустилъ его на волю, но моя мать и братья какимъ-то образомъ отрыли въ бумагахъ покойнаго отпускную и сожгли ее. Между тѣмъ подали прошеніе, чтобы выслали изъ Москвы ихъ человѣка, да и къ самому ему послали письмо, котораго содержанія я не знаю; но, судя по ихъ о немъ разговорамъ, заключаю, что это письмо самое язвительное. О, что будетъ съ бѣднымъ Дмитріемъ, когда онъ узнаетъ, что его благодѣтель умеръ!...

Рудина. Писалъ ли онъ къ тебѣ изъ Москвы письма?

Софья. Этого никакъ нельзя было сдѣлать.

Рудина. Итакъ, нѣтъ никакого средства выдти тебѣ изъ этихъ ужасныхъ обстоятельствъ?

Софья. Въ моемъ положеніи мнѣ осталось одно средство: отчаянная рѣшительность. Я во всемъ признаюсь матушкѣ, увѣрю ее, что если она не согласится на мои требованія, то я всѣмъ объявлю о моемъ стыдѣ,—осрамлю и себя и ее. Я знаю, что это на нее сильно подѣйствуетъ.

Рудина. Но въ чемъ же будутъ состоять твои требованія?

Софья. Чтобы обвѣнчать меня съ Дмитріемъ и опредѣлить его въ военную службу.

Рудина. А если она на это не согласится?

Софья (*рѣшительно*). Я выполню свои угрозы и лишу себя жизни.

Рудина. Софья! и ты способна это сдѣлать,—ты, кроткая дѣвушка? Я не понимаю даже, какъ могла ты произнести такія слова.

Софья. Что жъ тутъ удивительнаго? Не сама ли ты говорила

мнѣ, что ужасно бѣдствіе, а не смерть. Лишась Дмитрія, я лишусь всѣхъ благъ, привязывающихъ меня къ жизни.

Рудина. Какъ это? Ты имѣешь мать, братьевъ.

Софья. О, еслибы я могла не имѣть ихъ!

Рудина. Тебя ли я вижу? Софья, ты ли это?

Софья. Не удивляйся, другъ мой, ты еще не то услышишь отъ меня. Я меньше тебя жила на свѣтѣ, но не меньше испытала. Ты еще, можетъ быть, не знаешь, какъ ужасно, какъ убійственно, получивши хорошее воспитаніе, возвысившись отъ толпы людей обыкновенныхъ, видѣть въ своемъ отцѣ или матери члена этой низкой, пресмыкающейся толпы, которую столько презираешь, какъ горестно среди множества быть одною! Моя мать желала видѣть меня воспитанною только для удовольствія одного пустаго тщеславія, глупаго самолюбія, а не для истинной цѣли. Ей пріятно, когда восхищаются ея дочерью, хвалятъ ея умъ и познанія, и между тѣмъ этотъ умъ и эти познанія называетъ развратомъ. Ты не можешь представить себѣ той жестокости, съ какою она обращается съ своими людьми: не буду тебѣ описывать ее, ибо не могу безъ ужаса и вспомнить объ ней. Не можешь представить, до какой степени она предана самому гнуснѣйшему и отвратительнѣйшему ханжеству и какъ оскорбляетъ симъ святость и чистоту религіи. А еслибы ты знала моихъ любезныхъ братцевъ! Не буду много говорить тебѣ объ нихъ, скажу только, что буйство, повѣсничество, жестокость и полуневѣжество есть отличительныя качества этихъ полуварваровъ! И съ этими людьми я связана такими узами, и этихъ людей я должна любить и уважать! Но это еще я могла бы сносить въ надеждѣ, что со временемъ обстоятельства могутъ измѣниться; моя любовь, ея слѣдствіе и участь Дмитрія—вотъ что ужасаетъ меня. Я знаю его: онъ пылокъ, бѣшенъ, чувствителенъ до крайности: онъ не погибнетъ безъ того, чтобы не погубить враговъ своихъ! Будущее ужасно страшитъ меня. Въ довершеніе всего этого моя мать забрала себѣ въ голову, что я непремѣнно должна выдти замужъ за какого-то князя Кизяева, котораго я никогда и не видала, и, не спросясь моего согласія, почти дала ему слово. Безпрестанно мнѣ хвалитъ его и вычисляетъ его богатство и часто въ блаженномъ забвеніи съ улыбкою самодовольства говоритъ мнѣ: „*ваше сіятельство*", и называетъ княгинею.

Рудина. Чѣмъ же ты отвѣчаешь ей на эти комплименты?

Софья. Иногда шутками, иногда молчаньемъ, иногда насмѣшками, глядя по расположенію духа.

Рудина. Эхъ, напрасно: ты этимъ какъ бы изъявляешь свое согласіе и питаешь ея надежду.

Софья. Я это дѣлаю съ намѣреніемъ: мнѣ хочется одурачить его сіятельство, моего любезнаго жениха.

Рудина. А почему это давича Лизавета Андреевна говорила тебѣ объ этомъ князѣ, какъ о человѣкѣ, о которомъ ты слышишь въ первый разъ?

Софья. Это есть слѣдствіе какихъ-нибудь ея разсчетовъ. Она въ житейскихъ-то дѣлахъ—геній: проведетъ хоть кого. Мнѣ давича такъ смѣшно было слушать ее, что я даже забыла свои горести. Впрочемъ она съ княземъ-то завела не шуточную коммерцію: то и дѣло пересылаютъ другъ къ другу людей съ письмами.

Рудина. Вѣдь она сама, кажется, не умѣетъ писать, кто же ей пишетъ эти письма?

Софья. Мои братцы. (*Входитъ Иванъ: лицо его блѣдно, на глазахъ видны слезы, и онъ весь дрожитъ.*)

Рудина. А, здравствуй, Иванъ, здравствуй, добрый старикъ! Давно ужъ мы не видались съ тобою.

Иванъ (*низко кланяясь*). Здравія желаю, матушка Марья Николавна; благодарствую на томъ, что вы не забыли меня, бѣднаго старика!

Софья. Но что съ тобою сдѣлалось? Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ, блѣденъ, какъ полотно,—ужъ не боленъ ли ты?

Иванъ. Нѣтъ, сударыня, барышня, я здоровъ; на мое мученіе и боль-то меня несчастнаго не беретъ,—ужъ пора бы костямъ и на упокой.

Софья. Да отъ чего же ты такъ встревоженъ?

Иванъ. По милости вашей матушки Лисафеты Андреевны.

Софья (*быстро*). А что такое?

Иванъ. Да такъ-съ, пустяки-съ: объ мою старую спину, для Божія праздника, сейчасъ обломали пучковъ съ шесть. (*Софья въ сильномъ волненіи отходитъ на другой конецъ залы и смотритъ въ окно.*)

Рудина. Боже мой! Неужели? Да за что же?

Иванъ. И, матушка, Марья Миколавна, что ужъ и говорить объ этомъ? то ли еще увидимъ. Лисафета Андревна изволила сказать, что это еще только цвѣтики. Теперь насъ человѣкъ съ пять передрали на конюшнѣ: иную за то, что тарелку разбила; иную, что самоваръ упустила; инова, что смѣлъ оправдываться; инова за грубое слово:—то-то потѣха-то была! Кричатъ, плачутъ, молятся, а

Андрей Петровичъ только и изволитъ приказывать: „Эй, прибавь на калачи, прибавь на калачи!“ А коли кто плохо бьетъ, такъ того учнетъ изъ своихъ рукъ катать орапельникомъ.

Рудина. Ахъ, какой ужасъ! Кто же этотъ Андрей Петровичъ, дворецкій что ли какой?...

Софья (*быстро*). Мой братъ!...

Иванъ. Да тутъ еще нечему дивиться, матушка, Марья Миколавна,—то ли еще было! Какъ покойный-то баринъ, Петръ Степановичъ,—(*крестится*) дай ему Господи царство небесное,—изволилъ кончаться на смертномъ одрѣ, барыня, съ горя, изволила бить дѣвокъ; барышня у постели обливалась горючими слезами, а молодые-то господа изволили буянить по деревнѣ, да дѣлать то, о чемъ и донести вашей милости совѣстливо. На силу, на силу могли отыскать ихъ, чтобы проститься съ отцомъ, да принять его родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Лишь успѣли зарыть его въ могилу, то и пошли пиры, да балы; насъ стали мучить, какъ скотовъ какихъ. Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе,—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ, да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: „*вишь, какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ, полѣчите-ко его хорошенько орапельникомъ!*“ Ну, такое житье, что хоть околѣвай, да и только, али ложись живой въ мать сыру землю; могуты нашей не стало, сударыня, Марья Миколавна! Иной охотникъ собакъ лучше кормитъ, какъ насъ барыня. Оставилъ насъ грѣшныхъ Господи! Знать, забылъ Онъ насъ, аль ужъ по грѣхамъ казнитъ.

Софья. Она мнѣ мать: я должна уважать и любить ее!...

Иванъ. Тридцать лѣтъ ходилъ я за упокойнымъ бариномъ и не то, что дурнаго чего не видалъ, даже дурака не слыхалъ отъ него; любилъ онъ меня, мой батюшка, словно роднаго. А теперь на старости вотъ до чего дожилъ: порютъ, какъ какую собаку. Охъ, наказалъ меня Господи! Хоть ужъ бы прибралъ Онъ меня

Рудина. Да это ужасно; это превосходитъ всѣ мѣры тиранства. (*Вздыхаетъ.*) А дѣлать нечего, надобно терпѣть да молчать.

Иванъ. Коли ужъ дѣло на то пошло, такъ я къ слову доложу вашей милости, сударыня, матушка, Марья Миколавна, еще кое о чемъ. Вотъ былъ у насъ мужичокъ Антипъ Власьевъ; упокойникъ баринъ жаловалъ его и поставилъ бурмистромъ. Богачѣе и зажиточнѣе его у насъ во всей вотчинѣ никого не было; ну, потому, т. е., что былъ мужикъ не лѣнивый, работящій, а ужъ та-

кая умница, что и сказать нельзя. Это у него хлѣба всегда бывало одоньевъ двадцать въ запасѣ, лошадокъ много, а скотинушки водилось только, что и счету не было. Мужички его любили, то есть, по той оказіи, что онъ никого не обижалъ, не притѣснялъ. Бывало, на праздникъ Божій позоветъ къ себѣ вотъ нашего брата, двороваго человѣка, да и мужичковъ-то, кто ему съ родни, такъ вотъ какъ угоститъ, что откуда что возьмется! Однимъ Господь его обидѣлъ, у него только и былъ одинъ сынъ: парень—кровь съ молокомъ, заглядѣнье, да и только. Приглянулась ему дочь старосты Ѳедора,—ужъ и подлинно дѣвка завидная: работница, хозяйка, рукодѣльница, а мужику то и нужно. Упокойникъ баринъ позволилъ Антипу женить своего сына на ней, да еще далъ денегъ на вино. Черезъ годъ у Антипа родился внукъ; Антипъ отъ радости чуть съ ума не сошелъ, поднялъ пиръ горой. Тутъ упокойникъ баринъ изволилъ скончаться, а барыня за что-то давно сердилась на Антипа. Вотъ и приходитъ однимъ вечеромъ къ нему съ молодыми господами. А у него передъ избой стояли два новыхъ сруба, съ полей пріѣхали его работники, да къ этому же времени стада подогнали. Вотъ барыня на досугѣ и смекнула, что у него и скота-то, и лошадей-то, и хлѣба больно много. „А чьи это у тебя, Антипъ, срубы?"—Мои, сударыня.—„Да что ты больно богатъ, чѣмъ это больно разжился?"—Да своими трудами, сударыня.—„Хорошо же ты, братъ, обворовываешь господское добро-то, да мужиковъ-то обиралъ!" Взяла да и велѣла срубы-то перевезти на барскій дворъ, хлѣбо-тъ переклacть на господское гумно, лошадей и скотъ также перегнать къ себѣ, а ему оставила сущую малость. Взвылъ нашъ мужикъ, повалился ей въ ноги: „Матушка, Лисафета Андревна, не пусти по міру!"—„Вотъ ты у меня, старый чортъ, не такъ завоешь, пойдемъ-ка въ клѣть-то твою, да посмотримъ, что у тебя въ коробьѣ-то есть". Вскрыла коробью, нашла сотняжекъ пять деньженокъ, да всѣ до одной копѣйки прибрала къ себѣ. Иванъ-то, его сынъ, знаешь, парень молодой, не вытерпѣлъ, да и скажи: „Вѣдь это, сударыня, сущій разбой; вы насъ совсѣмъ изволили ограбить".—„А! Такъ ты такъ-то поговариваешь съ господами-то? хорошо я тебѣ припомню это. А ты, Антипъ Власьевичъ, знать происхожденія-то дворянскаго, самъ и работать не хочешь, а нанимаешь работниковъ; вишь, какъ съ воровства разжился! живешь, какъ баринъ какой".

Софья. Боже мой! И я всего этого не знала, и все это отъ меня было скрыто! Чѣмъ же, Иванъ, кончилась эта исторія?

Иванъ. А вотъ чѣмъ, сударыня барышня. Настала некрутчина; очередь была на одномъ мужикѣ, у котораго было три сына, а барыня его обошла, да отдала Ивана, Антипова сына. То-то жалости-то достойно было, какъ онъ разставался съ отцомъ, да съ молодой женой. Бѣдная въ постелю слегла, захирѣла, да умерла. Антипъ остался одинъ-одинехонекъ, сыну копѣечки не могъ дать. Съ горя спился съ кругу, да пошелъ по міру. А все-таки его гоняютъ на барщину; онъ отъ старости да отъ горя работать не можетъ, такъ безпрестанно его колотятъ не на животъ, а на смерть.

Софья. Боже мой, Боже мой! О, я несчастная! И это чудовище есть моя мать! Она наряжаетъ меня, какъ куклу; я потеряла счетъ моимъ платьямъ, шалямъ, шляпкамъ; у меня лежатъ тысячи перстней, колецъ и другихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ, и все это пріобрѣтено цѣною несчастія моихъ ближнихъ. О, прочь, эти пустые наряды! Я истреблю ихъ, иначе они будутъ жечь мое тѣло. Пойду, посмотрю, не превратились ли они въ кровь. (*Уходитъ въ другую комнату и скоро возвращается.*) Иванъ, добрый старикъ! (*подаетъ ему кошелекъ*) возьми эти деньги, они мои собственныя,— ихъ подарила мнѣ моя бабушка въ день моего ангела,—раздѣли ихъ тѣмъ, которыхъ разорила моя мать; пусть эта малость хотя нѣсколько загладитъ ея преступленія. Хотя она и жестокаго сердца, но она все моя мать и я, несмотря на все, еще люблю ее.

Иванъ. Добрая барышня! заплати вамъ за это Господи. Ахъ, барышня, знать вы уродились въ своего батюшку! (*Входитъ Андрей Лѣсинскій.*)

Андрей (*сухо*). Ахъ, здравствуйте, Марья Николаевна! (*Гордо кланяется*).

Рудина. Здравствуйте, Андрей Петровичъ! Здоровы ли вы?

Андрей. Слава Богу! (*Къ Ивану, который съ трепетомъ стоитъ у дверей.*) А, любезный мой, ты изволишь тутъ жаловаться на господъ своихъ, взводить на нихъ разныя клеветы и небылицы! Хорошее дѣло! Хорошее дѣло! Ужъ я слушалъ, слушалъ,— терпѣнья не стало. Нѣтъ, братъ, знать тебѣ мало; не тужи, не тужи: завтра еще прибавлю.

Иванъ. Воля ваша, батюшка, Андрей Петровичъ! Бейте, покуда живы.

Андрей. Шкуру сдеру съ мерзавца; каждый день буду бить до полусмерти. (*Къ Софьѣ*) А вамъ, сестрица, не стыдно ли позволять лакею, при посторонней особѣ, жаловаться и клеветать на свою мать и братьевъ, и не только слушать это хладнокровно,

но и раздѣлять его мысли и чувство?... Что за филантропія такая! Желалъ бы я знать: гдѣ это вы нахватались такихъ сантиментальныхъ правилъ?...

Софья. И ты еще можешь упрекать меня? Человѣкъ подлый, душа низкая, презрѣнная, и ты еще смѣешь называться моимъ братомъ? Ты—палачъ, кровопійца. И ты еще насмѣхаешься надъ моими чувствами? Такъ точно, они должны казаться тебѣ смѣшными: ты не можешь понимать ихъ. Прочь съ глазъ моихъ, дикое, свирѣпое животное! Я не могу безъ ужаса и отвращенія смотрѣть на тебя.

Андрей (*злобно.*) Ахъ, Софья Петровна, да вы можете быть отличною актрисою, а я еще и не имѣлъ счастія знать, что вы обладаете такимъ прекраснымъ талантомъ! Какой жаръ! Какое изступленіе! Ну, точь въ точь, какъ какая-нибудь героиня мадамъ Жанлисъ! То-то, вотъ, что значитъ хорошее воспитаніе, да искусные наставники! То ли дѣло! Какъ разъ научатъ такимъ вещамъ, о которыхъ мы, темные люди, и понятія не имѣемъ. (*Является Лѣсинская*).

Лѣсинская. Объ чемъ вы тутъ судите, да рядите, чать все объ книгахъ? (*Съ улыбкой*) Охъ, вы, ученые люди! Ну, на силу, на силу отстояла я грѣшная. Вотъ подлинная истина, что лукавый силенъ: во всю обѣдню, грѣшница, продумала про житейское. То надобно послать въ городъ купить что-нибудь; то нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ; то надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ; то какъ бы поскорѣе чайку напиться. Вѣдь тутъ-то, какъ нарочно, все и на умъ-то придетъ! А ты, Сонюшка, что-то встревожена? Никакъ ты опять плакала? У тебя такіе мутные глаза. Пора бы и перестать тужить объ мертвомъ-то: вѣдь слезами не воскресишь ихъ!

Андрей. Да, она имѣла причину плакать! Ну, ужъ, маменька, что было безъ васъ!

Лѣсинская. А что такое? Скажи, мой батюшка! Не нагрубилъ ли тебѣ кто-нибудь изъ людей? Отпори его, сколько душѣ твоей угодно.

Андрей. Нѣтъ, совсѣмъ не то-съ. Да ужъ я не хочу вводитъ васъ въ неудовольствіе и для того смолчу до времени. Ваше здоровье и спокойствіе для меня дороже всего на свѣтѣ. (*Цѣлуетъ у ней руку.*)

Лѣсинская. Ну, ужъ, Марья Николавна, что за сынки у меня! сердце не нарадуется. Правда, Петруша-то немного вѣтренъ

и не такъ солиденъ, какъ Андрюша, а ужъ какъ уменъ, какъ любитъ мать, такъ и сказать невозможно. Чего! я было пригласила на чашку чая отца Игнатія, да отказался по какой-то нуждѣ.

Андрей. А гдѣ же, маменька, Сидоръ Андреичъ? вѣдь онъ вмѣстѣ съ вами ходилъ къ обѣднѣ.

Лѣсинская. Чего! Лишь только мы вышли съ нимъ изъ церкви, какъ Марья Никевна пристала къ нему: „Сидоръ Андреичъ, Сидоръ Андреичъ! ко мнѣ милости прошу, пожалуста!“ Ну, что ты будешь дѣлать съ нею? отбила его у меня да и только. Не знаю, какъ мнѣ и быть: Сидора Андреича никому показать нельзя,—такъ всѣ и хватаютъ на-расхватъ. Вотъ что значитъ угодить Богу-то: куда ни придетъ, во всякій домъ несетъ благословеніе Божіе. Оттого-то такъ и любятъ его всѣ. Охъ, у меня хлопотъ полонъ ротъ. Надобно послать въ городъ за Анной Левонтьевной, чтобы пособила мнѣ по хозяйству, да сшила кое-что къ именинамъ Сонюшки. То-то женщина-то прелюбезная, преуслужливая! Поди, Сонюшка, да посмотри пожалуйста, все ли готово къ чаю. (*Софья уходитъ. Входитъ Иванъ.*)

Иванъ (*къ Лѣсинской*). Сударыня, какая-то женщина проситъ меня, чтобы я доложилъ вамъ объ ней.

Лѣсинская. Какая женщина?

Иванъ. Да Богъ ее знаетъ, Лисафета Андреевна. Оно, то-есть, тово—одѣта на благородную стать.

Лѣсинская. Ну, что жъ? Введи ее сюда.

Иванъ (*отворяя дверь въ прихожей*). Извольте, матушка, войтить сюда. (*Входитъ женщина, бѣдно, но опрятно одѣтая.*)

Лѣсинская. Что тебѣ, милая, нужно?

Женщина (*почтительно кланяясь*). Сударыня, я бѣдная вдова; мой мужъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство бѣдность и троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Теперь я ѣду съ ними въ убогой кибиткѣ и на плохой лошаденкѣ на свою родину, въ Орловскую губернію, и бѣдностію доведена до крайности просить вспомоществованія сострадающихъ людей... и потому... надѣюсь...

Лѣсинская. Ахъ, матушка, жаль мнѣ тебя право. Не въ похвальбу сказать: люблю, грѣшница, накормить алчущаго, напоить жаждущаго и всегда помогать нищимъ! Андрюшенька, другъ мой, поди, вели дворецкому отпустить ей полмѣрки крупки на кашу, полмѣрки овсеца, да пудикъ сѣнца для лошаденки. (*Женщина вздыхаетъ, кланяется и уходитъ за Андреемъ.*) Охъ, ужъ эти мнѣ потаскуши! дай той, подай другой; отбою право нѣтъ.

Рудина. Мнѣ кажется, Лизавета Андреевна, что эта женщина благородная и достойная лучшаго пріема и большаго вспомоществованія...

Лѣсинская. И, матушка, много шатается по бѣлому свѣту этихъ благородныхъ, всѣхъ не одѣлишь. Да и что благородство безъ богатства? Охъ, что это Сонюшка-то замѣшкалась? пойтить самой. (*Уходитъ.*)

(*Входитъ Софья.*)

Рудина. Безъ тебя тутъ приходила какая-то бѣдная женщина; судя по ея ухваткамъ и словамъ, можно заключить, что она была недурно воспитана.

Софья. Что жъ маменька дала ей?

Рудина. Сперва сказала довольно длинную проповѣдь о своей страсти къ благодѣяніямъ, а потомъ велѣла ей выдать полмѣрки крупки на кашу, полмѣрки овсеца, да пудикъ сѣнца для лошаденки.

Софья. Неужели? (*Входятъ двѣ монахини.*)

Старшая монахиня (*Съ большою книгою подъ мышкою, низко кланяясь*). Здравствуйте, прекрасная барышня! Доложите объ насъ своей маменькѣ. Мы собираемъ подаянія для церкви во имя угодника Божія Николая Чудотворца, епископа Мирликійскаго, и надѣемся у богомольной и страннопріимной госпожи сего дома выпросить позволеніе переночевать ночку. (*Входитъ Лѣсинская.*)

Лѣсинская. Ахъ, Боже мой! какими судьбами? Милости просимъ, прошу пожаловать! Обрадовалъ меня нынѣшній день Господь и не знаю, за какія молитвы. Вы, вѣрно, переночуете у меня ночки двѣ или три?

Старшая монахиня (*низко кланяясь*). Покорно благодаримъ, сударыня, на добромъ словѣ; мы съ большимъ удовольствіемъ останемся: много ѣздили, такъ устали.

Лѣсинская. А это знать бѣличка съ вами?

Старшая монахиня. Да, сударыня, сестра Серафима Божіею милостію. (*Рудина и Софья уходятъ.*) Это, знать, дочка ваша?

Лѣсинская. Да, матушка, дочь моя.

Старшая монахиня. Ну, ужъ, сударыня, наградилъ васъ Господь дочкою: настоящій херувимчикъ. Чай вы ничего не жалѣли для ея воспитанія?

Лѣсинская. Какъ же, матушка, какъ же! Ужъ такъ воспитана, что нельзя лучше: говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, даже и англійскія-то книги читаетъ; а какъ танцуетъ, какъ играетъ на фортепьянахъ, на гитарѣ! У ней однихъ учите-

лей да мамзелей было столько, что и счету нѣтъ. А вотъ эта-то, что сейчасъ вышла съ нею, больше всѣхъ учила ее и съ десяти лѣтъ находилась при ней. Правда, воспитаніе-то мнѣ ничего не стало. У меня была старая тетка Пелагея Игнатьевна, женщина гордая, надутая, никогда ко мнѣ не ѣздила. Одинъ разъ я и пріѣхала къ ней съ Сонюшкою. Сонюшка тогда была по седьмому годочку и очень понравилась своей бабушкѣ, та и упросила меня, чтобъ я отдала ей Сонюшку на воспитаніе и за это обѣщала отказать ей шестьсотъ душъ. У меня только одна и была дочка, такъ и жалко было разстаться. Сперва не хотѣла, а послѣ раздумала, что если Сонюшкѣ-то она откажетъ свое имѣніе-то, такъ ужъ мнѣ не нужно будетъ давать ей въ приданое своихъ крестьянъ, что они лучше достанутся сыновьямъ. Такъ она и жила у ней до шестнадцати лѣтъ, и вотъ видно-то, какъ съ годъ тетка-то моя умерла и Сонюшка переѣхала къ намъ.

Старшая монахиня. Мы слыхали, что у васъ недавно супругъ скончался.

Лѣсинская. Да, матушка, назадъ тому три недѣли.

Старшая монахиня. Я думаю, онъ такъ же былъ добръ, какъ и вы?

Лѣсинская. Правда, онъ былъ не злой человѣкъ, а только ужасно страненъ: представьте себѣ, не давалъ мнѣ ни въ чемъ воли; не любилъ своихъ сыновей и воспитывалъ, какъ своего роднаго сына, одного двор採оваго мальчишку; къ святымъ людямъ былъ не ласковъ, а какихъ-нибудь побродягъ и нищихъ такъ ласкалъ и одаривалъ. Ахъ, жаль, что теперь нѣтъ дома Сидора Андреича, я бы познакомила васъ съ нимъ. Онъ слѣпъ, а дѣлаетъ большія чудеса; напримѣръ, кто бы ни взошелъ въ комнату, тотчасъ узнаетъ. А ужъ какъ знаетъ житіе святыхъ, Библію; еслибы онъ былъ теперь дома, то бы поговорилъ съ вами о божествѣ-то. Правда и про него мнѣ много говорили худаго, напримѣръ, что его выгнали изъ одного дома за ужасный порокъ, да я не больно вѣрю этимъ наговорамъ.

Старшая монахиня. Худые люди про кого не выдумаютъ! (*Кланяясь*). Не соблаговолите ли, сударыня, сколько-нибудь пожертвовать на церковь угодника Божія Николая, чудотворца...

Лѣсинская. Какъ же, какъ же! Не могу, грѣшница, дать много, а сколько животы позволяютъ, такъ съ радостію. Пятьдесятъ рублей, я думаю, будетъ довольно.

Старшая монахиня. Премного довольны вашими милостями

будетъ надъ вашимъ домомъ благословеніе Божіе! Дай вамъ Господи дождаться внучковъ и правнучковъ!

Лѣсинская. И, помилуйте, за что же! Пожалуста, поживите у меня побольше, всѣмъ будете довольны: у лошадей вашихъ овесъ будетъ безъ выгреба, извощика вашего будутъ кормить съ моего стола; для спасеныхъ людей я ничего не жалѣю. (*Входитъ Иванъ.*)

Иванъ. Сударыня, пожалуйте чай кушать!

Лѣсинская. Милости прошу, пожалуйте чайку покушать. (*Уходитъ съ монахинями.*)

Иванъ. Ушли. Теперь опять нападетъ на дѣвокъ. Ну, старикъ опять попался: дѣлать нечего. Воля Божья; безъ Его воли и волосъ не пропадетъ на головѣ человѣка. Все такъ, да терпѣть-то тошно. Гдѣ не послушаешь, все худыя вѣсти: того прибили, у того отняли трудовое, кровью и потомъ нажитое. Ну, видно, пришлось терпѣть, авось Богъ вступится. Пусть беззаконничаютъ, поколь Онъ терпитъ грѣхамъ ихъ, за то ужъ барышня—дай-то ей Господи добраго здоровья, да хорошаго женишка. (*Вынимаетъ кошелекъ.*) Однако тугонько набитъ. Раздать кое-кому деньжонокъ-то. Какъ бы барыня не узнала: тогда только держись! Пойтить да посправиться объ столѣ да приготовить шандалы со свѣчами. (*Уходитъ.*)

Картина третья.

Дѣйствіе происходитъ въ городкѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ деревни Лѣсинскаго.

Ахъ! не вини меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ укрощать не знаю я искусства.
Вини сей огнь въ моей пылающей крови:
Чрезмѣренъ я во всемъ—и въ злобѣ и въ любви.
Озеровъ.

Театръ представляетъ постоялую горницу; чемоданъ и нѣсколько дорожныхъ узловъ лежитъ въ углу оной; на кровати въ безпорядкѣ раскинуты: дорожный тюфякъ, подушки и проч. Дмитрій сидитъ въ нѣмомъ отчаяніи, облокотясь на столъ; лице его блѣдно, глаза мутны, волосы растрепаны; онъ неподвижно и безмолвно смотритъ въ окно; чрезъ минуту выходитъ изъ сосѣдственной комнаты Сурскій.

Сурскій. Проклятый городишко! Насилу могли найти горенку, въ которой еще таки можно жить. Я весь разломанъ—такъ измучила меня эта скверная дорога. Ну, братъ, мы съ тобой похожи

не на людей, а на какихъ-нибудь заморскихъ чучелъ, которыхъ показываютъ за деньги: на насъ не осталось нитки сухой; все платье въ грязи выпачкано. (*Молчаніе.*) Эй, Дмитрій! (*Дмитрій машинально оборачивается и безжизненно смотритъ на него, не говоря ни слова.*) Да что ты, или безъ языка? Ободрись, малодушный! (*Дмитрій отворачивается отъ него, принимаетъ прежнее положеніе и погружается въ мрачную задумчивость.*) Ну, братъ, съ тобою горе да и только. Право, ты похожъ не на человѣка, а на мраморную статую, поставленную для украшенія этой лачуги!

Дмитрій. Безчувственный! Неужели ты, видя человѣка, стоящаго на краю пропасти, готоваго упасть въ нее, можешь смѣяться?

Сурскій. Послушай, Дмитрій, развѣ ты не знаешь, что я пріѣхалъ сюда единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отсторонять этого несчастнаго отъ пропасти, которую онъ, по своему безумію, самъ изрылъ себѣ? Я обѣщалъ тебѣ употребить всѣ силы для твоего спасенія; этого для тебя должно быть довольно, ибо я давно уже отвыкъ давать обѣщанія, несбыточныя и необдуманныя. Впрочемъ, не ручаюсь за успѣхъ моихъ намѣреній въ разсужденіи тебя; скажу только, что имѣю надежду получить оный средствомъ, какого ты отъ меня и ожидать не можешь. Я слишкомъ многимъ жертвую моей къ тебѣ дружбѣ, ибо рѣшаюсь на поступокъ чрезвычайно важный и могущій имѣть для меня слѣдствія непріятныя. Въ семъ городѣ живетъ по временамъ мой старинный другъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился въ Московскомъ университетѣ и, бывши студентомъ, подружился. Онъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій и завѣдуетъ нѣсколькими городами здѣшней губерніи, въ числѣ которыхъ находится и этотъ. Онъ теперь въ другомъ городѣ, гдѣ живутъ его родители, и нынче непремѣнно долженъ быть здѣсь. Я сейчасъ былъ на его квартирѣ; лишь бы онъ пріѣхалъ, а то сію же минуту явится здѣсь, и я вмѣстѣ съ нимъ подумаю, что намъ должно дѣлать для твоего спасенія.

Дмитрій (*приведенный въ чувство его словами*). Итакъ, судьба еще не всего лишила меня, еще есть другое существо, которое принимаетъ во мнѣ участіе?.. Сурскій, благодарю тебя за дружбу: я умѣю ее чувствовать. Но позволь замѣтить тебѣ, что ты жестоко обижаешь меня, скрывая свои намѣренія, какъ будто они совсѣмъ не до меня касаются. Такая недовѣрчивость оскорбляетъ мое самолюбіе. Такъ поступаютъ съ маленькими дѣтьми ихъ родители: хотятъ говорить о средствахъ устроить ихъ счастіе и между тѣмъ высылаютъ ихъ изъ комнаты, совѣтуя кончить въ другой (?)

Сурскій. Что жъ дѣлать? Ты послѣ самъ узнаешь, что иначе никакъ невозможно было поступить. Успѣхъ моего предпріятія зависитъ отъ крайняго хладнокровія, крайней осторожности, а ты знаешь себя. (*Жметъ его руку.*) Другъ мой, если ты желаешь быть счастливымъ, если ты любишь Софью, то заклинаю тебя ея именемъ взять до времени терпѣніе и слѣпо повиноваться мнѣ: отъ этого зависитъ твое соединеніе съ Софьею.

Дмитрій (*съ неумѣреннымъ восторгомъ*). Мое соединеніе съ Софьею,—сказалъ ты?... (*Смотритъ на него съ выраженіемъ неожиданной радости.*) О, вѣстникъ блаженства, ангелъ хранитель! Повтори, повтори мнѣ эти слова! Они воскрешаютъ меня, убитаго отчаяніемъ, подавленнаго безнадежностію!... О, эти слова... они отрадны для меня, какъ для узника: „ты свободенъ"... (*Крѣпко сжимаетъ его руку.*) О, повтори, повтори мнѣ ихъ...

Сурскій. Видишь ли, каковъ ты? Можно ли тебѣ открыть что-нибудь? Еще ничего нѣтъ, а ты уже съ ума сходишь отъ радости. Для чего предаваться ей до такой степени? Надежда обманчива,—ты самъ не испыталъ ли это?

Дмитрій. Да, такъ, ты правъ. По крайней мѣрѣ, скажи мнѣ: это ли твое намѣреніе? Увѣрь меня, увѣрь, и я буду послушенъ, какъ ребенокъ...

Сурскій. Это, самое это; только, Бога ради, молчи; будь нѣмъ, какъ рыба!

Дмитрій. (*вскакиваетъ со стула и ходитъ по комнатѣ большими шагами въ сильномъ волненіи, потирая руками; всѣ его движенія выражаютъ радость самую сильную, но смѣшанную съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.*) Боже!... И такъ еще мнѣ не должно совершенно отчаяваться; еще надежда опять льститъ мнѣ. Но не для того ли, чтобы, какъ прежде, обмануть меня?—Нѣтъ, этого быть не можетъ: у меня есть другъ! О, я счастливецъ!... Я буду супругомъ ангела!... (*Схватываетъ руку Сурскаго и пожимаетъ ее.*) Но, другъ мой, я обѣщался молчать и сдержу свое слово; но послушай, и ты сдержишь свое, не правда ли? О, я буду счастливъ! Слышишь ли, какъ сильно бьется мое сердце? Видишь, какъ я весь дрожу: неужели это не есть предвѣстіе счастія?...

Сурскій. А можетъ быть, и злополучія!... Кто знаетъ!... (*Входитъ хозяйка, неся согрѣтый самоваръ.*)

Хозяйка. Поспѣлъ, батюшка, поспѣлъ; такъ кипитъ, что и не уймешь. У васъ свои что ли будутъ чашечки-то, да чайничекъ-то?...

Сурскій. Свои, хозяюшка, свои: я всегда въ дорогу беру съ собою весь приборъ чайный. (*Къ Дмитрію*). Ну-ка, братъ, не хочешь ли запить поэтическіе восторги прозаическимъ чаемъ? онъ согрѣетъ тебя. Да правда, ты безпрестанно горишь въ пламени, такъ и не могъ озябнуть отъ холодной осенней погоды, по милости которой я дрожу, какъ въ лихорадкѣ. А что, хозяюшка, опростала ли ты ту горенку-то, о которой я давеча говорилъ тебѣ?

Хозяйка. Свѣтелку-то что-ли, батюшка? Какъ же, опростала.

Сурскій. Такъ лишнее-то не худо бы отсюда перенести въ нее.

Хозяйка. Не прикажете ли позвать вашего человѣка; онъ прозябъ съ дорожки-то, такъ забрался на печь.

Сурскій. Позови, пожалуйста. (*Хозяйка уходитъ.*)

Сурскій (*грѣя свои руки около самовара, изъ котораго валитъ сильный паръ*). Какъ я люблю привѣтливый, гостепріимный паръ самовара! Какъ я любилъ его, еще бывши ребенкомъ! Не правда ли, другъ мой, этотъ китайскій напитокъ, который мы называемъ чаемъ, есть превосходное пріобрѣтеніе! Какія разнообразныя и многочисленныя удовольствія доставляетъ онъ человѣку! Какъ, напримѣръ, пріятно онъ соединяетъ семейный кругъ! Еще и теперь живы въ моей памяти тѣ сладостные зимніе [1] вечера, въ которые бывало наше нераздѣльное семейство собиралось вокругъ самовара, и я, любимецъ моей матери, первый жался съ своимъ стуломъ къ чайному столику и первый получалъ свою чашку. Какъ этотъ напитокъ пріятенъ въ откровенной бесѣдѣ двухъ друзей, еще къ тому же окруженныхъ облаками табачнаго дыма. Но, Дмитрій, мнѣ кажется, что еще пріятнѣе, когда прелестныя ручки прелестной подруги приготовляютъ эту ароматическую влагу и когда она съ улыбкою подаетъ ее своему другу и подслащиваетъ поцѣлуями? Не правда ли, Дмитрій?... (*Вздыхаетъ и задумывается.*)

Дмитрій. Клянусь Богомъ, мысль прекрасная и справедливая! Но, Сурскій, отчего вдругъ родились этотъ вздохъ, эта задумчивость, эта печаль? Право, я, во все время моего съ тобою знакомства, еще въ первый разъ вижу тебя, такъ сильно растроганнаго мечтой.

Сурскій (*какъ бы опомнившись*). Ну, братъ, подлинно, что знакомство съ мечтателями есть самая прилипчивая [2] зараза: я съ тобою поневолѣ началъ мало по малу вдаваться въ прежнія глупости. Въ самомъ дѣлѣ, каково покажется? Не болѣе какъ въ

---

[1] Въ рукописи: „сладостныя занятія. [2] Въ рукописи: „приманчивая“.

продолженіе двухъ минутъ успѣлъ тебѣ сказать цѣлую проповѣдь объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ самоваромъ. Однако я заболтался съ тобою, позабылъ и трубку закурить. (*Накладываетъ въ трубку табаку и закуриваетъ.*) Ахъ, какъ пріятно, послѣ дороги и долго не куривши, хорошенько затянуться.

Дмитрій. Послушай, Алексѣй, несмотря на мою недальновидность, я замѣчаю, что скрытность, которая, повидимому, составляетъ отличительную черту твоего характера, тебѣ не свойственна. Ты хочешь принудить себя быть скрытнымъ, стараешься избѣгать всего мечтательнаго, безпрестанно находишься въ дѣйствительности и между тѣмъ невольно измѣняешь самому себѣ. Мнѣ кажется, что ты стремишься забыть что-то такое, о чемъ одно воспоминаніе для тебя тягостно,—и не можешь. Такая скрытность въ разсужденіи меня, твоего друга, непростительна. (*Пожимаетъ его руку.*) Любезный Алексѣй, неужели я не заслужилъ твоей довѣренности? Неужели я не стою того, чтобы ты открылъ мнѣ свои тайны? Не забудь, что въ разсужденіи этого предмета ты у меня въ долгу.

Сурскій. Что было, то прошло. Для чего вспоминать, когда воспоминаніе мучительно?... (*Съ чувствомъ*). Другъ мой, въ послѣдній разъ говорю съ тобою не шутя: повѣсть моя мрачна: она раздается въ ушахъ моихъ, какъ послѣдній вопль казненнаго, и для того прошу тебя... (*Въ задумчивости ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ большими шагами, выпуская изъ роту густыя облака табачнаго дыма. Входитъ Степанъ.*)

Степанъ. Что вамъ угодно, Алексѣй Петровичъ?

Сурскій. О, братъ, да ты никакъ только-что съ просонья; знать на печкѣ-то лучше, чѣмъ на козлахъ. Благую же ты избралъ часть. Слазь-ка въ ларецъ, да вынь изъ него все нужное къ чаю.

Степанъ. Сейчасъ. Да ключъ-то знать у васъ?

Сурскій. У меня. Вотъ онъ, на.

Степанъ (*вынимаетъ чашки, чайникъ и прочее и становитъ на столъ.*) Вы сами изволите разливать?

Сурскій. Само собою разумѣется, что самъ,—развѣ ты меня не знаешь? Ступай-ка, спи покудова. (*Степанъ уходитъ; онъ кладетъ щепоть чаю въ чайникъ, наливаетъ въ оный воды и становитъ на самоваръ. Дмитрій ходитъ по комнатѣ большими шагами. Оба молчатъ. Въ продолженіе этой нѣмой сцены Сурскій наливаетъ въ два стакана чаю, изъ коихъ одинъ подаетъ Дмитрію, а другой беретъ себѣ.*)

Сурскій. Ну, братъ, ты опять ударился въ свои унылыя мечты; возьми-ка вотъ стаканчикъ-то, авось либо хоть чаемъ-то не разгонишь ли ихъ. О чемъ ты задумался?

Дмитрій (*съ тяжкимъ вздохомъ*). Ахъ, другъ мой, кто теперь болѣе меня можетъ имѣть причинъ къ размышленіямъ самымъ мрачнымъ? Рѣшеніе моей участи такъ близко, такъ невѣрно: оно виситъ на волоскѣ; малѣйшая неосторожность, одно ошибочное движеніе, одно неблагопріятное обстоятельство—и оно оборвется, и искра надежды,—надежды, которая теперь тлѣется въ душѣ моей, превратится въ истребительный пожаръ отчаянія, – пожаръ, который своимъ заревомъ освѣтитъ всѣ ужасы бездонной пропасти, готовой принять меня въ свои нѣдра... Ахъ, при этой убійственной мысли мое сердце обливается холодомъ, мое дыханіе спирается; кажется, что въ это мгновеніе на мою грудь падаетъ тяжелый камень и сильно, сильно давитъ ее... О, что со мною будетъ, ежели всѣ твои старанія останутся тщетными?... (*Вскакиваетъ.*) О, сколько въ такомъ случаѣ роковыхъ ударовъ, сколько смертей въ одно и то же время!... Быть рабомъ, лишиться предмета, которымъ дышалъ, съ которымъ связанъ узами самыми крѣпкими и вмѣстѣ самыми... и послѣ всего этого еще жить... Нѣтъ!... Нѣтъ, тогда всѣ мои способности, всѣ мысли, всѣ намѣренія сольются въ одно слово, которое будетъ первымъ и послѣднимъ—и это слово есть—смерть!!!..

Сурскій. И ты въ состояніи рѣшиться на самоубійство?

Дмитрій. Сурскій, полно; не говори мнѣ объ этомъ; не осуждай моего намѣренія: оно благородно; не отвращай меня отъ него: оно твердо. И какъ! Неужели послѣ всѣхъ этихъ злополучій, въ обширности которыхъ умъ теряется, какъ въ безпредѣльномъ хаосѣ, еще должно жить?... Помилуй, Сурскій, ежели ты придешь ко мнѣ и съ отчаяннымъ взоромъ, крѣпко сжимая своей оледенѣлою рукою мою руку, скажешь: „Злополучный другъ, все кончено: ты погибъ!“ признайся, что въ это мгновеніе несчастіе будетъ превосходить всѣ мѣры воображенія, что оно можетъ только равняться съ тѣмъ счастіемъ, которымъ я нѣкогда наслаждался. Но въ моей волѣ будетъ прекратить его въ одну секунду, слѣдовательно оно будетъ непродолжительно; но жить... видѣть торжество моихъ враговъ, сносить всю жестокость мщенія этихъ подлыхъ, низкихъ душъ; видѣть свою любезную въ объятіяхъ соперника и наконецъ къ довершенію всего этого — быть рабомъ,—о, не значитъ ли это въ каждую секунду умирать тысячью смертями?... Можешь ли ты вообразить себѣ весь ужасъ человѣка, около котораго

обвились тысячи ядовитыхъ змѣй и медленно высасываютъ его кровь? Можешь ли ты себѣ представить всю необъемлемость мученій человѣка, съ котораго съ живаго сдираютъ кожу?... И все это я долженъ буду переносить ежеминутно!... Окованный поносными цѣпями рабства, буду безсильными руками рвать ихъ, грызть зубами, и, орошая ихъ кровавою пѣною ярости, изрыгать адскія проклятія на моихъ тирановъ, которые между тѣмъ, помирая со смѣху, будутъ наслаждаться несносною злобою, моимъ безсильнымъ бѣшенствомъ!... Зайцы будутъ смѣяться надъ окованнымъ львомъ!... О, нѣтъ!... Нѣтъ!... Горе мнѣ, горе врагамъ моимъ! они не будутъ торжествовать мою гибель, и, ежели я погибну, то не иначе, какъ только вмѣстѣ съ ними, только вмѣстѣ съ ними предстану предъ тронъ Судіи всевышняго... А если рѣшусь жить—то это для мщенія, и мщенія самаго ужаснѣйшаго!... О!...

Сурскій. Не хочу осуждать тебя, но не могу и оправдывать. Ты теперь находишься въ такомъ положеніи, что всѣ доказательства и возраженія безполезны: они не приведутъ тебя въ разсудокъ и только болѣе взбѣсятъ; но, несмотря на то, я все-таки скажу, что источникъ самоубійства есть бѣшенство, безуміе и малодушіе. Истинно благородный и великодушный человѣкъ, какъ бы ни былъ злополученъ, всегда найдетъ утѣшеніе въ своей совѣсти, въ религіи, въ надеждѣ на Бога и рѣшится терпѣть *здѣсь*, чтобы вѣчно наслаждаться *тамъ*.

Дмитрій (*съ бѣшенствомъ*). Терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ!... Вотъ истинно превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія! Къ несчастію, она только хороша для низкой черни. Какъ!... Неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходитъ! Неужели это премудрое, милосердое Существо, котораго мы называемъ Богомъ, посылаетъ людей на землю, какъ колодниковъ на каторгу? Неужели Его благость такъ ограничена, что Онъ не хочетъ сдѣлать свое лучшее твореніе счастливымъ *здѣсь* и *тамъ*? Нѣтъ, по вашему, Онъ не иначе долженъ сдѣлать его блаженнымъ, какъ сперва потиранивши его, насладившись его муками... Фарисей, ты искажаешь Божество!...

Сурскій. Напротивъ, я не искажаю Его, а представляю таковымъ, каково Оно есть въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, хотя земля и есть поприще страданій большой части людей, однако въ этомъ виноватъ не Богъ, а сами люди. Они имѣютъ разумъ, эту искру Божества,—и уподобляются скотамъ. Признайся, что ты самъ есть

виновникъ своихъ страданій, что ты самъ своимъ неблагоразуміемъ накликалъ на себя бѣдствія, которыя теперь претерпѣваешь?!..

Дмитрій. Хорошо: я самъ. Но еслибы я отказался отъ Софьи, то развѣ бы могъ быть счастливымъ? Въ такомъ случаѣ я бы бросился изъ огня да въ полымя; опять, кто причиною тѣхъ горестей, которыя я претерпѣвалъ въ домѣ Лѣсинскаго еще прежде, нежели увидѣлъ Софью.

Сурскій. Ты, потому что не умѣлъ сносить ихъ съ твердостію.

Дмитрій. Но ежели въ моемъ характерѣ нѣтъ этой твердости, то въ такомъ случаѣ кто виноватъ? Нѣтъ, братъ, ежели сами люди виноваты въ собственныхъ своихъ мученіяхъ, то это значитъ, что они злы и глупы. Въ такомъ случаѣ можно ли сказать про человѣка, что онъ есть образъ и подобіе Бога, его сотворившаго? Можно ли сказать, чтобы это низкое, презрѣнное существо было произведено на свѣтъ Высочайшею Премудростью? Притомъ, ежели эта Высочайшая Премудрость, по свойственному ей всевѣдѣнію, знала впредь, что люди рано или поздно должны будутъ дойтить до крайней степени нравственнаго униженія, что они никогда не могутъ быть счастливыми, то для чего же она производила ихъ?...

Сурскій. Презрѣнная горсть пыли! И ты осмѣливаешься обвинять Бога, и ты дерзаешь возставать противъ Него? Не думай, чтобы голосъ твой гремѣлъ, какъ голосъ титана; нѣтъ, онъ едва ли слышенъ, какъ голосъ ничтожнаго червя!... Кто сказалъ тебѣ, что люди совершенно несчастны: ежели они претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости. Что еслибы теперь всѣ надежды твои сбылись, не живѣе ли бы ты ощущалъ прелесть блаженства?...

Дмитрій. Такъ, хорошо. Но если они не сбудутся, то въ такомъ случаѣ, что остается мнѣ дѣлать?

Сурскій. Терпѣть!

Дмитрій. Опять таки терпѣть. Да на что и почему? Неужели человѣкъ во все продолженіе своей жизни непремѣнно долженъ страдать?... Неужели этого требуетъ правосудіе Бога?

Сурскій. Но съ чего ты взялъ, что человѣкъ во все продолженіе своей жизни долженъ страдать? Неужели ты думаешь, что ежели ты несчастливъ, то и всѣ несчастны? Если ты теперь претерпѣваешь бѣдствія, то вспомни прошедшее, вспомни слова твои, что одна минута возможнаго блаженства можетъ замѣнить цѣлые вѣки страданій, слѣдовательно въ судьбѣ человѣка есть равновѣ-

сіе. Бѣдный часто наслаждается спокойствіемъ, котораго не имѣетъ богатый; славный герой льетъ свою кровь и безпрестанно ожидаетъ себѣ смерти, между тѣмъ какъ земледѣлецъ, въ счастливой безъизвѣстности, не боясь смерти, спокойно обработываетъ свою ниву: теперь не уравнена ли ихъ участь? Я думаю, что, когда ты былъ счастливъ, то твои мысли и чувства въ отношеніи къ Богу были совсѣмъ не таковы?...

Дмитрій. О, другъ мой! Въ то блаженное время каждое чувство мое было—любовь, каждая мысль моя—благодарность къ этому благому Существу. Нерѣдко я плакалъ отъ умиленія, нерѣдко обращалъ слезящіеся взоры къ небу и въ благоговѣйномъ безмолвіи, въ сладостныхъ ощущеніяхъ, шепталъ священное имя Бога... А теперь... Теперь въ душѣ моей поселилось какое-то мрачное сомнѣніе, которое, какъ пожаръ разрушительный, истребило въ ней довѣренность къ Промыслу и даже эту сладостную вѣру въ высокое, которою я дышалъ доселѣ. На этотъ міръ, который прежде казался мнѣ столь прекраснымъ, я теперь смотрю, какъ на дикую пустыню, въ которой злоба, невѣжество и предразсудки воздвигли изъ костей и труповъ престолъ несчастію!... О, ежели всѣ мои надежды кончатся моею гибелью... тогда, тогда мое лютое отчаяніе, моя неистовая ярость на все существующее разольется огненнымъ, клокочущимъ потокомъ, который затопитъ, разоритъ меня, моихъ враговъ и всѣхъ близкихъ ко мнѣ. Тогда уста мои загремятъ хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами!... *) Тогда я буду просить Его, чтобы Онъ или превратилъ меня въ прахъ, или далъ мнѣ Свои громы, чтобы я могъ въ одно мгновеніе истребить этотъ чудовищный міръ, истребить этихъ лютыхъ, безсмысленныхъ тварей, которыя населяютъ его. О, кровавыми бы руками исторгнулъ бы я тогда изъ своего сердца остатки жалости и состраданія, превратилъ бы всѣ мои чувства и помышленія въ ярость и неистовство; своимъ дыханіемъ, какъ вредоноснымъ ядомъ, заразилъ бы воздухъ и воду, и, смотря на ужасъ и суетливость, съ которыми бы зашевелились эти муравьи въ своемъ муравейникѣ, съ дикимъ хохотомъ, съ адскимъ самонаслажденіемъ приговаривалъ бы: „я рабъ! Софья выходитъ замужъ“! Ахъ, эти ужасныя слова разрываютъ узы, связывающія меня съ человѣчествомъ, и приводятъ меня въ такое состояніе, что

---

*) Такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности.

я, при воспоминаніи о нихъ, томлюсь жаждою крови, убійства и разрушенія!... (*Въ бѣшенствѣ, съ неистовыми движеніями, быстро ходитъ по комнатѣ большими шагами*).

Сурскій. Безумецъ! Итакъ, только потому, что ты несчастливъ, долженъ погибнуть весь міръ, въ отношеніи къ которому ты есть ничто иное, какъ ничтожная пылинка? Не есть ли это порывъ *) эгоизма, которымъ ты столько гнушался, не есть ли это отсутствіе любви къ общему благу? Но я вижу, что убѣдить тебя доказательствами разсудка есть трудъ Данаидъ; попробую, нельзя ли образумить тебя примѣромъ. Давича, ты просилъ меня разсказать тебѣ исторію моей жизни—я исполню твое желаніе.

Дмитрій. О, разскажи мнѣ ее, разскажи. Ты несчастливъ, и несчастіемъ своимъ обязанъ существамъ, которыя называются твоими ближними, твоими братьями,—я это вижу. Заставь меня еще болѣе ненавидѣть этихъ гнусныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, пожирающихъ другъ друга, этихъ...

Сурскій. Нѣтъ, не ненавидѣть, а прощать ихъ хочу я заставить тебя. Дмитрій, ты видишь предъ собою человѣка, который былъ счастливъ, какъ ты, и который теперь потерялъ и самую надежду на счастіе, который при всемъ этомъ не ропщетъ на Бога, не клянетъ судьбу и хочетъ жить.

Дмитрій. Безъ предисловій, безъ предисловій, Бога ради! Я горю нетерпѣніемъ слышать твою исторію, а не наставленія. Говори и описаніемъ своихъ несчастій прибавь еще нѣсколько капель этой черной, ядовитой желчи, которая пожираетъ мою внутренность. Говори, я слушаю!

Сурскій. Мой отецъ—довольно достаточный человѣкъ, уважаемый всѣми въ нашемъ маленькомъ городкѣ, какъ по мѣсту, занимаемому имъ, такъ и за его честность, прямодушіе и истинное русское хлѣбосольство. Несмотря на свое старомодное воспитаніе, онъ чуждъ предразсудковъ почтенной русской старины и воспитывалъ меня *по новому*, ничего не щадя для моего образованія. Съ самаго моего младенчества во мнѣ обнаружился характеръ живой, пылкій, и я долго имѣлъ необыкновенную склонность къ проказамъ и шалостямъ разнаго рода. Воспитаніе, характеръ, привычки, образъ мыслей и жизни родителей и вообще семейства имѣютъ обыкновенно большое вліяніе на нравственное образованіе дѣтей и даже на расположеніе ихъ склонностей. Это я испыталъ на

*) Въ рукописи: „противъ“.

самомъ себѣ. Мой отецъ женился на моей матери, если не по любви, то по какому-то маленькому расположенію, заставившему его предпочесть ее другимъ дѣвушкамъ, на которыхъ бы онъ могъ жениться. Во всемъ городѣ не было четы счастливѣе моихъ родителей; подъ кровомъ ихъ дома царствовало семейственное согласіе, мирная тишина и слѣдовательно и счастіе. Обязанный своимъ благополучіемъ женитьбѣ, мой отецъ полагалъ въ семейственной жизни верхъ возможнаго человѣческаго блаженства и часто съ восторгомъ говаривалъ, что онъ желалъ бы поскорѣе видѣть меня женатымъ по склонности. Посему и не удивительно, что я, воспитанный въ нѣдрѣ такого семейства, вступивши въ лѣта юношества, нечувствительно получилъ любовь и склонность къ тихой семейственной жизни. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ восторгомъ я думалъ о томъ времени, когда назову какую-нибудь милую дѣвушку моею женою, когда буду жить своимъ домомъ и называться почтеннымъ именемъ супруга, хозяина, а можетъ быть, отца семейства. Какъ обыкновенно водится у всѣхъ мечтателей, я составилъ въ головѣ своей идеалъ моей суженой, искалъ его въ толпѣ знакомыхъ дѣвушекъ—и нашелъ. Не буду много говорить; скажу только, что я, какъ говорится, по уши влюбился въ дочь одной небогатой вдовы чиновника, нѣкогда служившаго въ нашемъ городѣ. Меня плѣнило ея миловидное личико, пара голубыхъ глазокъ, блиставшихъ кроткою задумчивостію и милою скромностію. Сверхъ сихъ достоинствъ она была очень хорошо воспитана.

Дмитрій (*пожимаетъ его руку*). И ты былъ человѣкомъ и ты любилъ, а между тѣмъ обвиняешь меня!

Сурскій. Мой отецъ, замѣтивъ мою склонность, сказалъ: „браво, Алексѣй, браво; я помогу тебѣ“. Онъ сдѣлалъ предложеніе ея матери, та была онымъ очень обрадована, ибо знала, что мой отецъ довольно достаточный человѣкъ. Положено было отпустить меня въ Московскій университетъ, и чрезъ годъ послѣ окончанія полнаго курса, женить. Между тѣмъ мнѣ позволено было обращаться съ Маріею, какъ съ своею невѣстою. Не буду говорить тебѣ о моемъ счастіи: ты самъ знаешь, что̀ значитъ первое стыдливое признаніе, первый поцѣлуй, первый вздохъ любви, пожатіе руки, страстные застѣнчивые взгляды; скажу только, что они болѣе и болѣе укрѣпляли нашъ союзъ. Наконецъ наступилъ часъ разлуки—и я полетѣлъ въ Бѣлокаменную съ тяжкою грустію въ душѣ, сопровождаемый наставленіями родителя, слезами милой матери и... (*Вздыхаетъ и погружается въ тихую задумчивость*).

Дмитрій. Сурскій, не правъ ли я? Не отгадалъ ли я? О, душа твердая! И ты, будучи способенъ такъ сильно чувствовать, умѣешь казаться безчувственнымъ!...

Сурскій. Да, другъ мой, я много испыталъ радостей, но вдвое больше горестей; тѣ и другія сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе; тѣ и другія сильно волновали мою грудь, но, несмотря на то, я умѣлъ владѣть собою. Но слушай далѣе. Бывши въ университетѣ, сначала я очень часто получалъ отъ нея письма и еще чаще писалъ къ ней, потомъ она стала рѣже и рѣже писать ко мнѣ, и я началъ примѣчать, что ее волнуетъ какая-то печаль, какое-то сомнѣніе, наконецъ она совсѣмъ перестала писать ко мнѣ. Въ письмахъ моихъ родителей я только съ нѣкотораго времени сталъ примѣчать какую-то двусмысленность въ разсужденіи Маріи; казалось, что они хотѣли скрыть отъ меня что-то непріятное и наконецъ просто сказали, что они разссорились съ госпожею Сунскою, что Марія недостойна меня, чтобы я забылъ ее, что она мнѣ невѣрна, что я ею забытъ и презрѣнъ. Я бѣсился, кровь во мнѣ кипѣла, и тутъ я узналъ, какъ сильно любилъ ее. Приближалась вакація, я непремѣнно хотѣлъ поѣхать домой, чтобы, какъ водится, обременить упреками невѣрную и отомстить моему сопернику; но жестокая горесть повергла меня въ продолжительную болѣзнь, почему я и принужденъ былъ остаться въ Москвѣ. Выздоровѣвши, я съ сугубою силою чувствовалъ всю важность моей потери, весь ужасъ моего одиночества и, желая разсѣяться, снѣдаемый отчаяніемъ, я завелъ многія новыя знакомства и съ помощію услужливыхъ друзей пустился въ повѣсничество разнаго рода и порядочно поразстроилъ свое здоровье.

Дмитрій. И ты еще послѣ всего этого остался живъ? Боже! Итакъ, я еще не все испыталъ, я еще не былъ пораженъ этимъ адскимъ бичемъ, который называется измѣною. Сурскій! О, ты много, много испыталъ! Только одна твоя желѣзная душа могла перенести это.

Сурскій. Да, другъ мой, мое несчастіе ужасно. Я не зналъ, какъ ты, этихъ неистовыхъ восторговъ любви, я не горѣлъ въ этомъ пожирающемъ огнѣ, который погубилъ тебя; но я испыталъ это тихое біеніе сердца, это сладостное смятеніе, это стыдливое замѣшательство, которое чувствуетъ юноша при взглядѣ на свою любезную. Я видѣлъ въ ней спутницу моей жизни, милую подругу, которая должна была услаждать мое бытіе, видѣлъ въ ней любовницу и вмѣстѣ вѣрнаго друга—и лишился всего. Всѣ мечты мои, всѣ надежды лопнули, какъ дождевые пузыри.

Дмитрій. Что же, ты видѣлъ ее послѣ этого?

Сурскій. Цѣлые три года я не былъ дома; наконецъ, окончивши курсъ въ университетѣ, я обнялъ моихъ родителей. Долговременное отсутствіе, отчаяніе, горести, шалости, — все это такъ перемѣнило мой видъ, что они съ трудомъ узнали меня. Отъ нихъ услышалъ я, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда пріѣхалъ къ нимъ въ городъ какой-то князь, влюбился въ Марію и сдѣлалъ предложеніе ея матери. Ослѣпленная знатностію и жадная къ богатству старуха, забывши совѣсть, приказывала своей дочери принимать этого князя, какъ жениха. Сначала Марія не хотѣла и смотрѣть на него, но онъ, какъ сирена, съумѣлъ усыпить въ ней чувства любви и чести—и я былъ забытъ. Какъ женихъ, ѣздившій каждый день въ домъ Сунской, онъ улучилъ свободную минуту—и обманутая Марія, боясь объявить о своемъ посрамленіи матери и надѣясь поправить все бракомъ, долгое время, поневолѣ, исполняла желанія подлеца. Наконецъ, въ одинъ день, тщетно ожидала она своего любовника—онъ скрылся и съ тѣхъ поръ не показывается. Вскорѣ и Марія уѣхала съ своею матерью изъ нашего города и о ней болѣе ничего не слыхали.

Дмитрій. И поэтому ты ее болѣе уже никогда не видалъ?

Сурскій. Нѣтъ. Поживши нѣсколько времени въ родительскомъ домѣ, я хотѣлъ опять ѣхать въ Москву, чтобы опредѣлиться тамъ къ какой-нибудь должности. Ввечеру, накануне моего отъѣзда, приходитъ дѣвушка и, подавая мнѣ письмо, сказала, что оно отъ Маріи, которая просила ее вручить его мнѣ по моемъ пріѣздѣ. Трепещущею рукою я развернулъ эту бумагу и узналъ изъ нея, что обольстителю пособляли нѣкоторые люди, отдавая ему мои письма, вмѣсто которыхъ подлецы доставляли Маріи другія; что она предалась ему не изъ любви, а изъ желанія отомстить мнѣ и что при всемъ томъ никогда не переставала любить меня. Она просила у меня прощенія, умоляла не проклинать ее и не мстить злодѣю: „въ этомъ мірѣ“, заключила, „вы не увидите недостойную; моимъ присутствіемъ я никогда не оскорблю васъ, я сама погубила мое счастіе и мнѣ остается только оплакивать мое безразсудство и легкомысліе!“ Чрезъ нѣсколько дней я очутился въ Москвѣ.

Дмитрій. Ты знаешь фамилію этого князя?

Сурскій. Знаю. А что?

Дмитрій. А мѣсто его пребыванія?

Сурскій. Нѣтъ. Но къ чему эти вопросы?

Дмитрій. И ты не намѣренъ отыскивать этого подлеца?

Сурскій. Для чего?

Дмитрій. Чтобы отомстить ему, чтобы вымотать жилы изъ его тѣла вмѣстѣ съ жизнію и освободить землю отъ чудовища!...

Сурскій. Для чего жъ? Вѣдь я этимъ не возвращу потеряннаго счастія.

Дмитрій. Но голосъ чести, голосъ самого разсудка повелѣваетъ тебѣ это сдѣлать: оставивши его жить, ты дашь ему средства продолжать свои злодѣйства.

Сурскій. Что не говори, а я не могу быть его судьею. Но оставимъ это. Ахъ, Боже мой, время идетъ, а моего Томина нѣтъ, какъ нѣтъ! Лишь бы онъ пріѣхалъ, а то сію же минуту придетъ; ты тогда, пожалуйста, уйди въ свѣтелку, о которой я давеча говорилъ хозяйкѣ. (*Входитъ Томинъ*).

Томинъ. А, другъ мой, наконецъ я тебя вижу! (*Здоровается съ Сурскимъ; Дмитрій уходитъ*).

Сурскій. Ну, братъ, а я усталъ, ждавши тебя. Гдѣ ты это пропадалъ?

Томинъ. Да такъ все кое-гдѣ. А это-то твой проказникъ? Ну ужъ, братъ, справедлива пословица, что видно птицу по полету. Признаюсь, молодецъ.

Сурскій. Не хочешь ли чаю, трубки?

Томинъ. О, братецъ, до чаю ли, до трубки ли теперь; надобно дѣлами-то поспѣшить. Я только что пріѣхалъ, а ужъ успѣлъ кое-что смастерить. Священникъ согласенъ, мѣсто назначено и все готово. Къ тому же самъ случай явился къ нашимъ услугамъ: Софья Петровна именинница и потому у Лѣсинской ныньче балъ. Мы съ тобою къ ней ѣдемъ. Я скажу ей одно словечко, которое произведетъ на нее самое магическое дѣйствіе и заставитъ принять тебя какъ какого-нибудь царя. Ты ангажируешь Софью Петровну на вальсъ, сообщаешь нашъ планъ; она соглашается; мы всѣ трое скрываемся; садимся на лошадей; они обвѣнчаны и дѣло кончено, а тамъ посмотримъ, что̀ дѣлать. (*Вынимаетъ часы и смотритъ на нихъ*). Однако уже скоро три часа; почти пора ѣхать. Ты покудова попринарядись, а я пойду также переодѣться, и какъ кончу свой туалетъ, то пришлю за тобою человѣка и мы ѣдемъ. Однакожъ ты возьми туда своего человѣка, а мой останется здѣсь дѣйствовать. (*Пожимаетъ его руку*). Прощай. (*Уходитъ*).

Сурскій. Да, дѣлать нечего, надобно рѣшиться на это средство: оно одно только и остается. (*Кричитъ*) Эй, Степанъ, Степанъ! (*Входитъ Дмитрій*).

Дмитрій. (*Мрачно*). Ну что? Жизнь или смерть?...

Сурскій. Надежда и до времени безусловное повиновеніе! Все улажено, какъ нельзя лучше. Я сейчасъ ѣду къ Лѣсинской, ты же ни шагу изъ этой комнаты, а пуще всего не являйся въ ея домѣ; ежели ты это сдѣлаешь, то все пропало: ты погибъ. (*Дмитрій въ молчаніи пожимаетъ его руку. Входитъ Степанъ*).

Степанъ. Чего изволите, сударь?

Сурскій. Ну, братъ, теперь, пожалуйста, сонъ-то отложи до другаго времени: пора работать. Степанъ! Кажется я не могу сомнѣваться въ твоей расторопности, а пуще всего въ молчаливости?

Степанъ. Помилуйте, сударь, разя вы меня не знаете? Я готовъ за васъ голову свою положить.

Сурскій. Хорошо, я вѣрю. Вынь-ка мою фрачную пару, да пособи мнѣ одѣться.

Степанъ. Сейчасъ-съ!

Картина четвертая.

Дѣйствіе въ деревнѣ Лѣсинской.

Конечно я на зло назначенъ отъ рожденья:
Кляня злодѣйствіе, стремлюсь на преступленья!
Озеровъ.

Мѣстомъ сцены есть таже самая зала, которая была и во второй картинѣ. Она тщательно убрана и въ ней все показываетъ, что она приготовлена къ принятію гостей; въ правой сторонѣ находится гостиная; обѣ эти комнаты расположены такъ, что будто составляютъ одну. Софья, небрежно и просто одѣтая, сидитъ въ глубокой горести около ломбернаго стола, утирая платкомъ слезы; Рудина старается ее утѣшить.

Рудина. Софья, утѣшься; отри свои слезы; твоя печаль раздираетъ мое сердце. Ахъ, для чего только одна я могу понимать твои горести и сострадать имъ!

Софья (*рыдая*). Какъ ни велики мои несчастія, но я могу еще плакать; не мѣшай свободно литься слезамъ моимъ: отъ нихъ мнѣ становится легче.

Рудина. Но сама посуди: время и мѣсто ли плакать тебѣ? Скоро будутъ съѣзжаться гости, а ты такъ разстроена, такъ блѣдна, глаза твои опухли и покраснѣли отъ слезъ. Что подумаютъ они, увидя тебя въ такомъ положеніи?

Софья. Какая нужда мнѣ до толковъ этихъ людей? Неужели

для нихъ я должна отказаться отъ послѣдняго утѣшенія, которое осталось мнѣ въ моихъ горестяхъ?...

Рудина. Но, другъ мой, вспомни требованія приличія. Бога ради, я прошу тебя, скрой печаль свою и хотя по наружности кажись веселою. Къ чему такое уныніе? Всякая горесть должна имѣть предѣлы.

Софья. Всякая, но не моя. Другъ мой, сообрази, если можешь, эту многочисленность, эту разнообразность огорченій; расплети эту запутанную сѣть бѣдствій, въ которыя я вовлечена судьбою; сочти эти раны, которыми избито мое сердце; найди въ немъ хотя одно живое мѣсто,—и тогда скажи мнѣ: „твоя горесть должна имѣть границы!" Въ цвѣтущей юности, въ порѣ сладостныхъ мечтаній, въ порѣ лестнѣйшихъ надеждъ, осыпанная всѣми дарами фортуны и воспитанія—я есть не что иное, какъ жертва, украшенная цвѣтами для закланія. Изъ мирнаго крова, гдѣ я воспитывалась, гдѣ видѣла одни хорошіе примѣры, гдѣ вкушала первыя радости бытія, я вступила въ домъ родительскій, гдѣ царствуютъ невѣжество и пороки; я любила—и любовь моя сдѣлалась преступною, грозитъ мнѣ еще новыми бѣдствіями; я обожала своего отца—и лишилась его; моя мать,—ты знаешь ее,—и теперь... Ахъ, горько, горько переносить все это слабой, беззащитной дѣвушкѣ!... (*Утираетъ слезы*).

Рудина. Для чего безвременно отчаяваться?... Неужели эти обстоятельства не могутъ взять другаго, лучшаго оборота?

Софья (*старается оправиться и безпрестанно смотрится въ зеркало*). Что, все еще примѣтно, что я плакала?

Рудина. Немного примѣтно; но это все скоро пройдетъ. Постарайся чѣмъ-нибудь разсѣяться. Возьми кстати гитару, сыграй да пропой что-нибудь.

Софья. Ахъ, да въ самомъ дѣлѣ проиграть что-нибудь. (*Беретъ гитару, лежащую на фортопіано и настроиваетъ ее*).

Рудина. Да смотри, что-нибудь повеселѣе: это лучше разсѣетъ печаль твою.

Софья (*вздыхая*). Нѣтъ, теперь радостные, веселые звуки чужды мнѣ; одно печальное можетъ говорить моему сердцу, одно унылое можетъ трогать его. (*Играетъ и поетъ*).

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты

Не въ веселье, такъ, какъ прежде!
Кто улыбку позабылъ,
Кто, сказавъ: „прости“ надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ!

(*Кладетъ гитару на прежнее мѣсто*). Ахъ, какъ я люблю этотъ прекрасный романсъ, а особливо этотъ куплетъ: содержаніе его такъ близко къ моему положенію. (*Входитъ Лѣсинская*).

Лѣсинская. Ба, да ты, Сонюшка, еще не одѣта? Вотъ славно: скоро пріѣдутъ гости, а она изволитъ поигрывать на гитарѣ, да растабарывать. Съ Марьею-то Николавной еще успѣешь, сколько тебѣ угодно, наговориться. Ну, ужъ только какая ты, Богъ съ тобою, чудная! Еще къ тому же сидишь въ залѣ; ну, какъ бы кто пріѣхалъ, да засталъ тебя въ такомъ нарядѣ, куда бы хорошо было! Ступай-ко, ступай, одѣнься, да, смотри, получше, да поакуратнѣе, а то вотъ отъ тебя станется, что ты для гостей-то одѣнешься не лучше горничной дѣвки.

Софья. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, и я все-таки разряжаться-то не совсѣмъ намѣрена.

Лѣсинская. Съ тобою вить не сговоришь; ты готова матери-то наговорить тьму грубостей. (*Софья выходитъ*). Вонъ ужъ и гости съѣзжаются. (*Смотритъ въ окно*). Кто бы это былъ! А! Сестрица Аграфена Лукьяновна. (*Рудина выходитъ*).

Входятъ гости, являются Софья и ея братья.

Аграфена Лукьяновна. Здравствуйте, сестрица! Съ именинницею поздравляю. (*Она и ея три дочери здороваются съ Лѣсинскою, ея сыновьями и Софьею; первыхъ поздравляютъ съ именинницею, а вторую съ днемъ ангела; тѣ и другія благодарятъ*).

Лѣсинская. Въ гостиную прошу пожаловать. (*Всѣ идутъ въ гостиную; въ залу входятъ два оборванные лакея и зажигаютъ лампы*). Прошу покорно садиться. (*Всѣ садятся*). А что же Ѳедоръ Максимычъ не пожаловалъ къ намъ съ вами?

Аграфена Лукьяновна. Онъ сейчасъ же пріѣдетъ съ сыновьями. Что вы, Софья Петровна, такъ печальны?

Лѣсинская. Да все тужитъ о своемъ папинькѣ.

Аграфена Лукьяновна. Быть не можетъ; не все же плакать, пора и утѣшиться.

Входитъ Ѳедоръ Максимовичъ съ двумя взрослыми сыновьями; начинаются здорованія, поздравленія, благодаренія, послѣ которыхъ всѣ садятся по мѣстамъ; Аграфена Лукьяновна занимаетъ мѣсто на канапе у круглаго стола, Лѣсинская около ея, а Ѳедоръ Мак-

симовичъ около ихъ на креслахъ; Софья и ея братья съ своими гостями уходятъ въ залу.

Лѣсинская. Какъ поживаете, Ѳедоръ Максимовичъ?

Ѳедоръ Максимовичъ. Слава Богу, по-маленьку-съ.

Лѣсинская. Хозяйство ваше каково идетъ?

Ѳедоръ Максимовичъ. Да покудова хорошо. Я ужъ съ хлѣбцомъ-то убрался кое-какъ-съ.

Вдругъ ввалила цѣлая толпа гостей; раздаются поцѣлуи, поздравленія, благодаренія. Лѣсинская сажаетъ всѣхъ по чинамъ.

Лѣсинская. Ну, теперь мои дорогіе гости собрались, только одного князя нѣтъ. (*Являются два лакея и на огромныхъ подносахъ, подъ предводительствомъ Лѣсинской, разносятъ кофе, за который всѣ съ усердіемъ принимаются. Барышни, схватившись за руки, вереницами ходятъ по залѣ; около ихъ увиваются молодые люди. Дѣвки и лакеи суетливо перебѣгаютъ по комнатамъ; все это составляетъ пеструю живую картину. Въ гостиной происходитъ презанимательный разговоръ*).

Одна изъ госпожъ. Ужъ сынки-то ваши, Лизавета Андреевна, на возрастѣ, молодцы молодцами, пора бы въ службу. Я думаю, вы въ полкъ намѣрены опредѣлить ихъ?

Лѣсинская. Да, Катерина Степановна, дѣти ужасно сокрушаютъ меня. Для дворянина нѣтъ приличнѣе военной службы, а разстаться не могу. Вы сами знаете, каково материнское-то сердце. Жаль: чего не натерпятся-то тамъ: и холоду, и голоду, да еще не мудрено, что и головы свои положатъ. А дѣлать нечего: больше некуда опредѣлить.

Другая госпожа. Охъ, дѣти, дѣти! Дорого достаются своимъ родителямъ: роди, воспитай, да еще пошли, можетъ быть, на вѣрную смерть.

Лѣсинская. Чтожъ дѣлать, Лизавета Артамоновна! Петръ Степанычъ хотѣлъ опредѣлить ихъ въ Московскій университетъ, да ужъ я настояла, чтобы оставить дома.

Третья госпожа. И, помилуйте, дѣло ли это? На что похоже? Прилично ли дворянину учиться въ этихъ школахъ, которыя набиты разночинцами, и семинаристами, и мѣщанами, и отпущенниками, и всякимъ сбродомъ и всякой сволочью?

Первая госпожа. То-ли дѣло, какъ держать дѣтей при себѣ-то. За глазами-то и научатся Богъ знаетъ чему, пожалуй и Бога-то забудутъ.

Третья госпожа. Да и чему учатъ-то въ этихъ универси-

тетахъ?—безбожію, разврату, да и только. Я знала одного эдакаго ученаго. Человѣкъ не старше двадцати пяти лѣтъ, а представь себѣ, какой нравственности: смѣялся надъ постами, презиралъ дворянствомъ, чинами, поносилъ стряпчаго Андреева, который схватилъ крестикъ и за то, что прокуроръ объ немъ постарался, подарилъ ему три тысячи золотомъ. Вотъ каковы эти развратные ученые!

Ѳедоръ Максимовичъ. Да къ чему это ученье? Мы и наши отцы не учились, а всегда были съ кускомъ хлѣба. Слава Богу, не хуже ученыхъ-то жили, да еще иной ученый-то поклонится нашему брату, чтобы посадилъ его за свой столъ.

Четвертая госпожа. Да не низость ли учиться дворянину въ какомъ-нибудь университетишкѣ, гдѣ какой-нибудь профессоръ, мѣщанскаго происхожденія, будетъ съ нимъ обходиться безъ должнаго уваженія? Да, опять, стоятъ ли эти пустыя науки того, чтобы дворянинъ ими занимался? Другое дѣло французскій языкъ: безъ него, какъ безъ рукъ.

Всѣ. Да, да, правда, истинная правда!

Лѣсинская. Вотъ недалеко сказать, теперь хоть бы Томинъ-то: учился въ университетѣ и чему выучился? Одному злорѣчію. Этотъ человѣкъ—настоящій ехидный змѣй: только знаетъ, что поднимаетъ всѣхъ на смѣхъ. Право, еслибы онъ не занималъ такого мѣста, я бы его за вороты не пустила къ себѣ, да пригодиться можетъ.

Андрей и Петръ (*Подбѣгая съ торопливостію къ своей матери, кричатъ ей въ одинъ голосъ запыхавшись*). Ахъ, маменька! Князь пріѣхалъ, князь пріѣхалъ!

Лѣсинская. Неужели? Ахъ, Боже мой!... (*Съ поспѣшностію идетъ въ залу и встрѣчаетъ князя*).

Князь (*подходя къ ней къ рукѣ*). Наконецъ я опять имѣю счастіе въ собственномъ вашемъ домѣ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, мою преданность, мою готовность къ вашимъ услугамъ. Ахъ! я было и забылъ! Честь имѣю поздравить съ именинницею.

(*Кланяется Андрею и Петру и дружески пожимаетъ ихъ руки, поздравляя съ именинницей.*)

Лѣсинская (*съ восторгомъ удовлетвореннаго мелочнаго самолюбія.*) Ахъ, князь, я не нахожу словъ благодарить васъ за ваше расположеніе къ нашему дому. Прошу покорно въ гостиную. (*Князь, вошедши въ гостиную, со всѣми раскланивается и, при*

входѣ его, всѣ съ величайшимъ подобострастіемъ отвѣчаютъ на его поклоны). Сонюшка, вотъ князь! рекомендую тебѣ его.

Князь (*пораженный красотою Софьи, съ щегольскими ухватками подходитъ къ ней къ рукѣ*). Честь имѣю поздравить васъ, сударыня, со днемъ вашего ангела; къ этому я могъ бы пожелать вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, ежели бы вы не имѣли ихъ.

Софья (*насмѣшливо*). Прекрасный комплиментъ! Благодарю васъ за него.

Князь (*смущенный ея словами и холодностію*). Извините меня, я виноватъ: при взглядѣ на васъ должно удивляться, а не говорить.

Софья. Еще лучше.

Лѣсинская. Князь! Прошу покорно садиться, сдѣлайте милость. Что вы къ намъ такъ поздно изволили пожаловать? Я устала, ждавши такого дорогаго гостя.

Князь. О, слишкомъ много чести! Я былъ задержанъ коечѣмъ.

Лѣсинская. Ахъ, я и позабыла приказать подать вамъ кофе!

Князь. А гдѣ же Сидоръ Андреевичъ!

Лѣсинская. Чего!—его у меня отбили, да и только; никакъ не могу залучить къ себѣ. Нѣтъ, теперь ужъ не буду такъ проста: изъ рукъ не выпущу.

Князь. Ахъ, Лизавета Андреевна! вы настоящимъ сокровищемъ владѣете. Что это за человѣкъ такой! ужъ подлинно, что святой.

Всѣ. Да, онъ, точно, имѣетъ въ себѣ что-то такое святое.

Являются Томинъ и Сурскій; Лѣсинская, увидя ихъ, идетъ къ нимъ на встрѣчу.

Томинъ. (*Подходя къ ея рукѣ*). Здравствуйте, Лизавета Андреевна; съ именинницей честь имѣю поздравить. Вотъ рекомендую вамъ моего пріятеля, Алексѣя Петровича Бурина; онъ дворянинъ; живетъ въ саратовской губерніи и имѣетъ шесть сотъ душъ. (*Сурскій, едва удерживая смѣхъ свой, вѣжливо кланяется и подходитъ къ рукѣ.*)

Лѣсинская. Ахъ, очень рада. Чувствительно благодарю васъ, Николай Ивановичъ, за доставленіе такого прекраснаго знакомства. Садиться прошу покорно. (*Оглядывается*). Ахъ, и креселъ-то нѣтъ; люди всѣ точно разбѣжались и приказать некому. (*Бѣжитъ въ залу, несетъ, запыхавшись отъ поспѣшности и усталости, кресла и проситъ Сурскаго садиться*).

Сурскій. (*Съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха*). Напрасно изволите трудиться; покорно васъ благодарю.

Томинъ. Позвольте мнѣ представить моего друга Софьѣ Петровнѣ.

Лѣсинская. Она вѣрно ушла съ барышнями въ свою комнату. (*Является множество лакеевъ; одни изъ нихъ на огромныхъ подносахъ несутъ варенья, конфекты, къ которымъ барышни сыплются со всѣхъ сторонъ; другіе разставляютъ столы для карточной игры; вдали раздаются звуки настроиваемыхъ музыкальныхъ инструментовъ. Лѣсинская съ колодою картъ хлопочетъ о составленіи партіи, и вскорѣ на трехъ столахъ садятся за карты*).

Лѣсинская. Вамъ, князь, не угодно ли въ вистикъ?

Князь. Нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю.

Лѣсинская (*обращаясь къ Сурскому и Томину*). А вамъ-съ?

Томинъ. Насъ также увольте...

Лѣсинская. (*Улыбаясь*). Вѣрно, потанцовать хочется.

(*Музыканты начинаютъ играть польскій; кавалеры ангажируютъ дамъ и начинаютъ ходить съ ними чрезъ гостиную во внутреннія комнаты, откуда возвращаются чрезъ коридоръ въ залу, гдѣ, перемѣнивши дамъ, снова начинаютъ ходить. Игроки шумятъ, спорятъ, разговариваютъ. Лакеи безпрестанно мелькаютъ; одни изъ нихъ снимаютъ со свѣчъ, другіе разносятъ десертъ, чай, вина, закуски, лимонадъ, аршадъ и проч. Наконецъ музыка умолкаетъ, танцы прекращаются; нѣкоторые изъ танцовавшихъ мужчинъ уходятъ, другіе остаются въ залѣ съ барышнями, изъ которыхъ нѣкоторыя отдыхаютъ на стульяхъ, обмахиваясь вѣерами, другія ходятъ попарно; множество взадъ и впередъ бѣгающихъ маленькихъ дѣтей довершаютъ эту картину*).

Лѣсинская (*садясь около Сурскаго*). Вы живете въ самомъ Саратовѣ?

Сурскій. Нѣтъ-съ, мои помѣстья находятся въ уѣздѣ одного городка Саратовской губерніи.

Лѣсинская. По крайней мѣрѣ, часто въ немъ бываете?

Сурскій. Нѣтъ, я больше живу въ Москвѣ и пріѣхалъ сюда повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ.

Лѣсинская. Вѣрно, ищете въ Москвѣ невѣстъ? Тамъ много ихъ, однако я никакому молодому человѣку не посовѣтовала бы жениться въ Москвѣ: не мудрено обмануться; то ли дѣло въ губерніи!

Князь. Вы совершенно правы, Лизавета Андреевна, языкомъ

вашимъ управляетъ сама мудрость. (*Лѣсинская отъ удовольствія внѣ себя; Сурскій отворачивается и смѣется.*) Вы, конечно, согласны съ ихъ мнѣніемъ?

Сурскій. О, само собою разумѣется: можно ли сравнить этихъ вѣтреныхъ, разсѣянныхъ Московокъ съ кроткими обитательницами кроткихъ селъ?

Лѣсинская. Истинная правда.

Князь. Какая можетъ быть нравственность въ дѣвушкѣ, которая позволяетъ мужчинѣ объясняться съ собою въ любви и даетъ ему слово выдти за него замужъ! А въ Москвѣ всегда такъ дѣлается.

Лѣсинская. Ахъ, неужели, князь? Скажите, какой развратъ! Впрочемъ, я думаю, что такъ только дѣлаютъ знатные и богатые женихи,—ну, а ихъ можно въ этомъ извинить.

Князь. Оно такъ, ваша правда; однако надобно въ такомъ случаѣ сдѣлать предложеніе родителямъ, а когда они дадутъ слово, тогда уже, я думаю, не нужно будетъ спрашивать согласія у невѣсты: ибо всякая благовоспитанная дѣвушка никогда не будетъ противиться родителямъ, зная, что они не пожелаютъ зла.

Лѣсинская. Ахъ, князь, вы восхищаете меня! Вотъ истинная нравственность!...

Князь. Я, сударыня, русскій, и слѣдовательно долженъ любить и уважать русскіе обычаи.

Лѣсинская. Прекрасно, справедливо! Ваши слова, князь, дѣлаютъ вамъ честь. Можетъ послѣ этого какая мать отказать вамъ въ рукѣ своей дочери? И какая дѣвушка не польститься этою партіею! (*Софья, которая внимательно слушала весь этотъ разговоръ, уходитъ въ залу и въ задумчивости садится въ углу оной. Князь, съ легкостью зефира, подбѣгаетъ къ ней, и Лѣсинская смотритъ на нихъ съ улыбкою самодовольствія.*)

Князь. Вы такъ задумчивы, такъ печальны, и эта унылость такъ возвышаетъ эти прелести!...

Софья (*холодно*). Князь, сдѣлайте милость, оставьте эти комплименты у себя и поберегите ихъ для кого-нибудь другаго.

Князь (*принуждая себя улыбнуться*). О, сударыня, какъ вы жестоки! Неужели вамъ нельзя говорить правду, не опасаясь навлечь на себя вашего гнѣва?

Софья. Ахъ, князь, какъ вы расточительны на комплименты! Хотя вы и большой почитатель русскихъ обычаевъ, а видно не знаете этой пословицы: *береги денежку на черный день.*

Князь. Насмѣшница! Ежели это вамъ не нравится, то я повинуюсь. Софья Петровна, позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Я люблю одну барышню, прекрасную, какъ ангелъ, или, лучше сказать, какъ вы сами, люблю ее больше жизни и...

Софья. Точно, вы меня хотите сдѣлать повѣренной вашей любви. О, слишкомъ много чести!

Князь. Жестокая! Этотъ ангелъ, это божество, которое плѣнило меня съ перваго взгляда—есть вы! Отвѣчайте: жизнь или смерть?

Софья. Ха! ха! ха! Какое пышное поэтическое объясненіе!.. Послушайте, князь: какая можетъ быть нравственность въ дѣвушкѣ, которая позволяетъ объясняться съ собою въ любви? Опять, кажется, въ вашихъ глазахъ согласіе дѣвушки ничего не стоитъ?

Князь (*смѣшавшись*). Но... вы сами согласитесь, что иногда, хотя по наружности необходимо нужно уважать мнѣнія тѣхъ людей, отъ которыхъ нѣкоторымъ образомъ зависитъ наше счастіе...

Софья. О, ваши правила преблагородны и вмѣстѣ превыгодны! Впрочемъ, князь, ежели я слушала васъ спокойно, то почитайте это за шутку, равно какъ и ваше объясненіе. (*Вдругъ заиграли вальсъ и всѣ начинаютъ танцовать; наконецъ Сурскій беретъ Софью: пройдя съ нею нѣсколько круговъ, они сходятся въ углу залы; вальсъ скоро оканчивается и всѣ уходятъ въ гостиную*).

Сурскій. Сударыня, мнѣ нужно съ вами поговорить объ одномъ важномъ для васъ дѣлѣ. Вы удивлены? Я другъ Дмитрія Калинина, извѣстнаго вамъ человѣка, и знаю все...

Софья (*блѣднѣетъ и дрожитъ*). Ужасный человѣкъ! Что вы хотите дѣлать?...

Сурскій. Спасти васъ обоихъ. Для этого осталось одно только средство и, ежели вы умѣете любить истинно, то должны на оное рѣшиться.

Софья. Но какое средство?...

Сурскій. Время дорого. Ежели вы пропустите благопріятную минуту, то все пропало. Вамъ должно обвѣнчаться съ нимъ.

Софья. Но гдѣ и когда?

Сурскій. Когда опять начнутся танцы, вы должны тихонько скрыться отсюда и вмѣстѣ со мною и Томинымъ ѣхать со мною въ церковь, гдѣ васъ ожидаетъ Димитрій и священникъ,—понимаете?...

Софья. Боже мой! Ахъ, да это ужасно! Но онъ гибнетъ, я его люблю, итакъ согласна на все. (*Уходитъ; Сурскій также идетъ въ гостиную, гдѣ происходитъ прекурьезный разговоръ.*)

Лѣсинская. Я была настоящею мученицею. По милости моего муженька формально не имѣла воли. Представьте себѣ: онъ заставлялъ меня обѣдать за однимъ столомъ съ лакеемъ, содержалъ этого мерзавца, какъ своего сына, позволялъ ему дѣлать всякія вольности: говорить со мною, съ сыновьями!..

Одна изъ госпожъ. Да, это ужасно. Гдѣ же теперь его фаворитъ?

Лѣсинская. Въ Москвѣ изволитъ поживать. Не знаю, зачѣмъ онъ его послалъ туда. Да вотъ скоро вышлютъ оттуда. (*Входятъ Софья и Рудина.*)

Князь. Да, вашъ покойный мужъ былъ престранный человѣкъ.

Рудина (*взглядываетъ на князя, блѣднѣетъ, трепещетъ и въ ужасѣ вскрикиваетъ*). Боже мой, князь Мансыревъ!

Князь (*вглядываясь въ Рудину*). Что это значитъ?... Какимъ случаемъ?... Еще жива?... (*Опомнившись.*) Но... сударыня, вы шутите что-ли?... Почему вы превращаете меня въ другую фамилію и дѣлаете видъ, что я вамъ былъ когда-нибудь знакомъ?..

Рудина (*въ изступленіи*). Ахъ, я знаю тебя, слишкомъ коротко знаю, ужасный человѣкъ!..

Сурскій. А! Старые знакомцы! Очень радъ! Но... какимъ образомъ?... Марія!... Рудина!... Это ты ли?... Узнала ли меня?...

Рудина. Сурскій, это ты! Всѣ, какъ нарочно, собрались сюда, чтобы мучить меня!.. Ахъ!.. (*Упадаетъ въ обморокъ; все приходитъ въ смятеніе: игроки бросаютъ свои карты; всѣ обступаютъ кругомъ Сурскаго и князя и смотрятъ на нихъ съ удивленіемъ; Рудину же, между тѣмъ по приказанію Софьи, выводятъ*).

Сурскій (*къ князю*). Итакъ, это вы тотъ благородный человѣкъ, который, подъ ложнымъ именемъ, какъ хитрый змѣй, умѣлъ обольстить невинность и добродѣтель и лишить меня моего рая?... Князь, я было все забылъ, но ваше имя, нечаянная встрѣча съ нею слишкомъ живо напомнили мнѣ прошедшее (*пожимаетъ его руку*). Милостивый государь, мнѣ нужно кое о чемъ объясниться съ вами наединѣ! Вы, безъ сомнѣнія, понимаете...

Лѣсинская. Что тутъ за чудеса такія происходятъ? Какъ? Въ моемъ домѣ такія соблазнительныя исторіи! Падаютъ въ обмороки, грозятъ князю—и я должна сносить это? Растолкуйте мнѣ, что̀ все это значитъ? Развѣ я не хозяйка въ дому моемъ?

(*Въ дверяхъ залы является Дмитрій и быстрыми шагами подходитъ къ гостиной; его всклокоченные волосы, посинѣвшія, дрожащія губы, его глаза, налившіеся кровью, пылающіе неистовымъ*

огнемъ, странныя движенія показываютъ явное помѣшательство ума и какую-то ужасную рѣшительность. Черный, измоченный плащъ небрежно покоится на его плечахъ. Удивленное и пораженное его видомъ собраніе высыпаетъ изъ гостиной въ залу и, недошедши къ нему, съ ужасомъ отступаетъ назадъ и, ставши около него полукругомъ, хранитъ глубокое молчаніе).

Дмитрій (*съ дикою улыбкою и блуждающими взорами*). Здѣсь раздаются клики радости; сюда стеклись счастливыя дѣти невѣжества, чтобы шумными, безсмысленными удовольствіями праздновать свои пиршества!.. Они веселы; они счастливы; а тамъ въ четырехъ скучныхъ, скучныхъ стѣнахъ добыча отчаянія тщетно ожидала прекращенія своихъ бѣдствій!.. Тщетно ожидалъ я своего друга, который рѣшился спасти меня. Вѣрно, онъ сдѣлался жертвою своего великодушія, подумалъ я—и очутился здѣсь. (*Въ изнеможеніи бросается на стулъ.*) Ахъ, какъ кипѣла моя кровь! Ручьи дождя прохлаждали меня немного, и я, съ засохшими устами, жадно ловилъ живительную влагу. (*Послѣ краткаго молчанія.*) Да, я былъ на славномъ балѣ, я слушалъ прекрасную музыку!.. Тамъ въ лѣсу, гдѣ бушуетъ вѣтеръ, гдѣ онъ со свистомъ крутитъ нагія деревья, тамъ было темно, мрачно, но отрадно и весело. Около деревни, когда я проходилъ кладбищемъ, псы, увидя меня, страшно завывали, а на старой колокольнѣ стонала сова. Ахъ, какъ весело отдавалась въ ушахъ моихъ эта ночная музыка!.. Я трепеталъ отъ сладостнаго восторга. Во мракѣ, на гробовомъ камнѣ сидѣла какая-то тѣнь, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, саванѣ и махала мнѣ рукою, чтобы я воротился; но я еще быстрѣе пошелъ впередъ, сопровождаемый ея глухими стенаніями, отъ которыхъ волосы мои стали дыбомъ, зубы ужасно заскрежетали! (*Стремительно вскакиваетъ; окружающая его толпа, которую онъ окидываетъ мрачнымъ взоромъ, со страхомъ отхлынула назадъ*). Глупцы! Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Или я кажусь вамъ непонятнымъ? Для чего умолкли эти шумные клики радости, эти громкіе звуки музыки? Для чего прервалась эта суетливость,—эта стихія ничтожныхъ душъ? Неужели мое присутствіе водворило здѣсь ужасъ и отчаяніе?.. Или мой взоръ, какъ голова Горгоны, превратилъ васъ въ камни?.. А! я упалъ среди васъ, какъ громъ небесный. (*Дико хохочетъ.*) Ха!.. ха!.. ха!.. Бѣдные, какъ они жалки!.. (*Опять бросается на стулъ и покрываетъ лицо руками.*)

Сурскій. Боже мой! Одно къ одному! Безумецъ! онъ погибъ навсегда.

Дмитрій. Зачѣмъ очутился я здѣсь? Неужели для того, чтобы прервать игры дѣтей?.. (*Увидѣвъ нечаянно Софью, которая съ выраженіемъ дикой радости и ужаса быстро смотрѣла на него, въ трепетѣ.*) А! вспомнилъ: я пришелъ требовать мое небо! Софья! Я здѣсь!.. (*Бросается къ ней, влечетъ ее на средину залы и крѣпко сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ*). Итакъ, ты опять въ моихъ объятіяхъ, существо неземное, красота божественная!.. Кто теперь можетъ вырвать тебя изъ моихъ рукъ?.. О, прижмись крѣпче къ этому сердцу, къ этому храму любви, который вмѣщаетъ тебя въ себѣ. Софья! желала ли бы ты назвать меня твоимъ супругомъ?..

Софья (*въ ужасномъ волненіи, въ сильномъ замѣшательствѣ*). Такъ, Дмитрій, я не постыжусь даже и передъ этими людьми назвать тебя другомъ моей души, хотя они и не поймутъ меня!.. Но ты ужасенъ, какъ ночное привидѣніе. Ахъ, я не могу безъ трепета смотрѣть на тебя, меня палитъ твое дыханіе... Дмитрій! для насъ на землѣ нѣтъ болѣе блаженства!..

Дмитрій. Какъ, и въ моихъ объятіяхъ ты можешь говорить о злополучіи?.. И, глядя на этихъ безсмысленныхъ тварей, ты можешь называть себя несчастною,—ты, въ душѣ которой горятъ искры огня небеснаго?.. Софья, для чего такое униженіе?.. и передъ кѣмъ же?..

Софья. Такъ; но эти люди не дадутъ намъ болѣе блаженства на землѣ.

Дмитрій. И ты еще не научилась презирать землю, которой не знала? Или ты забыла, что и на сей самой землѣ нашимъ отечествомъ было небо? Что могутъ сдѣлать намъ эти люди?—разлучить съ землею, навсегда соединить съ небомъ. (*Обращаясь къ толпѣ.*) Существа ничтожныя! Видите ли вы этого ангела? Можете ли оцѣнить его? Рабы суетъ! Видите ли, какъ небрежно разсыпаются ея прелестные локоны на груди моей? Чувствуете ли, какъ упоительно ея дыханіе, какъ сладострастно ея присутствіе, какъ огненны ея объятія? Неужели вы, видя ее въ восторгѣ умирающую въ моихъ объятіяхъ, еще можете не признать меня полубогомъ? Жалкіе слѣпцы!.. Софья! когда же поймутъ насъ!.. (*По залѣ раздается шопотъ: „онъ сумасшедшій, онъ съ ума сошелъ; его надобно схватить, посадить на цѣпь“.*)

Лѣсинская (*какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна*). Боже мой! Что это такое значитъ? Мою дочь, при всемъ собраніи, въ моихъ глазахъ, смѣетъ обнимать мой лакей! Разбой, явный разбой, денной разбой!.. Андрей, Петруша! Что вы стоите, какъ остол-

бенѣлые? Али не видите, что̀ дѣлаютъ съ вашею сестрою? Али вы не понимаете, что нашъ домъ обезчещенъ, опозоренъ? Безъ языка что ли вы?

Андрей. Да, чортъ возьми, это превосходная картина! Нашу сестру, при нашихъ глазахъ, обнимаетъ нашъ лакей; и она ему позволяетъ это дѣлать съ собою!.. Всѣ стоятъ, разиня ротъ, и, не говоря ни слова, любуются этимъ зрѣлищемъ! Эй, люди! сюда! Несите веревки, кандалы, цѣпи! Эй, скорѣе! (*Сбѣгается толпа слугъ; Дмитрій сажаетъ на стулъ полумертвую Софью, гордо и презрительно смотритъ на слугъ, которые не рѣшаются напасть на него.*) Что же вы, болваны, али ослѣпли? Схватить его...

Дмитрій. Какъ! Что такое? У меня хотятъ отнять то, что для меня дороже жизни, чести, безсмертія? Безумцы! Неужели вы думаете, что этотъ прелестный цвѣтокъ взрощенъ для васъ? Неужели вы думаете, что хотя одинъ изъ васъ достоинъ владѣть имъ?.. Ха! ха! ха! Глупцы! Я, только одинъ я могу наслаждаться его ароматическимъ запахомъ; онъ обовьется около меня, какъ гибкая, нѣжная павилика около величаваго кедра. И самые громы не отторгнутъ ее отъ меня. (*Слуги стоятъ въ нерѣшимости, какъ бы удерживаемые сверхъестественною силою.*)

Андрей (*отъ ярости топая ногами*). Скоты! И вы боитесь подойти къ такому же рабу, какъ и вы сами!...

Дмитрій (*задыхаясь и трепеща отъ сильнаго бѣшенства*). Рабъ, рабъ... и это слово опять раздается въ моихъ ушахъ?.. Гнусное животное! И ты осмѣлился произнести мнѣ это? О, ты дорого заплатишь мнѣ за него! Тебя не спасетъ отъ моего мщенія ни твое дворянство, ни твои крестьяне, ни даже самое твое ничтожество! Это слово давно уже воспалило въ душѣ моей жестокую жажду; твоею клокочущею кровью я утолю ее!.. И это презрѣнное животное назвало меня рабомъ, и оно еще живо, еще дышетъ! (*Бросается къ Андрею и, схвативши его за грудь, съ неистовствомъ треплетъ, скрежеща зубами.*) Несчастный, знаешь ли ты, что въ сію самую минуту обращу тебя въ прахъ, разорву твое сердце на милліоны частей, вытяну изъ него твою низкую душонку!.. Знаешь ли ты, что за эти слова эти торжественныя лампы превращу въ погребальные факелы!.. Или повтори мнѣ ихъ, или у ногъ моихъ проси прощенія... Я знаю, ты, для спасенія своей жизни, въ состояніи рѣшиться на это. А не то...

Софья. (*бросаясь между ими*). Дмитрій! И ты хочешь убить моего брата?... Злодѣй!..

Дмитрій (*съ силою отталкивая отъ себя Андрея*). Софья! и ты можешь вступаться за этого подлеца, который въ одну секунду вонзилъ въ мое сердце тысячи кинжаловъ?.. И ты можешь обвинять меня, —ты, которая, клялась мнѣ имѣть одну душу, одно сердце, одни желанія, одни мысли?... Женщина! Ежели я въ ярости, то и ты неистовствуй! ..

Андрей. Долго-ли это будетъ продолжаться? (*Бросается къ нему и схватываетъ его за грудь.*) Стой, рабъ!...

Дмитрій (*громовымъ задыхающимся отъ злобы голосомъ*). Рабъ! опять рабъ!... (*Съ силою отталкиваетъ его отъ себя, выхватываетъ изъ кармана пистолетъ, взводитъ курокъ: выстрѣлъ раздается и бездыханный Андрей, съ простреленною грудью, падаетъ въ дверяхъ гостиной*). Теперь называй меня рабомъ! повелѣвай мною, если можешь... (*Софья упадаетъ въ обморокъ; женщины безъ памяти бѣгутъ по залѣ, испуская вопли; мужчины приказываютъ подать экипажи и вскорѣ большая часть присутствовавшихъ исчезаетъ. Дмитрій подходитъ къ убитому и безмолвно, подобно привидѣнію, стоитъ предъ нимъ, держа въ рукѣ пистолетъ.*)

Лѣсинская (*упавши на колѣна предъ трупомъ*). Мой сынъ!... Ахъ!... Онъ застрѣленъ!.. Андрюша, милый Андрюша! Встань! Боже мой! Разбой!... Злодѣйство! Велите объявить, пошлите въ городъ... Ахъ, въ глазахъ темнѣетъ! Я умираю безъ покаянія! (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Дмитрій (*ужаснымъ громовымъ голосомъ.*) Убійца!... Убійца!... Горе тебѣ, горе!.. О, что ты сдѣлалъ?.. Взгляните сюда и удивляйтесь дѣламъ моимъ! Вотъ лежитъ юноша, убитый мною за одно слово; возлѣ его полумертвая, безотрадная мать, а тамъ его сестра, моя любовница... ха! ха! ха! Торжествуйте, адскіе духи: я приготовилъ для васъ превеселое пиршество! (*По нѣкоторомъ размышленіи.*) Но я сдѣлалъ должное. Этотъ безразсудный юноша достоинъ былъ большаго наказанія: онъ осмѣлился меня назвать своимъ рабомъ! Рабомъ!... И я за это слово сдѣлалъ съ нимъ не больше, какъ только убилъ его?.. Убилъ?.. Слѣдовательно я убійца?.. Убійца!.. О, какъ ужасно это слово! Оно потрясаетъ мою душу... Какъ, неужели я за одно слово лишилъ жизни существо, подобное мнѣ?.. Какое имѣлъ я на это право?.. Мщеніе! мщеніе! Мысль о тебѣ такъ сладостна, такъ отрадна, а слѣдствія такъ гибельны, такъ ужасны! Безумецъ! Я хотѣлъ этимъ горькимъ, ядовитымъ питіемъ утолить мучительную жажду мщенія, и она превратилась въ огненный тартаръ, который въ милліонъ разъ ужаснѣе терзаетъ меня!.. (*Съ ужасомъ глядитъ*

въ двери залы.) Но кто приближается ко мнѣ? Ба, это та самая тѣнь, которая давича на гробовомъ камнѣ воспрещала моему гибельному ходу! Это тѣнь моего благодѣтеля: мое злодѣйство вызвало его изъ мрачной могилы... Смотрите, съ какою ужасною улыбкою онъ благодаритъ меня за мое дѣло! О! прочь отъ меня привидѣніе съ сѣдыми локонами, не терзай своимъ присутствіемъ несчастнаго!.. Смотрите: цѣлая толпа фурій сопровождаетъ обитателя могилы. Какимъ грознымъ, зловѣщимъ блескомъ онъ озаряетъ картину убійства! Какъ ужасно потрясаютъ они своими факелами! Боже! Они стремятся на меня, они гонятся за мною; они хотятъ растерзать меня своими бичами, разорвать своими желѣзными когтями. (*Въ изступленіи бѣгаетъ по залѣ.*) О! защитите меня отъ нихъ! Сурскій, куда ты скрылся? Спаси своего друга! (*Въ изнеможеніи бросается въ кресла и закрываетъ руками лице; по нѣкоторомъ молчаніи говоритъ.*) Гдѣ они? гдѣ эти адскіе посѣтители? Они скрылись, они не могли сносить моего присутствія... Слава, мнѣ слава!.. Самъ адъ ужасается меня! (*Тихонько подходитъ къ убитому.*) Тсъ... тише... онъ спитъ!.. Пощупайте, какъ сильно бьется его сердце! (*Щупаетъ, и съ ужаснымъ крикомъ отскакиваетъ отъ трупа, смотря съ содроганіемъ на свои руки.*) Кровь!.. кровь!.. Мои руки обагрены кровью! Ахъ, какъ горяча она, какъ жжетъ ихъ!.. (*Подходитъ къ Софьѣ и дергаетъ ее за руку.*) Пробудись, несчастная! (*Софья открываетъ глаза и съ ужасомъ смотритъ на него.*) Софья, пора! Все готово! Видишь-ли: двери храма отворены, сѣдой священникъ стоитъ у налоя. Твой отецъ и твой братъ будутъ свидѣтелями нашего брака; ихъ товарищи, жители могилъ, пѣвчими,—иди! Окровавленною рукою повлеку тебя къ алтарю брачному.

Софья. Убійца, оставь меня! Ты въ крови моего брата, ты ужасенъ! Ахъ, оставь меня! (*Опять повергается въ безчувствіе.*).

Дмитрій. „Убійца, оставь меня“! сказала она мнѣ. Такъ меня ужасаются и духи злые, и ангелы небесные. (*Осматривается кругомъ.*) Здѣсь нѣтъ никого, всѣ исчезли: я одинъ. Что остается мнѣ въ моемъ положеніи? Бѣжать?.. Куда?.. Въ лѣса, въ дебри, гдѣ воютъ голодные звѣри, гдѣ свистятъ бурные вѣтры? Но развѣ тамъ не найдутъ меня полночные посѣтители?.. Итакъ, вотъ предѣлъ моего поприща, вотъ конецъ моихъ надеждъ! Врата неба для меня закрыты; ихъ стережетъ этотъ юноша! Я—добыча ада! Судьба, торжествуй: ты сыграла со мною дьявольскую шутку! Торжествуйте и вы, обитатели мрачнаго тартара; улыбайтесь мнѣ, какъ своей жертвѣ!... Вотъ жизнь человѣка!.. Вотъ удѣлъ его!.. Вотъ для чего

онъ созданъ... (*Бросаетъ пистолетъ*). Убійственное оружіе! Ты пусто, ты не можешь прекратить моихъ страданій. (*Подходитъ къ Софьѣ.*) Вотъ та, которая привязывала меня къ жизни и соединяла съ небомъ!.. Могу ли обнять ее руками, обагренными кровію ея брата?.. О, да будетъ проклятъ и часъ моего зачатія, и часъ моего рожденія! Да будетъ проклятъ и тотъ, кто далъ мнѣ эту бѣдственную жизнь! Духи адскіе, возьмите свою добычу, схватите свою жертву, влеките ее въ свои мрачные вертепы, гдѣ обидаетъ горесть, отчаяніе и мученія вѣчныя! (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Картина пятая.

Дѣйствіе въ деревнѣ Лѣсинской.

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?..
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ имъ и межъ собой!
Желать всякъ часъ, и трепетать желанья!..
Жуковскій.

Мѣсто сцены есть то самое, которое было въ предпослѣдней картинѣ.

Иванъ и Лиза.

Иванъ. Здравствуй, Лиза! Что новаго? Ахъ, все старое! Вотъ родимая, кто можетъ угадать, что̀ впередъ будетъ? Мнѣ сдается, что кто ни взглянетъ на меня, хилаго старика, всякій молвитъ про себя: „ужъ пора бы старымъ костямъ-то и на мѣсто! что зря небо коптить!“ Анъ вотъ вышло не по ихнему: я и старыхъ-то и младыхъ-то пережилъ; недавно молился за упокой души Петра Степаныча, и всего-то не слишкомъ какъ мѣсяца черезъ три довелось нести гробъ его сынка, молодца всего-то съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ. Не знаю, Лиза, какъ по тебѣ, а по мнѣ, такъ жаль Андрея Петровича! Пускай онъ къ нашему-то брату, холопу, куда былъ не привѣтливъ, а все вить и въ немъ душа-то была христіанская; вить и онъ молился одному съ нами Богу. Господи, отпусти грѣхи его!..

Лиза. Да, дѣдушка, умереть страшно, а коли ужъ нельзя миновать такой бѣды, такъ все легче умереть по христіански, а вить Андрей-то Петровичъ скончался безъ покаянія, какъ какой-нибудь басурманъ, отъ пули. И откуда только взялся Дмитрій Егоровичъ? И за что это онъ застрѣлилъ его? Ну, дѣдушка, вотъ страсть-то была: какъ онъ выпалилъ, я такъ и присѣла. Ты вѣдь видѣлъ?

Иванъ. Какъ же, какъ же, видѣлъ на бѣду мою. Чего, Лиза, какъ съ Марьей Миколавной попритчилось, я вить былъ въ залѣ. Глядь, вдругъ откуда ни возьмись Дмитрій Егорычъ, страшный, словно оборотень какой. Я инда насилу могъ распознать его. Идетъ, какъ пьяный; съ шинели течетъ дождь ручьями, волоса замочены; знать и шляпу-то забылъ и пошелъ такую околесную нести, что не только я не понялъ ни словечка, да и господа-то рты разинули. Какъ онъ схватилъ Софью-то Петровну, я такъ и обмеръ; отъ страха душа чуть не вылетѣла.

Лиза. Да ужъ и въ самомъ-то дѣлѣ, онъ больно смѣлъ не подъ стать; на что похоже: вздумалъ обнимать при всѣхъ барышню! (*Съ жеманной гордостію подпершись руками*) Да за это и наша сестра не больно взлюбитъ; небось, какъ разъ, дастъ отказъ, какъ листъ.

Иванъ. Да ужъ объ смѣлости что и толковать: стало быть смѣлъ, когда не только что сталъ браниться съ Андреемъ Петровичемъ, да еще сцапалъ его за грудь и почалъ трясти; то-то молодость-то! И за что, подумаешь, больно разсердился? Эка бѣда! что назвалъ его рабомъ, такъ за это и надобно губить душу христіанскую? Я бы на его мѣстѣ за это и словечка не молвилъ. Нѣтъ, Лиза, знать лукавый подтолкнулъ его; вить онъ на это дѣло-то куда хитеръ, небось хоть кого въ грѣхъ введетъ.

Лиза. Нѣтъ, дѣдушка, все не то: видно, онъ не въ шутку съ ума сошелъ!

Иванъ. Жаль его, Лиза, крѣпко жаль. Онъ такой добрый, привѣтливый. Бывало, батюшка, все терпитъ. Его учнутъ ругать, а онъ уйдетъ въ свой уголокъ, да и горюетъ въ немъ потихоньку. Коль невзначай взойдешь, такъ вскочитъ со стула, утретъ слезы, да еще, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, станетъ смѣяться; нашъ же братъ досадитъ ему, а онъ за это, при нуждѣ, за нашего же брата постоитъ передъ бариномъ, да отъ бѣды отведетъ. Теперь, мой родимый, сгубилъ свою душеньку. Чай горючими слезами обливается въ тюрьмѣ.

Лиза. Знать, ужъ ему такъ на роду написано.

Иванъ. Чему быть, тому не миновать, знать такъ Богу угодно. Не знаю, какъ бы урваться въ городъ, да забѣжать къ нему въ тюрьму: отдать письмо бариново. Что, барышня сокрушается чай да и только?

Лиза. Съ ней и Богъ знаетъ что́ дѣлается: она словно съ ума сошла. Глаза такіе красные, а ни одной слезинки не выронитъ,—

часто хохочетъ такъ страшно, что ужасть слушать, такъ и подираетъ по кожѣ. То зачнетъ пѣть, то говорить сама съ собою, или въ глухую полночь вскочитъ съ постели и зачнетъ спорить, какъ будто съ Дмитріемъ Егорычемъ, или съ Андреемъ Петровичемъ. Бѣда, да и только, вить я въ ея комнатѣ сплю.

Иванъ. Барыня что-то поутихла: знать, почуяла Божіе наказанье.

Лиза. Ты видѣлъ что-ли, какъ она вопила, какъ выносили сына-то? Насилу, насилу могли ее оттащить отъ могилы. Вотъ ужъ двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, а она все плачетъ да сокрушается.

Тѣже и Лѣсинская.

Лѣсинская. Ну, такъ! Всегда вмѣстѣ: вишь какіе неразлучные! Господа почти помираютъ съ печали, а имъ и горя нѣтъ.

Иванъ. И, матушка, Лизавета Андревна, не берите грѣха на душу, не клепите на насъ зря. Видитъ Богъ, сейчасъ плакали о вашей бѣдѣ, словно объ своей.

Лѣсинская. Ужъ какъ бы не такъ! Можно вамъ повѣрить: станете вы жалѣть объ господскихъ несчастіяхъ; чать до смерти радехоньки. Проводи меня къ вечернѣ, а ты, Лизка, поди къ Сонюшкѣ; она, бѣдная, по братѣ-то съ ума сходитъ да и только. И что это съ ней сдѣлалось, что она позволила этому подлецу, разбойнику, обнимать себя, да еще называла его своимъ другомъ? Али она помѣшалась, али не разглядѣла его и подумала, что это князь. И то что Господь Марью-то Николаевну. принесъ, а то бы бѣда. Вить только она одна умѣетъ обращаться съ Сонюшкою-то, а Сонюшка-то только одну ее и слушаетъ. (*Уходитъ съ Иваномъ.*)

Лиза. Знать, ужъ у господъ обычай такой: хоть околѣй, ни въ чемъ не повѣрятъ своимъ слугамъ, какъ будто въ насъ не такая душа, какъ въ ихъ благородіяхъ. Чай у Бога-то всѣ равны. Здѣсь имъ хорошо повелѣвать нами, а на томъ-то свѣтѣ небось не такую затянутъ пѣсню. Кто-то идетъ? Ба, да это барышня съ Марьей Миколавной. (*Уходитъ.*)

Софья и Рудина.

Рудина. Ну, вотъ хоть здѣсь посидимъ. Бога ради, перестань тосковать.

Софья. Кто же тебѣ сказалъ, что я тоскую? Напротивъ, я очень весела: развѣ ты не знаешь, что я ожидаю къ себѣ дорогаго гостя? Ахъ, о чемъ, бишь, я хотѣла говорить съ тобою? Да, вспо-

мнила! Ты не досказала мнѣ своей исторіи. А гдѣ же Дмитрій? Что его нѣтъ здѣсь по сію пору? Или онъ явился ко мнѣ на одно мгновеніе, чтобы убить моего брата и вмѣстѣ съ нимъ и меня? (*Съ разсѣянностью смотритъ въ окно.*)

Рудина (*въ сторону*). Что мнѣ съ ней дѣлать? Онъ у ней изъ ума не выходитъ!..

Софья. Послушай: ты любила?

Рудина. Къ чему этотъ вопросъ? Ты, кажется, слышала отъ меня изъясненіе страннаго происшествія, которое случилось на роковомъ балѣ.

Софья. И ты думаешь, что ты любила истинно?

Рудина. Да, къ моему несчастію.

Софья. Нѣтъ, этому никакъ нельзя повѣрить. Любовь, эта божественная страсть, которая бываетъ удѣломъ только существъ возвышенныхъ, которая доказываетъ ихъ небесное происхожденіе, можетъ ли быть совмѣстна съ измѣною? Нѣтъ, ты не знала этихъ сладостныхъ минутъ, въ которыя человѣку всѣ предметы представляются въ другомъ видѣ, въ которыя грудь его волнуется темнымъ, отраднымъ чувствомъ неизъяснимаго блаженства,—этихъ минутъ, въ которыя человѣкъ смотритъ на небо, какъ на что-то знакомое, и душа его рвется къ нему! Другъ мой, въ эту эпоху жизни человѣка въ его груди горитъ пламя, которое онъ желаетъ сообщить всему существующему; и въ этомъ пламени душа его очищается отъ всего земнаго, суетнаго, какъ золото въ горнилѣ; въ эту эпоху онъ пламеннѣе, живѣе любитъ природу, потому что видитъ въ ней отраженіе своихъ чувствъ, видитъ символъ вѣчной любви. (*Плачетъ.*)

Рудина (*въ сторону*). Она плачетъ? Знакъ добрый! Видно, стала приходить въ разсудокъ; этимъ надобно воспользоваться. (*Вслухъ.*) Другъ мой! Человѣкъ есть странное созданіе: чтобы судить о какомъ-нибудь важномъ его поступкѣ, должно сперва узнать всѣ, даже малѣйшія, причины, заставившія его рѣшиться на оный, всѣ подробности, сопровождавшія его. Вспомни, что я была молода, неопытна, легкомысленна; вспомни, какую я имѣла мать, что я была обманута мнимою измѣною—и тогда суди!

Софья. Нѣтъ, не такъ люблю я! Еслибъ онъ и измѣнилъ мнѣ, то и страдать отъ него было бы для меня сладостно. Нѣтъ, моя любовь совсѣмъ не такова: я жертвовала своему любезному всѣмъ, чѣмъ только могла жертвовать. Для него забыла я, что у меня есть отецъ, мать, братья, что я отъ нихъ завишу, что моя любовь можетъ убить ихъ; въ его объятіяхъ я забыла даже самый стыдъ.

и теперь готова упасть къ нему на грудь, перелить въ уста его свою душу и прижать къ тоскующему сердцу ту руку, на которой дымится кровь моего брата. Да, я смыла бы съ нея эти кровавыя пятна своими слезами. (*Дико оглядывается.*) Но что же онъ нейдетъ ко мнѣ?.. Гдѣ онъ скрывается? Другъ мой, не мучь меня, Бога ради, скажи мнѣ: гдѣ онъ? Какая участь его ожидаетъ? Не правда ли, вѣдь его казнили? Для чего жъ, жестокіе, не соединили меня съ нимъ? Развѣ они не знаютъ, что я не могу безъ него жить? (*Слышенъ звонъ колоколовъ. Софья схватываетъ за руку Рудину*). Другъ мой! Слышишь ли? звонятъ, его хотятъ отпѣвать. Да нѣтъ: онъ преступникъ, его нельзя отпѣвать; его просто зарыли въ землю. Пойдемъ скорѣе!

Рудина. Куда?

Софья. Искать его могилу: я хочу умереть на ней. Воздухъ, ее окружающій, очарователенъ, сладостенъ; я думаю, вся окрестность дышетъ чѣмъ-то святымъ.

Рудина (*въ сторону*). Ну, опять понесла! Когда это кончится? (*Вслухъ.*) Послушай, Софья, кто же сказалъ тебѣ, что онъ умеръ?

Софья. А гдѣ же онъ?

Рудина. Онъ скрылся съ своими друзьями и его не могутъ найти.

Софья. А что давеча за обѣдомъ говорила моя мать и братъ! Нѣтъ, ты меня не обманешь; я все знаю: онъ сидитъ въ тюрьмѣ; онъ окруженъ толпою воровъ, убійцъ, ха! ха! ха! Дмитрій въ тюрьмѣ! Что, обманула меня? Нѣтъ, я все знаю—и нынче непремѣнно пойду къ нему; ему со мною будетъ весело; мы обнимемъ другъ друга, вздохнемъ сладостно, и мгновенно оставимъ эту бѣдную землю.

Рудина (*въ сторону*). Часъ отъ часу лучше! Какъ-бы мнѣ обмануть ее? (*Вслухъ.*) Не вѣрь имъ, Софья; они обманываютъ тебя, а не я. Ты знаешь, что они не любятъ Дмитрія и потому утѣшаютъ себя мыслію, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Софья. Такъ онъ скрылся. (*Подумавъ.*) Опять поймала! Неужели Дмитрій рѣшится убѣжать отъ своей Софьи, чтобы спасти свою жизнь? Ха! ха! ха! Нѣтъ, голубушка, я знаю его! Нѣтъ, меня не скоро обманешь. Вишь, какая услужливая!

Рудина. Онъ, можетъ быть, и не скрылся, да его увезли въ то время, когда онъ былъ безъ чувствъ.

Софья. Кто же увезъ его?

Рудина. Его друзья.

Софья. Да это тотъ, что совѣтывалъ мнѣ на балѣ тайно об-

вѣнчаться съ Дмитріемъ и предлагалъ мнѣ свои услуги въ разсужденіи этого дѣла? Онъ, кажется, человѣкъ благородный?

Рудина (*съ удивленіемъ*). Ба, да я этого еще не знала! Кто жъ бы это былъ? Ужъ не Сурскій ли?

Софья (*съ досадой*). Да тотъ самый, котораго привезъ къ намъ Толинъ. Эхъ, какая недогадливая! Ну, да тотъ, при взглядѣ на котораго ты упала въ обморокъ.

Рудина (*тихо*). Понимаю.

Софья. Вѣрно, онъ любилъ тебя?

Рудина. Да, онъ самый. Подлинно, душа благородная, и теперь для меня потерянъ навсегда. Этотъ князь... твой женихъ... низкій человѣкъ!.. онъ и моимъ женихомъ назывался...

Софья. Какъ! Такъ меня хотѣли выдать за этого-то всесвѣтнаго жениха! (*Смѣется.*) Ну, подлинно, что завидная партія. (*Подумавъ.*) Ахъ, какъ мнѣ грустно! Дмитрій что-то долго не идетъ. Вѣрно, онъ утомился дальностію дороги. Но, несмотря на это, онъ все-таки скоро придетъ. Ждать скучно, а дѣлать нечего. Послушай: разскажи мнѣ что-нибудь.

Рудина. Что же разсказать тебѣ?

Софья. Да что-нибудь. Ну, хоть, напримѣръ, что съ тобой случилось, какъ ты уѣхала съ матерью изъ своего города?

Рудина (*въ сторону*). Въ самомъ дѣлѣ, не успѣю ли хоть этимъ развлечь ее? (*Вслухъ.*) Мы уѣхали въ вашъ губернскій городъ, гдѣ имѣли родственниковъ. Мать моя вскорѣ умерла. Ты знаешь, что я была воспитана въ Смольномъ монастырѣ и потому рѣшилась употребить себѣ въ пользу свое воспитаніе,—рѣшилась заняться образованіемъ дѣвицъ. Вскорѣ услышала я, что твоя бабка ищетъ для тебя русской мамзели и потому...

Софья (*перерывая*). Да, мой другъ, моя милая бабушка, несмотря на то, что слишкомъ гордилась своимъ дворянствомъ, была очень добра и благородна и, несмотря на то, что была богатая русская дворянка, терпѣть не могла иноземныхъ воспитательницъ. Ея нѣтъ уже на землѣ, но я скоро увижусь съ нею. Не правда ли? (*Утираетъ слезы.*)

Рудина (*стараясь обратить вниманіе Софьи на слова свои*). Тебѣ тогда было десять лѣтъ, и я рѣшилась образовать тебя по своему, такъ, чтобы ты могла быть моимъ другомъ, существомъ, которое бы въ этомъ мірѣ одно любило меня искренно. Причиною моей погибели былъ недостатокъ той душевной твердости, той непоколебимой свободы, которыя дѣлаютъ человѣка самостоятельнымъ,

независимымъ отъ вліянія всего, что ниже его, ниже міра, въ которомъ онъ живетъ душою. И потому, чтобы избавить тебя отъ участи, которая постигла меня, я старалась воспламенить въ душѣ твоей любовь ко всему высокому, идеальному и возбудить въ ней ненависть и гордое презрѣніе ко всему обыкновенному, суетному. Но, Софья, мнѣ кажется, что я ошиблась въ моихъ разсчетахъ и сдѣлала ужасную ошибку. Ты имѣешь въ своемъ характерѣ слишкомъ много неженскаго,—это не хорошо.

Софья. Что ты говоришь! Нѣтъ, неправда! Ты была моимъ ангеломъ хранителемъ; ты сдѣлала меня способною любить; ты заронила въ мою душу искры небеснаго огня... Неправда ли?..

Рудина. Нѣтъ, я не достигла моей цѣли: я хотѣла предохранить тебя моимъ воспитаніемъ отъ обольщенія и вмѣсто того, кажется, болѣе оному способствовала имъ...

Софья (*смотря въ окно*). Кто-то пріѣхалъ! Боже мой! Ужъ не Дмитрій ли? Ахъ, какъ я обрадовалась и въ это же самое время какъ испугалась!.. Какъ сильно трепещетъ мое сердце! Мнѣ кажется, что оно хочетъ вырваться изъ груди и летѣть къ нему!... Моя милая, пойдемъ поскорѣе, встрѣтимъ давно жданнаго гостя!..

Рудина (*останавливаетъ ее*). Постой; можетъ быть, это и не онъ. (*Входитъ князь.*)

Князь (*Обращаясь къ Софьѣ*). Здравствуйте, Софья Петровна! Позвольте спросить васъ, могу ли я видѣться съ вашею маменькою?

Софья (*обращаясь къ Рудиной*). Онъ опять здѣсь! Зачѣмъ? Ужъ не опять ли хочетъ сватать меня? Ха! ха! ха!

Рудина. Лизаветы Андреевны нѣтъ дома: она у вечерни. (*Уходитъ.*)

Софья. Куда ты уходишь, другъ мой? Зачѣмъ оставляешь меня съ этимъ низкимъ человѣкомъ?

Князь (*съ злобною ироніею*). Съ низкимъ человѣкомъ? Право? Я не сомнѣваюсь, что въ глазахъ вашихъ тотъ сумасшедшій лакей, съ которымъ вы такъ благосклонно обращались и который, для доказательства своей къ вамъ любви, убилъ вашего брата, гораздо выше меня.

Софья. Про кого это говоритъ онъ? А! понимаю, про Дмитрія. Да этотъ лакей выше и благороднѣе всѣхъ князей и графовъ— и эти низкіе, презрѣнные князья смѣются надъ нимъ? Ха! ха! ха! Эй, Лиза, Лиза! (*Входитъ Лиза.*)

Лиза. Чего изволите, сударыня?

Софья. Князь! Вотъ ваша невѣста. (*Уходитъ.*)

Князь. Скоро ли пріѣдетъ твоя барыня?

Лиза. Я думаю, что ужъ скоро-съ: вечерня на отходѣ-съ. *(Входитъ Лѣсинская.)*

Лѣсинская. Боже мой, князь! Ваше сіятельство! Какими судьбами?

Князь. Я пріѣхалъ къ вамъ извиниться предъ вами въ безпокойствѣ, котораго былъ невинною причиною на вашемъ балѣ.

Лѣсинская. Да, вы тогда съ Марьей Николаевной что-то поспорили, да съ этимъ Москвичемъ, котораго къ намъ привезъ Томинъ. Повѣрьте, князь, что это дѣло я считаю за пустяки и никогда не промѣняю васъ на всѣхъ въ свѣтѣ москвичей и мамзелей.

Князь. Для меня очень лестно такое расположеніе въ мою пользу съ вашей стороны, и я не нахожу словъ, чтобы изъявить вамъ за это мою благодарность.

Лѣсинская. Но скажите мнѣ, ради Бога, князь, какія были у васъ сношенія съ мамзелью?

Князь. Видите ли, въ чемъ дѣло. Назадъ тому около шести лѣтъ я ѣздилъ по дѣламъ въ одинъ городокъ довольно отдаленной губерніи. Тамъ увидѣлъ я эту мамзель. Она, объявлю вамъ за тайну, была ко многимъ молодымъ людямъ слишкомъ благосклонна и милостива; въ это время я былъ моложе и слѣдовательно и вѣтренѣе, такъ и неудивительно, что я завелъ съ ней нѣкотораго рода пріятное знакомство. Теперь понимаете?..

Лѣсинская. Да въ этомъ, разумѣется, можно извинить по молодости лѣтъ всякаго мужчину. Но она это дѣло растолковала мнѣ по своему, совсѣмъ не такъ. Она говоритъ, что будто вы за нее сватались, ея мать дала вамъ слово; вы долго ѣздили къ нимъ въ домъ, какъ женихъ, и наконецъ скрылись отъ нихъ. Неужели это правда?

Князь. Присягнуть готовъ, что это самая наглая ложь. Ежели вы не вѣрите мнѣ, Лизавета Андреевна, то прикажите образъ снять... я готовъ...

Лѣсинская. И, князь, помилуйте! Неужели вы думаете, что я скорѣе повѣрю какой-нибудь потаскушкѣ, нежели вамъ? Жаль только, что у такой твари училась дочь моя. Да правда, у ней учителей-то была бездна и счету нѣтъ. Досадно, что эта мамзель, несмотря на прежнее свое развратное поведеніе, еще изволитъ знаться съ дворянами, да еще вздумала налгать мнѣ на князя. Завтра же съ двора долой негодницу!

Князь. Оставимъ-те это и поговоримъ о другомъ дѣлѣ, для

котораго я, признаться, больше и пріѣхалъ къ вамъ. На вашемъ несчастномъ балѣ я былъ свидѣтелемъ ужаснѣйшаго и вмѣстѣ страннаго происшествія...

Лѣсинская. Да, батюшка, вотъ каково у насъ правительство: разбойники днемъ рѣжутъ людей... Мой бѣдный Андрюша... (*крестится*)... Дай ему Господи царство небесное!... (*Плачетъ*).

Князь. Хотя меня и въ большое сомнѣніе привелъ поступокъ Софьи Петровны, которая... вы сами догадаетесь... однако, несмотря на то, мои чувства въ отношеніи къ вашей дочери ни мало не перемѣнились, и я, приписывая ея поступокъ неопытности и вѣтрености, и думая, что ея страсть исчезнетъ скоро,—пріѣхалъ къ вамъ настоятельно просить ея руки.

Лѣсинская. Ахъ, князь! Благодарю васъ за ваше лестное предложеніе! Вы знаете, что я всегда интересовалась имъ и съ своей стороны душевно рада; но я не знаю, что дѣлается съ Сонюшкою: она съ ума сходитъ, да и только, и слышать объ васъ не хочетъ.

Князь. Вы можете употребить все вліяніе, какое только можетъ имѣть мать на свою дочь.

Лѣсинская. Да объ этомъ ужъ, князь, не безпокойтесь; ужъ во что бы то ни стало, а вы женитесь на Сонюшкѣ.

Князь. Мое счастье неописанно. Итакъ, я разстаюсь съ вами въ лестной надеждѣ быть принятымъ въ ваше благословенное семейство и замѣнить собою потеряннаго вами сына. Теперь позвольте мнѣ проститься съ вами.

Лѣсинская. Прощайте, князь! (*Прощаются.*) Я провожу васъ.

Князь. Ахъ, Бога ради, не безпокойтесь: вы можете простудиться.

Лѣсинская. Ничего, ничего, теперь погода теплая. (*Уходятъ; входятъ Софья и Рудина.*)

Софья. Уѣхалъ! Гдѣ же маменька?

Рудина (*улыбаясь*). Ахъ! Да она никакъ вышла провожать его на крыльцо? Такъ и есть, это ихъ голоса. Все еще наговориться-то не могутъ... Вотъ что мило!..

Софья. И ты могла промѣнять Сурскаго на этого урода?

Рудина. Опять, повторяю тебѣ, Софья, не обвиняй меня. Между многими причинами было и желаніе исполнить неотступныя просьбы матери, жадной до богатства и знатности. Я рѣшилась пожертвовать ея счастію своимъ—и погубила себя и ее.

Софья (*смотря въ окно*). Посмотри-ка, посмотри: лошади ужъ въ ворота выѣхали, а они все еще раскланиваются. Вотъ дружба-то!

Рудина. Наконецъ идетъ!

Тѣ же и Лѣсинская.

Лѣсинская (*къ Софьѣ.*) Ну, Софья Петровна, воля ваша, какъ вамъ угодно, а извольте готовиться идти замужъ за князя.

Софья. Въ самомъ дѣлѣ? Не шутя?

Лѣсинская. Да, въ самомъ дѣлѣ, не шутя. Что жъ тутъ страннаго? Князь въ тебя влюбленъ безъ памяти, несмотря, что ты на балѣ такъ прекрасно обошлась съ разбойникомъ, съ лакеемъ, и неотступно проситъ твоей руки...

Софья. Чтожъ, отъ нечего дѣлать и это дѣло.

Лѣсинская. Да нѣтъ, любезная дочка, ваши поступки и ваше упрямство мнѣ ужъ больно надоѣли. И я для того прошу васъ покорно слушаться матери. Я знаю тебя: ты потому только не любишь князя, чтобы этимъ сдѣлать непріятность матери. Чтобы огорчать меня, ты всегда насмѣхалася надъ Сидоромъ Андреевичемъ и не уважаешь этого святаго человѣка. Нѣтъ, ужъ терпѣнія моего не стало; извольте дѣлать по моему, а не по своему. (*Смотритъ на стѣнные часы*). Скоро ужъ шесть часовъ. Мнѣ надобно съѣздить на часъ мѣста къ сестрицѣ Аграфенѣ Лукьяновнѣ, посовѣтоваться съ нею кое о чемъ, да взять отъ нея Сидора Андреича, а то, пожалуй, она и рада, что завладѣла имъ. Да, Марья Николаевна, я и позабыла.

Рудина. А что такое?

Лѣсинская. А вотъ видите ли что: я достовѣрно узнала, кто вы таковы и какого разбора. Моя дочь училась у васъ и выучилась не повиноваться своей матери и теперь васъ за это очень любитъ; но я думаю, что такія знакомства и дружества—предосудительны для благородной дѣвушки, и для того прошу васъ завтра же оставить мой домъ.

Рудина (*съ презрѣніемъ*). Нѣтъ, завтрашняго дня долго дожидаться, нельзя ли сію же минуту?...

Софья. Какъ, маменька, и вы могли повѣрить этому низкому человѣку?

Лѣсинская (*топая отъ злости ногами*). Молчать, сударыня, молчать!... Богатые князья не могутъ быть низкими людьми!.. (*Входитъ лакей.*)

Лакей. Сударыня, лошади готовы.

Лѣсинская. Сейчасъ выйду. Пошелъ, вели подавать съ задняго крыльца. (*Уходитъ.*)

Рудина. Да, онъ съ ней изъяснился по своему.

Софья. Кто онъ?

Рудина. Да его сіятельство.

Софья. Да,—этотъ человѣкъ настоящій дьяволъ. (*Смотритъ въ окно.*) Уѣхала ли она? Уѣхала. И зачѣмъ это? И для какихъ совѣщаній? Послушай, моя милая, не прекрасное-ли приказаніе получила я отъ маменьки? Выйти за князя Кизяева! О, это прелестно! Быть княгинею—это безподобно! Ха! ха! ха!

Рудина. Да и я получила приказаніе едва-ли не лучше твоего. Завтра же должна я уѣхать отсюда, выгнанная съ безчестіемъ, какъ преступница. Да, признаться, это премило. Но нѣтъ, я сейчасъ же, до ея возвращенія, постараюсь избавить ее отъ моего присутствія, или, лучше сказать, себя отъ ея. Съ тобою, другъ мой, жаль разстаться,—тѣмъ болѣе, что ты находишься теперь въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Софья. Нѣтъ, моя милая, этого не будетъ. Я не буду женою князя, а ты не уѣдешь нынче отъ насъ,—увѣряю тебя. Но, Боже мой! Какой ужасный стукъ! Кто-то бѣжитъ сюда опрометью. Ахъ, это Дмитрій...

Рудина. Какъ, Дмитрій? Я уйду. Ахъ, какъ бы онъ опять чего не надѣлалъ... (*Уходитъ.*)

Софья. Да, онъ, точно онъ!

Голосъ изъ-за двери. Трепещите! Это я, это я!...

Вдругъ вбѣгаетъ Дмитрій въ томъ же самомъ видѣ и положеніи, какъ и въ четвертой картинѣ. На лѣвой рукѣ его виситъ разорванная цѣпь. При взглядѣ на Софью, онъ отступаетъ назадъ и, не говоря ни слова, гремитъ цѣпью, устремя на нее мертвые и неподвижные взоры.

Софья. Дмитрій, гдѣ ты былъ столь долгое время? Я объ тебѣ стосковалась! Откуда пришелъ ты?

Дмитрій (*мрачно*). Изъ тюрьмы!

Софья. Какъ? Ты сидѣлъ въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, убійцами?.. И я... и я не пришла раздѣлить съ тобою это заключеніе.... Ты былъ посаженъ въ тюрьму!...

Дмитрій. Приличное мѣсто и прекрасное общество для убійцы...

Софья. Но, Дмитрій, ты опять явился ко мнѣ такъ ужасенъ....

Дмитрій. Я потому кажусь тебѣ ужаснымъ, что на моемъ челѣ ты читаешь страшную повѣсть убійства.—Ахъ!.. оно... это чело приводитъ въ трепетъ всякаго, кто ни взглянетъ на него.

Софья. Но что ты стоишь тамъ, блѣдный и недвижный, какъ мертвецъ? Для чего не подойдешь къ своей Софьѣ? Дмитрій! На землѣ для насъ нѣтъ болѣе счастія, говорила я тебѣ въ одинъ

роковой вечеръ,—ты помнишь его;—на землѣ для насъ нѣтъ блаженства—говорю я тебѣ теперь! (*Бросается къ нему въ объятія.*) О, прижми меня крѣпче къ своему сердцу; напечатлѣй на устахъ моихъ огненный поцѣлуй—пусть въ этомъ поцѣлуѣ сольются души наши и вмѣстѣ съ нимъ вознесутся на небо!..

Дмитрій (*высвободившись изъ ея объятій*). Нѣтъ, ангелъ небесный, убійца Дмитрій не осквернитъ тебя поцѣлуемъ: на его устахъ еще и теперь видна запекшаяся кровь! Нѣтъ, не для того сокрушилъ я свои оковы, не для того обманулъ бдительность стражи и пришелъ сюда. Позорная казнь меня ожидаетъ, но это желѣзо (*показываетъ ей кинжалъ*) спасетъ меня отъ нея и прекратитъ мои мученія. Но прежде мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя; хотѣлось ободрить себя божественнымъ сіяніемъ твоихъ черныхъ очей. Софья, ты мною любима, и любовь моя превратилась для тебя въ источникъ бѣдствій,—я убилъ твоего брата: его дымящаяся кровь течетъ между нами рѣкою огненною. Софья, прости меня! Скажи, что ты меня не проклинаешь; улыбнись мнѣ въ послѣдній разъ, и я умру спокойно.

Софья. Дмитрій, ты меня жестоко обижаешь: я не ожидала отъ тебя этого. Какъ, неужели ты думаешь, что моя любовь есть обычное, суетное чувство? Неужели ты думаешь, что на землѣ можетъ что-нибудь раздѣлить насъ? Ты для меня равно милъ и въ золотѣ и въ рубищѣ. Дмитрій былъ невиненъ — и я его любила; Дмитрій омылъ руки свои въ крови моего брата—и я люблю его еще болѣе; но не убійство, а несчастіе дѣлаетъ его въ глазахъ моихъ милѣе.— Дмитрій! Ступай въ тюрьму—и я за тобой послѣдую; лети на поле брани—и я туда сопутствую тебѣ; будь царемъ—и я раздѣлю съ тобою тронъ; будь презрѣннымъ разбойникомъ—и я буду раздѣлять твое мрачное, всегда потопленное въ крови подземелье. Для тебя попираю ногами всѣ узы, соединяющія меня съ людьми.—Теперь сомнѣвайся въ любви моей; если можешь,—бѣги отъ меня или ко мнѣ!..

Дмитрій. Къ тебѣ, къ тебѣ, существо божественное! (*Бросается къ ней въ объятія.*) О, кто умѣетъ такъ любить, какъ я, и кто любимъ, какъ я, тотъ съ презрѣніемъ смотри на жизнь, на людей, на землю: они не могутъ ничего ни дать ему, ни отнять у него. Но кто, подобно мнѣ, держитъ въ объятіяхъ свою милую, тотъ всѣ адскіе бичи, пожирающіе его, почитай за уязвленіе ничтожныхъ насѣкомыхъ! О, моя милая! Жизнь человѣческая обильна бѣдствіями, но еще обильнѣе блаженствомъ. (*Долгое молчаніе; онъ безмолвно склоняется своею головою на ея плечо.*)

Софья (*вздохнувши.*) Ахъ, эта минута съ избыткомъ вознаграждаетъ меня за многое.

Дмитрій. Моя любезная! Сначала я былъ окованный посаженъ между толпою отчаянныхъ злодѣевъ. Члены этой дикой, буйной толпы съ неистовымъ смѣхомъ описывали другъ другу свои преступленія. Одинъ разсказывалъ, какъ онъ, помирая со смѣху, разорвалъ пополамъ груднаго ребенка; другой,—какъ размозжилъ кистенемъ голову девяносталѣтняго старика; третій,—какъ перерѣзалъ цѣлое семейство и забавлялся смертными судорогами своихъ жертвъ; четвертый... но довольно; я не хочу терзать тебя подобными разказами. Потомъ эти головорѣзы подходили ко мнѣ и просили, какъ своего товарища, потѣшить ихъ разсказомъ о моемъ преступленіи. Ахъ, и теперь еще содрогаюсь, вспоминая ихъ звѣрскія лица, ихъ кровавые глаза,—суди же, каково мнѣ было тогда! Потомъ эти злодѣи, съ буйною веселостью, съ адскимъ хладнокровіемъ и съ грубыми насмѣшками, говорили о палачахъ, о кнутѣ, о Сибири, о каторгѣ, и предсказывали мнѣ мою участь. Я спрашивалъ самого себя, что̀ со мною будетъ; взглядывалъ на свои руки—на нихъ еще виднѣлась кровь, и я, чтобы заглушить ревущій голосъ моей совѣсти, гремѣлъ цѣпями и въ звукѣ этихъ цѣпей слышалъ роковой отвѣтъ. Мое положеніе было ужасно, но я еще могъ жаловаться, могъ изрыгать проклятія на все существующее. А теперь, теперь, когда я держу въ своихъ объятіяхъ мое небо, теперь я не нахожу словъ для выраженія моего блаженства. Я въ состояніи только молчать—и чувствовать!... Нѣтъ, радость сильнѣе горести!

Софья. Ахъ, Дмитрій, сладко быть въ объятіяхъ милаго, такъ сладко, что я желала бы умереть въ нихъ!

Дмитрій. Теперь прочь всѣ черныя мысли, прочь бѣдствія—теперь и самая смерть не посмѣетъ приблизиться къ намъ!

Софья. Но чѣмъ все это кончится? Подумай о будущемъ. Моей матери теперь нѣтъ дома и ея-то отсутствію мы обязаны счастіемъ этого свиданія,—счастіемъ держать другъ друга въ объятіяхъ, упиваться дружнымъ дыханіемъ. Она скоро пріѣдетъ и разлучитъ насъ.

Дмитрій. Насъ разлучитъ? Кто? Самъ адъ не исторгнетъ тебя изъ моихъ объятій.

Софья. Но кто исторгнулъ въ тотъ роковой вечеръ?

Дмитрій. Да, но тогда и небо, и адъ, и могилы были въ заговорѣ противъ меня.

Софья. Моя мать,—ты ее знаешь,—она ненавидитъ тебя, и,

если увидитъ здѣсь, то осыплетъ проклятіями и ругательствами.— Дмитрій, ты бѣшенъ—я трепещу.

Дмитрій. Не бойся. Я даже не взгляну на эту слабую женщину, чтобы не привесть ее въ трепетъ. Она твоя мать, этого довольно; будь спокойна.

Софья. Но она вооружитъ противъ тебя всѣхъ людей своихъ, они опять на тебя кинутся—что ты тогда станешь дѣлать?

Дмитрій. Ежели хотя одна тварь подползетъ ко мнѣ поближе, то я раздавлю ее ногою!

Софья. И ты еще не насытился кровію? Ты еще хочешь обременять себя новыми преступленіями?

Дмитрій. Но неужели мнѣ отдаться въ ихъ руки, чтобы они надругались надо мною?

Софья. А если слѣды твои откроютъ солдаты и придутъ сюда; ежели они поведутъ тебя отсюда прямо на мѣсто позорной казни, туда, гдѣ тебя будетъ ожидать кнутъ и палачъ,—тогда что ты будешь дѣлать?...

Дмитрій. Софья, къ чему эти мрачныя предсказанія, эти странные предположенія и вопросы? Женщина! Твои уста есть ящикъ Пандоры. Такъ, по всѣмъ твоимъ разсчетамъ, мы должны погибнуть отъ людей, которые не хотятъ насъ[1]) видѣть счастливыми. Итакъ скажи, что же должно намъ дѣлать, чтобы освободиться отъ ихъ вліянія?....

Софья. Умереть.

Дмитрій. Какъ? Умереть!

Софья. Да, умереть. Что жъ тутъ удивительнаго?

Дмитрій. Но какимъ образомъ?

Софья. Ты мужчина, у тебя есть кинжалъ. Умертви меня и потомъ самъ послѣдуй за мною, не выпуская меня изъ своихъ объятій. Мы соединимъ уста свои, сольемъ дыханіе, вздохнемъ сладостно—и смерти нашей позавидуютъ сами ангелы.

Дмитрій. Женщина! И ты могла предложить мнѣ это?...

Софья. Могла и горжусь этимъ! Мой милый, кто на землѣ узналъ радости небесныя, кто разгадалъ душою тайну тѣхъ наслажденій, которыя бываютъ на небѣ удѣломъ праведныхъ по смерти,—для того уже нѣтъ болѣе отечества на землѣ, для того уже люди, если они въ состояніи понимать его, болѣе не братья!.. Да и можно-ли жить на землѣ, узнавши небо? Можно ли существамъ,

---

[1]) Въ рукописи: „ихъ“.

уподобившимся ангеламъ, быть въ сообществѣ звѣрей, безсловесныхъ и дикихъ!..

Дмитрій. Все такъ, это правда. Теперь я вижу ясно, что намъ должно умереть. Такъ, я могу безтрепетною рукою вонзить это желѣзо себѣ въ сердце, могу повернуть его въ немъ, покуда еще въ состояніи буду дышать; но вознести руку свою на пораженіе существа любезнаго, видѣть его боренія со смертью, видѣть бьющую изъ раны кровь—нѣтъ, на это я никакъ не могу рѣшиться! Не принуждай меня къ этому, не проси, не умоляй. Софья, знаешь-ли, что ты этими небесными взглядами, этимъ ангельскимъ укоромъ, преклоняя меня на убійство, влечешь въ адъ?...

Софья. И ты почитаешь себя мужемъ? Слабый ребенокъ! Безсильное дитя! Бѣги отсюда скорѣе или я покажу тебѣ лозу! Отдай мнѣ кинжалъ, а себѣ возьми иглу—и бѣги съ глазъ моихъ!...

Дмитрій. Называй меня презрѣннымъ трусомъ, низкой душою; назови, если хочешь и можешь, даже подлецомъ,—то и тогда, клянусь тебѣ небомъ и адомъ, кровію и мщеніемъ, клянусь нашею любовію, и тогда не соглашусь на твое предложеніе!....

Софья. А, мужъ твердый и благородный! Когда неопытнымъ и невиннымъ сердцемъ я предалась тебѣ со всѣмъ жаромъ любви, когда пожертвовала тебѣ всѣмъ,—тогда, тогда ты умѣлъ этимъ пользоваться, умѣлъ пресыщаться изъ чаши наслажденія; а теперь, когда я прошу тебя прекратить мои мученія, переселиться со мною въ лучшій міръ,—ты глухъ къ моимъ словамъ! Дмитрій! Кажется было время, когда ты не проранивалъ ни одного моего слова, не оставлялъ безъ исполненія ни одного моего желанія,—а теперь?..

Дмитрій. Перестань, ради Бога, перестань! Какъ могло придти тебѣ въ голову такое ужасное желаніе? Отъ одной мысли объ немъ я, убійца, я трепещу!....

Софья. Дмитрій, заклинаю тебя всѣмъ, что есть для тебя священнаго въ мірѣ, умоляю тебя именемъ любви нашей—исполни мое желаніе. Оно благородно, оно достойно насъ. Вспомни, малодушный, вспомни тѣ сладостныя минуты, когда мы занимались чтеніемъ исторіи великихъ людей. Когда ты читалъ мнѣ, какъ Брутъ казнилъ сыновей своихъ, какъ окончили жизнь свою Лукреція, Виргинія, Клеопатра, какъ умерли, защищая свободу, два послѣдніе римлянина, какъ Сусанинъ жертвовалъ за царя своею жизнью,—я пристально смотрѣла на лицо твое и съ восторгомъ замѣчала, что оно пылало, что глаза твои сверкали, что ты весь трепеталъ.—Дмитрій, неужели эти благородныя движенія были ничѣмъ инымъ, какъ низ-

кимъ притворствомъ? Дмитрій, слышишь ли голосъ этихъ великихъ тѣней? Они говорятъ тебѣ, что убить себя не есть преступленіе, когда честь запрещаетъ жить!...

Дмитрій. Змѣя обольстительница! Прочь съ глазъ моихъ! Самъ адъ управляетъ языкомъ твоимъ, упитаннымъ ядомъ и желчію! Не обольщай меня—говорю тебѣ! (*Софья плачетъ. Дмитрій бросается къ ней въ объятія.*) Ангелъ небесный, ты плачешь? Ты опять женщина! Дай полюбоваться этими чистыми перлами!...

Софья. Хорошо; я не буду болѣе говорить объ этомъ. Я вижу, что мой жребій—есть страдать на землѣ, тогда, какъ ты, счастливецъ, будешь обитать въ лучшемъ мірѣ, тщетно ожидая къ себѣ свою Софью!.. Милый другъ, я чувствую, что страданія мои будутъ безконечны: смерть разитъ только счастливыхъ, а злополучныхъ щадитъ. Ко мнѣ опять пристаетъ съ своими докучными просьбами, даже съ приказаніями и угрозами моя мать, чтобы я отдала свою руку князю Кизяеву, подлѣйшему человѣку въ мірѣ, котораго прельщаетъ мое приданое.

Дмитрій (*съ безпокойствомъ*). Неужели? Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ еще преслѣдуетъ тебя своими предложеніями? Что же ты?

Софья. Лишась тебя, я не буду имѣть въ цѣломъ мірѣ ни одного существа любезнаго—и охладѣю къ жизни. Равнодушная ко всему, чтобы утѣшить мать мою, чтобы доставить ей хотя одно удовольствіе во всю жизнь мою и вмѣстѣ, чтобы разсѣяться немного отъ скуки,—я рѣшусь выдти за князя.

Дмитрій. Какъ? Что сказала ты? Чтобы кто нибудь другой, кромѣ меня, могъ назвать тебя своей супругой, могъ срывать съ божественныхъ устъ твоихъ пламенные поцѣлуи, могъ утопать въ твоихъ роскошныхъ объятіяхъ? Нѣтъ, скорѣе безобразные куски бьющагося тѣла этого дерзновеннаго будутъ добычею псовъ! Скорѣе я соглашусь видѣть даже тебя растерзанною, окровавленною, бездыханною, нежели думать, что кто-нибудь, кромѣ меня, будетъ владѣть тобою. Нѣтъ, не говори объ этомъ, даже не думай: этого быть не можетъ!...

Софья. Но что же мнѣ остается дѣлать? Къ чему прибѣгну я? Кто защититъ меня, когда мать моя будетъ насильно принуждать меня къ исполненію своихъ желаній и станетъ мстить въ случаѣ сопротивленія съ моей стороны?

Дмитрій (*ужаснымъ голосомъ*). И ты въ состояніи рѣшиться выдти за него?..

Софья. Да, въ состояніи, тѣмъ болѣе, какъ по всему замѣтно, что могу доставить тебѣ этимъ немалое удовольствіе.

Дмитрій (*приведенный ея словами въ крайнюю степень бѣшенства*). Какъ? Изъ чего жъ это видно?

Софья. Изъ того, что ты не хочешь лишить меня возможности измѣнить тебѣ.

Дмитрій (*дико улыбаясь*). О, если такъ, то часъ нашей смерти пробилъ. Софья, обойми меня крѣпче, крѣпче, поцѣлуй въ послѣдній разъ!.. Ахъ, какъ ужасно!.. Во мнѣ кровь оледенѣла и остановилась; сердце уже не бьется; дыханіе прерывается...

Софья (*трепеща*). Да и мнѣ немного страшно. (*Молчаніе.*) Вспомни князя!...

Дмитрій. А, это слово бросило меня изъ одной крайности въ другую. Отъ него кровь моя разогрѣлась—этого мало: она теперь кипитъ, клокочетъ... (*Быстро смотритъ ей въ глаза.*) Софья, ты желаешь... умереть?..

Софья. Да, отъ руки твоей. Я перешла цвѣтущій садъ бытія—и вступила въ дикую пустыню, гдѣ растутъ терны колючіе, гдѣ текутъ ручьи ядовитые; ея зловѣщій видъ ужаснулъ меня и я хочу возвращаться въ свое безсмертное отечество, гдѣ опять найду съ тобою потерянное счастіе.

Дмитрій. Женщина, у меня рука дрожитъ!..

Софья. Мужчина, если ты слабъ, то дай мнѣ кинжалъ и я или сама заколюсь, или попрошу оказать мнѣ это благодѣяніе моего будущаго мужа... князя... и мой мужъ исполнитъ мою просьбу!...

Дмитрій. Такъ!... такъ!.. Только отъ руки твоего мужа, только отъ руки твоего мужа и любовника умрешь ты! Прощай!... (*Вонзаетъ ей въ сердце кинжалъ и между тѣмъ тихо опускаетъ и кладетъ ее на полъ.*)

Софья (*умирающимъ голосомъ*). Прощай..... мой милый!.... Благодарю тебя!.... Ты избавилъ.... (*Умираетъ.*)

Дмитрій. Не докончила... Смерть заградила уста прелестныя, изъ которыхъ выходили нѣкогда звуки волшебные! Они уже посинѣли!.. Какъ мила она и мертвая! Какое спокойствіе на лицѣ! Я не могу налюбоваться ею. Но пора! Она зоветъ меня! Она ждетъ меня! Пора! Это орудіе соединитъ насъ. (*Беретъ кинжалъ, взмахиваетъ его надъ своей грудью, и вдругъ, услышавъ стукъ шаговъ, удерживаетъ кинжалъ, прячетъ его въ карманъ и, подошедши къ двери, ведущей изъ залы въ корридоръ, встрѣчается съ Иваномъ.*)

Иванъ (*крестясь.*) Господи, Іисусе Христе! Пресвятая Бого-

родица! Какимъ образомъ вы опять очутились здѣсь? Вѣдь вы были въ тюрьмѣ? Какъ же вы ушли изъ нея? Бога ради, не надѣлайте опять какихъ нибудь бѣдъ!

Дмитрій. Не бойся, старикъ! Что новенькаго скажешь ты мнѣ? Ты видѣлъ, какъ умиралъ старый господинъ твой?

Иванъ. Какъ же, батюшка, видно мнѣ всѣхъ васъ придется перехоронить.

Дмитрій. Не говорилъ ли онъ на смертномъ одрѣ чего-нибудь обо мнѣ?

Иванъ. Какже, батюшка, Дмитрій Егорычъ! Онъ горько плакалъ, когда вспомнилъ объ васъ, мой батюшка, и со слезами умолялъ меня отдать вамъ вотъ эту грамотку. (*Подаетъ ему запечатанное письмо.*)

Дмитрій. Не произошло ли у васъ въ домѣ какихъ перемѣнъ послѣ его смерти?

Иванъ. Какъ только онъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ: и била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, обирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ-нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины,—да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни.

Дмитрій. Да, старикъ, подлинно, что радостныя вѣсти ты сообщилъ мнѣ. Но скажи мнѣ, каковъ былъ въ отношеніи къ вамъ тотъ, котораго я... понимаешь?

Иванъ (*въ размышленіи*). Кто жъ бы это былъ?

Дмитрій. Андрей.

Иванъ. И, батюшка, да отъ него и сыры боры загорѣлись; онъ-то первый мучитель нашъ былъ.

Дмитрій. А, такъ я безъ намѣренія сдѣлалъ доброе дѣло! Пойдемъ, прочтемъ эти строки, узнаемъ, что̀ содержится въ нихъ. (*Подходитъ къ столу.*)

Иванъ (*Увидѣвъ трупъ Софьи и всплеснувши руками*). Господи, Боже мой! Это еще что такое?.. Вы никакъ опять убили человѣка?.. Ба, да это барышня, Софья Петровна! Вся въ крови!.. Ай!... ай!.. ай...

Дмитрій. Молчи, старикъ! Развѣ ты не видишь, какъ спокойно почиваетъ она?... Не разбуди ее своимъ нелѣпымъ враньемъ, своимъ глупымъ крикомъ!

Иванъ. Ахъ, душегубъ, душегубъ! Что ты сдѣлалъ? За что

ты убилъ ее? Али она обидѣла тебя? Никто отъ нея худова слова не слыхивалъ!.. Кто-то теперь постоитъ за насъ грѣшныхъ?.. Лисафета Андревна доконаетъ насъ вдосталь!.. Охъ, согрѣшили мы предъ Господомъ Богомъ!.. (*Уходитъ.*)

Дмитрій. Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?... Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцемъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями, и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... *). Милосердый Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?... (*Обращаясь къ Софьѣ.*) Она была ихъ ангеломъ-хранителемъ! и я лишилъ ихъ послѣдней защиты, послѣдней обороны противъ тиранства. Они будутъ благословлять ея имя и проклинать мое. (*Глядитъ на нее въ размышленіи.*) О, неизъяснимая прелесть! И самая смерть не могла уничтожить тебя! Но что я медлю соединиться съ нею! Время! Она зоветъ! Она ждетъ! Но я долженъ прочесть эту бумагу: ее писала рука святаго человѣка. (*Разламываетъ печать и читаетъ вслухъ.*) „Любезный Дмитрій! На одрѣ смерти пишу къ тебѣ эти строки! При моей жизни мнѣ не удалось, прижавши тебя къ моему сердцу, назвать своимъ милымъ сыномъ. Такъ, Дмитрій, узнай тайну, долго

---

*) Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства, подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священнѣйшею обязанностію пещись о счастіи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній. Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки и между прочимъ Указъ о наказаніи купчихи Аносовой за тиранское обхожденіе съ своею дѣвкою и городничаго за допущеніе онаго, напечатанный въ 77-мъ № Московскихъ Вѣдомостей за 1830 годъ, 24 день сентября. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего Правительства, напоминающія слова нашего знаменитаго, незабвеннаго Фонъ-Визина: „Гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ Онъ, въ чемъ Его истинная слава—тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастія и выгодъ въ томъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ есть беззаконно“.

хранимую мною: я твой отецъ. Не проклинай моей памяти: я былъ молодъ, имѣлъ страсти и, подобно всѣмъ людямъ, могъ заблуждаться.....“ (*Дмитрій трепещетъ всѣмъ тѣломъ; бумага выпадаетъ изъ рукъ его; мутными глазами онъ смотритъ на окружающіе предметы.*) Вотъ истинно прекрасныя новости: сестра.... любовница.... жена... убійство.... кровосмѣшеніе!.... (*Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ и закрываетъ руками лице; входитъ Рудина.*)

Рудина. Что мнѣ говорилъ этотъ безумный старикъ? Боже мой! что я вижу? Ай, ай!.. (*На крикъ ея сбѣгается толпа слугъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ и безмолвно съ удивленіемъ смотритъ на эту картину; вдругъ вбѣгаетъ Сурскій и Томинъ*).

Сурскій. Такъ, я отгадалъ, что онъ здѣсь. (*Увидѣвъ тѣло Софьи*). Еще новое убійство и вѣрно опять его!.... Несчастный, что ты сдѣлалъ?....

Дмитрій. (*указывая на Софью*). Моя сестра!...

Сурскій. Кто? Сестра?.. Она?... твоя?...

Дмитрій. Да, моя любовница... моя жена... моя сестра родная.... Прочти эту бумагу, только не задохнись отъ смѣху. (*Сурскій поднимаетъ письмо и читаетъ про-себя*). Что, понялъ ли? Вотъ какъ играетъ безпощадная судьба слабыми смертными! Нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по дьявольски!.. Какимъ грознымъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарились глаза мои!... О, теперь лютый тигръ-отчаяніе грызи мое сердце, разрывай его на милліоны частей, покуда еще оно бьется. Эхидны совѣсти, змѣи раскаянія, высасывайте изъ жилъ моихъ соки бытія, изсушайте мозгъ въ костяхъ моихъ!.. Такъ, такъ! Хорошо!... Прекрасно!.. Мнѣ кажется, что каждый нервъ мой превратился въ змѣю лютую, что каждая капля крови моей превратилась въ ядъ пожирающій. Моя внутренность горитъ: въ ней пылаетъ цѣлый адъ! Какое превосходное состояніе! Ха, ха, ха! Воды мнѣ, воды! Дайте залить внутренній огонь!...

Сурскій. Несчастный, знаешь-ли ты, что о твоемъ побѣгѣ узнали, что тебя ищутъ и скоро найдутъ? Знаешь ли ты, сколько человѣкъ погибнутъ теперь за твой побѣгъ? Нѣсколько человѣкъ солдатъ прогонятъ сквозь строй, нѣсколько чиновниковъ лишатъ мѣстъ и чиновъ и, можетъ быть, и болѣе сдѣлаютъ.

Дмитрій. Да ты пришелъ ко мнѣ, какъ фурія, чтобы мучить меня при послѣднемъ издыханіи. (*Вынимаетъ кошелекъ съ деньгами и подаетъ его Сурскому.*) На, возьми эти деньги, облегчи ими,

сколько можно, судьбу несчастныхъ, пострадавшихъ за меня—я прошу тебя объ этомъ. Оно... это золото для меня только и можетъ быть полезно въ этомъ отношеніи....

Сурскій. Бѣдный, бѣдный! Жаль мнѣ тебя, а помочь не могу. Итакъ ты его сынъ?..

Дмитрій. Да, его сынъ — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: эта бумага писана имъ, а мнѣ очень извѣстна рука его. (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Люди, люди! Кто постигнетъ васъ? Я почиталъ этого старика за образецъ добродѣтели, думалъ, что любовь его ко мнѣ безкорыстна, а онъ... онъ потому только любилъ меня, что видѣлъ во мнѣ плодъ своей роковой любви. Старикъ, ты просишь меня, чтобы я не проклиналъ тебя. А, ты вѣрно чувствовалъ, что достоинъ этого. Такъ я проклинаю тебя, низкій сластолюбецъ! Проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ! Я убійца, я кровосмѣситель!... Я осужденъ на позорную казнь—и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ, мой отецъ! Приди сюда! Я вызываю тебя изъ твоихъ мрачныхъ убѣжищъ! Явись предо мною, тѣнь ужасная! Явись отвѣчать на мои вопросы, выслушать мои проклятія и проклясть меня; Я расторгаю узы крови, я отрекаюсь отъ тебя: я не сынъ твой болѣе! (*Обращаясь къ толпѣ*). По вашимъ блѣднымъ, удивленнымъ лицамъ я замѣчаю, что вы съ ужасомъ внимаете словамъ моимъ: вы удивляетесь, что сынъ можетъ проклинать своего роднаго отца; не удивляйтесь болѣе: она моя сестра! Но онъ не является, онъ трепещетъ смертнаго. Постой, я самъ пойду искать его.....

Входитъ Лѣсинская.

Лѣсинская. Что тутъ такое сдѣлалось? Боже мой! Онъ опять здѣсь? Кто смѣлъ впускать его? Ну, ужъ только людцы у меня..... Гдѣ Сонюшка?... Ай, ай, онъ ее убилъ!... Андрюша!.... Сонюшка!... Что теперь скажетъ князь? Господи!...

Дмитрій. Женщина! Ты пришла требовать отъ меня дѣтей своихъ—ихъ нѣтъ уже болѣе! Но не проклинай меня! Не смотри на меня страшно! Не я убійца ихъ, а твой мужъ, ихъ и вмѣстѣ мой отецъ! Понимаешь?....

Лѣсинская. Господи, за что Ты меня грѣшную такъ жестоко караешь? Или я больше всѣхъ согрѣшила передъ Тобою? Пресвятая Заступница, Матерь Божія! чѣмъ я прогнѣвала Тебя?... (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Дмитрій. А, кровопійца!... (*Обращаясь къ толпѣ.*) Посмотрите,

посмотрите! Она еще не знаетъ, чѣмъ обратила на себя эти громы, которые раздались надъ ея преступной головою смертію дѣтей... А семейства, разоренныя и ограбленныя? А несчастные старцы, протягивающіе свои дрожащія руки для испрошенія милостыни?... А дѣти, отторгнутыя отъ семействъ?... А истязанія, а мученія, а тиранства неслыханныя?... Понимаете ли теперь, чѣмъ раздражила она Правосудіе Бога?... Теперь спросите меня, чѣмъ я обратилъ на себя гоненія непримиримаго, жестокаго рока? За что я несу на себѣ эти кары, эти мученія, какихъ, можетъ быть, еще ни одинъ смертный никогда не испытывалъ? Человѣки, говорить ли вамъ объ этихъ ужасахъ? освѣтить ли глаза ваши адскимъ блескомъ роковыхъ истинъ? Поднять ли предъ вами эту мрачную завѣсу, скрывающую за собою преступленія неслыханныя, страданія, превосходящія всякое вѣроятіе?—Слушайте—и трепещите!... Эта дѣвушка есть ея дочь: мы любили другъ друга! Любовь осѣнила насъ и вовлекла въ преступленіе!—Вотъ первая ступень въ бездну погибели... Я хотѣлъ поправить это зло и рѣшился, признавшись во всемъ моему благодѣтелю, требовать руки его дочери. Онъ любилъ меня и его ко мнѣ любовь была загадкою для этой женщины, которая лежитъ предъ вами безъ чувствъ; но я растолкую ей эту загадку и она встанетъ, хотя бы была умерщвлена тысячью смертями—и вы, внимающіе мнѣ, вы содрогнетесь, по вашимъ жиламъ пробѣжитъ холодъ, волосы подымутся горою на головахъ вашихъ. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ я ожидалъ письма—и получилъ! Его писали сыновья ея, этой фуріи, а диктовалъ самъ адъ! Въ груди моей закипѣло мщеніе! Потомъ, въ этомъ домѣ, въ одинъ вечеръ, одинъ изъ сыновей ея назвалъ меня рабомъ—и упалъ къ ногамъ моимъ, окровавленный и бездыханный! Меня схватили, оковали и посадили въ тюрьму. Нынѣшній день мнѣ удалось сокрушить свои оковы и придти проститься съ нею. Въ ея объятіяхъ я забылъ все—и она предложила мнѣ умертвить ее и умереть самому въ ея объятіяхъ. Я ужаснулся и отказался. Она умоляла, заклинала, но я, я былъ твердъ; она сказала мнѣ, что ея мать хочетъ отдать ее насильно замужъ—и я,— трепещите, окружающіе меня, трепещи и ты, виновная женщина,—я вонзилъ въ ея сердце это желѣзо. Смотрите: на немъ еще и теперь дымится чистая кровь!... Потомъ входитъ сюда старый служитель, какъ бы подосланный ко мнѣ враждебною судьбою, и разсказываетъ мнѣ, какъ тиранитъ она рабовъ своихъ: отъ его простаго, безъискусственнаго разсказа у меня волосы стали горою, кровь сперва замерла въ жилахъ, а потомъ закипѣла ад-

скимъ огнемъ!... Наконецъ, этотъ старикъ подаетъ мнѣ письмо, говоритъ, что оно отъ моего благодѣтеля. Срываю печать, читаю, и что же узнаю? Трепещите, говорю я вамъ, трепещите!... Я узнаю, что онъ мой отецъ, она моя сестра!... Такъ скрытныя семейственныя преступленія ужасно наказываются! (*Лѣсинская приходитъ въ память и медленно приподнимается.*) А, эти слова пробудили тебя! Женщина, твой домъ есть домъ преступленія и проклятія! Ты сама со дня твоего рожденія была жрицею предразсудковъ и эгоизма; твоя жизнь обременена грѣхами: смой ихъ своею кровію,—вотъ кинжалъ!...

Лѣсинская. Помогите, помогите! Этотъ злодѣй, извергъ, разбойникъ и меня зарѣжетъ! (*Опять упадаетъ безъ чувствъ; одни изъ слугъ подымаютъ ее и выносятъ въ другую комнату, а другіе приближаются къ Дмитрію съ намѣреніемъ схватить его.*)

Дмитрій (*махая кинжаломъ*). Кому мила еще жизнь, тотъ не подходи ко мнѣ! (*Всѣ отступаютъ; онъ садится на стулъ.*) Что же вы всѣ молчите? Почему ничего не дѣлаете? Несите сюда гробъ! Шейте саванъ!... Зовите поповъ, пѣвчихъ! Пускай поютъ за упокой души ея! Вы сами войте, кричите, бейте въ стекла, свистите, топайте ногами! Можетъ быть, отъ этой музыки мнѣ будетъ повеселѣе....

Рудина (*упавши на колѣна возлѣ трупа Софьи*). Прости, несчастное, благородное существо! Ахъ!.. ты достойна была лучшей участи!

Дмитрій. Кто ты такая? Какое имѣешь право оплакивать ее?...

Рудина. Она была мой другъ, моя воспитанница!

Дмитрій. Такъ ты-то та, которая образовала ея ангельскую душу, возвысила, облагородила? Благодарю тебя, благородная женщина! Ахъ, для чего, украсивъ этого ангела всѣми прелестями души, ты не могла сдѣлать его счастливымъ. Смотри, какое спокойствіе начертано на лицѣ ея! Она счастлива: она не знаетъ этой роковой тайны; она не ощутила этихъ мукъ, этихъ угрызеній совѣсти, этихъ истязаній, которыми я теперь терзаюсь. И за что? Неужели я былъ орудіемъ Божіяго мщенія отцу моему? Отцу?... О, ненавистное имя! Ты, при звукѣ котораго трепещетъ отъ радости сердце каждаго человѣка,—ты заставляешь меня гнушаться собою, своимъ бытіемъ, проклинать весь міръ. А Ты, Существо Всевышнее, скажи мнѣ: насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилось ли моими кровавыми слезами?... Что дѣлаю я? Къ моимъ преступ-

леніямъ присовокупляю еще новое! Но кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А кѣмъ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку! Сурскій, подойди ко мнѣ! (*Онъ подходитъ къ нему.*) Выслушай послѣднія желанія своего умирающаго друга: это письмо и прежнее, превращенное мною въ лоскутки, положи со мною во гробъ. Я съ ними предстану предъ лицо Бога: въ нихъ написано мое опредѣленіе! Еще одна мольба—исполни ее. Я любилъ и былъ несчастливъ; ты также любилъ и также страдалъ; молю тебя: забудь прошедшее, не будь собственнымъ тираномъ. (*Беретъ за руку Рудину.*) Я знаю: это она, эта воспитательница и другъ Софьи, твоя любезная! Помирись съ нею, утѣшь меня при смерти. Покуда еще дышу я, докажи мнѣ, что счастіе можетъ существовать на землѣ.

Сурскій. Хорошо, я согласенъ. Но скажи мнѣ, что ты...

Дмитрій. Ты увидишь скоро... Мой другъ, благодарю тебя за дружбу, за пріязнь. Я ей обязанъ многими сладостными минутами въ моей жизни! (*Беретъ руку Томина и жметъ ее.*) И тебя благодарю также. Теперь прощайте, мои милые! Не проклинайте моей памяти! Я гибну, но невинный! Я не способенъ былъ дѣлать зло—и дѣлалъ его. (*Нѣсколько человѣкъ приближаются къ Софьѣ и хотятъ поднять ее, чтобы вынести въ другую комнату.*) Прочь! Еще одна минута, одна только минута—и тогда дѣлайте, что хотите: я уже буду не въ состояніи препятствовать вамъ. (*Слуги отступаютъ и смотрятъ на него съ изумленіемъ.*) Софья, твое желаніе исполнится сейчасъ! Я иду къ тебѣ. (*Вдругъ умолкаетъ и съ глубокимъ вниманіемъ смотритъ на цѣпь, висящую у него на лѣвой рукѣ.*) А, твои адскіе звуки сопровождаютъ меня и въ могилу! Символъ постыднаго рабства, прочь съ глазъ моихъ, не обременяй рукъ моихъ, не безчесть ихъ! (*Съ бѣшенствомъ срываетъ цѣпь и далеко отбрасываетъ отъ себя.*) Свободнымъ жилъ я, свободнымъ и умру!... (*Закалывается; вбѣгаетъ толпа вооруженныхъ солдатъ.*)

Конецъ.

Въ „Русской Старинѣ" 1876 года (январь, стр. 65—78) напечатано было около десяти явленій изъ „трагедіи" В. Г. Бѣлинскаго: „Дмитрій Калининъ". Печатаемъ вполнѣ это произведеніе, какъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи развитія Бѣлинскаго, по рукописи, списанной не совсѣмъ исправными писцами, для представленія въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Н. Тихонравовъ.

Письма А. С. Грибоѣдова
къ
Н. А. Каховскому.

Предлагаемыя ниже четыре письма А. С. Грибоѣдова къ товарищу-сослуживцу Н. А. Каховскому, печатаются здѣсь въ первый разъ, съ подлинниковъ, принадлежащихъ Императорскому Россійскому Историческому Музею. Письма эти составляютъ часть коллекціи бумагъ, пожертвованной помянутому учрежденію въ 1886 г. сенаторомъ Н. Н. Селифонтовымъ и содержащей, кромѣ писемъ Грибоѣдова, еще письма А. П. Ермолова и М. М. Сперанскаго. Всѣ эти документы были найдены въ семейномъ архивѣ помѣщика Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда, г. Н. И. Л—ва, но какимъ образомъ эти бумаги попали въ архивъ, состоящій по преимуществу изъ актовъ помѣстнаго, вотчиннаго, межеваго и хозяйственнаго характера—остается неизвѣстнымъ *).

Письма Грибоѣдова писаны на тонкой почтовой бумагѣ, безъ помарокъ и сохранились вполнѣ. Впослѣдствіи они были склеены въ одну тетрадку, листки ихъ перенумерованы, а на первой страницѣ, на верху, сдѣлана надпись: „Письма Грибоѣдова къ Николаю Александровичу Каховскому“. Чьей рукой сдѣлана эта помѣта и въ какое время—также неизвѣстно.

Что касается пояснительныхъ примѣчаній, то я ограничился лишь самымъ необходимымъ, и не счелъ нужнымъ объяснять, что такое „нукеръ“, или „фарашъ“ и т. п., такъ какъ объ этомъ можно найти свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, спеціально посвященныхъ описанію быта кавказскихъ горцевъ и Персіи.

Алексѣй Станкевичъ.

---

*) По письменному сообщенію г. Селифонтова.

I.

Тавризъ, 3-го маія 1820.

Любезный Николай Александровичъ! [1]) Благодарю за письмо съ границы. Вы хорошо начали, дай вамъ Богъ стойкость въ воспоминаніи о пріятеляхъ покинутыхъ. Это будетъ необычайно. Между тѣмъ отъ души радуюсь, что вы сохранны переступили за межу восточныхъ абдеритовъ. Персіяне пугали васъ вооруженіемъ,—все не такъ страшно, какъ моя судьба жить съ ними и, можетъ статься, многіе дни! Какъ же васъ взносили на неприступный status quo ad praesentem и какъ

Полкомъ окружали
Военныхъ тѣней?
Въ присошкахъ пищали
Курки безъ кремней?
Какъ ханы и беки
Пролили вамъ рѣки
Хвалы круговой?
Съ преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы ихъ,
При шапкахъ большихъ,
Подъ шапками пусты.

Этой порубежной фарсы недоставало, чтобъ въ мысляхъ вашихъ утвердить безъ того уже выгодное мнѣніе, которое вы пріобрѣли объ ихъ Иранѣ. Богъ съ вами однако; вы теперь дома, или почти дома, съ достойнымъ Романомъ Ивановичемъ [2]) и съ другими людьми, вамъ пріятными. А мы! я!—Со всѣмъ тѣмъ не воображайте меня зарытымъ въ книгахъ; это остается до будущаго времяни. Съ вашего отъѣзда я домъ мой вверхъ дномъ поставилъ, расширилъ, надстроилъ, пристроилъ, и если бы вамъ воротиться, никакъ бы не узнали комнатъ, гдѣ такъ усердно упражнялись въ бостонъ и асонассъ. И даже игрѣ смѣна. Теперь въ модѣ vingt-un съ Алларомъ и Джибелли. Я выигрываю: Мазаровичъ [3]) ругаетъ, и еще больше, когда слышитъ, что маленькую de la Fosse я непремѣнно къ себѣ беру.

---

[1]) Н. А. Каховскій, сынъ А. М. Каховскаго старшаго, сводного брата А. П. Ермолова, служившій въ военной службѣ на Кавказѣ.

[2]) Р. И. фонъ-деръ Ховенъ, исправлявшій должность гражданскаго губернатора Грузіи съ 1818 по 1829 гг.

[3]) Повѣренный Россіи при персидскомъ дворѣ.

Рѣзвая, милая! Воля Симона, [4]) добрѣйшаго человѣка, но виноватъ ли я, что онъ ударился въ набожность и мораль глубокую! Скука чего ни творитъ? а я еще не поврежденъ въ моемъ разсудкѣ. Хочу веселости. Онъ мнѣ промежъ нравоучительныхъ разговоровъ объясняетъ, что домъ свой запретъ, естли я въ новосельи сдружусь съ любовью. Шутитъ! можетъ, и дѣло говоритъ, но я вѣрно знаю, что естли только залучу къ себѣ мою радость, самъ во дворъ къ себѣ никого не пущу, и что вы думаете? На двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, запрусь... Въ ту самую пору, какъ къ вамъ мое письмо дойдетъ, это можетъ такъ и сбудется.

У Мазаровича завелся попъ, капланъ, колдунъ домашній, Римскій Епископъ, халдей, потомокъ Балтазара. Гдѣ эдакого Миссіонера отрыли? Шахзади [5]) подарилъ его Повѣренному и братья Коэѳоры причащаются. На дняхъ мы хоронили Кастальди, отъ котораго Mme Lallarinière овдовѣла. Вотъ вамъ чинъ погребенія: покойникъ былъ Неаполитанецъ, католикъ. Отпѣвали его на Халдейскомъ языкѣ. Духовный клиръ: Несторіяне, Аріяне, Макаріяне, Махинейцы, Преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полу-равнодушные, полу-растроганные, мы были и наши товарищи Европейцы—Французы, Англичане, Итальянцы, и какое же разнообразіе вѣръ и безвѣрія! Православные, Греки, Реформаты, Пресбитеріяне, Сунни и Шіа! а всего на всего лицъ съ двадцать! всякаго звѣря два, два. Очень пестро, а право не лгу. М*** [6]) сочинилъ эпитафію по Латынѣ, я—Русскую:

> Изъ странъ Италіи—отчизны
> Рокъ недовѣдомый сюда его привелъ.
> Скиталецъ, здѣсь искалъ онъ лучшей жизни...
> Далеко отъ своихъ смерть близкую обрелъ!

Длинно и дурно, но чтобъ не вычеркивать, замѣню ее другою, въ ней же заключается историческая истина:

> Брыкнула лошадь вдругъ, скользнула и упала,—
> И доктора Кастальдія не стало!

Желаете ли государственныхъ вѣстей? Абасъ Мирза [7]) халатъ отъ отца получилъ; мы не ѣздили глазѣть на эту помпу. Третьяго

---

[4]) Мазаровича, Семена Ивановича.

[5]) Аббасъ-Мирза, любимый сынъ Фетх-али-шаха и наслѣдникъ престола. Шахзаде по персидски значитъ: „царевичъ, принцъ крови.

[6]) Фамилія не выписана вполнѣ и въ подлинникѣ.

[7]) См. примѣчаніе 5.

дня на Фет-Али-хана [8]) петлю накинули, и уже фараши готовились затянуть, но пророчествующій въ Магометѣ Пиш-Намазъ спасъ будущаго удавленника и укротилъ гнѣвъ Шахзади, который за то взбѣсился, что хлѣбъ дорогъ. Скупщики всякаго жита каймакамъ и визирь, а Фет-али-хана давятъ. Фет-али-ханъ въ свою очередь, чтобъ дешевле продавалась насущная пища, пошелъ всѣхъ бить на базарѣ, и имянно тѣхъ, у которыхъ ни ломтя нѣтъ хлѣба. При такихъ обширныхъ и мудрыхъ мѣрахъ Государственнаго хозяйства отдыхаетъ наблюдатель, которому тошнитъ отъ ихъ дѣлъ съ нами, отъ нашихъ съ ними..... рѣзьба изъ вишневой косточки.

Разнесся слухъ о прибытіи въ Тифлисъ Главнокомандующаго [9]). Шахзаде намъ объявилъ, и естли не бредитъ, думалъ я, такъ это новое доказательство, что онъ объ Тифлисѣ больше насъ знаетъ, правда и мы лучше его смыслимъ о томъ, что въ его собственномъ городѣ происходитъ, но утѣшенье ли? особенно для людей, которые различны языкомъ, нравами, и физикою и моралью. Всѣ однако согласно уважаютъ Алексѣя Петровича [10]), а отъ него награда—пренебреженіе! Слухъ подтвердился, и вы, умолча обо всемъ прочемъ, засвидѣтельствуйте мою преданность ео, qui caucasei fastigia montis sua sub juga mittet, Роману Ивановичу [11]), Алексѣю Александровичу, Ивану Александровичу [12]) искреннее почтеніе, прочимъ по порядку то-же. Да вообще Кабардашкѣ и другимъ придворнымъ Генерала низкій поклонъ.

Прощайте, мой любезный Николай Александровичъ, удоволилъ я ваше терпѣніе, жду 2-го номера отъ васъ, а отъ меня еще то-ли будетъ. Не извиняюсь, но гдѣ же позволено предаваться шутливости, коли не въ томъ краю, гдѣ ея порывы такъ рѣдки. Мои сотруженики обнимаютъ васъ пріятельски.

Покорнѣйшій

А. Грибоѣдовъ.

Фортопьянъ еще нѣтъ. Катоптрикъ Леташинскій постоянно мѣшкаетъ.

---

8) Фет-али-ханъ былъ беглербегомъ (губернаторомъ) Тавриза.

9 и 10) Ермолова.

11) Т.-е. „покорителю горныхъ хребтовъ Кавказа“.

12) Вельяминовымъ.—И. А. Вельяминовъ былъ начальникомъ дивизіи въ Грузіи и на немъ лежали всѣ заботы по внутренней администраціи края за частыми отлучками А. П. Ермолова по военнымъ дѣламъ. Братъ его А. Александровичъ былъ начальникомъ штаба кавказской арміи.

II.

Табризъ 25-го iюня 1820

Жду, не дождусь письма отъ васъ. Что вы мнѣ такое намекнули объ отъѣздѣ въ Петербургъ? Какъ это? Когда? Оффицiально? Или по догадкѣ вашей? Выведите изъ сомнѣнiя, любезный Николай Александровичъ. Либо воскресите, либо добейте умирающаго. Еще слушайте кое-что: было время, обольстилъ меня добрѣйшiй Романъ Ивановичъ [13]) и я въ Андреевской [14]) просилъ у Главнокомандующаго [15]) быть переведеннымъ въ Тифлисъ судьею, или учителемъ. Коли вздумаютъ опечалить меня исполненiемъ этой отчаянной просьбы, и зайдетъ рѣчь объ этомъ, вы ужъ какъ-нибудь отвратите отъ меня грозу: потому что я ни за сокровища Орангъ-Зеба нигдѣ и никогда, ввѣкъ не жилецъ болѣе по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosch [16]) сперва много писали добраго о Грузiи, потомъ жаловались на Полицейскiй присмотръ за ними. Мнѣ непонятно, либо это собственное ихъ неосновательное замѣчанiе, либо въ самомъ дѣлѣ неловкая шутка полицеймейстера. Кому два Англичанина опасны? Они же разобиженные разстались съ Персiей. Что касается до Политическихъ развѣдокъ, такъ для этого нѣтъ нужды Аббасу [17]) отряжать Европейцевъ: по большей части Тифлисцы сами продали свои души Персiянамъ. Кажется, намъ должны быть выгодны посѣщенiя людей денежныхъ, и честь дѣлаетъ нынѣшнему управленiю такой землею, которая оглашена была непроходимою отъ Лезгинскихъ ножей, а нынѣ Монтисъ [18]) говоритъ, что его соотечественники безъ числа покушаются туда путешествовать.

Какъ жаль однако, что васъ теперь нѣтъ здѣсь. Мазаровичъ [19]) отстроилъ Palais de Russie великолѣпнѣйшiй. Мой домикъ, кабы не колебался такъ часто отъ землетрясенiй, загляденье на Востокѣ. И какихъ бы вы женщинъ у меня нашли! Именно—не одну,

---

[13]) См. примѣчанiе 2.

[14]) Крѣпость въ Терской области, нынѣ уже не существующая.

[15]) А. П. Ермолова.

[16]) Англiйскiе офицеры, состоявшiе на персидской службѣ, для обученiя персидскихъ иррегулярныхъ войскъ.

[17]) См. примѣчанiе 5.

[18]) Англiйскiй инженеръ, состоявшiй при назначенномъ въ Персiю англiйскомъ министрѣ Макдональдѣ.

[19]) См. примѣчанiе 3.

а многихъ, и одна прелестнѣе другой. Кто бы это предвидѣлъ мѣсяца два тому назадъ! Пути любви неисповѣдимы.

Прощайте, любезный мой; не взыщите на скоропись и недостатокъ склада. Боленъ я жестоко и пишу съ удивительнымъ напряженіемъ тѣла и души.

Алексѣю Александровичу [20]) мое почтеніе скажите.

Вамъ преданный и покорнѣйшій

А. Грибоѣдовъ.

(Адресъ) Его высокоблагородію М. Г. Николаю Александровичу Каховскому.

III.

Табризъ 19 октября 1820.

Поздравляю васъ съ наступающимъ октябремъ, любезнѣйшій Николай Александровичъ, съ тѣмъ самымъ октябремъ, который, по вашимъ словамъ, долженъ свести насъ въ Тифлисѣ. Слѣдовательно—для меня праздникъ. Не суетно-ли ваше предсказаніе? Хоть неправда, да отрада. Валетъ [21]) мой скажетъ вамъ, какъ я живу безъ Мазаровича: денегъ нѣтъ, ума нѣтъ.

Много благодарю васъ за ваше письмо. Его привезъ мнѣ Политическаго свойства армянинъ, Казаръ, глупѣйшее созданье, какое только есть въ двухъ союзныхъ Государствахъ. Пишите мнѣ о Мирзѣ-Массудѣ [22]), какъ его Главнокомандующій принялъ. Если велитъ его побить, такъ это много наши дѣла въ Персіи поправитъ.

Въ вашихъ вѣстяхъ упоминается о будущей свадьбѣ. Поздравляю Коцебу [23]), а не Елену Романовну [24]). Стало быть покойникъ Августъ фонъ Коцебу породнится съ Романомъ Ивановичемъ и съ Алексѣемъ Петровичемъ. Слѣдовательно, въ Тифлисѣ нельзя будетъ откровенно говорить объ его литературномъ пачканьи? Нѣтъ нигдѣ уже въ Русскомъ царствѣ свободы мнѣній! Прощайте. Завтра, чѣмъ свѣтъ, Амлихъ [25]) мой окажетъ свою курьерскую борзость. Ложусь спать.

Вѣрный вамъ

Грибоѣдовъ.

---

[20]) Вельяминову. См. примѣчаніе 12.

[21]) Т. е. слуга (valet).

[22]) Статсъ-секретарь и главный переводчикъ Аббаса-Мирзы.

[23]) М. А. Коцебу, сынъ извѣстнаго драматическаго писателя А. фонъ-Коцебу, убитаго въ 1819 году студентомъ Зандомъ.

[24]) Дочь Р. И. фонъ-деръ Ховенъ.

[25]) Слуга Грибоѣдова, дѣлавшій съ бариномъ, что хотѣлъ. По словамъ М.

(Приписка сбоку). Алексѣю Александровичу засвидѣтельствуйте чувство глубочайшаго... [26]).

(Вторая приписка сбоку, противъ послѣдняго абзаца). Секретно отъ Романа Ивановича, которому скажите мое искреннее почтеніе.

(Адресъ.) Его Высокоблагородію М. Государю Николаю Александровичу Каховскому, въ Тифлисъ. Ордена Св. Равноапостольной княжны и преблаговѣрной мученицы Анны 3-й степени Кавалеру.

IV.

Табризъ, 27 декабря.

И такъ, вы въ негодованіи на меня, любезный Николай Александровичъ, за упрямство, съ которымъ я какъ будто присягнулъ не писать вамъ, такъ мнѣ Шамиръ говоритъ. Непонятный человѣкъ, я бы на вашемъ мѣстѣ радовался, что унялись скучать вамъ своею скукою: потому что во всѣхъ моихъ письмахъ одно и тоже, какъ вчера, такъ и нынче. Процвѣтаемъ въ пустынѣ, оброшенные людьми и Богомъ отверженные. Пришлите къ намъ Шамира скорѣе; авось оживитъ насъ нѣсколько, или—нѣтъ, пусть его веселится, женится, пѣсни поетъ: однимъ счастливцемъ больше на свѣтѣ.

Продолженіе впредь съ Канумомъ, который чрезъ три дня отправляется [27]).

Вложенный здѣсь конвертъ возьмите на себя трудъ передать Роману Ивановичу; челомъ бью о пересылкѣ по адресу.

Sérieusement, il y a quelque chose qui m'empêche de Vous continuer ma présente, mais Vous serez pleinement recompensé par l'ennui que je m'apprête à Vous causer avec une epître longue de dix aunes *).

(Приписка сбоку). Попросите Романа Ивановича въ скоромъ времени переслать конвертъ . . . . [28]) потому что мнѣ оно очень важно. Дружески васъ обнимаю и прошу не сердиться.

Н. Лонгинова, Амлихъ былъ стихотворецъ и резонеръ. Разсужденія его были въ родѣ слѣдующихъ: „Какъ богатъ русскій языкъ! Ну, на какомъ языкѣ можно выразить слово: меланхолія?“—Или: „къ чему вводить иностранныя слова, на примѣръ, бульваръ, когда можно сказать по-русски: аллея?“

[26]) Окончаніе фразы заклеено.

*) (*Переводъ*). Кромѣ шутокъ: мнѣ нѣчто препятствуетъ продолжать настоящее письмо, но вы будете вполнѣ вознаграждены тою скукою, которую я собираюсь вамъ причинить посланіемъ въ десять аршинъ.

[27]) Въ подлинникѣ, въ этомъ мѣстѣ, приписано по-персидски: „сепартъ-башидъ“, что по-русски можно перевести: „будьте поручены“. Кажется, что Грибоѣдовъ не дописалъ до конца своей фразы.

[28]) Одно слово, или нѣсколько, заклеено.

Дополненія

къ

Библіографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ „Библіографическій списокъ“ вышелъ въ свѣтъ въ отдѣльныхъ оттискахъ (августъ 1888 года), у меня собралось значительное число дополнительныхъ данныхъ: мнѣ доставлены и указаны были или новые списки уже отмѣченныхъ повѣстей, или новыя повѣсти, раньше неизвѣстныя. А именно болѣе или менѣе любопытныя рукописи были мнѣ сообщены гг. М. С. Сперанскимъ, П. Н. Тихановымъ, Н. С. Тихонравовымъ; нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены М. И. Соколовымъ, А. А. Титовымъ; Л. Н. Майковъ передалъ мнѣ библіографическія замѣтки о подлинникахъ нѣкоторыхъ повѣстей, а также объ отношеніяхъ рукописныхъ повѣстей къ печатнымъ ихъ изданіямъ. Весь этотъ матеріалъ мы расположили въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, какой принятъ въ „Библіографическомъ спискѣ“. Какъ увидитъ читатель, прежній списокъ значительно размножился новыми списками и новыми названіями. Полагаемъ, что дальнѣйшіе поиски, своего рода литературныя раскопки, принесутъ еще новыя дополненія къ нашему списку. Въ концѣ мы помѣстили отдѣльно еще новую открывшуюся попытку русской повѣсти, составленной вѣроятно по иноземному образцу, отъ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка.

Отмѣтимъ еще неточности, вкравшіяся въ „Библіографическій списокъ“, а именно: при нѣкоторой разницѣ заглавій списки одной и той же повѣсти, найденные мною въ разное время, поставлены врозь: „Великодушный Индіанецъ“, стр. 11 и 28; „Любимъ, принцъ“ стр. 37 и 71.

А. Пыпинъ.

Ноябрь 1889.

Аделеида Африканская.

По сообщенію Л. Н. Майкова, въ печатномъ изданіи тотъ же переводъ, что въ рукописи.

Адельсонъ и Сальвини.

Въ печатномъ изданіи 1779 г. тотъ же переводъ, что въ рукописи. Повѣсть эта помѣщена также въ журналѣ „Городская и деревенская библіотека", М. 1782, ч. III, стр. 1—80 (сообщ. Л. Н. Майк.).

Алкеменесъ.

— „Гисторія о скиѳскомъ королѣ Алкаменесѣ и королевѣ Меналиппѣ",—въ рукописи собранія г. Шляпкина, XVIII вѣка, № 53.

Начало: „Государьство скиѳское есть, какъ вамъ, предрагія принцессы, самимъ извѣстно, не токмо наидревнѣйшее"...

Конецъ: „конецъ *осмой* части о Клеопатрѣ. Клеопатры девятая часть первая книга".

Аристоной.

— Рукопись XVIII-го вѣка, собранія г. Тихонравова, № 325, на 52 листахъ 4°.

На 1-мъ листѣ, новымъ почеркомъ: „Авантуры Аристоносовы (sic). Писаны рукою Александра Даниловича Янькова"; на оборотѣ: „A. de Yancoff, можетъ быть, тою же рукой и чернилами, какъ самая рукопись.

Л. 2-й: „Предисловие к читателю".—„Любезны читателю. Случилось мнѣ читать книги некоторыя и разные матеріі на ѳранцускомъ языке; между которыми нашелъ авантуры Аристоноюсовы и которая мне велми полюбилась и не могъ себя удержать, чтобъ ея не переложить на руской языкъ какъ ради забавы своей, такъ общей ради ползы; любезный читателю оная авантура Аристоноюсова много доброго нравоучения в себе содержитъ" и пр. Указавши, какъ авантура ведетъ къ познанію добродѣтели, предисловіе продолжаетъ:... „Токмо прошу покорнѣйше дабы отпустить мне, ежели явится какое погрешение в штиле, а ежели же кому угодно будетъ критиковать которое безсумнения можетъ статся и то меня не удивляетъ ни страшитъ понеже труды людей наипремудрѣйшихъ в свете и техъ не пощадили критиковали или пересмехали" и пр.

4-й листъ пустой. На 5-мъ заглавіе: „Авантуры Аристоноюсовы"; нач.:

„Соѳронимъ собранныя богатства предками своими потерявъ ихъ нещастиемъ на море, идеже разбило карабли его, и другими многими напастми, случившимися ему, утешалъ себя целомудриемъ своимъ, во острове Деллосъ, на которой брошенъ былъ бурѣю морскою, тамо поюще ему (согласуяся со гласомъ лиры златой) чюдеса боговъ, потомъ рабо-

тая с музами, ими же весма любимъ бе: любопытно же изискивая всѣ секреты натуралныя“ и пр.

Конецъ:... „Тогда парка держащая в рукахъ своихъ нитку жизни нашей и ножницы всегда готовы пресече жизнь Евхарисы; Соѳронимъ погребе тѣло матери своеи с великою честию и не возможе долго пребыти тамо продавъ все имѣние отпусти богатство свое в Лицию с вѣрнымъ отъ рабовъ своихъ, и учини волныхъ всехъ неволниковъ своихъ дабы болше умилостивить боговъ самъ же отиде с Нарбаломъ в Преницию, и тамо взя в жену себе любезнейшую свою Антионну и возвратился с нею в Лицию.—Конецъ“.

(Внизу новѣйшимъ почеркомъ: „50 листовъ“,—т. е. не считая двухъ неписанныхъ.)

Бертольдъ.

Первое печатное изданіе „Итальянскаго Езопа“, Спб. 1778. (Сообщ. Л. Н. Майкова).

Брунцвикъ.

„Повѣсть о нѣкоемъ кралѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и о храбрости его како онъ ходилъ в морскихъ отокахъ съ великимъ звѣремъ лвомъ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4⁰, л. 243—275.

Нач. „В лѣто шесть тысячь осмь сотъ четыредесятъ пятое, бысть въ ческой земли кралевичь именемъ Брунцвикъ сынъ славнаго короля Штылфрида и остася послѣ смерти отца своего в ческой земли на кралевствѣ тринадцати лѣтъ и нача кралевство держати“ и пр.

Конецъ:... „и славу імѣлъ и не токмо во своей земли но и во инъныхъ незнаемыхъ славенъ былъ. Такому убо витязю и смерти не чаяти, егда же пріиде конецъ житія его и смерти часъ приспѣ его яко единаго от простыхъ и ничтоже отъ сихъ взялъ и мало ползуетъ развѣ токмо добрыя дѣла яже къ Богу, слава же наша ни во что суетная и нѣсть ползы в ней во ономъ вѣцѣ а яже угодна Богу сотворихомъ то убо ждемъ воздаянія, къ нему же сицѣ рцемъ: избави насъ Господи по милости своей страшныхъ и нестерпимыхъ мученій ащебо и зѣло согрѣшихомъ но тебѣ истиннаго творца не отступихомъ тебе Господи нашъ во вѣки вѣковъ аминь. Конецъ сей гисторіи“.

Василій Златовласый.

— „Гисторія о Василіи королевичѣ Златовласомъ земли Цесарской и о Полиместрѣ королевнѣ француской“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4⁰; гисторія л. 176—194.

Начало: „Бысть в древнія лѣта в немецкихъ режахъ в цесарской земли во градѣ Прагѣ король іменемъ Апанимдовъ зѣло благонравенъ богатъ и славенъ і всякія добродѣтели исполненъ імѣя у себя единаго сына іменемъ Валамемъ еже есть Василій зѣло добролична и добрословна и премудра. И таковыя ради красоты его прозва Златовласымъ"...

Конецъ:... „и раздѣли имъ королевства свои, Карлусу даде Францыю, Александру свою Ческую землю и потомъ скончася с королевною своею Полиместрою, дѣти же ихъ по смерти родителей и сродства своего добрѣ управляли и подданнымъ своимъ великую честь творили, якоже и отецъ ихъ творилъ король Василій Златовласый.—Конецъ сей гисторіи".

Изслѣдованіе объ этой повѣсти А. Н. Веселовскаго (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, въ приложеніи къ Запискамъ Акад. Н., т. XLV, стр. 62—80): авторъ объясняетъ отношеніе повѣсти къ народнымъ сказкамъ, но прямаго источника ея не указываетъ. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Виргилій, бразильскій рыцарь.

— „Гисторія о преславномъ нѣкоемъ рыцарѣ именемъ Виргиліусѣ Бразильскомъ и о сынѣ его прекрасномъ королевичѣ Димитріи".

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII вѣка, 4°; гисторія л. 150—175.

Нач.: „Былъ нѣкто бразильскій рыцарь именемъ Виргиліусъ красенъ бѣ зѣло и хитръ велми, которого красоты мѣры положить неможно, а о школныхъ его понятныхъ наукахъ и во многихъ странахъ было изображено ясно гдѣ и самъ пребывалъ красно кредитство и бесѣдъ со многими учительми імѣлъ желая видѣть свѣтъ и возобновленіе своего отечества"...

Конецъ: „.....И потомъ по воли всемогущаго Бога какъ бразильскій королевичь Димитрій такъ и француская Репутация умре, а послѣ своей смерти оставили дѣтей своихъ о которыхъ значитъ выше оного и тако сия гистория кончалась, а погребены оные бразилскій королевичь и королевна француская обще съ мужемъ своимъ честно въ мечети (sic) Петра и Павла, а въ ту мечеть дано денегъ для украшения сто тысячь рублевъ и изъ сосудовъ нѣкіихъ доволно".

Въ текстѣ между прочимъ: „кнехтъ, а по россійски холопъ".

Дервишъ мухаметанскій.

— „Повѣсть персицкая о нѣкоторомъ дервишѣ, монахѣ мухаметанскомъ",—въ сборникѣ собранія А. А. Титова, разныхъ почерковъ, полууст. и скороп. XVIII вѣка, № 3150, 4°, л. 84—114.

Начало: „Нѣкоторый дервишъ *), живущій въ пустыни близъ Астрахани **), возвращаясь однимъ вечеромъ съ рыбной ловли по берегу рѣки Волги и вошедъ въ сдѣланную для себя землянку, весьма удивился, увидя въ оной младенца совсѣмъ нагого, котораго взявъ онъ къ себѣ на руки, тотъ часъ побѣжалъ сказать о семъ приключеніи астраханскому портному, именемъ Урбану, отъ котораго онъ часто милостыню получалъ“ и пр.

л. 99 об. „Продолженіе повѣсти Шемъ Эдиновой“ (это, кажется, найденный младенецъ). Нач.: „Астраханскій царь, слыша сіе, несказанно изумился, хотя тогдашнее его состояніе долженствовало единственно его побуждать къ отмщенію“...

Конецъ (л. 114 обор.): „Сія рѣчь дошла до Абубекера, которой (—му?) весьма то досадно было. Сносно ли это, говорилъ онъ женѣ своей и сыну, чтобъ усердіе, которое имѣлъ я о ханскомъ здоровьѣ, превращать въ шутку; какъ я самъ поѣду въ Серендибъ и посмотрю, справедливо ли о томъ писано, есть ли намѣреніе мое по желанію моему“.... (Сообщ. А. А. Титовымъ).

Ср. далѣе „Тысячу и одну четверть часа“.

Долторнъ.

— „Гистория о гишпанскомъ знатнаго рода дворянине служившемъ при королевскомъ дворе имянуемомъ Долторне и о прекрасной королевне Елеоноре гишпанской и о многобедъственныхъ ихъ случаяхъ“,—въ рукописи П. Н. Тиханова, 1748 г. (см. „Ефродитъ и Максіонъ“), 4°, л. 34—65.

Начало: „В древние времена в Гишпани былъ король Асиноберхъ, которой силою и храбростью такожъ и разумомъ европейскихъ самовладелцовъ превосходилъ отчего Гишпания обогатилась и очунь прославилась“ и проч.

Донъ Рамиръ Деразасъ и донна Леонора Демендосъ.

Подлинникъ: Avantures de don Ramire de Roxas et de dona Leonora de Mendoce, tirées de l'espagnol. Par m-me L. G. D. R. Paris. MDCCXXXVII. Соч. г-жи le Givre de Richebourg. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Едуардъ и Клеомелія.

Подлинникъ: Histoire de Cléomelie. Nouvelle traduite de l'anglais, de m-lle Elise Haywood въ Bibliothèque universelle des romans, 1777, avril.

---

*) „Дервиши называются магометанскіе монахи, они притворяютъ себя тихими, смиренными, терпеливыми и человѣколюбивыми, ходятъ босикомъ и открывши грудь“, и т. д.

**) „Астрахань есть столица Астраханской провинціи, на границѣ пустой титиріи (Татаріи), около устья рѣки Волги, на Каспійскомъ морѣ, по своему положенію, которое смѣжно съ Азіей и Европой, имѣетъ въ себѣ великій торгъ“.

Ефродитъ и Максіонъ.

Въ рукописи П. Н. Тиханова, гдѣ помѣщена также гисторія о Долторнѣ, 4°. „Ефродитъ“ занимаетъ л. 1—33, но перваго листа недостаетъ. Писано плохимъ почеркомъ; рукопись зачитанная, а также источенная червями. На послѣднемъ листѣ запись: „Сия гистория лейбгварди семеновъскаго полку 9 роты салдата Алексея Трубицына писана марта 23 дня 1748 году“; затѣмъ другою рукою: „Сия історня лейбгварди Семеновскаго полъку 6 роты салдата Алексея Григоръева сына Берескина (или Берестина), а подписалъ я Берескинъ своею рукою“.

Задигъ.

„Задигъ или сутба, повѣсть восточная“. Въ той же рукописи, собранія П. Н. Тиханова, гдѣ находится еще „Францель“, л. 64—110. Въ концѣ недостаетъ одного листка съ послѣдними строками повѣсти.

л. 64. „Предуведомление“.

„Славнаго Волтера сочинения для превосходнаго во оныхъ разума, хорошего слога и нравоучения съ похвалою от всехъ приемлются, охотно читаются и на иностранныя языки переводятся. Между оными повести его темъ приятнее, что имея впротчемъ сходство со обыкновенными любовными скасками заключаютъ в себе несравненно болше острыхъ мыслей тонкой критики и разумныхъ наставленій. Задигова восточная повесть и видение Бабука суть изъ числа техъ первая переведена уже одиножды на росискій языкъ и напечатана в сочиненияхъ 1759 году но понеже оная печатана по частямъ в разныхъ местахъ а сверхъ того много в неи пропущено что можетъ веселить и наставлять читателя, то въздумалось некоторому охотнику перевесть оную вновь и издать особливою книжкою придав к ней видение Бабука, которою отъ г. Волтера къ повести Задига также присовокуплено и к нимъ прибавить елегию Г. Душа которая будучи изъ лутчихъ и новыхъ въ семъ роде сочиненіи упователно читателямъ ненеприятна будетъ“.

„Приношение султана Шераа отъ Сади. 18 числа месеца шевала Гегиры 834 года. Прелесть очесъ, мучение сердецъ, светъ разума. Я не целую праха ногъ твоихъ, для того что ты никогда не ходишъ, или что ходишъ по коврамъ иранскимъ, или по разамъ (т. е. розамъ) подношу тебе переводъ книги некотораго древняго мудреца, которы имея щастие быть без дела, былъ щастливъ писать для забавы Задигову историю; книгу изъявляющую болше нежели оная изъявлять кажется“ и проч.

Конецъ, на л. 110 обор.: „....Сетокъ призванъ изъ Аравіі с прекрасною Алмоною и поставленъ начальникомъ над вавилонскими доргами, Кадоръ былъ награжденъ и любимъ по мере своихъ заслугъ онъ зделался царевымъ другомъ“....

Нѣсколькихъ листковъ въ срединѣ недостаетъ.

Зекзекбекъ Индостанецъ.

Подлинникъ: Zeczeczeb, anecdotes indostanes. La Haye. 1751. 2 vol. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Зеленая птица.

Подлинникъ: L'oiseau bleu, въ Contes des fées, par m-me d'Aulnoy (много изданій); перепечатано въ Bibliothèque universelle des romans, 1776, juin.

Зелимъ и Дамазина.

Въ изданіи Спб. 1761 не тотъ переводъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Изабелла Мендоза.

Подлинникъ: Histoire de la comtesse de Savoye, s. l. 1726. Сочиненіе г-жи L. de Givry comtesse de Fontaines, къ которой Вольтеръ написалъ хвалебное посланіе, напечатанное въ началѣ этой повѣсти. Вторую половину этой небольшой книжки составляетъ „Histoire du comte d'Eu", разсказанная самимъ графомъ д'Э, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ первой повѣсти. Въ русскомъ переводѣ находятся обѣ повѣсти, какъ видно изъ сличенія приведенныхъ выше послѣднихъ строкъ рукописи съ французскимъ оригиналомъ.

Совершенно непонятно, почему авторомъ Приключеній графини Савойской какъ въ рукописи, такъ и въ печатномъ изданіи русскаго перевода названа г-жа Кошуа: такой писательницы неизвѣстно во французской литературѣ XVIII вѣка.

Печатный переводъ не тотъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Ипполитъ, англійскій кавалеръ.

Романъ объ Ипполитѣ и Жуліи, по указанію г. Шляпкина, находится также въ рукописи Тверскаго Музея, № 39.

Ицакъ, баронъ.

Подлинникъ французскій, предшествовавшій указанному выше нѣмецкому переводу: „L'heureux imposteur ou aventures du Baron de Janzac. Par de Mirone. Utrecht. 1740. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Кандидъ (съ печатнаго).

„Кандидъ или оптимисмъ, то есть, наилучшій свѣтъ. Переведенъ съ французскаго. Цѣна 60 копѣекъ. Въ Санктпетербургѣ 1769-го года. Съ печатнаго списанъ Дм. Сом. въ сельцѣ Горкахъ. Начатъ списывать 1801-го года февраля 23-го дня; а кончанъ марта 20-го того жъ году".

Рукопись 4°, на 91 стр., прекраснаго четкаго письма, изъ собранія П. Н. Тиханова.

Карлъ Орлеанскій и Анибелла.

Первое изданіе русскаго перевода вышло въ свѣтъ не въ 1763, какъ показано у Сопикова, а въ 1765 г. Печатный переводъ отличенъ отъ рукописи.

Подлинникъ: Leben Charl von Orleans und Anibelle. Dresden und Leipzig. 1749. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Коронатъ.

Огромная рукопись, сообщенная мнѣ М. Н. Сперанскимъ, писанная убористымъ полууставомъ средины прошлаго вѣка, 4°, на 340 листахъ по старой помѣтѣ; въ старомъ холщевомъ переплетѣ. Верхняя часть книги, до половины ея, обгрызена мышами, такъ что почти во всей первой половинѣ рукописи на страницахъ недостаетъ строкъ шесть; къ срединѣ обгрызено меньше.

На 1-мъ листѣ заглавіе: „История или"... Остальное заклеено. На оборотѣ: „О Коронате: томъ вторый, и о его чюдныхъ хожденіяхъ, о предивныхъ сказанныхъ ему отъ 7 человѣкъ историй".

Начало (послѣ обгрызеннаго):... „во волнахъ морскихъ и носить на брегъ моря; морская мгла къ высотѣ небесной предъ взяся; высокопарныя птицы морскія на каменяхъ множествомъ облелѣяны были. Валы морскія въ тишину обратились" и проч.

На послѣднемъ, 340-мъ листѣ, обор.: „....Агала Расиніи ѣхалъ со охотники в поле, какъ увидѣлъ Короната и любезную свою .....едва въ память пришолъ; вспомнилъ отвѣтъ идола Дагока, что найдетъ свою любезную въ странѣ Награнской, палъ на ея выю цѣловалъ с плачемъ и благодарилъ Короната, что онъ ея приобрѣлъ.... взошедъ в город и в полаты была радость чюдная во всемъ дворѣ Агрія царя. Німало медля Расини взялъ ея себѣ в жену и былъ тутъ мѣсяцъ поѣхалъ в свою страну: идѣ же упомянется в томѣ — — —". (Оставленъ пробѣлъ.)

Въ исторію Короната внесено здѣсь 18 вводныхъ повѣстей, а именно:

— „1-я исторія Алексаміра Триптолема Драндіона принца Ѳрейгренскаго, о принцѣ Гвилиельмѣ Гомере Лерме острова Моріаниса с принцесою Лапидскою Ѳлегіею Лятоною". Далѣе отдѣльныя главки этой исторіи: „первая хитрость" (далѣе оторвано); „Въ 2-я хитрость Лятоны надъ принцомъ Лермомъ"; (оторвано)... „надъ принцомъ Гомеръ Лермомъ"; „1 отмщеніе и хітрость отъ принца Лерма надъ женою своею Ѳлегіею Лятоной"; „Вторая хітрость прінца Лерма надъ женою Лятоной"; „Третія хітрость принца Лерма надъ женою своей Лятоною".

— Заглавіе 2-й повѣсти отгрызено.

— „3-я історія 2-го пришелца Еѳерміона Декондеа принца Тебанскаго с принцесою Гесперіадскою и Теарскою Амѳітрідою Гораціею Діоною и с протчими принцесами".

— „Брань принца Еѳірміона с кумиры и китомъ".

— „О превращеніи прінца Еѳерміона отъ королевы Амаміни в козла“.

— „4-я гісторія принца Еформіона с принцесою Гиперефейскою Іпподаміею“.

— „5-я Гісторіа принца Еферміона Декондеа с прінцесами Ацезінскими Абдесаной и Полуксою“.

— „6-я історія старика Дулмінара обо отцѣ своемъ мавританинѣ Арбитере и о принцесе Угробанѣ Беокѣ и о протчихъ прінцесахъ“.

— „7-я історіа старика Дулминара об себѣ и о арапской принцесе Амалѳеи Касіи“.

— „Продолженіе исторіи Артіберовой“.

— „Продолженіе історіи принца Еѳірмиона с прінцесою Аббісинскою Полемоною“.

— „8-я історіа 3-го пришелца Мітрена Менокріта Харанея восточнаго острова Сармасата и о двухъ его сестрахъ двоюродныхъ королевства Тіорскаго Азалкане Ѳіладорскаго Амадазанѣ“.

— „Исторіа 9-я 4-го странника Діодора Хареса с принцесою Еѳіопскою Сакердоною, и со двумя ея братьями Епенетомъ и Трапезітомъ“.

— (л. 143) „10-я історія принца Бразильскаго Діодора, Хареса с принцесою Еѳіопскою Сакердоной и двумя везиры Кронбондомъ и Хаѳрасономъ“.

— (л. 155 об.) „11 історіа принца острова Хіотиса Никомахъ Ахерона с купеческою дочерью града Ворита Ѳріеркою Дасаною“.

— (л. 176 об.) „12 історія студента віротскаго Элезбонта о Равенскомъ князѣ Олшанской ѳамиліи, зовомомъ Коріоре Сѳорціи со ѳелтьмаршельскою женою Измарагдою Леорой“.

— (л. 191) „13 исторіа 6-го странника принца Елезвинскаго Адмеда Аскалаѳа Діора с прекрасною керенскою купеческою дочерью Дпларою и о двухъ его соперникахъ принцахъ Коріоре Ерекирскомъ и Долидоне Икаронскомъ“.

— (л. 218 об.) „14 історія купца Усланбека, сына ево Солодина Солимана Хазисалама“.

— (л. 222) „15 історіа купеческой дочери Ѳилистіми съ купцомъ Намаракомъ“.

— (л. 231) „Продолженіе Усланбекова сына Саладина с Ѳилистімою“.

— (л. 134, по ошибкѣ вм. 234) „16 история купца Полиандра о быти(іи) его в Перси съ шахиною Дуканою“.

— (л. 152, вм. 252) „Окончаніе исторіи Аскалаѳомъ“.

— (л. 157, вм. 257) „17 историја царя Агрія Потирія страны Награнской“.

— (л. 298, вм. 297) „18 історія королевы Ѳаразины Аграны острова Лизана Кроада“.

— (л. 311 об.) „Докончаніе исторіи Еѳермиономъ о мавританскомъ прінце Дулминарѣ“.

— (л. 325 об.) „18 (должно быть: 19) гісторіа везирскаго сына Агала Расиніа с принцесою Ерикорскою Лазоной Одолаліой“.

Въ рукописи, обыкновенно черезъ каждые 8 листовъ, дѣлаются помѣты о числѣ написанныхъ строкъ, около 500,—можетъ быть для разсчета за переписку; а съ л. 144, также черезъ 8 листовъ и больше, дѣлаются отмѣтки, когда писано: отмѣтки идутъ съ 24 апрѣля 1763, на л. 144-мъ, до 2 марта 1764 г. на послѣднемъ листѣ.

Крестина дѣвица.

Подлинникъ: L'Heroïne Mousquetaire, histoire véritable de Christine, comtesse de Meyrac. Par de Prehac. Amsterdam, 1722. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Лафарій, французскій графъ.

— „Гисторія о славномъ европейскомъ ковалерѣ Лафаріи и о прекрасной княжнѣ Медіоланской Маргарітѣ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII вѣка, 4°; гисторія л. 92—142.

Начало: „Во Францыи подъ владѣніемъ его величества короля францускго близъ столичного града Парижа, былъ городъ Бардае, в которомъ по регламенту ево величества короля францускго засѣдалъ графъ Лежуамеръ, которой имѣлъ у себя сына Лафарія“...

Конецъ: „...Спустя недѣлю Рехилій женился на Лафаріевой сестрѣ Румидѣ и стали жить оба в одномъ дому благополучно и въ радости, а камординеру Лафарій за великую службу и вѣрность далъ денегъ и отпустилъ его с волнымъ апшетомъ, и тако сия чудная історія конецъ о себѣ показуетъ. Конецъ вѣнчаетъ сію історію“.

Магометъ второй и Іеронима.

Есть нѣсколько печатныхъ изданій перевода этой повѣсти, сдѣланнаго Иваномъ Шишкинымъ. Въ октябрѣ 1751 г. Ломоносовъ разсматривалъ въ рукописи трудъ Шишкина, тогда уже умершаго,—по порученію гр. Романа Лар. Воронцова, и одобрилъ его къ печатанію, о чемъ и донесъ канцеляріи Академіи Наукъ. Къ декабрю книга ($5^1/_2$ листовъ) была уже отпечатана и экземпляры ея выданы Ломоносову для доставленія Воронцову (Билярскій, Мат. для біографіи Ломоносова, стр. 158). Первое изданіе книги означено у Сопикова, № 4810, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Исторія о княжнѣ Іеронимѣ, дочери Димитрія Палеолога, брата Греческому царю Константину Мануйловичу. Переведена И. Шишкинымъ. Спб. 1752. Второе изданіе этой книги появилось въ 1765, третье—въ 1783, оба въ Петербургѣ, четвертое—въ 1796, въ Москвѣ. Извѣстное намъ 3-е изданіе содержитъ въ себѣ тотъ же переводъ, что въ рукописи.

Подлинникъ французскій; авторъ и время появленія повѣсти намъ

неизвѣстны, но перепечатку ея можно найти въ Bibliothèque universelle des romans, 1776, octobre.

В. И. Майковъ заимствовалъ изъ этой исторіи содержаніе своей трагедіи „Ѳемистъ и Іеронима". (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Марсель восхищенный.

— „Восхищенный Марсель испытавши свое нещастіе". Рукопись собранія П. Н. Тиханова, 4^{0}, на 31 листѣ, письма конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія.

Начало: „Восхищенный Марсель побѣдивши всѣ страсти волнующіяся въ сердцѣ своемъ, вышедъ изъ своей хижины, увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ лежащія равнины" и проч.

Заглавіе взято, кажется, отъ первыхъ строкъ повѣсти. Марсель предается философіи, презираетъ человѣческія страсти и тщеславіе и удаляется въ уединеніе; но и тамъ испытываетъ измѣну друга и любовницы, и мораль состоитъ, кажется, въ осужденіи самонадѣянности. Повѣсть весьма нескладная.

Мелентесъ и Аріанна.

Годъ печатнаго изданія русскаго перевода у Сопикова, № 6124, показанъ невѣрно: вмѣсто 1792 долженъ быть 1789. Этотъ переводъ сдѣланъ Иваномъ Виноградскимъ и посвященъ московскому полицеймейстеру Петру Ив. Годеину. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Метаморфозы Овидія Назона.

„Славнаго римскаго стихотворца Публія Овидія Назона Метаморфозисъ или пятнадцать книгъ Превращенія а чрезъ Вильгельма Бауера на меди вырезаны и ради лучшаго разуменія сія книги съ латинскаго на немецкой переведены къ пользе малеровъ рещиковъ и тому подобныхъ художниковъ чрезъ Терелія Вольфа въ Аугсбургѣ. 1709".

Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова, 8^{0}, на 114 неперемѣч. листахъ. Объясненіе 150 „фигуръ".

Начало: „Фигура 1. Хаосъ смешенія древнія язычники слыша от своихъ предковъ что до зачатія свѣта было смѣшеніе, думали что все елемѣнты были смѣшаны вместе", и проч.

Конецъ:... „Кассій и Брутъ под видомъ свобожденія отечества, получивши случай в Сенате и давши ему 23 раны убили, богиня же Венера душу ево переменила в комету.—Конецъ".

Мурадъ и Туркія.

Въ печатномъ изданіи тотъ же переводъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Обольщенная Генріетта.

„Обольщенная Генріетта или торжество обмана надъ слабостію и заблужденіемъ. Истинная повѣсть. Санктпетербургъ". На оборотѣ эпиграфъ: „Чувство невыразимое! Здѣсь изображаю тебя слабыми чертами" и пр. 8⁰. Рукопись П. Н. Тиханова.

Л. 2-й, посвященіе: „Его высокоблагородію господину коллегскому совѣтнику Павлу Александровичу Галахову, милостивому государю усерднѣйшее приношеніе".

Л. 3—посвятительное письмо Ивана Свѣчинскаго.

Л. 4—24 (неперемѣч.). Начало повѣсти: „Такъ—есть чувствительные сердца трогающіеся злополучіемъ людей. Есть благотворительные души сострадающіе съ нещастными и соболѣзнующіе о ихъ жребіи" и проч.

Конецъ:... „Дезормъ и теперь живетъ съ своею супругою—я перестала къ нему питать мстительные чувствованія, и истребила изъ сердца къ нему ненависть. Но никогда не желаю видать, чтобъ мой взоръ не возмущалъ бы его покою. Здѣсь болѣе я ему ничего не скажу—я имъ нещастна, но могу ли не простить его?... Уповая, что въ другой жизни мы увидимся, и—будемъ щастливѣе...! Конецъ".

Экземпляръ вѣроятно подносный: книжка переплетена въ сафьянъ и на лицевой сторонѣ вытѣснено имя его высокоблагородія П. А. Галахова.

Смирдина, № 8422. Спб. 1801.

Съ печатнаго?

Пересмѣшникъ (съ печатнаго).

„Пересмешникъ іли словенския скаски. Часть 1-я. Сочинены в Санктъпетеръбурге, 1766 году". На оберточномъ листѣ: „Івана Щербачева 1767 года". Другою рукой: „Получена изъ морского кадетского корпуса от кадета Николая Селиванова".

8⁰, 227 листковъ неперемѣч., собранія П. Н. Тиханова.

Начало: „Глава 1-я. Господинъ Адударонъ котораго называли моимъ отцомъ, а право или нетъ, о томъ сумлеватца всякому позволяю, ибо достоверны сему свидѣтель была бы мать моя родная, которая в самое то время умерла, в которои меня родила" и проч.

Перувіанка.

„Писма одной Перувіянки. Переведены с ѳранцускаго на Россійской языкъ (другимъ почеркомъ добавлено: „Ѳлигель адютантомъ Герасимомъ Савинымъ") 1752 года". 8⁰, 337 неперемѣч. листовъ. Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова.

Л. 2-й. „Предуведомленіе. Хотя истинна, которая удаляется от вероятности, обыкновенно теряетъ свою доверенность пред разумомъ, однакожъ не совсемъ, а для ради малаго сумненія редко бываетъ она признана.

„Итакъ не долженъ ли опасатся издатель сего сочиненія“ и проч.

Л. 5 об. „Писмо 1. Аза! любезнои мои Аза! вопль твоеи нежнои Циліи подобнои утреннимъ парамъ пропадаетъ и изъчезаетъ прежде нежели до тебя достигаетъ, тщетно зову я тебя в свою помощь; тщетно ожидаю я! дабы любовь твоя пришла разрушить оковы въ моемъ неволничестве, но охъ! можетъ быть, твои злополучія коихъ я не знаю гораздо ужаснее! можетъ быть еще твои бедствія мои превосходятъ.

„Солнцевъ градъ подверженнои ярости варваровъ долженъ былъ извлекать мои слезы; но моя печаль, моя опасность, и мое отчаяніе, единъственно о тебе происходятъ“, и проч.

XXXVIII писемъ Перувіанки, и VII другихъ писемъ.

Конецъ; „...Не гнѣваитесь ни мало на мою сестру, ея любовь ко мнѣ и ея чувствительность к моему состоянію принудило ея выдумать все доказательства, кои вы видели, для моего утешенія и возобновленія моихъ упованіевъ; в сеи притчинѣ достоина она извиненія. Обещаитесь мне ея простить дрожаишая Цилія, ничто не должно помрачить пріятностеи прелестнаго общества, которое мы желаемъ составить с вами“.

Петиметръ философъ.

Подлиникъ: Le petit maître philosophe, par Mainvillers. Amsterd. 1751 Bibl.... de l'am. VI, 12. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Сициліанка добродѣтельная.

Переводъ, находящійся въ рукописи, былъ дважды напечатанъ съ нѣкоторыми исправленіями и показанъ у Сопикова подъ № 3972—3973. Заглавіе 2-го изданія: Жизнь добродѣтельной Сициліанки или приключенія маркизы Арбеллины. М. 1794, двѣ части.

Подлинникъ: La vertueuse Sicilienne ou mémoires de la marquise d'Albelini. La Haye, 1743, 2 parties en 1 vol. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Тысяча и одна четверть часа.

„Тысяща і едина четверть часа представляющия въ искусныхъ і чтения достойныхъ татарскихъ гисторияхъ. Вторая и последняя часть въ Лейпциге напечатанная на немецкомъ языке въ 1738-мъ году а на руской переведенная в Москве секретаремъ И. N“.

Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова, 8⁰, на 113 неперемѣч. листахъ.

Л. 2-й. „Предисловіе. Можетъ быть что сего ожидали отъ меня также долго, какъ і арапскихъ и персицкихъ гисторей которые под титуломъ тысящи единой ночи и тысящи единаго дня напечатаны, я предугадываю, что можетъ быть читателя усумлѣваю или болѣе сказать прогневляю, что онъ окончание сей гисторіи во оной части находитъ“ и проч.

Л. 3-й. „Тысяща і едина четверть часа татарская гистория, часть

первая.—Единъ во уединеніи живущіи дервише, которыи при Астрахани жилъ, і въ едино время ходилъ на реку Волгу с удою рыбы ловить, и какъ онъ назадъ возвратился то пришолъ въ великой ужасъ“ и пр.

Конецъ: „... Я сеи перстень увидя почла себе за знакъ божіеи помощи, схватя вздела скоро себе на палецъ и лишь только кроткаго Фирнакса на помощь к себе призвала; то Дубана и жид на землю пали, река, которая препятствовала мнѣ кроткаго сего духа к полатамъ приближится, ищезла; и болше я на голове своеи колдуньина вредительнаго и ядомъ наполненнаго покрывала уже не увидѣла.—Конецъ первой части“.

Здѣсь заключаются: отъ первой до „тридесять пятой четверти часа“.

Ср. выше „Дервишъ мухаметанскій“.

Феодонъ и Асвильберда.

— „Гисторія о италіанскомъ купцѣ Феодонѣ и о дочери его Освилбердѣ и о гишпанскомъ министрѣ Ордонѣ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4⁰; гисторія л. 215—242.

Начало: „Во второй нынѣшняго свѣта части то есть Европѣ в древнія времяна в столичномъ градѣ Неополѣ былъ купецъ іменемъ Феодонъ толико преизобиловалъ богатствомъ что мало чемъ развѣ не превосходилъ самаго славного во всемъ свѣтѣ богатствомъ царя Креза Медіоланского (sic), о которомъ повѣствуютъ древнія гисторіи“...

Конецъ: „...Асвильберда же просила отца своего и мужа и брата не умертвятъ ихъ толко да выколупаютъ имъ глаза, дабы на красоту дѣвицъ и женъ не прелщались и отпустить ихъ на волю, что тогожъ часа и учинено, и по окончаніи того Феодонъ съ женою и зъ зятемъ ево Ордоніемъ жили благополучно до скончания вѣка своего. Асвилберда жила долгое время во благополучіи до старости отъ сего свѣта отидоша по себѣ оставиша сию исторію.—Конецъ сей исторіи“.

Въ текстѣ, между прочимъ: „гофместеръ, по россійскому именованію управитель“.

Францель Венціанъ.

„Гистория ізърядна и дивна о славномъ и храбромъ Гишпанскомъ рыцаре Вѣнцыяне и о славной прекрасноі гишпанской королевне Ренцывене изъ четырехъ государствъ разныхъ изобретено яко изъ драгихъ цветовъ корона сплетена о семъ славномъ и храбромъ гишпанскомъ рыцаре Вѣнцыане родители его многия народы дивилися понеже онъ Венцыянъ із чрева матери своея (в) венце родивыися того ради от родителеи своихъ имянованъ Венцыянъ“ и пр.

Начало: „№ 1. В томъ гишпанскомъ королевстве былъ некій славный король именемъ Бренбеусъ велми богатъ славенъ и храбръ къ воискому (sic) делу: имелъ у себя жену велми прекрасну Зенгелию дщерь португалскаго короля и жилъ с нею в великои любви много летъ толко

не имелъ у себя ни единаго детища и в томъ король былъ в великои печали"...

Л. 1-й сбор. „№ 2. „В том же гишпанскомъ королевстве былъ некий славныи король именемъ Фридоръ велми силенъ и храбръ къ воискому делу королже Бренбеусъ имелъ у себя князя Фридора за благородство его и храбрость за кровнаго брата которои имелъ у себя жену велми прекрасну именемъ Скавфеду" и пр.

Рук. изъ собранія П. Н. Тиханова, 4⁰, на 61 перемѣч. листѣ. Исторія раздѣлена на главы, означенныя нумерами; всего 36 нумеровъ нѣсколько почерковъ.

Конецъ: „...И тогда была во всеи Ишпани великая и неизречимая радость потомъ Ѳранцыль авенцианъ одаривъ Злобиулана многими драгоценными дарами пожаловалъ его в персицкой державе вместо себя наместникомъ и отпустилъ его (с) персицкимъ войскомъ а самъ остался в Гишпанскомъ королевстве и начаша жить в великой славе с прекрасною своею королевною Ренцывеною не имея ни от кого обороны и приде в глубокую старость и отиде к вечному покою. Аминь".

Въ той же рукописи „Задигъ".

Фридоръ.

„Гисторія сия о гішпанскомъ князѣ Фрідорѣ".

Въ большомъ сборникѣ повѣстей собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4⁰, л. 275—371.

Начало: „В гишпанскомъ кралевствѣ былъ нѣкій удѣлный князь іменемъ Фридоръ велми богатъ славенъ и силенъ и храбръ къ воинскому дѣлу. Король же гишпанской токмо (вѣр.: того) князя Ѳридора за благородство его и храбрость зѣло любилъ за кровного своего брата, и князь Ѳридоръ имѣлъ у себя жену велми прекрасну именемъ Ксанѳеду".

Это—исторія Францеля Венціана, безъ конца. Въ концѣ 371 листа, послѣдняго въ рукописи: „....но азъ за любовь твою и милость окажу тебѣ вѣрную мою услугу и службу противъ непріятелей твоихъ и дѣйство и службу мою самъ узриши. Францель же о прошеніи Злобилановѣ зѣло радостенъ бысть и рече: брате мой, что хощеши по воли твоей і ежели хощеши, то возми себѣ гишпанскихъ рыцарей если ж"....

Исторія идетъ безъ раздѣленія на главы; на л. 364 новое заглавіе: „Сказаніе о томъ же храбромъ и младомъ юноше Францелѣ како онъ побѣдилъ съ рыцаремъ Злобиланомъ короля французского".

Нач.: „Искони бѣ ненавидимъ діаволъ роду человѣческому всегда вооруженіе войны и кровопролитія желаетъ внезапу злый плевелъ французского короля и зазже сердце его" и пр.

Конецъ предыдущаго на л. 364:.... „разгорается великій огнь в сердцахъ ковалеръскихъ и поднялася великая вражда и учинилось великое кровопролитіе и раззореніе государствъ и опустѣніе домовъ и паде-

ніе многихъ славныхъ честныхъ и храбрыхъ рыцарей оставилъ и (?) сіе благочинное учрежденіе законнаго брака кончалось".

Карпъ Сутуловъ и его премудрая жена.

—„Повесть о некоторомъ госте богатомъ и о славномъ о Карпе Сутуловѣ и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своего", въ небольшой тетради, 4°, письма половины XVIII вѣка, на 5 листахъ; свѣдѣніе сообщено М. И. Соколовымъ.

Начало: „Бѣ некто гость велми богатъ и славенъ зело именемъ Карпъ Сутуловъ, имеяи жену у себя іменемъ Татиану прекрасну зело"...

Отправившись на куплю въ Литовскую землю, Карпъ Сутуловъ оставилъ женѣ денегъ на „частые пиры на добрыхъ женъ на своихъ сестеръ", а въ случаѣ недостатка денегъ поручилъ ей обратиться къ его другу Аѳанасію Бердову. Когда она обратилась къ нему, тотъ сталъ дѣлать ей неприличныя предложенія; она пошла за совѣтомъ къ церковному человѣку, одному, а потомъ къ другому, болѣе высокопоставленному, и отъ нихъ получила тѣ же предложенія, съ обѣщаніемъ все болѣе и болѣе крупныхъ подарковъ (сто, двѣсти и триста рублей). Она обѣщаетъ каждому исполнить ихъ желаніе, зазываетъ всѣхъ троихъ по одиночкѣ къ себѣ, и затѣмъ, пугая каждаго пріѣздомъ мужа, запираетъ всѣхъ раздѣтыми въ сундуки и на утро везетъ сундуки къ воеводѣ, который отпустилъ ихъ, взявши съ купца 500 рублей, съ другого лица 1000, а съ третьяго 1500 рублей.

„И повелеша воевода ихъ отпустить, а денги съ тою женою взяша и разделиша пополамъ. И похвали ея целомудренны разумъ, яко за очи мужа своего не посрамила и таковыя любви съ ними не сотворила и совету мужа съ собою не разлучила и великую честь принесла и му(жа) ложа своего не осквернила. Не по многемъ времени приехалъ мужъ ея отъ купли своей, онъ (она) же ему вся поведаша поряду. Онъ же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми мужъ ея о томъ возрадовася".

Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ, въ XVIII столѣтіи *).

Общественная потребность въ театральныхъ зрѣлищахъ, водворенная въ Москвѣ еще Петромъ Великимъ, не смотря на тяжелыя и безпокойныя времена, наставшія послѣ его кончины, возрастала годъ отъ году сама собою и распространялась главнымъ образомъ въ кругу такъ называемыхъ *разночинцевъ*, составлявшихъ въ то время своего рода интеллигенцію Москвы, не дворянскую, но посадскую, слободскую или въ собственномъ смыслѣ городскую.

Руководителями и передовиками этой интеллигенціи являлись грамотные люди больше всего изъ отставныхъ или не окончившихъ науки школьниковъ Славяногреколатинской Академіи, особенно въ лицѣ *приказныхъ*, а также и изъ грамотныхъ дворовыхъ людей. Здѣсь нарождалась и своя литература, характеристикою которой могутъ служить отчасти тексты лубочныхъ картинокъ, лубочныя сказки и другія сохранившіяся въ рукописяхъ произведенія народнаго пера и которая, кромѣ передѣлокъ съ иностраннаго, дѣлывала попытки сочинять и отъ своего замысла и драматическія вещи. Очень многое изъ этой литературы изчезло безъ слѣда, какъ изчезла безъ слѣда и литература древнихъ скомороховъ, но коечто сохранилось и требуетъ внимательнаго обслѣдованія.

Разночинная интеллигенція посадской Москвы въ первой половинѣ XVIII ст. была единственнымъ хранителемъ, представителемъ и производителемъ театральнаго, если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и отъ искусства, распространяя о немъ первыя понятія, развивая въ своей публикѣ вкусъ, охоту, потребность въ увеселеніяхъ этого рода.

Канцеляристы, копписты, даже стряпчіе за одно съ дворовыми людьми съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ и, истра-

*) См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи ч. 2, стр. 351—506.

чивая по времени не малую сумму на наемъ помѣщенія, „производили гисторическія всякія приличествующія дѣйствительныя публичныя каммеди для желающихъ благоохотнѣйшихъ смотрителей“, съ извѣстною платою за входъ и конечно не безъ разрѣшенія и подъ охраною полиціи.

Урочное время для такихъ представленій бывало всегда на праздникѣ Рождества, когда происходили, по всенародному обычаю, всякія дѣйства ряженыхъ. Этотъ сезонъ народнаго ряженья давалъ законное право присоединять къ его увеселеніямъ и новыя театральныя зрѣлища, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связывалъ родственными узами новыя театральныя представленія съ древними скоморошескими дѣйствами, которыя всегда въ это празднество работали также съ особеннымъ успѣхомъ. Во мнѣніи народа новый театръ являлся какъ бы потомкомъ театра скомороховъ, тѣмъ болѣе что, по содержанію, по характеру иныхъ своихъ пьесъ, въ родѣ напр. Гаера, онъ сохранялъ родственныя черты съ представленіями скомороховъ.

Любопытныя подробности изъ исторіи нашего театра раскрываются съ большимъ трудомъ, а потому и предлагаемыя здѣсь отрывочныя свѣдѣнія по этому предмету не лишены интереса.

Въ 1749 году Декабря 11 Санктъ Петербургскаго пѣхотнаго полку сержанта Петра Канищева служитель Кондратій Байкуловъ подалъ въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію на Высочайшее имя челобитье, въ которомъ по пунктамъ прописывалъ: „Сего Декабря 11 дня нанялъ я для игранія во время будущихъ святковъ *камедіи* за Пречистенскими вороты, въ приходѣ Живоначальныя Троицы, что въ Зубовѣ, въ домѣ князя Николая Александрова Засѣкина четыре полаты, по контракту, съ котораго при семъ сообщаю точную копію, а какіе будутъ игры, о томъ при семъ предлагаю реестръ“. Затѣмъ по формѣ просилъ сіе челобитье принять и съ того контракта надлежащія по указамъ пошлины взять, а ко игранію вышеписанной комедіи дать позволеніе и о томъ такожъ, чтобъ во время игры шуму и дракъ отъ кого послѣдовать не могло для предосторожности въ Команду (въ полицейскую часть) послать приказъ.

Въ контрактѣ, заключенномъ тогожъ числа, князь Засѣкинъ писалъ слѣдующее: „Отдалъ я князь Николай Александровъ Засѣкинъ въ наймы четыре палаты для игранія *камедіи* (которой мой дворъ состоитъ въ третьей командѣ, въ приходѣ Троицы въ Зубовѣ)... Сержанта Петра Гаврилова сына Канищева служителю

его Кондратью Байкулову съ сего Декабря да Генваря по 6 число. А во время игры мнѣ князь Николаю ему Кондратью помѣшательства ни въ чемъ не чинить и какова чину люди станутъ приходить, и мнѣ не спорить. А денегъ я взялъ съ него Кондратья четыре рубли; а по прошествіи Генваря 6 числа взять толикоежъ число. А ежель въ чемъ я князь Николай противъ сего контракта не устою, то взять ему Кондратью съ меня Николая все, что ему Кондратью та камедія станетъ, въ томъ я и подписуюсь. *А мнѣ ходить въ камедію смотрѣть*, въ чемъ и подписуюся: князь Николай Засѣкинъ".

Слѣдуетъ реестръ играмъ, который помѣщаемъ въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ въ подлинникѣ:

По Апολонскому Арту (Акту?):	*По Эсворскому Арту*:
Купида.	Купида.
Слава.	Зависть.
Геркулесъ.	Юнона.
Палляда.	Палляда.
Апполонъ.	Дианна.
Красота.	Венера.
Венера.	Дедалионъ.
Эскуляпии.	Ценксъ.
Дафна.	Плятонъ.
Юпитеръ.	Весникъ
Сонъ.	Ѳизба.
Юнона.	Пармусъ.
Меркурии.	Хиона.
Разсужденіе.	Апполонъ.
Реку Пенеи.	Меркурии.
Случаи.	Нептунъ.
Премена.	Бахусъ.
Аверкамъ.	Галцыона.
Ѳлоридентъ.	Сарѳеи.
Гермадонтъ.	Туча.
Мельзантіи.	
Викториа.	
Жалость.	
Увеселеніе.	
Лукавства.	
Совѣсть.	

Къ сему реестру Кондратій Байкуловъ руку приложилъ.

Дальнѣйшихъ объясненій и подробностей намъ не встрѣтилось. Домъ кн. Засѣкина находился на мѣстѣ теперешней Зубовской Аптеки, въ самомъ концѣ Пречистенской улицы, и граничилъ съ правой стороны отъ входа во дворъ проѣзжею улицею у Землянаго города Въ глубину этотъ дворъ занималъ 105 сажень, поперекъ по Пречистенкѣ 51 саж., въ заднемъ концѣ 38 саж. (Переписныя книги Москвы 1738—1742 г. 1, 439). Условіе кн. Засѣкина, что онъ тоже будетъ ходить въ Камедію смотрѣть, можетъ служить свидѣтельствомъ, что подобныя Комедіи усердно посѣщались и людьми знатнаго сословія, къ какимъ по обширности двора, долженъ быть причисленъ и кн. Засѣкинъ.

Ровно черезъ день, 13 Декабря 1749 года, въ Главную Полицейместерскую Канцелярію было подано такое же челобитье отъ цѣлой труппы актеровъ въ числѣ 20 человѣкъ, изъ которыхъ главными челобитчиками явились Государственной Бергъ-Коллегіи Канцеляристъ Василій Хилковской и Дворцовой Щетной Конторы Канцеляристъ Иванъ Глушковъ.

„Наняли мы именованные, писали они въ челобитной, *для игранія Россійской Камеди* съ товарѣщи двадцатью человѣки сего 749 году Декабря съ 25 будущаго 750 году Генваря по 8 число, во второй Командѣ, въ Бѣломъ городѣ, на Дмитровкѣ, *двѣ полаты* Дѣйствительного Каморгера князь Андрея княжъ Федорова сына Вяземскаго, у служителя Никифора Евдокимова, за наемъ за двѣнадцать рублевъ, которые полаты оной служитель отдалъ съ приказу оного господина своего.“ Затѣмъ по формѣ просили прошеніе ихъ принять и съ того найма взять пошлины по указу и въ играніи той *Камеди* дать позволеніе, такожъ и билетъ и о незапрещеніи въ Команду послать приказъ. Къ челобитью былъ приложенъ за рукоприкладствомъ челобитчиковъ „Реестръ, каковы будутъ играны акты.

1) О храбромъ Неаполитанскія Земли Герцоге Ѳридрихѣ.

2) О Кире царе Перскомъ и о Скиѳской царицѣ Тамирѣ.

3) О Леандре и Лювизе.

4) О Ипполитѣ и Жуліи.

1749 г. Декабря 13 въ Журналѣ Главной Полиціи было записано: „По оному челобитью приказали: освидѣтельствовавъ акты, ежели оные не противные и не богомерской игры, то, взявъ съ наемной цѣны пошлины по указу, въ содержаніи оной Камеди позволить, и о томъ въ Команду послать приказъ, а между тѣмъ, нѣтъ ли запретительнаго указа, справитца и выписавъ, доложить немедленно“.

Послѣднее обстоятельство должно служить указаніемъ, что Главная Полиція и сама еще не совсѣмъ твердо знала, какъ слѣдуетъ распоряжаться въ такихъ случаяхъ безъ боязни за отвѣтственность.

Тѣмъ же порядкомъ устроивались и открывались театральныя зрѣлища и въ послѣдующіе годы въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы и главнымъ образомъ въ палатахъ и покояхъ большихъ барскихъ богатыхъ домовъ.

13 декабря 1755 года Собственной Ея Императорскаго Величества Вотчинной Конторы Стряпчій Казанской семинаріи студентъ обучающійся и происшедшій изъ Славяно-греко-латинскихъ наукъ Иванъ Варфоломѣевъ сынъ Нординскій, подалъ въ Московскую Полицымейстерскую Канцелярію объявленіе, въ которомъ излагалъ слѣдующее:

„Сего 1755 года Декабря отъ 25-го числа и въ наступающемъ 1756 году имѣю я намереніе въ Москвѣ вѣдомства Полицымейстерской 1-й команды у Ильинскихъ воротъ въ домѣ Новгородскаго драгунского полку подполковника Александра Прокофьева сына Соковнина, въ наемныхъ каменныхъ палатахъ, по контракту того дому со служителями Никитою Савельевымъ да дворникомъ крестьяниномъ Петромъ Лебедевымъ, по наукамъ моимъ съ компаніею разныхъ чиновъ людьми производить гисторическіе всякіе приличествующіе дѣйствительные публичные для желающихъ благоохотнѣйшихъ смотрителей каммеди, при которыхъ подлежитъ быть по вечерамъ съ улицы въ наличности при нарочно учрежденномъ тріумфальномъ изъ зелей щиту съ фонарями и плошками, люминаціямъ; съ котораго контракта при семъ сообщаю точную копію. Того ради Московскую Полицымейстерскую Канцелярію покорно прошу, дабы благоволено было для оного производства дать билетъ и во времена тѣхъ случаевъ при производствѣ дозволено бъ было ото оной Полицымейстерской Канцеляріи изъ 1-й команды со съѣзжей для осторожности, чтобъ не имѣлось шумствъ и дракъ и ради прочихъ всякихъ случаевъ отправлять по 2 человѣка караульныхъ гранодеръ или солдатъ, и о томъ учинить благоразсмотрительную резолюцію“.

Въ контрактѣ прописывалось, что „отдали ему въ домѣ означенного господина, состоявшемъ въ Китаѣ городѣ близъ Ильинскихъ воротъ, въ имѣющихся каменныхъ полатахъ 5 покоевъ съ печами, кои ему потребны будутъ для жительства и произведенія коммеди, да одинъ сухой погребъ по договору отъ вышеписанного

числа впредь на 3 мѣсяца, цѣною за 10 руб.; а въ какомъ состоянiи оные покои имъ по описи приняты будутъ въ такомъ и паки по прошествiе срока отдать въ цѣлости; и изъ вышеписанного числа наемныхъ денегъ въ задатокъ взято нами напередъ денегъ 3 руб., а достальные отдать по прошествiи срока; а что потребно ему будетъ въ тѣхъ покояхъ въ недостаткѣ или за ветхостiю для его надобности къ починкѣ и пристройкѣ, оное ему Нардинскому исправлять и печи топить своимъ коштомъ, а намъ до того дѣла нѣтъ и въ томъ ему не воспрещать".

Отъ Московской Полицымейстерской Канцелярiи 1-й команды гг. офицерамъ былъ отданъ 15 декабря приказъ, что „по опредѣленiю Канцелярiи велѣно къ означенному игранiю россiйскаго (sic) историческiя комедiи позволить съ такимъ обязательствомъ, чтобъ во время произведенiя той игры шуму и дракъ и другихъ непристойностей не происходило, а производить бы оную порядочнымъ образомъ".

23-го ноября 1757 года билъ челомъ Государственной Юстицъ Коллегiи копеистъ Михайла Алексѣевъ Кочергинъ:

„Сего 1757 году ноября 20 дня, нанялъ я именованны состоящiй за Пречистенскими вороты, въ третей командѣ, въ приходѣ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Грези, лейбъ гвардiи Преображенского полку капитана поручика Андрея Егорова сына Фаминцына, у служителя ево Прохора Юдина, вышеписанного господина ево домъ, для публичной игры въ ономъ домѣ Камеди, въ верхнихъ апартаментахъ (три покоя) впредь на полтора мѣсяца, цѣною за пять рублевъ, въ чемъ съ оного служителя Юдина и контрактъ взялъ, съ котораго при семъ прошенiи прiобщаю копiю".

По порядку онъ просилъ прошенiе его принять и для игры въ вышепоказанномъ домѣ камеди соблаговолено бъ было дать билетъ, такожъ и для прекращенiя при оной камеди ссоръ и дракъ соблаговолено бъ было дать пристойное число отъ оной команды подчиненныхъ.

Изъ Полицiи 28-го Ноября данъ приказъ: „оного Кочергина къ игранiю въ означенномъ домѣ камеди допустить, только притомъ смотрѣть накрѣпко, дабы богопротивныхъ игръ не происходило, а чтобъ во время той комеди шуму ссоръ и дракъ не было, для того имѣть присмотръ.

Въ тоже число, 20 Ноября 1757 года подалъ челобитную дому Подпоручика Петра Ивановича Матюшкина служитель Алексѣй Пичулинъ:

„Желаю я именованны для увеселенія народа сего Ноября съ 23 будущаго 1758 году Февраля по 20 число содержать *россійскую комедію*, для которой нанялъ домъ лейбъ гварди Преображенского полку капитана поручика Дмитрія Михайловича Матюшкина, имѣющейся во 2-й командѣ, на Здвиженкѣ, цѣною за пятнадцать рублевъ.

„По резолюцы Полицымейстерской Канцеляріи велѣно означеннаго Пичулина къ игранію камеди допустить, толко при томъ смотрить, чтобъ въ той камеди богомерзкихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не было, такожъ шуму и дракъ не происходило, чего ради отъ команды имѣть присмотръ".

9-го Декабря тогоже 1757 года въ Полицмейстерскую Канцелярію подалъ *доношеніе* Правительствующаго Сената Конторы копеистъ Петръ Прокофьевъ Баскаковъ, назвавшій почему-то свое обыкновенной формы на Высочайшее Имя прошеніе доношеніемъ, въ которомъ объяснялъ: „Желаю я именованный для увеселенія народу содержать *Россійскую Комедію* сего 1757 Декабря съ 26 предбудущаго 1758 году Марта по 1-е число, подъ которую нанялъ я въ первой командѣ домъ поручика Ивана Михайлова сына Иванчина-Писарева, который обстоитъ близъ Ивановскаго Дѣвичья монастыря, цѣною за десять рублевъ, точію безъ позволенія Моск. Полиц. Канцеляріи оной Комедіи производить опасенъ", почему просилъ доношеніе его принять и къ произведенію оной Комеди допустить, и о незапрещеніи въ производствѣ игры, такожъ для прекращенія отъ приходящихъ смотрителей шуму и дракъ, о поставкѣ во время игры пикета, въ первую Команду послать приказъ.

По резолюціи Полиц. Канцеляріи велѣно оного копеиста Баскакова къ игранію Комедіи допустить, также при томъ смотрѣть, чтобъ въ той Комедіи богомерзскихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не происходило, такожъ шуму, ссоръ и дракъ не было, чего ради отъ Команды имѣть присмотръ, и о томъ послать приказъ 15 Декабря 1757 года.

Въ Декабрѣ 1767 г. въ Полицмейстерской Канцеляріи явился съ челобитьемъ Учрежденной при Сенатѣ передѣла мѣдной монеты Главной Экспедиціи копеистъ Петръ Михайловъ Тимофеевъ и просилъ:

„Желаю я именованный въ 3 части, въ приходѣ Филиппа Апостола, что на Сивцевомъ Вражкѣ, *производить изъ гисторіевъ всякихъ разныхъ интермедіевъ представленную людьми комедію*, для

которой нанялъ я домъ вдовы Капитанши Степаниды Ивановой дочери Нетесовой цѣною за 4 рубли".

Въ Полицейскомъ Приказѣ о дозволеніи этой комедіи прописывалось заявленіе просителя нѣсколько иными словами, что „желаетъ де онъ на однѣ будущіе нынѣшнія Святки для увеселенія народу содержать человѣческую (вѣроятно, обозначено для отличія отъ кукольной) представленную изъ гисторіевъ комедію *), въ чемъ дано ему позволеніе съ обычнымъ наказомъ, „когда въ ономъ покоѣ будутъ представлены комеди, отъ съѣзжаго двора наряжать пристойную команду и велѣть того наблюдать, чтобы въ томъ домѣ ссоръ и дракъ и протчихъ непристойностей отнюдь не было и ежели кто въ томъ явится, оныхъ, забирая, представлять въ Полицію, 24 декабря 1767 года".

Къ Святкамъ въ 1768 г. точно также явились челобитчики о дозволеніи играть Комедію. Это были Мастерской и Оружейной конторы пояльщикъ Григорій Степановъ да московской типографіи чернильныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Ивановъ сынъ Голубевъ. Въ челобитной они писали: „Желаемъ мы именованные на однѣ нынѣшнія Святки *содержать представленную съ печатныхъ комедіевъ и всякихъ разныхъ интермедіевъ людьми комедію*, для которой наняли мы въ 5 части въ приходѣ церкви Живоначальныя Троицы, что въ Троицкой, домъ Статскаго Совѣтника Бориса Иванова сына Ярцева, цѣною за пять рублевъ". Позволеніе было дано и въ приказѣ Капитану 5 части, 24 Декабря, прописанъ обычный наказъ о соблюденіи должнаго порядка, чтобъ въ томъ домѣ ссоръ и дракъ и прочихъ непристойностей отнюдь не было.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія обозначеніе просителей, что они будутъ играть Комедію *съ печатныхъ комедіевъ*, которое можно толковать въ томъ смыслѣ, что комедія будетъ несравненно занимательнѣе прежнихъ, непечатныхъ; но можно также подразумѣвать, что въ это время существовало уже какое либо наблюденіе или запрещеніе относительно непечатныхъ представленій, несомнѣнно выходившихъ нерѣдко изъ предѣловъ благопристойности и даже богомерзкихъ, какъ выражалась Полиція.

Кромѣ комедіи человѣческой, какъ обозначено выше, для увеселенія народа въ эти же годы существовала и *кукольная Комедія*, содер-

---

*) *На словахъ*, какъ Полиція вмѣстѣ съ тѣмъ сообщала въ Сиропитательный (Воспитательный) Домъ для полученія съ комедіи по новому установленію надлежащаго дохода. Такое обозначеніе дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы отличить словесное представленіе отъ музыкальнаго.

жателемъ которой въ 1753—1757 годахъ былъ дому вдовствующей штатсъ-дамы княгини Анны Львовны Трубецкой служитель Илья Якубовскій, нанимавшій помѣщеніе въ домѣ колл. сов. Вас. Неѣлова въ 6 командѣ сначала въ 1753 г. за 20 руб., а потомъ 1755 г. одинъ покой на два мѣсяца за 6 руб. Въ 1757 году онъ переселился въ 1-ю команду въ домъ Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полку капрала Ив. Темешева, нанявши на два мѣсяца покои за 3 руб.

И эта комедія открывалась также только на Рождественскій мясоѣдъ, отъ праздника Рождества до конца масляницы. Полиція, давая позволеніе, всегда строго подтвержала, чтобъ содержатель ту игру производилъ порядочнымъ образомъ, чтобъ шуму и дракъ и прочихъ непристойностей не было и чтобъ въ играніи той комеди богомерзскихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не происходило.

Мы видѣли что антрепренеры очень заботились о полицейскомъ пикетѣ для прекращенія ссоръ и дракъ, которыя тоже случались.

Такъ въ 1758 г. пріѣхавшій въ Москву изъ Петербурга сотіоръ, шпрингеръ и позитурный мастеръ Бержъ или Бержеръ, во время своихъ представленій въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ близъ Покровскихъ воротъ въ Лѣсномъ ряду, показывая свои *штуки*, вытерпѣлъ буйную осаду отъ господскихъ лакеевъ, быть можетъ и по той причинѣ, что, назначивъ цѣны за входъ на свои представленія, онъ объявилъ, что господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ.

Это происшествіе возбудило большіе толки даже и въ Петербургѣ при Дворѣ, такъ что по имянному Высочайшему указу 28 Февраля повелѣно было сенатору дѣйств. тайному совѣтнику Ив. Ив. Бахметеву произвести о томъ изслѣдованіе накрѣпко, въ самой скорости.

Призванный въ Сенатскую Контору англійскій шпрингеръ Бержеръ объявилъ, что „во время показанія искуства его любопытнымъ смотрителямъ между господскими лакеями нѣсколько разъ происходили великія ссоры, выламывали двери и метали въ окошки, и между прочимъ съ кучера его сорвали епанчу; а которыхъ господъ лакеи оные въ ссорѣ причиною были, о томъ онъ неизвѣстенъ, понеже находился всегда при отправленіи его искуства; и оныя ссоры которыхъ чиселъ (были), показать не можетъ; а во время тѣхъ ссоръ караулъ онъ имѣлъ отъ Полиціи одного офицера, одного капрала и шесть человѣкъ гренодеръ, а чьихъ помянутый офицеръ по фамиліи и которыхъ полковъ объявленные капралъ и солдаты, того онъ не вѣдаетъ; при томъ же имѣлъ онъ всегда сто человѣкъ

десятскихъ; и отъ Полиціи изъ помянутыхъ же лакеевъ нѣсколько разъ нѣкоторые браты были подъ караулъ, но всегда у нихъ уходили, и кому они принадлежатъ, то также ему неизвѣстно".

Начались большіе и скороспѣшные розыски и допросы, кто въ то время были дежурными по Полиціи, кто находился на дежурствѣ изъ десятскихъ обывателей, были ли взяты въ Полицію буяны-лакеи и т. д. Оказался особенно виновнымъ въ непристойностяхъ одинъ только *человѣкъ* коммисаріатскаго секретаря Гарина, Андрей Быковъ, который за то наказанъ плетьми и безъ зачету написанъ въ солдаты.

Изъ объясненій Бержера видимъ, съ какими предосторожностями со стороны полиціи происходили эти публичныя представленія. Со всѣхъ городскихъ командъ (частей) были собраны на дежурство и для охраны театра десятскіе въ числѣ ста человѣкъ, которые вмѣстѣ съ пріѣзжими господскими лакеями сами по себѣ составляли уже порядочную толпу, очень способную заводить ссоры и драки между охранителями, смотрѣвшими за порядкомъ, и своевольною господскою дворнею, въ иныхъ случаяхъ очень гордою по высотѣ и знатности своихъ господъ. Здѣсь такимъ образомъ собирались двѣ арміи, два полка, смотрѣвшіе съ различныхъ сторонъ на свои обязанности и на свое достоинство.

Другой подобный случай и въ двухъ дѣйствіяхъ повторился надъ Опернымъ Театромъ извѣстнаго итальянца Локателли въ 1761 году, о чемъ полицейскій чиновникъ, опредѣленный къ смотрѣнію при Оперномъ Домѣ, поручикъ Чертковъ доносилъ слѣдующее:

„Сего 1761 года Генваря 21 дня въ томъ Оперномъ домѣ во время театральнаго представленія произшелъ отъ господскихъ людей шумъ и кидали въ окна щепками и мерзляками и перебили въ двухъ окошкахъ стеклы, а поймать оныхъ за темнотою было не возможно, потому что кидали издали, изъ за каретъ... Да тогожъ генваря 24 дня въ томъ же Оперномъ домѣ отъ господскихъ людей произшелъ азартъ, кидали въ окна каменьями и полѣнами и перебили почти всѣ окошки, а кидали стоя за каретами, издали и для того виноватыхъ поймать было не возможно, чего ради и для прекращенія оного озарта посланъ былъ команды опредѣленнаго къ Оперному дому Навагинскаго полку поручика Карла Ив. Муѳеля солдатъ, которому велѣно надѣть шубу подъ образомъ господскаго человѣка и велѣно присматривать, кто мечетъ. И когда тотъ солдатъ, вышедъ, сталъ говорить, чтобъ перестали кидать, тогда Сильверста Васильева сына Муромцева кучеръ ударилъ она-

го солдата въ щоку и сказалъ, что ему до того нужды, (что ему за дѣло) и называлъ его мошенникомъ, чего ради взятъ подъ караулъ, а взятъ не у своей кареты, а гораздо далеко отъ оной, и ночью изъ подъ караула бѣжалъ".

Слѣдствіемъ обнаружено, что по полицейскому распоряженію для охраны отъ безпорядковъ при Оперномъ домѣ во время театральныхъ представленій собирались и должны были находиться на лицо изъ каждой команды (части города) по пяти человѣкъ десятскихъ и по десяти чел. обывателей, всего отъ 12 частей—командъ 180 человѣкъ, между тѣмъ въ наличности собралось только не болѣе тридцати человѣкъ, а всѣ остальные не явились по спискамъ и на перекличкѣ; да и изъ тѣхъ тридцати человѣкъ во время представленія нѣкоторые неизвѣстно куда отлучились. Полиція вмѣстѣ съ тѣмъ объясняла, что въ Оперномъ домѣ бываютъ великіе съѣзды. На малолюдство охранителей Полиція и сваливала весь случившійся грѣхъ, въ слѣдствіе чего ею же были посланы въ команды къ офицерамъ приказы, по которымъ велѣно всѣхъ *нѣтчиковъ*, неявившихся десятскихъ и обывателей, во всѣхъ командахъ собравъ, и при собраніи командъ при съѣзжихъ дворахъ за нехожденіе ихъ къ Оперному дому учинить имъ наказаніе *кошками* и на будущее время тѣмъ командированнымъ по очереди десятскимъ и обывателямъ завсегда подтвержать накрѣпко, чтобъ они при Оперномъ домѣ являлись и безъ приказанія до окончанія въ немъ дѣйствія и переклички собою никуда не отлучались подъ штрафомъ жесточайшаго наказанія. Предписывалось также на то время поставить пикеты, которымъ имѣть за холопьями крѣпкій присмотръ и если кто будетъ озартовать, такихъ безотмѣнно брать подъ караулъ, въ чемъ должны всевозможно помогать полиціи и пріѣзжающіе господа, подтверждая каждый людямъ своимъ, чтобъ такихъ наглостей и своевольствъ отнюдь не было. При входѣ въ Оперный домъ былъ выставленъ публичный указъ съ изъясненіемъ, какія наказанія за какія дерзости по указамъ чинить велѣно. Любопытно, что господинъ Муромцевъ, кучеръ котораго одинъ изъ всѣхъ за свою продерзость попалъ подъ караулъ, жительство имѣлъ въ собственномъ домѣ за Калужскими воротами на Шаболовкѣ, въ приходѣ Св. Троицы. Вотъ откуда, изъ конца въ конецъ Москвы ѣзжали въ театръ къ Красному пруду.

Объ этомъ Оперномъ театрѣ Ягана Бабдиста Лакотели находимъ новыя свѣдѣнія.

28 Апрѣля 1758 года изъ Правительствующаго Сената въ Глав-

ную Полицеймейстерскую Канцелярію былъ присланъ указъ, въ которомъ сообщалось, что 27 Апрѣля „Ея Импер. Величество Всемилостивѣйше изволила указать: находящемуся при Дворѣ Ея Имп. Величества Итальянской Комической Оперы содержателю Локателлю дозволить имѣть въ Москвѣ Оперный домъ изъ его кошту для представленія смотрителямъ комическихъ его сочиненій Оперъ и для построенія того Опернаго дому отвесть ему пристойное мѣсто и при томъ для свободнаго ему того дому содержанія и представленія въ ономъ Комическихъ оперъ дать ему привиллегію“.

Сенатской въ Москвѣ Конторѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, чтобъ въ скорѣйшемъ (времени) удовольствовать Локателли отводомъ мѣста для театра и въ томъ чинить ему надлежащее вспоможеніе.

29 Апрѣля Московской Полицеймейстерской Канцеляріи предписывалось учинить немедленно въ самой скорости исполненіе во всемъ въ силѣ объявленнаго Высочайшаго Указа, и что учинено будетъ, немедленно рапортовать.

Мѣсто было отведено въ 9 Командѣ за Красными воротами за Землянымъ городомъ близъ Артиллерійскаго Полеваго двора (на мѣстѣ котораго теперь вокзалъ Николаевской желѣзной дороги) у Краснаго пруда, но гдѣ именно, пока, за неимѣніемъ плановъ, неизвѣстно.

Локателли спѣшилъ и въ Маѣ уже началъ строиться, заключивъ съ Московскимъ купцомъ Ив. Носовымъ контрактъ на эту постройку.

Между тѣмъ Управленіе Полеваго Двора, увидѣвъ возлѣ себя сооружаемое обширное деревянное зданіе, возбудило по этому предмету переписку, находя что „то мѣсто Полиціею отведено не въ дальности Артиллерійскаго Полеваго Двора, а понеже на ономъ дворѣ артиллерія и ея принадлежностей содержится не малое число, иногда же случаются и огнестрѣльныя вещи, и егда тотъ домъ построенъ будетъ, то отъ огня крайняя опасность состоять имѣетъ“, а потому требовало, „дабы за видимою къ Полевому Двору отъ пожарнаго случая, отъ чего Боже сохрани, опасностію строеніе показаннаго Опернаго дому на отведенномъ мѣстѣ, запретить, а отвесть въ другомъ безопасномъ мѣстѣ, чрезъ чтобъ миновать опасности, а въ Москвѣ и кромѣ вышеписаннаго имѣется, какъ за Стрѣтинскими воротами, за Землянымъ городомъ, близъ Ямской Переславской и прочихъ порозныхъ мѣстъ довольное число“.

Главная Полицеймейстерская Канцелярія, получивъ 14 Іюня

изъ Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи сіи *резоны* приняла ихъ во вниманіе и 16 Іюня предписала Моск. Полиціи отвесть другое порозжее мѣсто близъ Ямской Переяславской или въ другомъ гдѣ способномъ мѣстѣ. Но было уже поздно. Строеніе Локателли росло не по днямъ, а по часамъ и должно было въ полной готовности выстроиться не позже Сентября того года.

Локателли въ Петербургѣ тоже не дремалъ да и дѣло для него было явно несправедливое и очень убыточное. Іюля 7 Главная Полиц. Канцелярія получила отъ Генералъ Адъютанта Генералъ-Фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина сообщеніе, что „Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что данное въ Москвѣ отъ Полицеймейстерской Канцеляріи Комедіанту Локатели подъ строеніе Оперного дому мѣсто, на которомъ онъ и строиться уже началъ, она, Полиція, обратно отбираетъ, черезъ что ему немалый убытокъ слѣдуетъ, того ради Всемилостивѣйше указать соизволила оного мѣста у него Локателя не отнимать, а то и зачатое достроивать ему дозволить".

Контрактъ на постройку, какъ упомянуто, былъ заключенъ еще въ Маѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ это было первое обширное зданіе театра, выстроенное самимъ антрепренеромъ и въ послѣдствіи поступившее, какъ публичный театръ, въ вѣдомство Московскаго Университета, то содержаніе этого контракта, знакомящее вообще съ устройствомъ зданія, заслуживаетъ вниманія и потому мы приводимъ его съ нѣкоторыми сокращеніями.

„1758 году Маія дня Московской 2 гильди купецъ Алексѣй Ануфріевъ сынъ Носовъ договорился я съ г-мъ директоромъ Комической оперы Лакотелемъ въ томъ, что сдѣлать мнѣ на показанномъ мѣстѣ оперной домъ, а имянно: 1) оной оперной домъ сдѣлать изъ еловаго лѣсу брусчатой, длиною на 32-хъ саж., въ ширину на 15 саж., вышиною отъ стульевъ 13 арш.; 2) подъ оной домъ, какъ подъ стѣны, такъ и подъ переводы поставить стулья сосновыя, обозженыя, до материка, сколько подъ все строеніе потребно будетъ; стѣны мшить мохомъ; нарубя оныя стѣны, поставить ко всѣмъ стѣнамъ столбы и укрѣпить оныя стѣны желѣзными болтами, дабы выпучить не могло; 3) потолокъ сдѣлать, какъ надъ театромъ, такъ и надъ всѣмъ домомъ подборчетой и подшить тесомъ, и верхъ потолоку сдѣлать шпренгели и въ стропила вязку, дабы можно потолокъ весь укрѣпить желѣзомъ; 4) стропилы сдѣлать подъ крышку брусчатыя и вязкою такою, какъ показано будетъ, дабы ко онымъ потолокъ можно было привезать, и покрыть

по тѣмъ стропиломъ въ два теса и тотъ тесъ дорожить и подъ спаи класть дрань струженку; и въ крышкѣ сдѣлать слуховыя окны, сколько показано будетъ; 5) внутри оперного дому сдѣлать полы и для театра полъ сдѣлать выше, какъ показано будетъ, гладкія, и лѣсъ употреблять доброй; въ партерахъ сдѣлать скамьи; 6) сдѣлать въ два апортомента ложи съ раздѣленіемъ, въ каждую дабы ходъ особой былъ и въ нихъ сдѣлать скамьи; 7) въ верхнемъ апортоментѣ ложъ не дѣлать, а поставить галлерею и сдѣлагь скамьи; 8) оконъ сдѣлать сколько показано будетъ и величиною по показанію, и воставить въ нихъ окончины съ стеклами; 9) и все то строеніе дѣлать и укрѣплять желѣзомъ и вязку стропильную сдѣлать и все раздѣленіе внутреннее, какъ то пристойнея будетъ оперному дому, по показанію архитекторскому и ево г. Лакотеля; а на укрѣпленіе желѣзо употреблять Сибирское мяхкое; 10) печей сдѣлать числомъ 4 кирпишныя; снаружи оного оперного дому и подъ партерами провести каналы, въ которыхъ будетъ проходить дымъ съ поворотами, и въ партеръ и на театръ вывести душники, и на трубахъ сдѣлать шатрики изъ листовова желѣза съ флигорями, дабы могли поворачиватца и защиту дѣлать отъ вѣтру въ ходѣ дыму.

„Внутри оного дому сдѣлать 1 печь кирпичную. А до краски и до письма, какъ внутри, такъ и снаружи, мнѣ Носову дѣла нѣтъ. Выходовъ изъ оного дому оперного сдѣлать, сколько показано будетъ, такожъ и лѣстницъ въ такомъ расположеніи, дабы одинъ входъ другому не препятствовалъ. Снаружи оного оперного дому сдѣлать два подъѣзда. При ономъ же оперномъ домѣ сдѣлать въ въ отдѣлени въ пристойномъ мѣстѣ комнаты для житья ему Лакотелю, а имянно 4 комнаты, 5-ю залу и при нихъ кухню и пристойное число сѣней и протчія надобности, длиною на 5-ти, поперегъ на 3-хъ саж.; полы и потолоки дѣлать дощатыя и 2 печи сдѣлать изращатыя и окончины съ стеклами; крышку въ 2 теса съ подкладываніемъ подъ спои драни. И все то строеніе, какъ оперной домъ, такъ и ево г. Лакотеля, сдѣлать мнѣ Носову изъ своихъ матеріаловъ по показанію архитекторскому и ево г. Лакотеля къ будущему сего жъ году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. А рядился я Носовъ за оное строеніе взять по договору съ него г. Лакотеля денегъ 7500 руб., а напередъ взять мнѣ Носову въ задатокъ 1000 руб., а впредь брать мнѣ деньги, смотря по работѣ безостановочно".

Какъ всегда бываетъ, постройка противъ условленной смѣты потребовала нѣкоторыхъ измѣненій и потому превысила опредѣ-

ленную въ контрактѣ сумму. Дабы вѣрнѣе узнать цѣну прибавочныхъ работъ сверхъ контракта, Локателли обратился къ начальнику Москвы князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому съ просьбою о приказаніи кому надлежитъ осмотрѣть и оцѣнить вновь выстроенное зданіе, что и было поручено архитектору Князю Дм. Ухтомскому 29 Декабря 1758 г.

Оказалось, что „сверхъ контракта тотъ домъ построенъ длиною вмѣсто 32 на 35 саженяхъ, шириною вмѣсто 15 на 12 саж. высотою вмѣсто 13 арш. на $18^1/_2$ аршинъ, за которое излишнее строеніе матеріалами и работою по истинной смѣтѣ слѣдуетъ заплатить 1849 р. 75 коп. Прибавка высоты на $5^1/_2$ аршинъ произведена, какъ можно полагать, для устройства третьяго апартамента ложъ, какъ это будетъ видно далѣе.

Въ Генварѣ 1759 года все уже было готово къ открытію театра и 19 Генваря во вторникъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Локателли увѣдомлялъ публику, что начнетъ свои представленія на будущей недѣлѣ, то есть послѣ 24 числа. Между тѣмъ 20 Генваря изъ Сенатской Конторы въ Моск. Полицм. Канцелярію посланъ былъ указъ съ изложеніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

„Сего Генваря 18 дня 1759 году въ Собраніи Прав. Сената Конторы, дѣйствительной тайной совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ объявилъ полученное имъ отъ генералъ фельтмаршала сенатора и кавалера Александра Борисовича Бутурлина письмо, въ которомъ написано: что имѣетъ быть въ Москвѣ театральное оперное произведеніе и директоръ оного г. Лакатели проситъ, чтобъ, по иностранству его, обидъ никакихъ ему показывано не было, а какъ Ея Имп. Величеству не безъизвѣстно уже, что бывшему въ Москвѣ агличанину балансеру Штуарту Бержу во время его дѣйствія отъ боярскихъ людей причинены были своевольствы, того ради, дабы таковые не могли и ему Лакотели показаваны быть, Ея Имп. Величество Всемилостивѣшая Государыня повелѣла ему генералъ фельтмаршелу о томъ въ Москву писать и тѣмъ письмомъ рекомендовано, дабы оной Лакотели въ протекци его тайного дѣйствительного совѣтника состоялъ и въ пристойныхъ требованіяхъ удовольствованъ былъ.

„Что касается до дачи въ тотъ домъ караулу, о томъ отъ него генералъ фельтмаршала генералъ маіору и Московскому Камendанту царевичу Грузинскому ордеръ данъ. И тогожъ числа оной Лакотела въ Сенатской Конторѣ поданнымъ доношеніемъ объявлялъ о позволеніи въ продажѣ ему Лакотелю кофе, чая, пуншта

и прочихъ напитковъ, и что означенные пуншты дѣланы будутъ изъ араку, изъ Французской водки, кои покупать онъ будетъ на Каменномъ мосту (на Винномъ Дворѣ) и у Московскихъ купцовъ, у кого оныя покупкою достать можетъ, и притомъ просилъ, чтобъ позволено было при томъ домѣ продавать вейновую водку и всякія виноградныя вины, аглинское пиво, также кофе, чай, шикаладъ, и всякія фрукты и конфекты. И по указу Ея Имп. Величества Правительствующаго Сената Контора приказали: оному Лакотели въ продажѣ вейновой водки и всякихъ виноградныхъ винъ, аглинского пива, кофе, чаю, шакалату и всякихъ фруктовъ, и конфектовъ позволить; а что касается до пуншта изъ Французской водки и изъ араку и объ ономъ Каморъ Коллегіи, справясь съ указами, разсмотрѣть, непротивноль будетъ въ томъ ему позволеніе дать, и по разсмотреніи въ Сенатскую Контору представить въ скорости. И о томъ въ тое Коллегію, такъ же и къ здѣшнему Каменданту царевичу Афанасію Грузинскому о удовольствованіи означенного Лакотели военнослужителями послать указы (и посланы). А какъ онъ Лакотели предъ собраніемъ Сенатской Конторы объявилъ, что оперы у него на будущей недѣлѣ начнутся, то бъ въ такомъ случаѣ, дабы во время того показанія отъ боярскихъ и другихъ чиновъ отъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей, такъ какъ и прежде чинено было, во избѣжаніе того Московской Полиціи опредѣлить отъ себя изъ полицейскихъ оберъ офицеровъ человѣка состоянія добраго и съ нимъ изъ соцкихъ и десяцкихъ пристойное число, которымъ накрѣпко подтвердить вышеписанныхъ непристойностей смотрѣть и какъ ему оберъ офицеру притомъ поступать, дать отъ оной Полиціи наставленіе; а въ предупрежденіе тѣхъ непристойностей во всѣ Полицейскія команды дать знать, а изъ оныхъ обывателямъ объявить съ подписками, когда кто на оныхъ операхъ будетъ, то бъ они находящимся при нихъ служителямъ своимъ накрѣпко подтвердили, чтобъ они въ бытность при томъ Оперномъ домѣ никакихъ озорничествъ и непристойности не дѣлали подъ опасеніемъ за то учиненію наказанія по указамъ, и въ томъ за показанною подпискою не иной кто, какъ тѣ ихъ помѣщики отвѣтствовать будутъ. А Лакотелю объявлено: когда у него оперы будутъ о томъ бы въ Полицію отъ себя сообщалъ заблаговременно".

27 Января Локателли опять явился въ Сенатскую Контору съ доношеніемъ, что въ построенномъ имъ Оперномъ домѣ оперы начаться имѣютъ сего Генваря 29 числа и продолжать даже до Ве-

ликаго Поста, а во время показанія Оперъ надлежитъ необходимо быть при томъ домѣ для предосторожности отъ пожарнаго случая большой заливной трубѣ со всѣми принадлежностями и при той трубѣ надлежащему числу людей.

Исполняя всѣ эти приказы и требованія, Полиція сдѣлала слѣдующія распоряженія: 1) опредѣлила для надзора къ оперному дому полицейскаго поручика; 2) изъ каждой Команды къ 29 Генваря велѣла командировать по пяти человѣкъ десятскихъ, по очереди съ перемѣною, которые бъ были не малолѣтные и не престарѣлые, а поручику приказано смотрѣть и подчиненнымъ своимъ подтвердить накрѣпко, дабы отъ боярскихъ и другихъ чиновъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей; 3) въ силу Сенатскаго указа обывателямъ, въ знатныхъ домахъ управителямъ, а прочимъ самимъ объявить о томъ съ подписками, на которыя въ каждую Команду послано по двѣ дести бумаги; 4) командировать къ дому двѣ пожарныя заливныя трубы или отъ Командъ или отъ фабрикъ, какъ возможнѣе, чтобы Команды сами не оставались безъ трубъ. Къ трубамъ сверхъ того велѣно изо всѣхъ Командъ изъ обывателей командировать съ ведрами по 2, съ кошелями по 2, съ топорами по 2, со щитами по 2, съ лейками по 2 человѣка, по очереди. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было господскимъ людямъ возлѣ Опернаго дома огонь раскладывать.

И такъ открытіе Опернаго Публичнаго Театра Локателли послѣдовало 29 Генваря 1759 года.

Желая возвратить значительныя издержки на постройку Театра, Локателли всячески заботился о томъ, чтобы собрать возможно больше доходовъ съ своихъ представленій, къ которымъ однако Московская публика не обнаруживала особаго увлеченія.

Приходило праздничное и всегда разгульное время Масляницы, которая въ томъ году наступила 14 Февраля; Локателли не могъ не воспользоваться случаемъ и испросилъ разрѣшеніе дать въ своемъ театрѣ публичный *Маскарадъ*, но или самъ онъ опоздалъ въ своей просьбѣ или разрѣшеніе замедлилось, только сборы къ этому Маскараду начались не далѣе какъ за два дня до его открытія.

15 Февраля, уже въ понедѣльникъ на Масляницѣ, въ собраніи Сенатской Конторы Ив. Ив. Бахметевъ объявилъ, что отъ Дѣйствительнаго Камергера Ив. Ив. Шувалова получено письмо, въ которомъ написано: „Ея Импер. Величество изволила указать, чтобъ дозволить Локателли дать одинъ день маскарадъ на театрѣ“. Въ

томъ же собраніи Сената Локателли подалъ, какимъ образомъ и котораго числа тому маскараду быть, *объявленіе*. Сенатъ приказалъ это объявленіе черезъ Полицію сообщить тогожъ числа всѣмъ обывателямъ Москвы съ необходимымъ наказомъ крѣпко смотрѣть, чтобъ отъ боярскихъ и другихъ чиновъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей, а отъ обывателей взять о томъ подписки.

Маскарадъ былъ данъ 18 Февраля въ четвергъ на Масляницѣ. Разосланное при этомъ черезъ Полицію объявленіе обывателямъ знакомитъ насъ съ подробностями этого перваго въ Москвѣ Публичнаго Маскарада.

„По имянному Ея Имп. Величества указу дозволено сего Февраля 18 дня, то есть въ Четвергъ на Сырной недѣлѣ, имѣть публичной маскарадъ въ привилегированномъ Оперномъ домѣ Г. Лакотели. Чрезъ сіе во извѣстье объявляется, что желающіе во ономъ маскарадѣ быть имѣютъ, какъ дамы, такъ и ковалеры, съ персоны по 3 рубля за билетъ заплатить, и кто пожелаетъ брать на оной маскарадъ билеты, тѣ могутъ присылать за оными въ домъ Его Превосходительства камергера и гофмаршала барона Фонъ Сиверса, г-ну Лакотелю, или въ Оперной домъ, гдѣ получать могутъ тѣ билеты, но въ маскарадномъ платьѣ. Такожъ кто пожелаетъ пріѣхать на балъ и безъ маски, тѣ могутъ изъ ложъ компаніями смотрѣть, а въ партеры, такъ и на театръ, гдѣ въ маскарадномъ платьѣ танцуютъ, тѣ господа ходить не могутъ. И заплатя три рубли для лучшаго покоя онымъ отперты будутъ перваго этажа ложи, гдѣ они могутъ веселится однимъ зрѣніемъ.

А ежели кто пожелаетъ съ фамили взять ложу второго этажу, тотъ долженъ будетъ заплатить за ключь ложи два рубли, и сколько персонъ съ собою привезетъ, оные будутъ платить по 1 руб. съ персоны; должны быть безъ масокъ, веселится такожъ однимъ зрѣніемъ на протчихъ.

Въ третьемъ этажѣ зрители маскарада будутъ платить по 50 коп. съ персоны, такъ же безъ масокъ.

Воономъ же Оперномъ домѣ продаваться будетъ чай, кофе, шекаладъ, разные вина, вейнова разная водка, ликеры, пуншты, разные фрукты и канфеты и протчее.

Такъ же кто пожелаетъ кушать, тѣ за плату денегъ получить могутъ кушанье и столъ готовой на сколько персонъ кто изволитъ. Буде же кто пожелаетъ со особливою компаніею имѣть уженъ въ особливомъ покоѣ, тѣ могутъ наканунѣ оного дня, то есть въ сре-

ду договориться съ господиномъ Берлиромъ, и оному учинить приказаніе, то для нихъ на столько персонъ и кушанье изготовлено будетъ.

Чрезъ сіе жъ объявляется, что въ ономъ Оперномъ домѣ на разныхъ столахъ въ особливыхъ комнатахъ будутъ держать изъ наличныхъ денегъ банкъ Форо и ежели кто пожелаетъ въ сію игру веселиться, тѣ соизволятъ войти въ тѣ комнаты, гдѣ оные будутъ.

Притомъ будутъ особливо столы для разныхъ игоръ, то есть ломберъ, квинтичъ, пикетъ и протчее, для всѣхъ, кто въ какую игру играть пожелаетъ.

Весь театръ будетъ сдѣланъ такою пространною залою, что на ономъ могутъ не только безъ всякого утѣсненія, но съ довольнымъ покоемъ вмѣститца до 4000 персонъ; иллюминованъ такимъ образомъ, что хотя кто и танцовать не будетъ, но оныхъ довольно зрѣніе оной увеселить можетъ, ибо беспристрастно увѣрить можно, что такого украшенія достойно любопытнымъ людемъ смотрѣть и веселитца.

Во ономъ же домѣ имѣетъ быть лотарея, въ которой разныя вещи золотыя и серебряныя голантеріи, парцелинъ (фарфоръ) Саксонской.

И будетъ около 1000 билетовъ, въ томъ числѣ будутъ нѣкоторое число и пустыхъ; цѣна оныхъ состоятъ будетъ по 25 коп. а вещи въ оной будутъ стоить нѣкоторые до 200 рублевъ; всякой можетъ вынимать своими руками, которыхъ числомъ выигрывать могутъ всѣхъ вещей до 500 билетовъ; а по припорціи и пустыхъ положено билетовъ.

Для будущаго маскарада содержатель оного Г. Лакотели продавать будетъ маски и разные италіанскіе натуральные цвѣты дѣланные; притомъ имѣть будетъ разныхъ сортовъ маскарадныя платья, и такъ ежели кто пожелаетъ взять на время въ наемъ, тѣ могутъ о цѣнѣ, и давъ обязательство, получить у Г. Лакотели тѣ платьи съ такимъ договоромъ, чтобъ оное на другой день возвратить во всякой цѣлости, для того что Маскараду дозволено быть только одинъ день; а маски продаваться будутъ, ежели кто купить пожелаетъ, въ домѣ жъ Б. С. (Барона Сиверса).

Содержатель оного маскарада тѣмъ льститъ, что вся публика добрымъ оного порядкомъ будетъ довольна, но притомъ со всеглубочайшимъ почтеніемъ оной содержатель всѣхъ проситъ, чтобъ никакого замѣшательства, ссоръ или какого шуму тутъ сдѣлано не было.

Всѣ кто будутъ находиться въ маскахъ и въ маскарадномъ

платьѣ, тѣ могутъ входить на мѣсто, гдѣ будутъ танцовать, но и притомъ знать должно, что въ самыхъ подлыхъ платьяхъ маски на оное мѣсто впусканы быть не имѣютъ.

А съѣздъ будетъ на оной маскарадъ къ Оперному дому—послѣ полудни въ 7-мъ часу вышеписанного числа".

По малому времени, какое оставалось ко дню открытія Маскарада, конечно, далеко не всѣ желающіе обыватели могли къ нему приготовиться и потому едвали этотъ первый публичный балъ былъ удаченъ для доходовъ содержателя и строителя Опернаго дома, тѣмъ болѣе, что позволено было только одинъ разъ дать Маскарадъ. Локателли жаловался вообще на малое число зрителей и въ оперныхъ представленіяхъ и очень надѣялся выручить свои издержки покрайней мѣрѣ на маскарадахъ, почему и выпросилъ разрѣшеніе давать ихъ съ осени во всю зиму. Они и начались съ 31 Октября того же 1759 года. Однако не помогли и маскарады и оперистъ года черезъ три оказался совершеннымъ банкротомъ.

Въ Генварѣ 1761 года, какъ видѣли, самое зданіе театра потерпѣло отъ нападенія боярскихъ холоповъ.

Въ это время театръ Локателли, вполнѣ или на половину, неизвѣстно, но перешолъ *подъ протекцію* Московскаго Университета, который 29 Апрѣля 1761 г. въ указѣ Московской Полиціи о полицейскомъ надзорѣ во время представленій, писалъ слѣдующее: „Понеже Россійскій (т. е. не итальянскій оперный) Московскій театръ, который представляется въ Оперномъ домѣ Оперы Директора Локателли, находится подъ протекціей Университета и въ случаѣ публичныхъ представленій, которыя бываютъ по два раза въ недѣлю, то есть въ среду и въ воскресенье, потребна для охраненія отъ опасностей полиціейская команда, того ради опредѣлено требовать, чтобъ для всякой предосторожности во время публичнаго представленія, какъ нынѣ, такъ и впредь присылать изъ Полиціи офицеровъ съ пристойною командою и пожарною трубою". Вѣроятно, оперы, а также и маскарады по прежнему оставались въ особомъ завѣдываніи Локателли.

Въ послѣдующіе годы 1762 и 1763 его публичные маскарады такъ и прозывались *Локателевыми*, быть можетъ, въ отличіе отъ другихъ, которые открывались и другими хозяевами, въ другихъ мѣстахъ города, напр. въ 1763 г. осенью на Срѣтенкѣ у Введенія.

Въ 1765 г. совсѣмъ на другомъ концѣ города, на Дѣвичьемъ Полѣ, былъ построенъ театръ и для простаго народа, такъ сказать, народный и притомъ безплатный. Построенъ онъ былъ

по Высочайшему повелѣнію на средства Полицейместерской Канцеляріи, которая, получая 2000 р. на особые полицейскіе расходы, изъ этой суммы и покрывала всѣ издержки по устройству и содержанію этого театра. Въ Іюлѣ, 21 числа этого года „за построеніе на Дѣвичьемъ полѣ для народнаго увеселенія къ представленію комедіевъ и интермедіевъ театра и протчего Московскому купцу Максиму Мушникову выдано 190 рублей, да за написаніе на щитѣ ланшафта съ пристойною къ тому амблемою живописцу, дому Надв. Сов. Воейкова человѣку Семену Андрееву 35 р.; а 26 Іюля на наемъ игроковъ и музыкантовъ выдано полицейскому поручику Ремезову 40 р. Кромѣ того издержано на комедіанскій уборъ и разный къ оному прикладъ 19 р. 93 к., да портному мастеру дано 12 р. 41 к."

Съ этого дня 26 Іюля и начались представленія, какъ можно заключить изъ того, что съ этого числа послѣдовала выдача платы музыкантамъ и игрокамъ. За 10 дней музыканты получили 20 р., игроки комедіанты 21 р. 25 коп. Кромѣ того поручикъ Семенъ Посниковъ выдалъ имъ же 39 р. 75 к. Повидимому вначалѣ должность антрепренеровъ исполняли полицейскіе поручики и нанимали игроковъ по вольной цѣнѣ.

Представленія давали съ Ѳомина воскресенья только по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ, сначала до 1 Октября, а потомъ до 1 Сентября. Театръ былъ открытый; и сцена и зрители помѣщались на вольномъ воздухѣ, почему во время дождя представленій и не было. Сцена была устроена живописными по холсту ширмами-декораціями, и весь партеръ состоялъ изъ лавокъ, обнесенныхъ вокругъ всего театра на столбахъ бревнами. Кто и гдѣ желалъ, тамъ и садился. Денегъ не брали и комедіантамъ было строго запрещено ни подъ какимъ видомъ не требовать и не брать денегъ.

Въ 1769 г. съ Ѳоминой недѣли является уже антрепренеръ, Гофъ-Интендантской конторы уволенный отъ дѣлъ канцеляристъ Ив. Ив. Скорняковъ, съ которымъ Полиція заключила договорный контрактъ „въ томъ, что въ силу имяннаго Высочайшего повелѣнія для народнаго въ Москвѣ увеселенія, на построенномъ отъ Полиціи на Новодѣвичьемъ полѣ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ показано будетъ, содержать ему съ компаніею актеровъ вольно-желательными разныхъ чиновъ людьми камедіанскіе увеселительные дѣйствущіе представленія и интермедіи и курьезные шпрынгмейстерскіе дѣйствы, въ лѣтнее время, въ воскресные, праздничные и торже-

ственные дни и съ подлежащей къ тому театру трубною или валторною позывкою, а временемъ и съ битьемъ при томъ въ литавры, такожъ хоромъ, музыкою и съ инструментами ихъ за договорную плату, за каждый представлятельной на театрѣ комедій день, за все оное по 10 рублевъ, ежели имѣетъ быть хорошая, а не дождливая погода, во все лѣтнее время по день Покрова Пресв. Богородицы; начинать представленіе по полудни въ третьемъ, а оканчивать въ 6 часовъ по полуднижъ; позывку къ тому для собиранія народу музыкантамъ на трубахъ или валторнахъ напреди начинать въ началѣ перваго часа по полудни и продолжать до начинанія на театрѣ комедій; и содержать для того представленія камедей компанію актеровъ, шпрынгмейстеровъ и парукмахеровъ всего не менѣе 12 челов., такожъ хоръ и музыкантовъ и трубачей со инструментами ихъ до 8 челов.; плату ему получать безъ всякаго удержанія по окончаніи на театрѣ дѣйствующаго тогожъ дня представленія; а притомъ надлежитъ напредъ выдать ему за три дня 30 руб. на обзадачиваніе напредъ актерамъ, парукмахерамъ и музыкантамъ, чтобъ они къ тому дѣйствію комедіевъ были тверды и надежны и остановки бъ ни въ чемъ и ни какой не учинили, въ чемъ имѣетъ онъ заключить съ ними договорные контракты; во время на томъ театрѣ дѣйствіевъ комедей, для прекращенія отъ зрителей шумства, ссоръ, дракъ и грабежа, удовольствовать его пристойною командою, также и подлежащимъ къ дѣйствію комедіантскимъ платьемъ и протчимъ, что къ тому нужно будетъ по его требованію безостановочно". Такой контрактъ написанъ былъ и въ Мартѣ 1770 года.

Въ 1769 году Скорняковъ получалъ уплату тоже по контракту, согласно изложеннымъ условіямъ, и получилъ за 33 дня 330 р.

Отъ полиціи предписано наблюдать, чтобы какъ онъ Скорняковъ, такъ и протчіе комедіанты съ зрителей денегъ ни подъ какимъ видомъ не требовали и не брали, и чтобъ противъ закону и непристойныхъ комедей отнюдь представляемо не было; во время жъ представленія комедіевъ на театръ смотрителей отнюдь никого не пускать.

Въ 1770 г. театръ отъ времени, а больше отъ дождей и непогодъ пришелъ въ ветхость: около театра надолбы и лавки многія подгнили и обвалились и съ передней стороны на самомъ театрѣ ширмы живописныя сгнили и отъ вѣтровъ изорваны, такъ что необходимо было сдѣладь ихъ вновь и со всею живописною работою, а остальное возобновить починкою, почему составлена

была смѣта на 86 р. 20 к., по которой требовалась 60 бревенъ длиною 9 арш., 46 досокъ длиною 9 арш. толщиною въ 1½ вершка, 200 арш. холста, за работу живописцамъ 35 р. и пр.

Былъ ли театръ возобновленъ, намъ неизвѣстно, но Скорняковъ по уговору дѣйствовалъ въ свои дни: 18, 21, 25 Апрѣля; 2, 9, 13, 16, 23, 24, 30 Мая; 6, 13, 20, 27, 28, 29 Іюня; 4, 8, 11, 18, 25, 28 Іюля; 1, 6, 8, 16, 29, 30 Августа и Сентября 5 и 8. По видимому до 1 Октября дѣйства уже не продолжались, должно быть по той причинѣ, что въ это время послѣдовало уже распоряженіе: на наемъ комедіантовъ съ музыкантами и на разные при театрѣ исправленія употреблять во все лѣто каждый годъ не болѣе 300 р., а потому и представленія давать только отъ половины Апрѣля по 1 Сентября.

Съ наступленіемъ весны 1771 г. главный начальникъ Москвы графъ П. С. Салтыковъ повелѣлъ театръ и представленія на немъ комедій отдать въ лутчее смотрѣніе полицейскому поручику Семену Дан. Посникову, которому и положенную на содержаніе театра сумму 300 р. выдавать по мѣрѣ надобности, а представленіе комедій начать Мая съ 1 числа на прежнихъ условіяхъ, о чемъ и состоялся приказъ Полиціи 29 Апрѣля. Тогда же было предписана выдать Посникову на первый случай 50 руб..

Распоряженія о народномъ увеселеніи шли своимъ чередомъ, а между тѣмъ въ это самое время въ разныхъ мѣстахъ города и особенно между фабричными на Суконномъ дворѣ за Каменнымъ мостомъ мало по малу уже распространялась моровая язва. Въ томъ же Апрѣлѣ уже устроивались карантины и заставы; но въ городѣ мало кто вѣрилъ, что приходитъ настоящій моръ; всѣ думали, что умираютъ больше всего обыкновенною горячкою. Однако въ Іюлѣ вдругъ стали вымирать уже цѣлые домы. Становилось очевиднымъ, что объ увеселеніяхъ помышлять уже невозможно. Намъ неизвѣстно, было ли хотя одно представленіе съ 1 Мая, но можно предполагать что въ видахъ успокоенія всенародной публики представленія давались по крайней мѣрѣ въ теченіи Мая и Іюня. Послѣ мора этотъ народный театръ кажется уже не возобновлялся.

Въ 1765 году въ домѣ ея превосходительства Вѣры Борисовны Лопухиной, во 2-й Командѣ, съ воскресенья второй недѣли Великаго Поста начали производить *концерты* Итальянцы Бельмонтій и Сантиній, по воскресеньямъ и четвергамъ. Какъ Москвичи приняли это новое удовольствіе, видно изъ суммы сборовъ за эти кон-

церты, которые по днямъ расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на второй недѣлѣ поста въ воскресенье было собрано 14 рублей, въ четвертокъ 5 р.; на третьей недѣлѣ въ воскресенье 17 р., въ четвертокъ 1 р.; на четвертой средокрестной недѣлѣ въ воскресенье 11 р., въ четвертокъ въ сборѣ ничего не имѣлось; на пятой недѣлѣ въ воскресенье 23 р., въ четвертокъ 3 р., причемъ по новому установленію слѣдовало еще отдавать четвертую долю сбора въ новоучрежденный Воспитательный Домъ.

Впослѣдствіи Ив. Ив. Бельмонтій является содержателемъ театральныхъ зрѣлищъ въ особомъ имъ построенномъ на свой счетъ деревянномъ театрѣ на Знаменкѣ, по договору и контракту, въ наемномъ домѣ генералъ аншефа Романа Илар. Воронцова. Этотъ театръ былъ построенъ въ 1769 году, когда Бельмонтіемъ въ товариществѣ съ итальянцемъ же Чути была взята и привиллегія на 5 лѣтъ.

Белмонтій померъ 14 Марта 1772 г., оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей Антона и Александра и отказавъ по духовному завѣщанію все имущество и театръ съ разными машилами, гардеробомъ и всякими къ театру принадлежащими крупными и мелкими вещами, въ опеку своей свояченицѣ мамзели Терезѣ Адамовнѣ Бахнеровой. При утвержденіи его духовной онъ наименованъ танцмейстеромъ Московскаго Театра а въ духовной между прочимъ онъ обозначилъ, что выѣхалъ въ Россію лѣтъ 14 тому назадъ, слѣдовательно въ 1758 году, быть можетъ по вызову Локателли.

Въ числѣ его должниковъ по векселямъ и роспискамъ находились: Графъ Мих. Ѳед. Апраксинъ 100 р. и 80 руб. по договору за наемъ ложи; Оберъ-архитекторъ Розберхъ 200 р.; Марья Еропкина 50 р.; бывшая актриса Татьяна Афремова 100 р., князь Петръ Гагаринъ 30 р., Алеасандръ Петровичъ Сумароковъ по векселю 350 р. и по роспискѣ 50 р.

По смерти Белмонтія тетка малолѣтнихъ его дѣтей, баронша Де-Мота, „предпріяла въ пользу ихъ приступить къ содержательству по упомянутой привиллегіи театра“, для чего приняла въ товарищи преміеръ-маіора Матв. Герасим. Окулова.

Въ 1773 г. Де-Мота продала свою половину содержательства и привиллегію Губернскому Прокурору Кн. Петру Вас. Урусову. Затѣмъ и Окуловская половинная часть содержательства дошла по уступкѣ иностранцу Гротію, который по нѣкоторымъ приватнымъ обязательствамъ съ кн. Урусовымъ принялъ на себя одинъ имя содержателя театра. Однако Воспитательный Домъ, собирав-

шій четвертую часть театральнаго дохода, за неустойками въ платежѣ Гротія, привлекалъ къ отвѣтственности все того же кн. Урусова. Гротій, не внося слѣдуемыхъ денегъ, жаловался на то, что въ это время былъ открытъ Дворянскій Клубъ, который въ теченіи болѣе чѣмъ цѣлаго года своими маскарадами отвлекъ все дворянство отъ его Гротіевыхъ маскарадовъ, а онъ именно только маскарадами и балами и надѣялся возмѣщать всегдашніе убытки отъ театральныхъ зрѣлищъ.

Въ 1776 г. Іюня 15 истекъ уже и срокъ пятилѣтней привиллегіи этому театру. Тогда кн. Урусовъ снова принялъ на себя содержательство театра, выпросивъ предварительно привиллегію уже на 10 лѣтъ, которая и была дана 17 Марта 1776 года. Въ привиллегіи между прочимъ онъ обязывался черезъ пять лѣтъ построить на свой счетъ, на отведенномъ отъ Полиціи мѣстѣ, *каменный театръ*, при томъ съ такимъ наружнымъ убранствомъ, чтобъ служить могъ городу украшеніемъ. Конечно впереди всего содержатель требовалъ, чтобы „театральныя всѣхъ родовъ представленія, равножъ концерты, воксалы и маскарады открывать предоставлено было ему одному, а окромѣ его никакихъ подобныхъ сему веселій болѣе производить никому не дозволять". Всѣ эти требованія были утверждены главнымъ образомъ въ виду его обязательства построить каменный театръ, такъ какъ въ Москвѣ не было въ это время зданія для публичнаго театра и находился оный въ наемномъ и весьма неудобномъ мѣстѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ выдачи привиллегіи, 15 Іюня, кн. Урусовъ принялъ къ себѣ въ товарищи англичанина Михаила Медокса на ровныхъ половинахъ. Представленія продолжались все въ томъ же Знаменскомъ деревянномъ театрѣ, а между тѣмъ содержатели приступили уже къ постройкѣ Каменнаго театра на Петровкѣ на отведенномъ полиціею мѣстѣ въ приходѣ у Спаса въ Копьѣ.

Въ Февралѣ 1780 года Знаменскій театръ сгорѣлъ, отъ чего содержатели понесли наичувствительнѣйшее раззореніе, потому что Каменный театръ хотя уже и строился, но далеко не былъ еще готовъ. Черезъ мѣсяцъ, 31 Марта того же года, и Кн. Урусовъ по договору передалъ всѣ свои права по привиллегіи и все, что они въ двоемъ устроили, безъ малѣшаго возврата одному Медоксу.

Этимъ и закончилась исторія Бельмонтіева Знаменскаго театра, перешедшаго теперь къ Петровскому театру Медокса, который

вскорѣ выпросилъ себѣ новую особую привиллегію еще на десять лѣтъ, данную ему 6 Марта 1781 г.

Хотя мѣсто Знаменскаго театра было очень неудобно по своему положенію въ наемномъ домѣ, но оно было очень удобно вообще для дворянской публики, населявшей по преимуществу окружныя улицы: Пречистенку, Арбатъ, Никитскую, Тверскую. На такомъ же удобномъ мѣстѣ строился и Петровской театръ.

Ив. Забѣлинъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цѣна 4 руб.

Buchbinderei
Chr. Klostermayer
München

Sbornik Obščestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti na ... god

Bd.: 1891

1891

P.o.russ. 81 q-1891
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680331-8